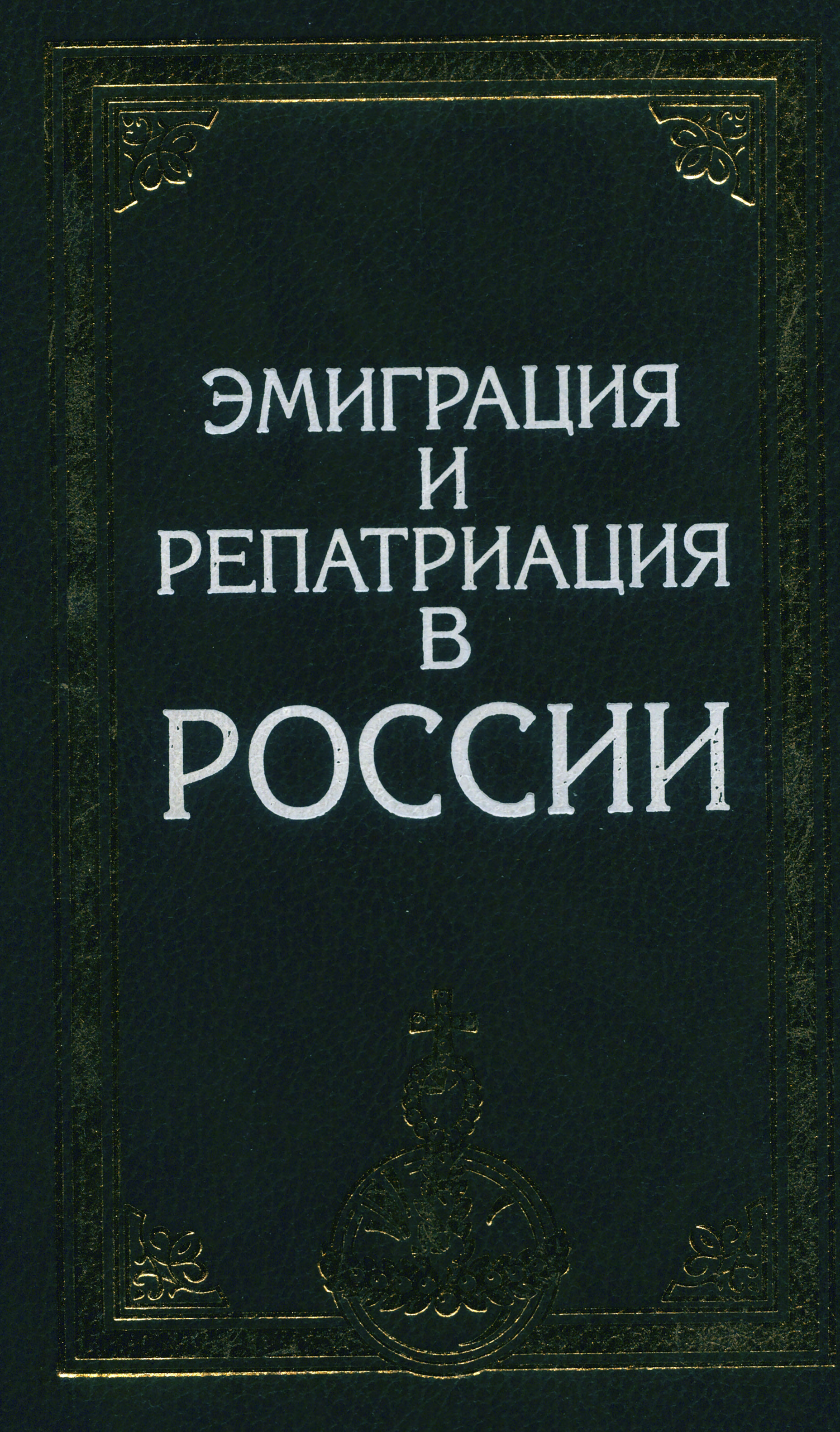
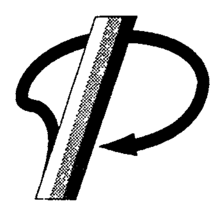
ЭМИГРАЦИЯ И РЕПАТРИАЦИЯ В РОССИИ

В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева,
М.В. Назаров, А.В. Окороков

Эмиграция и репатриация в России

МОСКВА
**ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
О НУЖДАХ РОССИЙСКИХ РЕПАТРИАНТОВ**
2001

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО О НУЖДАХ РОССИЙСКИХ РЕПАТРИАНТОВ

Эмиграция и репатриация в России. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. — 490 с.

Составитель и главный редактор А.А. Бондарев
В подготовке книги участвовали В.В. Холин и А.В. Попов

ISBN 5-901716-01-9

В книге представлен материал по теме «Эмиграция и репатриация в России» в четырех ее аспектах: 1) историческом; 2) социально-психологическом; 3) религиозно-философском и историософском; 4) экономико-политическом и демографическом.

Книга включает четыре раздела, каждый из которых подготовлен авторитетными учеными и писателями России, ведущими специалистами в областях истории, психологии, философии и экономики.

Несмотря на научно-публицистический характер, книга читается легко и увлекательно и предназначена не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами России и ее народа, которым не безразлична судьба России и которые хотят и могут послужить возрождению ее духовного и национального величия.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России.

Н.В. Гоголь

Далеко не каждый читатель, взявший в руки научно-публицистическую или религиозно-философскую книгу, утруждает себя чтением предисловия. Но вы, любезный читатель, бегущий сейчас по строкам этой части книги, называемой предисловием, разумеется, желаете поскорее узнать, что же кроется за названием книги — «Эмиграция и репатриация в России»? Что вкладывают авторы этой книги в понятия «эмиграция» и «репатриация»? Под каким «соусом» собираются они преподнести эти, столь неоднократно обсужденные в литературе, понятия?

Не будем испытывать вашего терпения

Итак, «эмиграция». По словарю В.И. Даля (2-е издание, 1880—1882): «Эмиграция — выселение, высел, переселение, выход на чужбину, в новое отечество». В словаре С.И. Ожегова (4-е издание, 1960) «эмиграция» толкуется так: «Вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам». (Вы заметили, спустя 80 лет уже появились «политические и экономические причины», которых не было в дореволюционном определении понятия «эмиграция», однако все еще нет «духовных и религиозных».) Однако это только лишь словарные определения. Смысловые же определения понятий «эмиграция» и «эмигрант» в наше время еще более размыты. Для одних «эмигрант» — это предприниматель, искатель счастья и приключений, для других это неудачник, спасающийся бегством от своей же собственной жизни, есть и такие, которые считают эмигрантов просто «предателями» Родины.

«Репатриация» — еще более «экзотическое» понятие. В словаре С.И. Ожегова оно трактуется как «возвращение на родину военнопленных, гражданских пленных, беженцев, переселенцев», а в словаре В.И. Даля оно просто отсутствует.

Разумеется, мы не собираемся проводить филологические исследования слов «эмиграция» и «репатриация». Весь вышеизло-

женный филологический экскурс мы привели только с одной целью — чтобы показать, что даже на уровне словарных определений в понятиях «эмиграция» и «репатриация» не существует однозначности. Смысловое же и понятийное определение этих слов еще более туманно.

И это на фоне того, что, по разным данным, за пределами дореволюционной границы России проживает от 15 до 20 миллионов русских эмигрантов и их потомков, а распад СССР (1991 год) выбросил за пределы нынешней территории России еще около 25 миллионов русских или, по крайней мере, в два раза больше россиян. И это на фоне материальной нищеты подавляющего большинства коренного населения России, обусловленной утечкой капиталов за ее пределы, ежегодный отток которых, по состоянию на 2001 год, составил 20 млрд долларов. И это на фоне увядания российской науки, культуры и искусства, обусловленного «утечкой мозгов».

Мы постоянно говорим о демографическом кризисе, о том, что сокращение численности населения России в 90-е годы в среднем составляло более 750 тысяч человек, и в то же время мы упорно не хотим замечать не просто громадного, а уже сопоставимого с текущей численностью населения России количества зарубежных соотечественников. Мы продолжаем упорно замалчивать причины, побуждающие коренное население России уменьшаться (не только «от водки и от простуд»). Наконец, мы стали «стесняться» говорить о том, что Россия — это страна, на территории которой проживает около 85% коренного русского населения, что национальная специфика России, как и любой страны, определяется именно коренным населением страны. Мы почему-то замалчиваем вопрос о главенствующей роли национального самоопределения народа в вопросе общего благосостояния государства. Мы почему-то стали стесняться того, что мы русские люди, или стали забывать и не придавать этому никакого значения. Да и вообще в погоне за «его величеством долларом» мы просто обесценили понятие человека, а высшей ценностью государства стали материальные ценности.

Так вот, давайте поговорим о том насущном, без которого нельзя ни обустроить, ни наладить нормальную жизнь в любой стране. Давайте поговорим о нас с вами, о РОССИЯНАХ. Давайте поговорим о ГОСУДАРСТВЕ, в котором мы живем, и о том, каким образом нам его обустроить. Давайте на время забудем о том, что Россия богатейшая страна в мире по количеству природных ресурсов, и поговорим о ЧЕЛОВЕКЕ как величайшей ценно-

сти любого государства (да, да — величайшей!), а не о нефти, газе или алмазах (с бриллиантами) и уж тем более не о сомнительных технократических достижениях, которые могут быть лишь дополнением к Богом данной нам жизни.

Доколе мы будем замалчивать, что главное национальное достояние России — это ее люди, выработавшие на протяжении многовековой истории уникальные и высочайшие по своему развитию культуру, науку и искусство? Доколе мы будем замалчивать, что Россия — это страна, исконной религией которой было Православие, и что все ее достижения опирались на православную веру, а все ее неудачи и катастрофы связаны с отступлением от Православия? Доколе мы не будем замечать простой истины, что, только объединившись в едином стремлении всех россиян к укреплению российской государственности и Российского государства на основе Православия, мы сможем обеспечить должный уровень жизни и достойное духовное существование каждого отдельного гражданина?

Читатель вправе задать вопрос: а что же делать представителям других религиозных конфессий, проживающих на территории России? Разумеется, мы не собираемся утверждать что-либо обратное тому, что «все религиозные конфессии, действующие на территории России, имеют право на существование» в соответствии с законодательством РФ. И в данной книге мы не ставили себе целью проанализировать или сопоставить преимущества или недостатки той или иной религии. Мы говорим только о том, что Православие — исконная религия подавляющего большинства российского населения, определяющего национальную специфику страны.

Итак, почему же все-таки «Эмиграция и репатриация в России», если мы говорим о единении всех россиян в стремлении к укреплению российской государственности и Российского государства на основе Православия? Ответ простой. Да потому, что около 30 процентов россиян (или их потомков) живет за пределами России. Да потому, что россияне, вытолкнутые за пределы своей Родины в результате глобальных исторических катаклизмов XX века, являются неотъемлемой частью национального достояния России. Глупо замалчивать тот факт, что в большинстве своем это наиболее образованная, духовно богатая, патриотически настроенная, обогащенная знаниями передовых зарубежных технологий, отнюдь не бедная часть бывших россиян. Наконец, не существует таких россиян-эмигрантов, которые бы не хотели, сознательно или подсознательно, вернуться на родину их предков.

(Выходцы из России, ассимилировавшиеся в Зарубежье и потерявшие языковые, культурно-этнические и религиозные ассоциации с Россией, не являются предметом обсуждения нашей книги.)

А теперь — о чем же книга? Какова ее структура?

Книга состоит из четырех разделов, в каждом из которых рассматривается одна и та же тема — эмиграция и репатриация в России. Однако тема эта рассматривается под четырьмя различными углами зрения:

— исторический аспект;

— социально-психологический;

— религиозно-философский и историософский;

— экономико-политический и демографический.

Как мы сказали ранее, это книга о россиянах, живущих в России или за ее пределами. Но невозможно говорить о россиянах, не сказав о том, кто они, каковы их корни. Как возник конгломерат наций и народностей, объединенных понятием «россияне»? Откуда произошло слово «русский» («рус»), как формировалось коренное население Руси, какие миграционные течения сопровождали этот процесс? Как формировалось народонаселение территории, впоследствии названной Русским государством? Каковы были первые формы государственности? Этому посвящен первый (исторический) раздел книги, подготовленный **доктором исторических наук А.В. Окороковым,** координатором и руководителем серии «Российская историческая военно-политическая библиотека», руководителем Архива РОА, издавшего «Материалы к истории РОА» в пяти томах, автором более 100 публикаций, в том числе 4 монографий.

В этот же раздел книги вошли исторический анализ миграционных процессов в России в период от возникновения Древнерусского государства — Киевской Руси (IX в.) — и до начала XX века, а также описание первой (1920—1925) и второй (1941—1945) волн эмиграции. Помещены также малоизвестные факты из истории российской эмиграции, статистика распределения российских эмигрантов по различным странам мира, описание большого количества действующих в XX веке зарубежных организаций, история Зарубежной Православной Церкви и многое другое. В разделе использованы материалы, подготовленные одним из соавторов настоящего издания М.В. Назаровым.

Второй раздел книги (социально-психологический) подготовлен **доктором психологических наук Н.М. Лебедевой,** признанным специалистом в сфере этнической и кросс-культурной психоло-

гии. Этот раздел включает в себя психологический анализ мотивов эмиграции, социально-психологических проблем аккультурации мигрантов в иной культурной и природной среде. Особое внимание автор уделяет ключевым особенностям русского национального характера и его восприятию как самими русскими, так и иностранцами. Изменился ли он за последнее столетие, и если да, то в чем? Эти изменения особенно хорошо проявляются в различиях между «волнами» русской эмиграции, которые с периодичностью в четверть века приливают на Запад. Как меняется этническая идентичность русских эмигрантов и их потомков? Что лежит в основе ностальгии по родине?.. Что двигало теми людьми, которые, вопреки логике и здравому смыслу, возвращались в Россию после многих лет эмиграции? Этот раздел позволяет нам заглянуть не только в прошлое, но и подумать о будущем.

Третий раздел книги (религиозно-философский и историософский) подготовлен известным **русским философом М.В. Назаровым**, автором книг «Миссия русской эмиграции» (1992, 1994), «Кто наследник российского Престола?» (1996 и 1998), «Тайна России» (1999) и других, издателем историософской серии книг «Русская идея». В этом разделе отражен тот духовный опыт русской эмиграции, которым она более всего может быть полезна своему народу. Прежде всего это осмысление революции и трагических черт XX века во всемирном масштабе, осознание смысла истории, подлинной раскладки мировых сил и роли России в нынешней предапокалипсической эпохе. Лишь на основании этого опыта можно понять смысл идущих сейчас процессов в посткоммунистической России. М.В. Назаров подчеркивает, что в обретении столь уникального опыта, который нельзя было получить иным путем, и заключалась главная миссия русской эмиграции, определяющая ее суть. От того, усвоит ли нынешняя Россия этот опыт, во многом зависит и возможность ее возрождения, и судьба всего мира.

Четвертый раздел книги (экономико-политический и демографический) подготовлен профессором экономического факультета МГУ, **доктором экономических наук, зав. кафедрой народонаселения В.А. Ионцевым**, главным редактором научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», автором и редактором более 70 работ, среди которых «Миграционная политика буржуазных государств» (1980), «Мировые миграции» (1992), «Современная демография» (1995), «Международная миграция населения: теория и история изучения» (1999) и другие. В этом — заключительном — разделе убедительно показа-

но, что миграция во всех ее проявлениях (иммиграция и эмиграция, реэмиграция и репатриация) является чрезвычайно значимым фактором демографического и экономического развития России во все времена. Рассмотрены как положительные, так и отрицательные последствия современной миграции. В.А. Ионцев показывает уникальность России как евразийского центра миграционных потоков населения и чрезвычайную значимость демографических факторов для экономического развития страны. Автор раздела отмечает, что грамотная и доброжелательная политика в отношении российской диаспоры, включая соотечественников из дальнего и ближнего Зарубежья, может стать важным фактором в духовном и экономическом развитии России.

Теперь, читатель, вы знаете о книге все, и вам решать, с каким чувством приступать к ее чтению.

Мы не можем предсказать, с какими мыслями вы закончите читать эту книгу. Найдете ли вы в ней для себя что-то новое? Прочтете ли вы ее всю или ограничитесь интересующими вас разделами? Но мы надеемся, что по прочтении этой книги каждый из вас задумается о том, что быть россиянином — это привилегия. Мы уповаем на Божью милость, что эта книга укрепит чувство гордости россиянина и всех тех, кто таковым себя считает. Что сомнительные западные модели (прелести) жизни уже не будут так авторитетны (заманчивы), как, может быть, они были ранее. Что, «засучив рукава» и не обращая внимания на чуждые России идеологические химеры, которые пытаются всеми правдами и неправдами внедриться в России, мы начнем строить свое православное государство в соответствии с данным нам Богом мироощущением, которое является **неотъемлемой** (ибо отнять это невозможно) принадлежностью русского народа.

И закончить предисловие мне хочется словами Н.В. Гоголя: *«Всяк должен подумать теперь о себе, именно о своем собственном спасении. Но настал другой род спасения. Не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства»*

А.А. БОНДАРЕВ

1. ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ РОССИЙСКИХ «ПЕРЕСЕЛЕНИЙ»*

И.Л. Солоневич, один из выдающихся русских мыслителей начала XX века, писал: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения *русских* исторических процессов с *нерусской* точки зрения»; «В *русское* понимание *русской* истории был искусственно, иногда насильственно, введен целый ряд понятий, которые, по формулировке В.О. Ключевского, "не соответствовали ни русской, ни иностранной действительности", то есть не соответствовали *никакой действительности* в мире: пустой набор праздных слов, заслоняющий собой русскую реальность»[1].

Одна из исторических тем, вокруг которой споры не прекращаются и по сей день, — история возникновения Российского государства и российской государственности. В этой главе мы предлагаем читателю еще один взгляд на историю российской государственности в контексте миграционных и эмиграционных процессов.

1.1. Формирование народонаселения Руси**

На заре новой эры, на протяжении почти целого тысячелетия, южные степи нынешней России были предметом спора пришлых племен: готы сменялись гуннами, гунны — аварами, авары — уграми и хазарами, а в дальнейшем хазары — печенегами, печенеги — половцами, половцы — татарами. Древнейшее население южнорусских степей, подобно океанскому рифу, подвергалось влиянию волн ассимиляции с запада (арийское направление) и с востока (тюркское направление), сформировав в результате русский народ, ставший на протяжении последующих веков звеном, одновременно связывающим и разделяющим Запад и Восток (Европу и Азию).

---

*Разделы 1.1 и 1.2 настоящей главы подготовлены доктором исторических наук А.В. Окороковым. В главе использованы материалы книг М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции» и «Тайна России».

** Краткий обзор происхождения Русского государства приведен в Приложении № 1.

Принято считать, что первоначальное название РУСЬ произошло от названия варяжского племени русь, выходцами из которого были три брата: Рюрик, Трувор и Синеус, приглашенные в 862 году по Р.Х. править северными племенами славян. Однако упоминание о **россах** встречается и раньше, в частности, в описании переговоров русского кагана с Константинополем в 838 году и неудачного набега славян — россов — на Царьград в 860 году по Р.Х. Известно, что греки и арабы под *россами* понимали славянские племена, населявшие области, прилегающие к северным областям Черного и Каспийского морей, и не отождествляли их с варягами, живущими на побережье Балтийского (Варяжского) моря. Таким образом, имеет место историческое противоречие, которое может быть разрешено версией о том, что варяги, проникнув с севера в Южную Россию, смешались с руссами и приняли там их имя, которое сохранили за собой после их изгнания из России и возвращения в Скандинавию.

1.1.1. Доисторическое население Евразии

Как известно, миграционные процессы сопровождают всю историю рода человеческого. Более того, они присущи вообще всему живому. Можно даже сказать, что способность распространяться по всему объему пространства, пригодного для жизни, является одним из его главных свойств. И человек всей своей историей доказывает справедливость этого утверждения, поскольку ухитряется за сравнительно короткое — по сравнению с остальными биологическими видами время — заселить практически все доступные для жизни территории нашей планеты.

Важно отметить, что когда миграции идут с некоей территории, то мигранты, стараясь не потерять свое «этническое лицо», становятся ревностными хранителями своей культуры, своих традиций, в чем бы последние ни проявлялись. Им это необходимо, поскольку в чужой этнической среде, на новой земле им важно чувствовать себя кем-то определенным, чувствовать свое внутреннее единство, не стать людьми без роду-племени.

Тем, кто остался на «родине предков», это не столь важно, они и так «у себя дома», им не надо кому-то доказывать, кто они есть. И они легче расстаются со старыми традициями, тем более что в этой родной, плотно населенной среде быстрее идут многие культурные процессы, порожденные именно высокой плотностью населения (избыточная плотность населения — самая распространенная причина миграций, хотя и далеко не единственная) и необходимостью решать хозяйственные задачи, ею вызванные.

Рассмотрение миграционных процессов целесообразно начать с появления на землях будущей Руси первого народа, принесшего сюда развитое земледелие. Сегодня никто не может точно сказать, что это был за народ: мы не знаем ни языка, на котором он говорил, ни — тем более — его самоназвания. Кроме того, неизвестно даже, к какой большой языковой семье его язык принадлежал. Его культуру мы знаем только по оставленным им археологическим памятникам, которые объединяются исследователями в большую археологическую культуру под названием Триполье–Кукутени. На сегодня она изучена достаточно полно. Известно, что она — именно как целостное образование, за которой явно стоит один большой этнос, — сложилась на территории современной Западной Румынии и Молдавии, где она известна под названием культуры Кукутени. Известно также, что ее основы принесли выходцы из Балкано-Дунайского региона — одной из зон древнейшего земледелия на земле. По-видимому, их вытеснила оттуда растущая плотность населения. Эта культура на новом месте обитания пришедшего с Нижнего Дуная этноса тоже возникла не на пустом месте. Но земледелие туда принесла именно она. И уже в начале четвертого тысячелетия культура Кукутени занимает огромную территорию. Аборигенное население той территории, где сложилась эта культура, почти не оставило в ней своих следов. Оно растворилось в среде пришельцев, по-видимому, приняло их систему ведения хозяйства и свое «этническое лицо» потеряло. Трудно сказать, почему так произошло. Скорее всего, оно было слишком малочисленно и селилось слишком маленькими группами на большой территории. Пришельцы не выбивали аборигенов, а просто «растворили» в своей среде, в своей культуре.

Та же ситуация повторилась, когда полтысячелетия спустя из ареала культуры Кукутени началось движение ее носителей на восток, на территорию современной Молдавии, а потом и дальше, на территорию Южной Украины, вплоть до правобережья Днепра. Это был мощный поток мигрантов, которые за последующие два века расселились на огромной площади, создав культуру Триполье–Кукутени, восточную часть которой называют просто трипольской культурой.

Это была долгоживущая культура, просуществовавшая как единое целое огромную эпоху — весь энеолит (медно-каменный век) — и дожившая до раннего бронзового века, то есть более полутора тысяч лет, с середины четвертого тысячелетия до Р.Х. до конца третьего тысячелетия.

Во времена расцвета на территории современной Украины оседло-земельческой трипольской культуры в непосредственном соседстве с ней, к юго-востоку от ее ареала, в полосе причерноморско-

каспийских степей, обитали подвижные степные скотоводы, носители так называемой ямной археологической культурной общности. Сегодня большинство специалистов считают, что ее носители — это огромный круг близкородственных этносов, говоривших на каком-то из древних языков индоевропейской языковой семьи. Некоторые считают даже, что это были первые носители самого праиндоевропейского языка, из которого с течением исторического времени развились все более поздние языки этой семьи. Заметим, что мы по-прежнему вынуждены говорить об археологической ее истории, поскольку и аборигенное, доиндоевропейское, ее население, и пришлое индоевропейское еще более трех тысячелетий остаются народами бесписьменными. Письменность впервые на европейском континенте зарождается на самом юге — на Балканском полуострове, то есть там, где первые индоевропейцы расселяются в среде древних земледельческих народов, входящих в восточносредиземноморский культурный круг, породивший древнейшие письменные цивилизации — египетскую, месопотамскую, малоазийскую хеттскую, эгейскую, или крито-микенскую (минойскую). Но мы все-таки будем говорить подробнее о народах и культурах более северных и восточных районов Европы, поскольку именно они в большей степени участвуют в сложении славянского этноса.

Итак, как мы отметили выше, первыми индоевропейцами, известными в Восточной Европе, были скотоводческие племена ямной археологической культуры, расселившиеся в полосе степей Причерноморья и Прикаспаия. В третьем тысячелетии до Р. Х. они западным краем своего ареала — на правобережье Днепра — соприкасаются с оседлыми земледельцами трипольской культуры, которая постепенно начинает уступать им свою территорию. Причем это не процесс ассимиляции земледельцами скотоводов или скотоводами — земледельцев, хотя некоторое время существуют поселения, материалы которых показывают, что какое-то смешение этих культур происходит. Но в итоге трипольская культура вообще исчезает как культура и на местах обитания оседлых земледельцев воцаряются подвижные скотоводы. Причину этого объяснили результаты палеопочвоведческих исследований: за тысячелетия своей жизни трипольцы превратили богатейшую лесостепь в чистую степь, сведя постепенно все леса. В результате полноценное земледельческое хозяйство вести стало невозможно, зато скотоводам открылся полный простор. И они этим воспользовались!

Примерно в это же время по лесной части Восточной Европы, вплоть до территории современной Польши, Литвы, Латвии, Белоруссии, расселяются племена так называемой культуры шнуровой

керамики и боевых топоров. Считается, что это тоже носители индоевропейских языков, только другой их ветви. Они частично теснят на восток, частично смешиваются с неолитическими племенами, населявшими всю лесную зону Восточной Европы и считаются прямыми предками современной уральской языковой семьи, к которой относятся носители угро-финских и самодийских языков.

Важно отметить, что в самой лесной полосе носители культуры шнуровой керамики сумели сохранить свое производящее хозяйство только на самом западном краю своего ареала. А в дремучих лесах современной Литвы, Белоруссии, западной части России они смешались с местными племенами охотников-рыболовов и сами приняли их образ жизни. Но язык свой, исходно индоевропейский, они, по-видимому, не потеряли. Именно он лег в основу языков балтской группы, на которых говорят современные народы Литвы и Латвии, а также те народы, которые в средние века были постепенно ассимилированы славянами и вошли в состав населения Древней Руси — ее северо-западной части.

Тогда же, в начале эпохи бронзы, дальше всех продвинулась в Европу (вплоть до центральной ее части) большая группа племен — носителей культуры курганных погребений. Эта отдельная культура принадлежала какому-то другому большому этносу, хотя тоже индоевропейскому. Именно этот этнос большинство исследователей и считают родоначальником всех групп индоевропейских народов и их языков, заселивших на протяжении следующих тысячелетий всю западную и центральную часть Европы, кроме Южных Балкан и севера Пиренейского полуострова, где сохранился какой-то древний народ — предок современных басков. Из этого индоевропейского этноса постепенно выделились италики, иллирийцы, фракийцы, кельты, германцы и какая-то часть предков славян. Это те культуры, народы которых вошли в состав индоиранской языковой группы. Часть из них еще в эпоху поздней бронзы — во второй половине второго тысячелетия до Р.Х. — расселилась по всему западу Средней Азии и в конце концов заняла Северную Индию, выделившись в собственно индийскую языковую группу. Все же их степные потомки — легендарные киммерийцы, а потом скифы, савроматы, сарматы — стали настоящими степными кочевниками, говорившими на североиранских языках. И лишь их более северные родственники, жившие в лесостепи Восточной Европы, постепенно освоили земледелие, осели на землю, где-то в последних веках до Р.Х. — первых веках по Р.Х. начали «ославяниваться» и в конце концов вошли в состав народа Южной Руси, то есть в Киевскую Русь.

К первым векам первого тысячелетия до Р.Х. италики, двигаясь

на юг, заняли весь Апеннинский полуостров и, смешавшись с доиндоевропейским населением, образовали то население Италии, которое затем было завоевано Римом и вошло в основу складывающейся Римской империи.

Иллирийцы также двинулись в основном на юг, заняв территорию от Северных Балкан до севера Апеннин и расселившись по берегам Адриатического моря, также включив в свой состав местные народы. Но одна из их ветвей двинулась со Среднего Дуная на северо-восток, в Северное Прикарпатье. И ряд исследователей полагают, что именно они вошли в состав самого раннего славянского племенного образования, впервые попавшего в поле зрения римских историков рубежа эры под названием *венеды*. Во всяком случае археологические материалы, которые считаются принадлежащими культуре ранних иллириков, встречаются и на территории, принадлежащей ранним западным славянам.

Север Балкан был занят фракийскими племенами, которые, перевалив через Балканский хребет, столкнулись с греческим населением средней части Балканского полуострова. В дальнейшем фракийцы несколькими волнами далеко продвигались и на Карпаты, и на восток по причерноморским степям, сталкиваясь с ираноязычным степным кочевым населением. Часть фракийского населения сумела осесть на этих территориях, и это дает основание исследователям считать, что и фракийцы нескольких волн приняли участие в сложении более позднего южнославянского населения, в том числе населения южной и западной Древней Руси.

Самую большую территорию в Европе заняли кельты. К середине первого тысячелетия территория, занятая народами кельтской языковой группы, носителями так называемой латенской археологической культуры, простиралась от атлантического побережья Пиренейского полуострова через всю территорию современной Франции и Германии до середины территории современной Польши.

1.1.2. Образование славянского этноса и российской государственности

А теперь вернемся к тому району, в котором, по мнению большинства археологов, происходило сложение праславянского этноса. Как мы отметили выше, это район севернее Карпат, и интересен он тем, что является к концу бронзового века, то есть примерно к началу первого тысячелетия до Р.Х., контактной зоной нескольких уже сложившихся индоевропейских народов.

У нас нет необходимости для целей нашей книги излагать под-

робно дальнейшую историю ранних славян, доводя ее по времени до той эпохи, когда это этническое название попадает на страницы мировой истории. Это случается довольно поздно, уже после эпохи Великого переселения народов, то есть только в IV веке по Р.Х. И понятно почему: только славяне (склавины) и их крупнейшее племенное объединение — анты — продвигаются вместе с потоком пришельцев-завоевателей с востока в границы Римской империи. Тут уж их нельзя не заметить. Особенно после того, как огромная славянская масса вторгается на Балканы и расселяется на всей территории полуострова, местами даже до самой южной его части — Пелопоннеса.

При этом происходит интересная вещь: археология показывает нам, что материальная культура пришельцев растворяется в материальной культуре местного населения: на севере Балкан — позднефракийского, на юге — позднегреческого. А вот главная этническая знаковая система — язык — у северобалканских народов оказывается в результате славянским! Но к этому вопросу мы вернемся несколько позже. А пока предельно коротко скажем об археологических этапах становления славянского этноса, начиная от отмеченного выше времени появления первых его следов до раннего средневековья, то есть до времени сложения Киевской Руси.

Итак, археологические исследования показывают, что на протяжении эпохи раннего железа (примерно с середины первого тысячелетия до Р.Х. — до первых веков по Р.Х.) на территории, примерно соответствующей современной Польше и Западной Украине, постепенно складывается огромная культурная общность, называемая *пшеворской культурой*. Она довольно «пестрая», поскольку в ней прослеживаются черты и балтской, и германской, и кельтской культур. Но очень заметное место в ней занимает и тот культурный компонент, который отождествляется со славянами. Это оседлые земледельцы-скотоводы, активно расчищающие лес под пашню и тем самым превращающие лесную зону в лесостепную. Здесь нет городов и вообще крупных поселенческих центров отдельных округов, но есть крупные сельские поселения, в которых стоят жилища, явно принадлежащие людям разной этнической принадлежности. Есть и ремесленные поселения, и они в основном кельтские.

Несколько позже, в первые века по Р.Х., юго-восточнее ареала пшеворской культуры складывается еще одна культурная общность, захватывающая почти всю территорию современной Белоруссии, Средней и Южной Украины и почти всю территорию Молдавии. Это так называемая черняховская культура. Она занимает огромную территорию, а по этническому составу еще «пестрее», чем пшевор-

2 Заказ 2370

ская. Поскольку в нее входят не только все те этносы, которые пришли сюда с пшеворской территории, но добавились еще выходцы из Нижнего Подунавья — поздние фракийцы (геты, даки, карпы), и исконные обитатели этих мест — осевшие на землю ираноязычные народы: потомки скифов, сарматы, аланы. И делает их единой культурой то, что живут они бок о бок, постепенно смешиваясь, — во-первых, и то, что все они пользуются продукцией производства ремесленных центров так называемой провинциально-римской культуры, — во-вторых. И эта продукция настолько совершенна и ее так много, что она постепенно вытесняет все те изделия, которые производили в своей этнической традиции все, кто попал в ареал черняховской и даже пшеворской культур.

Нетрудно заметить, что все описанное выше происходит на землях, которые три века спустя будут считаться исконно славянскими. Поэтому у нас есть некоторое основание считать, что все эти разноязычные люди, в силу необходимости вынужденные как-то общаться между собой, постепенно вырабатывают некий общий язык, и таковым языком становится славянский, который так и остается на всей этой огромной территории своим языком во всей следующей истории.

В это же время через ареалы пшеворской и черняховской культур из Южной Скандинавии, с севера на юг, вплоть до Черноморского побережья, начинает двигаться волна германских племен, археологически отождествляемая с так называемой вельбарской культурой. Исторически же, то есть согласно письменным источникам позднеримского и ранневизантийского времени, — это те самые готы (и гепиды), которые накануне Великого переселения народов сложились в огромную державу — Готскую. И она довольно успешно воевала на восточных окраинах Римской империи, прорываясь на Нижний Дунай и Северные Балканы.

У нас нет оснований сомневаться в том, что такая держава существовала, хотя история ее сложения до начала гуннского вторжения в причерноморские степи описана только у одного историка VI века — Йордана. Но в дальнейшем, в ходе самого Великого переселения народов, готы сыграли в истории крушения Рима и сложения в Европе множества варварских королевств огромную роль. Поэтому сомневаться в том, что это был многочисленный и воинственный народ, не приходится. Но кем он был с археологической точки зрения — непонятно.

Можно предположить, что этнические готы — это только сила, на каком-то этапе сумевшая — возможно, военным путем — объединить всю разноэтническую массу, составлявшую население чер-

няховской культуры, в единую, хоть и примитивную, державу. И ко времени вторжения гуннов, то есть к началу Великого переселения народов, народы, ее составляющие, сами считали себя готами, или, по крайней мере, их таковыми считали византийцы, с которыми они столкнулись при своем движении на запад под давлением гуннов.

Мы не будем далее излагать историю Великого переселения народов, коснемся только тех моментов этой эпохи, которая непосредственно относится к дальнейшему становлению славян как этноса и его распространения по всей исторически известной территории.

Во-первых, и в процессе Великого переселения народов, и в первые века после него огромные массы людей, говоривших на славянских языках, вторгаются на Балканы и оседают там, смешавшись с местным населением, но сохранив свой язык, о чем мы упоминали выше. Для нашей темы важно то, что эти люди, несмотря на исходную принадлежность к разным этносам, обладают этническим самосознанием славян и продолжают считать себя таковыми на протяжении всей последующей истории. Более того, южные славяне обладают огромной ассимилирующей силой, и когда века спустя на Балканы вторгаются авары и болгары, то есть народы совершенно иных этнических корней (тюркских в данном случае), они через исторически короткое время начинают говорить на славянском языке и считать себя славянами. И это при том, что болгары не теряют своего этнического самоназвания!

Во-вторых, подвергшаяся страшному гуннскому разгрому территория черняховской и южной части пшеворской культур (что четко видно археологически) не вымерла окончательно. На ней осталось очень бедное земледельческое население, сильно поредевшее и лишившееся снабжения всеми предметами ремесленного производства — все ремесленные центры были уничтожены. Но, как ни странно, уже на протяжении последующих двух веков оно не только восстановилось численно, но заняло практически всю территорию обеих погибших культур, дав в итоге уже не смешанные, а чисто славянские культуры. И именно это население в дальнейшем сделалось этнической основой всех раннеславянских государств, которые мы знаем по средневековой письменной истории.

Еще в VI—VII веках часть северо-западных славян, побуждаемая, по-видимому, резким ухудшением климата на севере Европы, двинулась на восток через земли балтских народов. Она осела в районе озера Ильмень, на границе балтского и финского этнических ареалов, дав начало Северной (Новгородско-Псковской) Руси. Эти мигранты из западнославянской зоны, несомненно, маргиналы назван-

ного этноса. Именно поэтому они сохранили свою этническую самоидентификацию в среде иноэтнических народов и даже сумели ассимилировать часть аборигенного населения, дав в итоге одно из самых ранних государственных образований на землях будущей России — Новгородско-Псковскую Русь — полиэтническую, но с несомненной славянской доминантой, дожившей до современности.

Не менее сложно протекала жизнь восточных славян. Территория, ими занимаемая, была огромна, а ее границы — еще более расплывчаты, чем на западе славянского ареала. Еще в период гуннского нашествия часть населения черняховской культуры большими массами ушла на восток. Двигаясь по лесной зоне, они оседали гнездами и в бассейне Оки, и в верховьях Северского Донца и Дона, и даже на среднем течении Волги. И, судя по историческим результатам расселения, это была именно славянская компонента черняховской культуры. Ибо то местное угро-финское население, которое вступило в контакт с мигрантами и постепенно смешалось с ними, в результате заговорило на славянском языке. Конечно, этому способствовал и дальнейший приток на эти земли бесспорно славянского населения, перемещавшегося на восток из ареала пеньковской культуры — наследницы погибшей черняховской. Эти потоки «ползучей миграции» также становились по мере продвижения на восток периферией славянского этнического ареала, который вошел несколькими веками спустя в состав Ростово-Суздальской, а потом и Московской Руси. И понятно, что по своему исходному составу это не только собственно славяне, но и «ославяневшееся» угро-финское население лесной зоны.

Но эти народы — не единственные, вошедшие в состав восточнославянской народности. По степному поясу Евразии с востока продолжали двигаться народы тюркской языковой семьи, тесня и на Кавказ, и на север, в лесную полосу, бывших коренных ираноязычных насельников степей — аланские племена. Последние, оседая на землю в среднем течении Северского Донца, Дона и Волго-Донского междуречья, дали оседлую *салтово-маяцкую* археологическую *культуру*. Население, ее составившее, вошло в сложившуюся здесь в VIII веке первую государственную структуру Восточной Европы — Хазарский каганат, основанный тюркскими кочевниками. Он просуществовал сравнительно недолго, до X века, и погиб как государственная структура в силу многих обстоятельств, в том числе и в результате военных набегов из Киевской Руси. Но население его северо-восточной части, бывшее аланское, в конечном счете вошло в состав русской народности, занявшей бассейн Дона и Волго-Донского междуречья.

Отметим, что в состав населения самой Киевской Руси также входило население многих неславянских этносов, что подтверждается и лингвистическими, и археологическими данными, и сообщениями письменных источников. По всей южной части бассейна Днепра оседали на протяжении многих веков ираноязычные кочевники. Как отмечалось выше, здесь археологически фиксируются последовательно оседавшие культурные потомки скифов, сарматов, аланов. Во времена после Великого переселения народов этот процесс оседания на землю и перехода к земледелию продолжается. Вслед за аланами, разгромленными тюркоязычными кочевниками, начинают оседать сами тюрки, принимая киевское подданство. Это и печенеги, и торки, и половцы. И все это население постепенно «ославянивается», перенимая не только оседлую систему хозяйства, но и вступая в браки со славянским населением.

1.1.3. Миграционные процессы и формирование Российского государства в период с IX по XVIII век

А теперь обрисуем историю русского народа в эпоху древнерусского государства — Киевской Руси, — возникшего в IX веке в результате объединения восточнославянских племен и занявшего большую часть Восточно-Европейской равнины. (По некоторым подсчетам, в эпоху расцвета Древней Руси в ее составе было 22 разноязычных народа.)

Как уже упоминалось выше, главным событием в истории русского народа стало принятие христианства. Митрополит Анастасий писал в изгнании: «Святой князь Владимир есть подлинно величайшее явление русской истории: дело, совершенное им, имеет вечное непреходящее значение не только для русского народа, но и для всей христианской Европы, с которой Россия жила уже тогда в близком общении. Благодать, озарившая св. Владимира при крещении, глубоко преобразила его душу. Она растворила его сердце, прежде столь суровое и по временам жестокое, — жалостию даже к разбойникам, на которых он не хотел простереть карающего меча. “Боюсь греха”, — ответил он епископам на их недоуменный вопрос, почему он не хочет казнить последних. “Боюсь греха” — этими двумя словами предуказывается весь дух и характер нашей государственности, в основу которой положено было глубокое христианское начало. Ими же предопределяется и нравственный облик русских государей как носителей верховной власти, которые будут руководиться в делах управления и верховного суда не столько требованиями холодного

закона, не знающего понятия "греха", сколько велениями своего христианского сердца и православной совести. Христианское милосердие сделало св. Владимира истинным отцом всех бедных, больных, немощных, бесприютных. "И не могу сказать, — пишет восхищенный Иаков Мних, — многая его милостыня: не токмо в дому своем милостыню творяше, но и по всему граду, не в Киеве едином, но и по всей земле русской и во градех и селех везде милостыню творяше". Та же святая жалость ко всем как высшая форма любви с тех пор проникла в сердце всего нашего народа, который доныне любит "милость к падшим призывать" и считает грехом презирать даже ожесточенных преступников, называя их не иначе, как "несчастными". Ничем так не украшалась Древняя Русь, как широким русским милосердием, гостеприимством и щедростью ко всем меньшим братиям Христовым: последняя давно известна по всему миру»[2].

О нравственных устоях человека Киевской Руси красноречиво говорит «Поучение» Владимира Мономаха. «Поучение» было написано Владимиром Мономахом «седя на санех», то есть незадолго до смерти, где-то около 1117 года. «Поучение» далеко выходит за узкие семейные рамки и имеет большое общественное и духовное значение. На первый план в «Поучении» выдвигаются задачи духовного, нравственного порядка. Мономах призывает: «Первое, Бога деля и душу своея, страх имейте Божий в сердци своем и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру». В соответствии с христианской моралью требует Владимир заботливого отношения к бедным: «Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его: аще будет повинен смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны»[3]. Таким образом, даже из этих небольших отрывков одного из памятников Киевской Руси мы можем сделать вывод, что во главу всей жизни ставилась **вера**, жизнь по заповедям Божьим.

Княжение Владимира Мономаха (1113—1125) и пребывание его сына Мстислава (1125—1132) в качестве князя киевского завершили существование единого древнерусского государства. Далее начался длительный процесс его распада и наступала эпоха феодальных центров, внесшая существенные изменения в политическую, социальную и демографическую ситуацию в Восточной Европе.

В конце XIII века исторические государственные судьбы Юго-Западной и Северо-Восточной Руси разошлись на долгие столетия. Ситуация изменилась к концу XV — началу XVI века. В правление Ивана III и начальный период княжения Василия III происходит

территориально-политическое объединение Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Помимо ликвидации уделов представителей московского княжеского дома, в результате мирных действий или военных походов были ликвидированы Ярославское княжение (1463), Новгородская феодальная республика (1478), Ростовское княжение (1478), Тверское княжение (1485), Псковская феодальная республика (1510), Рязанское княжение (1521). Политические и экономические успехи позволили Ивану III завершить многовековую борьбу против ордынского гнета. Провалившееся нашествие войск властителя Большой Орды хана Ахмада в 1480 году ознаменовало конец этой тяжкой зависимости. Для этого времени характерны процессы, связанные с закладкой основ российского самодержавства, расширение территории государства, укрепление его политического строя и резкого возвышения международного престижа Москвы.

Фактически Иван III явился создателем Московского государства.

С конца XV века оформляется и высший государственный орган централизованного государства — Боярская Дума, ставшая законосовещательным органом при Московском государстве. Заметим, что в это же время складываются атрибуты царской власти. Двуглавый орел — византийский герб — становится гербом Московской Руси. Во внутренней политике государства значительная роль отводится идеологическому и духовно-нравственному обоснованию возрождения независимости и целостности многонационального государства, основой которого являлась великорусская народность, а духовным стержнем — Православие.

В середине XVI века Россия превращается в самодержавную монархию с относительно единой сеткой административно-территориального устройства, но с относительно слабым представительством сословий в центре и на местах. Однако территориальное расширение Российского государства продолжается. В 1552 году было завоевано Казанское ханство, а в 1556-м — Астраханское, что привело к включению в его состав Среднего и Нижнего Поволжья.

Поражение России в Ливонской войне (1558−1583) и годы Смуты хотя и привели к заметным территориальным утратам на западе и северо-западе, подхлестнули могучий колонизаторский поток на восток. Именно с середины XVI века усилилось складывание многонационального Российского сословно-представительского государства. Этот процесс длился на протяжении последующих столетий, охватывал Урал, Сибирь, Казахстан, южнорусские степи и Причерноморье, Кавказ и Среднюю Азию. Русское государство выходило за границы Восточно-Европейской равнины и становилось евроазиатским.

Большинство этих мероприятий связано с личностью Ивана

IV Грозного (1533—1584). Его фигура крайне противоречива. Однако главным результатом его почти 50-летнего пребывания на престоле явилось оформление централизованного Российского государства — царства, равного великим империям прошлого. Оно приобрело в XVI веке высокий международный авторитет, имело мощный бюрократический и военный аппарат, который лично возглавлял «всея России самодержец».

В XVII веке начинается крупномасштабное переселение русских в Сибирь. После разгрома Ермаком Сибирского ханства собственно вхождение Сибири в состав Российского государства длилось несколько десятилетий — по мере его обживания русскими переселенцами. Заметим, что политика освоения новых территорий русскими не носила колонизаторского характера. Поселенцы вступали в хозяйственные связи, сами приспосабливались в своей хозяйственной практике к природным возможностям разных климатических зон, впитывали некоторые элементы культур аборигенов.

Одновременно со стихийной миграцией в Северное Приуралье и далее в Сибирь во второй половине XVI века началось не менее мощное движение из центральных районов страны в южнорусскую лесостепь. Причем если в переселении северорусского крестьянства на восток политический момент — разгром Казанского ханства — послужил только импульсом, то в борьбе за южнорусские земли с Крымским ханством, а затем с Турцией, затянувшейся до конца XVIII века, организующая роль государственной власти выдвигалась на первый план.

О миграционных процессах XVI—XVII веков наглядно свидетельствует количество проживавших в Российском государстве, подсчитанных А.И. Копаневым (верхние показатели) и Я.Е. Водарским (нижние показатели): середина XVI в. — от 6,5 до 14,5 млн, в конце XVI в. — от 7 до 15 млн, а в XVII в. — до 10,5 — 12 млн человек[4].

Новые государственные преобразования конца XVII — начала XVIII века связаны с именем Петра I (1682—1725). Петровская эпоха стала одной из ключевых, поворотных моментов в нашей национальной истории. По значимости ее можно сравнить разве только с Крещением Руси или отменой крепостного права. Важнейшей особенностью истории этого периода является установление стабильных отношений с западноевропейскими государствами. Открывается перспектива участия России в антитурецкой коалиции европейских христианских государств.

В годы правления Петра при доминирующей роли государства был осуществлен резкий скачок в хозяйственной жизни страны, последовательно проводилась политика меркантилизма в промыш-

ленности и торговле, была осуществлена финансово-денежная реформа, усовершенствовались административная и податная системы, укреплялись центральные и местные органы власти и управления, значительно расширилась законодательная деятельность государства. Особой заботой монарха являлось укрепление армии и развитие флота. В целом петровские реформы были подчинены интересам не отдельных сословий, а всего государства — его процветанию, благополучию и приобщению к западноевропейской цивилизации. Они являлись своеобразной революцией сверху и шаг за шагом формировали в России систему абсолютной монархии.

Петровская эпоха характеризуется также кризисом «национально-религиозного идеала и имперской идеи». Это относится в первую очередь к Православию. После смерти патриарха Адриана (1700) Петр уже не допустил избрания нового патриарха и назначил Стефана Яворского Местоблюстителем. Такое временное состояние сохранялось вплоть до 1718 года, когда была учреждена Духовная коллегия, или Святейший правительствующий Синод, который заменил собой патриаршество. Действия государственных властей, и в частности неумеренные поборы со стороны правительства, ограничивали деятельность Русской Православной Церкви в области распространения образования в России. В частности, в силу нехватки финансовых средств была закрыта семинария в Ростовской епархии. Такая же участь ожидала и большинство школ (из 14 открытых митрополитом Иовом) в Новгородской епархии и т.п. Резко отрицательно относился Петр к монашеству, стремясь всячески ограничить влияние монастырей. Неудивительно, что в народе создалась устойчивая легенда, что Петр — самозванец и антихрист.

Петровская политика, направленная на укрепление могущества Российского государства, часто в ущерб России и ее народа, стала мощным импульсом для дальнейшего расширения Российской империи.

С XVIII века по 80-е годы XIX века районами русского заселения стали европейские степи (Новороссия, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье), частично до начала XX века таежные места Северного Приуралья, некоторые районы Северного Кавказа; продолжали осваиваться азиатские степи (в Сибири), со второй половины XIX века — Средняя Азия и Дальний Восток.

С конца XVIII века и в первой половине XIX века в Россию вошли Финляндия, часть Польши, Бессарабия, некоторые районы Дунайского устья, где среди различных народов расселялись и русские. Такое расширение территории было связано с внешней политикой России того периода: войны с Турцией (1787—1791), Шве-

цией (1788–1790), война 1812 года и военные действия в последующее время.

Предвосхищая вопросы нынешних сепаратистов, спекулирующих идеями «русской оккупации», заметим, что ни в средние века, ни гораздо позднее (вплоть до самого последнего времени) взаимоотношения сильных и слабых государств и народов просто не могли строиться на широко декларируемых ныне принципах мирного сосуществования, взаимного уважения, гуманизма и невмешательства во внутренние дела. В ту пору превыше всего ценились воинская доблесть и сила, а проявление миролюбия обычно воспринималось либо как лицемерие, либо как признак слабости.

Поэтому сильное в военном отношении государство неизбежно и закономерно расширялось, вбирая в себя более слабые, и так продолжалось до тех пор, пока не встречался равный или более могучий противник. Причем не следует забывать и о случаях добровольного присоединения малочисленных и слабых народов к сильному государству с единственной целью — получить защиту от соседей. В связи с этим интересно привести высказывание Фридриха Энгельса, отнюдь не питавшего любви к России. Но даже он, употребив для обличения «жандарма Европы» такие выражения, как «подлость» и «славянская грязь», счел необходимым отметить: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27. С. 241).

В заключение краткого обзора истории миграционных процессов и становления Древней Руси и Российской империи необходимо упомянуть и о реформах начала XX века, связанных с именем П.А. Столыпина.

Напомним, что Столыпин, заняв в июле 1906 года пост премьера, попытался в короткие сроки разрушить архаичную систему общинного землевладения, мешавшую внедрению начал частной собственности*. Важнейшим звеном его аграрной реформы стала политика переселения малоземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, призванная ускорить освоение отдаленных окраин империи. Изъявивший желание выехать из Европейской России избавлялся на долгое время от всяких налогов. Государство помогало ему день-

---

* Столыпин Петр Аркадьевич родился 14 апреля 1862 г. По высказываниям современников, он был отчаянно смел, дважды дрался на дуэли. Известен случай, когда он в одиночку усмирил толпу бунтующих крестьян в Саратовской губернии.

гами, и он получал в полную собственность участок земли в 15 гектаров, то есть около 37 акров на душу, и 45 гектаров на семью. При этом каждой семье выдавалось пособие в 200 рублей и она перевозилась со всем имуществом за казенный счет до места поселения. В Сибири же были устроены казенные склады земледельческих машин, снабжавшие население сельскохозяйственными орудиями по крайне низким ценам.

Результатом проводимой политики стал быстрый подъем сибирского земледелия, позволивший ввозить в Европейскую Россию и вывозить за границу большое количество сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь масла и яиц.

Кроме этого, правительство Столыпина уполномочило Государственный крестьянский банк скупать помещичьи земли и перепродавать их крестьянам на исключительно льготных условиях. Предоставлялся долголетний кредит, доходивший до 90% стоимости земли при очень низком проценте (4,5%, включая погашение). Эта мера привела к тому, что в 1914 г. более 80% пахотной земли в Европейской России оказалась в руках крестьян[5].

В 1912 г. Государственным крестьянским земельным банком было выдано до 1 168 000 000 рублей, то есть примерно на 600% больше, чем в 1901 году.

9 ноября 1906 г. был издан «столыпинский закон», позволявший крестьянину стать индивидуальным и наследственным собственником земли, которую он обрабатывал. В 1913 году 2 млн семейств получили наделы. За несколько месяцев до Первой мировой войны 13% земель, принадлежавших ранее общинам, перешли в индивидуальную собственность крестьян.

Сочетая решительные меры с реформами, Столыпин сумел прекратить террор. Однако довести начатые преобразования, воплощение которых в жизнь должны были привести Россию к экономическому буму, не удалось. Его политика была опасна как для революционеров, которым был выгоден хаос в стране, так и для придворных консерваторов, страшившихся резких перемен и влияния премьера. 1 сентября 1911 г. премьер был смертельно ранен в киевском театре 27-летним эсером, в прошлом агентом охранки Мордехаем Богровым*. После гибели Столыпина аграрная реформа была спущена на тормозах и окончательно свернута с началом Первой мировой войны.

---

* М.Богров никого не выдал на допросе и был вскоре повешен. До сих пор неясно, кто заказал убийство — революционеры, придворные консерваторы или кто-то еще.

1.2. История эмиграции в России

Вышеописанные процессы освоения новых земель и расширения российских государственных границ относятся к **внутренней миграции**. Этот тип миграционного движения представляет собой совокупность людских передвижений, осуществляемых в территориальных границах государств. По своим масштабам он обычно значительно превосходит международную миграцию.

А теперь коснемся **международной** (межгосударственной) **миграции** и **эмиграции** российских граждан.

1.2.1. Миграция и эмиграция в дореволюционный период*

История международной (межгосударственной) миграции и эмиграции российских граждан насчитывает несколько столетий, если брать во внимание вынужденное бегство за рубеж политических деятелей еще в период средневековья. Например: спасение от преследований Православной Церкви и московской великокняжеской власти в Литве и «у немцев» в начале XVI века новгородско-московских еретиков, а также переход в 1564 г. на сторону поляков князя Андрея Курбского. Его шаг был продиктован опасениями за свою жизнь, связанными с конфликтом князя и Ивана Грозного на почве выбора основных путей политического развития России. Политическая концепция Курбского состояла в развитии принципов сочетания власти монарха, учреждений приказного аппарата и дальнейшего развития сословно-представительных органов как в центре, так и на местах. Точка зрения, отстаиваемая Иваном Грозным, заключалась в утверждении принципа неограниченности монархии, «самодержавства» с параллельным установлением жесткого, силового режима. Последующее развитие событий показало, что верх одержала точка зрения Ивана IV.

В Петровскую эпоху к политическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные. Процесс же экономических миграций, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX века, хотя и есть упоминания о русских переселенцах XVI—XVIII вв. в Америку, Китай и Африку. Однако эти миграции были незначительными по

* В данном и ряде последующих параграфах этой главы использованы материалы книги А.В. Попова «Русское Зарубежье и архивы. Материалы к истории русской политической эмиграции». Вып. IV. М., 1998.

численности и связаны с «зовом дальних морей» или поисками счастья. В конце XVIII века русские поселенцы появились и в европейских странах: во Франции (1774), Германии (в городах Галле, Марбурге, Йене и др.), где еще с середины XVIII века начала обучаться русская дворянская молодежь.

Главным центром российской политической эмиграции второй четверти XIX века был Париж, а после революции 1848 г. им стал Лондон, где появилась «первая Вольная русская типография», основанная А.И. Герценом, благодаря которой русская эмиграция стала существенным фактором в политической жизни России. Характерной особенностью «дворянской эмиграции» из России во второй четверти XIX века, которая выезжала вполне легально, был сравнительно высокий уровень жизни.

Во второй половине XIX века, после польского восстания 1863—1864 годов, из России бежало некоторое количество политических «преступников», которые осели главным образом в Лондоне, Берне, Гейдельберге, Тульце, Женеве, Берлине. Эта новая эмиграция расширила социальный состав российской политической эмиграции. К дворянству прибавились мещане, разночинцы, интеллигенция.

Особый поток российской политической эмиграции, возникший после убийства Александра II и внутриполитического кризиса 80-х годов XIX в., охватил почти четверть века. К этому времени относится и появление в эмиграции одной из первых политических организаций — марксистского «Союза русских социал-демократов за границей».

Говоря о русских, находившихся за рубежом в последней четверти XIX — начале XX века, в первую очередь следует упомянуть экономических «переселенцев». Причиной их отъезда являлась более высокая оплата труда за рубежом. До начала 80-х годов число покинувших Россию по экономическим мотивам не превышало 10 тыс. человек, позже оно стало расти и в 1891 году достигло своей «пиковой отметки» — 109 тыс. человек. В 1894 г. оно резко упало, что было связано с торговым договором между Россией и Германией, облегчившим переход границы и позволявшим ненадолго выезжать за рубеж и возвращаться[6]. *Трудовая, или экономическая, эмиграция* в дореволюционный период была наиболее массовой. Ее составляли в основном безземельные крестьяне, ремесленники, неквалифицированные рабочие. Всего за период с 1861 по 1915 год Россию покинули 4 200 500 человек, из которых в страны Нового Света, в основном в США, эмигрировали 3978,9 тыс. человек, что составляет 94%[7]. Следует отметить, что большинство эмигрантов из России *не были этническими* русскими. Более 40% эмигрантов

составляли евреи. Согласно цензу 1910 года, в США было зарегистрировано 1732,5 тысячи уроженцев России, а лиц «российского происхождения» — 2781,2 тысячи. В числе уроженцев России: 838 тыс. евреев, 418 тыс. поляков, 137 тыс. литовцев, 121 тыс. немцев и только 40,5 тыс. русских. Таким образом, выясняется, что русских в США к 1910 году проживало не более 3% от всех лиц российского происхождения. Точно определить этнический состав трудовой эмиграции конца XIX — начала XX века не представляется возможным. Так, в США регистрировались как *русские,* или *русины,* украинцы, карпатороссы, в основном выходцы из западных и южных губерний Российской империи, из Австро-Венгрии (Галиции, Буковины), Закарпатья. Они отождествляли себя с русскими и, если говорить в широком смысле, с восточнославянской культурой. Их потомки в значительной мере сохранили эту преемственность до нашего времени. Так, большинство из 10 миллионов прихожан Русской Церкви в Америке (Американской митрополии), многочисленных украинских и карпаторосских храмов являются потомками трудовых эмигрантов. В конце XIX — начале XX века русские крестьяне в Америке объединялись в основном вокруг церковных приходов и крестьянских братств, обществ взаимопомощи. Среди этой категории эмигрантов было мало образованных и грамотных людей: они не написали книг и воспоминаний, но через поколения пронесли любовь и уважение к России, сохранив традиции Православия, свидетельством чему десятки русских православных храмов, построенных их руками[8].

Некоторое представление о численности российской эмиграции в XIX веке дают таблицы 1 и 2.

Таблица 1. **Количество выехавших русских подданных в 1828—1915 гг. (в тыс. человек)**

	1828—1859 гг.	1860—1890 гг.	1890—1915 гг.
В сумме	33 314	1 128 563	3 347 618
В среднем за год	1 074	37 619	133904
% к среднему числу выехавших за год	0,6	21,7	77,7

Таблица 2. **Распределение по странам «осевших» эмигрантов из России (1891–1900 гг.)**

Страна	Число (тыс.человек)	% от числа выехавших
США	444	57,8
Канада	23	3,5
Аргентина	10	1,4
Бразилия	9	1,4
Южноафриканские страны	6	0,9
Австралия	0,3	0,1
Другие заокеанские страны	10	1,4
Европейские (без Англии)	35	5,7
Азиатские	30	7,9
Другие страны	152	19,9
Итого	769	100

Следует, однако, учитывать, что данные этих таблиц дают представление о «подданных Российской империи», а не собственно о русских. Как уже указывалось выше, процент последних был относительно невелик. Например, в 1890–1900 гг. он составлял лишь 2% от всех уехавших. Из прибывших в Германию в 1911–1912 гг. почти 260 000 человек русскими «записались» лишь 1915, а в 1912–1913 гг. примерно из такого же числа — 6360[9]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Канаде. Так, из выехавших в Канаду бывших подданных Российской империи собственно русских было: в 1900–1903 гг. — 11 000 человек, что составляло 46% от общего числа; в 1904–1908 гг. — 17 000 (34%), в 1909–1913 гг. — 64 000 (56%), а всего за 1900–1913 гг. — 92 000[10].

Необходимо упомянуть и еще об одной категории российских эмигрантов — уехавших по религиозным мотивам. Их численность с 1826 по 1905 год, по сведениям В.Д. Бонч-Бруевича, составила 26,5 тыс. православных и сектантов, из которых 18 тыс. выехали в последнее десятилетие XIX века и в пять предреволюционных лет.

Наиболее крупными потоками *религиозной* российской *эмиграции* до 1917 года были главным образом духоборы, молокане и старообрядцы. В 1890-х годах усилилось движение духоборов с целью переселения в Америку. Часть духоборов была выслана в Якутию, но многие добились разрешения на переселение в Америку. В 1898—1902 гг. около 7,5 тыс. духоборов переселились в Канаду, многие из них затем переехали в США. В 1905 году добились разрешения на переселение в Канаду и некоторые духоборы из Якутии. В первое десятилетие XX века выехали в США более 3,5 тыс. молокан, селились они главным образом в Калифорнии. Духоборы, молокане и старообрядцы во многом определяли характер русской эмиграции в Америку в начале XX века. В частности, в 1920 году в Лос-Анжелесе из живших там 3750 русских только 100 человек были православными, остальные 97% являлись представителями различных религиозных сект[11]. Духоборы, старообрядцы на Американском континенте благодаря достаточно обособленному образу жизни в значительной степени смогли сохранить и по сей день русские традиции и обычаи. Несмотря на значительную американизацию жизни и экспансию английского языка, они даже и сейчас продолжают оставаться островками России за рубежом.

Нельзя не упомянуть и о массовой эмиграции за рубеж представителей *национальных меньшинств* царской России в XIX веке, в первую очередь татар, немцев, поляков и евреев. Во многом эта эмиграция вызвана была религиозными причинами. Но эти потоки эмиграции не являются предметом изучения данной работы, ибо с большой натяжкой можно считать русской или российской эмиграцией выезд немцев-меннонитов, крымских татар, поляков, большей части иудеев, хотя они и эмигрировали из России. Мы не рассматриваем в нашей работе такие группы, потому что они очень быстро теряли какую-либо связь с Россией и российской культурой. Хотя масштабы подобной эмиграции из дореволюционной России были значительны, но правильнее было бы для нее употреблять термин «переселение из России». Вряд ли оправданно было бы рассматривать как потомков российских эмигрантов татарское население Турции, да они и сами отождествляют себя даже не с татарами, а с турками. Так же, как некорректно было бы рассматривать американского режиссера С.Спилберга и фокусника Д.Копперфильда как представителей российской диаспоры на Американском континенте только на том основании, что их предки были выходцами из Одессы. Весьма проблематично обнаружить и какое-либо влияние российской культуры у потомков немецких переселенцев из России XIX века в Германии и США.

Своеобразие и необычность *еврейской эмиграции* из России связаны с тем, что она включает в себя все возможные типологии эмиграции: политическую, трудовую, религиозную, национальную, часто взаимно переплетенные и трудно вычленяемые. Яркой особенностью части еврейской эмиграции является то, что часть ее вот уже на протяжении более 150 лет сохраняет элементы российской культуры и русский язык, свидетельство чему — большое количество созданных ею русскоязычных газет, журналов, организаций, использующих русский язык как средство общения. Начало массовой еврейской эмиграции относится к 70-м годам XIX века, причем более 90% еврейских эмигрантов направлялись в США. В 70-е годы из всех российских эмигрантов, прибывших в США, 42% составляли евреи, в 80-е годы они составили уже 58,2%. Абсолютное число еврейских эмигрантов продолжает увеличиваться на всем протяжении XIX — начала XX века. Во многом это было связано с ограничением прав евреев в России в 80-е годы, в частности с введением в действие в 1882 году «Временных правил» проживания евреев в сельской местности. Они запрещали евреям селиться вне городов, приобретать собственность, арендовать землю. В 1887 году евреям было запрещено селиться в Ростове-на-Дону и Таганрогском уезде, в 1891-м — в Москве и Московской области. В 1886—1887 годах были изданы постановления, ограничивающие право евреев поступать в гимназии и реальные училища на всей территории России. В США еврейские эмигранты заселяли в основном штаты Северной Атлантики, в первую очередь Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильванию. В 1891—1900 гг. в США выехали 234,2 тыс. российских евреев, что составило 36,5% всех российских эмигрантов, прибывших в США. Своего пика еврейская эмиграция достигает в начале XX века. В 1901—1910 гг. в США прибыли 704,2 тыс. евреев, что составило 44,1% всех российских переселенцев. Еврейскую эмиграцию нельзя отнести к *трудовой* или *временной*. Среди евреев практически не было реэмигрантов, то есть они сознательно пытались найти в стране въезда новую родину. Отчасти это объясняется и особенностями российского законодательства того периода. В царской России эмиграция была запрещена — разрешался лишь временный выезд за границу. Исключением из этого правила были только евреи, получившие по «Правилам» от 8 мая 1892 право официально уезжать из страны без права возвращаться обратно.

О численности выехавших из России в 1900—1917 гг. и осевших в разных странах эмигрантов наглядно свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3.

3 Заказ 2370

Таблица 3. **Сопоставление численности осевших эмигрантов с общей численностью выехавших из России в 1900–1917 гг.**

Страна	Осевшие (тыс.человек)	% к общему числу
Европейские	105	6,8
Азиатские	60	3,6
Африканские	4	0,3
Австралия	3	0,3
Южноафриканские	70	4,2
Североамериканские, включая Канаду	74	4,5
США	1 300	78,5
Не учтены в статистических материалах	30	1,8
Итого	1 646	100

Политическая эмиграция — явление сложное, многообразное, включающее в себя весь спектр общественной жизни дореволюционной России. Пожалуй, нет ни одного заметного течения в политической, общественной жизни дореволюционной России, которое не было бы представлено в эмиграции. Политические эмигранты из России издавали только в Европе за период 1855–1917 гг. 287 газет и журналов. Еще одна особенность политической эмиграции — ее тесное переплетение и взаимосвязь с трудовыми, национальными и религиозными эмигрантами. Такое многообразие фактически не поддается никакой классификации. Традиционные принципы деления течений политической эмиграции на консервативную, либеральную, социалистическую или дворянскую, разночинную, пролетарскую эмиграцию и т.д. не отражают всего спектра российской политической эмиграции. Весьма условно можно выделить в истории политической эмиграции до 1917 года два этапа: **народнический,** ведущий свое начало от эмиграции в 1847 году А.И. Герцена и заканчивающийся в 1883 году с образованием в Женеве группы «Освобождение труда», объединившей первых русских марксистов-эмигрантов (Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч и др.), и **пролетарский** (с 1883 по

1917 год)*. Для первого, народнического, этапа характерно отсутствие политических партий с четко выраженной структурой и немногочисленность политических эмигрантов. В основном это народовольцы, или, как принято их называть в марксистской историографии, «представители второго этапа революционного движения». Второй этап истории политической эмиграции характерен образованием огромного количества различных групп, обществ и партий политических эмигрантов. Причем это уже не протопартии, а настоящие партии с четко организованной структурой. Второй этап отличается от первого также своей относительной массовостью — колонии русских эмигрантов, редакции органов печати, партийные органы образовались в это время во всех крупных городах Европы. Основными центрами российской эмиграции являлись Женева, где на протяжении 1855—1917 гг. издавалось 109 российских периодических изданий, Париж (95), Лондон (42), Берлин (17)[12]. К началу XX века за пределами России действовало более 150 российских политических партий. Характерной чертой порядка образования и стратификации российских политических партий было первоначальное оформление партий социалистической ориентации, затем либеральной и, наконец, консервативной.

Одним из первых политических эмигрантов XIX века был профессор Московского университета В.С. Печерин (1807—1885). В 1836 году он выехал из России, став политическим эмигрантом. Впоследствии Печерин принял католичество и стал одной из самых заметных фигур в Ордене редемптористов, известным просветителем в Ирландии. Он не был революционером, но активно сотрудничал с Герценом (Герцен опубликовал в «Полярной звезде» свою переписку с Печериным). В 1840 году началась первая эмиграция М.А. Бакунина, закончившаяся выдачей его царскому правительству в 1851 году. В 1843 году невозвращенцем стал И.Г. Головнин — чиновник российского Министерства иностранных дел, проживший впоследствии в Европе и Америке несколько десятков лет. Головнин был и автором первой революционной эмигрантской брошюры, изданной в 1849 году, — «Катехизис русского народа».

---

* Н.Л. Пушкарева предлагает более сложную классификацию русской политической эмиграции до 1917 года, выделяя в ней пять волн: 1) 1825—1850-е гг. (центр Париж); 2) 1860—1870-е гг. (центр Лондон и города Швейцарии); 3) конец 1870-х годов —1895 г. (центр Женева); 4) 1895—1905 гг. (центры Женева, Париж); 5) 1906—1917 гг. (центр Париж и города Швейцарии, Австрии, Англии). См.: *Пушкарева Н.Л.* Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. // ЭО. 1992. № 6. С. 18—19.

Но политическая эмиграция как явление начинается с А.И. Герцена, выехавшего за границу в 1847 году. В 1853 году Герцен основал в Лондоне Вольную русскую типографию. С 1855 года издавал альманах «Полярная звезда», в 1857—1867 годах выпускал вместе с Н.П. Огаревым первую русскую революционную газету «Колокол». Первую, достаточно многочисленную группу политических эмигрантов составили народовольцы, в эмиграции спасавшиеся от репрессий царского правительства. Виднейшими представителями этого движения политических эмигрантов были П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, П.А. Кропоткин, С.М. Степняк-Кравчинский.

Важным событием в истории российской политической эмиграции было создание в 1870 году в Женеве группой эмигрантов во главе с Утиным Русской секции Интернационала. Наиболее известными организациями народнического толка были «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел». Из русской зарубежной прессы этого периода выделяются издававшийся Лавровым в Цюрихе и Лондоне журнал «Вперед» (1873—1877), газета Ткачева «Набат», выходившая в Женеве и Лондоне (1875—1881), «Вестник народной воли» (1883—1886), женевская газета «Зерно» (1880—1881), лондонская «На родине» (1882—1883), «Народная воля. Социально-революционное обозрение» (1879—1885) и др.

В 70-е годы XIX века народовольцы стали проникать и в Америку. В 70-х годах там уже существовало несколько кружков и общин русских революционных эмигрантов (коммуна Фрея, Г.А. Мачтета и др.). Примечательной личностью среди русских эмигрантов в Америке был бывший иеродиакон российской миссии в Афинах, затем сотрудник Вольной русской типографии Герцена и с 1864 эмигрант в США Агапий Гончаренко. Он считается родоначальником русской прессы в Америке. Первым же политическим эмигрантом в США был полковник Генерального штаба И.В. Турчанинов, эмигрировавший в США в 1856 году. Впоследствии он вошел в историю Америки как один из героев войны между Севером и Югом, в которой он принимал участие на стороне северян, командуя полком. До начала 1880-х годов число русских политических эмигрантов в Америке было крайне незначительно. Усилился поток политических эмигрантов после воцарения Александра III. Среди российских политических эмигрантов в США этого периода можно назвать Н.К. Судзиловского, Н. Алейникова, П.М. Федорова, В.Л. Бурцева и других. В 1893 году, после заключения договора между правительствами США и России о выдаче политических эмигрантов, многие российские эмигранты вынуждены были выехать из США

либо принять американское гражданство. Для политической эмиграции в США, как и для всей политической эмиграции, характерно постепенное отступление на задний план его народнической составляющей и (к началу 1890-х годов) полное доминирование социал-демократов. В частности, в 1890-х годах в Нью-Йорке активно действовало Русское социал-демократическое общество, в Чикаго — группа русских социал-демократов. Русские социал-демократы были связаны с группой «Освобождение труда», а впоследствии с редакцией «Искры». Число российских политических эмигрантов в Америке значительно выросло после поражения революции 1905—1907 годов.

Значительным эпизодом в истории российской политической эмиграции была деятельность друга Герцена, сановного оппозиционера князя П.В. Долгорукова. Долгоруков сотрудничал с герценовским «Колоколом», предоставляя информацию, компрометирующую правящие слои царской России, из своего нелегально вывезенного архива. Долгоруков издавал и свои газеты: «Будущность», «Листок», «Правдивый» и др. Вот лишь некоторые из публикаций князя Долгорукова: «Нынешнее положение дел при дворе», «Император Александр Николаевич. Его характер и образ жизни. Его жена Мария Александровна», «О том, что происходит в Министерстве финансов», «Карьера Мины Ивановны» и т.д.

Начало второго, или пролетарского, этапа образования российской политической эмиграции до 1917 года связано с созданием в 1883 году в Женеве группы «Освобождение труда». У ее истоков стояли бывшие лидеры народнического движения: Г.В. Плеханов, участник организации «Земля и воля» и лидер «Черного передела», П.Б. Аксельрод, соратник Плеханова по «Черному переделу», бывший главный редактор бакунинской газеты «Община», землеволец В.Н. Игнатов и др. Группа положила начало марксистскому направлению в истории политической эмиграции. За рубежом участники группы «Освобождение труда» издавали «Библиотеку современного социализма» и «Рабочую библиотеку». Деятельностью группы «Освобождение труда» было подготовлено и образование в 1898 году, и окончательное оформление в 1903 году РСДРП, причем в образовании РСДРП большую роль сыграли члены группы «Освобождение труда» Плеханов, Аксельрод, Засулич. РСДРП создала наибольшую, по сравнению с другими эмигрантскими партиями и объединениями, инфраструктуру партийных организаций и групп за рубежом. В частности, заграничные группы РСДРП работали в Женеве, Берне, Париже, Берлине, Мюнхене, Карлсруэ, Фрейбурге, Бостоне, Будапеште, Львове, Лейпциге, Мангейме,

Брюсселе, Ницце, Сан-Ремо, Гамбурге, Лозанне, Бремене, Льеже, Ганновере, Антверпене, Давосе, Копенгагене, Тулузе, Чикаго, Нью-Йорке и во многих других городах Европы и Америки[13]. Наиболее известные печатные органы РСДРП — газеты «Искра», «Заря», «Вперед», «Пролетарий», «Правда», «Социал-демократ» и др. В 1908 году центр русской политической эмиграции переместился из Женевы в Париж.

Как уже указывалось выше, эмиграция, особенно эмиграция XIX — начала XX века, — явление сложное, многообразное, не укладывающееся в прокрустово ложе никакой классификации и систематизации. Деление эмигрантов на политических, экономических, покинувших Родину из-за религиозных притеснений и т. д. далеко не охватывает всех составляющих эмиграции. Мотивы, причины, побудившие человека стать эмигрантом, часто очень индивидуальны. И у каждого человека своя история. Единственное, что объединяет эту общность, группу людей, называемую эмигрантами, — это то, что они все покинули Родину на длительное время, а иногда и на всю жизнь.

Во второй половине XIX — начале XX века за границей проживали многие деятели российской науки, культуры и просто богатые дворяне. Подолгу жили за рубежом Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, К.П. Брюллов, И.И. Мечников и многие другие. Причины их эмиграции самые различные. Часто это поиск более благоприятных условий для творчества и научной работы, личные причины. Эти разнообразные мотивы часто переплетались.

З.А. Волконская навсегда покинула Россию в 1829 году и поселилась в Риме, где прожила около тридцати лет. Вилла З.А. Волконской на долгие годы превратилась в главный культурный центр Российского Зарубежья первой половины и середины XIX века. И поныне эта вилла с огромным садом называется «вилла Волконской». На вилле З.А. Волконская создает Аллею воспоминаний. Она устанавливает мраморные стелы в честь А.С. Пушкина и Н.М. Карамзина, урну в память Д.В. Веневитинова. Частыми гостями у Волконской были Н.В. Гоголь, А.И. Тургенев, М.И. Глинка, К.П. Брюллов, А.А. Иванов, В.А. Жуковский и многие другие. Салон Волконской в Риме был одним из самых известных в Европе. Здесь собирались деятели не только российской культуры, но и Западной Европы. У Волконской писатели читали свои рассказы, стихи, пьесы, композиторы знакомили публику с новыми произведениями. Часто бывали концерты и даже ставились оперы. На вилле Волконской была также огромная библиотека и богатая коллекция произведений искусства[14]. В феврале 1915 года в Риме с целью оказания

помощи русским эмигрантам, объединения русской колонии было создано Общество имени А.И. Герцена. Учредителями общества были Г.И. Шрейдер, В.Н. Рихтер и другие эмигранты.

С 1847 года и до самой смерти в 1883 году прожил за рубежом, в основном во Франции, И.С. Тургенев. В 1877 году эмигрировал во Францию историк, географ, член Русского географического общества, корреспондент журнала «Колокол» М.И. Венюков. В начале 30-х годов XIX века выехали за границу на постоянное место жительства мать и дочь Верещагины — Елизавета Аркадьевна и Александра Михайловна. А.М. Верещагина, кузина Лермонтова, в годы жизни в Москве дружила с ним и состояла в переписке. В 1837 году А.М. Верещагина вышла замуж за барона Карла фон Хюгеля и с тех пор в Россию не возвращалась, живя в основном в Париже и Штутгарте.

Русский микробиолог, лауреат Нобелевской премии И.И. Мечников жил во Франции с 1888 года до самой своей смерти в 1916 году. Мечников в 1888 году принял предложение Луи Пастера и возглавил самую крупную лабораторию бактериологического института в Париже, с 1903 года он был одновременно и заместителем директора этого учреждения[15].

Центрами российского дореволюционного зарубежья были и многочисленные русские библиотеки, имеющиеся во многих городах Европы. Одной из первых русских эмигрантских библиотек была Славянская библиотека в Париже, основанная в 1855 году русскими иезуитами по инициативе князя И.С. Гагарина. Значительным культурным центром русской колонии в Париже была Русская библиотека им. И.С. Тургенева. Она открылась в январе 1875 года. Ее основателями были И.С. Тургенев и Г.А. Лопатин. В 1883 году, после смерти Тургенева, библиотеке было присвоено его имя. В Риме в 1902 году открылась также Русская библиотека им. Н.В. Гоголя. Первые поступления в библиотеку были из прекратившего свое существование Клуба русских художников в Риме — несколько тысяч томов. В библиотеке часто устраивались чтения, концерты, диспуты. В качестве лекторов выступали П.Д. Боборыкин, С.М. Волконский, В.Ф. Эрн, С.М. Соловьев и др. По средам устраивались недельные собрания для русских эмигрантов в Риме. Библиотека им. Н.В. Гоголя была внепартийным учреждением и стремилась быть одинаково доступной всем российским эмигрантам независимо от их политических взглядов. Членский взнос для членов библиотеки равнялся 15 франкам. С 1912 году в Риме существовало также общество русской библиотеки-читальни имени Л.Н. Толстого. Членом Общества мог быть любой русский эмигрант, проживший в Риме не менее трех месяцев[14].

Самым крупным книжным собранием русских книг за пределами России обладала библиотека «Славика» при Александровском университете в Хельсинки, с 1828 года и вплоть до 1917-го регулярно получающая по указу Николая I обязательные экземпляры всех книг, издававшихся в Российской империи. Кроме того, она пополнялась за счет пожертвований и именных даров. Самым ценным из них был «Александровский дар», поступивший от сына Великого князя Константина Павловича Павла Константиновича Александрова. Он передал в дар библиотеке «Славика» 24 000 томов из двух библиотек — Большой гатчинской и библиотеки Мраморного дворца, в основном старые книги XVII и XVIII веков. К 1917 году в библиотеке насчитывалось около 350 000 названий книг[17].

Нельзя не упомянуть еще одну большую группу русских людей, ставших невольными эмигрантами. Это русские люди, проживающие на территории Аляски, которые стали эмигрантами поневоле — после продажи в 1867 году Аляски Америке. В эмиграции также невольно оказались и приходы Русской Православной Церкви.

Свое начало Русская Православная Церковь в Америке ведет от первой православной миссии на Аляске (1794). С продажей Аляски в 1867 году Русская Церковь в Америке оказалась на территории уже другого государства — США. С этого времени ее прихожане пополняются в основном за счет обращенных американцев. Фактически с 1867 года РПЦ в Америке становится Поместной Православной Церковью, то есть, обретя «свое место», она находится в канонической зависимости от РПЦ. Постепенно храмы РПЦ появляются и на исконной территории США (Сан-Франциско, 1867; Нью-Йорк, 1870), причем в число их прихожан входят уже все православные, живущие в США: сербы, греки, сирийцы, выходцы из Австро-Венгрии и т. д. В 1903 году в Русской Церкви в Америке было 52 храма, 69 часовен. Число зарегистрированных прихожан доходило до 32 000 человек, причем выходцев из России было всего 876[18]. Чтобы не вводить в смущение прихожан, не имеющих русского подданства, Святейший Синод Указом от 27 января 1906 г. разрешил практику поминовения на богослужениях не императора Николая II, а президента США. К 1917 году в Американской Церкви насчитывалось уже около 100 000 зарегистрированных прихожан и 306 церквей и часовен. Кроме того, к Русской Церкви принадлежали Сиро-Арабская миссия, Сербская и Албанская миссии.

Подводя итог анализу российской эмиграции в дореволюционной России, можно сделать следующие выводы. Эмиграция как явление, предмет изучения историков, демографов и других спе-

циалистов появляется в России только с середины XIX века. Именно с середины XIX века можно говорить о таких понятиях, как российская эмигрантская пресса, литература Русского Зарубежья. На протяжении второй половины прошлого столетия — начала нынешнего в Европе и Америке образуется достаточно большая русская диаспора со своей инфраструктурой эмигрантских учреждений, редакциями газет и журналов, архивами и библиотеками. Следует отметить, что дореволюционная эмиграция XIX — начала XX веков была самой значительной по своим размерам: по сравнению с последующими эмиграциями число выехавших из России в этот период превышает 7 миллионов человек[19]. Во многом это объясняется тем, что дореволюционная эмиграция была более длительной по времени и не вызвана какими-либо политическими катаклизмами, в отличие от последующих эмиграций. При этом в царской России эмиграция не регулировалась законодательно. Переход российских граждан в другое гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего надо было ходатайствовать о продлении срока, в противном случае человек считался потерявшим гражданство, его имущество переходило в опекунское правление, а сам он, вернувшись в Россию, подлежал вечной ссылке. Таким образом, до 1917 года эмиграция из России носила полулегальный характер и фактически никак официально не регулировалась.

Как показано выше, в дореволюционный период преобладала трудовая, или экономическая, эмиграция. Особенностью большинства эмигрантов (исключение составляют духоборы и старообрядцы) было стремление как можно быстрее адаптироваться к новой жизни, найти свое место в чужой стране. Большинство их осело в Америке.

Февральская революция 1917 года положила конец «антицаристской» политической эмиграции. В марте 1917 года в Россию вернулось большинство революционеров разных политических оттенков. Для облегчения их репатриации были созданы даже комитеты по возвращению на родину. Они действовали во Франции, Швейцарии, Англии, США. Но уже в ноябре 1917 года стало получать развитие противоположное явление — эмиграция, несущая антисоветский, антибольшевистский и антикоммунистический характер. Она получила название *белой эмиграции,* или *первой волны русской эмиграции.* На ней следует остановиться более подробно, так как именно «первая эмиграция» сыграла значительную роль в развитии и сохранении русской национальной культуры, ее духовных корней.

1.2.2. Первая волна русской эмиграции*

Русская эмиграция *первой* послереволюционной волны, часто называемая «белой», — явление уникальное, беспримерное в мировой истории. И не только своими масштабами, но и вкладом в мировую и российскую культуру. Эмигранты первой волны не только сохранили, но и приумножили многие традиции российской культуры. Именно ими были вписаны многие блестящие страницы в историю мировой литературы, науки, балета, театра, кино, живописи и т. д. Именно ими был создан «материк», не обозначенный ни на одной карте мира, с названием «Русское Зарубежье».

Географически эта эмиграция из России была прежде всего направлена в страны Западной Европы. Основными центрами русской эмиграции первой волны стали Париж, Берлин, Прага, Белград, София. Значительная часть эмигрантов оседала также в Харбине, а в первое время — в Константинополе. Первые русские трудовые и религиозные эмигранты в Австралии появились еще в XIX веке, но это не было массовым явлением. Следует отметить, что еше Н.Н. Миклухо-Маклай планировал организовать в Новой Гвинее русскую колонию и его идея была благожелательно встречена Александром III, но из этого ничего не получилось[20]. После 1905 года в Австралии начали появляться и первые политические эмигранты. После 1917—1921 гг. в Австралии появились новые эмигранты, бежавшие из Советской России, но их было очень немного. Основными центрами новой эмиграции были Брисбен, Мельбурн, Сидней.

Эмигранты первой волны считали свое изгнание вынужденным и кратковременным эпизодом, надеясь на скорое возвращение в Россию после быстрого, как им казалось, крушения советского государства. Во многом этими причинами вызвано их стремление обособиться от активного участия в жизни стран пребывания, противодействие ассимиляции и нежелание адаптироваться к новой жизни. Они стремились ограничить свою жизнь рамками эмигрантской колонии. Вот как писал об этом известный эмигрантский поэт и публицист С.М. Рафальский: «Как-то стерлась в зарубежной памяти и та блестящая эпоха, когда эмиграция еще пахла пылью, порохом и кровью донских степей, а ее элита по любому звонку в полночь могла представить на смену "узурпаторам" и полный комплект Совета министров, и необходимый кворум Законодательных

---

* В данном параграфе использованы материалы книги М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции». М.: Родник, 1994.

Палат, и Генеральный штаб, и корпус жандармов, и Сыскное отделение, и Торговую палату, и Священный Синод, и Правительствующий Сенат, не говоря уже о профессуре и представителях искусств, в особенности литературы»[21].

Первая эмиграция состояла из наиболее культурных слоев российского дореволюционного общества, с непропорционально большой долей военных. По данным Лиги Наций, всего Россию после революции покинули 1 160 000 беженцев. Около четверти из них принадлежали к Белым армиям, ушедшим в эмиграцию в разное время с разных фронтов[22].

Их последний крупный контингент, ведший традицию от первого ядра добровольцев, прибыл в Константинополь в ноябре 1920 года из Крыма (эвакуация происходила с 11 по 16 ноября нового стиля): в те дни примерно на 130 судах Россию покинули около 150 000 военных и гражданских лиц. Константинополь после капитуляции Османской империи был оккупирован войсками Антанты — военными союзниками России. Однако они отнеслись к русским как к нежеланной обузе (неделю пришлось беженцам в неописуемых условиях ждать разрешения сойти на берег) и потребовали роспуска 60-тысячной армии.

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,
В своего стрелял коня.

А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.

Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.

Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Николай Туроверов

Генерал П.Н. Врангель (последний преемник законной русской власти от Колчака и Деникина) требовал уважения к армии, верно исполнившей союзный долг и до конца сопротивлявшейся немцам и их ставленникам-большевикам: «Я несколько недоумеваю, как могут возникать сомнения, ибо принцип, на котором построена власть и армия, не уничтожен фактом оставления Крыма»[23]. Но французский премьер Клемансо уже заявил, что «России больше нет». Франция сочла себя свободной от союзных обязательств и согласилась лишь обеспечить снабжение на кратковременный период «распыления» русских войск. Англичане (Ллойд-Джордж) вообще отказались от помощи, настаивая на немедленной репатриации эмигрантов в Советскую Россию (где в это время шел крымский террор Бела Куны и Землячки: были расстреляны многие десятки тысяч человек)...

Русские не считали, что борьба проиграна окончательно. Они «оставили Крым не с тем, чтобы жить за пределами своего отечества, как эмиграция. Они хотели оставаться русскими, вернуться в Россию и служить только России. Они уходили со своими учреждениями учебными и санитарными, со своим духовенством, наконец, со своим флотом и со своей военной организацией. Войска временно расположились, почти без средств обустройства, в лагерях Чаталджи, Галлиполи и Лемноса (в районе проливов); флот был отведен в Бизерту (Северная Африка). Вскоре из Чаталджи пришлось отойти дальше: союзники боялись, что русские части возмутятся и захватят Константинополь»[24].

Еще «сильнее, чем физические лишения, давила нас полная политическая бесправность. Никто не был гарантирован от произвола любого агента власти каждой из держав Антанты. Даже турки, которые сами находились под режимом произвола оккупационных властей, по отношению к нам руководствовались правом сильного».

В компенсацию за снабжение Русской армии продовольствием французы «просто реквизировали все имущество, вывезенное из Крыма. Сперва они наложили руку на три больших парохода с углем... а потом им это понравилось, и они распространили эту меру на все, что находилось на судах. Особенно тяжело было для нас потерять грузы, находившиеся на «Рионе», это был наш единственный запас обмундирования и материалов для шитья теплой одежды, а между тем войска очень страдали от холода и плохого обмундирования, пришедшего в полную негодность во время последних боев и эвакуации. Стоимость этого имущества оценивалась во много десятков миллионов франков, средств приобрести новые материалы у нас не было, таким образом, отпадала последняя надежда сносно

одеть людей, хотя наступала уже зима, дул вечный ветер, постоянно шел мелкий дождь», — вспоминал Н.В. Савич, ближайший сотрудник генерала Врангеля, ответственный за финансы.

В числе реквизированных грузов были 45 000 винтовок, 350 пулеметов, сотни тысяч гранат и снарядов, 12 миллионов патронов, 300 000 пудов зерна, 20 000 пудов сахара, 50 000 пудов другого продовольствия, 200 000 комплектов обмундирования, 340 000 — белья, 58 000 пар обуви и многое другое, необходимое для жизни[25].

Французы взяли себе «в компенсацию» и все русские торговые и военные суда. Затем конфисковали остатки денег врангелевского правительства в парижском банке. Затем — личные счета лиц из окружения Врангеля... Савич, стараясь не обижать французов, пишет, что пропитание русских тоже стоило Франции немалых средств, и считает, что, в общем-то, французская помощь «заслуживала благодарности». Но все же русские были союзниками, и к ним можно было ожидать другого отношения. Французы могли вспомнить хотя бы о том, что именно вступление в войну Русской армии — неподготовленное, неудачное, оплаченное большой кровью — спасло Францию в 1914 году... (Маршал Фош позже признавал: «Если Франция не стерта с карты Европы, она этим прежде всего обязана России»[26].)

Еще тяжелее пришлось в Константинополе гражданским беженцам, в том числе предыдущих эвакуаций (из Новороссийска и Одессы). Получить визу в другие страны было невозможно. «Началось тяжелое существование, когда человек всецело поглощен заботами о насущном хлебе, о ночлеге, о том, чтобы как-нибудь добыть средства для своей семьи. Тяжело было видеть старых, заслуженных людей с боевыми отличиями, торгующих разными безделушками на Пере, русскую девушку в ресторанах, детей, говорящих по-русски, в ночную пору на улицах, заброшенных и одичавших...» Были рады любой работе: «Бывший камергер чистил картошку на кухне, жена генерал-губернатора стояла за прилавком, бывший член государственного совета пас коров... Жены офицеров становились прачками, нанимались прислугой. Появиться в хорошем костюме, обедать в модном ресторане было предосудительным. Это могли позволить себе только спекулянты»[27], — свидетельствуют два других очевидца.

«Мы испили чашу национального унижения до дна... Мы поняли, что значит сделаться людьми без отечества. Весь смысл армии в том и заключался, что, пока была армия, у нас оставалась надежда, что мы не обречены затеряться в международной толпе, униженные и оскорбленные в своем чувстве русских»[28]. Думается, именно по-

этому гражданская колония русских в Константинополе проявила более, чем где-либо, национально-политическое единство, образовав надпартийный Русский Совет и оказав положительное влияние на некоторые первые начинания в европейских эмигрантских столицах.

Французы сокращением пайков, угрозами и обманом старались заставить русских военных либо вернуться в Россию, либо ехать в Бразилию рабочими на плантациях, либо перейти на положение беженцев и «распылиться». Но даже под угрозой голода в Россию вернулись лишь около 6000 казаков, еще меньше предпочли покинуть армию как беженцы. Часть из них генерал Врангель сам старался устроить в другие страны — больных и менее пригодных к строевой службе.

Положение осложнилось весной, когда «внезапно появились всевозможные политические агитаторы — платные агенты, которые были готовы обещать все, что от них хотели услышать... Эту ситуацию использовали и большевики... и агенты-вербовщики Иностранного легиона... собравшие немалый урожай. Затем появились католические монахи, обещая нуждавшимся и отчаявшимся утешение и покой в лоне единственно благодатной Церкви... Даже спокойный и владевший собой Врангель вспылил и заявил французам: "Если французское правительство настаивает на том, чтобы уничтожить Русскую армию, наилучшим выходом было бы высадить ее с оружием в руках на берегу Черного моря, чтобы она могла по крайней мере достойно погибнуть..."»[29].

Дело сильно осложнялось тем, что бывшие члены и дипломаты Временного правительства, созвавшие в Париже «Совещание послов», отказались предоставить зарубежные русские средства для нужд эвакуированной армии. Они считали себя преемниками законной власти, отвергая это право за Врангелем, и повели против сохранения армии активную кампанию. Это очень устраивало французское правительство, которое могло теперь ссылаться на то, что даже «авторитетные русские круги» выступают против «бессмысленного упорствования» Врангеля...

Генерал Врангель был изолирован французами от армии (в этом контексте стоит отметить, что какое-то судно «случайно» протаранило и утопило его яхту; к счастью, на борту никого не было). Поддержанием духа воинов занимались ген. А.П. Кутепов и комендант Галлиполи ген. Б.А. Штейфон. О результатах один из гражданских наблюдателей писал:

«Совершилось русское национальное чудо, поразившее всех без исключения, особенно иностранцев, заразившее непричастных к

этому чуду и, что особенно трогательно, не сознаваемое теми, кто его творил. Разрозненные, измученные духовно и физически, изнуренные остатки армии ген. Врангеля, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев создали при самых неблагоприятных условиях крепкий центр русской государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры работали, спали и ели рядом, буквально из одного котла, — армию, отказавшуюся от личных интересов, нечто вроде нищенствующего рыцарского ордена, только в русском масштабе, — величину, которая своим духом притягивала к себе всех, кто любит Россию»[30].

Это «крошечное русское государство» на берегу Мраморного моря произвело впечатление даже на турок. Вследствие высокого уровня образования большинства русских «они играли в Галлиполи, бесспорно, доминирующую роль, потеснив влияние французов. На улицах городка появились русские вывески и надписи, на домах развевались русские знамена: Галлиполи стал *русским городом* (в котором русские составляли около 50% населения)»[31].

Следует подчеркнуть: ни генерал Врангель, ни генерал Кутепов уже не имели бесспорных юридических прав принуждения. Подчинение им было добровольным. Как писал позже, в 1927 году, Н.Савич:

«Таким путем закладывался фундамент морального воспитания и обновления духа большой группы русских людей, пронесшей на своих плечах всю тяжесть междоусобной войны, испытавшей конечное поражение и изгнание, но не растерявшей духа, оставшейся морально целой, не сломленной несчастиями. Она закалилась в испытаниях, и на ней оправдались слова поэта: *так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат.* Судьба помогла Врангелю выковать моральную силу тридцати тысяч русских людей. Он сам, его сотрудники и помощники не опустили рук, когда, казалось, их роль в истории была уже сыграна». Они сумели «сохранить будущей России кадр людей, редкий по моральным качествам...»[32]

Этим людям не было суждено увидеть Россию. Галлиполийское чудо, длившееся около года, было последним подвигом Белой армии. Но им предстояло оказать решающее влияние на становление русской политической эмиграции.

Поняв, что от бывших союзников помощи ожидать нечего, генерал Врангель заявил: «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаянием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы.

Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием»[33].

К 1922 году русские войска были приняты в основном Югославией и Болгарией (где они сразу же помогли болгарам справиться с коммунистическим путчем). Несмотря на противодействие французов, которые добивались роспуска армейских структур даже при эвакуации, армия была сохранена в виде рассеянного по разным странам Русского Обще-Воинского Союза (РОВС); там, где удавалось, — в виде военизированных рабочих формирований. Русские воины шли на самые тяжелые работы, в шахты (одним из будущих политических очагов русской молодежи стал рудник Перник в Болгарии). Однако на Балканах не могло найтись работы для всех. С трудом удавалось находить пристанище в других странах. Многие были вынуждены уехать в Южную Америку на плантации или на строительство железных дорог. (Условия были следующими: 8—10-часовой рабочий день; одно свободное воскресенье в месяц; стоимость переезда через океан вычиталась из зарплаты...) Знаменитые русские шоферы такси в Париже — это считалось привилегированным занятием.

Как писал Е.Тарусский, автор «Монмартрского шофера», — для большинства понижение социального статуса было столь резким, что некоторые офицеры стыдились сообщать иностранцам свои звания. Однажды немецкая газета с удивлением сообщила, что у крестьянина двадцать лет пробатрачил русский эмигрант, и лишь после его смерти из бумаг стало известно, что он был генералом: «Попав в тяжелое положение, которое, по его мнению, было несовместимо с генеральской честью, он не пожелал раскрыть своего прошлого и вызвать этим сочувствие, сострадание...» Щепетильный в вопросах чести, «русский человек готов был работать через силу, чтобы только не услышать замечания. Эта черта русских, конечно, была замечена работодателями, и русская рабочая сила сразу же стала высоко котироваться на рабочем рынке...». Но «нигде русские офицеры-рабочие не поглощались общей массой. Они образовывали как бы русские колонии при заводах... В их среде были широко развиты правила взаимной выручки и поддержки». Они жили как бы двойной жизнью: днем тяжелая работа, а после нее они снова становились мичманами, капитанами, генералами... И если русский офицер «мог влачить с великим моральным и физическим напряжением свою первую жизнь, то только потому, что эти силы ему давала его вторая жизнь»; «...только мысль о том, что эта бессрочная каторга

кончится в момент освобождения Отечества, — только эта мысль поддерживала и давала все новые силы русскому офицеру»[34].

Несколько тысяч человек поступили во французский Иностранный легион, став его наиболее «дисциплинированной и боеспособной и наиболее ценимой частью». «На долю русских легионеров выпала тяжесть борьбы с рифянами, кабиллами, туарегами, друзами и другими восставшими племенами в период 1925—1927 гг. В раскаленных песках Марокко, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индо-Китая — всюду рассеяны» русские кости[35]...

Первые годы эмиграции были тяжелейшими и для гражданских лиц. «Кроме немногих банкиров, владельцев ресторанов, врачей и адвокатов, русские беженцы существовали в крайней бедности, в невозможных условиях; некоторые умирали с голоду», не имея ни денег, ни работы, ни социальных прав, — так описывает немецкий исследователь Х.-Е. Фолькман положение в послевоенной Германии, куда уже в 1919 году хлынул основной поток эмигрантов. Возникновение там множества эмигрантских профессиональных союзов было продиктовано прежде всего стремлением к взаимопомощи. Но все они зависели от благотворительных организаций, из которых главными были Русский Красный Крест (хранивший за границей дореволюционные средства для опеки военнопленных) и, конечно, иностранные учреждения: Международный Красный Крест (особенно помог американский) и католическая Церковь (которая не скрывала, что помимо благотворительной цели преследует и иную: «побуждение к переходу в унию» и даже прямо в католичество; для этого уже в 1917 году был создан «Папский Восточный Институт»; впрочем, как отмечает Фолькман, успеха на этом поприще достигнуто не было)[36].

Западной Европе еще не приходилось сталкиваться с таким количеством беженцев. Сначала Лига Наций и немецкое правительство пытались побудить эмигрантов вернуться в Россию. Однако Ф.Нансен, Верховный комиссар Лиги Наций по беженским делам (этот пост был создан в 1921 г.), смог уговорить лишь около десяти тысяч человек[37] (правда, с началом нэпа их число возросло). Русский Совет в Турции и другие организации выразили протест. Большевики тоже не очень настаивали на репатриации и указом от 15 декабря 1921 г. лишили гражданства всех эмигрантов, которые не возьмут советские паспорта к 1 июня 1922 г.

После этого Лига Наций приняла решение о расселении эмигрантов уже как бесподданных. В 1922 г. было принято решение о выдаче им соответствующих документов, и в 1924 г. были введены так называемые нансеновские паспорта, за которые с эмигрантов

4 Заказ 2370

взимался немалый сбор (на нужды эмиграции и на беженские учреждения самой Лиги Наций). Однако эти паспорта не устраняли огромных трудностей в получении виз и разрешений на работу, не давали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице — социальное положение эмигрантов оставалось прежним и зависело от усмотрения местных властей. Получение же гражданства было практически невозможно: например, в Германии дети, родившиеся у бесподданных, считались тоже бесподданными; немка, выходившая замуж за бесподданного, теряла собственное гражданство[38]. Причем немцы, по сравнению с другими странами, чинили беженцам наименьшие бюрократические препятствия. В других странах за малейшее нарушение закона эмигрантов высылали за границу. Нередки были самоубийства...

Эмиграция могла бы быть значительно большей, но пограничные с Россией страны (особенно скандинавские) заслонились кордоном, который удавалось преодолеть лишь немногим. Тот же И.В. Гессен приводит примеры высылки беженцев в Советскую Россию из Финляндии, убийство проф. А.Э. Нольде финским пограничником, расстрел семьи купца Рейдер с малолетним ребенком на румынской границе...[39]

Все это привело к немалому числу нелегальных эмигрантов (поэтому точная статистика эмиграции невозможна). Лишь в 1933 году была принята «Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев», но она могла войти в силу только после ее ратификации определенным числом стран, и за это в каждой стране шла продолжительная борьба (осложнявшаяся противодействием СССР, который вступил в Лигу Наций в 1934 году). Юридическое положение русских беженцев было урегулировано лишь после Второй мировой войны...

Сначала русская эмиграция имелась во всех странах, прилегавших к России, — как в Европе, так и в Турции, Иране, Индии, на Дальнем Востоке. Но не только беженцы составили Зарубежную Россию. Более восьми миллионов постоянного русского населения было на территориях, включенных в состав Чехословакии (Подкарпатская и Пряшевская Русь), Румынии (Бессарабия) и прибалтийских государств: Латвии (Латгалия и др.); Эстонии (части Петербургской и Псковской губерний); к Литве отошли районы с белорусским, а к Польше — обширные земли с белорусским и украинским населением. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин откровенно разъяснял: «Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии — Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии,

мы отдали чисто белорусские земли Польше. Это все связано с тем, что при нынешнем общем положении, при борьбе Советской Республики с капиталистическим окружением верховным принципом является самосохранение Советской Республики как цитадели революции... Мы руководствуемся не национализмом, но *интересами мировой революции»*[40]...

Согласно переписям 1920-х годов русскими (тогда к ним себя относили великороссы, малороссы и белорусы) записались: в Польше — 5 млн 250 тыс., в Румынии — 742 тыс., в Чехословакии — 550 тыс., в Латвии — 231 тыс. (до ограничений, введенных правительством Ульманиса, русский язык был там одним из трех государственных, и в основу судебного законодательства легло русское дореволюционное[41]), в Эстонии 91 тыс., в Литве 55 тыс., в Финляндии 15 тыс. Эти данные, приводимые П.Е. Ковалевским[42], совпадают с числом русских прихожан православных церквей; но для Финляндии цифра, возможно, занижена, ибо там насчитывалось 450 тыс. православных (в основном в финской части Карелии), из которых только 50 тыс. были финнами[43]. Поначалу все эти русские эмиграцией себя не считали, продолжая жить прежней, укорененной жизнью, и хотя большей частью это были крестьяне, не участвовавшие в политической жизни зарубежья, они тяготели к центрам эмиграции, а не к Советской России. (Именно потому, что они были оседлым национальным меньшинством, вскоре на них почти везде стало возрастать давление с целью ассимиляции, доходившее в некоторых странах до прямого насилия. В Румынии и Польше были запрещены русские школы, в Польше было закрыто и разрушено множество православных храмов, начались аресты православных священников, насильственная полонизация пяти миллионов русских под лозунгом: «Русских в Польше нет»...)

Особо следует отметить Маньчжурию, где еще до революции имелось около 200 тыс. русского оседлого населения, связанного с эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги: это было как бы государство в государстве, имевшее свои охранные войска, суд, средние и высшие учебные заведения, множество газет и журналов, десятки церквей, четыре монастыря; активно работала Русская духовная миссия в Китае. (Более подробно см. Приложение № 3.)

Оказались без связи с родиной и такие частицы России, как Духовная миссия в Иерусалиме и Св. гора Афон; в 1917 году в «Афонском листке» писалось, что «русских монахов на Афоне было большинство (5800 из 10 000): прошло бы еще немного времени, и Афон сделался бы совсем русским»[44]...

Если учесть и дореволюционных русских эмигрантов в США

(500 тыс.), Канаде (119 тыс.) и Западной Европе (50 тыс.), то за пределами Советской России всего оказалось около **10 млн русских**[45].

Точную численность первой волны эмиграции установить довольно сложно, так как не велось учета ни во время отъезда людей из России, ни после. Как мы уже указывали в начале этого параграфа, по данным Лиги Наций, всего Россию после революции покинуло 1 млн 160 тыс. беженцев. По некоторым другим данным, число русских, покинувших Россию в 1918—1922 годы, составило примерно 1,5—2 млн человек[46].

Примерную картину численности российских эмигрантов (в тыс. человек) и их расселения в 1920—1925 гг. по странам мира рисуют данные таблицы 4.

Таблица 4

Страны	1920 г.	1921 г.	1923 г.	1924 г.
Европейские:				
Австрия	–	5	–	2,5
Англия	–	15	15	3
Бельгия	–	–	–	10
Болгария	40	–	50	26,5
Венгрия	–	5	10	5,3
Германия	560	300*	400	150
Италия	20	15	15	1
Литва	–	50	5	10
Латвия	–	15	30	40
Польша	1 000 000**	400	125	90
Румыния	10	10	10	–
Франция	175	400	125	90
Финляндия	–	25	50	18
Чехословакия	–	50	35	30

Швейцария	–	4	–	2,3
Эстония	–	20	–	–
Югославия	20	35	50	свыше 35
Азиатские:				
Китай	–	–	100	76
Индия	–	–	2	–
Африканские:				
Тунис	свыше 5	–	–	–
Египет	–	–	1	1
США	–	–	около 30	–
Турция	200	90	10	3
Кипр	1,5	–	–	–

* На начало года. В конце 1921 г. число российских эмигрантов в Германии достигло 600 тыс., но уже к 1922 г. их численность стала снижаться.

** С учетом поляков, вернувшихся на родину из России, куда они были эвакуированы в годы Первой мировой войны.

Подведем итог. Более 8 млн постоянного русского населения было на территориях, включенных в состав Чехословакии (Подкарпатская и Пряшевская Русь), Румынии (Бессарабия) и прибалтийских государств. Согласно переписям 1920-х годов русскими (великороссы, малороссы и белорусы) записались в Польше 5 млн 250 тыс., в Румынии 742 тыс., в Чехословакии 550 тыс., в Латвии 231 тыс., в Эстонии 91 тыс., в Литве 55 тыс., в Финляндии 15 тыс. человек[47].

Следует также отметить, что в первые послереволюционные годы наблюдался процесс возвращения в Россию (главным образом из Америки) трудовых и религиозных эмигрантов, но из-за гражданской войны и последующей частичной изоляции России он не приобрел большого размаха. В частности, в ответ на обращение канадских духоборов к В.И. Ленину с просьбой о возвращении в Россию вождь писал: «Спешно. Очень спешно. Я вполне за. Мой взгляд: тотчас разрешить и ответить архивежливо. Опросить Политбюро (через Молотова) и СНК и позвонить мне»[48]. К несчастью духоборов и молокан, они подвергались репрессиям со стороны как советских,

так и канадских властей. В 1929 году началось движение за выезд в Америку духоборов и молокан Сальского округа. Они неоднократно обращались к правительству с просьбой о выезде, подчеркивая при этом, что их дорога в Америку будет оплачена американскими братьями. Основной причиной эмиграции они называли изъятие их земли в пользу совхозов и то, что они, как религиозные люди, никогда не примут советскую власть. Движение духоборов и молокан было расценено как возрождение традиций религиозной эмиграции дореволюционного периода, и в выезде им было отказано. Канадские власти также проявляли в отношении духоборов, в особенности свободно проповедующих возврат к истинному духоборству, насилие и произвол. В частности, практиковалась принудительное помещение детей в исправительные учреждения. При этом часто дело доходило до серьезных столкновений. Отношение духоборов к канадской действительности хорошо характеризует заявление 149 духоборов: «Если 50 лет тому назад умирали с голода, потому что не было пищи, сегодня умирают от избытка ее. Пшеницу жгут в печах, а люди голодают. Миллионы людей по всему свету, и особенно в странах, где техника и цивилизация достигли высшего расцвета, брошены на произвол судьбы. Тюрьмы и другие учреждения переполнены молодежью. Нет ни малейшей надежды на улучшение, но, наоборот, с каждым днем положение все ухудшается и каждому становится ясно, что мы приближаемся к какой-то страшной катастрофе. Церковь, школа, университеты, трибуна, литература, кинематографы, радио и все другое продано и находится в руках властителей кровавого дракона. Эти могущественные силы используются на порабощение здоровых течений человеческих побуждений». Подобные заявления вызывали резкое неприятие канадских властей и — как следствие — террор против духоборов...

Несмотря на постоянную нужду, в крупных городах — Берлине, Париже, Риге, Таллине, Праге, Софии, Белграде, Харбине, Шанхае — быстро наладилась культурная жизнь эмиграции. Фолькман пишет: «Просто поразительно, какой духовной творческой силой обладали эмигранты, несмотря на политические и социальные трудности. В этом можно видеть еще одно доказательство того, что в эмиграцию ушла значительная часть русского образованного слоя. Уже тот факт, что с 1917 по 1924 год было издано около 1450 произведений художественной литературы, показывает, как велик был круг заинтересованных» (всего же за этот период эмигрантами было издано не менее 3735 книг и брошюр)[49]. Возникали (правда, часто и закрывались) русские газеты, журналы, книгоиздательства, работали культурные и политические организации, кружки, приюты,

школы, гимназии. В 1920-е гг. возникло много высших учебных заведений (разного уровня и масштаба, просуществовавшие разное время)[50]:

— в Праге (пять: Русский юридический факультет, Педагогический институт, Институт сельскохозяйственной кооперации, Высшее училище техников путей сообщения, Русский институт коммерческих знаний);

— в Харбине (шесть: Юридический факультет, Политехнический институт, Институт восточных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшая богословская школа, Высшая медицинская школа; в 1934 г. был создан Институт Св. Владимира, объединивший богословский, восточно-экономический и вновь созданный политехнический факультеты);

— и в Париже (восемь: русские отделения при Парижском университете, Франко-Русский институт, Русский народный университет, Православный богословский институт, Русский коммерческий институт, Высший технический институт, Русский политехнический институт, Русская консерватория).

Успешно работали Высшие военные курсы в Париже и Белграде (под руководством ген. Н.Н. Головина, общепризнанного теоретика военной мысли, автора двух капитальных трудов: «Военные усилия России в Мировой войне» и «Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.»); серьезные научные институты в Белграде и Берлине (там институт был открыт в 1923 г. как учебное заведение, но из-за недостатка средств превратился в научное, просуществовав до 1931 г.). Русские академические группы имелись почти во всех крупных столицах, из которых Парижская и Пражская имели право присуждения ученых степеней. В Чехословакии широкую лекционно-просветительскую работу развернул Русский народный университет.

В числе стран, где русские нашли теплый прием, в эмигрантских мемуарах с особой благодарностью упоминаются Чехословакия (правительственные дотации; помощь комитета К.П. Крамаржа) и особенно Сербия, помнившая о русской крови, пролитой за освобождение балканских славян во многих войнах.

Король Александр (1888—1934), получивший образование в России и прекрасно говоривший по-русски, ввел русских на равных правах в жизнь своей страны — Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Русские офицеры продолжали носить свою форму, сохранялись некоторые боевые части, служившие на охране границ. Гвардейский дивизион Собственного Его Величества Конвоя под командованием полковника А.И. Рогожина, работая на сахарном и лесопильном заводах, сохранял уклад воинской части до 1941 года

(и на этом, как мы увидим, его история не кончилась). На государственном содержании были три русских кадетских корпуса (позже объединившиеся в один) и другие учебные заведения, которым были предоставлены права соответствующих сербских школ. Русским студентам выдавались стипендии. Культурную и научную жизнь без русских было трудно себе представить: «...увидев в Югославии группу землемеров, вы могли без ошибки сразу заговорить по-русски, картографический институт в Белграде состоял почти сплошь из бывших русских штабных офицеров. Повсюду вы встречали русских железнодорожников, врачей, преподавателей»[51].

Как писал об этом И.Шмелев, на фоне всей Европы выделялась «одна страна — не из великих держав! — одна христианская страна, былая малая Сербия», которая приняла русских изгнанников как православных братьев-славян и «явила высокий пример чести, братства, совести, благородства, исторической памяти и провидения грядущего...»[52]. Здесь сказалось и влияние сербского духовенства (особенно патриарха Варнавы, воспитанника С.-Петербургской Духовной академии). Югославия не признавала советскую власть вплоть до конца 1940 года — и никакие советские посольства не могли осложнять жизнь эмигрантам (как это бывало в других странах).

Таким образом, в православной Сербии, давшей приют и основной части русского зарубежного духовенства, и штабу генерала Врангеля, в начале 1920-х годов образовался национально-религиозный центр эмиграции. Но политически более активные, либеральные эмигранты имели более заметные культурные столицы: Берлин, Прагу и, разумеется, Париж.

Берлин из-за близости к России поначалу превратился в «проходной двор», через который эмигранты постепенно распределялись по другим странам. В 1919—1921 гг. в Германии насчитывалось 250 000—300 000 русских эмигрантов, в 1922—1923 гг. — около 600 000, из них 360 000 в Берлине[53].

В эти же годы по причине инфляции марки там были выгодны типографские работы — и Берлин вошел в историю эмигрантской литературы огромным количеством издательств (к 1924 г. Союз русских издателей в Германии насчитал их в Берлине 87 из общего числа 130 во всей эмиграции). Как утверждают, немецкая статистика отметила тогда, что годовая продукция русских книг в Германии превысила число немецких[54].

В то время еще не было четкой границы между литературой на родине и в зарубежье: эмигрантские издательства своей свободой привлекали немало авторов из советской России, а там выходили

произведения эмигрантов И.Бунина, Р.Гуля, В.Шульгина, воспоминания белогвардейцев. Такие журналы, как «Новая русская книга» (1922–1923, Берлин; редактор А.С. Ященко), пытались наводить мосты между Россией и эмиграцией, стараясь стоять «над схваткой» и не акцентировать внимание на политических разногласиях (наиболее антибольшевистской публикацией этого журнала, кажется, стали «Стихи о терроре», присланные М.Волошиным из Крыма...).

Все это было возможно, поскольку цензура у большевиков в 1920-е годы была еще не столь строга. В берлинских Клубе писателей и Доме искусств происходило оживленное общение литераторов из эмиграции и из России (приезжали С.Есенин, В.Маяковский, Б.Пастернак, Б.Пильняк, К.Федин, В.Шкловский). Некоторые из них (например, А.Белый, М.Горький, И.Соколов-Микитов, А.Толстой, И.Эренбург) занимали промежуточное положение и не сразу решили, какую сторону им выбрать... (Правда, большевики уже тогда использовали эту ситуацию для разложения эмиграции, пропагандируя возвращение на родину; к тому же они разорили издательство Гржебина и ряд других, дав огромные «твердые» заказы на книги, а когда тиражи были отпечатаны — отказались платить и распространять; так же поступили с журналом М.Горького «Беседа».)

В Берлине выходили десятки газет и журналов, работали три русских театра. Множество известных ученых продолжали свою деятельность в Русском научно-философском обществе, Религиозно-философской академии (созданной при американской организации YMCA), в Русском академическом союзе; возникли десятки профессиональных объединений (инженеров, адвокатов, врачей, промышленников и т. д.), политических организаций[55].

Однако вследствие усилий немецкого правительства и Лиги Наций, стремившихся распределить беженцев более равномерно, из-за естественного оттока эмигрантов из экономически ослабленной Германии в страну-победительницу Францию (которая в 1920-е годы обнаружила потребность в добросовестных, нетребовательных и низкооплачиваемых русских рабочих[56]), а также вследствие различных политических замыслов и перемен культурный центр эмиграции перемещается в Париж и возникает еще один — в Праге. С 1922 по 1930 год число русских беженцев (зарегистрированных Д.Симпсоном) в Германии уменьшилось с 240 до 90 тысяч; в Польше — с 175 до 85 тысяч; в Югославии — с 43 до 34 тысяч; тогда как в Чехословакии выросло с 5 до 22 тысяч, а во Франции — с 70 до 175 тысяч[57].

Тот же процесс отражен в изменении количества эмигрантских

журналов (газеты не учтены), поступавших в Русский архив в Праге. Так, в Югославии все эти годы число выходивших журналов, при некоторых колебаниях, но без существенной тенденции к изменению, составляло в среднем 20; пик приходится на 1925 год: 25 названий. Тогда как в Германии выходило 9 журналов в 1920 г., издательский пик в 39 журналов отмечен в 1923-м, затем следует постепенное снижение до 6 журналов к 1929-му. В Чехословакии еще в 1920 г. русские журналы не выходили, 5 появилось в 1921-м, 24 — в 1924-м, и этот уровень удерживался до 1930-х годов (пик в 30 названий отмечен в 1925 г.). Картина во Франции менялась соответственно: 10 журналов в 1920 г., 29 — в 1922-м, увеличение до 34 в 1926-м и до 52 в 1928-м — этот уровень сохранялся до 1930-х годов[58].

В Австралии эмигранты организовали в 1923 году Русский клуб в Сиднее, позднее журналы «Путь эмигранта» и «Русский в Австралии», посвященные в основном жизни русских в Австралии. В 30-е годы было создано первое русское издательство, возглавляемое Г.С. Григорьевым, — «Ориенто», первый русский книжный магазин в Сиднее «Книголюб» и первая библиотека «Ориенто», организованная о. Иннокентием (Серышевым). Библиотека существовала длительное время и имела богатые книжные фонды по богословию, философии и теософии.

Помимо вышеназванных высших учебных заведений, в Париже действовали русские Торгово-промышленный и финансовый союз (объединивший состоятельных предпринимателей), Союз писателей и журналистов, Академическая группа и Академический союз, Федерация инженеров, Общество химиков, Союз адвокатов, Объединение врачей, Русский госпиталь, Красный Крест, Земско-городской союз, Союз русских инвалидов, Казачий союз, Русское студенческое христианское движение, «Православное дело», Общество охранения русских культурных ценностей, скаутские организации и другие (о политических организациях будет сказано особо).

В музыкально-артистическом мире блистали Ф.И. Шаляпин, композиторы И.Ф. Стравинский, С.В. Рахманинов, С.С. Прокофьев (в 1932 г. вернулся в СССР), А.К. Глазунов, международный успех имели также хор донских казаков С.Жарова, церковный хор Н.Афонского, многие певцы, дирижеры, музыканты, художники (чьи картины украшают престижные музеи Европы и Америки)... Особо стоит отметить «Русский балет» С.П. Дягилева со звездами мировой величины (русский балет оставил за рубежом глубокий след — например, школы А.Павловой, М.Кшесинской, Дж.Баланчина, С.Лифаря; последний утверждал: «Мировой балет всей

первой половины XX века есть создание балетных сил русской эмиграции»[59]). Было несколько русских театров. Во Франции жили чемпион мира по шахматам А.А. Алехин; такие известные литераторы, как И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Марк Алданов, Г.В. Адамович, В.Ф. Ходасевич.

Неожиданным подарком для эмиграции стала высылка большевиками в 1922 г. более 150 известных деятелей культуры, ученых, в том числе философов Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, о. Сергия Булгакова... Многие из высланных вскоре также обосновались в Париже, образовав центр религиозно-философской мысли.

«В то время пользовался популярностью следующий анекдот: встречаются два приятеля. Первый спрашивает другого: "Ну, как тебе живется в Париже?" — "Да ничего, — отвечает второй, — жить можно, город хороший. Одна беда: слишком много французов". Были русские, которые действительно так думали. Они даже не учились говорить по-французски, жили исключительно в беженской среде. Все их интересы были сосредоточены на покинутой родине, и многие из них долгие годы надеялись туда вернуться»[60].

Главное отличие русской послеоктябрьской эмиграции от эмиграций всех других стран и народов заключается в сохранении ею высшего духовного начала, сохранении культуры своей Родины, противодействии адаптации и ассимиляции. Русские эмигранты в большинстве своем никогда не становились американцами, французами, англичанами, немцами и т. д. российского происхождения. Они всегда оставались русскими, православными, всегда верили в возрождение национальной России, всегда верили, что их подвиг не будет напрасным. Как сказал Бунин: «Мы не в изгнании, мы в послании. Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас».

Невозможным было бы сохранить русскую культуру, пронести свою *миссию* через тяжелые годы изгнания без православной веры. Русские эмигранты смогли полностью воссоздать за рубежом институты и проявления жизни дореволюционной России. Конечно, это не был слепок со старой России. Получилось нечто иное, что принято называть Русским Зарубежьем. Если говорить о наполнении Русского Зарубежья, его формах, то следует отметить следующие компоненты: система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, балет, театр, кино, му-

зыка и др.), русская литература за рубежом, сложившаяся инфраструктура русских зарубежных архивов, музеев и библиотек и др. Но главным была православная вера и Русская Православная Зарубежная Церковь, объединяющая всех русских, вынужденно оказавшихся за рубежом.

Эмиграция жила и отмечала русские праздники по церковному календарю. Кроме того, проводились Дни русской культуры (6—8 июня, связанные с днем рождения Пушкина), к которым тяготел либеральный фланг. В более правых кругах таким русским праздником стал День св. Владимира (15/28 июля). Общим был День непримиримости (7 ноября)...

Несомненен был и поворот к христианскому мировоззрению у части того «ордена интеллигенции», который готовил революцию (например, бывший член «Боевой организации» эсеров И.И. Бунаков-Фондаминский стал одним из редакторов христианского журнала «Новый град»; революционерка Е.Ю. Скобцова стала монахиней Марией и занималась миссионерской деятельностью). Церковь и религия перестали для них быть «оплотом реакции и деспотизма». И это происходило не только по причине ностальгии. «Возврат к Православию означал конец скитаниям в поисках истины», — замечает Зернов. Многие вернулись в Церковь вследствие сознательного (или подсознательного) ощущения собственной вины за разрушение Родины. В эмиграции более, чем в нормальных условиях, чувствуется потребность в духовной опоре, которой могут быть только абсолютные ценности. Церковь сделалась необходимой: куда бы судьба ни забрасывала русских, в каких бы трудных условиях ни приходилось им начинать новую жизнь — на всех континентах они открывали храмы; они были главными бастионами эмиграции в ее борьбе за самосохранение...

Идеализированный образ Белой России, культивируемый в эмигрантских организациях, был очагом любви к Родине-Матери и в то же время ненависти к власти, «осквернившей» ее Богом данную чистоту.

Родина, к тебе нельзя прийти.
Я в слезах протягиваю руки
И клянусь учиться, и расти,
И любить, любить тебя в разлуке.
О России младшим говорю,
Начиная: «В некотором царстве...»
Вам мечту суровую дарю
О могучем Русском государстве!

Пусть придет строитель и герой,
Как пришел Великий Петр когда-то!
Родина, навеки мы с тобой
Связаны таинственно и свято*.

В заключение нашего краткого обзора «белой» волны русской эмиграции хотелось бы охарактеризовать ее историческое значение словами из книги М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции»:

— сохранение памяти о дореволюционной России и ее национального самосознания. Эта функция была выполнена в достаточной мере благодаря эмигрантской литературе, Православной Церкви и различным национальным организациям и объединениям;

— выполнение нравственного долга по отношению к Отечеству. В первую очередь эта функция связана с посильной помощью тем силам на родине, которые сопротивлялись коммунистическому эксперименту: перевозка литературы в СССР (от политической до религиозной); защита тех деятелей, которые сопротивлялись марксистской идеологии и старались строить нормальную русскую жизнь; создание им авторитета на Западе;

— творческая: осмысление трагического опыта революции как опыта всемирного; осознание того, на что способен человек в разных общественных системах; раскрытие нового уровня «русской идеи» как синтеза общечеловеческого опыта.

«...Белая эмиграция при поддержке второй волны, рассыпавшись по всей планете, именуемой Землей, украсила ее храмами и школами, прозвучала хорами Жарова и густым басом Шаляпина, сверкнула балетами Анны Павловой, Лифаря и Дягилева, покорила талантами Рахманинова, Бунина и Северянина, техническим гением Сикорского и Зворыкина. Если люди смеют гордиться своей принадлежностью к популяции, именуемой человечеством, то не в последнею очередь они обязаны этим русским, возвеличившим человечество такими именами, как Ломоносов, Менделеев, Глинка и Чайковский, Пушкин и Достоевский, Королев и Уланова. Это русский сержант Егоров водрузил Знамя Победы над рейхстагом, а его земляк Гагарин первым открыл путь в космос. Русский Чехов написал пьесы, которые целый век не сходят со сцен театров мира. Современное человечество зачитывается Солженицыным и смотрит телевизор, зажженный русским Зворыкиным. Такой народ не мо-

---

* Фрагмент стихотворения Марианны Колосовой (1935).

** О деятельности эмигрантских политических организаций см. в Приложении № 2.

жет, не смеет погибнуть. Он вечен. Нельзя забывать, что русские — великий народ не только по своей численности, но и по вкладу в мировую культуру, а потому политика геноцида этого народа способна нанести огромный вред всему человечеству»[61].

И еще, говоря о значении первой волны эмиграции, хотелось бы упомянуть активную роль ее представителей в формировании второй — «советской» — волны эмиграции, а также в ее послевоенном развитии.

1.2.3. Вторая волна эмиграции

В отличие от первой волны эмиграции, которая была порождена Гражданской войной и вспыхнувшим в связи с ней «красным террором», вторая волна сформировалась в период активного строительства социализма, сталинского террора 1920—1930-х годов и Второй мировой войны. Теоретически образование второй волны эмиграции ограничивается несколькими месяцами после окончания Второй мировой войны — временем массовой репатриации и массового же невозвращения в Советский Союз, но фактически хронологические рамки ее формирования значительно шире.

В 1939 году СССР и Германия заключили соглашение о разделе сфер влияния в Восточной Европе, по которому прибалтийские страны оказались включенными в сферу влияния СССР. Была достигнута договоренность, что этнические немцы, проживающие в этих странах, могут выехать в Германию. Их отъезд начался сразу же, в 1939 году, но продолжался и позже, после того как Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР, вплоть до июня 1941 года.

Некоторое количество эмигрантов зарубежье получило в результате войны Советского Союза с Финляндией, когда оказавшиеся в финском плену советские военнослужащие бежали в нейтральную Швецию и не были выданы СССР.

Массовый же поток, по сути и сформировавший вторую волну эмиграции, связан с Великой Отечественной войной. Временем завершения формирования второй волны эмиграции следует считать начало пятидесятых годов, когда были ликвидированы международная и советская организации, занимавшиеся вопросами репатриации и эмиграции.

В основе второй волны лежали причины и мотивы, полностью не укладывающиеся в традиционное понятие «эмиграция» и имеющие свои характерные особенности, не сходные с формой расставания с Родиной, присущие первой волне. В мирное время признаком и условием эмиграции считается пересечение государственной гра-

ницы; в военное время такой границей является линия фронта. В ходе Великой Отечественной войны за линией фронта оказалась значительная часть территории Советского Союза, на которой до войны проживало 88 миллионов человек. Даже если учитывать, что 10–12 миллионов человек было эвакуировано, а какая-то часть жителей служила в Советской Армии, получается, что на территории, оккупированной немцами, находилось 60—65 миллионов человек[62]. Из числа этих людей и формировалась в основном послевоенная эмиграция. Ее составляли разные категории.

Первая категория — это бежавшие с отступающими немецкими войсками с оккупированных советских территорий военнослужащие и гражданские лица, служившие в «восточных» формированиях, национальных легионах, охранных и антипартизанских отрядах, полицейских подразделениях и структурах созданного в ноябре 1944 г. Комитета Освобождения Народов России под председательством генерала А.А. Власова.

Вторая категория — «невозвращенцы». В их число входили военнопленные, советские граждане, в большинстве молодежь, принудительно увезенные в Германию как восточные рабочие («остовцы»), избежавшие репатриации и не пожелавшие по той или иной причине вернуться в Советский Союз.

Необходимо сказать несколько слов о причинах возникновения второй волны эмиграции. Они связаны с беспрецедентным явлением в истории нашей страны, получившим определение «коллаборационизм советских граждан»*. В «советском коллаборационизме» определились две формы сотрудничества с немцами. Первая форма — это добровольное сотрудничество, побуждаемое политическими, национальными мотивами или корыстными устремлениями. Вторая — вынужденное сотрудничество в результате привлечения немцами на службу военнопленных, которые в результате приказов советских партийных и военных руководителей также были объявлены «изменниками Родины». Напомним, что понятие «изменник Родины» появилось в советской юридической лексике 21 ноября 1929 г. и касалась «невозвращенцев» из загранкомандировок. В июле 1934 г. в Положение о государственных преступниках были внесена формулировка: «Измена Родине, то есть действия, совершаемые гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Со-

*В Советском энциклопедическом словаре (М., 1988) это понятие трактуется следующим образом: «Коллаборационисты — люди, сотрудничавшие с фашистскими захватчиками в странах, оккупированных фашистами во время Второй мировой войны».

юза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной и государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу».

Во всех странах, на всех континентах добровольное сотрудничество с врагом, особенно во время войны, считалось и считается тяжким преступлением, предательством. Это касается сотрудничества, прежде всего, в корыстных целях. А как определить добровольное сотрудничество советских граждан с немцами по политическим и национальным мотивам? Этот вопрос является особенно дискуссионным. Анализ социально-политических предпосылок возникновения «советского коллаборационизма» показал, что его база была подготовлена задолго до войны. Гражданская война, репрессивная политика органов новой власти по отношению к классовым врагам, проведение жестокой и зачастую насильственной экономической и социальной политики (расказачивание, раскулачивание, коллективизация и т. д.) стали благодатной почвой для формирования в обществе значительной прослойки людей, недовольных и ненавидящих Советскую власть. Это подтверждается, в частности, количеством антисоветских восстаний, вспыхивавших фактически повсеместно на протяжении всего периода между окончанием Гражданской войны и началом Второй мировой. Согласно подсчетам последних лет, число массовых крестьянских выступлений только в 1930 г. достигло 13 754, в т. ч. «женских выступлений» — 3712[63].

Важным фактором появления коллаборационистов этой категории являются искажения, допущенные советским партийно-правительственным руководством в области национальной политики. Ее конечной целью стало растворение всех наций Союза ССР в конгломерате «советский народ», а одним из следствий — уничтожение интеллектуальной элиты и духовенства всех народов. Однако к концу 1930-х годов, фактически «разложив» национальное сознание, в первую очередь русское национальное самоуважение, партия, в преддверии Второй мировой войны, кардинально изменила свою политику в данном вопросе. После заключения 23 августа 1939 г. «Пакта о ненападении между СССР и Германией» была сделана ставка на русский патриотизм и национализм. Сталин понимал, что в случае войны Отечество может спасти только русский народ — державная нация. Великорусский национализм стал противопоставляться местным националистам, что повлекло за собой еще большую ненависть к русской нации. Причем Советская власть стала идентифицироваться с русской. Поэтому не случайно, что германские войска «как освободители от большевизма» были

встречены в основном на территориях Крыма, Кавказа, на казачьих землях и в Прибалтике.

Еще одним фактором, породившим советский коллаборационизм, но зачастую не учитывающийся, является психологический фактор. После заключения пакта Молотова—Риббентропа и начала Второй мировой войны в советской прессе, по радио и в кинохронике пропагандировалась доблестная армия Германии, которая в течение нескольких недель разбила могучую Францию, с легкостью оккупировала ряд скандинавских стран, изгнала с континента английскую империю. Таким образом, насаждался культ военной мощи фашистской Германии, перед которой трепетала Западная Европа. Естественно, эта пропагандистская акция действовала на психику советских людей, и прежде всего армии, угнетающе. Она подавляла у части командиров и солдат готовность и способность к активной борьбе с врагом в случае войны, создавала в их сознании стереотип непобедимой Германии. Это показали первые месяцы Великой Отечественной войны, когда крупные воинские соединения Красной Армии в панике и растерянности не могли противостоять даже меньшим по численности немецким частям. Ни в одной войне, как во Второй мировой, ни у одной страны, как у СССР, не было такого количества военнослужащих, оказавшихся во вражеском плену. И ни в одной стране не было такого отношения к плену и к военнопленным, как в Советском Союзе.

С началом Второй мировой войны для эмиграции выбор состоял лишь в том, уезжать из оккупируемых Германией стран или не уезжать (это могли осуществить немногие). За океан перебрались, например, Г.П. Федотов, В.В. Набоков, А.Ф. Керенский, М.В. Вишняк, М.А. Алданов. Разумеется, евреи уже после прихода Гитлера к власти начали исход из Германии и затем из других стран Европы. Не все, однако, считали нужным «смотреть на национал-национализм еврейскими глазами» (выражение И.А. Ильина), предпочитая оставаться на своих местах даже под немецкой оккупацией. И многим из них, тому же Ильину, предстояло вскоре и «русскими глазами» увидеть, на что способны нацисты (ему были запрещены чтения лекций, грозил арест, и уже в 1938 году он был вынужден переехать из Берлина в Цюрих).

Некоторые представители либерально-демократического фланга сделали более активный выбор — пошли во французскую армию, как, например, Г.Адамович и В.Варшавский, приводящий много имен в своей книге «Незамеченное поколение»: «Мелькают слова: убит, скончался от ран, расстрелян немцами, добит штыками, посмертно награжден Военной Медалью, Военным Крестом с пальма-

5 Заказ 2370

ми, доброволец, партизан, волонтер, перешел к генералу де Голлю, погиб в Резистансе, убит в рядах Свободной Франции...»[64] Из 3000 русских, воевавших во французской армии, погибло 450 человек[65]. Могилы русских эмигрантов, павших в рядах антигитлеровских армий, разбросаны по всем фронтам и театрам военных действий... В их судьбах символика «умершего зерна» приобретает самый прямой смысл (правда, далеко не все они были добровольцами: русская молодежь во Франции подлежала призыву).

Во французском Резистансе (Сопротивлении) в той или иной степени участвовало, по оценке В.Варшавского, несколько сот русских: В.Л. Андреев, В.П. Бурышкин, В.И. Гессен, Д.М. Кнут с женой (дочерью композитора Скрябина), В.Л. Корвин-Пиотровский, С.Носович и др. Важную роль сыграла кн. В.Оболенская (расстреляна). Само слово «сопротивление» пошло от одноименного журнала, издававшегося русскими эмигрантами — расстрелянными за это Б.Вильде и А.Левицким. За помощь преследуемым погибли в концлагерях мать Мария (Скобцова), ее сын Юрий, о. Дмитрий Клепинин, И.Бунаков-Фондаминский (принявший Православие в концлагере и умерший как христианин)...

В эмигрантской среде сформировались две точки зрения по отношению к войне Германии с Россией: оборонческая и пораженческая.

«Оборончество» у некоторых деятелей более правых взглядов (таких, как евразиец П.Н. Савицкий, лидер «Крестьянской России» С.С. Маслов, философ Бердяев, генералы Махров и Деникин) объяснялось не симпатиями к демократиям и не только наивностью, но тем, что «оборончество исходит из инстинкта самоохранения нации. Оборончество и национализм — тесно связаны»[66], — как говорил генерал Махров. Оно распространялось по мере того, как Гитлер показывал свое антирусское лицо, а Сталин опирался на русский патриотизм — это вызывало надежды на то, что сталинский режим меняется в национальную сторону. Подобные нотки можно найти и у Бунина. Но когда после войны ошибка стала очевидна, многие из таких «оборонцев», тот же Бунин, вернулись к безоговорочно антикоммунистическим позициям. А генерал Деникин, и будучи «оборонцем», от них не отказывался, продолжая отстаивать свою двуединую формулу: «...чтобы свергнута была советская власть и чтобы Империя Российская не потерпела ущерба от внешних сил»[67] (сентябрь 1939 г.). Правда, он не объяснял, как это сделать... Эта двойственная задача в тех условиях была неразрешима, что и привело Деникина к неучастию в событиях, ибо участие в иностранной интервенции он категорически отвергал: «Наша

активность... должна быть направлена не в пользу, а против внешних захватчиков»[68].

Подлинных «пораженцев» (сравнимых с позицией интернационалиста Ленина в Первой мировой войне) в русской эмиграции не было. Возникший вариант «пораженчества» питался патриотизмом — только более активным: использовать создавшуюся ситуацию для освобождения родины от антинационального преступного режима. Гитлеризм к началу войны еще не проявил своего подлинного лика, германское общество было неоднородно, немцы проводили интересные социальные реформы, раздавали антикоммунистические обещания — это возобновило надежды на тот самый «крестовый поход» Европы против коммунизма, к которому призывал Бунин в 1924 году. Эти надежды тоже встречались в разных кругах: вторжение Германии в СССР приветствовали архимандрит Иоанн Шаховской (будущий архиепископ Сан-Францисский, тогда он принадлежал к либеральной Парижской юрисдикции: «Кровавая операция свержения Третьего Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу»[69]) и митрополит Серафим (Лукьянов, иерарх консервативной Зарубежной Церкви в Париже, ставший после войны епископом Московской Патриархии).

После всего сказанного понятно, что правый фланг эмиграции счел большей опасностью для России Сталина, а левый — Гитлера. Учтем и географический фактор: значительная часть правой эмиграции находилась в Германии и восточноевропейских странах, прилегавших к России. В этой части Европы была другая раскладка сил, другие возможности и другой выбор. Поэтому участие русских в Сопротивлении на территории Германии было исключением (за участие в антигитлеровской группе «Белая роза» был казнен член мюнхенского прихода Зарубежной Церкви А.Шморель).

Для тех, кто пережил два десятилетия большевистского террора, вопрос решался просто: они считали, что хуже сталинского режима ничего быть не может. У попавших в плен красных командиров еще свеж был в памяти недавний разгром Сталиным командного состава. Некоторые из них сами подверглись репрессиям, пыткам и были освобождены лишь в связи с началом войны. Неудивительно, что в их среде, как и в среде Русского общевоинского союза (РОВСа), возникла мысль о вооруженной борьбе за освобождение России от сталинского режима, и многие тоже были убеждены, что их поддержит народ.

Один из руководителей нынешнего немецкого Научного центра военной истории Й.Хофман на основании документов показывает,

что уже в 1941 г. такое мнение высказывали попавшие в плен командующие советскими дивизиями, корпусами, армиями генералы Ф.А. Ершаков, С.Огурцов, Снегов, П.Абранидзе, Бессонов, Кирпичников, Д.Е. Закутный, Ф.И. Трухин, И.А. Благовещенский, Егоров, Куликов, Ткаченко, Зыбин, Х.Н. Алавердов, М.И. Потапов, М.Ф. Лукин. В 1942–1943 гг., помимо А.А. Власова, Г.Н. Жиленкова, В.Ф. Малышкина, такую же готовность выражали генералы М.М. Шаповалов, И.П. Крупенников, Ю.А. Музыченко, П.Г. Понеделин, полковники В.И. Боярский, К.Л. Сорокин и другие[70].

Все они понимали возможную борьбу как революционно-освободительную и ставили условием создание независимого русского правительства со статусом союзника Германии. Но Гитлер отвергал предложения о союзе. Его целью было превратить «унтерменшей»-славян в рабов, а Россию — в колонию. Произвол над населением оккупированных территорий и бесчеловечное обращение с военнопленными невозможно было скрыть. Тем самым Гитлер придал войне — в глазах советской стороны — характер Отечественной, и на стороне защищавших сталинский режим тоже оказалась своя важная правда: они защищали родную землю...

Этой антирусской политикой Германия изначально обрекла себя на поражение. Сталин признавал, что в первые месяцы войны политическая неблагонадежность населения и армейских частей создали критическое положение, но «сами фашисты быстро их вылечили»[71]. И, опасаясь русской национальной акции со стороны немцев, а также понимая, что на «ценностях интернационализма» войну не выиграть, Сталин сделал ставку на то, от чего отказался Гитлер: «...только вследствие немецкой политики в СССР, оскорбительной для национальных чувств русского народа, Сталин получил возможность поставить национальную идею на службу борьбе против иноземной угрозы своему правлению»[72].

Это было огромным ударом и по надеждам русской эмиграции. Она судила о немцах по их поведению в завоеванной Западной Европе. Но Гитлер вел войну с двойной моралью: с более цивилизованным лицом на Западе, где не было особых жестокостей по отношению к мирному населению, и с откровенно колонизаторскими целями на Востоке. Нацистами (главным образом «русским эмигрантом» Розенбергом) были разработаны планы уничтожения значительной части славянского населения России в опоре на антирусские сепаратизмы. Правда, как предусматривалось одной из секретных инструкций 1940 года, «и внутри каждой народности мы не заинтересованы в сохранении единства или во внедрении в них национального сознания и в развитии их национальной культуры;

наоборот, нам надо расчленять» их тоже на более мелкие племена, превращая в неграмотных рабов[73].

14 ноября 1944 г. в Праге был провозглашен Комитет Освобождения Народов России (КОНР) со статусом независимого российского правительства. Генерал Власов специально выбрал для этого славянскую столицу. В КОНРе кроме русских было несколько национальных представительств (что сильно рассердило А.Розенберга): Украинская национальная рада, Белорусская национальная рада, Национальный совет народов Кавказа, Национальный совет народов Туркестана и Калмыцкий национальный комитет. Этот акт был оформлен в соответствии с международным этикетом: присутствовали дипломатические представители союзных с Германией стран, иностранные корреспонденты. Создание КОНРа было поддержано духовенством Русской Зарубежной Церкви; ее первоиерарх митрополит Анастасий и митрополит Серафим (Ладе) присутствовали на второй церемонии обнародования Манифеста КОНР (специально для русской эмиграции) 18 ноября в Берлине, где от духовенства выступил о. Александр Киселев.

В Манифесте говорилось, что «Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей Родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики». Манифест КОНРа призвал к объединению «всех национальных сил» для достижения следующих целей: «а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года; б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; в) создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров... Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку всех свободолюбивых народов мира»[74].

В сущности, миллионы советских граждан, оказавшихся во время войны за пределами СССР, уже можно рассматривать как эмиграцию. Они знали, что возврат означал для них лагерь или смерть (попавшие в плен приравнивались к «изменникам Родины», а увоз на работы в Германию считался «сотрудничеством с врагом»).

Все понимали, что условия для создания «третьей силы» тогда были очень неблагоприятны: было очевидно близкое поражение Германии; у КОНРа не было русской территории; в советской армии появился патриотизм, а преступления гитлеровцев на оккупированных территориях вызвали такую ненависть к немцам, что союз

Власова с ними уже не так просто было объяснить, к тому же не бездействовала советская пропаганда...

Но КОНР надеялся не на Германию и не на силу оружия, а попрежнему на свое моральное воздействие, на антикоммунистический потенциал в народе, на поддержку со стороны советских командиров, многих из которых Власов считал своими единомышленниками (в частности Рокоссовского). И действительно: уже с декабря 1944 по март 1945 года через линию фронта для участия в Русской Освободительной армии (РОА), которая еще только формировалась, перешли 1710 советских военнослужащих, чтобы бороться против своего победоносного правительства (1 перебежчик приходился на 16 пленных; тогда как на Западном фронте в то же время был 1 перебежчик на 4692 пленных)[75].

Коснемся проблемы, связанной с судьбой советских военнопленных, без рассмотрения которой невозможно понять процесс формирования второй волны эмиграции и его характер.

Россия была инициатором выработки правил по ограничению варварских средств ведения войны. Начало этому было положено Брюссельской декларацией, которую предложил Александр II в 1874 году. По инициативе Николая II в 1899 году была созвана I Гаагская мирная конференция, где на основе Брюссельской декларации были выработаны ограничения в отношении законов и обычаев сухопутных войск. Один пункт этой декларации касался военнопленных.

На II Гаагской конференции (1907) были внесены изменения и поправки, в частности, дополнявшие пункт о правах и обязанностях военнопленных. Положения, связанные с военнопленными, в дальнейшем были усовершенствованы в Женевской конвенции Соглашением об обращении с военнопленными (1929). Эти положения, в частности, включали в себя такие позиции, как регистрация пленных, возможность посещения лагерей военнопленных представителями Красного Креста, возможность жалоб, обеспечение питанием, равным питанию тыловых частей армии того государства, которое содержит военнопленных, а также помощь Красного Креста.

Императорская Россия ратифицировала документы обеих Гаагских конференций, что сказалось на военном законодательстве России и на положение русских военнопленных Первой мировой войны. Так, военнослужащим, попавшим в плен (за исключением тех, кто поступил на службу к неприятелю), по возвращении выплачивалось денежное содержание за все время нахождения в плену. Время, проведенное в плену, засчитывалось офицерам в выслугу лет для

получения пенсии, а сами они вносились в списки на присвоение очередного звания. Семьям военнопленных выплачивалась половина содержания, получаемого военнослужащим — главой семьи — на день плена, за все время нахождения в плену вплоть до возвращения, а в случае его смерти назначалась пенсия.

Отношение к плену начинает меняться в советской России во время Гражданской войны. В марте 1918 г. приказом народного комиссара по военным делам устанавливалась бежавшим из плена единовременная выплата 25 рублей, жалование же за время, проведенное в плену, не выплачивалось. В апреле 1918 г. по Декрету ВЦИК сдача в плен уже рассматривалась как нарушение воинского долга, а военнослужащие подлежали «суровой ответственности по всей строгости закона».

В Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, в добавление к уже имевшемуся пункту «б» статьи 58 (измена Родине) в 1927 году в статью 193 был включен пункт 22 (сдача в плен). Устав внутренней службы РККА вообще исключал ситуацию, при которой военнослужащий мог оказаться в плену. Теперь плен квалифицировался как «измена Родине».

В 1929 году Сталин счел невозможным для СССР участвовать в Женевской конференции, на которой должны были принять Конвенцию об обращении с военнопленными и Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующей армии. Конференция состоялась без представителей Советского Союза. Позже, в 1930 году, СССР все же подписал Конвенцию о раненых и больных, но не подписал Конвенцию о пленных. Советский Союз отказался подтвердить решения дореволюционной России о ратификации документов обеих Гаагских конференций.

Окончательное отношение к пленным как к преступникам в Советском Союзе оформилось накануне войны. В Уставе Красной армии было записано: «Ничто, в том числе и угроза смерти, не может заставить бойца Красной Армии сдаться в плен или в какой-либо мере выдать военную тайну». Напомним, что параллельно действовала 193-я статья Уголовного кодекса РСФСР, в которой говорилось, что самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызванная боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля влекут за собой высшую меру наказания с конфискацией имущества. В дополнение к существовавшим законодательным документам 16 августа 1941 года был издан Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270, согласно которому командиры и политработники, сдавшиеся в плен, ставились вне закона и подлежа-

ли расстрелу на месте. Совершеннолетние члены семей военнослужащих, осужденных к высшей мере наказания (к расстрелу) за измену Родине, подлежали аресту и ссылке сроком на пять лет. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Таким образом, в первые месяцы войны отношение к военнопленным получило окончательное законодательное завершение.

Результатом политики советского руководства явилась гибель миллионов советских пленных, что несравнимо со смертностью русских пленных во время Первой мировой войны. Тогда в Германии смертность составляла: англичан и французов — 4,5% и 5%, русских — 5,4%. За время Второй мировой войны к январю 1945 года французов погибло 1,58%, англичан — 1,13%, американцев — 0,3%. Смертность же советских военнопленных составила около 60%[76]. К началу 1944 года погибло 3,3 миллиона советских военнопленных.

К.Кромиади отмечает, что «в худшем из всех положений находились великороссы» — в соответствии с политикой Розенберга. Так, германское правительство разрешало украинскому комитету порциями забирать пленных украинцев, но не русских. Комиссия, в которой работал Кромиади, часто под видом украинцев оформляла и русских, срочно нуждавшихся в помощи, «и нужно отдать справедливость членам украинского комитета: они знали об этом, но не было случая, чтобы они нас выдали. Русских пленных, выходивших вместе с украинцами, они вывозили, кормили их, а затем отпускали на все четыре стороны»[77].

Некоторых улучшений удалось добиться только к лету 1942 года (когда уже погибло более 2 миллионов человек). Против бесчеловечного обращения с русскими пленными резко протестовали адмирал Ф.В. Канарис, фельдмаршал фон Бок, генерал-полковник Люфтваффе Г.Рюдель[78]. Помогло то, что в Германии обнаружилась нехватка рабочей силы, для чего рейху и понадобились уже не только пленные, но и «восточные рабочие» («остовцы»), которых насильно вывозили с оккупированных территорий.

За годы Второй мировой войны воевавшие стороны взяли в плен около 35 миллионов солдат и офицеров противника. До сих пор нет единого мнения о численности советских военнослужащих, оказавшихся в фашистском плену. Расхождения в цифрах значительны. В официальном издании «Гриф секретности снят» говорится, что в немецком плену оказалось 4 059 тысяч советских военнослужащих[79].

По материалам германских архивов, за период с 22 июня 1941

года до конца войны в плену у немцев оказалось около 5,7 млн военнослужащих Красной Армии[80]. Эта цифра, вероятно, наиболее приближена к истине. Однако отметим, что до января 1942 года в вермахте списков попавших в плен, бежавших из плена, погибших в плену и т. д. не вели.

По данным президента Международного комитета Красного Креста П.Рюггера, число лиц, потерявших в годы войны и в первый послевоенный период родину и имущество, составило во всем мире почти 60 млн человек, из них более 15,5 млн всех беженцев и перемещенных лиц находились в Европе[81]. Только с территории Советского Союза, оккупированной немцами, было угнано в Германию и другие страны 4 794 086 советских граждан[82]. Поэтому неудивительно, что накануне и тем более после окончания войны приоритетными задачами созданных государственных и военных органов репатриации стало возвращение на Родину всех без исключения подданных Советского Союза, независимо от их желания или нежелания, чтобы не допустить рождения новой враждебной советскому режиму послевоенной эмиграции.

Принято считать, что юридическим основанием репатриации стало решение, принятое на Ялтинской конференции СССР, США, Англии с участием глав государств — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Она проходила с 4 по 11 февраля 1945 года, за три месяца до капитуляции Германии. В действительности же процесс репатриации начался гораздо ранее — еще в 1943 году. Ялтинское же соглашение стало фактически моральным оправданием западных демократий в проведении насильственной репатриации (так же как и нарушения широко декларируемых ими гуманных принципов). По сути, политика США, Англии, Франции и других западных стран, согласившихся с требованиями Сталина, была рациональна для этих государств. Они боялись, что препятствие возвращению советских военнопленных может отразиться на отношении советских властей к американским и английским военнопленным, освобожденным Красной Армией из немецких концлагерей в советской оккупационной зоне. С точки зрения американцев и англичан, их готовность пожертвовать чужими жизнями ради жизни своих солдат может быть оправдана. Возможно — правда, с множеством «но». Для русского же человека соглашение глав трех крупнейших держав, получившее в народе определение «дьявольского сговора» и приведшее к гибели сотен тысяч соотечественников, останется преступлением, за которое будет расплачиваться не одно поколение американцев и англичан.

Что же касается СССР, то Сталин со свойственными ему жестокостью и прагматизмом преследовал несколько задач. Во-первых,

получить через лагеря ГУЛАГа бесплатную рабочую силу для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Во-вторых, для примера строго наказать «изменников Родины», чтобы «другим не было повадно». В-третьих, воспрепятствовать образованию новой эмиграции, подобной первой волне, способной стать богатым резервом западных спецслужб для диверсионно-террористической и разведывательной работы против СССР.

Первая задача была, по всей видимости, доминирующей в осуществлении политики Советского государства в области репатриации и определяла весь дальнейший ход работы органов репатриации в 1944—1953 гг. Вторая задача также никогда не снималась окончательно с повестки дня, но во многом зависела от политического курса советского руководства в межсоюзнических отношениях с США, Великобританией и Францией по вопросам беженцев, военнопленных и перемещенных лиц.

Ялтинское соглашение в письменной и устной форме требовало выдачи всех советских граждан, сотрудничавших с немцами в годы войны, по состоянию границ СССР на 1 сентября 1939 года. Это соответствовало нормам международного права. К таким относились: личный состав воинских формирований из советских военнопленных и гражданских лиц, перешедших на сторону врага; люди, сотрудничавшие с фашистами на оккупированных советских территориях в составе национальных легионов, карательных и охранных отрядов; полицаи и другие лица, которые бежали вместе с отступавшими немецкими войсками.

Женевская конвенция 1929 года по обращению с пленными их правовое положение определяла «единственно внешним признаком — формой, которую они носили в момент пленения, а не их национальностью». Русская Освободительная армия, к примеру, имела немецкую форму с русским знаком различия. Следовательно, власовцы по принципам конвенции относились к военнослужащим немецкой армии, и они должны были рассматриваться как немецкие военнопленные, которые не подлежали насильственному возвращению в СССР. Союзники же, отбросив Женевскую конвенцию, определяли власовцев и других советских военнопленных в немецкой форме как «предателей союзной державы».

Однако отношение к «советским коллаборационистам» не было постоянным на протяжении всего периода репатриации. Если в начальный период согласованных действий союзников в разрешении вопроса репатриации советских и иностранных граждан, находившихся соответственно под контролем союзных и советских властей, еще были условия и возможности возвращения всех советских граждан

на Родину, то начиная со второй половины 1946 года все активнее стала проявляться тенденция по невозвращению граждан СССР и вывозу их в страны Европы и Америки. Она была связана в первую очередь со стремлением западных стран заполучить дешевую рабочую силу для восстановления своей экономики, а во-вторых, с возможностью использовать невозвращенцев для политико-идеологической борьбы с СССР. После этого предпринимавшиеся Советским государством насильственные меры по недопущению утечки людей на Запад большого успеха не принесли, иногда даже давали обратные ожидаемому результаты.

Если на первом этапе (октябрь 1944 — январь 1945) мероприятия, связанные с репатриацией советских граждан, находились в целом в компетенции государственных и военных органов, то с января 1945 года к военно-политическим аспектам деятельности этих органов наблюдается повышенное внимание со стороны ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Именно в это время выходят два постановления СНК СССР: от 6 января 1945 г. — № 30-12с «Об организации приема и устройства репатриируемых граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» и № 31-13с «О порядке репатриации союзных военнопленных и интернированных граждан, освобожденных Красной Армией». Эти постановления определили основные принципы и механизмы репатриации советских и иностранных граждан.

Во исполнение названных документов начальником Тыла Красной Армии и Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации издаются совместные директивы за № 1/1240645с и № 1/1240646с от 18 января 1945 г., на основе которых практически решались все вопросы, связанные со сбором, размещением, содержанием, материальным обеспечением и возвращением на родину граждан СССР и иностранных подданных.

В соответствии с указанными документами советских репатриантов полагалось «сортировать» на следующие категории: бывшие военнопленные — рядовой и сержантский состав; бывшие военнопленные-офицеры; военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и «прочие подозрительные лица»; интернированное гражданское население; жители приграничных областей; дети-сироты.

После «сортировки» бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав) направлялись в армейские и фронтовые запасные части. Более трагично складывалась судьба офицеров, которых сразу после фильтрации отправляли в спецлагеря НКВД. Многие из подвергшихся спецпроверке на основании решений военных трибуна-

лов объявлялись предателями Родины и направлялись в трудовые лагеря, где содержались как заключенные. Значительную часть офицеров в порядке наказания направляли в отдельные штурмовые стрелковые батальоны (штрафбаты) в качестве рядовых, и лишь после «искупления кровью преступлений» бывшие командиры восстанавливались в званиях и на штатных должностях.

Что касается репатриантов из числа гражданских лиц, то после регистрации и проверки органами НКВД во фронтовых СПП и пограничных проверочно-фильтрационных пунктах, проведения всех хозяйственных, медико-санитарных и других мероприятий мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронта, а все остальные отправлялись к месту постоянного жительства, но с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве.

С мая 1945 года развернулась массовая репатриация советских и иностранных граждан, продолжавшаяся до марта 1953-го. Базовым документом этого процесса стал «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников».

Согласно архивным данным, судьбы репатриантов сложились поразному. Из 1 153 475 внутренних перемещенных лиц, то есть перемещенных внутри СССР, к месту постоянного жительства было отправлено 831 951 человек (72%), из них мужчин — 165 644, женщин — 353 043 и детей — 313 264; были переданы на пополнение действующих частей, будучи мобилизованы по призывному возрасту через запасные части фронтов и армий, 254 773 человека (22,1%); отправлены в распоряжение НКВД на правах спецконтингента 66 751 человек (5,8%). Что же касается советских граждан, возвращенных из-за границы (классических репатриантов), то 2 427 906 человек были отправлены к месту постоянного жительства (57,8%); 801 152 человека мобилизованы в действующую армию (19,1%); 608 095 человек зачислены в рабочие батальоны НКО (14,5%); 272 867 человек переданы в распоряжение НКВД (6,5%); 89 468 человек находились на различных работах при советских воинских частях и учреждениях за границей (2,1%)[83]. Сотни тысяч бывших советских граждан правдами и неправдами избежали репатриации, составив вторую волну эмиграции. По данным Управления Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации, на 1 января 1952 года за границей продолжали находиться 451 561 советский гражданин.

Большинство русских, оказавшихся на правах перемещенных лиц («ди-пи»), стремилось уехать как можно дальше от Европы, за океан. Но эта возможность открылась не сразу, лишь по мере ухудшения отношений между демократиями и СССР. Например, Канада

принимала иммигрантов лишь в исключительных случаях, при наличии близких родственников и их поручительства. В других странах квоты на иммиграцию рабочих были в десятки раз меньше числа «ди-пи». И внутри этих квот, например, Аргентина не принимала лиц старше 45 лет; Австралия тоже установила предел: у мужчин — до 45 лет, у женщин — до 30 лет, при доказательстве о наличии жилья за океаном.

США, кроме всего прочего, производили тщательную политическую проверку, и «ни одной национальности для въезда в Америку не чинилось столько затруднений, сколько русским», — писал в 1951 г. эмигрантский журнал. «Все чудом прибывшие сюда соотечественники наши могут весьма красочно рассказать о тех издевательствах со стороны бесконечных проверочных комиссий из общего числа, достигшего почти 300 000, прибывших уже в США «ди-пи», русских, не скрывавшихся под разными фантастическими национальными флагами, оказалось всего несколько тысяч (по одним сведениям 6, по другим — 8 тысяч)»[84].

Такое отношение к русским было тогда не только в США. Например, поначалу и Аргентина отдала «распоряжение консулам не визировать паспортов лицам славянского происхождения, а в особенности русским». Лишь начиная с 1949—1950 гг., особенно после принятия благоприятного закона об иммиграции в США, лагеря «ди-пи» начали рассасываться. Такое «доброжелательное» отношение к русским лишенцам было связано в первую очередь с началом «холодной войны». Ряд общественных организаций русских эмигрантов (некоторые из них были созданы еще до начала Второй мировой войны) получили государственные субсидии. Например, Толстовский фонд, созданный в 1939 году в США при участии Б.А. Бахметьева, стал финансироваться американцами. Благодаря помощи этих организаций многим русским «ди-пи» удалось сохранить свою жизнь и устроиться на новых местах. Толстовскому фонду особенно признательны были власовцы, так как многие страны, в том числе и США, запрещали им переселения в свои страны.

Заметим, к чести русских эмигрантов, что большинство из них не осталось в стороне от происходящей трагедии насильственной репатриации советских военнопленных. Так, например, генерал А.И. Деникин в октябре 1946 года направил Обращение к американскому сенатору Артуру Вандербергу. Деникин увещевал сенатора: «Я знаю, что оправданием у творящих это дело (насильственную репатриацию. — *Авт.*) служат ялтинские договоры. Но подобный шаг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики — христианская

мораль, достоинство и честь человека»[85]. Деникин просил сенатора помочь тем избежавшим репатриации русским людям, которые сидят «за проволокой лагерей в приютах Красного Креста или на частных квартирах в зоне американской оккупации, живут в постоянном смертельном страхе, ожидая выдачи их Советам». Просил помочь тем, «кто верит в человеческую совесть». Примеров таких попыток со стороны русских эмигрантов можно привести множество.

В отличие от многих русских организаций, созданных при иностранном финансировании, но ставивших своей целью спасение своих соотечественников, государственные власти западных стран преследовали в первую очередь экономические и политические цели. Причем экономические — получение дешевой рабочей силы — привалировали над другими. Так или иначе, но с мая 1947-го по 1952 год из западных зон Германии и Австрии в страны Европы и Американского континента было вывезено 213 388 человек, из них в Канаду — 38 708, США — 35 223, Англию — 23 015, Австрию — 50307, Бельгию — 15 000, Францию — 12 398, Бразилию — 3 710 человек[86].

Сведения о численности, национальном составе второй эмиграции приведены в таблице 5.

Таблица 5

Страна	Русские	Украинцы	Белорусы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Другие	Всего
Германия								
Английская зона	1333	9797		14003	4690	2680		32503
Американская зона	6866	21706		12110	5043	4049		49774
Французская зона	384	271		917	663	313		2548
Итого	8583	31774	–	27030	10396	7042	–	84825
Австрия								
Английская зона	1422	3116	169	263	116	60	199	5345
Американская зона	3123	4133	965	573	253	187	860	10094
Французская зона	68	2397	120	261	292	190	124	3452
Итого	4613	9646	1254	1097	661	437	1183	8891

Всего по Германии и Австрии	13196	41420	1254	27127	11085	7479	1183	103716
Англия	4990	39971	4986	20036	20034	10019	–	100036
Австралия	5700	12881	1062	15017	10271	4524	852	50307
Аргентина	571	1847	22	432	280	42	3891	7085
Бельгия	471	5238	135	5420	1771	1295	399	14729
Бразилия	64	1747	2	1328	498	29	42	3710
Боливия	2	–	–	1	1	–	–	4
Венесуэла	265	1031	34	504	902	68	–	2804
Голландия	43	1337	15	575	96	102	555	2723
Дания	108	–	–	717	423	225	67	1540
Италия	58	306	–	60	–	–	13	437
Индо-Китай	–	–	–	–	–	–	335	335
Испания	11	87	10	6	-	21	46	81
Ирак	–	–	–	–	–	–	2	2
Канада	2615	17756	1	6039	7679	4583	8	38681
Колумбия	–	–	–	–	43	–	–	43
Куба	1	–	–	–	3	–	–	4
Ливан	–	–	–	–	–	–	60	60
Люксембург	–	–	–	–	2	–	–	2
Марокко	6	53	–	220	8	49	19	355
Новая Зеландия	3	51	–	422	33	72	50	631
Норвегия	23	1050	578	1325	32	96	36	2619
Палестина	64	10	–	158	244	1	215	692
Польша	–	–	–	–	–	–	1066	1066
Перу	–	–	–	–	2	1	–	3

Парагвай	233	254	–	318	6	28	21	860
Румыния	–	–	–	–	–	–	1608	1608
США	1910	10630	101	0066	7779	4271	494	35251
Трансиор-дания	–	–	–	–	–	–	335	335
Турция	31	251	47	–	–	6	839	1174
Филиппины	–	–	–	–	–	–	2	2
Финляндия	5	113	–	–	–	237	6606	6961
Франция	318	5385	126	4841	866	397	7742	19675
Чехословакия	–	–	–	–	–	–	594	594
Чили	16	103	2	15	5	5	4	150
Швейцария	–	–	1	31	2	5	451	489
Югославия	279	584	22	4	3	5	7	904
Южно-Африканский Союз	–	23	–	7	7	–	–	37
Швеция	94	312	100	3929	407	22459	259	27570
Другие страны	627	2494	1880	9616	947	2905	5717	24186
Всего по странам	18508	103514	8602	81087	52344	51445	32345	347845
Итого	1704	144934	9856	109214	63401	58924	33528	451561

Приведенная выше таблица составлена В.Н. Земсковым на основании документов Управления по репатриации на 1 января 1952 года. Суммарная цифра повторяется и в документах, характеризующих состояние процесса репатриации на 1 марта 1953 года, то есть на момент окончания деятельности управления[87]. Конечно, представленная картина не может считаться окончательной. Кроме того, следует учитывать и определенную условность национального состава. Значительное преобладание украинцев, белорусов, народов Прибалтики может быть объяснено, например, тем, что принадлеж-

ность к ним, реальная или мнимая, давала шанс перемещенному лицу получить право на невозвращение (как жителей территорий, не входивших в СССР до 1939 г.).

Более точная цифра, вероятно, была получена комиссией под руководством Д.А. Волкогонова. Она составила 504 тысячи человек, не вернувшихся из лагерей беженцев. Но и она, очевидно, не конечна. В это число не входят те, кто избежал лагерей и тем самым не был включен в статистику перемещенных лиц. А эта категория была многочисленной. Так, И.А. Дугас и Ф.Я. Черон считают, что вне лагерей находилось около 300 тысяч человек. Таким образом, число не вернувшихся в Советский Союз существенно отличается и от статистики ИРО, и от официальной советской статистики и составляет 800 тысяч человек.

В период охлаждения отношений между демократиями и Сталиным, с 1948–1949 годов, стали возрождаться старые организации, создаваться новые — в первую очередь «власовские». Русские эмигранты стали постепенно включаться в политическую борьбу. Многие из них брали за основу своих политических программ Манифест Комитета Освобождения Народов России, принятый еще в 1944 г. Среди наиболее крупных и авторитетных политических организаций второй волны эмиграции следует назвать: Антикоммунистический Центр Освободительного Движения народов России (АЦОДНР), Союз Андреевского Флага (САФ), Союз Борьбы За Освобождение Народов России (СБОНР), Комитет объединенных власовцев (КОВ), Российское Общенациональное Народно-Державное движение (РОНДД) и Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов (ЦОПЭ)*.

Вторая эмиграция ведет значительную просветительскую деятельность, и в первую очередь издательскую. Однако ее характер значительно отличался от издательской деятельности первой волны. Прежде всего изменением характера самой русской эмиграции: исчезновением мест компактного проживания русского населения. Проживание русских эмигрантов стало более «рассеянным». Русские колонии появились в таких далеких странах, как Аргентина, Бразилия, Южная Африка. Русских эмигрантов «пустили» в европейские страны, куда им въезд ранее был фактически запрещен, — в Англию, Испанию. Новым крупнейшим центром русской эмиграции стал научно-культурный треугольник на Атлантическом побережье США — Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон, где находятся два извес-

---

* Более подробная информация о деятельности этих организаций представлена в Приложении № 4.

6Заказ2370

тных американских университета — Гарвардский и Йельский. Попрежнему крупнейшими центрами эмиграции в Европе остаются Париж и Берлин.

Другим не менее существенным фактором состояния издательского дела второй волны эмиграции стало изменение отношения к русским эмигрантам на Западе. С началом «холодной войны» к эмигрантам из СССР стали относиться очень заинтересованно. Их стали принимать на работу в крупнейшие научные и учебные центры, в органы разведки и контрразведки. Во второй половине XX века многие эмигрантские идеологические акции стали финансироваться и поддерживаться правительствами государств Западной Европы и США.

Среди представителей второй волны эмиграции не было таких «громких» имен, как в первой (может быть, за исключением писателя Р.В. Иванова-Разумника и философа С.А. Аскольдова). Однако можно выделить имена поэтов Д.Кленовского, И.Елагина, Л.Березова, О.Анстей, писателей Б.Ширяева, Б.Филиппова, В.Юрасова, Л.Ржевского, литературоведов и критиков Л.Фостер, В.Самарина, В.Завалишина, Г.Андреева, М.Корякова, художников С.Голлербаха и А.Русака, историков Н. Ульянова, А. Авторханова и многих других*.

Идеологическая позиция эмигрантской интеллигенции второй волны, определившая идейную направленность ее научной и литературно-творческой деятельности, выражала непримиримость к советской власти, антибольшевизм, неприятие социалистической действительности. Многие из ушедших интеллигентов до войны прошли через сталинские лагеря, подвергались другим репрессиям. Их идейно-политические позиции определили и тематику произведений. Можно выделить четыре ведущие темы: довоенный СССР — коллективизация и страдания крестьян, внутрипартийная борьба лидеров за личную власть, репрессии 30-х годов, лагеря ГУЛАГ; Великая Отечественная война — поражения «непобедимой и легендарной» Красной Армии в 1941—1942 годах и их причины; плен и страдный период немецких концлагерей; первые годы жизни эмигрантов.

Тема сталинских репрессий, ГУЛАГа воплощена в творчестве преимущественно тех писателей, которые прошли через эти «чистилища». К ним относятся Н.Нароков, Б.Ширяев, Г.Андреев, В.Юрасов, С.Максимов, Н.Ульянов. «Дипийцы» предварили и предопределили «Архипелаг ГУЛАГ» А.Солженицына, рассказав нео-

* О знаменитых «русских американцах» см. в Приложении № 5.

сведомленному Западу суровую правду о большевистско-сталинском режиме.

Пытаясь осмыслить происшедшее с Россией в XX веке, писатели второй волны обращаются к ее истории. Появляется целая серия исторических романов, написанных ими. Среди них выделяются романы Бориса Башилова «Юность Колумба российского» и «В моря и земли неизвестные», Михаила Корякова «Живая история России», В.Алексеева «Неведомая Россия» и др.

Тема войны стала самой популярной в творчестве писателей и поэтов второй волны эмиграции. Эти произведения пронизаны общим лейтмотивом — тяжесть поражений в первые годы войны, страдания бойцов Красной Армии и мирного населения. Наиболее заметными книгами о войне можно назвать «Параллакс» В.Юрасова, «Между двух звезд» Л.Ржевского, «Берлинский Кремль» Г.Климова и другие.

Ведущей темой произведений являлась и история российского интеллигента, прошедшего войну, немецкий плен и оставшегося на Западе. Этой теме посвящены книги Б.Ширяева «Ди-пи в Италии», «Я — человек русский», Л.Ржевского «Две строчки времени», автобиографическая проза Р.Березова и др.

Говоря о просветительской деятельности второй волны эмиграции, нельзя не упомянуть и о научно-исследовательской работе Института по изучению истории и культуры СССР. Его деятельность оказала значительное влияние как на изучение процессов, происходящих в СССР, так и на становление советологии. Кроме того, институт стал научно-исследовательским учреждением нового типа, занимающимся изучением общественных наук. Институт был создан в 1950 году инициативной группой из семи эмигрантов второй волны (Б.А. Яковлев, М.А. Алдан, А.Г. Авторханов, К.Ф. Штепп, А.П. Филиппов, К.Г. Криптон, Ю.М. Ниман). В первое время постоянный штат сотрудников насчитывал пять человек, а в 1955 г. — 74 человека. Незначительность штата компенсировалась привлекаемыми к сотрудничеству на договорных условиях учеными и специалистами из различных государств. Так, например, институт имел тысячу корреспондентов в 48 странах мира, был связан с 899 организациями, среди которых было 15 академий, 73 института, 262 университета. В практике института было проведение научных конференций, собраний, многообразная издательская деятельность. Он издавал еженедельный бюллетень «Анализ текущих событий в СССР», ежеквартальные «Исследования о Советском Союзе», монографии на русском языке, периодические журналы и сборники на английском, французском, немец-

ком, арабском и турецком языках. Материалами института широко пользовались государственные учреждения разных стран, различные службы. В 1955 году после вмешательства спонсора — Американского комитета освобождения от большевизма — институт утратил свою самостоятельность и научный характер деятельности. В частности, почти полностью сменилось руководство (во главе института стал американский представитель). Было введено национальное представительство, то есть научные посты стали занимать исходя не из научных заслуг, а по рекомендации американского комитета и национальных сепаратистских организаций[88]. В 1972 году на общем собрании сотрудники института приняли решение о самоликвидации. Это было связано с прекращением дотаций со стороны американских властей в период разрядки отношений между США и СССР.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность и литературное творчество эмигрантов второй волны 40—50-х годов явились богатейшей информационной базой о жизни в СССР, скрытой от глаз Запада. Они несли много нового о России, пережитого очевидцами, хотя и малоутешительного, но настраивающего западного читателя на сопереживание. Писатели-«дипийцы» предлагали вниманию иностранцев материал для более глубоких и сложных суждений об СССР и судьбах его граждан в предвоенные и военные годы. Однако, на наш взгляд, главная заслуга писателей — эмигрантов второй волны в ином. Они создавали свои работы не только для западного читателя или соотечественников за рубежом — они думали о России и писали для россиян, надеясь, что рано или поздно голос правды прорвется сквозь «железный занавес». И их надежды оправдались. Их книги постепенно доходят до российского читателя, особенно до молодого, открывая перед ними ранее неизвестный пласт величия духа русского народа.

Итак, в конце 40-х годов стало существовать уже два лагеря отечественной эмиграции при общности судеб российской и советской эмиграции, порожденных Гражданской и Второй мировой войнами. Обе имели свои особенности жизненного пути. Эти особенности, порой остро противоположные, препятствовали длительное время установлению российскими и советскими эмигрантами контакта и взаимопонимания. Сплачивающими идеями первой и второй эмиграций стали борьба с коммунизмом и любовь к Родине.

1.2.4. Третья волна эмиграции

В начале 1970-х гг. начался новый исход наших соотечественников за рубеж, получивший название третьей волны эмиграции (иногда именуется диссидентской). По сути, она была не столько национальной (то есть еврейской), сколько сословной (то есть интеллигентской) и выражала свое самосознание словами: «Я выбрал свободу». Третью волну эмиграции можно условно разделить на две группы: выезжающие на историческую Родину, главным образом в Израиль, Германию и Грецию, и диссиденты, добровольно или вынужденно покидавшие Родину.

Национальное движение — выезд немцев, евреев и греков — характерен тем, что эти люди быстро теряли связь с Россией, сознательно старались как можно быстрее ассимилироваться.

Анализ диссидентской эмиграции, эмиграции творческой интеллигенции, значительно сложнее. Благодаря их помощи удалось широко распропагандировать правозащитное движение в СССР, издать тысячи рукописей, документов, литературных произведений, запрещенных в Советском Союзе, и сделать их достоянием широких кругов западной общественности. Сотни пресс-конференций, демонстраций, выставок, организованных благодаря авторитету и участию представителей третьей волны эмиграции, позволили найти или создать иностранные организации для поддержки российских оппозиций, а также привлечь внимание западной прессы к ее проблемам. В числе выехавших или выдворенных из СССР были такие фигуры, как писатели В.Буковский, А.Зиновьев, В.Максимов, А.Солженицын, продолжавшие работать на идеологическое разложение коммунистического мировоззрения. Следует вкратце остановиться на наиболее важных изданиях третьей волны эмиграции. В первую очередь это журналы «Континент» и «Вече».

Ежеквартальный литературный журнал «Континент» был основан в 1974 г. и выпускался в собственном издательстве в Берлине. Финансировался журнал известным западногерманским издательством «А.Шпрингер», а с № 66 — издательством «Аверс» (Москва). «Континент» регулярно выходил 4 раза в год средним тиражом в эмигрантский период 3000 экземпляров*.

История журнала «Континент» неотделима от судьбы его главного редактора, известного писателя В.Е. Максимова (Л.А. Самсонов, 1930—1995). Журнал задумывался как инструмент сопротивле-

* Параллельно «Континент» издавался на немецком, английском, голландском, итальянском и греческом языках.

ния советской тоталитарной системе и коммунистической идеологии. Название предложил А.И. Солженицын: авторы журнала как бы говорили от имени целого континента стран Восточной Европы, где господствовал тоталитаризм со своим «архипелагом» жестокости и насилия. Поэтому с журналом сотрудничали не только диссиденты и эмигранты из СССР (А.И.Солженицын, А.Д. Сахаров, И.А. Бродский, А.Д. Синявский, В.К. Буковский, Н.Коржавин), но и представители других стран так называемого социалистического лагеря: Э.Ионеско, М.Джилас, М.Михайлов, К.Густав-Штрем. Однако надолго объединить авторов с различными убеждениями под эгидой журнала не удалось. Довольно быстро с «Континентом» перестали сотрудничать А.И. Солженицын, посчитавший, что журнал занимает недостаточную русскую и православную позицию, и А.Д. Синявский со своей женой М.В. Розановой, обвинившие журнал в излишнем национализме[89].

Среди авторов журнала были крупнейшие представители третьей волны: Ю.Алешковский, В.П. Бетаки, В.Н. Войнович, А.А. Галич, А.Т. Гладилин, Н.Е. Горбаневская, С.Д. Довлатов, Н.Коржавин, В.П. Некрасов, С.Соколов.

«Континент» традиционно имел большую читательскую аудиторию в СССР. Среди журналов русской эмиграции он считался центристским, правыми обвинялся в космополитизме, а либеральным диссидентством — в непозволительном патриотизме. Несмотря на это, он оказал большое влияние на развитие отечественной литературы и культуры.

Независимый русский альманах «Вече» был основан в 1980 году в Мюнхене представителем второй волны О.А. Красовским и выпускался 4 раза в год. Первоначально, до № 17, «Вече» редактировался совместно с эмигрантом третьей волны Е.Вагиным, литературным критиком и публицистом, активно выступавшим в защиту политзаключенных в СССР. Официально «Вече» издавалось Российским национальным объединением (РНО).

Альманах выходил под девизом «Возрождение России» с целью дать отпор русофобству и совпатриотизму. В публикациях «Вече» важное место занимали история и современное положение Православной Церкви, статьи нравственно-религиозного характера. В альманахе публиковались материалы первой и второй эмиграции, дореволюционной публицистики и философии. Были опубликованы статьи И.А. Бунина, Н.И. Ульянова, И.А. Ильина, П.Флоренского, В.В. Шульгина. Большое количество статей появилось о гибели Николая II и его семьи, по истории Белого движения, публиковались воспоминания участников Второй мировой войны. Большое внима-

ние уделялось полемике с представителями третьей эмиграции и либеральной частью диссидентского движения. Постоянными авторами были А.И. Солженицын, В.Д. Самарин, В.Н. Осипов, В.В. Аксючиц, М.В. Назаров и многие другие.

Альманах «Вече» особенно известен тем, что первым на русском языке опубликовал американский PL 86-90 «Закон о порабощенных нациях» от 1952 года, в котором предусматривалось расчленение России и появление на ее территории таких мистических государств, как «Идель-Уралия» и «Казакия».

Одним из сложных и неоднозначных явлений в эмиграции диссидентов является использование и поддержка их западными спецслужбами в борьбе с «советским режимом и коммунистической идеологией». Многие эмигранты искренне любили Россию, верили, что борются за ее освобождение от коммунистического рабства, за возрождение национальной России. В действительности все оказалось не так. Борьба с коммунизмом была лишь предлогом, пропагандистским поводом для расчленения и уничтожения России. Некоторые эмигранты третьей волны осознали это, поняли, что были «использованы» не во благо своей Родины, а во вред. Яркими примерами такого прозрения могут служить А.Зиновьев, В.Максимов, М.Назаров. Другие из эмигрантов третьей волны, осознав изменение конъюнктуры, поспешили сменить антисоветскую риторику на антироссийскую. Среди таких выделяются В.Аксенов, В.Буковский, В.Войнович и другие. К сожалению, среди эмигрантов третьей волны были и есть люди, не только тонко чувствующие политическую конъюнктуру, очередной заказ хозяев, но и люди, искренне ненавидящие Россию и все русское, — русофобы. Печатная, публицистическая деятельность таких эмигрантов опасна не только для России, но и для общечеловеческих и христианских ценностей.

1.3. История зарубежного Православия*

Стержнем, делавшим из эмиграции единый национальный организм, была и остается Православная Церковь. В эмиграции более, чем в нормальных условиях, чувствуется потребность в духовной опоре, которой могут быть только абсолютные ценности. Поэтому куда бы судьба ни забрасывала русских, в каких бы трудных условиях ни приходилось им начинать новую жизнь — на всех конти-

* Раздел 1.3 подготовлен М.В. Назаровым.

нентах они открывали храмы, ставшие главными бастионами эмиграции в ее борьбе за самосохранение...

Особенными символами старой России были храмы дореволюционной постройки во многих крупных городах — они-то и стали центрами притяжения эмиграции. Кто-то писал, что бывает странно выходить из русского храма и видеть иностранную улицу... В парижском соборе св. Александра Невского среди молящихся «можно было увидать высокие силуэты великих князей, вождей Белых армий, героев великой и гражданской войны, бывших министров, дипломатов, членов Думы... Писатели, художники, артисты, наряду с другими эмигрантами, образовывали живописную толпу, заполнявшую не только обширный храм и церковный двор, но даже и всю прилегающую улицу Дарю. Все, кто хотел встретить знакомых, окунуться в русскую атмосферу, стремились попасть туда»[90].

Однако, как уже отмечено, эмиграция унесла с собою не только русский дух и достоинства, но и болезни дореволюционного русского общества. Ведь именно в верхних культурных и политических слоях дореволюционной России не хватило понимания ее духовной сути: одним не хватило способностей предотвратить революцию, другие и сами участвовали в свержении монархии — и именно эти деятели потом доминировали в Зарубежье как по финансовым возможностям, так и по количеству печатных изданий.

Лишь постепенно намечался поворот к христианскому мировоззрению у части того «ордена интеллигенции», который готовил революцию. Сначала для многих из ностальгии по утраченной России Церковь и религия перестали быть «оплотом реакции и деспотизма». Некоторые вернулись в Церковь вследствие сознательного (или подсознательного) ощущения собственной вины за разрушение Родины. Но этот процесс опамятования затруднялся тем, что даже эмигрантское духовенство не всегда одинаково понимало задачи Русского Зарубежья и разошлось во взглядах на ту необычную ситуацию, в которой оказались и эмиграция, и Русская Церковь, и сама Россия.

Причин зарубежного церковного раскола оказалось несколько, и говорить о них можно на разных уровнях: церковно-политическом, идеологическом, богословском. Разногласия возникли в вопросах об отношении к советской власти, к возглавлению Церкви в России, к духу западных демократий, к взаимоотношению между русским патриотизмом и Православием, к возможности и уместности тех или иных реформ в богословии... Но сейчас в нашу задачу не входит рассмотрение этих причин (см. об этом: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции).

Напомним лишь получившийся результат: три разных юрисдикции зарубежного Православия и их отношение к главному, историософскому, опыту русской эмиграции.

1.3.1. Русская Православная Церковь За Границей

Русская Православная Церковь За Границей (или Зарубежная) управляется зарубежным Синодом. Канонической основой своего существования она считает постановление Патриарха, Св. Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 года за № 362, изданное вдогонку Белой армии, уходившей из Крыма. Оно гласило: если какая-либо епархия «вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях»; это «непременный долг старейшего в означенной группе по сану архиерея»[91].

До 1926 года Русская Зарубежная Церковь объединяла всю православную эмиграцию; в 1935—1946 годы, в период воссоединения с Американской епархией, — 95% всех приходов Зарубежья (около 1000). До 1940-х годов она пользовалась официальным признанием всех православных Церквей. После войны, в связи с выходом Московской Патриархии на международную арену и под давлением советского правительства, отношения с Русской Зарубежной Церковью заморозили почти все поместные Церкви, за исключением попрежнему верной Сербской; в ограниченной форме поддерживалось общение с некоторыми Церквами вне коммунистической сферы влияния, например, с Иерусалимским Патриархатом.

После войны Синод Зарубежной Церкви переехал в Америку (сейчас в Нью-Йорке). Число прихожан к концу XX в. — около 150 000; на всех континентах имеется 330 приходов и 24 монастыря, в том числе на Святой Земле[92].

Эвакуировавшийся из Словакии в конце войны монастырь преп. Иова Почаевского дал жизнь трем монастырским издательским центрам — в Джорданвилле, Монреале и Мюнхене. Духовная семинария при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле признана в США высшим учебным заведением. Для помощи соотечественникам на родине (переправки религиозной литературы) было создано братство «Православное дело».

Основные периодические издания Зарубежной Церкви: «Православная Русь» (церковно-общественный журнал, выходит два раза в месяц с ежемесячным приложением «Православная жизнь»), «Церковная жизнь» (раз в два месяца) и «Православный путь» (богословско-философский ежегодник). Выходят епархиальные издания в разных странах, часто с дублированием на местных языках.

Из авторов, имеющих серьезные труды, можно назвать митр. Антония (Храповицкого, 1863–1936), митрополита Анастасия (Грибановского, 1873–1965), архиепископа Феофана (Быстрова, 1873–1940), архиепископа Аверкия (Таушева, 1906–1976), архимандрита Константина (Зайцева, 1887–1975), архиепископа Серафима (Соболева, 1881–1950), иеромонаха Серафима (Роуза, 1934–1982), протопресвитера Михаила Помазанского (1888–1988), епископа Григория (Граббе), проф. И.М. Андреева, проф. Н.Д. Тальберга (1886–1969); в какой-то степени с Зарубежной Церковью был связан И.А. Ильин (1883–1954) — его последние книги выходили в мюнхенской обители. В числе прославленных святых — епископ Иона Тянь-Цзинский (Покровский, 1888–1925; прославился как миссионер в Китае) и архиепископ Иоанн (Максимович, 1896–1966), при жизни и после кончины которого совершались чудеса.

С благословения Русской Зарубежной Церкви существует Высший монархический совет, созданный в 1921 г. на общеэмигрантском монархическом съезде в Рейхенгалле (Бавария) как политический орган русской эмиграции по вопросам восстановления православной монархии в России. Основная его задача — совместно с Русской Зарубежной Церковью хранить для будущего принципы государственного устройства исторической России, соответственно воздействовать на монархические организации в качестве арбитра. В состав ВМС входили видные государственные деятели дореволюционной России, ученые, церковные деятели, последняя представительница Дома Романовых кн. Вера Константиновна (1906—2001), имевшая легитимное право на престол на основании дореволюционных законов (она умерла очень символично: в последние дни 2000 года по старому стилю — в самом конце XX века и тысячелетия).

Зарубежная Церковь, по желанию верующих в России, совершила ряд прославлений, в том числе: св. Иоанна Кронштадтского (1964), преп. Германа Аляскинского (1970), св. блаж. Ксении Петербургской (1978), преп. Паисия Величковского (1982), свв. Оптинских старцев (1990) и др; особое значение имеет прославление в 1981 г. Новомучеников и исповедников Российских (предложенное еще Всероссийским Собором в 1918 г.).

В 1982 году по просьбе катакомбных священников в России За-

рубежная Церковь послала туда своего тайно рукоположенного епископа Варнаву (Прокофьева) и совершила тайное рукоположение епископа Лазаря (Журбенко) и затем нескольких священников, желавших быть независимыми от официального церковного руководства[93]. С 1990 года в мюнхенской обители преп. Иова Почаевского, под возглавлением архиепископа Берлинского и Германского Марка, начала работать заочная семинария для студентов в России.

С этого же года отдельные приходы в России начали объявлять своим главой первоиерарха Зарубежной Церкви митрополита Виталия (Устинова). Они были приняты под зарубежный омофор не без колебаний, поскольку и без того сложная каноническая проблематика здесь обострялась с новой силой. И действительно, Московской Патриархией эти действия были восприняты как новый раскол. Ее упреки хорошо известны; менее известно оправдание этого решения духовенством Зарубежной Церкви. Например, о. Николай Артемов объяснял это так:

«Чтобы отказать [в принятии], надо было закрыть глаза и уши, отключить телефоны, запереть все храмы, возвращать невскрытой почту из России, лавина которой росла... Ответственность за конкретных живых людей привела к решению: принять под свой омофор просящихся. Это решение не законническое, а пастырское... Правило о том, что на одной территории должна быть одна Церковь, возникло в другие времена. Оно относилось к нормальным национальным государствам. Ситуация, возникшая в России в XX веке с его катаклизмами, несравнима с теми временами. Произошел внутренний раскол в национальном теле, определяемый отношением к богоборческой власти. Возникло как бы две России (условно: русская и советская). Граница между ними не может совпадать с границами СССР. И Русская Церковь никак не делится на свободную и несвободную территорию. Поэтому бессмысленно указывать на правило о церковных территориях, тем более что сама Московская Патриархия его не соблюдает, имея свои приходы во многих странах»[94].

Конечно, основной причиной такого «возвращения» Зарубежной Церкви в Россию было неблагополучие внутри Московской Патриархии, возглавление которой не торопилось его врачевать даже после падения власти КПСС. Следует, однако, заметить, что «Положение о приходах свободной Российской Православной Церкви», опубликованное Зарубежной Церковью, предписало переход российских приходов в зарубежную юрисдикцию через «письменное и публичное покаяние» клириков и «покаяние прихожан»[95]. Некоторые выражения в этом документе трудно признать удачными, в России они

нередко воспринимались как «высокомерие зарубежников». Хотя при этом не следует забывать о смысле покаяния: «Абсурдно утверждение некоторых людей, как будто мы требуем покаяния лично перед собой, — напоминал архиепископ Марк. — Такое утверждение может возникать только вследствие неведения церковной жизни, то есть самого таинства покаяния и духа его. Покаяние приносится перед Богом». И, конечно, эмигрантам тоже есть в чем каяться: «И среди нас не все и не всегда жили одним только покаянным духом и деланием. И нам следует принести покаяние перед Церковью Святой. Поистине, мы сами часто опускали руки ввиду непонимания и явного безразличия Запада к язвам России. Мы выступали порой недостаточно решительно в защиту преследуемых верующих...»[96]

Причины разногласий руководства Московской Патриархии и Зарубежной Церкви до сих пор коренились в разном отношении к советскому периоду Церкви, к посткоммунистической демократической власти, к экуменизму и прославлению Новомучеников. Московская Патриархия также обвинила «раскольников-эмигрантов» во «вторжении на каноническую территорию» Русской Православной Церкви, но этот аргумент, как и само слово «раскол», Зарубежная Церковь отвергает, поскольку считает себя неотъемлемой частью Русской Церкви и не отождествляет всю Русскую Церковь только с Московской Патриархией. Эти разногласия обострились затем захватом московскими властями имущества Зарубежной Церкви во многих странах. Однако после прославления в 2000 г. в Москве Новомучеников и Царской Семьи у зарубежных архиереев возникли надежды на возможность объединения не только с церковными низами (там разногласий, по сути, не было), но и с верхами Московской Патриархии. Время покажет, насколько эти надежды оправданны.

В настоящее время на территории исторической России (включая Украину, Белоруссию, Казахстан и др.) к Зарубежной Церкви принадлежат 4 епископа и более 100 приходов. В России тиражируются издаваемые ею в Джорданвилле (США) журналы «Православная Русь» и «Православная жизнь», имеются контакты с низовым духовенством МП, в частности в деле прославления Новомучеников и Царской Семьи. Под Москвой в г. Подольске (в «станице Мелихова») открыто подворье РЗЦ и построен новый храм. Наиболее известные периодические издания юрисдикции Русской Зарубежной Церкви на территории исторической России: «Возвращение» (С.-Петербург), «Православное обозрение» (С.-Петербург), «Вестник И.П.Ц.» (Одесса); в Москве прихожанами этой юрисдикции издаются также монархический «Имперский вестник» и альманах «Русская идея» (книжная серия).

1.3.2. Западно-Европейская Православная Архиепископия

Западно-Европейская Православная Архиепископия, которая до 1926 года была епархией Русской Зарубежной Церкви, под влиянием реформаторско-экуменических кругов и по инициативе своего основателя митр. Евлогия (Георгиевского, 1868–1946), после многих перемен статуса и названий оказалась в подчинении Константинопольского (Вселенского) Патриарха. Таким образом, ее каноническая связь с Русской Церковью прекратилась. Митр. Евлогий выразил это в следующих словах: «Основная линия моей церковно-административной деятельности, которой я неуклонно следовал с первого же общеэмигрантского церковного съезда в 1921 г., была последовательно и строго проводимая аполитичность. В деле церковном мы должны были временно умереть в политико-национальном отношении...»[97]. Его последователи придерживаются той же линии: правильное, «подлинное, глубинное положение» русского беженца «в православном рассеянии, это — задание и миссия христианского странника, то есть свидетеля истины Христовой и Его Церкви»[98]; «Мы не национальная Церковь, мы просто верующие христиане»[99].

Каковы бы ни были причины ее отрыва от Русской Церкви — возможно, сейчас эта юрисдикция «вместе с греческой диаспорой все более становится зерном или начатком Западно-Европейской многонациональной Православной Церкви» и даже после освобождения России «едва ли станет епархией Русской Церкви»[100] — так определял ее миссию еп. Александр (Семенов-Тян-Шанский).

Эта ветвь эмигрантского Православия имеет около 50 приходов (большей частью франкоязычных) с примерно 30 000 прихожан. Но ее культурное и философское влияние на эмиграцию оказалось непропорционально велико по сравнению с количественными размерами (хотя далеко не все оно равноценно). В лоне этой «парижской» юрисдикции в 1920-е годы были созданы: Богословский институт преп. Сергия (иногда называемый академией), Русское студенческое христианское движение (РСХД); а также (под руководством Н.А. Бердяева) Религиозно-философская академия (создана в 1922 г. в Берлине, в 1925 г. переехала в Париж), журнал «Путь» и издательство YMCA-Press. (YMCA — Young Men's Christian Association, крупная экуменическая организация с центром в США, долгое время финансировавшая это эмигрантское издательство.) После войны оно несколько поправело, в 1970–1980-е гг. печатало много православных самиздатовских авторов из России. Особенно известен

журнал «Вестник русского студенческого христианского движения» (с 1974 г. слово «студенческого» опущено; выходит 3—4 раза в год под редакцией Н.А. Струве).

С этой юрисдикцией связано творчество таких известных философов, историков Церкви и богословов, как прот. Н.Н. Афанасьев, Н.А. Бердяев, прот. Сергий Булгаков, Б.П. Вышеславцев, П.Н. Евдокимов, Л.А. Зандер, прот. Василий Зеньковский, Н.М. Зернов, В.Н. Ильин, А.В. Карташев, еп. Кассиан (Безобразов), архимандрит Киприан (Керн), В.Н. Лосский, К.В. Мочульский, Г.П. Федотов, прот. Георгий Флоровский, С.Л. Франк, прот. Сергий Четвериков и др. Помощь верующим в России (переправка литературы и «гуманитарной» помощи) много десятилетий осуществляет Фонд под руководством К.А. Ельчанинова.

С 1990-х гг. «Вестник РХД» тиражируется в Москве, где создан фактический филиал издательства YMCA-Press под названием «Русский путь». В том же большом здании создана Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», финансируемая правительством Москвы, имеется книжный магазин. Туда передал свои архивные собрания А.И. Солженицын, регулярно поступают пополнения из русской эмиграции через посольства РФ. Опираясь на эту базу, а также заграничное финансирование, издательство YMCA-Press под руководством Н.А. Струве снабдило своими изданиями десятки библиотек во многих городах России. Следуя давней традиции, оно сотрудничает в России преимущественно с либеральными православными кругами, невзирая на юрисдикционные различия.

1.3.3. Американская Православная Церковь

В Северной Америке, где Православие имеет более прочную, 200-летнюю традицию (на Аляске — с 1794 г.), на основе прежней русской митрополии, прошедшей через периоды автономного существования, в 1970 г. была провозглашена автокефальная Американская Православная Церковь. Она была создана ассимилированной русской иммиграцией (неассимилированные эмигранты в США тяготеют к Зарубежной Церкви).

Еще в начале XX в. будущий Патриарх Тихон, возглавлявший с 1898 по 1907 год американскую епархию, писал «аргументированные рекомендации о даровании Американской Церкви статуса автономии или даже автокефалии»[101]. Этому воспрепятствовал Октябрьский переворот, в том числе наплывом русских эмигрантов, не желавших рвать связь с Россией и затормозивших этот процесс. Но постепенно ассимиляция брала свое, оказывая влияние и на митр.

Платона (Рождественского, 1866–1934), который возглавлял американскую епархию еще до революции — с 1907 по 1914 год.

Стремление к независимости (при отсутствии условий для ее безупречного канонического обретения) и стало причиной откола Американской митрополии от Зарубежной Церкви, ибо оба раза это было продиктовано настроениями паствы (Детройтский собор 1924 г., Кливлендский собор 1946 г.). Правда, прот. Георгий Бенигсен признает и то, что окончательный разрыв с Зарубежной Церковью после войны был ускорен, с одной стороны, иллюзиями о свободе Церкви в СССР (в то время Сталин был разрекламирован в США как союзник, и некоторые приходы «доходили до вывешивания красных флагов в своих храмах»); а с другой стороны — дезинформацией о «панегириках», которые якобы Зарубежный Синод слал во время войны Гитлеру, войска которого «убивали на фронте детей этих "наивных" православных американцев»[102] (эти неверные утверждения прот. Георгий в своей работе зачем-то повторяет, хотя в годы войны сам был причастен к окормлению участников власовского движения).

Отношения этой юрисдикции с Зарубежной Церковью осложнились также из-за разного отношения к русскому патриотизму и к монархии. Священник американской юрисдикции о. Михаил Аксенов-Меерсон отмечает, что дореволюционная эмиграция из России в Америку была преимущественно нерусской, а русская не была особенно патриотичной и «в основном состояла из элементов, так или иначе вовлеченных в революционное движение... В годы Первой мировой войны... в русской церковной среде начали усиливаться антимонархические и антииерархические настроения, тем более что в Соединенных Штатах они находили благодатную почву в американском стиле политической и церковной демократии... рождая оппозицию мирян и младшего клира по отношению к иерархии». Все это постепенно придало американскому православию «демократический» облик; сегодня «Православная Церковь в Америке находится в авангарде современного экуменизма». «Возникновение поместной американской Церкви означало революцию в Православии. В лице Православной Церкви в Америке Православие преодолело свой тысячелетний плен государственности и национализма. Исторические катаклизмы нашего века помогли ей разорвать крепчайшие путы, которые связывали ее, как часть русской Церкви, с православной империей»[103]...

Несмотря на непризнание получения американской автокефалии в 1970 году (от несвободной Московской Патриархии, в русле советской внешней политики) древнейшими православными Церк-

вами[104], процесс возникновения Американской Православной Церкви был в чем-то закономерен. Этот совместный плод дореволюционной и послереволюционной русской эмиграции — подлинное «умершее зерно», проросшее новой жизнью: богослужения идут на английском языке, основную паству составляют уже нерусские американцы. Имеется более 500 приходов, в основном в США и Канаде (в том числе албанские, болгарские, румынские, вернувшиеся в Православие униаты, мексиканские старокатолики), насчитывающие несколько сот тысяч верующих. Но часть прихожан считает себя русскими (к этой церковной юрисдикции принадлежала, например, семья Солженицына в годы жизни в США).

В этой юрисдикции тоже заметно религиозно-философское творчество эмигрантов — в Св.-Владимирской духовной семинарии, созданной в 1938 году: Н.С. Арсеньев, Н.О. Лосский, прот. Иоанн Мейендорф, Е.В. Спекторский, Г.П. Федотов, прот. Г.Флоровский, о. Александр Шмеман и др. (ведущие силы этой семинарии отпочковались от «парижской» школы). Первыми святыми американского Православия стали прославленные в 1970-е годы русские миссионеры преп. Герман Аляскинский и митр. Иннокентий (Вениаминов).

Иногда третьей ветвью Зарубежного Православия называют эту, американскую. Но такое деление несущественно; между миссиями парижской и американской ветвей особой разницы нет: это лишь разные ступени одного ассимиляционного процесса (который был насильно навязан и русским епархиям в Восточной Европе, Финляндии и отчасти в Прибалтике). Сходно и их отношение к происходившему в СССР: и те и другие, по словам Н.Зернова, «отказывались судить о действиях епископата, пытавшегося искать компромисс с атеистическим правительством в России»[105].

1.3.4. Приходы Московской Патриархии

Третья ветвь возникла в результате требования митрополита Сергия (Страгородского) дать подписку о лояльности советской власти. Это заграничные приходы Московской Патриархии, насчитывавшие в 1991 году во всем мире (помимо Восточной Европы) лишь 4—5 тысяч человек. Как замечает Н.Зернов, эта третья ветвь, подобно руководству Московской Патриархии, считает, «что предержащая власть, как бы она ни была враждебна христианству, заслуживает послушание духовенства и молитв верующих, так как нет власти, которая не от Бога»[106]...

О богословской неверности подобного самооправдания в эмиграции говорилось достаточно. Ведь апостол имел в виду подчинение

Успенский храм в Кремле

Архангельский собор в Кремле

Ново-Девичий монастырь

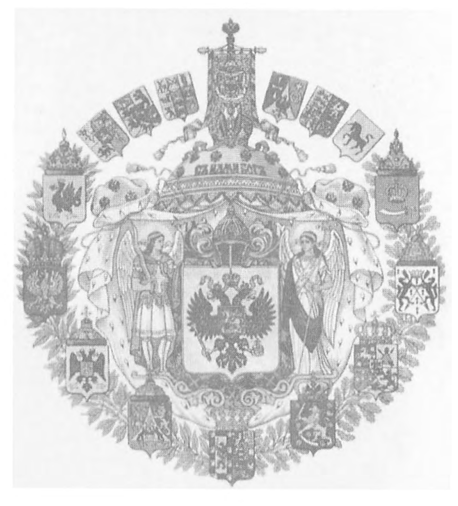
Двуглавый орел Византийской империи, унаследованный Россией при Иване III

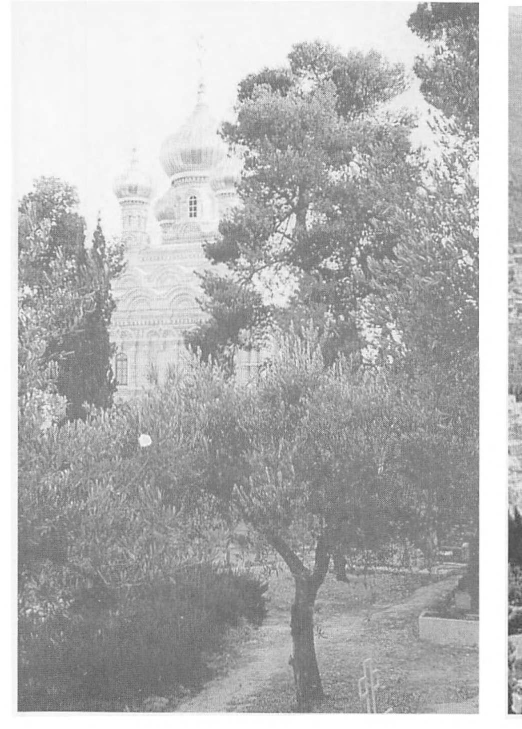
Российский Государственный Герб

Российское Государственное Знамя начала XX века

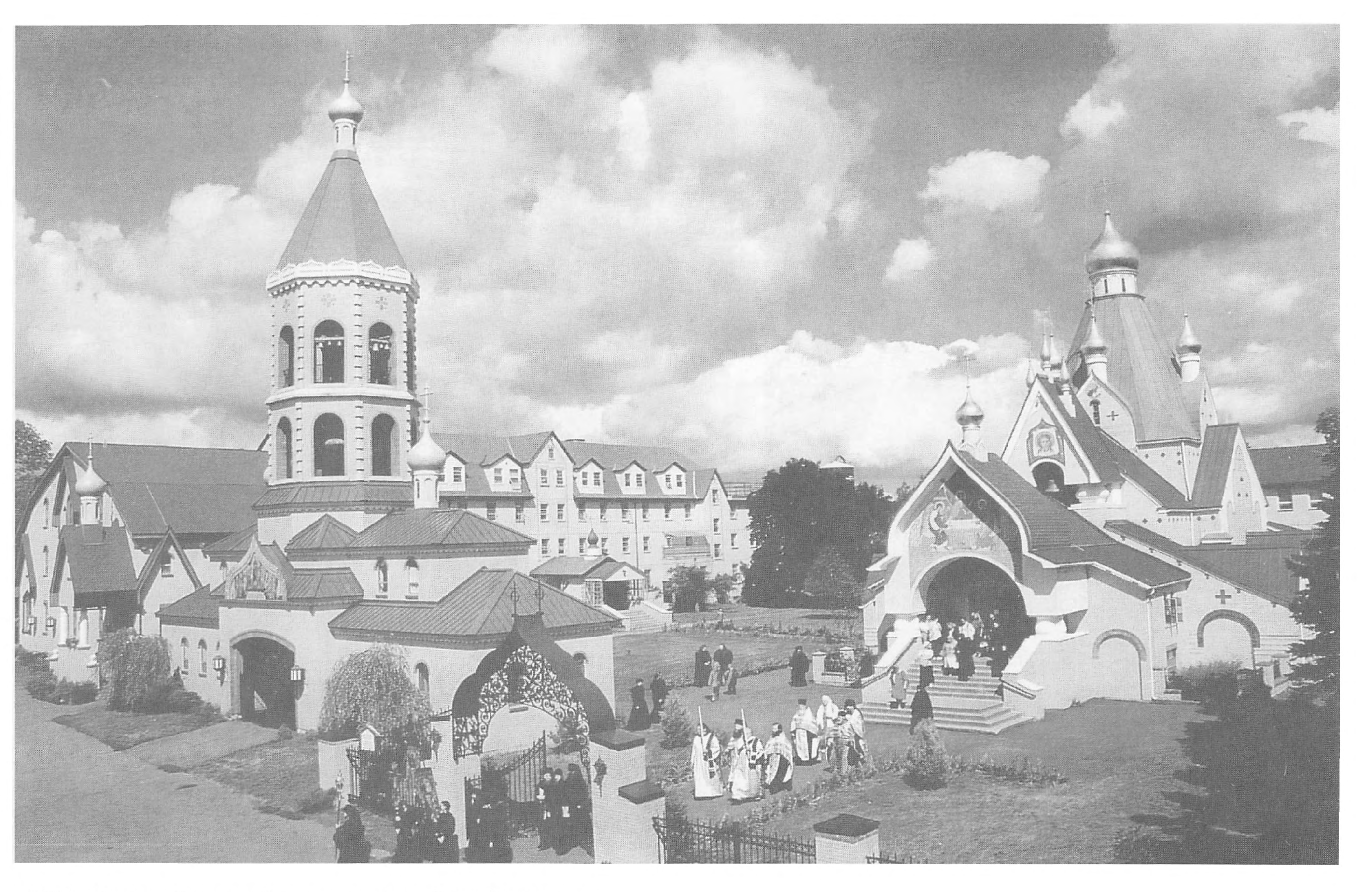

Центральная часть Российской Государственной печати в виде Герба

Иерусалим.
Храм св. Марии Магдалины

Иерусалим.
Елеонский монастырь

США. Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле

США. Церковь св. князя Александра Невского в Лэйквуде

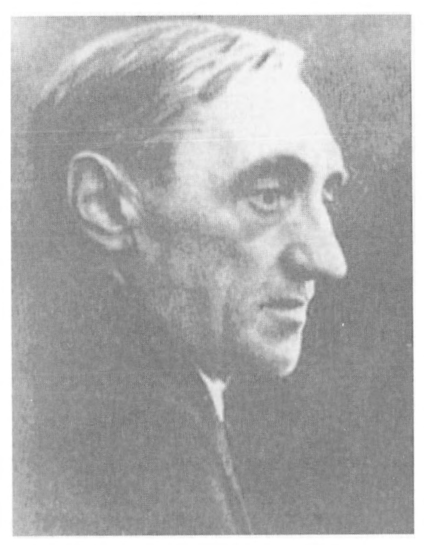
США. Церковь св. князя Владимира в Джэксоне

Китай.
Кафедральный собор в Шанхае

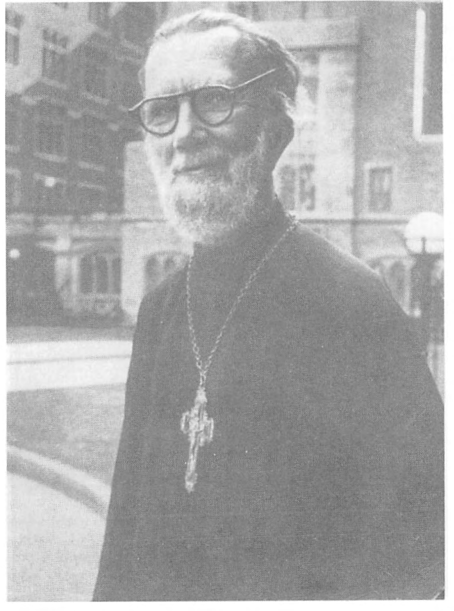
БУНИН
Иван Алексеевич
(1870–1953)

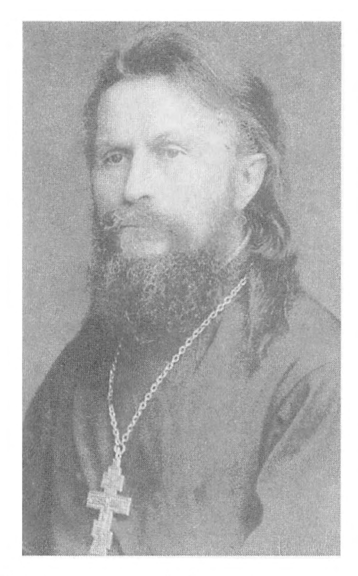
ШМЕЛЕВ
Иван Сергеевич
(1873–1950)

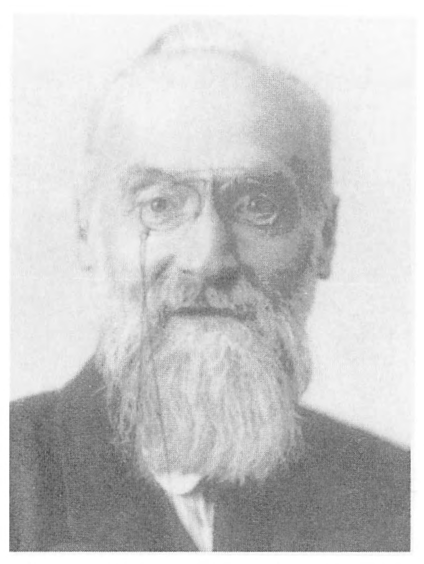
ИЛЬИН
Иван Александрович
(1883–1954) — религиозный философ, национальный мыслитель. Депортирован в Германию в 1922 году, где жил и работал до 1938 года. Умер в Цюрихе

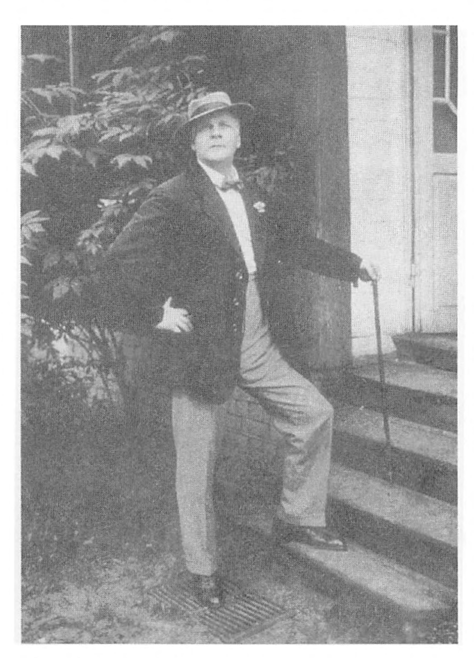
ФЛОРОВСКИЙ
Георгий Васильевич
(1893–1979) — священнослужитель, богослов, философ. Автор знаменитой книги "Пути Русского Богословия"

БУЛГАКОВ, протоиерей Сергий (1871–1944), русский религиозный философ. С 1923 года жил в эмиграции в Париже

КИЗЕВЕТТЕР Александр Александрович (1866–1933) — профессор, историк, политический деятель. В эмиграции жил в Праге. Председатель Русского Заграничного Исторического Архива

ШАЛЯПИН Федор Иванович (1873–1938). За рубежом с 1922 года. В 1984 прах Шаляпина перенесен из Парижа в Москву

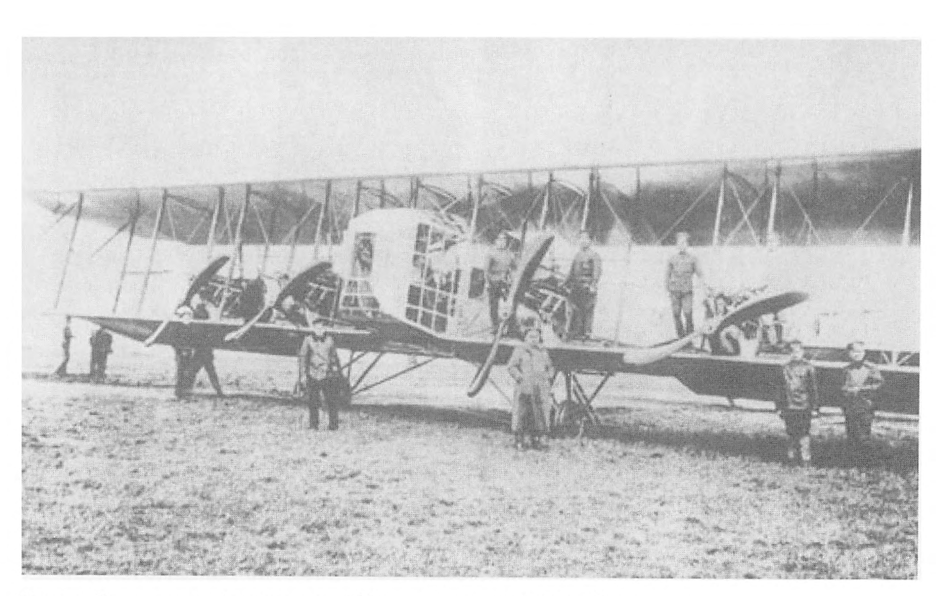
Сергей ЛИФАРЬ (1905–1986) на могиле Дягилева. Артист балета, хореограф, искусствовед. Работал в балете Дягилева в Париже с 1923 года

КАРСАВИНА Тамара Платоновна (1885–1978) — артистка балета. В 1930—1955 гг. вице-президент Королевской академии танца в Лондоне

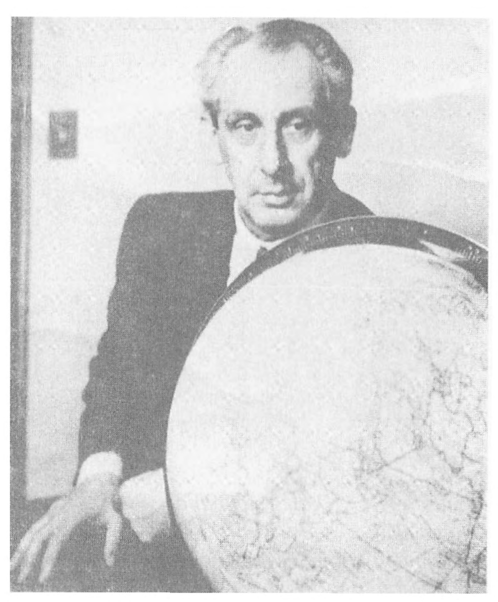
СИКОРСКИЙ Игорь Иванович (1889–1972), конструктор аэропланов и вертолётов, и его старший сын Сергей. Один из "отцов" авиации в США

Четырёхмоторный самолет "Илья Муромец" И.А.Сикорского, самый большой из успешно применяемых в Первой мировой войне

ЗВОРЫКИН Владимир Кузьмич (1884–1982) — основоположник телевидения в США

ПРОКОФЬЕВ ДЕ СЕВЕРСКИЙ Александр Николаевич (1894–1974) — конструктор военных самолётов, пилот. В США с 1918 года

Летчик капитан Б.В.СЕРГИЕВСКИЙ и князь С.С. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ-БЕЛОЗЕРСКИЙ. В середине певица Кузьмина (сопрано)

Адмирал КОЛЧАК Александр Васильевич (1873—1920) — Верховный главнокомандующий Белых войск с 18.11.1918

Генерал ДЕНИКИН Антон Иванович (1872—1947). После поражения Белых войск жил во Франции до 1946 года. Умер в США

Генерал КУТЕПОВ Александр Павлович (1882—1930). Эмигрировал в Болгарию, затем во Францию. Вывезен агентами ОГПУ из Парижа; умер в пути к Новороссийску

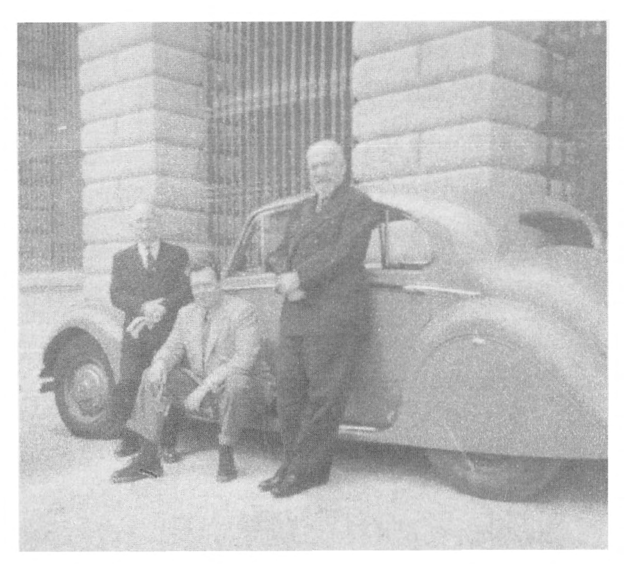

Барон ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич (1878—1928). Генерал Белой Армии. Умер в Брюсселе

*Генерал Врангель
среди корниловцев.
Лихтенштейн*

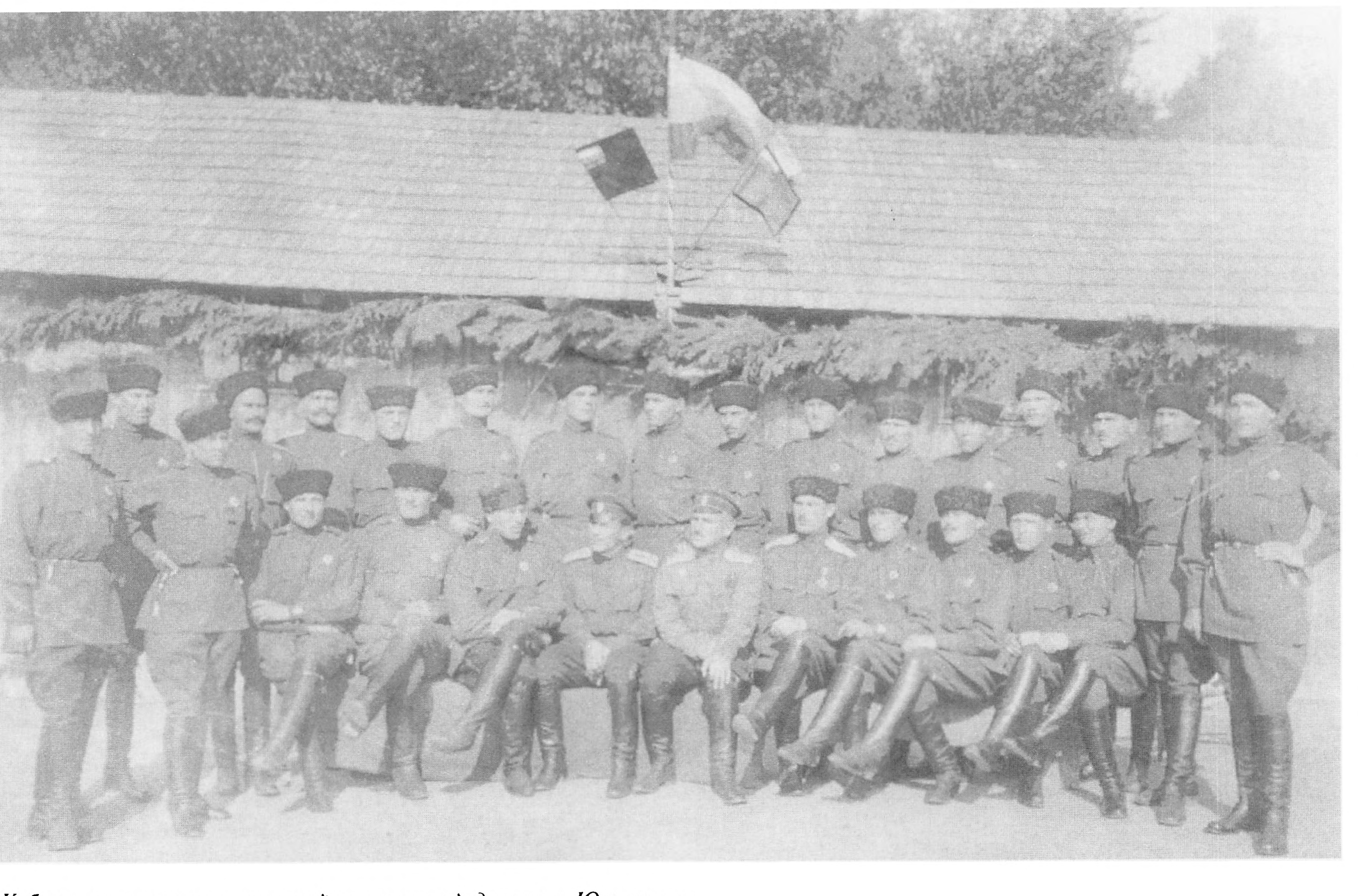
Великий князь Владимир Кириллович, генерал Лампе, Лехнович

Барон ТАУБЕ Николай Георгиевич (сидит в центре) среди членов корпуса Императорских Армий и Флота. 1962

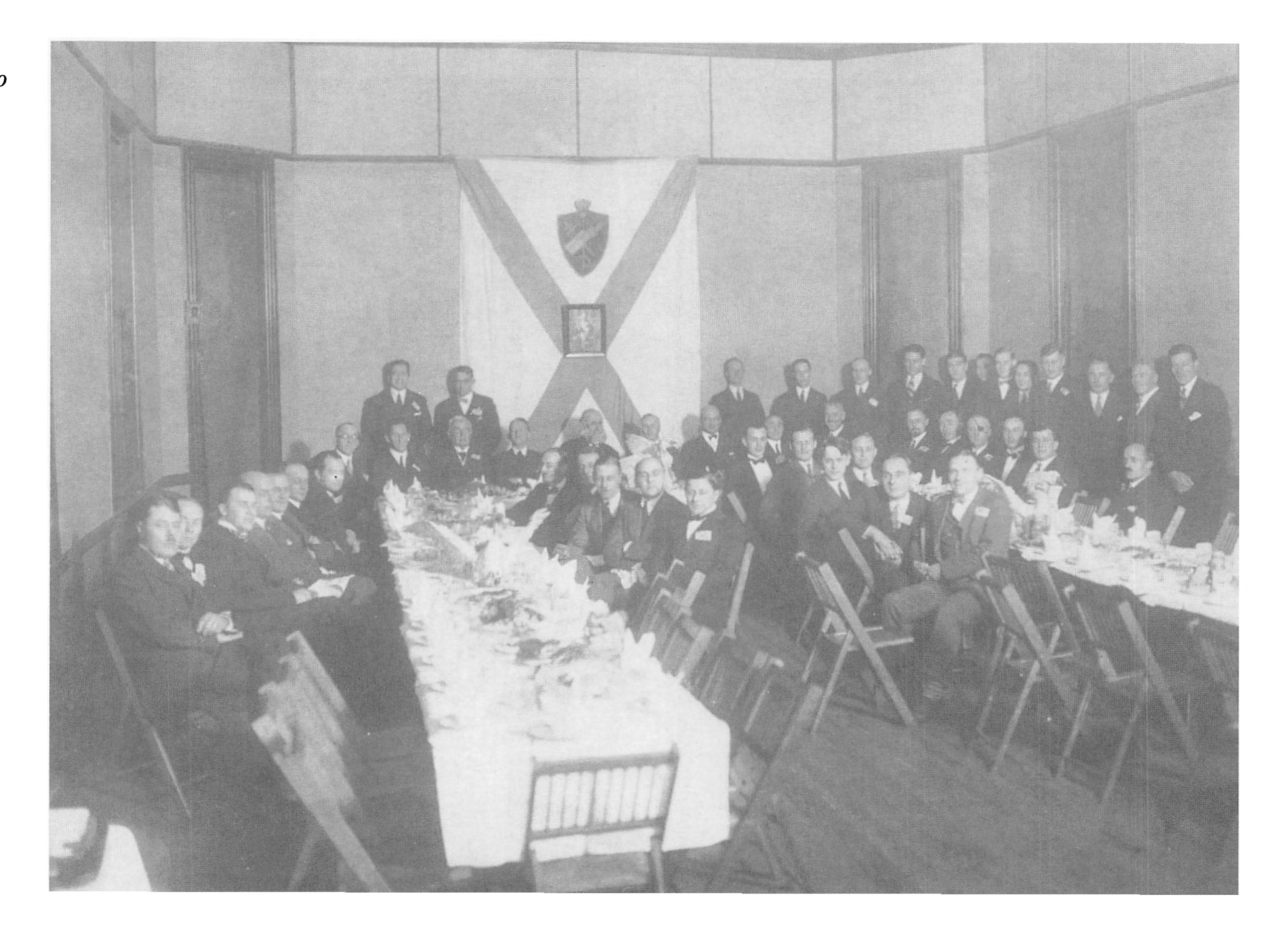
Русские казаки на стройке в СХС (Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, с 1929 Югославия)

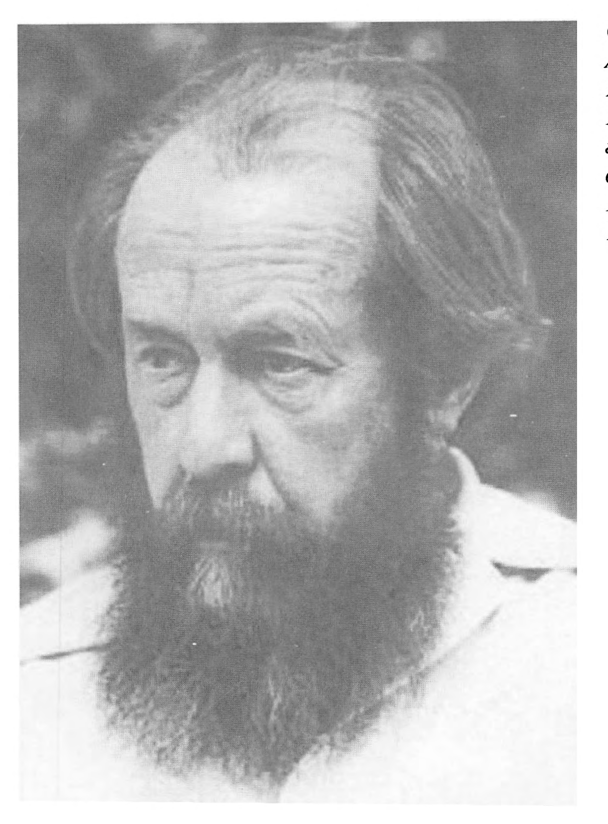
Кубанские казаки на постройке железной дороги в Югославии

Великая княгиня Вера Константиновна, дочь поэта К.Р. — Великого князя Константина Константиновича, делает запись в золотой книге общества "Родина" от имени лагеря НОРР. 1957

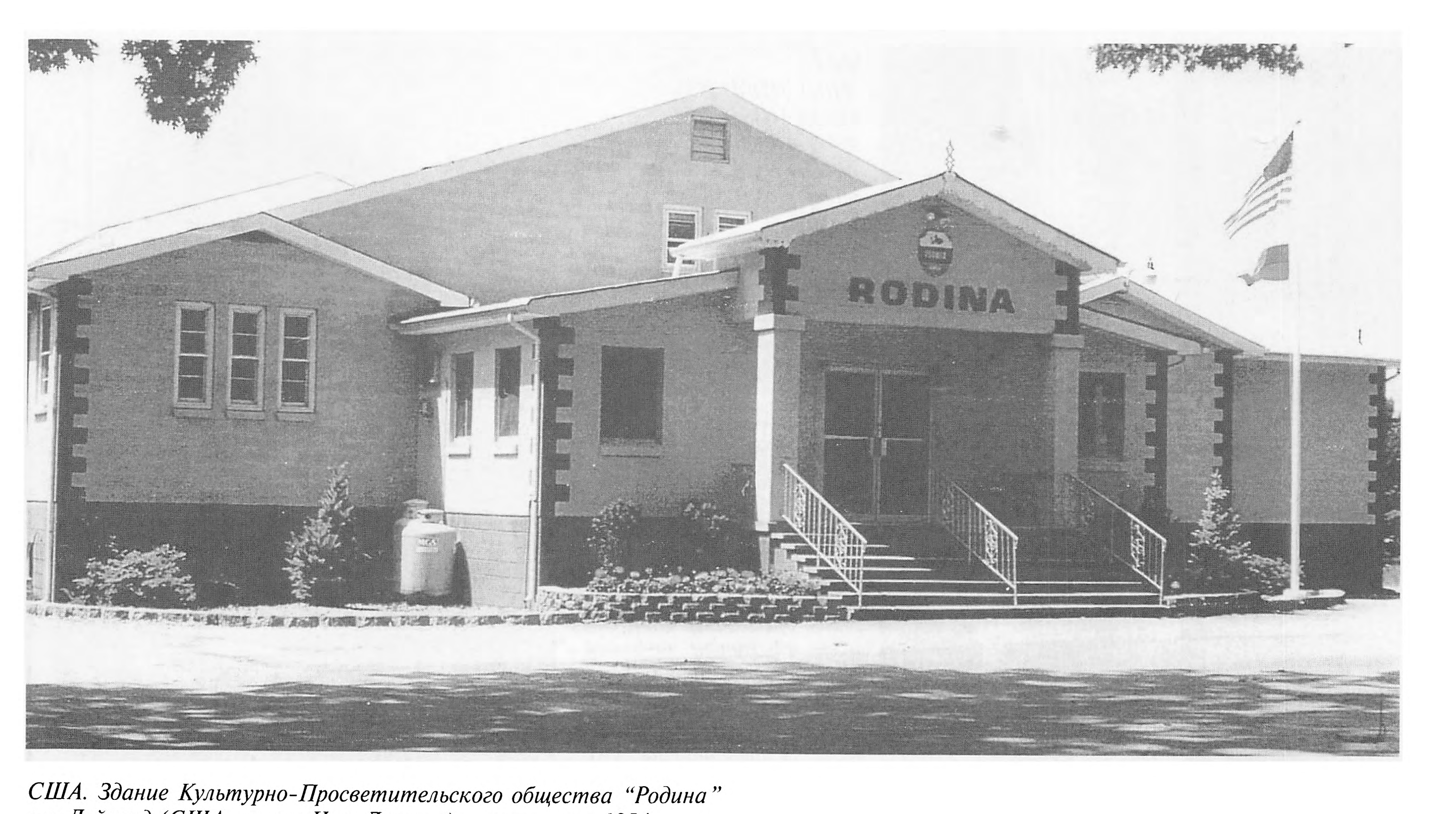
США. Общество бывших морских офицеров

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич. Был депортирован в Германию в 1974 году. Жил и работал в США, штат Вермонт. Вернулся в Россию в 1995 году

Юрий Александрович СМИРНОВ и Анна Юрьевна СМИРНОВА (МАРЛИ), США. 1996

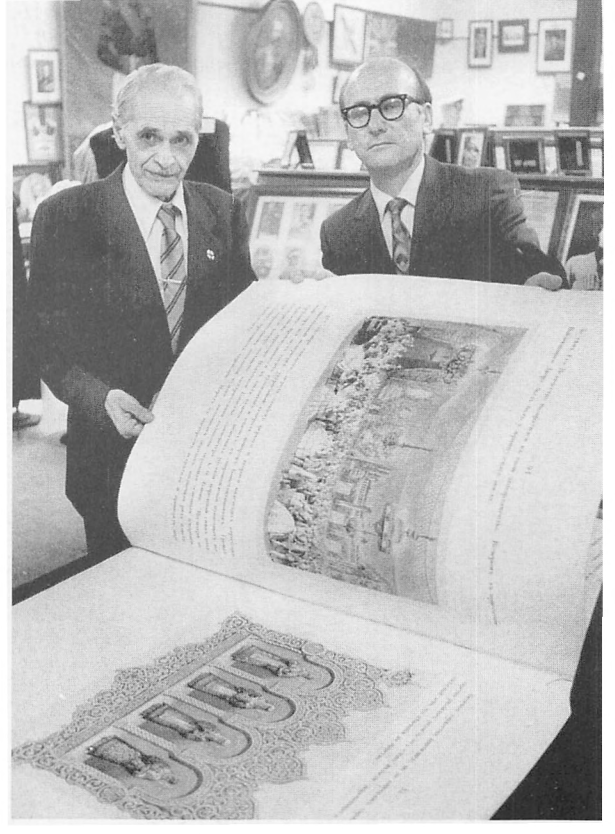
США. Здание Культурно-Просветительского общества “Родина” в г. Лэйквуд (США, штат Нью-Джерси), в котором с 1954 г. располагался культурно-просветительный центр русской эмиграции и самый большой русский зарубежный музей и архив

Совет старейшин Общества “Родина” (основатели), 1968. Слева направо, первый ряд: И.Н. Троянов, Т.Г. Мищенко, В.В. Пожидаев, В.А. Юров, О.М. Круминс, М.П. Золотавин, И.А. Ковура, Н.И. Туяхов; второй ряд: В.Т.Юрицын, Н.А. Помазанов, М.А. Лермонтов, М.Г. Портнов

СТЕЛЛЕЦКИЙ Всеволод Павлович — основатель музея Общества "Родина"

В.П. СТЕЛЛЕЦКИЙ и О.М. КРУМИНС (Председатель Общества с 1971 г. по н.вр.) в музее Общества "Родина". Редкий экспонат

На выставке в Центральном музее Вооруженных Сил, июнь 1993. “Родина” возвращается на Родину

В залах выставки Центрального музея ВС. Слева направо: О.М. Круминс — Председатель общества "Родина", полковник А.К. Никонов — начальник музея, М. Швыдкой — министр культуры РФ

*Центральный музей ВС, 13 сент. 1994. У экспозиции Общества "Родина"
Её императорское высочество Великая княгиня Леонида Георгиевна. Её автограф для общества "Родина". Слева: начальник музея — полковник А.К. Никонов*

самому принципу власти, в противоположность анархии; к тому же— когда «начальник есть Божий слуга, тебе на добро» (Рим. 13, 4); а об отношении христиан к недостойной власти можно судить по словам Христа об Ироде или святых отцов — о Юлиане Отступнике... Теперь даже Архиерейский Собор Московской Патриархии в августе 2000 г. отказался от прежнего толкования апостольских слов и высказал в этом отношении верную позицию: христианин не должен повиноваться антихристианской власти.

Деятельность этой ветви проходила пассивно, часто в русле советской внешней политики («борьба за мир»), и пользовалась поддержкой советской власти, стремившейся таким способом приручить эмиграцию. Из-за этого авторитет московских приходов в русской эмиграции был невелик. Но все же не только раболепием объясняется существование этой ветви: здесь присутствует и «идея общей судьбы» с Россией в виде молитвенной помощи ей, как бы вера в чудо. И не всегда духовенство этой ветви вело себя послушно. Наибольшую известность и авторитет приобрели митр. Антоний (Блюм) в Англии и архиеп. Василий (Кривошеин) в Бельгии, которые протестовали против преследований верующих в СССР.

Границы между всеми тремя ветвями были порою подвижными. По инициативе зарубежного Синода состоялось его краткое примирение с митр. Евлогием в 1934—1935 гг.; тогда же, после смерти митр. Платона (1934), американская митрополия воссоединилась с Зарубежной Церковью на период с 1935 по 1946 год. После войны митр. Евлогий подал прошение на переход своей епархии в подчинение Московской Патриархии; от Американской и Зарубежной Церквей тоже были такие переходы (на волне патриотизма или в результате советского давления). Были потом и возвращения.

В практической деятельности возникшие юрисдикции тоже нередко совмещали разные цели, направленные и на иностранный мир, и на родину. Так, «Вестник РХД» и книги издательства YMCA-Press получили известность в России, как и работы «американцев» о. Александра Шмемана, о. Иоанна Мейендорфа. А Зарубежная Церковь развила значительную миссионерскую деятельность: Духовная миссия в Китае имела около 20 детских школ, изданы китайские переводы житий, творений святых отцов, литургических книг; сербское женское монашество возникло благодаря русскому; сейчас у Зарубежной Церкви имеются школы для арабских (на Святой Земле) и чилийских девочек, англоязычные монастыри в Северной Америке, издания на местных языках (почти половина джорданвилльского книжного каталога — англоязычная).

7 Заказ 2370

Конечно, по большому счету в этих зарубежных разделениях главным критерием истины должен быть экклезиологический, касающийся сути самой Церкви. Тут компромиссы невозможны. Однако и свою правоту можно отстаивать мудро и немудро, усугубляя раздор — чем пользуются внутренние и внешние враги всего Православия...

У каждой из перечисленных зарубежных ветвей есть грехи и добродетели. Не все их представители были одинаково чутки и мудры. Но какие бы отклонения ни встречались у них, трагично не столько происшедшее разделение, сколько неспособность разделившихся понять и привести в соответствие с церковными канонами возникшие разные самосознания друг друга и как следствие этого — ожесточенность, приведшая к утрате литургического общения.

Впрочем, в Сан-Франциско ситуация была близка к желательной: епископ Василий (Американской Церкви) и архиепископ Антоний (Зарубежной Церкви), хотя и не сослужили, однако не раз «вместе молились и благословляли народ... в Русском Центре».

Епископ Василий (Родзянко) пишет, что Православная Церковь в Америке (ПЦА) «нигде и никогда не выносила» решения о неканоничности Русской Зарубежной Церкви (РЗЦ). Ибо «ни один ныне здравствующий иерарх РЗЦ не находится ни под запрещением, ни под судом и никем не лишен сана... Когда на Всероссийском Поместном Соборе 1971 г. в Троице-Сергиевой Лавре был поднят вопрос об отлучении РЗЦ, этому смело и решительно воспротивился тогдашний экзарх Московской Патриархии в Западной Европе, Сурожский митрополит Антоний (из Лондона) и произнес на Соборе горячую речь в защиту РЗЦ. Его поддержал в своем выступлении делегат-мирянин из Франции Н.В. Лосский. Собор не отлучил РЗЦ, а всего лишь постановил «изучить этот вопрос»... Точно так же и Архиерейский Собор РЗЦ нигде и никогда не «отлучил» (не объявил «неправославной» — наравне с римо-католиками) ПЦА... Все решения носили лишь административный характер. Существуют различные богословские мнения на этот счет, но они только мнения, а не канонические экклезиологические решения всей Русской Зарубежной Церкви... ПЦА и дальше считает РЗЦ Церковью и не сомневается ни в ее таинствах, ни в ее Православии, ни в ее Вере, мистически находится с ней в полном общении, как с частью Вселенской Православной Церкви — Божественного Тела Христова, присутствующего во всей полноте в ее Евхаристии»[107].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Мн.: Лучи Софии, 1998. С. 26.

2. *Митрополит Анастасий (Грибановский).* Значение Владимирского юбилейного года // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 12—13.

3. Поучение Владимира Мономаха // Древняя русская литература. Хрестоматия. М.: Просвещение. 1988. С. 52—53.

4. Русские. М.: Наука, 1997. С. 36.

5. *Бразоль Б.Л.* Царствование Императора Николая II (1894—1917) в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1968. С. 13.

6. *Пушкарева Н. Л.* Русские за рубежом // Русские. С. 144.

7. *Кабузан Н.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1917—1989). Формирование этнических границ русского народа. СПб., 1997. С. 307.

8. *Березений Т.А.* Русский мужик и водородная бомба. Нью-Йорк, 1958. 256 с.

9. *Воблый К.Г.* Отход на заработки в Германию и русско-германский торговый договор // Труды Юго-Западного отд. Российской паспортной палаты. Киев, 1924. С. 7.

10. Русские. М., 1997. С. 146.

11. *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в Америке. США: экономика, политика, идеология. 1996, № 7. С. 90—92.

12. *Березений Т.А.* Указ. соч.

13. *Якушина А.П.* Ленин и заграничная организация РСДРП 1905—1907. М., 1972.

14. *Паклин Н.А.* Русские в Италии. М., 1990.

15. *Любина Г.И.* Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 1996.

16. Русская читальня им. Гоголя в Риме. Рим, 1913.

17. *Йоффе-Кеммпайнен Э.* «SLAVICA» — уникальная русская библиотека в Финляндии // Русская мысль. 1997. № 4185.

8. Православный русско-американский календарь на 1903 г. Бриджпорт, 1902. С.21—24.

19. *Попова А.В.* Русское Зарубежье и архивы. Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.

20. *Шатилов А.Б.* Эмигранты из России в Австралии в 20—30-е годы // Славяноведение. 1997. № 5. С. 9.

21. *Рафальский С.М.* Николин Бор. Париж.: Альбатрос, 1984. С. 75.

22. См.: *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 12—13.

23. Цит. по: *Даватц В., Львов Н.* Русская армия на чужбине. Белград. 1923. (Репринт: Нью-Йорк, 1985). С. 16.

24. *Савич Н.* Константинопольский период // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1989. № 152. С. 234—235.

25. *Штейфон Б.* Военная деятельность Врангеля // Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель. Берлин, 1938. С. 207.

26. Цит. по: *Игнатов М.* Враги и друзья // Сигнал. Париж, 1939. № 60. 1 авг. С. 3.

7*

27. *Дaвaтц В., Львов Н.* Указ. соч. С. 20, 42.
28. Там же. С. 21.
29. *Rimscha H.* RuЯland jenseits der Grenzen 1921—1926. Jena. 1927. S. 11.
30. *Дaвaтц В., Львов Н.* Указ. соч. С. 90.
31. *Rimscha H.* Op. cit. S. 8—9.
32. *Савич Н.* Указ. соч. С. 260—261.
33. *Дaвaтц В., Львов Н.* Указ. соч. С. 55—56.
34. *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. Брюссель. 1938. № 213. 1 июня. С. 19—20.
35. Легионер. Русские во французском Иностранном легионе // Часовой. Париж, 1931. № 55. 15 мая. С. 16—17.
36. *Volkmann H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland 1919—1929. Wurzburg, 1966. S. 11—12, 13—17, 18—25.
37. *Гессен И.* Годы изгнания. Париж, 1979. С. 167. Ср.: *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 26—27, 33. Советскую цифру вернувшихся — 181 000 — Фолькман считает пропагандно завышенной.
38. *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 31, 37—45.
39. *Гессен И.* Указ. соч.
40. Цит. по: *Гуров И.* «Интересы мировой революции» по-прибалтийски // Политика (Москва), 1991. № 3. С. 10.
41. *Левицкий Д.* О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 141. С. 206—233.
42. *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. С. 12—13.
43. *Seide G.* Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Grьndung bis in die Gegenwart. Wiesbaden, 1983. S. 168.
44. Цит. по: *Аверкий, архиепископ.* Святая гора Афон и ее современное состояние. Доклад Собору 1962 г. // Православный путь. Джорданвилль, 1962. С. 42.
45. *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. С. 12—13.
46. *Кабузан Н.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1917—1989). Формирование этнических границ русского народа. СПб., 1996. С. 230.
47. *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. С.12—13.
48. *Клибанов А.И.* Материалы о религиозном сектантстве в архиве В.Г. Черткова // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 28. М., 1965. С. 74.
49. *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 125, 123.
50. См.: *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. 1971; Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973.
51. *Трушнович Я.* Эмиграция и «революционное движение нового поколения» // Посев. 1990. № 2. С. 147. Эмиграции в Югославии в годы ее расцвета посвящен специальный номер «Часового» (Брюссель. 1939. № 236—237).
52. *Шмелев И.* Душа родины. Париж, 1967. С. 217.
53. *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 5.
54. *Гуль Р.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. I. С. 118.
55. Там же. С. 117—148.
56. См.: *Raeff M.* Russia abroad. New Vork, 1990. P. 29, 33, 37—38.
57. *Simpson J.* The Refugee Problem. Oxford UniversitV Press. 1939. Цит. по:

Поремский В. Политическая миссия русской эмиграции. Франкфурт-на-Майне, 1954. С. 4.

58. *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 121–126. Tabelle I.

59. См.: *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. 1971. С. 288.

60. *Зернов Н.* За рубежом. Париж, 1973. С. 123–124.

61. *Литвинова Г.И.* Русские американцы / Вступ. ст. и редактор Е.С. Троицкий. М., 1993. 94 с.

62. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1995. С. 25.

63. Крестьянская деревня. С. 17.

64. *Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 314.

65. *Kovalevsky P.* La Dispersion Russe. Chauny (Aisne), 1951. P. 41.

66. Цит. по: Секретный доклад генерала Махрова // Грани. 1982. № 124. С. 189.

67. *Деникин А.* Письма 1939–1946 гг. // Там же. 1988. № 149. С. 135. См. также: *Рутыч Н.* Последние годы генерала А.И. Деникина // Там же.

68. *Деникин А.* Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 68.

69. *Иоанн (Шаховской), архим.* Близок час // Новое слово. Берлин, 1941. 29 июня.

70. *Хофман Й.* История власовской армии. Париж, 1990. С. 117–119.

71. См.: *Стеенберг С.* Власов. Мельбурн, 1974. С. 28.

72. *Хофман Й.* Указ. соч. С. 7.

73. Цит. по: *Двинов Б.* Радетели Украины // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1950. № 630. Март. С. 41–42.

74. Манифест КОНР // *Хофман Й.* Указ. соч. С. 357–363.

75. *Хофман Й.* Указ. соч. С. 125.

76. *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* История и судьба российской эмиграции. Вторая волна эмиграции (1939–1950-е годы). СПб., 1998. С. 13.

77. *Кромиади К.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 46.

78. *Хофман Й.* Указ. соч. С. 112–115.

79. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 338.

80. *Streit G.* Die Sowjetischen Krigsgefangenen in der Wehrmacht // Проблемы военного плена: история и современность: Матер. междунар. научно-практической конф. Вологда. 23–25 окт. 1997. Ч. 1. Вологда, 1997.

81. *Wander H.* Die Bedeutung der Auswanderung fьr die Losung europaischer Fluchtlings und Bevoikerungsproblem. Kiel, 1951. S. 2

82. ГАРФ. Ф. 9526, оп. 4а, д. 1, л. 3.

83. ГАРФ. Ф. 9526, оп. 4а, д. 1. л. 225–226.

84. *Чухнов Н.* Пасынки судьбы // Знамя России (Нью-Йорк). 1951. № 46. С. 1.

85. Обращение генерала А.И. Деникина к американскому сенатору Артуру Вандербергу // Русский рубеж. 1991. С. 11.

86. ГАРФ. Ф. 9526, оп. 4а, д. 7, л. 11–12.

87. *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 21.

88. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М.: ИАИ РГГУ, 1994. С. 349–354.

89. Издательское и библиографическое дело русского зарубежья. СПб., 1999. С. 92.

90. *Зернов Н.* За рубежом. Париж. 1973. С. 127.

91. Цит. по: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. VII. С. 27–29.

92. 1000-летие Крещения Руси. Мюнхен, 1988. С. 58; *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora. München. 1989. S. 215.

93. *Григорий, еп.* Завет Святого Патриарха // Суздальский паломник. 1995. № 22. С. 36.

94. *Артемов Н., свящ.* О Православной Российской Церкви за рубежом и на родине. Рукопись.

95. Положение о приходах свободной Российской Православной Церкви // Православная Русь. 1990. № 12. С. 2.

96. *Марк (Арндт), архиеп.* Свобода дана для обретения Истины // Вече (Мюнхен). 1991. № 43. С. 25–26.

97. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 609.

98. *Андроников К., кн.* Исторический доклад, прочитанный 16 февраля 1966 года на чрезвычайном собрании в Свято-Троицком Александро-Невском соборе // Вестник РСХД. 1966. № 80. С. 12.

99. *Бобринский Б., свящ.* Интервью // Северо-Восток (Новосибирск). 1991. № 2. С. 6.

100. Вестник РХД. Париж. 1974. № 114. С. 112–113.

101. *Бенигсен Г., прот.* На путях автокефалии Американской митрополии // Вестник РСХД. 1970. № 95–96. С. 53.

102. Там же. С. 59–61.

103. *Аксенов-Меерсон М., свящ.* Православие и свобода. Бенсон (США), 1986. С. 154, 160, 177, 171, 179.

104. См.: Четыре древних Патриархата осуждают русскую автокефалию в Америке // *Гуль Р.* Одвуконь два. Нью-Йорк, 1982. С. 119–133.

105. *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 228–229.

106. *Зернов Н.* Юрисдикционные споры в Русской Церкви эмиграции и I Всезарубежный собор в Карловцах в 1921 году // Вестник РХД. 1974. № 114. С. 121.

107. *Василий (Родзянко), епископ.* Наши отношения с Зарубёжной Церковью // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1982. 23 сент. С. 6.

2. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОЛОГИИ*

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем,—
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

А. Ахматова

Любая масштабная эмиграция из любой страны, как насильственная, так и добровольная, — показатель глубокого кризиса, охватившего эту страну, кризиса экономического, политического, социального, прежде всего — духовного, когда страна отторгает от себя часть своего населения, зачастую — самую свободолюбивую и активную, чтобы оставшиеся под страхом смерти смогли вместиться в прокрустово ложе узкой, нетерпимой к иным взглядам и образу жизни идеологии. Эта узость неминуемо приводит и к экономическому упадку, ибо рабский труд — самый непроизводительный, а в подобных странах иного, свободного и производительного труда, не бывает.

История России XX столетия — это цепь непрекращающихся кризисов, следствиями которых являлись новые массовые миграционные потоки — своеобразные кровопускания. Это цепь невероятных испытаний и напряжений русского этноса под чудовищным гнетом социальных ломок, массовых уничтожений в годы репрессий и Второй мировой войны с единым желанием — выжить, уцелеть и в конце концов зажить достойно. И что мы имеем к концу этого страшного столетия? Какие уроки мы извлекли из нашего не единожды потрясщего всяческие устои века? Один и тот же вопрос в сердцах всех, уехавших и оставшихся: почему в России так плохо? Почему в ней почти нельзя жить? Почему в такой огромной, богатой природными и человеческими ресурсами, земле так неизбывно и вечно страдают люди? Кто виноват и что делать?

Известный православный богослов XX века епископ Аверкий, переживший революцию, понимал, что отход многих от веры в це-

* Глава подготовлена доктором психологических наук Н.М. Лебедевой.

лом и от истинного почитания Богородицы начался задолго до самих революционных событий. Он вспоминает слова свт. Феофана Затворника, с горечью и ужасом писавшего: «Следует наказать нас. Пошли хулы на Бога и дела Его гласные. Некто писала мне, что в какой-то газете “Свет” № 88 напечатаны хулы на Божью Матерь. Матерь Божья и отвратилась от нас; ради Ея и Сын Божий, а Его ради Бог Отец и Дух Божий, кто же за нас, когда Бог против нас? Увы.

Удивительно ли после этого, — продолжает еп. Аверкий, — что русскую землю постигли такие страшные невероятные кровавые бедствия». Велико было духовное падение значительной части народа. Вот почему так называемое Белое движение не имело успеха. Только путем тяжких страданий мог очиститься русский народ от страшного грехопадения своего. Матерь Божия «со скорбью смотрит на тяжкие страдания русского народа, неизбежно вызванные его беснованием, и терпеливо ждет, как истинная Мать, его покаяния и обращения к Богу»[1].

Проблему русской эмиграции и возвращения не понять без разрешения этой нашей общей проблемы русской жизни, русского характера, русского пути в XX веке. То, что происходило в России, и эмиграция из нее — это две стороны одной медали — русского кризиса (падения и наказания). Эмиграция — попытка «в одиночку» выйти из этого кризиса. Это невозможно. Необходимо общее покаяние и искупление. Время «собирать камни».

Цель этой книги — перед лицом возможной гибели России соединить наши силы для покаяния и возрождения.

2.1. Русская эмиграция в XX веке

Согласно мнениям историков, практика эмиграции наших соотечественников насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденное бегство за рубеж политических деятелей еще в период средневековья и раннего нового времени[2]. О первых эмигрантах, то есть выезжавших из России в XIII—XVII и XVIII — начале XIX веков, можно сказать, что это были люди, решившие открыто выразить свое несогласие с политическими порядками, освященными официальной идеологией, с жизненными устоями в стране. Главной причиной выезда был, таким образом, конфликт между личностью и обществом[3]. Этот конфликт мог иметь место в сфере политики: разный взгляд человека и общества на степень личной свободы и личного участия в организации жизни общества. Он мог быть религиозным по своей природе: разное понимание и толкование основных христианских догм. Он мог иметь и экономическую подоплеку: стрем-

ление за свой труд получать достойную оплату. В любом случае это был конфликт личного динамизма и общественного консерватизма. В основе требований личности лежит желание здесь и сейчас иметь все, на что она имеет право по факту своей единственной жизни. В основе сопротивления общества лежит косность и неповоротливость общественного сознания, законов, всей государственной машины, не поспевающей за мобильностью индивидуального сознания и развития. Возможен и другой взгляд — охранительная сила национального консерватизма оберегает личность, не готовую с пользой для себя и общества распорядиться своей Богом данной свободой.

Итак, в основе любой эмиграции лежит одно: личности недостает свободы — политической, экономической, религиозной. Ей душно, ей некуда развиваться, и она выбирает другое место для жизни. Вместе с тем многие личности, несмотря на такое же ощущение несвободы, остаются в России, живут и творят в ней. Почему они в ней остаются? Почему многие из тех, кто уехал, постоянно оглядываются назад, в тоске ли, в гневе ли, в печали или радости? Почему эмигранты первой волны, недобровольно и трагично покинувшие Россию, единственным достойным поводом для эмиграции считают угрозу смерти и презирают всех последующих, кто уехал из страны по иным мотивам?

Или пора сменить осуждающий взгляд на эмиграцию как на предательство и научиться смотреть на нее как на законное право человека на выбор места жительства, как смотрят на нее повсюду в мире? Почему в России долгие годы была именно подобная оценка эмиграции, которую так сильно выразила А.Ахматова в 1922 году:

Не с теми я, кто отдал землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.
А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Откуда такая уверенность, что «оправдан будет каждый час»? Она идет, как мне кажется, от особой связи русского человека с русской землей, от того, что самоопределение русских всегда шло не через государственность, а через землю: вспомним в «Слове о полку Игоревом»: «О Русская земля! Уже ты за холмом!» или в «Повести временных лет»: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую»[4]. В отличие от многих этносов у русских община строилась не по кровнородственному, а по территориальному признаку. Всякий, кто здесь поселялся, мог включиться в общину через женитьбу. Не было закрытости рода-племени, лишь единство «родной земли». Отсюда всеоткрытость русского характера, легкая ассимиляция других народов[5]. Отсюда же, заметим, абсолютная терпимость к межэтническим бракам (кровное родство — не главное!) и суровое презрение к тем, кто навсегда покидает русскую землю в поисках лучшей жизни. Это отношение, особенно в последние десятилетия, часто объясняют завистью к более удачливым соотечественникам, у кого хватило сил и смелости уехать отсюда. На мой взгляд, это не совсем так: суровость и осуждение обостряются в годы тяжелые для России (стыдно бросать мать в нужде и горестях), но это же осуждение может смениться абсолютным равнодушием и толерантностью в условиях российского благополучия.

И сейчас уже встречается иное понимание эмиграции: это — явление вполне закономерное, естественное; элемент мировых миграционных процессов, в самом явлении эмиграции нет ничего экстраординарного, нет никакой социальной, исторической патологии. Только в специфических условиях тоталитарного режима в любой стране эмиграция рассматривается как «предательство», как явление «враждебное» интересам народа, отечества. На деле эмиграция является выражением одного из фундаментальных общечеловеческих прав — права на свободу передвижения.

За последние годы (конец 80-х — 90-е годы) отношение основной массы населения России к проблеме эмиграции и к эмигрантам существенно изменилось: был преодолен стереотип отношения к эмигрантам как к предателям, отщепенцам, а к эмиграции — как к антипатриотическому, враждебному России явлению. По данным социологического опроса Службы изучения общественного мнения под руководством Б.Грушина, 56% опрошенных россиян (люди с высшим образованием, деятели науки и культуры, предпринимате-

ли и учащиеся) высказались за неограниченную свободу передвижения, и лишь 9% респондентов высказали убеждение, что никто не имеет права покидать родину.

Интересно, что когда у молодых людей в возрасте до 30 лет спросили, хотят ли они на практике воспользоваться своим правом на эмиграцию, то 52% ответили отрицательно, 36% хотели бы, но считают эмиграцию сложным и хлопотным предприятием, и только 9% заявили о своей решимости и немедленной готовности[6].

Современный исследователь русской эмиграции Л.И. Еременко выделяет специфические черты русской эмиграции как особого социально-культурного феномена:

1) устойчивая преемственная связь всех волн по сохранению и развитию национальной культуры — традиций, обрядов, веры, языка;

2) открытость к культурам стран проживания, свободное взаимодействие с ними;

3) приверженность к корням, оставленным на родине, давшая возможность эмиграции развить все формы духовной деятельности — художественную, религиозно-философскую, научную;

4) взаимодействие регионов расселения, давшее возможность не утратить духовно-культурную ценность;

5) ощущение себя органической частью национальной культуры, развивающейся в России[7].

Существуют понятия «российской» и «русской» эмиграции. Первое — несравненно шире, оно охватывает всех подданных России, вынужденно или добровольно покинувших ее. Второе — относится к русским по происхождению и к тем, кто полностью — по языку, культуре, образу мысли, складу характера — вписался в русскую национальную общность. Так, выходец из немцев социолог и экономист Петр Струве, философ еврей Семен Франк были деятелями русской культуры и, соответственно, оказавшись за рубежом, стали русскими эмигрантами. Среди русских эмигрантов XIX — начала XX века собственно этнические русские составляли всего 0,05% (200 тыс. из 4,5 млн). Среди эмигрантов периода Второй мировой войны (вторая волна эмиграции) — 7%. В 1970—1980 годы из СССР эмигрировали в основном евреи, немцы, греки, армяне, жители Прибалтики. Русские в этом потоке третьей волны составляли меньшинство. Значительно больше доля русских среди эмигрантов четвертой волны (конец 80-х — 90-е годы), но и здесь они составляют меньшинство по отношению к евреям, украинцам, жителям Кавказа. Это также российская эмиграция[8].

Русская эмиграция в точном смысле этого слова — лишь эмиг-

рация первой волны — периода революции 1917 года и Гражданской войны. Два с лишним миллиона эмигрантов того периода — это в подавляющем большинстве этнические русские, причем элита, цвет русской нации — аристократия, офицерство, научная и художественная интеллигенция. Понятие «Русское Зарубежье» отражает особое культурно-историческое явление, более широкое, чем «русская эмиграция». Русское Зарубежье охватывает всех выходцев из России — представителей разных этнических групп и конфессий, укоренившихся в зарубежных странах и — это главное — не растворившихся в другой культурной среде, сохранивших свой язык, культурные и бытовые традиции, обычаи.

Культура Русского Зарубежья со всей очевидностью подтверждает ошибочность отождествления этнического и национального в жизни общества, особенно в сфере культуры. Этническое начало фиксирует общность происхождения, совместное проживание членов этой общности на единой территории, их, так сказать, кровь и почву. Понятие национальной общности несравненно шире, оно объединяет людей на больших пространствах, в том числе не связанных единой государственной границей. В эту общность могут входить люди, и не связанные кровной, родоплеменной связью. Их принадлежность к национальной культуре определяется общим языком, образом мысли, единством социального и культурного опыта. Поэтому культура Русского Зарубежья должна рассматриваться как составная часть русской культуры со всеми ее национальными особенностями, многообразием художественных пристрастий, идеалов, политических ориентаций[9].

История русской эмиграции на протяжении одного только XX века рисует картину временами трагичную, редко — счастливую, но всегда — яркую, страстную и никогда — равнодушную.

2.1.1. Первая русская эмиграция

Мое поколение — первое, которое может не умереть, но рассыпаться в пыль. И эшелоны, уходящие за полярный круг, и корабли, тонущие в океанах, и голодная смерть на городской скамейке чужой столицы — все предстоит всем. Ничто не предписано, все возможно.

Н.Берберова[10]

На эту эмиграцию Россия копила силы веками. Ее она никогда не забудет. Это лучшее, что она взрастила, успела выкормить в «прохладной детской молодого века» и потом как любящая мать

вытолкнула, отторгла от себя, чтобы дети ее не погибли вместе с ней. И они долго не могли понять, почему. Что они сделали? Почему они оказались на чужбине? И долго, долго они смотрели назад, не в силах вытеснить из памяти этот образ, эту землю, эту речь, эту безумную любовь и ненависть, эту ничем не восполнимую тоску. И всю эту впитанную с молоком и кровью Россию они несли в себе всю жизнь, раненные Россией и не оправившиеся от этой раны, и долгими зимними вечерами пытались передать своим вырастающим на чужбине детям этот горячечный бред, эту боль, это страстное ожидание, готовность вернуться: вот-вот, и мы поедем в Россию. Этого не понять тем, кто сейчас живет в ней, это трудно понять эмигрантам последующих волн. Но это может косвенно сказать нам, какую же Россию мы на самом деле потеряли, если эти люди, цвет мировой науки и культуры, **так** ее любили.

Хотя качество любви больше характеризует любящего, чем объект любви. Значит, речь пойдет и о том, каких сынов и дочерей потеряла Россия, какой тип личности стал в ней раритетом.

Так называемую белую эмиграцию составляли представители всех классов, сословий, положений и состояний. Людей гнали за границу ужас насилия и Гражданской войны, ощущение чего-то мрачного, неостановимо надвигающегося на Россию. Наряду с эвакуацией частей белых армий шла так называемая мирная эмиграция: «буржуазные специалисты», деятели культуры и искусства, получив под разными предлогами командировки и выездные визы, стремились за пределы своей, по выражению Артема Веселого, «кровью умытой» Родины[11]. Национальный, половозрастной, социальный состав уехавших характеризует информация, собранная в Варне в 1922 году (3354 опросных листа). Уезжали преимущественно русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста — от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%)[12]. Это ли не цвет нации, не самая активная и лучшая ее часть? Это была частица живого сердца русского народа, безжалостно и навсегда вырванная из обезумевшего, страдающего тела России.

Точную численность этой волны эмиграции установить довольно сложно, так как не велось учета ни во время отъезда людей из России, ни после. Обычно называют цифру в 1,5—2 млн человек[13]. Первоначально многие эмигранты оседали в соседних с Россией странах (Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польше, Турции, Китае). Это объяснялось их надеждами на скорое возвращение на родину. Позднее эти неоправдавшиеся надежды заставили многих русских эмигрантов податься в более далекие страны: Германию, Францию, Бельгию, на Балканы, в Чехословакию, и еще даль-

ше — в США, Канаду, Центральную и Южную Америку, Австралию, Индию, Новую Зеландию и даже Африку. Уже в 1920-е годы была заметна некоторая дифференциация расселения русских эмигрантов первой волны: военные сосредоточивались главным образом на Балканах и в Харбине, в Чехословакии — те, кто был связан с Комучем (Комитетом Учредительного собрания), во Франции — дворяне и интеллигенция, в США — предприниматели. «Перевалочным пунктом» для одних был Берлин (там ждали «окончательной визы»), для других — Константинополь[14].

Бесценные свидетельства о жизни русских эмигрантов в Берлине 20-х годах содержатся в книгах Глеба Струве «Русская литература в изгнании» и Нины Берберовой «Курсив мой». В 1921—1923 годах в Берлине, по их свидетельствам, жили почти 200 тыс. русских. Г.Струве приводит популярный в то время анекдот: один немец повесился с тоски по родине, т.к. постоянно слышал на главной улице города лишь русскую речь. Если Париж, по мнению Струве, был неофициальной столицей Русского Зарубежья, его политическим центром, то второй, литературной, столицей был Берлин. И.Эренбург писал о Берлине 1922 года: «Не знаю, сколько русских было в те годы в Берлине; наверное, очень много — на каждом шагу можно было услышать русскую речь. Открылись десятки русских ресторанов — с балалайками, с зурной, с цыганами, с блинами, с шашлыками и, разумеется, с обязательным надрывом. Имелся театр миниатюр. Выходило три ежедневных газеты, пять еженедельных. За один год возникло семнадцать русских издательств; выпускали Фонвизина и Пильняка, поваренные книги, труды Отцов Церкви, технические справочники, мемуары, пасквили»[15].

Точную характеристику структуры российской эмиграции первой волны дала в 1930 году Зинаида Гиппиус: «Одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности — политической, культурной, научной, технической и т.д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и земли) — представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений — в русской эмиграции налицо»[16].

Ряд исследователей отмечают такую специфическую особенность психологического состояния русских эмигрантов первой волны как своеобразное «раздвоение личности» — разрыв между реальным положением человека в социальной структуре страны пребывания и представлениями, как своими, так и ближайшего окружения, о

месте данного человека в среде других людей. Подобного раздвоения не знала и не могла знать русская эмиграция всех последующих волн — они уже жили в реальном мире и достаточно трезво оценивали и этот мир, и свои возможности существования в нем. Эмигранты же первой волны во многом жили прошлым, иллюзиями, в своем ирреальном мире. Это своеобразие отмечал в своей работе «Христианство и классовая борьба» Н.Бердяев, оно же скользит и во многих свидетельствах современников, в мемуарах и письмах. По крайней мере все 20-е годы русские эмигранты жили воспоминаниями о России, в которых она представала в образе нетленного, сказочного и прекрасного града Китежа. Они жили под знаком одной мысли — «когда мы в Россию вернемся». Поэтому бытовые трудности, равнодушие, а часто и пренебрежение местных жителей к русским эмигрантам, чужой хлеб, чужой язык и нравы, все это реальное бытие отступало на задний план перед «подлинной» жизнью, которая в реальности была иллюзорной (а кто скажет, где подлинная реальность, а где иллюзия?).

Эмигранты, будучи шоферами, официантами, мойщиками посуды, музыкантами в ресторанчиках, продолжали считать себя чиновниками различных классов, артистами столичных театров. Они собирались на свои праздники, отмечали памятные российские годовщины, устраивали литературные и музыкальные вечера, надевали сохранившиеся мундиры и платья. Многие, несмотря на бедность, жили напряженной интеллектуальной жизнью, той, к которой привыкли в Петербурге и Москве и недоступной пониманию большинства немецких и французских обывателей. Такое раздвоение личности было не только источником тоски, неврозов, вызванных подлинной ностальгией, но служило для большинства опорой, придавало цель и смысл жизни, спасало от подавленности «мелочами жизни»[17].

О тяжком быте русских эмигрантов за рубежом свидетельствуют их воспоминания. С.А. Волконская в воспоминаниях «Горе побежденным» рисует обобщенную картину судеб эмигрантов первой волны: «Большие надежды, еще большие разочарования. Собственная глупость, чужая недобросовестность. Деньги, разорение, нищета. Преподавание гимнастики, ухаживание за больными, съемки в роли статиста, чтение вслух слепому банкиру. Экзамен на шофера такси. И тоска, тоска бесконечная». Наибольшие невзгоды выпали на долю творческих людей — писателей, поэтов, артистов. Так, Вера Зайцева пишет жене И.А. Бунина: «Андрей Соболь в нищете. Из Берлина бегство поголовное. У нас нет заработка». Марина Цветаева пишет из Праги: «за квартиру не плачено, печататься негде», «зима прошла в

большой нужде и холоде». Она переселяется в 1925 году в Париж, но и здесь не легче. «Мне живется очень плохо, нас в одну комнату набито четыре человека и я совсем не могу писать», — пишет она в одном из писем. Д.Мережковский, которого многие эмигранты числили среди наиболее благополучных, пишет в 1923 году своему издателю: «Все мы, русские писатели, находимся здесь в чрезвычайно тяжелом материальном положении». «Я думаю, — продолжал он, — что европейское общество даже представить себе не может, в каком мы находимся катастрофическом состоянии»[18]. В.Варшавский в книге «Незамеченное поколение» пишет о каждодневном опыте отверженности и унижения «нищих беженцев», которые могли рассчитывать только на самое низкое социальное положение. Все это болезненно оскорбляло чувство национальной гордости[19].

Большинство эмигрантов с достоинством переносили имущественные лишения, но не могли смириться с тем, «что из жизни может быть вышвырнуто их "я"»[20]. Английский исследователь Вильямс назвал это чувство «комплексом выживания», имея в виду попытки и страстное стремление «выжатых» с родины русских людей сохранить в обстановке эмиграции не просто свою русскость, но и свою прежнюю социальную значимость.

Видимо, Россия и впрямь особая страна по отношению к творчеству, и русские люди (читатели, зрители) испытывают особую потребность в поэзии, живописи, музыке, театре. Это и позволяло русским художникам, несмотря на небогатую жизнь на родине, ощущать свою востребованность, свое высокое предназначение, что давало ни с чем не сравнимое чувство своей особой, высокой миссии, своей значимости и полезности. Это не умерло в России и после революции, хотя в советские времена художники платили за свободу оставаться собой лишениями, тюрьмой, высылкой и жизнью, а за измену себе — самым дорогим — талантом.

На Западе русским художникам было тяжко. Один из лучших графиков мира, по манере и темам глубоко русский художник Иван Билибин писал из Парижа в Россию: «Работать здесь трудно, ибо в художниках здесь не нуждаются, и вообще не поняли бы разницы между работой Сомова и какого-нибудь полковника, рисующего с фотографий или с картинок женские головки, чтобы не подохнуть с голоду». Еще большей горечью полны письма талантливой русской художницы Зинаиды Серебряковой: «Как здесь ужасно художникам. Ужасно жалею, что прозябаю и бездействую здесь, где нет пищи моему желанию писать и рисовать, ничего из моей жизни здесь не вышло, и я часто думаю, что сделала непоправимую вещь, оторвавшись от почвы». Даже Федор Шаляпин, чьи выступления в

эмиграции проходили с неизменным успехом, признавался: «Как бы тонок француз ни был, он до конца меня никогда не поймет. Да и там, в России, понимала и ценила меня по-настоящему одна галерка. Там была моя настоящая публика. Для нее я пел. А здесь галерки нет». Великий русский композитор Сергей Прокофьев писал: «В моих ушах должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего мне здесь недостает: свои песни, мои песни». Ему вторит Сергей Рахманинов: «Как же сочинять, если нет мелодии. Если я давно уже не слышал, как шелестит рожь, как шумят березы». По свидетельству друзей, разлуку с Родиной он переживал очень мучительно.

Особенно тяжело отрыв от родной стихии русской речи переживался поэтами и писателями. Даже Иван Бунин, написавший в эмиграции самые «русские», самые лиричные свои произведения, «Темные аллеи» и «Митину любовь», неоднократно говорил о бесперспективности русской беллетристики за рубежом. Константин Паустовский писал о трагедии Бунина в эмиграции так: «Бунин тоже ушел от своей единственно любимой страны. Но ушел только внешне. Человек необыкновенно гордый и строгий, он до конца своих дней тяжело страдал по России и пролил по ней много скрытых слез в чужих ночах». Марина Цветаева с горечью писала: «В России я поэт без книг, здесь — поэт без читателей»; «Из мира, где мои стихи кому-то были нужны как хлеб, я попала в мир, где стихи никому не нужны». Наших талантливейших писателей на Западе, несмотря на их мировое значение, не понимали, не ценили и потому замалчивали. Красноречивым является тот факт, что в Британской энциклопедии в специальной статье «Русская литература» не упомянуты ни Иван Бунин (несмотря на Нобелевскую премию по литературе в 1933 году), ни Марина Цветаева, ни Евгений Замятин, ни Владимир Набоков, хотя там есть и Федин, и Ажаев, и Полевой. Набокова Запад заметил лишь в связи с выходом его скандально известного романа «Лолита», что подтвердило истину, что для успеха писателя на Западе «необходимы: а) внелитературная мода или б) внелитературная сенсация»[21].

Конечно, трудно требовать от Запада адекватной оценки литературных шедевров, созданных на чужом языке людьми иной ментальности. Запад гораздо выше оценивал другие сферы русской духовности, где он мог быть знатоком и ценителем, — прежде всего русское исполнительское искусство. Особое влияние на мировую культуру оказал «Русский балет» С.Дягилева. Такие исполнители, как М.Кшесинская, А.Павлова, В.Нижинский, балетмейстеры Дж.Баланчин, С.Лифарь, являли собой непревзойденные вершины

8 Заказ 2370

хореографического искусства. Лифарь писал: «Мировой балет всей первой половины XX века есть издание балетных сил русской эмиграции». В 1958 году в своей лекции в Париже он оценил вклад русской культуры в мировую такими словами: «Дорогие петербуржцы! Русская жизнь не угасла в эмиграции во Франции, где некое подобие "русского государства" продолжает жить собственной жизнью, дышать своим воздухом. Деяния русской эмиграции бессмертны и грандиозны». Помимо великих традиций русского балета С.Лифарь стремился сохранить все знаки, все памятные документы русской культуры: он собрал (унаследовал от Дягилева и купил на аукционах) первые издания книг Ломоносова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, письма Лермонтова, Римского-Корсакова, а также картины русских мастеров, костюмы и макеты декораций «Русских сезонов». Также он стремился сохранить пушкинское наследие, активно участвовал в организации пушкинского юбилея — к столетию гибели поэта в 1937 году Лифарь издал факсимильное издание «Письма Пушкина к Наталье Гончаровой», которые он приобрел в Париже на собственные средства, как и рукопись «Путешествия в Арзрум», миниатюрный потрет Пушкина работы Тропинина, личные вещи поэта[22].

Этими деяниями рисуется потрет человека удивительно бескорыстного, служащего цели большей, чем личный успех и обогащение, цели великой — сохранению русской культуры, чья духовная миссия оценивается чрезвычайно высоко, а своя жизнь рассматривается как добровольное и беззаветное служение этой миссии. И это было практически у всех русских эмигрантов первой волны.

Где потом, в других эмигрантских потоках из России, останется это осознание и величие служения? Это было у ряда великих русских писателей и поэтов, недобровольно высланных из России в советское время, это было у русских художников и музыкантов, чьи талант и свобода не вмещались в прокрустово ложе идеологических рамок советской культуры. Но это были исключения, подтверждающие, что дух русского интеллигента-патриота неизменен. В общей же массе тип личности стал немного другим. Каким именно — об этом пойдет речь ниже.

Характерной чертой культурной жизни Русского Зарубежья было стремление к организационному, институциональному оформлению этой жизни (это — один из главных признаков диаспоры). Такими социальными институтами русских диаспор за рубежом являлись школа, Церковь, профессиональные, политические и общественные объединения. Так, школы в Берлине стремились помочь детям эмигрантов адаптироваться к жизни в чужой стране, не теряя при

этом «русскости» — то есть национального самосознания, культурной и духовной соотнесенности с Россией. Этому способствовало преподавание истории России, русской литературы и языка по прекрасным дореволюционным учебникам: например, по русской истории Платонова. Регулярно отмечался День русской культуры — 6 июня, в день рождения Пушкина.

Особую роль в жизни русских диаспор играла (и играет сейчас) Зарубежная Православная Церковь. В условиях культурной и духовной изоляции даже религиозно-индифферентная интеллигенция шла в православные храмы в поисках милого сердцу общения, ощущения своей причастности к русской истории и духовной культуре. Немалая часть интеллигенции, до отъезда не знавшая дороги к храму, начинает участвовать в жизни своего прихода, посылать детей в православные молодежные лагеря.

По воскресеньям и праздникам русские эмигранты, жившие в Париже, шли в церковь не только чтобы очистить душу или отдать дань традиции, но и чтобы отвлечься от постылой реальности эмигрантской жизни, послушать хор, почувствовать себя среди своих, узнать последние новости. В довоенном Париже (по разным данным) было от 10 до 30 православных русских церквей, в том числе знаменитый православный собор на улице Дарю. Как вспоминал эмигрант Л.Любимов, так уж повелось, что в церквах у правого клироса собиралась эмигрантская «знать», а во дворе — большая толпа людей попроще. Оставаться православным для многих людей того времени означало «чувствовать себя русским». Православие оставалось духовной опорой тех, кто верил в возрождение жизненного уклада прежней дореволюционной российской державы, в «уничтожение коммунизма и безбожия»[23].

Октябрь 1917 года положил начало огромным потерям России в области культуры и образования: уехали деятели науки и искусства, сотни и тысячи творческих, знающих, одаренных людей, возобновивших научную и культурную деятельность за пределами России. С 1921 по 1930 год за границей было проведено пять съездов академических организаций, где тон задавали профессора и доценты бывших российских университетов[24]. За 15 лет за рубежом русскими учеными было издано 7038 заметных научно-исследовательских работ[25]. По подсчетам исследователя культуры Русского Зарубежья П.Ковалевского, за период с 1921 по 1952 год вышло в свет 1571 периодическое издание на русском языке. Число же отдельных книг, брошюр, непериодических сборников было значительно большим[26].

Одним из самых трагичных и знаковых событий в истории рус-

8*

ской философии XX столетия явилась высылка из Советской России в 1922 году почти всех философов немарксистского направления. Этот акт означал собой, во-первых, искусственное завершение в России философии «серебряного века», во-вторых, начало активного административного вмешательства партии и государства в сферу духовной культуры. Русская философская мысль блестяще и исключительно быстро отрефлексировала смысл и значение революции 1917 года в сборнике «Из глубины». Авторы сборника проанализировали различные аспекты революции: национальное и антинациональное в ней, черты массовой психологии, распад вековых традиций, разрушение основ морали и права, разгул темных инстинктов. По их мнению, в революционных событиях повинны и вековое взаимное неуважение народа и государственной власти, и крайний безудержный радикализм русских революционеров 60-х годов прошлого века, звавших Русь «к топору», призывавших к отказу от всех моральных норм во имя революции. Для понимания смысла революции и ее «завоеваний» философы обращались к пророческой русской литературе, в особенности к образам Достоевского. Как говорил Шигалев в «Бесах»: «Создадим рай, земной рай. Строить мы будем, одни мы». Писатель пророчески приоткрывает дверь в этот «рай»: «Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Все рабы и в рабстве равны. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высшие способности их изгоняют или казнят». Эти строки, прозвучавшие в сборнике, поразительно оправдались: часть философов была казнена, часть — изгнана.

Более того, оправдалось и предсказание о понижении уровня образования, наук и талантов. Как писал В.Набоков в «Даре» о своем герое, молодом русском эмигранте: «Вдруг ему стало обидно — отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться?»

Русская философия не умерла. Она не умерла в большевистских тюрьмах и лагерях, где продолжали мыслить и творить Флоренский, Карсавин, Лосев, она продолжала развиваться и в условиях Русского Зарубежья — глубокие и пророческие идеи Ильина, Бердяева, Булгакова, Франка, Степуна, Лосского и других, вернувшихся в постсоветскую Россию своими трудами, и сейчас поражают своей живой страстной любовью к России и верой в ее высокое предназначение.

Русская эмиграция первой волны совершила подлинный духовный подвиг, сохранив и обогатив традиции русской культуры. Русские эмигранты особенно высоко оценивали свою духовную мис-

сию. Барон Б.Э. Нольде еще в 20-м году писал: «С библейских времен не бывало такого грандиозного исхода граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, ушел весь цвет страны, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России. Россия великого исхода должна быть не вчерашней, а завтрашней Россией: в этом ее основная задача и ее единственное великое оправдание»[27].

Русских эмигрантов от всех других за границей отличали ностальгия, неумение, а зачастую нежелание вписаться в местные условия, перестать «быть русским». Что тогда значило «быть русским»? Прежде всего — быть православным. Вера православная действительно спасла и русскую эмиграцию от растворения в многоязычных водах чужбины, она же спасла и стержень русского национального характера от уничтожения в России.

Однако русских эмигрантов первой волны отличали, помимо высокой духовности и патриотизма, еще и такие качества, как образованность, предприимчивость, работоспособность, неравнодушие, понятие личной чести и чести Отечества. Накануне революции в России складывался, помимо типа русского аристократа и народного крестьянского типа, еще тип русского предпринимателя, характерные черты которого выделил русский историк академик В.П. Безобразов:

чувство меры, которое уравновешивает все разнообразные душевные порывы, движение увлечения всяких других чувств и страстей, соразмеряет важность различных целей и силу наличных способов их достижения;

практический расчет — умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях жизни и пожертвовать в момент действия всеми более отдаленными, менее необходимыми и менее достижимыми, хотя бы и самыми возвышенными целями;

самообладание среди разнородных и противоположных потребностей жизни и стремления к их удовлетворению;

трезвость характера, не позволяющая увлекаться никакими чувствами и страстями, удаляющими от раз поставленной задачи, от начатого предприятия;

сила воли, поддерживающая бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению при успехе и излишнему унынию при неудаче, всегда дающая рассудку господство над порывами чувств[28].

Таким образом, в характере русских до революции было то, что потом каленым железом вытравливалось из них, — чувство хозяина, «большака», ответственного за тот малый оплот России (семья,

крестьянское или помещичье хозяйство, фабрика, завод, волость, уезд, губерния), который доверен ему во владение. И сутью владения того было не «пользование», граничащее с разграблением, а служение, рачительная забота и преумножение. Эти лучшие качества и проявила первая русская эмиграция, сберегшая (и пророчески заглянувшая на целый век вперед) главные идеи русской жизни и ее переустройства в новой, свободной от большевизма России.

2.1.2. Русская эмиграция второй волны

Завершение разгрома фашизма в 1945 году означало новую эпоху и в истории российской эмиграции. На родину возвращались те, кто испытал гонения и преследования фашистов. Но на это решились далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Кто-то был уже стар и боялся начинать новую жизнь, кто-то опасался «не вписаться» в советский строй, кто-то обосновался на новой родине. Те, кто не вернулся к «большевикам», составили так называемую старую эмиграцию. Вместе с тем возникла и «новая» эмиграция — ее образовали преимущественно «ди-пи» (displaced persons), то есть «перемещенные лица». Их после Второй мировой войны насчитывалось примерно 1,5 млн человек. Среди них были и советские граждане, в том числе русские военнопленные, насильно вывезенные в Европу, а также военные преступники и коллаборационисты, опасавшиеся возмездия[29]. Всего же в разных странах мира только при содействии Международной организации по делам беженцев было расселено около 150 тыс. русских и украинцев. Более половины беженцев было расселено в США, значительная часть — в Австралии и Канаде. При этом «беженцами» считались и жертвы нацистских режимов, и коллаборационисты, и те, кто в условиях сталинского тоталитаризма «преследовался вследствие политических убеждений». Последним президент США Трумэн призвал оказывать «особую помощь и поддержку»[30].

Вторая волна эмиграции (1941—1945) менее всего изучена. Своеобразие этой эмиграции проявилось в ее политизированной, идеологической окраске, связанной с судьбами многих тысяч людей, оказавшихся на оккупированных территориях, в фашистском плену, на положении перемещенных лиц. Обобщающую характеристику второй волны русской эмиграции дал такой знаток эмиграционных процессов, как Глеб Струве, сын П.Струве, профессор кафедры русской литературы в университете штата Калифорния. Эта волна эмиграции «в силу сложившегося в послевоенные годы международного положения быстро приобрела влияние, к ее голосу стали

прислушиваться, ее услугами стали пользоваться и правительственные учреждения (особенно в США), и общественные организации в размерах, в которых это и не снилось старой эмиграции»[31].

Подобное положение представителей второй волны определялось тем, что они располагали несравненно большей и достоверной информацией о жизни в Советском Союзе: эти люди пережили все фазы революции и Гражданской войны, голод, насильственную коллективизацию, годы сталинского террора, начало Второй мировой войны. Неудивительно, что они привлекли внимание и спецслужб Запада, и органов пропаганды в начале формирования периода, получившего название «холодной войны». По свидетельству Г.Струве, «это положение рикошетом сказалось и на старой эмиграции», привело к переоценке Западом и первой волны, среди которой было гораздо больше высокообразованных людей, знающих иностранные языки, российский и западный менталитеты. Именно поэтому в условиях начавшейся холодной войны и на радиостанциях, вещающих за «железный занавес», и в различных исследовательских центрах значительно возросло число русских эмигрантов, принадлежавших не только ко второй, но и к первой волне эмиграции.

Лишь в последнее десятилетие стали появляться научные исследования второй волны российской эмиграции, многослойного конгломерата людей, оказавшегося в результате Второй мировой войны вне пределов своего отечества. Это монографии немецкого историка Й.Хофмана «История власовской армии», родившейся в Англии выпускницы Кембриджского университета Е.Андреевой «Генерал Власов и русское освободительное движение», вышедшие в Германии на русском языке книги издательства «Посев» А.Казанцева «Третья сила» и В.Штрик-Штрикфельда «Против Сталина и Гитлера», а также сборник статей, документов и воспоминаний «Материалы по истории русского освободительного движения» (под ред. А.В. Окорокова), изданный в Москве в 1999 году. Отдельные суждения об этом периоде появляются и в современной постперестроечной печати. При этом не обходится без традиционных перекосов и переоценок. В 1990 году в статье «Власов и власовцы» Леонид Млечин высказывал такое опасение: «Эта страница истории, казалось, не требовала никакого пересмотра. Предатели и есть предатели. Но прочитан «Архипелаг ГУЛАГ», и на вопросы придется отвечать: кем был генерал Власов? За что сражалась РОА?Не поменяется ли в процессе пересмотра прошлого оценка на противоположную? Не появится ли вместо Власова-предателя Власов-патриот, борец против сталинского режима?»[32]

Как пишут Н.Фрейкман-Хрусталева и А.Новиков, необходимо иметь в виду, что эта эмиграция была также вынужденной, люди попали в плен или были насильственно угнаны на Запад гитлеровцами и лишь небольшая часть добровольно покинула пределы тогдашнего СССР. Далее, основная масса военнопленных оставалась безразличной к пропагандистскому воздействию различных сил. Однако немалая часть попавших в плен, в окружение, угнанных на принудительные работы так и не вернулась обратно, опасаясь репрессий.

Поскольку среди второй эмиграции были люди, хлебнувшие «социалистического рая», комплекс идей, исповедавшихся этими людьми, так или иначе был связан с противостоянием марксизму и его теории классовой борьбы. Значительное распространение получили концепции солидаристов, образовавших еще в начале 30-х гг., в рамках первой эмиграции, так называемый Народно-Трудовой Союз (НТС). Солидаристы, отвергая теорию классовой борьбы, провозгласили первичность не борьбы, не конфликтов, а солидарности, сотрудничества. Осуждая утопизм, «любые попытки строительства земного рая при помощи государственной власти», они утверждали, что «задача политики — оградить жизнь от конкретного зла на земле»[33]. С этой целью НТС видел свою задачу в объединении русских людей, прежде всего молодежи, для активной борьбы против советской власти. Народно-Трудовой Союз был неоднороден — наряду с амбициозными лидерами в его рядах было немало внутренне честных молодых людей, желавших добра России. Однако логика борьбы вела к тому, что многие члены НТС, главным образом среди руководства, в той или иной форме сближались с силами, враждебными Советской России. Это признают и сами члены НТС. Так, по словам Ярослава Трушкевича: «Неумение демократических стран противостоять натиску коммунизма, кризисы, политические интриги, постоянная смена правительства и т.п. тогда вызывали у многих сомнение в правильности самой демократической системы. И многие стали обращать свое внимание на европейские страны с недемократическим образом правления. Изучали итальянский и португальский опыт. Надеялись получить поддержку от Германии»[34].

Конечно, в этом сказались некоторые особенности русской психологии — желание получить все и сразу, здесь и теперь, а также любовь к иерархии и «сильной руке». Этот комплекс идей широко распространялся среди бывших советских граждан, вольно или невольно оказавшихся в годы войны на Западе. Они-то и оказались опорой так называемого русского освободительного движения. По данным Хофмана, к 1943 году в рамках вермахта действовало 90 русских батальонов, 140 боевых единиц, по численности равных

полку. Это были сотни тысяч человек. Сдавшийся в конце 1942 года в плен генерал-лейтенант Красной Армии Андрей Власов стал центральной фигурой в этом «российском освободительном движении». Была создана РОА (Российская Освободительная Армия), целью которой провозглашалось «восстановление национального российского государства», при этом русские воины-патриоты должны были считать себя наследниками славы великих русских полководцев — Петра Первого, Суворова, Кутузова, Багратиона, Скобелева, Брусилова. Однако у сторонников Власова этот патриотизм противоестественно сочетался с верностью гитлеровской Германии. Видимо, силами вермахта лидеры РОА надеялись покончить с большевизмом в России. В этом, как мне кажется, кроется глубочайший трагизм, который заключен в любом выборе достижения достойной цели недостойными средствами. Последующее осознание этого неверного выбора породило так называемый комплекс вины, который был присущ наиболее честным и совестливым представителям этого движения.

Влияние НТС и власовского движения отнюдь не исчерпывало характеристику духовной жизни этой группы эмигрантов. Немалая ее часть испытала на себе и благотворное патриотическое влияние лучшей части первой волны эмиграции. Часто в основе прилива патриотических чувств у этой части эмиграции лежало не осознанное, рационально осмысленное отношение к событиям, а чисто психологическое состояние. В.Сухомлин, многие годы живший во Франции, пишет в своих воспоминаниях, что с самого начала войны был уверен в поражении Германии. «Мною руководило, — продолжает он, — пожалуй, иррациональное, унаследованное от отца и матери древнее чувство, воспитанное всей русской литературой: Россия непобедима, русский народ непобедим, величайшее российское государство не может исчезнуть». Но среди эмигрантов первой волны были попытки и логически осмыслить происходившие события. Так, видный историк П.Н. Милюков под воздействием побед Красной Армии, поддержанной всем народом, признал, что нельзя сводить русскую революцию лишь к разрушительным действиям, что в ней есть и созидательное начало, в любом случае она — часть русской истории[35].

Эти настроения и суждения первой волны эмиграции не могли не повлиять на советских военнопленных и перемещенных лиц. Для них Союз русских патриотов, созданный эмигрантами во Франции, издавал специальную газету «Русский патриот», предназначенную для второй эмиграции. В лагерях военнопленных, в местах сосредоточения угнанных на работы в Германию распространялись листов-

ки и прокламации, напечатанные русскими участниками Сопротивления — эмигрантами первой волны. Подобные процессы происходили и в других странах — в словацком восстании 1944 года и в освобождении Праги в 1945 году активное участие принимали русские эмигранты, в том числе и представители второй волны. Бывший эмигрант Д.Мейснер пишет в воспоминаниях, что к концу войны завершился процесс изживания и крушения специфически эмигрантской политической психологии, что в полной мере подходит и к характеристике русской эмиграции второй волны.

Автор изданной в США (1967) знаменитой книги «Гонимая Церковь» прот. Д.Константинов о значении русской эмиграции второй волны писал: «Что же существенного сделала вторая эмиграция? Прежде всего, и это для меня главное, она проявилась как эмиграция религиозная. В процессе рассеяния второй волны по разным, самым отдаленным странам в них стали создаваться православные храмы, организовываться приходы, заработали церковно-приходские школы, начала проявляться церковная соборность и благотворительность. Православные лампады зажглись не только в культурных центрах этих стран, они зажглись и на холодных окраинах южного полушария, и в аргентинских прериях, и на бразильских кофейных плантациях, и на венесуэльских нефтяных разработках, в различных районах США, где до сих пор не было православных церквей, в канадских лесах и во многих других местах. То же самое происходило и в других местах нашего расселения. Все эти церкви всегда были полны народа. Молитвенный настрой в первые годы нашей эмиграции чувствовался гораздо сильнее, чем у представителей эмиграции первой волны. Но даже и потом, когда религиозная настроенность стала несколько спадать, она в основе своей сохранялась до самого конца. И с этой точки зрения мы можем совершенно уверенно говорить о второй волне как о миссионерской, не только немало сделавшей для утверждения церковности в своей среде, но и сказавшей свое слово в отношении гонений на религию в СССР»[36].

История второй волны эмиграции еще до конца не написана. Во многом это связано с неоднозначностью проблемы. Мнения и публикации представителей второй волны как участников событий и действующих лиц не всегда объективны. Тем не менее мы хотим предоставить слово еще одному из них:

«Так завершился еще один, до предела насыщенный трагическими событиями этап пути второй волны. Казалось, вторая эмиграция навсегда прекратила свое существование. И действительно, спастись от изуверской акции насильственной репатриации, проводившейся советскими спецслужбами при деятельном участии “свободного мира”,

удалось по имеющимся оценкам (на наш взгляд, завышенным) не более чем 250 тыс. человек. Да и то — каким-то чудом.

Чтобы избежать гибели, они меняли фамилии, возраст, национальность, место рождения, скрывали свою принадлежность к эмиграции. Охота за ними началась еще до окончания войны и продолжалась не один год, и не только в Европе. Она сопровождалась лживыми обещаниями и посулами, провокациями и покушениями на их жизнь. Ощущение постоянной опасности и по сию пору сопровождает многих из тех, кто еще жив. До сих пор они предпочитают не упоминать о своем прошлом, хотя в душе не чувствуют за собой никакой вины, да и в самом деле не имеют ее за душой.

Тем не менее малочисленные остатки второй волны лишь на время скрылись с поверхности в бурном водовороте событий и судеб, образовавшемся в результате крушения гигантского пиратского корабля гитлеровской Германии. Мечта о свободной России не позволила этим людям уйти на дно и подобно *премудрому пескарю* дожидаться мирной кончины. Пренебрегая ежеминутной угрозой быть опознанными и советскими, и западными спецслужбами, они стали настойчиво искать способы возобновить борьбу против сталинской тирании.

И вторая волна вновь поднялась. Собственно, сперва поднялся ее гребень. Но теперь уже не стихия Движения вознесла на этот гребень интеллектуалов второй эмиграции. Они сами, влекомые своей неуемной мечтой, сначала возродили идею борьбы против ненавистного режима, а затем воплотили ее в свои дела, без колебаний *подняв знамена,* выпавшие было из рук их зверски замученных соратников, *и понесли эти знамена в чистоте и правде*.

Это они, без какой бы то ни было материальной поддержки со стороны, основали Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) — политическую организацию, вступившую на путь открытого непримиримого противостояния сталинской системе и агентам СМЕРШа.

Это они создали Русскую библиотеку в Мюнхене. Свободную, не подчиненную кому-либо, ставшую очагом русской культуры и прибежищем бывших подсоветских (скрывавшихся теперь под именами *перемещенных лиц*) в оккупированной Германии конца 40-х годов.

Это они организовали церковные приходы, оказывая так необходимую в то время духовную помощь исстрадавшимся полуголодным, бездомным, всеми преследуемым людям, находившимся на грани душевного равновесия.

Это они породили уникальное в своем роде образование — Ин-

ститут по изучению истории и культуры СССР. В период 1950—1955 годов институт сделался крупнейшим из когда-либо существовавших в эмиграции научным и издательским учреждением. При нем сосредоточились всесторонние исследования советской системы, он стал центром идейного противостояния советизму. При этом, в отличие от идеологов первой эмиграции, интеллектуалы второй волны не были обременены иллюзиями относительно действительных целей советских руководителей, их морального облика и нравственных устоев. Результаты исследований штатных и внештатных сотрудников института в тысячах изданий распространялись по всему "свободному миру", их твердый голос проникал за "железный занавес", противопоставляя правдивую информацию лжи и клевете, идеологию истины и свободы идеологии мракобесия и насилия.

Именно в этот период кажущейся сейчас невероятной полной свободы творчества остатки второй волны развернули энергичную исследовательскую работу в направлении развития и обоснования тех взглядов и суждений, которые так горячо дискутировались в тяжкие дни и ночи фашистской неволи, оставившие неизгладимый след в их памяти. Тех взглядов и суждений, которые легли в основу стержневых положений Пражского манифеста. Тех взглядов и суждений, которые породила пронесенная ими через страдания и смерть мечта об освобождении России.

Кто знает, может быть, логично выстроенные концепции новой российской государственности, изложенные во множестве публикаций того периода духовной свободы второй волны, окажутся небесполезными теперь для исцеления до предела истерзанной Родины?

Конец этого периода напряженной организационной и интеллектуальной работы остатков второй эмиграции совпадает по времени с окончанием, по всей видимости, предпоследнего этапа исторического пути второй волны. Того этапа, когда единственным оружием *всей* второй эмиграции в борьбе против советской системы сделалось *слово.*

Активность второй волны начала падать. Иссякла в ней та энергия, которую подпитывали неукоснительно соблюдавшиеся до тех пор руководством и института, и СБОНРа основополагающие принципы функционирования этих образований: преданность идее, независимость и свобода самовыражения.

Впрочем, наивно было бы предполагать, что "свободное царство" интеллектуалов второй эмиграции могло достаточно долго существовать в "свободном мире". Цели Запада расходились с их целями. Начиная с середины 50-х годов власть имущие стали все более

бесцеремонно вмешиваться в дела института, постепенно подчинили себе и институт, и руководство СБОНРа, а в 1972 году Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР был закрыт. Скорее всего, это курьез, но примерно полгода спустя в Москве открыли Институт США и Канады при Академии наук СССР...

Как бы то ни было, единого организационного центра второй эмиграции постепенно не стало. В его отсутствие разбросанные в силу разных причин по всему свету эмигранты второй волны оказались в не малой мере изолированными друг от друга и фактически предоставленными сами себе.

Те, в ком еще были *сердца для чести живы*, кому позволяли здоровье, силы и добываемые нелегким трудом средства, сплачивали вокруг себя единомышленников в более или менее крупные региональные образования и с большим или меньшим успехом продолжали дело активного противостояния политическим акциям и идеологическим построениям советизма. Другие работали в одиночку.

Однако акценты сместились в сторону осмысления событий и действий прошедших лет, подбора и систематизации личных и общественных архивов, сохранения и пополнения интеллектуального и духовного наследия второй эмиграции. Не была забыта и первая. Примерами на североамериканской земле могут служить Музей русской культуры в Сан-Франциско, Музей общества «Родина» в Лейквуде, знаменитый Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, сделавшийся подлинным духовным центром Русского Зарубежья в значительной мере усилиями эмигрантов второй волны.

В этом смысле, в смысле наследников, первой эмиграции повезло. Останутся ли такие же бережные после нас? Здесь, на чужой земле, вряд ли. Поэтому так важно, чтобы все еще не отправленные в макулатуру ценнейшие для истории русской эмиграции документы — немые свидетели и беспристрастные доказательства трагедии России и ее народа, разыгравшейся в середине уходящего века, — как можно скорее оказались на родине»[37].

Среди наиболее значительных представителей второй волны эмиграции можно назвать несколько поистине ярких имен — это известные русские философы и литературные критики Р.В. Иванов-Разумник и С.А. Аскольдов, литераторы О.Анстей, Б.Филиппов, Д.Кленовский, В.Юрасов, Б.Ширяев, Л.Ржевский, прекрасный поэт Иван Елагин и литературоведы Л.Фостер и В.Марков, историки Н.И. Ульянов, А.Г. Авторханов, Н.Н. Рутыч, общественные деятели Н.А. Троицкий и Е.Р. Романов и многие-многие другие. В отличие от предше-

ственников они выросли в условиях Советской России и принесли на Запад чувства, настроения, мысли, взращенные «под спудом», в условиях жесткой цензуры и идеологического диктата. Одной из заслуг второй волны эмиграции перед русской культурой явилось издание произведений тех писателей, которые не могли быть изданы в СССР: первый сборник стихотворений Анны Ахматовой, том сочинений Николая Гумилева и другие издания.

Вторая русская эмиграция, порожденная самой страшной войной XX столетия, — несомненно, одна из самых трагичных и противоречивых страниц истории России, она связана со многими неоправданными надеждами и жестокими разочарованиями, многочисленными человеческими жертвами. Эта страница еще ждет своего скрупулезного и беспристрастного исследования со стороны историков. Обладая чрезвычайно скудным материалом для психологического анализа, я могу только сказать о том, что в массе своей это были люди, несомненно, раненные и глубоко обиженные бесчеловечным отношением Советской власти к своему народу — и в мирные годы, когда ломался хребет российского крестьянства и множество неповинных людей было замучено в сталинских лагерях, и в годы войны, когда Родина (в лице своего патологически трусливого лидера) отреклась от своих военнопленных, не подписав Женевской конвенции о правовом положении военнопленных, обрекая их этим на верную смерть. Несомненно также и другое — они любили Россию, хотели помочь ее освобождению от этой бесчеловечной власти, но любовь, перемешанная с ненавистью и обидой, способна привести на неверный путь. Не нам их судить. О том же, что владело их душами, лучше всего сказал Иван Елагин:

А мы уже в сотом доме —
Маемся кое-как.
Нет для нас дома, — кроме
Тебя, дощатый барак!

В какую трущобу канем?
Кто приберет к рукам?
Скоро ль конец гаданьям
По танкам и по штыкам?

И черт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме
Мертвыми, злыми губами
Произнесем: «Москва».

2.1.3. Третья эмиграция из России

Третья и последняя (до «перестройки») политическая эмиграция из России возникла в конце 60-х гг. вместе с движением инакомыслящих (диссидентов). По мнению ряда исследователей, в ее основе лежали национальный, религиозный и социально-политический факторы. Первый фактор к русским не имел отношения, а второй и третий действительно воздействовали на увеличение количества желающих уехать из СССР. В западной печати фигурируют разноречивые данные о численности покинувших СССР в «годы застоя». Наиболее часто встречаются цифры 170—180 тыс. человек за 1971—1979 годы и 300 тыс. человек за 1970—1985 годы[38]. Абсолютное большинство уезжало по израильским визам, но были среди диссидентов и русские как члены еврейских семей. В ту пору даже бытовала шутка, что «лучшее средство передвижения — еврейская жена».

Из трех составляющих этой волны эмиграции — «невозвращенцев», нового потока эмиграции деятелей науки и культуры в поисках свободы творчества и лучших условий для него, а также вынужденной эмиграции советских диссидентов — последние две часто сливались. Мотивы выезда видных деятелей советской культуры были сложными по составу: в них присутствовали и политические, и творческие, и экономические причины. Реже люди уезжали по собственному желанию, чаще — по требованию «оставить страну», исходившему от «компетентных органов». Что касается «чисто политических» диссидентов, по социальному составу они были чаще всего представителями технических специальностей, реже — студентами, людьми со средним образованием, еще реже — специалистами в области гуманитарных наук[39].

Одновременно с политической эмиграцией в 1970-е годы в СССР стал формироваться и новый поток религиозной эмиграции. Это прежде всего пятидесятники, составлявшие в ту пору несколько сотен тысяч человек. У них возник конфликт с властями, причиной которого стала их «антиобщественная деятельность», под которой подразумевался их отказ от регистрации в Совете по делам религий и культов, а также от несения воинской повинности. Дискриминация в гражданской и частной жизни способствовала тому, что еще в конце 40-х гг. вероучение пятидесятников дополнилось идеей «исхода из СССР». Они верили, что вот-вот «эту безбожную страну» постигнет «чаша гнева Господня», поэтому долг истинных христиан — стремиться к исходу. В феврале 1977 года о желании выехать из СССР по религиозным причинам заявили более 1 тыс. человек, а в 1979-м — около 30 тыс. человек. Начались открытые преследования, а с 1980-х годов — и

аресты, продолжавшиеся вплоть до 1985 года, когда наступили перемены. Только в 1989 году по религиозным мотивам страну покинули около 10 тыс. человек, среди них и многие пятидесятники.

Третья волна российской эмиграции (1966—1985) была самой многочисленной после 1917 года. Среди эмигрантов этой волны значительную часть составляла интеллигенция. Так, лишь в начале 70-х годов за рубеж из СССР выехали более 50 тыс. представителей интеллигенции. В этот период появляются в самом социокультурном явлении эмиграции совершенно новые процессы — насильственное лишение гражданства и диссидентство[40].

Собственно диссидентство, то есть инакомыслие, складывалось еще до выезда или высылки за рубеж тех или иных людей. Многие поколения думающих молодых людей, рожденных до или после войны, глотнувших свободы в хрущевскую «оттепель», в последующие «душные» 70-е уходили в своеобразное подполье. Немалая часть интеллигенции уходила из институтов и лабораторий в лифтеры, сторожа, дворники, образуя так называемый андеграунд — неофициальную культуру, науку и искусство. Очень образно написал об эмигрантах третьей волны журналист А.Нежный: «Уезжали и уезжают не от России — от нее вообще невозможно уехать. Бегут от государства, грузная туша которого закрывает небеса; бегут от власти, у которой нет ничего святого; бегут от домоуправления, райкома, обкома, радиовещания, от сексотов, очередей, лагерей, от бесстыдной лжи и холодной жестокости, от чудовищного бескультурья и победоносного хамства — бегут, чтобы спасти от монстра свои смертные тела и бессмертные души, бегут, проклиная и плача»[41].

Третья волна эмиграции отличалась высокой плодотворностью в области художественной литературы и публицистики. Среди наиболее ярких ее представителей — И.Бродский, В.Аксенов, Н.Коржавин, А.Синявский, Б.Парамонов, Ф.Горенштейн, В.Максимов, А.Зиновьев, В.Некрасов, С.Довлатов. Деятели третьей волны много сил и времени уделяли тому, чтобы через издательства, альманахи, журналы, которыми они руководили, выражать различные, не имевшие права на выражение в СССР, точки зрения на прошлое, настоящее и будущее России. Главными печатными органами третьей волны российской эмиграции являлись альманахи «Аполлон-77», «Часть речи», «Новоселье», «Альманах-80 Клуба русских писателей», «Ардис», «Новый журнал». Значительное число публикаций было осуществлено издательствами им. А.П. Чехова, «Ардис» и ИМКА-Пресс.

Так, одно лишь издательство ИМКА-Пресс под руководством Н.Струве выпустило 250 русских книг общим тиражом 600 тыс. — по богословию, философии, социологии, художественную литера-

туру, в том числе детскую, и мемуары. Благодаря этим журналам и издательствам русская эмиграция всех трех волн (и даже часть граждан СССР) смогли прочитать И.Бродского, В.Максимова, Ю.Алешковского, Д.Андреева, В.Шаламова, А.Солженицына, В.Аксенова, А.Битова и др. Кроме этого, русскоязычные читатели всего мира могли познакомиться с ценнейшим философским наследием «серебряного века» — с трудами Н.Бердяева, С.Франка, С.Булгакова, Л.Шестова, Г.Федотова, Н.Лосского, Г.Флоровского, П.Флоренского. К сожалению, в России широкий круг читателей смог познакомиться с этими философами лишь в конце 80-х — начале 90-х гг.

Первая и вторая волны эмиграции отнеслись к третьей волне довольно неприязненно, каждая по своим причинам. Эмигрантов первой волны, романтически относившихся к дореволюционной России, оскорбляла критика этого периода со стороны российских диссидентов-либералов, также они органически не принимали идею «социализма с человеческим лицом», близкую части эмигрантов третьей волны. Вторая волна эмиграции не без основания увидела в третьей волне нежелательных конкурентов в области советологии, носителей еще более свежей информации о Советской России, да к тому же и небесталанных. Левые круги Запада, сторонники мирного сосуществования с послесталинской Россией, также не захотели сближаться с этой эмиграцией, само наличие которой опровергало их благие надежды.

В эмиграции с людьми часто происходят странные вещи — из прозорливых, правдолюбивых, неподкупных критиков режима, борющихся за свободу слова и духа даже ценой своей свободы (приехав на Запад и застыв в той точке, с которой началась их эмиграция, не желая видеть, что в оставленной ими России произошли серьезные перемены, о которых они мечтали), превращаются в упрямых и мелочных слепцов.

Этому психологическому феномену есть два объяснения. Первое — людям необходимо оправдать свой отъезд очень серьезными причинами, главная из которых — невозможность жить в этой стране, и признание того, что эта страна не может измениться, никогда и ни при каких условиях. Только это делает в их собственных глазах их добровольный отъезд не только легитимным, но и единственно верным шагом в данных условиях. Этот феномен особенно проявился у четвертой волны эмиграции, которая в силу российского менталитета не хочет объяснять свой отъезд более «низкими», экономическими мотивами (хотя почему бы и нет? По этим причинам эмигрирует большинство людей всего мира) и для самооправдания выбирает причины внешние и очень заинтересована в том, чтобы

9 Заказ 2370

они не исчезли, то есть чтобы в России всегда было «плохо», чтобы в России всегда было невозможно жить порядочному человеку.

Второе объяснение — из практики психологии и психиатрии: когда происходит некое радикальное событие, шоковое для человека, меняющее его жизнь и взгляды, его личное, субъективное время останавливается — так человек, заболевший шизофренией в 35 лет, будет всегда ощущать себя 35-летним, несмотря на свой физический возраст.

Трагедия части эмигрантов третьей волны в том, что они не смогли (или не захотели) увидеть реальных изменений в России конца 80—90-х годов: отмену цензуры, восстановление закрытых страниц отечественной истории, появление свободного доступа к литературе любых направлений, падение «железного занавеса» и возможность широких международных контактов. В статьях и выступлениях многих эмигрантов третьей волны звучит все тот же пафос 70-х гг., когда они на московских и ленинградских кухнях в тесном интеллигентском кругу клеймили пороки тоталитарной системы. Это были для той поры очень смелые и честные суждения. Но когда тот же пафос звучит из благополучного Мюнхена и Россия при этом уже живет в другом историческом времени, в голосе третьей эмиграции появляются фальшивые и жалкие ноты[42].

Такой феномен не был свойствен только третьей и четвертой эмиграциям, это вообще универсальный феномен для русской (интересно — только ли русской?) эмиграции. Даже самым талантливым представителям первой волны подчас изменяло чувство реальности: например, И.Бунин, З.Гиппиус, В.Набоков отрицали даже малейшую возможность существования сколько-нибудь ценных произведений литературы в СССР. Свою ненависть к режиму они распространяли на все стороны жизни в Советской России. Дело доходило до абсурда: эмигрантский историк Н.Ульянов утверждал, например, что «Архипелаг ГУЛАГ» не мог быть написан в Советском Союзе, что автор — не Солженицын, а советские спецслужбы (однако высокого мнения он был об их талантах!).

Особенно остро этот феномен проявился у третьей и четвертой эмиграции. Об этом прекрасно написал в Нью-Йорке Александр Генис: «В эмиграции ведь нет естественной смены поколений. Здесь, как в сказочном царстве, все застывают в том мгновении, в котором оказались за границей. Как мухи в янтарь, мы влипли в геологический период, соответствующий порядковому номеру той эмигрантской волны, что вынесла нас на западные берега: палеозой, мезозой, неолит.

Раньше, помнится, нас всех тут изрядно веселило, когда мы

читали в местной газете, как старорежимные зубры собирались на пельмени донских институток. Теперь зубрами, или, по-модному, динозаврами, стали мы сами.

Эмиграция сыграла с нами шутку — все мы оказались как бы ровесниками.

В сущности, претензии к сегодняшней России связаны с тем, что она сегодняшняя, а не вчерашняя. Разгадку таинственной духовной трансформации, что обращает диссидентов-эмигрантов из Павлов в Савлов, следует искать в несовпадении скоростей, темпов развития. Их миросозерцание покоилось на представлении о незыблемости советской жизни — она была всерьез и надолго. Соответственно, и бороться с тоталитарным режимом можно будет вечно — на одну-то жизнь точно хватит.

Истории в России, как считалось, положено не развиваться, а длиться. Вот поэтому России и не прощают того, что она меняется.

Россия медленно и неверно, методом проб и ошибок, как и положено не революции, а слепой эволюции, возвращает отечественную культуру к мировой. На этом возвратном пути и сметается диссидентская культура, которую все эти годы пестовала эмиграция»[43].

Здесь встает ряд важных вопросов, которые характерны именно для русской эмиграции: во-первых, почему отсчет «геологического периода» связан с Россией (временем выезда из нее), а не, например, временем въезда в другую, благополучную страну?

Почему так пристально и ревниво следят за Россией, ее жизнью, переменами в ней, а не живут своей новой, интересной жизнью в другой стране?

Почему так важно доказать, что решение об эмиграции было правильным? И кому доказать? Откуда эти сомнения? Кто сомневается?

Мне кажется, здесь возможно два объяснения: первое — Россия просто так никого не отпускает, глубинная мистика ее предназначения трогает даже самые далекие от православного понимания жизни и истории сердца. Это может осознаваться как некая динамика, внутренняя напряженность ее жизни: в России все время что-то происходит, что-то случается (особенно эта динамика проявила себя после падения коммунизма). Даже периоды относительного благополучия, или «застоя», воспринимающиеся сейчас многими «советскими» русскими как чуть ли не «золотой век», и многими эмигрантами третьей волны где-нибудь на Брайтон-Бич или в Хайфе помнятся как лучшие годы их жизни. Это во многом обусловлено еще и той простотой и сердечностью, чуть ли не родственностью общения, свойственной большинству русских людей, которую так

9*

трудно встретить на чужбине. Вот эти два свойства — особенность и глубина исторического пути и духовной миссии русской цивилизации и теплая сердечность русских людей — не дают забыть Россию, заставляют оглядываться на нее (и не только русских) и спрашивать себя иногда: «А что я-то тут делаю? А как там сейчас?»

2.1.4. Четвертая эмиграция из России

Когда мы слезы с губ оближем
И напрощаемся сполна,
Когда осядет по Парижам
Уже четвертая волна...

Д. Быков

Эмиграцию 70-х — начала 80-х гг. сменила «перестроечная» волна покидающих навсегда русскую родину. Ее чаще всего называют экономической эмиграцией. Тем не менее мотивы покидающих ныне Россию условно принято делить на производственные (научные, творческие) и сугубо экономические.

Динамика численности четвертой эмиграции выглядит так: 1985 год — 6100, 1987-й — 39 189, 1988-й — 108 189, 1989-й — 239 994, 1990-й — 453 600[44]. В 90-е годы Россию ежегодно покидали в среднем 100 тыс. человек. По данным Госкомстата, средний возраст отъезжающих 30 лет, 2/3 из них — мужчины, 34% — служащие, 31% — рабочие, 2% — колхозники, 4% — учащиеся, 25% — не занятое в производстве население и пенсионеры. Показательно, что среди подавших заявление о выезде 99,3% граждан не владели никакими языками, кроме русского[45].

Растущая интенсивность потока эмигрантов четвертой волны, начиная с 1985—1986 гг., во многом определяется политической нестабильностью в стране, распавшейся на независимые государства, в ряде которых имеют место кровавые вооруженные конфликты. Немалая часть эмигрантов покидает отечество в связи с общим ухудшением экономического положения — в поисках свободной реализации своих сил и способностей, достойной оплаты своего труда, новых возможностей для творчества и предпринимательства.

Выделяют четыре типа эмигрантов, уезжающих по «творческим» причинам: первая группа — это «элита» — 1% известных ученых, которым за рубежом предлагают лаборатории и институты; вторая группа — те, кто рассчитывает на помощь родственников за границей; третья — отъезжающие «по справочнику», то есть сами подыскивают место работы, еще находясь на родине, и четвертая — уезжа-

ющие по принципу «все равно куда, здесь будет еще хуже»[46]. Из всех уехавших примерно половина устраивается работать за рубежом по специальности. Больше всего уехало физиков, за ними следуют математики, биологи, другие представители точных наук, а также врачи, лингвисты, музыканты, артисты балета. Все они сравнительно легко «вписываются» в жизнь за рубежом. За рубеж выезжают не только те, кого там «ждут». По экономическим мотивам Россию покидают лица, которые просто страдают от материальной нестабильности.

Четвертая волна эмиграции — первая после революции добровольная и, не в пример предыдущим, более легкая эмиграция граждан России. С 1 января 1993 года в России вступил в силу новый закон о порядке выезда за рубеж, дающий право любому российскому гражданину в течение пяти лет выехать в любое время и в любую страну без предварительного разрешения — визы, причем по любым основаниям. Принятие такого закона в России полностью соответствует нормам международного права, которое провозглашает «право покидать любую страну, включая собственную, и возвращаться в нее». В это же время и в США был принят новый эмиграционный закон, направленный на возрастание притока квалифицированных специалистов из стран Восточной Европы, в особенности из Российской Федерации[47].

Самой притягательной страной большинству русских эмигрантов четвертой волны казались (и продолжают казаться) США. Согласно данным Н.Фрейкман-Хрусталевой и А.Новикова, большая часть эмигрантов четвертой волны, приехавших из Одессы, Молдавии, небольших украинских городков и местечек, — люди невысокой квалификации, без знания языка, предпочитали селиться вместе в районе Бруклина, в Нью-Йорке, устраивались торговцами, мелкими служащими. В таких районах, являющих собой слабые аналоги знаменитых китайских или арабских кварталов столиц всего мира, практически не услышишь английского языка, зато встретишь разнообразные диалекты русского, еврейский, реже украинский языки. Даже негры, живущие в этих районах, и дежурные полицейские знают немало русских слов. Встречаются обитатели этих районов на скамейках бульваров и набережных и, главным образом, в ресторанах с красноречивыми названиями «Одесса», «Приморский», «Москва», «Кавказ». Атмосферу этих заведений хорошо передал корреспондент «Московских новостей»: «На стосковавшегося по Родине повеет там неуловимым духом советского общепита; его непередаваемый вкус в цыпленке табака и салате «Столичный» увлажнит слезами небо (повара-то выучки нашей, из кулинарного техникума); а когда грянет ансамбль, советский ВИА, и не станет

слышно соседа (да клубы сигаретного дыма, да принесут не то, что заказывал, да обсчитают), то ощущение Родины так сожмет горло, так нахлынут воспоминания... Короче — тем, кому жаль (а кому не жаль?) своей молодости в Советской России (а какой еще, интересно, она была у всех нас?), надо ехать в любой из двух десятков русских ресторанов на Брайтоне»[48].

Вообще историю и быт России XX века вполне можно изучать по ресторанам Русского Зарубежья — от парижского «Максима» до нью-йоркских «Одессы» и «Кавказа». И не только по ресторанам — по семейному укладу, особенностям речи и психологии, привычкам, традициям, песням, русским книгам. То, что в России выбрасывается наследниками на помойку, в эмиграции чаще всего бережно сохраняется. Так что русская эмиграция — это хранилище и вместилище прошедшей русской жизни.

Однако далеко не все русские эмигранты четвертой волны ностальгируют по кабакам в своеобразных русско-еврейских гетто Америки. Небольшая, но очень активная и наиболее квалифицированная часть — программисты, врачи, ученые — растекается по всей Америке (предпочитая университетские городки, лаборатории, библиотеки, научно-исследовательские центры Вашингтона, Бостона, Сиэтла, Нью-Йорка) и, очень интенсивно, напряженно работая, намного успешнее вписывается в новую среду. Это дается не сразу, многие ученые, например, в ожидании признания (конвертации) своего кандидатского или докторского диплома, полученного в России, устраиваются работать продавцами или посудомойками, накапливая социальные навыки и опыт американской жизни, изучая язык, потом-таки находят работу по специальности, и многие в течение пяти-семи лет делают энергичный рывок, достигая устойчивого высокого служебного и материального положения.

Разумеется, новая жизнь в совершенно других условиях требует от них резких адаптационных изменений в представлениях о жизни и своем месте в ней, в привычках и навыках общения, в отношении к труду, практически — изменения всего психологического строя личности. Ниже приводятся выдержки из рассказа эмигранта-еврея из СССР, опубликованного в израильской газете «Глобус»:

«С чего начинает иммигрант в Америке, едва обосновавшись на новом месте? Однозначно — с поисков работы. Множество проблем возникает перед ним — и старый, “советский”, опыт не поможет в их решении. У них есть время перевести дух, подучиться в первую очередь языку, но и профессии тоже (здесь имеется в виду, что еврейским беженцам платили денежное пособие, русские же эмигранты жили на деньги, вырученные от продажи своих квартир в

России. — *Н.Л.*), с первых же дней подобного поиска надо напрочь забыть любые профессиональные амбиции — какую бы престижную специальность и какую бы прекрасную карьеру вы до этого дома ни имели. Все это — не более чем вредные для вашего самолюбия и душевного спокойствия воспоминания оттуда.

После приезда в город Феникс (штат Аризона) мы, группа беженцев, обходили в поисках работы квартал за кварталом, улицу за улицей. Через пару недель повезло одному из нас — его взяли в небольшую пекарню. Еще через несколько дней двух женщин оформили горничными в отель, потом кто-то устроился помощником повара в ресторан, кто-то — рабочим в автомастерскую. При этом все трудоустроившиеся были люди с высшим образованием, специалисты с опытом — педагоги, инженеры, химик, журналист и даже бывший сотрудник Внешторга. Это я к тому, что если кто-нибудь из читателей презрительно скривит губы (мол, нашли чем гордиться — на грязную работу устроились), то с таким критиком мне говорить не о чем — пусть приедет и сам попробует сразу определиться в инженеры, а потом мы вместе с ним над этим посмеемся.

Кстати, важный психологический момент: забудьте о стеснительности, деликатности и прочих отечественных привычках или масках. Не бойтесь как можно чаще беспокоить менеджера или хозяина бизнеса вопросом: как там обстоит дело с моим заявлением, не появились ли вакансии? Подобная настойчивость расценивается как огромное желание работать именно в этом месте. Я провел небольшой опрос среди знакомых иммигрантов: кто как устроился в США? Оказалось: более 60 процентов нашли место именно благодаря настойчивым поискам "ногами" в первые четыре-пять недель по прибытии. В общем, прямая зависимость: чем больше ищешь, тем чаще находишь»[49].

Я уже писала о психологических особенностях, отличающих третью и четвертую волну эмиграции от первой (и даже второй): потребности в самооправдании через отрицание России и изменений в ней. Это же было подмечено литературоведом Людмилой Сараскиной, работавшей несколько семестров в одном из провинциальных университетов Америки у «славистов» из числа эмигрантов четвертой волны. По ее мнению, эти люди бравировали своим невежеством, возводя его в некий символ окончательного разрыва с прежним обществом. Им нравилось (мне кажется, здесь вернее — было жизненно необходимо) не знать, не читать, не слышать о том, что **там** (выделено мной. — *Н.Л.*) продолжаются и история, и литература, в отличие от эмигрантов первой волны они хотят стряхнуть с себя все, что напоминает о России, — язык, патриотизм, тради-

ции, стать стопроцентными янки, как окружающие американцы (знакомые мне американцы шутили что некоторые недавние русские эмигранты — большие американцы, чем они сами. — *Н.Л.*). Но, с другой стороны, положение обязывает, студенты задают вопросы, приходится хотя бы поверхностно следить за тем, что происходит в России. Хотя внутренне они убеждают себя, что русская культура, литература кончились в год их отъезда из России.

А свой отъезд они пытаются представить как политический акт, вызов властям, хотя лишь очень небольшое меньшинство действительно испытывало гонения — невозможность печататься, выставляться, преподавать. Но как раз эти люди, как, например, художник Михаил Шемякин или музыкант Мстислав Ростропович, сохраняют теснейшие духовные связи с Родиной. Большинство же перебравшихся в Америку на постоянное место жительства просто ищут счастье в другой стране, и это их полное право, с ним следует считаться, оно ни в коей мере не заслуживает осуждения, но и не следует превращать его в поступок, имеющий идеологический или политический смысл.

Не случайно четвертая волна эмиграции и в США, и в Германии не выдвинула сколько-нибудь значительных идей и имен, обогативших русскую гуманитарную, в том числе и художественную, культуру[50].

Четвертую эмиграцию иногда называют еще «утечкой мозгов». Термин этот появился на рубеже 40—50-х гг. для обозначения массового выезда как студентов, так и научных работников из стран Западной Европы (ФРГ, Англия), и в особенности из стран Азии, в США, где существовали более благоприятные условия для творческой научной деятельности и обеспечивался высокий статус ученого и инженера. Так, из Европы выехало в целом более 100 тыс. квалифицированных специалистов, из развивающихся стран — 500 тыс. С конца 80-х — начала 90-х гг. в этот процесс включилась и Восточная Европа. Из этих государств в 1986—1990 гг. эмигрировали около 1,5 млн человек, среди которых велика доля научных и инженерно-технических работников.

Из России только в одном 1992 году, по данным ГУВИР МВД, эмигрировали более трех тысяч ученых и преподавателей (из них докторов наук — 22%, кандидатов наук — 46%). Возрастная структура: до 30 лет — 12%, от 30 до 45 лет — 74%. Особенно чувствителен для отечественной науки отъезд специалистов ведущих отраслей наук. Так, из России на Запад выезжает 25% от числа ежегодного выпуска математиков и программистов, уже уехали 48% физиков-теоретиков и 12% физиков-экспериментаторов, 500 высококлас-

сных специалистов потерял Институт космических исследований. Цифры потерь растут с каждым годом.

Одной из структурных форм интеллектуальной эмиграции является выезд за рубеж по временному контракту. Хотя эта форма теоретически могла бы способствовать переносу зарубежного опыта в отечественную науку, этого чаще всего не происходит, поскольку российские ученые предпочитают оставаться за рубежом и после окончания временного контракта. Такая тенденция характерна для специалистов в области биологических наук (биофизика клетки, генетика, биоорганическая химия). Ученые из России, как правило, ценятся за рубежом благодаря их высокому творческому потенциалу.

Анализ интеллектуальной эмиграции провели российские социологи И.Болотин и С.Попов. Согласно их данным, на «утечку мозгов» оказывает решающее воздействие не только низкий уровень оплаты труда ученых, но и неудовлетворительные возможности реализации своего творческого потенциала на родине, в числе которых:

— низкий уровень научно-информационного обеспечения теоретических исследований и разработок, отсутствие современного научного оборудования, необходимого для проведения исследований;

— недостаточное финансирование науки, слабое материально-техническое обеспечение исследовательского процесса, крайне медленное внедрение результатов научных исследований в производство, неадекватная материальная и моральная оценка труда ученых;

— незащищенность прав собственности на продукты интеллектуального труда, скудость материальных и других возможностей для свободного общения со своими зарубежными коллегами;

— ограниченный доступ для талантливых молодых ученых с периферии к крупным научным центрам, сконцентрированным в больших городах.

Конечно, современный массовый отъезд российских ученых на Запад встречает непонимание со стороны русских эмигрантов-беженцев, особенно эмигрантов первой волны. Замечательно о России и об эмиграции сказал в 1993 году всемирно известный физик, лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин, увезенный из России в 1921 году четырехлетним мальчиком: «Родители многое сделали, чтобы мы, дети, помнили, откуда мы родом. У меня, например, до 12 лет всегда был учитель русского языка. Но если для моего старшего брата Александра, ставшего известным орнитологом, родной язык оставался первым, то со мной этого уже не произошло. И открытие мною России было в юности во многом умозрительным. Я несколько раз открывал для себя Родину. Первое, еще в детстве, открытие — знакомство с ее великой культурой,

литературой, музыкой, живописью. Второе — изучение истории России, в которой не может не потрясти ее непохожесть на европейскую историю, контраст между трагичными, кровавыми, дикими страницами и стремлением необычайно талантливого народа, подарившего миру столько гениев, жить “по правде, по совести”. Третьим открытием был первый приезд в Москву.

Но многое, — говорит Пригожин, — я просто не понимаю. Например, повальное стремление ученых уехать на Запад. Это же утопия! Запад может принять очень ограниченное число эмигрантов. К тому же, если бы произошло тотальное крушение науки и культуры в России, это было бы непоправимой катастрофой для всей мировой цивилизации. На Западе дальновидные умы это понимают. В самой России, к сожалению, далеко не все. Но я все же попрежнему верю в великое будущее России и ее науки»[51].

Здесь мы подходим к очень важной мысли — для настоящего творчества (в науке, в искусстве ли) очень важна духовная сторона личности творца. Духовность невозможна вне культурной, национально-культурной духовности, ибо она дана человечеству именно в этой форме. Это — колыбель развития личного духа, и очень важно, чтобы национальная духовность входила в личность ребенка с первых лет его жизни. Когда этого не происходит ни в детстве, ни потом, во взрослой жизни, трудно надеяться на то, что такой человек создаст что-то по-настоящему ценное для человечества. Более того, очень трудно ожидать, что такой человек будет восприимчив к созданиям инонационального духа, творениям других мировых культур. Лучше всего относительно важности национальных корней в жизни человека написал глубокий русский философ-эмигрант Иван Ильин.

По Ильину, существует закон человеческой природы и культуры, согласно которому все великое может быть сказано человеком или народом только *по-своему* и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, духа и уклада, поэтому философ предостерегает, что «национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа». Родина (то есть осознанная этническая или национальная принадлежность), по мнению Ильина, пробуждает в человеке духовность, которая может и должна быть оформлена как *национальная духовность.* И только пробудившись и окрепнув, она сможет найти доступ к созданиям чужого *национального духа*. Любить родину, по Ильину, — значит любить не просто «душу народа», то есть его национальный характер, но *духовность его национального характера.* «...Тот, кто совсем не знает, что такое дух, и не умеет любить его, тот не имеет и патриотизма. Но тот, кто чует

духовное и любит его, тот знает его сверхнациональную, общечеловеческую сущность. Он знает, что великое русское — велико для всех народов; и что гениальное греческое — гениально для всех веков; и что героическое у сербов заслуживает преклонения со стороны всех национальностей; и то, что глубоко и мудро в культуре китайцев или индусов, — глубоко и мудро перед лицом всего человечества. Но именно поэтому настоящий патриот не способен ненавидеть и презирать другие народы, потому что он видит их духовные силу и их духовные достижения»[52].

Россия Советская, отвергнув религию, не способствовала воспитанию такой национальной духовности, привела к «национальному обезличению» многие народы, и прежде всего русский, что и лежит в основе антипатриотизма и межнациональной нетерпимости, которые так ярко проявили себя в конце XX века с падением коммунистической идеологии.

Но есть и другая сторона медали. Н.Фрейнкман-Хрусталева и А. Новиков, например, стремятся опровергнуть распространенный стереотип, будто бы в эмиграции, вообще вне родной земли, невозможно подлинное творчество. В качестве примеров они приводят творчество русских художников Шагала и Сутина, принадлежавших к так называемой парижской школе. Они, как пишет историк искусств, «прибыли в столицу Франции из окраинных стран Европы, накопивших море энергии. Париж поставил их в центр, цивилизовал их душу и зрение». Видный современный культуролог академик Вяч. Вс. Иванов убежден, что эмиграция «культуре оказалась полезной, поскольку рассеяние создает предпосылки для выхода за ограниченные пределы к общечеловеческому мирочувствованию». Многие из русских эмигрантов органично вписались в культурное пространство тех стран, где они оказались за пределами страны исхода. Так, Владимир Набоков, оставаясь русским писателем, стал в то же время и русско-американским литератором. Иосиф Бродский — представитель третьей волны эмиграции — прославился не только как лауреат Нобелевской премии, но и был признан лучшим поэтом Америки. В сфере науки также есть яркие примеры: мировое признание получили создание и разработка методов структурного анализа и семиотики русскими эмигрантами Николаем Трубецким и Романом Якобсоном. Молодой русский социолог Питирим Сорокин, секретарь Керенского, оппонент Ленина, стал классиком американской социологии XX века.

Исторический опыт России с ее универсализмом, открытостью другим культурам способствовал тому, что и в формировании русской культуры принимали участие не только приехавшие в Россию

иностранцы, но и российские подданные, не являвшиеся «чистокровными русскими», люди иных этнических корней, но тем не менее ставшие подлинной гордостью великой русской культуры. Это и В.И. Даль, создатель русского словаря, датчанин по происхождению, это и И.К. Айвазовский, армянин по крови, это и Исаак Левитан, по происхождению — литовский еврей, создатель наиболее пленительных русских пейзажей, да почти у всех русских поэтов и писателей, начиная с Пушкина и заканчивая Бродским, в родословной присутствуют иноэтничные корни. Не плоть, не кровь, а дух оказываются решающими для усвоения и развития русской культуры.

Россия — страна особая. Несравнимая с другими по размаху своей необъятной территории, по числу народов, населяющих эти просторы, по удивительной судьбе самого русского народа, сохранившего свой великий духовный потенциал, внутреннюю силу вопреки векам иноземного ига, крепостного права, всем войнам, революциям, репрессиям, стихийным и социальным бедствиям. Эта духовная сила — как мощный магнит, силовое поле которого простирается сквозь время и пространство. От него никогда не могут оторваться люди, даже отделенные тысячами километров и десятками лет. Но как бы ни врастали эмигранты в иноязычную среду, как бы ни обогащали культуры друг друга, эмиграция всегда ведет к утрате жизненных сил в покинутой стране и, наоборот, обогащает страну, куда устремляется поток эмигрантов. Как же они адаптируются в этих странах, как меняется их этнокультурная идентичность, остаются ли они русскими и как они относятся к России после эмиграции?

2.2. Социально-психологические проблемы аккультурации русских за рубежом

2.2.1. Этнические миграции и эмиграция

Эмиграция русских из России является частным видом так называемых этнических, или этноизбирательных, миграций.

Под этническими миграциями понимаются случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса (или его длительного проживания) и переселяются в иное географическое или культурное пространство.

Подобные миграции существовали с древних времен, когда стихийные бедствия или войны заставляли людей перемещаться по планете. Примерами таких миграций в средние века могут быть известные походы великих путешественников и завоевателей (Александра Македонского, Христофора Колумба и др.), повлекшие за собой массовые миграции европейцев в иные страны и даже на другие материки.

История Европы XV—XVII веков позволяет фиксировать массовые миграционные процессы (выселение из Испании 200 тыс. евреев, 500 тыс. морисков-мусульман, насильственно обращенных в христианство, из Франции — 500 тыс. гугенотов и др.). Урок этих ранних европейских миграций таков: страны, из которых были выселены сотни тысяч людей, понесли существенный — прежде всего экономический — урон. И наоборот: страны, принявшие тысячи вынужденных эмигрантов — Голландия, Германия, Италия, — во многом выиграли, их экономическая и культурная жизнь стала значительно интенсивнее[53].

В более поздние времена примерами внутренних этнических миграций в России могут служить депортации целых народов с их исконных земель и их последующее возвращение. В XX веке приобрела массовость так называемая трудовая миграция, когда из «непромышленных» регионов (Азия, Африка) люди перемещались в развитые индустриальные регионы с целью заработка, что также можно назвать примером этнической, или этноизбирательной, миграции.

Рост современных межэтнических или межнациональных миграций, по мнению западных специалистов, является серьезным вызовом мировой социальной, экономической и политической системам. По некоторым оценкам, в настоящее время около 100 млн иммигрантов, беженцев, иностранных рабочих и других категорий мигрантов проживает вне пределов страны своего происхождения. Ожидается, что в следующем тысячелетии эта цифра резко возрастет.

Особая ситуация с этническими миграциями возникла на территории бывшего СССР после его распада и образования новых независимых государств. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в результате распада СССР свыше 60 млн человек оказались за границей, из них 34 млн — русские, украинцы и белорусы, живущие в других республиках.

В нашей стране социально-психологические проблемы этнических миграций и аккультурации разработаны недостаточно, несмотря на то, что потребность в продуманной, научно обоснованной государственной миграционной политике чрезвычайно велика. Кро-

ме того, слишком высока психологическая цена, которую вынуждены платить люди, ставшие невольными заложниками как этнократических моделей государственного строительства, так и отсутствия разумной программы репатриации.

Частным вариантом миграции можно считать *эмиграцию*. Эмиграция представляет собой такую разновидность миграции, которая предполагает длительность пребывания вне пределов родины, в большинстве случаев носит окончательный и необратимый характер (или воспринимается таковой). Эмиграции из стран с тоталитарным режимом имеют минорную или даже трагическую окраску, особенно когда это касается политических беженцев или изгнанников. По определению Дж.Эйченбаума, *беженцами* могут считаться те индивиды (и их семьи), кто был вынужден бежать со своей родины, спасаясь:

а) от реальных (или воображаемых) политических или религиозных гонений;

б) вследствие стихийных бедствий (наводнение, засуха);

г) от разрушительных последствий войны.

Общим для всех этих категорий людей является *вынужденный* характер их эмиграции и неизбежность тягот и лишений, связанных с этим.

Термин *беженец* (refugee) используется для акцентирования наиболее важных черт такого типа миграций. Этот феномен нельзя считать новым, по мнению исследователей миграций, он существует в международной практике со времени зарождения городов и наций. Однако наиболее массовый характер это явление приобрело в период после Второй мировой войны, в результате чего появился даже специальный термин «перемещенные лица» («displased persons»). Согласно оценке Р.Хардинга и Дж.Луннея, в период с 1945 по 1969 год около 45 млн людей были вынуждены покинуть свой дом подобным образом. Массовость и напряженность современных этнических миграций рождает потребность в знании психологических законов, которым подчиняется миграционное поведение.

Итак, этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) трудной работы понимания и принятия как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и понимания этнических основ собственного существования.

Психологические проблемы этнических миграций наиболее ярко раскрываются в следующих этапах или ступенях миграционного процесса:

а) причины и мотивы миграции и эмиграции;

б) адаптация мигрантов к иной этнокультурной среде;

в) адаптация мигрантов к иной природной (географической) среде;

г) трансформация этнической идентичности у различных поколений мигрантов[54].

2.2.2. Причины и мотивы миграции и эмиграции

Если говорить об эмиграции первой (и части второй и третьей) волны, то мы имеем дело с вынужденной эмиграцией, то есть с феноменом *беженства* или *высылки*. Характерно, что многие из тех, кто по разным причинам покинул Россию и оказался за ее пределами, отвергают свою принадлежность к эмиграции. Особенно это относится к аристократическому крылу первой волны русской эмиграции. Так, недавно приезжавшая в Россию вдова Т.Н. Куликовского-Романова, внука Александра III и племянника Николая II, подчеркнула, что «мы не эмигранты, а беженцы». Именно беженцы, потому что «эмигрант — тот человек, который покидает родину в поисках лучшей жизни, мы же вынуждены были покинуть Россию тогда, после Октябрьского переворота, чтобы спасти свои жизни»[56].

Такое разграничение утвердилось не только на уровне обыденного сознания, но и в научных дискуссиях по проблемам эмиграции. В докладе представителя Московской патриархии игумена Иннокентия Павлова на международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940-х годов» доказывалось, что применительно к русским эмигрантам этого периода более корректно применять термины «беженцы» и «изгнанники», поскольку их выезд совершался, как правило, не в добровольной форме.

Но это же самое можно сказать и о высылке А.И. Солженицына, Ю.Кублановского, И.Бродского и многих других «неугодных режиму» писателей и художников второй половины XX века.

Но это все-таки исключения в массовых потоках мировых миграций и эмиграций. Так, согласно данным Н.Фрейкман-Хрусталевой и А.Новикова, в мире сейчас более 19 млн беженцев, и всего лишь 2% из этой огромной массы подвергались политическим преследованиям. Что же двигало остальными?

Поиски лучшей жизни — безопасности существования, комфортного жилья, благоустроенного быта, лучшей жизни для своих детей, более успешной профессиональной самореализации — вот что срывает с места миллионы людей в современном мире, влечет их навстречу часто неосознаваемым трудностям, а иногда и подлин-

ным трагедиям. Остановить эмиграцию невозможно, но сделать ее осмысленной, ввести в нормальное русло — в силах человеческих. Главное — добиться человеческих условий жизни в стране проживания, устранить причины, побуждающие людей к перемене мест, к поискам социального тепла.

Эмиграция — прежде всего добровольная — это всегда по своему объективному смыслу форма и акт социального протеста, часто не осознанное, не выраженное в четких политических формулах неприятие социально-экономического и духовно-культурного строя своего отечества. Эмиграция, в особенности массовая, это всегда утрата страной активной части своего населения. Ведь нужно обладать большой энергией и волей, чтобы радикально изменить место и образ своей жизни.

Эмиграция становится неким жизненным экзаменом для человека — она порождает взлет энергии у одних и полную депрессию у других. Чтобы быть принятым в новую среду, человек развивает невероятную энергию, преодолевает пассивность, привычное течение событий, труд без особого напряжения. Как открыл в свое время З. Фрейд, творческая продуктивность маргинала — человека из другой среды — это компенсация за психологическую уязвимость, за чуждость в новой среде. Смена условий, новые впечатления и ощущения активизируют человека, пробуждают подчас дремавшие внутренние силы. Об этом свидетельствуют и некоторые цифры: эмигранты из СССР, прибывшие в 70-е годы в США, имеют среднегодовой доход свыше 34 тыс. долларов, в то время как коренной средний американец (чьи предки тоже были эмигрантами) — лишь 22 тысячи[56].

В своей практике мне дважды приходилось исследовать психологические аспекты эмиграции. В январе 1990 года и в августе 1991 года было проведено два небольших эмпирических исследования: первое посвящено проблеме принятия решения об эмиграции, второе — трансформации этнической идентичности у представителей русской эмиграции первой и второй волн и их потомков.

Основой первого исследования явились данные интервью, проведенного на подмосковной конференции в январе 1991 года, посвященной этнопсихологическим проблемам эмиграции и психотерапевтической помощи потенциальным эмигрантам в трудный предмиграционный период.

В литературе, посвященной проблемам эмиграции, существует идея о различных группах мигрантов из одной культуры:

1) стабильных, экономически заинтересованных людей, которые едут на новое место вследствие причин, связанных с работой;

2) нестабильных, имеющих потенциальные проблемы и переселяющихся скорее в призрачной надежде, чем ради конкретных целей.

Данные группы мигрантов различаются еще и по тому, что одни знают, куда и зачем едут, то есть эмиграция для них — средство решения определенных жизненных задач, а вторые не знают, куда они поедут (имеют несколько равнозначных вариантов), и главная цель для них — покинуть страну пребывания, то есть эмиграция сама по себе.

Исследуя группу потенциальных эмигрантов четвертой волны из бывшего СССР в Израиль (молодых и среднего возраста людей обоего пола, как евреев, так и русских), мы пришли к выводу, что перед нами — преимущественно представители второго типа эмигрантов, то есть эмигрантов не «куда», а «откуда».

Согласно модели социальной идентификации западноевропейских психологов Тэжфела и Тернера, свою базовую потребность в самоуважении человек частично реализует через групповое членство. Когда человек определяет себя посредством принадлежности к некой социальной группе, то его потребность в самоуважении будет мотивировать его желание оценивать данную группу позитивно. Позитивные различия в пользу своей группы дают ее членам высокий субъективный статус, или престиж, и вследствие этого — позитивную социальную идентичность. В свою очередь, негативные различия или неблагоприятное сравнение с другими группами дает низкий престиж и негативную социальную идентичность.

Когда своя группа (этническая, социальная) утрачивает позитивную определенность, ее члены будут мотивированы:

а) оставить эту группу физически (эмигрировать, например);

б) размежеваться с ней психологически (внутренняя эмиграция, например);

в) прилагать когнитивные усилия, чтобы восстановить позитивную определенность собственной группы (стремиться больше узнать об истории и культуре своей страны, о ее славных и героических страницах).

Таким образом, те, кто выбирает эмиграцию, не хотят или не могут в силу тотальной «национальной обезличенности» (И.Ильин), бывшей бичом нашего общего советского прошлого, следовать третьим пугем (поиска большей этнической, национальной определенности) и выбирают первую стратегию — эмиграцию. Это тот водораздел, который пролегает между теми, кто уезжал из России в 90-е годы, и теми, кто сознательно выстраивал свою этническую и национальную идентичность. Мне памятен разговор с моей бли-

10 Заказ 2370

жайшей подругой юности, тоже психологом, которая уехала в 1994 году в США. В моем восприятии Россия была страдающей, обессиленной тяжкими болезнями и насилием матерью, которую я просто не могу бросить в этой ситуации и должна помочь ей выздороветь (или, паче чаяния, достойно проводить ее в последний путь — во что не верилось и тем более не верится сейчас). В ее восприятии Россия ассоциировалась с вечно пьяным и непредсказуемым отцом-алкоголиком, не любящим, наказывающим, от которого хотелось убежать и спрятаться там, где он не сможет ее достать. Такая вот психоаналитическая подкладка наших полурациональных жизненных стратегий или решений.

Опрошенных нами в 1991 году потенциальных эмигрантов можно условно разделить на три основные группы по степени зрелости личного решения об эмиграции:

1) те люди, кто воспринимал эмиграцию как нечто абстрактное, своего рода радикальный вариант в их жизненной перспективе. Эти лица находились на стадии формирования решения, как бы взвешивали все «за» и «против»;.

2) те, кто отвергал эмиграцию для себя или был индифферентен в этом отношении;

3) те, кто уже принял решение об эмиграции и составил для себя более-менее ясную картину того, на что он может рассчитывать в Израиле. В отдельную подгруппу здесь следует выделить людей, решившихся на отъезд из России, но испытывающих глубокий психологический дискомфорт из-за вынужденного разрыва с той культурной средой, которая воспринимается ими как родная.

Метод сбора информации в этом исследовании (а оно получилось спонтанным) был чрезвычайно прост: в центре круга сидел человек, а остальные в быстром темпе задавали ему вопросы на тему «Почему ты едешь?» или «Почему ты не едешь?». Этот метод по сути своей явился проективным, так как сами вопросы были проекцией тех проблем, которые волновали всех участвовавших в данном исследовании потенциальных эмигрантов.

Целый ряд вопросов и ответов прямо иллюстрировал тот факт, что перед нами в большей степени эмиграция «откуда»:

— Не хочешь оставаться здесь?

— Да.

— Куда ты едешь?

— Еду *отсюда.*

— Израиль — это цель или средство?

— Скорее средство.

В литературе по миграциям часто указывается деление причин,

побуждающих человека к миграции, на притягивающие (pull) и выталкивающие (push). В числе многих субъективных причин, приводящих человека к решению эмигрировать, в нашем исследовании наиболее часто указывались следующие.

1. С*трах перед угрозой реального или предполагаемого физического насилия над личностью.* Подобный страх не только за свою собственную жизнь, но и за жизнь близких заставляет людей принимать решение в пользу эмиграции. В нашем исследовании это иллюстрировалось вопросами:

— Ты боишься оставаться здесь?

— Да.

— Угроза насилия над личностью заставляет тебя ехать?

— Да.

— Ты боишься за детей?

— Да.

— Тебя унижают здесь как еврея?

— Нет.

Вторым очень важным мотивом отъезда явилось *ощущение личной нереализованности* в данной стране и связанное с этим стремление избавиться от комплекса «неудачника», начав все с нуля на новом месте. Вполне возможно, что эмиграция в таком случае представляет собой реакцию на невозможность решить по каким-либо причинам свои внутренние проблемы в стране исхода, поэтому, вероятно, не всегда корректно рассматривать ее как единственно возможный ответ на психологический стресс «неуспешности». Этот мотив может быть проиллюстрирован такого рода вопросами:

— Ты хочешь решить *там* свои внутренние проблемы?

— Да.

— Ты хочешь профессионально реализоваться?

— Да.

— Ты надеешься на лучшее?

— Да.

— *Там* более разнообразная жизнь?

— Да.

— Проблемы твоей личности, ее развития и интересов могут решиться *там*?

— Да.

— Надеешься достигнуть более высокого профессионального уровня?

— Да.

Почти все респонденты самыми острыми проблемами, связанными с эмиграцией, считают радикальное изменение привычного

10*

социокультурного окружения, разрыв родственных и дружеских связей, сложность адаптации к новой культуре и образу жизни, неизбежную утрату или значительное снижение профессионального и социального статуса. Эти проблемы формируют комплекс мотивов, удерживающих от эмиграции. В нашем исследовании это выразилось в вопросах типа «Почему ты не едешь?»:

— Тебе привычнее *здесь* и непривычнее *там*?

— Да.

— Ты неуверен в своем будущем *там*?

— Да.

— Ты не знаешь языка?

— Да.

— Социальный и профессиональный статус понизится?

— Да.

— У тебя нет *там* близких друзей?

— Да.

— Ты не готов к самореализации *там*?

— Да.

— Не едешь из-за науки, своих интересов?

— Да.

— Весь твой опыт *отсюда*?

— Да.

— Ты боишься ностальгии?

— Да.

Таким образом, рассмотренные выше проблемы, типичные, по нашему мнению, не только для евреев, но и для многих потенциальных российских эмигрантов, позволяют сделать вывод об амбивалентном характере феномена эмиграции, которая, способствуя решению одних проблем, привносит десятки других, являясь серьезнейшим психологическим испытанием для человека. Красивой и афористичной иллюстрацией этого положения явились ответы одного из наших респондентов на вопросы:

— Почему ты едешь?

— Мне хочется сохранить свою личность.

— Почему ты не едешь?

— Мне хочется сохранить свою личность.

Для тех, кто эмигрирует из страны с тоталитарным режимом, одной из важных психологических проблем является проблема избавления от определенной социальной инфантильности и привычки во всех бытовых трудностях ждать помощи от государства (в настоящее время нам всем приходится избавляться от этой привычки). Многие потенциальные эмигранты осознают данную проблему как одну

из важнейших и трудноразрешимых, так как она требует определенной личностной ломки и перехода к жизни с большими энергетическими затратами. Однако данная психологическая работа может быть одновременно и привлекательной для молодых и активных людей, так как сулит творческий и личностный рост и развитие своих возможностей. Данная проблема может быть проиллюстрирована серией вопросов (в основном типа «Почему ты не едешь?»):

— Тебе привычнее здесь и непривычнее *там*?

— Ты боишься перемен?

— Лучше попытаться здесь решить свои проблемы?

— Тебя держит инерция?

— Ты не готов к изменениям?

Таким образом, мы видим, что психологически принятие решения об эмиграции — это одна из серьезнейших жизненных проблем, и чем более глубокие личностные пласты она задействует, тем с большей уверенностью можно высказать предположение, что ее итог будет успешным. Конечно, по нашему убеждению, это проблема глубоко личностная, амбивалентная по самой своей сути, и она не решается сменой бытовых и социальных условий, а требует коренной перестройки личности, смены ценностных и поведенческих стереотипов, трансформации социальной и личностной идентичности, поэтому можно понять колебания тех, кто глубоко и трагично переживает проблему эмиграции[57].

Н.Фрейкман-Хрусталева и А.Новиков также исследовали причины эмиграции представителей четвертой волны российской эмиграции в Германию (выходцев из бывшего СССР — России, Украины, Прибалтики, Средней Азии, евреев, немцев и русских, приехавших в Германию в начале 90-х гг.). Ими были выделены следующие причины:

1) **кризис власти в России** (74% опрошенных), то есть неспособность государственного аппарата, по мнению опрошенных, управлять страной — гарантировать своим гражданам безопасность, экономическую и правовую защищенность. В этот комплекс причин входят такие, как «отсутствие жизненной перспективы» (69%), «отсутствие будущего для детей» (73%), «общая зараженность эмиграционными настроениями» — «все поехали — и мы тоже поехали» (65—72%);

2) **желание посмотреть мир** (38% опрошенных). В качестве дополнительных причин часть людей указывали: «отсутствие возможности ездить за границу», «желание пожить по-человечески», в обществе «изобилия». При этом, как оказалось, 92% опрошенных никогда ранее за границей не бывали. Характерной особенностью четвер-

той волны эмигрантов из СССР является идеализация жизни на Западе благодаря существованию «железного занавеса». 42% респондентов говорили: «Если бы можно было съездить за границу, поработать там, как это делается в других странах, а потом вернуться — когда сочтешь нужным, то мы бы не стали насовсем эмигрировать». Итак, отсутствие информации о реальной жизни эмигрантов на Западе и возможности свободно ездить за границу спровоцировали желание отъезда почти у половины опрошенных эмигрантов;

3) **нестабильность экономической ситуации**, по мнению авторов, имеет промежуточное значение среди причин, указываемых эмигрантами. Это объясняется, возможно, тем, что многие из них имели на родине достаточно высокий экономический и социальный статус. Таким образом, несмотря на объективные экономические трудности — рост цен, инфляцию, — это не являлось для большинства мигрантов главной причиной выезда;

4) **преследования по национальному признаку** (евреев и российских немцев) занимают последнее место по значимости. «Слухи о погромах» повлияли на 27% выехавших, но при этом те же люди утверждают, что о реальных еврейских погромах они нигде не слышали. Таким образом, очевидно, что в настоящее время физическая угроза для жизни евреев не является причиной их выезда. То же самое говорят и немцы: 12% людей, указавших эту причину, — люди пожилого возраста, пережившие во время и после войны репрессии сталинского режима: «комендантский час» и запрет на получение высшего образования. 23% молодых эмигрантов-немцев утверждают, что, наоборот, быть немцем сейчас в СНГ престижно[58].

Таким образом, несмотря на то, что эмиграция четвертой волны многими специалистами рассматривается прежде всего как экономическая, мне кажется, что не так все просто. Многочисленные исследования показывают, что, несмотря на важность экономических факторов, люди все-таки не являются «экономическими максималистами». Более важными причинами, хотя часто и неосознаваемыми, являются причины психологического характера, в ряду которых преобладают, на мой взгляд, экзистенциальные: утрата смысла жизни (ради чего жить) и попытки обрести его в другой атмосфере, в тех краях, где «все хорошо». Очень важной и также часто скрытой причиной является кризис идентичности (напрямую связанный с утратой смысла жизни), когда человек в условиях идеологического вакуума не может самостоятельно понять, кто он такой, в какой стране он живет и ради чего. Поскольку далеко не всех людей устраивает растительное существование, особенно русских, которым подавай глобальную идею, ради которой стоит жить и

нести неизбежные тяготы жизни в России, то встает вопрос: найти эту идею самостоятельно или позаимствовать ее у более удачливых соседей — пожить с ними их идеей?

Как это получается у русских эмигрантов — попробуем посмотреть далее, на примере аккультурации русских в других странах.

2.2.3. Адаптация русских мигрантов к иной культурной среде

Несмотря на обилие эмпирических исследований в современной западной кросс-культурной психологии, проблема психологической аккультурации мигрантов до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных.

Общим положением является мнение, высказываемое большинством ученых, о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, о том, что контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, более или менее выраженное психическое потрясение, для обозначения которого в кросс-культурной психологии введен термин **культурный шок**. Культурный шок — это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры[59].

Антрополог К.Оберг выделил шесть аспектов культурного шока:

1) **напряжение**, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;

2) **чувство потери или лишения** (друзей, статуса, профессии и собственности);

3) **чувство отверженности** представителями новой культуры или отвержения их;

4) **сбой** в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации;

5) **неожиданная тревога**, даже отвращение и негодование в результате осознания культурных различий;

6) **чувство неполноценности** от неспособности «совладать» с новой средой.

Испытывали ли русские эмигранты культурный шок? Несомненно, как и все другие, особенно те из них, кого эмигрантская судьба заносила в культуру, в значительной степени отличающуюся от русской. Особенно его должны были испытывать русские эмигранты в Китае, Австралии, Южной Америке.

Существует ряд теорий, которые могут быть использованы для объяснения психологического состояния русских эмигрантов в чужих странах.

Первая — выросшая в рамках психоаналитической традиции — это теория *страдания* (горя) или *лишения* (утраты), которая рассматривает миграцию как опыт утраты (социальных связей, близких, положения, имущества и т.д.). Эта теория может быть применима к тем русским мигрантам, которые подпадают под категорию беженцев — именно им вынужденная (и часто неожиданная) эмиграция приносила наибольшие страдания и переживалась как большое неизбывное горе. Особенно это характерно для первой волны эмиграции. Как пишут в своей книге Н.Фрейкман-Хрусталева и А.Новиков, эмиграция — не благо, особенно если говорить о ее первой волне, — настоящая трагедия, «операция без наркоза». Это — тяжелейшее испытание, порождавшее душевный кризис у многих тысяч россиян, вынужденных покинуть свою родину.

Целый комплекс психологических, нравственных, духовных, интеллектуальных проблем ставил человека на грань душевного срыва, зачастую приводя к распаду личности или самоубийству. Среди психологических факторов, оказывающих наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были *чувство утраты и тоски по родине* (курсив мой. — *Н.Л.*), понижение социального статуса, языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации. Этот комплекс психологических факторов во многом обострялся тем, что более 60% российских беженцев имели отношение к интеллектуальной деятельности, что, с одной стороны, осложняло их социальную адаптацию в других странах, не нуждавшихся в интеллектуалах в таком количестве, а с другой — причинял им вследствие тонкости душевной организации особые страдания. Это нередко приводило к самоубийствам. Так, русский морской офицер Борис Панфилов застрелился в номере французской гостиницы, снятом им на одну ночь. В свои 22 года, сразу после производства в мичманы, Панфилов вынужден был бежать из России в Марсель, где работал портовым грузчиком, а позже переехал в Сен-Лоран-де Вар, где поступил на службу лакеем в богатую семью. В посмертной записке молодой офицер написал, что больше был не в состоянии выносить моральные унижения и по этой причине покончил с жизнью[60]. Сохранять свою личность в этих условиях многим эмигрантам помогала надежда, что они обязательно (и даже скоро) вернутся на родину.

Следующая теория — *ценности ожиданий* — утверждает, что адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию. Есть ряд фактов, подтверждающих, что низкие ожидания приводят к лучшему приспособлению, а завышенные ожидания влекут за собой жестокие разочарования и, как следствие, худшую адаптацию.

Русские эмигранты первой волны, как мы знаем, первоначально жили ожиданиями возвращения на родину. Так, например, в Константинополе «о том, чтобы как-то наладить и обустроить свою жизнь, первое время никто из них не думал. Все были уверены, что еще неделя, месяц, максимум — два, и большевистский режим падет, они вернутся в свои дома и навсегда забудут этот кошмар. А пока проедали те скудные запасы, фамильные колечки и цепочки, которые удалось вывезти с собой из России. Богатые турки, англичане, американцы, французы за бесценок скупали уникальные произведения русских мастеров. Национальное богатство России уходило за гроши»[61].

Однако, когда они осознали, что эти ожидания, по крайней мере сейчас, невыполнимы, тогда-то русские эмигранты развернулись во всю ширь национального характера! Они организовывали промышленные и финансовые предприятия, игорные заведения, магазины, кооперативы, выставки, библиотеки — активность и адаптивность русских были уникальны. Бывшие аристократы, военные, гордость России, брались за любую работу. Вот как вспоминал свою жизнь в Константинополе русский эмигрант Н.А. Келин: «Чего только не испробовал я в том сказочном городе. Начал с самого тяжелого — пошел вместе с десятком наших офицеров работать на стройках Стамбула. Удалось устроиться чернорабочими. Никакой, даже самой примитивной, механизации на стройке не было, кроме обычной лебедки, и вот вручную мы поднимаем 50-килограммовые мешки с песком или цементом на шестой этаж. Вообще начало было недурно. Но руки от многочасового таскания веревок по блоку, кожа на ладонях превращалась в сплошные волдыри, которые лопались, кровоточили. После этой работы у меня на всю жизнь на правом плече осталась набитая шишка величиной с детский кулак»[62].

Русских офицеров можно было встретить в Париже везде, они были заняты в самых разных сферах и выполняли любую работу. Их всегда можно было узнать по выправке и манерам. «Певцы в кабаре, фотографы, садовники, таксисты, военные инструкторы — список можно продолжать и продолжать, — писал американский журналист Хантингтон. — Некоторым все же удавалось создать свой бизнес и затем дать рабочие места таким же русским, но многие рабо-

тали швейцарами в ресторанах и кабаре. Вас привез в кабаре генерал, помог выйти из такси адмирал, для вас играл на балалайках оркестр бывших солдат с дирижером-полковником, а проводил вас капитан. И все это в один и тот же вечер»[63].

Итак, русские эмигранты первой волны справлялись с тяготами эмиграции вполне достойно. У них не было завышенных ожиданий по отношению к стране эмиграции, и они принимали тяжелые условия жизни как должное, тяжелее им было справляться с разочарованиями по поводу скорого возвращения на родину: эти ожидания придавали смысл всей их жизни здесь, невозможность возвращения отнимала этот смысл, обесценивала все. Эмигрантам из военной среды было еще труднее сохранять жизненную мотивацию — годы войны, на протяжении которых многие из них занимали командные посты, а главное, личное восприятие своей роли в этой войне в качестве защитников отечества, воинов своей страны, сформировали у этой категории людей особую, «военную» психологию. Привычка ощущать себя частью коллектива, управлять и быть управляемым (то есть быть в некой четкой иерархической цепи, создававшей ощущение порядка и правильности), потребность в строгой регламентации повседневной жизни с одновременным осознанием важности своего дела для государства — весь этот комплекс мироощущений был разрушен эмиграцией.

Следствием этого разрушения стало ощущение «потерянности» в чужой стране; столкновение бесправных русских беженцев с иностранным чиновническим аппаратом рождало чувство неполноценности и протеста, который невозможно было реализовать. И как следствие — отчаяние и потеря веры в будущее. Этим же мотивом — «переполнением чаши терпения» — обусловливается и тот факт, что общественные пороки, свойственные любому государству, находили благодатную почву в эмигрантской среде. Алкоголизм, люмпенизация, проституция часто становились непременными атрибутами ее значительной части[64]. Так, А.Слободской описывает моральное разложение русской колонии в Константинополе: «Пили и напивались до скотского состояния. Верхи, знать, беженцы — в ресторанах; низы — просто в харчевнях, столовых, на улицах и площадях. Особенно дикие размеры приняло пьянство после эвакуации Крыма». Начавшееся разложение остановить было невозможно. Безработица особенно сильным образом сказывалась на сознании и морали русских беженцев. «Праздный и животный образ однообразной жизни толкал женщин на флирт, сначала со своими русскими, а там и с иностранцами. Мужья и жены перепутались. Простой флирт постепенно перешел в голый, ничем не прикрывавшийся

разврат. Русские рестораны, кафе и прочие увеселительные места начали наполняться русскими женщинами. Стыд, совесть были забыты»[65].

Это в очередной раз напоминает нам, что русского человека от морального падения и гибели удерживает осознание своего христианского долга, а смыслом его жизни во все времена было служение России, ее миссии в мире. Без этого русский человек, что в эмиграции, что на родине, часто превращается в ничтожное и презираемое всеми (и прежде всего — им самим) существо.

Аналогичные психологические процессы, может быть, не столь глубокие и трагичные, переживались и добровольными эмигрантами, в основном четвертой волны, когда развенчанные иллюзии «западного рая» приводили российских эмигрантов в состояния сильной депрессии, которые нередко заканчивались самоубийствами. В эмиграции люди часто оказываются за бортом общественных отношений. Особенно тяжело это переживают эмигранты из СССР. Поскольку у себя на родине они имели, как правило, высокий статус и чувство своей социальной значимости, такого же, если не более высокого положения они ожидали и на своих новых «родинах». Однако их ожиданиям не всегда суждено было сбыться. Находясь на социальных пособиях, без работы, некоторые из них стали понимать, что попали в ловушку: слишком высокую моральную цену им приходилось платить за свое «заграничное» существование. Они ощутили себя людьми пятого, шестого сорта, испытав на себе снисходительно-пренебрежительное отношение со стороны чиновников, выдающих ежемесячно материальное пособие. Они стали постоянно ощущать «комплекс иностранца», который робеет перед полицией, соседями, школьными учителями, чиновниками, да и просто перед местным населением. Многие перестают быть авторитетами для собственных детей, которые уходят от них в немецкую (американскую, израильскую — далее везде) жизнь. Начинает развиваться синдром «социальной смерти». У некоторых эмигрантов происходит обесценивание своей личности, снижение чувства собственного достоинства, происходит перестройка жизненных ценностей, которая может привести к утрате смысла жизни. Именно перед таким состоянием может отступать главный инстинкт — сохранения жизни[66].

Следующая теория — *ценностных различий*— объясняет культурный шок столкновением разных систем ценностей. При этом считается, что степень различий в ценностях между страной выхода и страной поселения мигрантов прямо пропорциональна количеству трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации. В исследованиях установлено, что взрослые мигранты имеют уже устояв-

шиеся, сравнительно неизменные системы ценностей и соответствующие им образцы поведения. Ценности их детей в силу более тесных и частых контактов с представителями иной культуры и неустойчивости их ценностных систем будут больше склоняться к ценностям представителей доминирующей культуры (что подтвердилось при обследовании украинских и латвийских мигрантов в Австралии). Это говорит о том, что в эмиграции неизбежен разрыв поколений, поскольку ценности родителей, сформированные под влиянием русской культуры, будут в сильной степени отличаться от ценностей детей, растущих в условиях других культур. Чаще всего, вырастая, дети эмигрантов начинают стыдиться своих несуразных, так и не сумевших до конца вписаться в новое общество родителей. Но и второе поколение эмигрантов, как показывают исследования, еще не может считаться «свободным» от культуры страны выхода, и дети, ради которых приносились такие жертвы, не могут ощущать себя стопроцентными американцами, немцами и т.д.

Согласно исследованиям, некоторые ценности, например **стоицизм** и **саморегуляция** (как помощь себе), возможно, более адаптивны, чем другие. По ценностям, преобладающим в ценностной системе мигранта, и по тому, характеризуют ли они минорные состояния или отражают способы, которыми можно справиться со стрессом, можно судить о том, как человек преодолевает собственное отчуждение в иной культуре. Русские эмигранты первой волны проявляли чудеса стоицизма. Американский журналист Хантингтон в своей книге так характеризовал русских эмигрантов: «Храбрость в неудаче. Многие из них, приученные к простой жизни в прошлом, проявляли теперь удивительное самообладание. В контакте с западной жизнью они стали более практичными и "определенными". Наиболее заметное русское достоинство — адаптируемость, и оно демонстрируется в огромном масштабе. Их иностранные друзья часто удивлялись, когда замечали, как русские встречали новые условия жизни в изгнании»[67].

Одна из наиболее интересных и, на наш взгляд, глубоких теорий, пытающихся объяснить механизм культурного шока, — теория *социальной поддержки*. Суть этой теории заключается в том, что поддержка со стороны других людей препятствует психическим расстройствам и обеспечивает психологический комфорт личности.

О важности развитой сети социальной поддержки для адаптации мигрантов к новой социально-культурной среде говорят многочисленные исследования, указывающие на связь размера или численности этнической группы, в которую входит мигрант, находящийся в иноэтничной среде.

Австралийский психолог Д.Краус выявил высокозначимую негативную корреляцию между ростом шизофрении и размером определенных групп мигрантов. Эта связь говорит о том, что если индивид изолирован в новом культурном окружении, психические нарушения у него могут расти драматически и необратимо. Дж.Махлин, используя американскую перепись 1970 года и данные о госпитализации в психиатрических лечебницах людей, рожденных в Ирландии, Германии, Польше, Австрии, Венгрии, России и Италии, проверял гипотезу об обратной связи между плотностью этнической группы в обществе и степенью психических заболеваний в группе. Его результаты также строго подтверждают эту гипотезу в первом и втором поколениях ирландцев, немцев, поляков, австрийцев, итальянцев и **русских**. Связи с соотечественниками являются для мигрантов, прибывших на постоянное жительство, более важными и тщательно сохраняемыми, чем для кратковременно пребывающих в иной культуре[68].

Для русских беженцев первой волны связь с соотечественниками была жизненно важной, недаром они предпочитали селиться колониями. Так, Хантингтон в ряду психологических качеств русских беженцев отмечал, что они с большим трудом переносили «одиночество и увеличенную ностальгию» вдали от своей родины и близких[69].

Согласно статистике, 82% самоубийств в условиях эмиграции совершаются «одиночками». Им труднее без социальной поддержки близких людей защитить себя от разрушения. Среди мужчин число самоубийств в четыре раза выше, чем среди женщин. Объясняется это несколькими причинами: во-первых, инстинкт сохранения и продолжения рода, а также инстинкт самосохранения у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Во-вторых, женщины в меньшей степени подвержены действию длительного эмоционального напряжения, так как они постоянно снимают его за счет общения с подругами, знакомыми, детьми. В-третьих, у женщин реже разрушается система жизненных ценностей и происходит утрата смысла жизни, так как многие из них видят свое назначение в решении конкретных, неотложных, «земных» задач: приготовление обеда, уборка дома, воспитание детей и так далее. Наконец, в силу физиологических особенностей организм женщины успешнее справляется с «адреналиновыми бурями» в крови, чем организм мужчины[70].

Обычно на эмиграцию решаются именно семьи: процентное соотношение российских семейных эмигрантов и «одиночек» в США, Канаде, Израиле, ЮАР — 5:1, в Германии же доля семейных эмигрантов составляет 85%. Это объясняется не только зрелым возрастом

эмигрантов, но и той психологической поддержкой, которую может обеспечить семья. Немногие люди уверены, что найдут себе на чужбине близкого, понимающего партнера, поэтому по результатам социологических исследований в Москве и Санкт-Петербурге 92% потенциальных эмигрантов считали, что в эмиграцию следует уезжать со своим партнером, которого знаешь, к которому привык.

Однако нередко семьи эмигрантов на чужбине подстерегает развод. Согласно исследованиям Н.Фрейкман-Хрусталевой, многие семьи русских эмигрантов в Германии начинают разводиться на 3—4-й год эмиграции, когда пережит уже самый острый период адаптации, когда люди начинают потихоньку приходить в себя, ориентироваться в документах, счетах, магазинах, дорогах, машинах, начинают обживать свои новые квартиры и дома. Казалось бы, забрезжила нормальная человеческая жизнь (о которой так мечталось на неустроенной родине), можно немного расслабиться после напряженного вживания в чужое и незнакомое. Однако именно в этот период начинают рушиться некоторые семьи. Это отчасти напоминает ситуацию, когда, выдержав войну, люди не выдерживали испытания мирного времени.

В первую очередь начинают распадаться те семьи, которые никак не могли решить проблему развода у себя дома. На втором месте молодые семьи (до 27 лет), у которых нет опыта семейной жизни. Внешняя сторона западной жизни часто рисует в их воображении заманчивые перспективы и возможности, которым, по их мнению, не соответствует их партнер. Далее следуют семьи, в которых конфликты достигают критического уровня из-за профессиональной и социальной неустроенности эмигрантов. Чаще всего речь идет о мужчинах, которые, имея на родине высокий социальный, профессиональный или материальный статус, привыкли считать себя значимой личностью. Потеряв же всякую надежду найти себя здесь, почувствовав свою беспомощность и бессмысленность существования, они теряют вкус к жизни вообще, становятся раздражительными, подозрительными, агрессивными, постоянно срываются на жену и детей, что приводит в конечном итоге к разрыву отношений. На четвертом месте стоят семьи, где один из супругов имеет возможность уйти в благоустроенную, благополучную жизнь, не пережив со своим партнером мучений неустроенного эмигрантского быта. Как правило, это женщины, которые принимают знаки внимания и предложения о совместной жизни со стороны немцев или хорошо устроенных соотечественников. Наконец, достаточно большое количество разводов связано с фиктивными браками, в которых муж или жена изначально использовались как «средство передвижения»

за границу. Если фиктивность такого брака осознавалась лишь одним из супругов, второй несет все моральные и психологические издержки развода. Таким образом, эмиграция становится серьезным испытанием любви и человеческих отношений[71].

С начала 90-х годов более предпочитаемой и адекватной моделью изучения психологической адаптации мигрантов (по сравнению с господствовавшей в 70—80-х годах нашего века моделью культурного шока), считается так называемый стресс аккультурации. Аккультурация означает феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп[72].

Согласно теории аккультурации, разработанной Дж.Берри, этот процесс связан с двумя основными проблемами: **поддержание культуры** (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и **участие в межкультурных контактах** (в какой степени следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»). В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации: *ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.*

Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этноса, к которому принадлежит. ***Сепарация*** означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности. Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, то результатом является этнокультурная ***маргинализация***. Это может быть следствием отсутствия возможности (или интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации). ***Интеграция*** характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами.

Русские беженцы первой волны адаптировались в странах своего пристанища чаще всего по типу сепарации, то есть изоляции от местного общества. Это означает, что сохранение своих культурных ценностей ставилось ими превыше всего. Так, в столице Франции в 20-е годы образовался своего рода русский городок, жители которого «могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавчонках и там

узнавали интересовавшие их новости; закусывали они в русских ресторанах и дешевых столовых, посылали детей в русские школы; по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады или участвовать в собраниях всевозможных обществ и объединений В эти годы в Париже было более трехсот организаций. Все эти общества устраивали заседания, обеды, «чашки чая», служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи — институтками, скромные служащие — сенаторами или прокурорами»[73]. Так же жили и русские казаки во Франции, которые часто создавали поселения — казачьи станицы, где вели изолированную от остального общества жизнь по традициям и законам, укоренившимся в их среде еще на родине. В таких изолированных русских поселениях создавалась своя собственная культурная среда, в очень малой степени подверженная влияниям извне. Строились православные церкви, русские школы, как общеобразовательные, так и церковно-приходские, создавались своего рода музеи боевой славы, где хранились полковые знамена и другие военные реликвии[74].

Как мы видим, русские беженцы везде, где селились, воссоздавали вокруг себя свою малую Россию, вовне ли, внутри ли себя, Россию, без которой они не могли жить. М.Раев пишет об изолированности и одиночестве тех россиян, которые оседали во французской провинции. Многие из них «потеряли свои семьи либо в России, либо на пути в изгнание. Эти люди по-прежнему хранили верность своим родным и друзьям. Они трудно заводили новые связи, особенно потому, что продолжали надеяться на скорое возвращение домой. Эта обособленность была особенно сильной среди мужчин, которые работали в провинции, жили в бараках и общежитиях, подрывали свои силы непривычным физическим трудом и не имели больших возможностей для установления контактов, не говоря уже о более тесных связях с местным населением. Они стремились поддерживать в себе чувство общности, основанное на единстве прошлого и судьбы, что само по себе исключало серьезные попытки к интеграции»[75].

Однако, несмотря на желание изолироваться от других культур, русские эмигранты первой волны иногда вынуждались и к ассимиляции. Большую часть русских эмигрантов составляли холостые мужчины трудоспособного возраста, что неизбежно влекло за собой появление смешанных браков. Этому явлению способствовал также живой интерес к российским беженцам во французском обществе и «русская мода», буквально захлестнувшая Париж 20-х годов. Менее

чем за 12 лет (с 1920 по 1931 год) в законный брак с французскими женщинами вступили 5239 российских мужчин. За этот же период лишь 786 россиянок вышли замуж за французов. Рост количества смешанных браков российских беженцев являлся косвенным подтверждением достаточно успешного процесса их интеграции во французское общество[76].

В более ранних исследованиях считалось, что ассимиляция с доминирующей культурой — лучший вариант культурной адаптации. Современный взгляд на данную проблему — что более успешной стратегией является интеграция. При этом этническая сохранность (сохранение этнической идентичности), долгое время рассматриваемая как помеха на пути адаптации, на самом деле может играть позитивную роль по уменьшению культурного шока и поддержанию позитивной идентичности.

Здесь мы касаемся очень важной проблемы: насколько русские эмигранты стремятся остаться русскими в иной культурной среде или они хотят забыть все, что связано с Россией, как страшный сон? Опыт первой волны показывает, что культурная соотнесенность себя с Россией была центром их духовной и психологической жизни, это было самое ценное для них, сердцевина их «я», и основной способ их адаптации может быть соотнесен с сепарацией, но никак не с ассимиляцией. В последующих волнах спектр выбора стратегии аккультурации был гораздо шире. Так, среди представителей четвертой волны довольно много тех, кто старался быть «американистее» американцев, то есть зачеркивал весь свой опыт жизни в СССР как негодный, неудачный и стремился начать жизнь с «белого листа». При этом они понимают, что им самим вряд ли удастся стать стопроцентными американцами или немцами, но они стараются, чтобы этого достигли хотя бы их дети. К сожалению, это не самый удачный путь по двум причинам: первая — это то, что этническая, культурная идентичность — важная часть ядра человеческой личности, в ней заключены базовые ценности, нормы, так называемая этническая картина мира, которая формировалась у человека на протяжении всей его жизни (и особенно важного периода — детства), это незримый стержень, на который потом нанизывались другие, более зрелые представления, и если его выдернуть, есть опасность, что все остальное просто посыплется, что чревато тяжелыми психическими расстройствами. Вторая причина — это то, что в индивидуалистических культурах Запада ничто так не ценится, как человеческая уникальность, непохожесть на других, поэтому лишать себя тех отличий, которые дает этническая культура, — обеднять свой мир и проигрывать в конкуренции уникальностей.

11 Заказ2370

Самые умные из наших бывших соотечественников это поняли и довольно успешно используют свою такую прежде нелепую и непрактичную «русскость» в сугубо прагматичных целях.

Довольно многие эмигранты третьей и четвертой волн из СССР адаптируются в других странах также по типу сепарации, то есть стремятся сохранить культуру страны выхода (СССР, России) и отрицают культуру доминирующего общества. Особенно это характерно для русскоязычных евреев, которые несут пестрый культурный конгломерат последних лет СССР везде, куда они прибывают, рождая и там немыслимые этнокультурные анклавы типа Брайтон-Бич. На одном из конгрессов по кросс-культурной психологии мне жаловались израильские коллеги на то, что алия из СССР оказалась чрезвычайно неподатливой и трудной для аккультурации: «Во-первых, они убеждены, что приехали из более развитой культуры, более европейской и более духовной (а почему бы и нет. —*Н.Л.*), поэтому они нехотя учат язык и постигают иудаизм. При этом они очень активно распространяют свою, видимо, все-таки русскую культуру: когда их дети пошли в израильскую армию и через два года армия Израиля запела русские и советские строевые песни типа «Прощания славянки» или «Не плачь, девчонка!» на иврите, мы по-настоящему испугались: кто здесь кого ассимилирует?!» В дальнейшем наших соотечественников — эмигрантов из СССР мои коллеги-психологи в Израиле очень жестко классифицировали как эмигрирующих не по духовным мотивам (как, например, эфиопские евреи), а как презренных материалистов (у евреев, как и у многих ортодоксальных русских патриотов, любовь к родине замешана на ревности). Мне же, не скрою, было приятно ощущать, что евреи из СССР гордятся своей русской культурной доминантой.

В 1994—1996 годах нам довелось заниматься исследованием аккультурации русских жителей ближнего зарубежья[77]. Следует отметить, что в случае с русскими жителями новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, мы имеем довольно сложную картину.

1. Отсутствие самого факта иммиграции в иную культуру и осознания этого факта. Русские (и русскоязычные) жители ныне независимых государств свободно перемещались в пределах бывшего СССР как единой страны, внутренние культурные границы в которой были достаточно размыты, а статус русского языка как государственного обеспечивал русскоязычным гражданам определенные преимущества в социальной мобильности в любом национально-государственном образовании на территории бывшего СССР.

2. Слабо выраженное осознание своей этнической (культурной,

конфессиональной) принадлежности. Господствовавшая в сфере межнациональных отношений государственная идеология интернационализма была нацелена на стирание всяческих национальных отличий, и в первую очередь это коснулось русских (у которых и без этого этническая доминанта не так сильно выражена). Это привело к явлению, которое русский философ XX века И.Ильин называл «национальным обезличением».

3. Распад СССР и образование национальных государств с довольно выраженной идеологией этнократического развития явились внезапными событиями, адаптация к которым носила вынужденный и сжатый по времени характер. Из общей теории психологической аккультурации известно, что вынужденная кратковременная адаптация часто имеет разрушительный характер и негативные последствия[78]. В нашем случае ситуация усугубляется фактом предыдущего длительного «национального обезличения», в результате которого русским в бывших республиках СССР предстояло проделать трудную духовную работу национально-культурного самоопределения, чтобы начать решать для себя проблему аккультурации в иной культуре. Необходимо отметить также, что «фон» аккультурации не был неизменным, так как представители «титульных» этносов также занимались напряженным процессом национально-культурного самоопределения и строительством национальной государственности.

Таким образом, русские жители бывших республик бывшего СССР, ныне жители независимых государств, оказались внезапно и не по своей воле нежелательными иммигрантами в иных государствах, которые в течение сжатого времени приобрели ярко выраженную этнокультурную определенность и предъявили жесткие требования к аккультурации иноэтничных жителей.

При исследовании психологических особенностей аккультурации русских в ближнем зарубежье был выявлен психологический феномен, получивший название «синдром навязанной этничности». Этот феномен означает, что этническая принадлежность человека против его собственной воли и желания становится чересчур значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест.

Вышеуказанный «синдром навязанной этничности» характеризуется тесной корреляцией между:

а) ростом этнических маркеров в самоидентификации («я — русский»);

б) ростом так называемых этнических ценностей («оставаться русским», «жить среди русских»);

в) ростом негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью (стыд, вина, ущемленность, униженность);

д) негативными стереотипами «титульных» этносов;

е) увеличением культурной дистанции с «титульным» этносом;

ж) установкой на миграцию.

В этих условиях наблюдаются две основные стратегии поведения: первая — миграция в Россию, которая точно соответствует сформировавшимся под влиянием «синдрома навязанной этничности» установкам (как сказал русский из Казахстана по возвращении в Россию: «Я устал постоянно помнить о том, что я — русский»), и вторая, противоречащая данным установкам, — остаться в республике и формировать социальные институты новой русской диаспоры.

В том и другом случае «синдром навязанной этничности» является стимулятором внутренней психологической работы по восстановлению позитивной этнической идентичности и преодолению «национального обезличения», приводя к осознанию необходимости этнической консолидации как посредством миграции в Россию, так и посредством строительства институтов русской диаспоры. Характерно, что обе поведенческие стратегии, как миграция в Россию, так и построение диаспоры, на психологическом уровне приводят к восстановлению позитивной этнической идентичности и этнической толерантности.

Следует сказать, что наличие позитивной этнической идентичности (гордость от сознания своей принадлежности к данному этносу или культуре) — условие существования данной культуры в мире. Не будет этого в нас — и наша культура умрет. Поразительно, как иногда через боль, отвержение, презрение к нам мы начинаем задумываться о том, кто мы в мире, зачем мы здесь, и начинаем искать свое предназначение. Иногда страдание — единственный способ свернуть нас с окольного пути.

2.2.4. Адаптация русских переселенцев к иной природной среде. Понятие ностальгии

Очень важным аспектом аккультурации эмигрантов является адаптация к иной географической среде, то есть иной природе, климату, ландшафту. К сожалению, на сегодняшний день мы очень мало знаем о реальных психологических связях этноса со своей природной территорией, хотя известно, что она определяющим образом влияет на формирование хозяйственно-культурных типов этнических общностей, их духовной культуры и психического склада. На-

правление географического детерминизма, возникшее в XVIII веке, прямо выводило психические особенности людей из особенностей ландшафта и климата тех географических пространств, которые ими заселялись. Критика взглядов этого направления стала общим местом, и нет смысла задерживаться на ней.

Первыми на связь психологии восприятия среды с культурной принадлежностью обратили внимание социальные географы. «Поверхность земли видится каждой личностью исключительно через призму своей культуры. Каждый из нас — художник и архитектор ландшафта, созидающий порядок и организующий пространство, время, причинность в согласии с нашими восприятиями и склонностями»[79].

Я занималась изучением адаптации к иной географической среде проживания у групп русских старожилов (молокан, духоборцев) в Закавказье. Для ее исследования был разработан *метод ранжирования ландшафтов по степени субъективного предпочтения,* который впоследствии получил сокращенное название *метод этноландшафтов*[80].

Результаты исследования психологической адаптации этнической группы к иной природной среде показали, что:

1) существует тесная эмоционально-когнитивная связь этноса (этнической группы) с природной средой места выхода (места формирования данного этноса), на которую указывает наличие *бессознательного* субъективного предпочтения лесного ландшафта горным у русских переселенцев 4—6-го поколений. При этом многие из них никогда не бывали в Средней России и родным для себя считают горный ландшафт;

2) при длительном проживании в иной природной среде у переселенцев наблюдается определенная психологическая переориентация (на глубоком, психосемантическом уровне), медленная и охватывающая несколько поколений, сочетающая элементы *принятия* и *отчуждения* как *старой* природной среды (лесного ландшафта), так и *новой* (горного ландшафта).

Важно отметить, что подобной амбивалентности отношения к природной среде на психосемантическом уровне не наблюдалось у коренных жителей данного региона (армян и азербайджанцев). Это свидетельство глубоко укорененного в этническом сознании (на уровне подсознания!) русских переселенцев образа *своей* природной среды.

Когда я спрашивала своих друзей — эмигрантов четвертой волны, живущих в предместьях Вашингтона, по чему они более всего скучают здесь, они сказали мне: «По низкому серому небу. По

тонким березам и осинам под ним. Здесь все такое пышное, такое изобильное». Русская женщина, родом из Архангельска, живущая на берегу Средиземного моря в течение ряда лет, прекрасно натурализовавшаяся в местной культуре, по ее словам, «вытесняет пальмы» из сознания и ловит себя на мысли при взгляде на них: «А что я-то тут делаю?»

Тема связи этнокультурной принадлежности человека с природой, в которой он вырос, в которой сформировалось его «я», чрезвычайно сложна и мало изучена, ибо затрагивает глубинные неосознаваемые пласты личности и напрямую связана с известным и описанным многими состоянием, называемым ностальгией, или тоской по родине. **Ностальгия** — прежде всего тоска по чему-то необъяснимо родному, что вошло в твою плоть и кровь, срослось с твоей душой так, что отрезать это невозможно, не поранив души. Помните, у Цветаевой:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным,
Мне безразлично, на каком
Непонимаемой быть встречным!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

По словам Набокова, совсем юным покинувшего Петроград в 1917 году: «Тоска по родине. Она впиталась, эта тоска в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью». Набоков замечает, что, воображая Урал или Арал, он остается «холоден в патриотическом или ностальгическом смысле», как если бы он воспринимал красоты экзотических стран. «Но дайте мне, —

восклицает писатель, — на любом материке лес, поле и воздух, напоминающие петербургскую губернию, и тогда душа вся перевертывается»[81].

Тема ностальгии часто звучит в эмигрантской поэзии и прозе, в песнях, на страницах печати и в кинематографе. Совершенно актуально и в наше время звучит рассказ Тэффи «Ностальгия», написанный еще в 1920 году: «Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг ГАСНУТ. Тускнеют глаза, опускаются вялые руки, и вянет душа, душа, обращенная на Восток. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь. Вот мы — смертию смерть поправшие! Думаем только о том, что теперь ТАМ. Интересуемся только тем, что приходит ОТТУДА»[82].

Тема ностальгии не потеряла своей актуальности и для самой «свежей», четвертой волны эмиграции. По данным социологического обследования эмигрантов этой волны, выехавших из СССР в начале 90-х годов, на вопрос: «Мучает ли вас ностальгия?» — дали положительный ответ: в США — 72% опрошенных, в Израиле — 87%, в Канаде — 69%, в Германии — 19%. По мнению Н.Фрейкман-Хрусталевой, русские эмигранты в Германии меньше «болеют» ностальгией в силу ряда причин: географическая и культурная (общий европейский дом) близость, простота и дешевизна поездок на родину и общения с близкими по телефону, климатическое и природное сходство. Вот несколько выдержек из интервью с эмигрантами из России в Германии по проблеме ностальгии.

Наташа М. (43 года): «Я тоскую лишь по своим друзьям, дому, улице. Вряд ли можно это назвать ностальгией».

Лидия Г. (60 лет): «Постоянно ощущаю чувство утраты, разлуки, потери. Словно похоронила кого-то. Хочу домой».

Григорий Д. (38 лет): «Я живу на две страны. И живу полной жизнью. Тосковать мне некогда».

Игорь Д. (42 года): «Сейчас нужно активно жить, зарабатывать деньги, а там посмотрим. Домой уехать всегда можно».

Оксана Ш. (48 лет): «Ностальгия — это для слабых. Как можно тосковать по этой кошмарной стране? Я только здесь начала по-настоящему жить»[83].

Очевидно, что эти интервью брались в самый активный, первоначальный период эмиграции, когда эмигранты напряженно работают, стараясь вписаться в новое общество, занять в нем как можно более высокое положение, поэтому все мысли о прошлом вытесняются, уходят в подсознание, остаются только те, которые укрепля-

ют эмигранта в правильности сделанного выбора. Позволить себе роскошь отказаться от психологических защит могут лишь люди пенсионного возраста, для которых вопросы борьбы за статус в новом обществе не столь остры.

В общем, понятие ностальгии прежде всего связано с необратимостью отъезда. Когда этого чувства необратимости нет или есть возможность приездов на родину, то и проблема ностальгии становится менее значимой. Вот как ответил на вопрос о своей ностальгии известный исполнитель русских песен эмигрант Борис Рубашкин, равно близкий русской и болгарской культурам: «Русский человек на Западе трудно приживается, потому что ему долго вдалбливали: родина, родина. Для меня родина там, где я себя хорошо чувствую. Здесь (в Зальцбурге. — *Н.Л.*) мне хорошо — у меня все есть, я доволен своей жизнью. У меня много друзей. Когда я хочу отдохнуть, мы с женой едем в нашу "деревню" в Италии, 45 километров от Венеции. У меня там большая квартира: три спальни, огромный двойной балкон, из окна видно море. Я сейчас там часто лето провожу. Там переночуем и потом — во Флоренцию, в Рим. А ностальгия — это такая болезнь, которую можно вылечить в течение получаса, стоит только приехать в аэропорт Софии и выехать на улицу. Когда я вижу эту грязь, людей, которые роются в помойках, чтобы найти себе еду, ностальгия исчезает бесследно»[84].

Хорошо видно, как понятие ностальгии изменяется у разных поколений эмигрантов вслед за изменением для них понятия родины. Этот процесс столь же зависит от времени эмиграции, как и от личности самого эмигранта.

2.2.5. Изменение этнической идентичности русских эмигрантов и их потомков

В августе 1991 года в Санкт-Петербурге во время работы I Конгресса соотечественников мною проводилось эмпирическое психологическое исследование особенностей этнического самосознания русских эмигрантов первой и второй волн эмиграции и их потомков. Поскольку на конгресс приехали представители большинства русских диаспор, было запланировано выявление трансформаций этнического самосознания мигрантов в зависимости от поколения и страны проживания, а также изучение основных тенденций, характеризующих интерес Русского Зарубежья к современной России.

По своему составу 70% опрошенных нами — эмигранты и потомки эмигрантов первой волны эмиграции, из них 7% — мигранты первого поколения, 56% — мигранты второго поколения и 7% —

третьего. Представители второй волны эмиграции составили 24% от числа опрошенных (из них 19% — мигранты первого поколения). Эмигранты третьей волны составили 5% от общего числа респондентов. Состав эмигрантов по странам: 42% опрошенных — граждане США и Канады, 21% — граждане Австралии, 33% — жители Европы (Франции, Бельгии, Италии, ФРГ, Голландии, Великобритании, Швейцарии, ЧФР), 5% респондентов приехали из Южной Америки.

По уровню образования и профессиональному составу наша выборка распределяется следующим образом: 76% опрошенных — представители технической интеллигенции; 19% — представители гуманитарной интеллигенции, духовенство; 19% — бизнесмены; 14% — научные работники; 14% — деятели искусства (художники, артисты балета, музыканты и т.д.); 11% — служащие и средний технический персонал; 5% — домохозяйки, 2% — фермеры. В большинстве случаев это люди среднего возраста (45—65 лет). Сам факт преобладания данной возрастной категории среди эмигрантов, приехавших на конгресс, представляется далеко не случайным, поскольку именно для людей, за чьими плечами большой жизненный опыт, характерно в большей степени стремление задумываться о своих национальных корнях, эмоционально идентифицироваться с родиной своих предков. Интересно, что довольно многие из них привезли на конгресс своих детей.

Для того чтобы выявить основные тенденции изменения этнической идентичности мигрантов разных поколений, нам были необходимы некие эмпирические показатели: самовосприятие мигранта, его отношение к стране выхода (к России), его отношение к стране эмиграции.

Вопросы на эти темы в разных вариантах присутствовали в нашей анкете, и здесь мы приводим частичный анализ ответов на них. На первый вопрос анкеты: «Кем Вы себя осознаете?» — ответы распределились следующим образом:

а) граждане определенной страны русского происхождения (56%);

б) просто русские люди (37%);

в) русские на чужбине, эмигранты или потомки русских эмигрантов (31%).

В первом типе, самом многочисленном, на первый план выходит соотнесенность себя с той страной, в которой данный человек проживает, на второй — характеристика этничности. Вторая категория самовосприятия — «просто русские» — характеризуется тем, что на первый план выходит этническая принадлежность без прямой отнесенности к стране проживания или России. У представителей третьей

категории («русские на чужбине», «эмигранты» или «потомки эмигрантов») на первый план выходит восприятие себя как «чужого» в стране проживания и подспудная ориентация на Россию как подлинную (и единственную) родину, возможно, не столько реальную, сколько мифологизированную и идеализированную. Интересно, что представители первого поколения эмигрантов примерно поровну распределены по данным трем типам самовосприятия, в то время как представители второго поколения явно тяготеют к двум первым категориям: граждане определенной страны русского происхождения и «просто русские люди». Они практически не ощущают себя «русскими на чужбине» или «эмигрантами» — адаптировались.

При ответе на второй вопрос анкеты: «Что значит для Вас быть русским?» — наиболее значимыми оказались следующие варианты ответов: родиться в русской семье (21%); говорить на русском языке (19%); воспринимать себя русским (17%); жить русской культурой (12%); исповедовать православие (12%). Наименее значимым оказался пункт «поддерживать связь с Россией» — никто из опрошенных не поставил его на первое место. Основываясь на данном факте, можно выдвинуть гипотезу, что для сохранения этнической идентичности наличие непосредственных контактов с родиной предков не является первостепенным фактором или по крайней мере не осознается таковым русскими эмигрантами и их потомками.

Таким образом, анализ ответов на первые два вопроса наводит на мысль, что реальная Россия, какая она есть, Россия как факт почти не присутствует в сознании русских эмигрантов и их потомков, их этническая идентичность базируется на иной России, идеальной, внутренней, и, по всей видимости, для каждого своей, в чем-то отличной.

Что же влекло их в Россию реальную? Какие чувства и мотивы руководили принятием решения о приезде на Конгресс соотечественников? 25% опрошенных отметили как самое значимое радость близкого свидания с Родиной, 23% — интерес к происходящим в СССР переменам, 21% — желание побывать на родине предков, 7% — чувство патриотического долга.

Таким образом, именно то, что отсутствовало в их этнической самоидентификации, а именно сама Россия, реальная, такая, как есть, влекла их в эту поездку. Эта встреча должна была, по-видимому, сыграть какую-то важную роль в невидимом процессе внутреннего духовного развития, самоощущения, ответить на какие-то важные и, возможно, неосознаваемые вопросы, заполнить определенный вакуум в их этническом самосознании, который заполнить может только Россия.

Как же ощущали себя в России во время данного визита потомки русских эмигрантов? Этому был посвящен четвертый вопрос анкеты: респондентам предлагалось выбрать на семибалльной шкале между двумя полюсами — «я чувствую себя дома» (7) и «я не чувствую себя дома» (1) — точку, отражающую их самоощущение в России. Ответы большинства сместились в положительный отрезок шкалы: от «не знаю, не уверен» до «я чувствую себя дома совершенно» — 89% опрошенных. В этом же вопросе была и вторая часть, построенная по тому же принципу: шкала с полюсами: «я мог бы здесь жить» и «я не хотел бы здесь жить». Ответы на этот вопрос распределились следующим образом: треть респондентов (32%) выбрали «я не хотел бы здесь жить»; 28% выбрали нейтральную позицию «не знаю, не уверен, что мог бы здесь жить»; 39% склонились в сторону положительного выбора: «я мог бы здесь жить».

Интересно, что русские американцы больше чувствуют себя в России дома, чем австралийцы русского происхождения, у русских, живущих в Европе, пик ответов приходится на «не знаю, не уверен». Не вызывает удивления тот факт, что положительные ответы на это вопрос дали в основном эмигранты первого поколения, то есть они чувствуют себя здесь дома и могли бы здесь жить. Эмигранты второго поколения уже довольно значительно отличаются от них: если с «чувством дома» у них наблюдается небольшой крен в сторону положительного ответа (сказывается воспитание в русской семье), то жить здесь они скорее не хотели бы.

На вопрос анкеты: «Чем для Вас является Россия?» — в основном было получено два варианта ответов:

— исторической родиной моих предков — 58%;

— моей настоящей родиной — 42% .

Далее ответы распределились таким образом:

— неким культурно-философским символом — 5%;

— особой страной с очень яркой, своеобразной личностью — 5%;

— тем местом, где мои предки и мой народ не имели и не имеют равноправия — 2 %;

— страной, близкой моему сердцу, — 2%.

Выбор между исторической родиной предков и настоящей родиной — ключевой в этом вопросе, и многие важные особенности этнического самосознания русских эмигрантов и их потомков четко различались в зависимости от того, чем для них является Россия.

Разумеется, среди мигрантов первого поколения примерно в два раза больше тех, для кого Россия — настоящая родина, среди мигрантов второго поколения обратное соотношение: примерно в два раза больше тех, для кого Россия — историческая родина их пред-

ков. Данное явление вполне закономерно. Если сравнить ответы представителей разных диаспор, то среди русских, проживающих в Европе, примерно поровну тех, для кого Россия — историческая родина их предков, и тех, для кого Россия — их настоящая родина; в то время как среди американских и австралийских русских вдвое больше тех, для кого Россия — историческая родина их предков.

Ответы на вопрос: «Случалось ли Вам общаться с русскими из СССР?» — распределились таким образом: да — 95%, нет — 5%. Какими же видят нас наши соотечественники за рубежом? В стереотипе русских из СССР на первое место выступают психологические черты, при этом чаще всего негативные, а именно алчность, грубость, забитость, недостаток патриотизма, нечестность, аморальность, недостаток достоинства и т.д. (57% опрошенных). Позитивные психологические черты — гостеприимство, теплоту, доброту, отзывчивость, сердечность, душевные запросы и т.д., отмечают 38% респондентов. Такую характеристику, как «непонимание западного образа жизни, иллюзия совершенства капитализма», на первое место поставили 7% опрошенных.

Следующий вопрос анкеты звучал так: «Чем для Вас является страна, в которой Вы живете?» — «Родиной, домом» — считают ее 37% опрошенных русских эмигрантов, «второй родиной», своим «вторым домом» — 26%, «страной эмиграции» — 27% респондентов. Очень интересными и важными кажутся нам некоторые индивидуальные характеристики, которые нам хочется здесь привести:

«Раем, если бы России вдруг не стало. Но Россия есть...»

«Удобной, чистой, хорошо организованной, но чужой страной...»

«Это место, где я приняла мое первое в жизни подданство и перестала считать себя ненужной и отброшенной».

Многие ответы поражают удивительным благородством души, сыновней благодарностью той земле, которая приютила их предков и их самих, стала их второй родиной, их теперешним домом. Вместе с тем во многих ответах проступает хоть и давно заживший, но не исчезнувший рубец разлуки с Россией, которая есть, и тем, что она есть, и влечет, и мучит. По-видимому, есть некая незримая, неосознаваемая, но живая и реальная связь души русского человека с русской землей, как бы она ни умалялась и ни вытеснялась в подсознание.

Один из вопросов анкеты спрашивал: исходя из Вашего личного опыта, среди людей какой национальности Вы ощущали себя:

а) наименее чужим? Среди русских (47%); американцев (27%); англичан, французов, испанцев, итальянцев (то есть жителей Европы —18%), чехов, поляков, сербов, болгар (12% опрошенных).

б) наиболее чужим? Среди китайцев, японцев (16%); европейцев (особенно немцев — 30%), представителей черной и желтой рас (9%).

Здесь необходимо отметить, что труднее всего адаптироваться русским в странах Западной Европы, где сильнее выражены этнические пласты культуры, традиции обладают большей давностью и прочностью, сильнее давление к ассимиляции, вследствие чего необходимо большее сопротивление ей, дабы сохранить национальную и культурную самобытность, что находит отражение на уровне группового сознания в тенденции отдаления (чисто психологического) от культуры доминирующего этноса данной страны в сознании эмигрантов.

Что же, по мнению русских эмигрантов, они заимствовали от жителей тех стран, в которых они проживают? Больше всего ответов типа «ничего не заимствовали» — 23% (русские за рубежом, являясь наследниками великой русской культуры, по праву гордятся ею, и у них есть что противопоставить сильному инокультурному влиянию, что хорошо осознается самими респондентами); 19% считают, что они заимствовали язык, традиции, культуру жителей тех стран, которые стали их второй родиной; 19% — материализм, интерес к деньгам. Далее идут заимствования в психологических качествах: деловитость, энергичность — 16%, терпимость —12%, трудолюбие — 9%. Большинство указанных заимствований — положительные, негативно оцениваемых заимствований немного, и они сводятся к одиночным высказываниям типа «больше плохого, чем хорошего», «погоню за деньгами», «засорили язык», «суету, стремление облегчить себе жизнь» и т.д.

Далее, мы спрашивали: «Как Вам кажется, жители данной страны, находящиеся в общении с русскими, переняли что-нибудь от них? Если да, то укажите, что именно». На первое место вышли заимствования в материальной (стиль домов, элементы русской кухни, торговля, кредит) и духовной (православная вера, любовь к русской музыке, искусству) культурах — 41%. На второе место вышли заимствования в психологических качествах: трудолюбие, теплоту души, жизнерадостность, вежливость — 23%.

На вопрос: «Какие особенности национального характера русских вызывают в Вас чувство гордости, а какие — чувство стыда?» — мы получили следующие ответы.

Гордость вызывают:

— ум, талант, мудрость, образованность — 40% опрошенных,

— русские наука, искусство, культура — 26%,

— психологические качества: сердечность, душевность — 21%;

— гостеприимство — 14%.

Стыд, в свою очередь, вызывают следующие качества:

— пьянство, халатность, лень, хвастовство —26%;

— легковерие, нерешительность, униженность — 23%.

Несомненно, что последние качества прежде всего адресуются русским, живущим в России. Здесь уместно привести индивидуальные ответы: «неумение поставить страну на ноги без помощи иностранцев», «нерешимость бороться с тоталитарной властью», «лень и безмятежность позволять то, что произошло при правлении коммунистов», «порабощение народа правительством» и др.

С чего же, по мнению наших соотечественников за рубежом, должно начаться возрождение России? Подавляющее большинство (49%) считают, что с ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (причем у 26% опрошенных это единственный ответ); с экономических преобразований — по мнению 11% опрошенных; с политических реформ — по мнению 7% наших респондентов.

Данный взгляд «со стороны» (хотя и не совсем со стороны), который мы также считаем единственно верным, показывает, что больше всего удручает наших соотечественников духовно-нравственное падение русского народа за годы тоталитаризма. Именно в нем (порожденном богоборческой властью) видят наши соотечественники корень всех других зол, бедствий и страданий, выпавших на долю русских людей в нашем отечестве.

Следующие вопросы анкеты касаются этнического самосознания детей и внуков наших опрошенных: кем, по их мнению, воспринимают себя их дети и внуки? 28% опрошенных считают, что их дети воспринимают себя русскими; 54% считают, что они имеют «двойное» самосознание: воспринимают себя, к примеру, русскими американцами или русскими австралийцами и т.д.; 16% считают, что их дети — американцы, французы, канадцы и т.д. (но при этом — «с большой симпатией к России»).

Интересны здесь индивидуальные ответы, ряд из которых мы приводим: «русскими, но влияют иностранные жены», «знают — русские, а чувствуют как американцы», «75% — русские, 25% — граждане мира», «дети — русские, внуки — австралийцы».

Как видим, с каждым новым поколением происходят значительные изменения в этническом самосознании потомков русских эмигрантов в сторону уменьшения «русскости», что хоть и грустно (для самих родителей), но вполне закономерно. Косвенным подтверждением этому являются и ответы на вопрос о том, на каком языке общаются русские эмигранты в семье: на русском — 47% опрошенных, на иностранном — 21%; с друзьями: на русском — 23%, на иностранном — 30%; на работе: на русском — 2%, на

иностранном — 96%. Как видим, русский язык неуклонно уходит даже из семейного и дружеского общения, хотя семья по-прежнему остается главным оплотом и хранителем русского языка.

Одной из целей нашего исследования было проследить изменения этнической идентичности у русских эмигрантов и их потомков. Для наглядности сведем различия между первым (представители первой и второй волн русской эмиграции) и вторым (представители первой волны) поколениями в небольшую таблицу.

Показатели	1 поколение	2 поколение
Самовосприятие:		
Я — гражданин русского происхождения	41%	30%
Я — русский на чужбине	52%	8%
Отношение к России:		
Россия — моя настоящая родина	65%	35%
Россия — историческая родина моих предков	35%	65%
Я чувствую себя здесь как дома	90%	40%
Я мог бы здесь жить	80%	
Я не хотел бы здесь жить		40%
Отношение к стране эмиграции:		
Это — моя родина	30%	37%
Это моя вторая родина	40%	23%
Общение в диаспоре:		
Частое	54%	33%
Редкое	15%	33%
Самосознание детей:		
Воспринимают себя русскими	44%	16%
Они — иностранцы (французы и т.д)	6%	16%
У них «двойное самосознание»	50%	68%
Общение на русском языке:		
В семье	70%	40%
С друзьями	33%	23%

Итак, трансформация этнической идентичности, на наш взгляд, является важнейшим психологическим показателем процесса аккультурации. Не вызывает сомнения тот факт, что на когнитивном и поведенческом уровнях практически все русские эмигранты, особенно второго и третьего поколения, прекрасно владеют социальными навыками культуры страны эмиграции. Однако именно внутренний, скрытый и часто даже неосознаваемый процесс изменения этнической идентичности — вот главный и важнейший показатель психологической адаптации мигранта в другой культуре.

Трудный процесс изменения этнической идентичности падает в основном на первое и второе поколения мигрантов. Согласно литературным данным, третье поколение эмигрантов на новом витке испытывает особый интерес к своим этническим корням, что говорит о том, что для полноценного существования личности необходимо знать и помнить, «откуда она родом».

2.2.6. О российской диаспоре

Социальная поддержка, в первостепенной важности которой для жизни эмигрантов за рубежом мы уже убедились, может исходить не только от семьи, но и от соотечественников, то есть от диаспоры. Многие спорят, существует ли само явление русской или российской диаспоры (эти два понятия не равнозначны, но для удобства рассмотрения здесь мы не будем вдаваться в их различия).

В своей статье «Исторический феномен диаспоры» В.А. Тишков приводит несколько пониманий самого явления диаспоры. Если взять за основу такое понимание: «Диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого “изначального” центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы», то в таком понимании российская диаспора существует.

Однако в характеристики диаспоры автор включает: а) наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о «первичной родине» («отечестве» и пр.), которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев; б) романтическую (ностальгическую) веру в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда представители диаспоры или их потомки должны рано или поздно возвратиться; в) убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности. На основании этих характеристик В.А. Тишков предлагает несколько иное понимание: «Диаспора — это культурно отличительная общность на

основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность»[85].

В таком понимании о русской диаспоре можно говорить лишь в применении к первой и, возможно, ко второй волнам эмиграции. Каждая волна представляла собой отдельный сегмент, и волны русской эмиграции редко перемешивались между собой, поэтому говорить о коллективной связи и групповой солидарности довольно сложно. Часто между волнами русской эмиграции существовали самая настоящая вражда и взаимное отторжение. На мой взгляд, это происходило от разного понимания родины, которую одни из них вынужденно и с горечью, а другие — добровольно и с радостью покинули. Разные у них были родины, и разные это русские диаспоры. Хотя эти различия и не фатальны. Так, например, мои друзья — эмигранты четвертой волны в США — были поддержаны и обласканы эмигранткой первой волны.

Замечательным примером союза и взаимопонимания представителей разных волн эмиграции может служить история жизни и любви двух замечательных людей: Анны Юрьевны Марли и Юрия Александровича Смирнова. История людей, оказавшихся в эмиграции совершенно разными путями, но тем не менее нашедших себя и свое счастье! Анна Марли, урожденная Бетулинская, родилась в Петрограде, ребенком после революции была вывезена во Францию, где выросла на Французской Ривьере. Анна Юрьевна происходит из старинной дворянской семьи, в геральдическом древе которой много именитых людей, в том числе М.Ю. Лермонтов, А.П. Столыпин, атаман Платов, Н.А. Бердяев — ее дядя. В 19 лет Анна стала самым молодым членом Французского общества писателей и композиторов, начала давать свои концерты. В годы Второй мировой войны она написала песню «Марш партизан», ставшую гимном французского Сопротивления, а впоследствии «вторым национальным гимном Франции». Анна Марли является почетным гражданином Парижа, Кавалером ордена Почетного легиона. Сейчас Анна Юрьевна проживает в США, недалеко от Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, и выбор ее настоящего места проживания глубоко символичен, так как она сохранила в своем сердце достойные подражания любовь к России и ее знание.

У Юрия Александровича Смирнова (1914—2000) другая судьба и биография. Инженер-металлург, окончил Технологический ин-

12 Заказ 2370

ститут в Ленинграде, где был самым молодым профессором. Первый научный труд — «Автоматизация литейного производства» — вышел еще в довоенные годы. Пережил блокаду Ленинграда, впоследствии вместе с институтом был эвакуирован на Кавказ. Оттуда выехал к родственникам в Польшу и далее в Париж, где с помощью русских эмигрантов смог получить визу в Бразилию. В Бразилии работал по специальности — инженером-металлургом. Стоял у истоков создания металлургической промышленности Бразилии, Аргентины, Чили, руководил крупнейшими металлургическими заводами и концернами. Защитил докторскую диссертацию на металлургическом факультете Высшей технической школы в Аахене, Германия.

Встреча и знакомство Анны Юрьевны и Юрия Александровича состоялись в Бразилии, куда Анна Марли приезжала на гастроли. И больше они уже не расставались, прожив в мире и любви более пятидесяти лет.

Однако мы имеем и множество примеров взаимной неприязни и отторжения эмигрантами разных волн. Как пишет М.Соколов в журнале «Огонек»: «Уже в конце 40-х годов стали существовать два лагеря отечественной эмиграции, при общности судеб российской и советской эмиграции, порожденных Гражданской и Второй мировой войнами, обе имели свои особенности жизненного пути. Прежде всего это различие в социальном происхождении и прежнем, до эмиграции, социальном положении. Эмигранты первой волны в подавляющем большинстве своем представляли слои аристократов, дворян, сановных чиновников, буржуазии, элитной интеллигенции, офицерства. Все они относились к привилегированному обществу. Их привычная сфера обитания в прошлом — буржуазно-дворянский строй России с его политической и социальной структурой, экономическим укладом и морально-психологическим климатом. Поэтому российской эмиграции Запад не был новым миром. Отчасти эти факторы и обстоятельства упрощали и ускоряли адаптационный процесс.

Для советских людей, проживавших в СССР более двадцати лет, где были установлены так называемая общенародная собственность на все и вся, уравниловка в доходах и быте, западный мир был непривычен и в чем-то чужд. Для них психологическая адаптация к новым условиям жизнедеятельности была длительнее и порой болезненнее, чем для первой эмиграции.

Заметная разница ощущалась и в культурном уровне обеих волн эмиграции. Большая часть российских эмигрантов — это интеллигентные люди, среди которых было немало ученых, писателей, де-

ятелей культуры с мировыми именами. Вторая волна эмиграции — это люди с начальным, неполным средним образованием, сравнительно незначительная часть из них имели высшее образование. Кроме того, следует учитывать, что советские граждане воспитывались в недрах "пролетарской" культуры, которая была для них духовным очагом. Такая морально-психологическая несовместимость российской и советской эмиграции на долгие годы тормозила сближение этих двух волн эмиграции.

Существовала и вторая несовместимость российских и советских эмигрантов — идеологическая. Для большинства представителей первой эмиграции святыми оставались понятия "Бог", "Царь" и "Отечество". В их памяти сохранялась трагедия Гражданской войны. Советские эмигранты, хотя и были противниками сталинского режима, признавали социализм без большевиков, равенство в доходах и уровне жизни, отмену "частной собственности на орудия и средства производства", возможность и даже неизбежность классовой войны.

Оба вида несовместимости не приводили к явным конфликтам, но и "близкой дружбы" между российскими и советскими эмигрантами так и не получилось. Во всяком случае организации, попытавшиеся объединить вокруг себя представителей первой и второй волн эмиграции, просуществовали недолго

Хуже всего в этом смысле приходится последней, четвертой эмиграции. Замена идеальных мотиваций на практически-колбасные породила ряд новых проблем. Пришлось столкнуться с тем, что само понятие качества жизни далеко не во всем исчерпывается материальной его составляющей. Как только превзойден некоторый не очень высокий предел удовлетворения потребностей, сразу же встает вопрос не об абсолютных благах (машина, квартира, счет в банке, годовой оклад, все та же "колбаса"), но о благах относительных — о степени интегрированности в новое общество и в новую среду и о месте, занимаемом в этой новой людской иерархии. А здесь выясняется та прискорбная вещь, что, существенно (а порой даже и несущественно) превосходя по уровню и качеству потребления, то есть как бы сильно обогнав бывших соотечественников в социальном статусе, эмигрант последней волны в то же время оказывается и в самом низу статусной лестницы, когда речь идет о сравнении его с новыми соотечественниками — американцами, немцами etc., — а жить-то с ними, не с русскими.

Такое поражение в статусе, естественно, было и у прежних эмигрантов, однако у них работал компенсаторный механизм — "мы не в изгнании, мы в послании" (первая и отчасти третья волна), "слава Богу, что вообще живы и что не под Советами" (вторая). Четвер-

тая волна этой компенсации не имеет, а поскольку нужда в утешении остается, бывшие соотечественники последней волны принуждены прибегать к самой малоудачной форме компенсации — к дьяволизации бывшего отечества. В России все должно быть ужасно, ужаснее некуда — ибо лишь таким образом решение расстаться с родной страной получает внятное и убедительное оправдание.

В конце августа 1998 года, когда рубль сошел с ума, а вместе с ним и россияне, граждане реагировали на кризис по-разному. Кто неистово гулял (“последние дни в ставке Колчака”), кто пребывал в ступоре, кто проклинал судьбу, кто тщетно пытался спасти остатки денег. Но были в те дни и люди, наконец-то испытавшие светлую пасхальную радость. Никогда до и никогда после в русском Интернете не появлялось столько ликующих (порой даже стихотворных — вот что радость делает с человеком) посланий от бывших соотечественников, исполненных торжествующего: “А-а-а, бл...!”

Так изгнание заканчивалось посланием. В том черном августе на краткое время оказалось (или показалось), что все эмигрантские унижения отныне оправданны, что решение уехать из России оказалось верным, что оставшиеся там бывшие соотечественники — дураки, а я умный. Для пущей убедительности последняя мысль сопровождалась конкретными справками об уровне годового дохода (60 000 у.е. и выше) и рассказом о количестве автомобилей.

Признаться, никогда не видел более действенной агитации против отъезда с родины. Чтобы так радоваться постигшей ее беде и делиться этой радостью с бывшими соотечественниками, нужно быть в самом деле глубоко, невыносимо несчастным человеком. С другой же стороны, речи о невозместимом ущербе, нанесенном России массовым отъездом в колбасную эмиграцию, тоже показались не во всем убедительными. Если с людскими душами там происходят такие странные вещи, то, может быть, и Бог с ними, с этими отъезжими душами, — каким-то количеством глупых французов или американцев стало больше, а мы уж как-нибудь перетопчемся.

Если, конечно, к власти не придет какое-нибудь существо, при котором начнется пятая и опять политическая (то есть ради спасения жизни и свободы) эмиграция. Если колбасная эмиграция — Христос с нею, то эмиграция политическая все же есть недопустимо тяжкое национальное кровопускание. В России таких было три за столетие (ни в одной стране такого не случалось), так что еще одной нам совсем не надо»[86].

Это — отношение к своим бывшим соотечественникам — эмигрантам четвертой волны со стороны «оставшихся». А как к ним относятся русские эмигранты тех стран, куда они приезжают? Об

этом свидетельствуют колоритные записки Анны Полянской в «Русской мысли»:

«— Стой, куда без очереди прешь, козел драный, мы тут с ночи занимали! — стервозный вопль пышной дамы в летах и с перманентом, обращенный к не понявшему ни слова индусу, в центре Парижа звучал потрясающе — как голос далекой родины.

В последнее время в официальных французских инстанциях все чаще стали появляться эти странные агрессивные "русскоязычные" люди (их родной язык коряв и ужасен, а других они не знают), отнюдь не туристы, поскольку все они — потенциальные эмигранты. Этих людей четвертой волны уже не десятки и не сотни — тысячи или десятки тысяч.

Европа объединилась, "железный занавес" пал, в промоины границ хлестнула пена. В Париж, город вековечной российской мечты, теперь едут поселиться навсегда уже не пассажиры "философских пароходов", не белогвардейцы, не литераторы и художники, не диссиденты-правозащитники и даже не пресловутая "русская мафия". На статус беженца во Франции сегодня претендуют молдавские крестьяне-свиноводы, плотники и шоферы из Казахстана, мелкие уголовники из Подмосковья, разнорабочие из Воронежской области, автомеханики из Брянска, казанские парикмахерши и грузинские повара, проститутки из украинских деревень, забойщики скота из Белоруссии — список бесконечен. Преобладают жители поселков и деревень, иногда маленьких городков, не обозначенных на картах. Врач или инженер среди них крайне редки.

Французы удивлены. Сильно пьющие, криминализированные люмпены и маргиналы, легко опознаваемые в СНГ по характерным лицам, манерам, выражениям и жестам, по обилию золотых украшений, по постоянному полупьяному состоянию и безудержному мату, сегодня они демонстрируют французам "загадочную русскую душу". Большинство их не обременено законченным средним образованием, но зато получили на родине образование тюремное — за драки и мелкие грабежи. Они не знают, что такое Лувр и где находится Нотр-Дам. Зато они хорошо ориентируются в Париже по большим магазинам, дорогим и дешевым, воруя там вещи на продажу. С продажей плохо: покупателей на ворованное мало, поэтому духи и куртки отправляют на родину — то в деревню Ракитное Приморского края, то в город Стаханов Луганской области, а то и в Сарапул, что в республике Удмуртия. Тюремные сроки за воровство их не пугают: после российских лагерей несколько месяцев во французской тюрьме для них настоящий курорт.

— Ну и где мои деньги от ООН? — спрашивал прыщеватый

юноша из Ярославской области у очаровательной русской дамы из первой волны русской эмиграции, возглавляющей благотворительную организацию.

— Ну почему вы, милый, думаете, что Франция должна вам деньги? Она у вас не занимала. Вы же получили отказы из всех инстанций, поезжайте домой, — отвечала дама.

— Вот еще, у меня в деревне политические трудности, а вот где мои две тысячи франков от ООН? Что, так и будем по Парижу ходить, в небо глядеть? Или, может, ответим на вопрос? — свирепо вопрошал юноша в камуфляжных штанах

Своей очереди ждало семейство "гомосексалистов" — так они представились: муж, жена и двое детей.

— И что, этот малыш тоже гомосексуалист?! — спросили его.

— Этот нет. Еще не научился, — ответил отец.

Как первая и вторая волна во Франции встречают четвертую — это отдельная песня. Некоторые "старые русские", никогда не жившие в СССР, пытаются помогать люмпенам, искренне принимая их за страдальцев. Потомки российских дворян, белогвардейцев и пассажиров "философских пароходов", кажется, не очень понимают эту специфическую четвертую волну.

Главная особенность четвертой волны — это искреннее убеждение, что им должны все — Франция, Церковь, любой соотечественник или прохожий. Они не просят, а требуют: денег, вида на жительство, квартиру, пособие, карту социального страхования, бесплатную ветчину и т.д. Добавим их нежелание и неспособность изучать французский язык (равно как и любые другие языки мира).

В Париже невозможен "русский квартал", подобный японскому, китайскому, еврейскому и прочим существующим. Если первая, вторая и третья волны русской эмиграции встречались по меньшей мере в соборе Александра Невского на рю Дарю, то представители четвертой волны в храмы не ходят. Они ходят только в те места, где им что-нибудь дают. Например, возле пунктов раздачи еды у метро можно узнать много интересного о четвертой волне. Там делятся новостями: в каких магазинах менее бдительная охрана, кого из знакомых арестовали, в какой из европейских стран выше пособие и больше социальных льгот. Постоянно гуляет слух о том, что скоро все "нелегалы", приехавшие во Францию, будут легализованы и получат виды на жительство к какому-нибудь празднику — это несбыточная мечта четвертой волны. Крепкие молодые русскоязычные мужчины в последнее время сильно потеснили из очередей за бесплатной пищей и вежливых парижских клошаров, и скромных бездомных ланкийцев.

Впрочем, четвертая волна эмиграции — это не только маргина-

лы и люмпены, это еще и русские жены французов, обретенные по Интернету, и солдаты удачи из Иностранного легиона, гастарбайтеры, студенты, “новые русские”... Каждая из этих колоритных групп еще ждет своего описателя»[87].

Конечно, эти записки отнюдь не могут служить емкой характеристикой четвертой волны, среди которой, как мы знаем, немало образованных людей, кто достаточно удачно адаптировался за рубежом и вовсе не стоит в очередях за пособием. Тем не менее это психологическая характеристика взгляда одной части русской эмиграции на другую. Взгляда насмешливого и не очень гостеприимного.

Встреча «старых» и «новых» российских эмигрантов — это символическая встреча разных Россий, которая лучше всего показывает, что произошло с Россией и русскими в XX веке.

Не было, к сожалению, серьезных социально-психологических исследований, посвященных русским диаспорам в разных странах мира*, их различным слоям, общению русских эмигрантов разных волн и поколений. Это дает возможность по-разному смотреть на эту проблему: есть ученые, которые считают, что русские диаспоры в дальнем зарубежье существуют и что «на облик русского эмигранта за рубежом большое влияние оказала потомственная русская аристократия. Многие из ее представителей подолгу жили в Европе и, сохраняя высокий дух православной русской духовности, помогали эмигрировавшим из России соотечественникам, во многом способствуя сохранению ими духовного и душевного склада русского интеллигента»[88]. Если это можно отнести к первой, второй и даже третьей волнам, то «облагородить» описанную Полянской четвертую эмиграцию потомкам первой вряд ли удастся. Есть и другие мнения (исходящие чаще всего от самой четвертой волны, ее интеллектуальной и успешной части), что русскому человеку за границей и не нужна диаспора, что каждый русский — сам себе диаспора, то есть самодостаточен и устойчив, а для сохранения душевного комфорта достаточно изредка встречаться с двумя-тремя другими русскими семьями, близкими по духу, да иногда звонить близким в Россию или даже наведываться туда.

В исследовании на Конгрессе соотечественников мы спрашивали в нашей анкете о частоте общения с русскими соотечественниками в диаспоре. Ответы распределились так: общаются постоянно — 16% опрошенных; часто — 37%; от случая к случаю — 30%; редко —14%.

* Это не относится к русским диаспорам так называемого ближнего зарубежья, по которым сравнительно много социологических и социально-психологических исследований.

Как мы видим, в русских общинах первой и второй эмиграции преобладает стремление сохранить внутриэтническое общение, несмотря на довольно выраженную тенденцию к ослаблению. Здесь наблюдаются некоторые различия по странам и поколениям мигрантов.

Так, в целом, русские в Америке общаются чаще, чем русские в Австралии или в Европе. У русских в Австралии отсутствуют крайние полюса («постоянно» и «редко»), а пик приходится на «от случая к случаю». Для европейских русских характерен больший разброс по данной шкале: практически одинаковый процент ответов «часто» и «редко». В первом поколении мигрантов пик приходится на частое общение с соотечественниками, что вполне понятно, так как это необходимо для поддержания собственной культурной идентичности, пока еще целиком русской. Во втором поколении мигрантов, когда у человека появляются значимые связи не только в среде соотечественников, общение в диаспоре становится более редким и случайным (так, у второго поколения мигрантов ответы «часто», «от случая к случаю» и «редко» встречаются практически в равной степени).

Что же, по мнению русских эмигрантов, является стержнем, скрепляющим общение в диаспоре?

28% опрошенных считают, что это Православная Церковь; 30% отмечают психологические черты, отличающие русских Зарубежья, — честность, трудолюбие, образованность, талант, самостоятельность и др.; 26% выделяют любовь к старой России, ее культуре, желание сохранить эту культуру; 23% отмечают любовь к родной земле, общение с соотечественниками, стремление к улучшению России; 9% отмечают ностальгию как характерную черту русских за рубежом.

При ответе на данный вопрос прозвучали и негативные характеристики русских диаспор: политическая ограниченность и церковный раскол (14%), тенденция к ассимиляции (9%).

Ответы на вопрос: «Что, по Вашему мнению, помогает русским за рубежом оставаться и считать себя русскими?» — распределились следующим образом:

— Православная Церковь — 44% опрошенных;

— любовь к старой России — 30%;

— клуб, пресса, русские национальные организации — 28%;

— русский язык — 21%;

— общение в диаспоре, культурные связи с соотечественниками — 21%;

— семейное воспитание — 13%;

— русская душа, русский дух — 16%.

Встречаются и неожиданные ответы, например, «тупость и неспособность освоить английский язык» (дети почти сразу теряют «русскость» из-за школы и телевидения), «положительных факторов, поощряющих "русскость", нет, и СССР не помогал нам в этом». Последний упрек звучит справедливо, хотя с общей оценкой вряд ли согласится большинство соотечественников[89].

Итак, сами русские эмигранты не отрицают наличие русской диаспоры. Если рассматривать диаспору как сеть социальных институтов (церковь, школа, медицинские, торговые учреждения, службы досуга и т.д.), помогающих этническим мигрантам удовлетворять все их насущные запросы на первом этапе адаптации «среди своих», то такие русские диаспоры, несомненно, существовали в 20—30-х гг. в крупных центрах русской эмиграции. Так, например, во Франции важной частью процесса адаптации являлась деятельность общественных организаций и профессиональных союзов. Российские эмигранты, прибывшие в чужую для них страну, на первом этапе нуждались буквально во всем: в крыше над головой, работе, питании, оформлении необходимых документов, правовой информации и т.д. Французские органы государственной власти не ставили перед собой цель обеспечивать всем вышеперечисленным «гостей из России». Поэтому российские общественные организации стали единственной реальной опорой для многих тысяч эмигрантов в первые месяцы их пребывания в изгнании. С течением времени их роль постепенно менялась. Материальная помощь соотечественникам сменилась заботой о сохранении русского языка и традиций, способствуя тем самым мягкой психологической и культурной адаптации русских эмигрантов во Франции[90].

Естественно, что по мере ухода со сцены первого поколения эмигрантов, все более полной интеграции второго и третьего поколений в жизнь страны эмиграции необходимость во многих социальных институтах русской диаспоры за рубежом пропадает. Единственным незыблемым островом на этом фоне остается Православная Церковь как главный центр и магнит русской идентификации мигрантов всех волн и поколений. Многие из эмигрантов четвертой волны впервые пришли в Православную Церковь именно в эмиграции, осознав себя в той или иной мере русскими людьми. Русская диаспора нужна русским до той поры, пока в них жива Россия и они хотят сохранить свою «русскость», свой национальный менталитет и характер.

2.3. Русский национальный характер

Национальная культура тоже личность.
Д.С. Лихачев

Понятие «национальный характер» в современной психологии не считается «научным», потому, видимо, что с трудом поддается измерению. Тем не менее когда требуется объяснить то общее, что отличает представителей одного народа от другого, прибегают к терминам «национальные», или «этнические», особенности, «национальный менталитет», «национальный» характер. Это говорит о том, что смысловая ячейка для данного понятия присутствует в сознании каждого народа. По этому поводу прекрасно выразился Д.С. Лихачев: «Национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности значит делать мир народов очень скучным и серым»[91].

Национальный характер — это то, что связывает отдельного индивида с его культурой. «“Общество внутри нас”, существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний, и есть наш национальный характер»[92]. При взрослении человек сознательно (и бессознательно) усваивает ценности своей культуры, психологические и поведенческие особенности, типичные и наиболее характерные для людей, принадлежащих к данной культуре.

В этническом сознании каждого народа в стереотипной форме присутствуют представления о типичных представителях той или иной нации: англичане — консервативны, немцы — аккуратны и трудолюбивы, испанцы — горды и т.д. О русском национальном своеобразии написано очень много и очень по-разному — как самими русскими (в этом ряду упомянем такие имена, как Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, Н.О. Лосский, Н.Бердяев, А.И. Солженицын и др.), так и иностранцами (французы М.Палеолог и Леруа-Болье, англичане С.Грахам и С.Горер, американцы М.Мид, Э.Эриксон, Д.Беллингтон, Д.Ланкур-Лафферьер и др.).

Если верен тезис о том, что «как судьба человека во многом определяется его характером, личностью, так и судьба народа»[93], то именно сейчас, когда Россия в очередной раз стоит на историческом перепутье, выбирая направление (которое, как показывает опыт, не

менее чем на столетие определит жизнь страны и народа), недурно было бы понять, какие ценности веками формировала наша культура, усваивали мы и наши дети. Ценности — основа человеческой мотивации, а мотивы руководят нашими поступками и всей нашей деятельностью, поэтому ценности — краеугольный камень психологии и поведения. Более того, считается, что ценности — наиболее консервативный элемент в психологии той или иной культуры, ее так называемый цивилизационный код. Поколения приходят и уходят, а культура, ее ценности остаются более или менее неизменными. Зачастую люди до конца не осознают, почему они поступают так или иначе, но они знают, что это — «должно, правильно» или наоборот, «не должно, неправильно», и испытывают от этого чувства ясно ощутимый психологический комфорт или дискомфорт.

В этой части мы попробуем, хотя бы в первом приближении, рассмотреть эти проблемы, опираясь не только на мнения писателей и философов, но и на данные современной науки — этнической и кросс-культурной психологии.

2.3.1. Русский национальный характер глазами русских

Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия.

Ф.М. Достоевский

По мнению философа Николая Лосского, «основная, наиболее глубокая черта русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра»[94]. Отсюда, как из единого мощного ствола, идут два абсолютно, казалось бы, противоположных по значению комплекса свойств русского народа.

Первый, вызывающий восхищение практически у всех, кто соприкасался с русскими, — это комплекс духовно-душевных свойств русских людей. «Доверчивое смирение с судьбой, сострадательность: готовность помогать другим, делясь своим насущным; способность к самоотвержению и самопожертвованию; готовность к самоосуждению, раскаянию — и публичному, даже преувеличение своих слабостей и ошибок; вера как главная опора характера; легкость умирания, эпическое спокойствие в приятии смерти; непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком» — так описывает характер русского народа в прошлом Солженицын[95]. Об этом же пишет и Н.Лосский в своей книге «Характер русского народа», упоминая такие удивительные черты,

как способность русского народа к высшим формам опыта (религиозному, мистическому, к восприятию чужих душевных состояний, к страстному исканию смысла жизни и абсолютной правды), свободолюбие (как свободу духа прежде всего), страстность и могучую силу воли, даровитость, мессианизм и миссионизм русского народа, его удивительную доброту и незлопамятность («русские люди, — говорит Достоевский, — долго и серьезно ненавидеть не умеют»).

Следует отметить, что православие довольно органично легло на те свойства характера, которые «прирожденно, отродно» (по выражению Солженицына) присущи восточным славянам: «открытость, прямодушие, естественная непринужденность, простота в поведении (вплоть до изрядной простоватости), несуетность, юмор, великодушие, уживчивость, легкость человеческих отношений» («чужие в минутную встречу могут почувствовать себя близкими» — Г.Федотов); отзывчивость, способность все понять; широта характера, размах решений («чем с плачем жить, так с песнями умереть»)[96].

По мнению Н.Лосского, все социальные (и высшие, и низшие) слои России усвоили христианство настолько, что идеалом народа стала не могучая, не богатая, а «Святая Русь». С.Л. Франк пишет, что «русский дух насквозь проникнут религиозностью»[97].

С другой стороны, по мнению историка и философа Л.П. Карсавина, также отмечавшего, что существенным моментом русского духа является религиозность, у русского православия есть серьезный недостаток — его пассивность, бездейственность. «Уверенность в будущем обожении обеспложивает настоящее». «Если же русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему»[98]. Солженицын приводит в своей книге высказывание Чехова: «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность веровать, испытующий ум и дар мыслительства, но все это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие». Как отмечает сам Солженицын, «равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины — болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок»[99].

Наряду с этим Н.Лосский считает, что русская «обломовщина» во многих случаях есть оборотная сторона высоких свойств русского человека — стремления к полному совершенству и чуткости к недостаткам нашей действительности. Часто это свойство проявляется в небрежности, неточности, неряшливости, прежде всего в работе (делать ее «кое-как»)[100].

В ряду недостатков русского характера, являющихся обратной стороной его достоинств, А.Солженицын перечисляет всеизвестное

(худо знаменитое) русское долготерпение, поддержанное телесной и духовной выносливостью; неразвитое правосознание, заменяемое тягой к живой справедливости («хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили»); вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности; отсутствие стремления к власти: русский человек сторонился власти и презирал ее как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов; в противоречие тому — жажда сильных и праведных действий правителя, жажда чуда; отсюда — наша губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации. «Так создается беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы — вызывающая изумление и презрение всего мира. Не разобравшись в сложной духовной структуре — из чего это проистекло, как жило, живет и **к чему нас еще выведет** (выделено мной. — *Н.Л.*) — бранят нас извечными рабами, это сегодня модно, повсемирно»[101].

Итак, мы видим, что русские писатели и философы, анализируя черты русского характера, вытекающие из основы русской культуры — православия, отмечают их двойственность и противоречивость: с одной стороны, высота, духовность, тяга к справедливости, а с другой — лень, бездеятельность, безответственность, порой до такой степени, что начинаешь сомневаться в том, а есть ли у всего этого худого обратная, чистая и высокая, сторона. И могут ли эти стороны существовать отдельно, независимо друг от друга, или только в «одном флаконе»? Что худая без доброй может — это нам показало время, когда сбылось предсказание К.Леонтьева, высказанное им в 1891 году, что русский народ «через какие-нибудь полвека из “народа-богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая, “народом-богоборцем”»[102]. Но о том, что и в советскую богоборческую эпоху многие замечательные качества русского народа не были утрачены, а сама культура еще существовала как единая система, говорит замечательное исследование К.Касьяновой «О русском национальном характере», выполненное в 70-х годах и опубликованное 20 лет спустя.

В этой книге автор приводит результаты сравнительного психологического исследования русских и американцев по одному из личностных тестов (MMPI). С помощью оригинальной и глубокой исторической интерпретации К.Касьянова иллюстрирует наиболее явные отличия между русскими и американцами и выдвигает стройную концепцию узловых моментов русского национального менталитета. Особое внимание уделяется анализу так называемых социальных архетипов, которые бессознательно определяют мотивы поведения в типичных для нашей культуры социальных ситуациях.

Очень интересным и важным представляется анализ таких куль-

турных ценностей, как *терпение, страдание, смирение* (которые являются орудием и результатом *внутреннего делания,* устроения души человека, в противовес *деланию внешнему,* или труду). Приводя слова еп. Феофана: «Дело — не главное в жизни, главное — настроение сердца, к Богу обращенное», Касьянова отмечает, что труду в системе ценностей русской культуры отводится явно подчиненное место и его невозможно перевести в другой разряд, не нарушив всей системы[103].

Восклицание поэта: «Чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел?», обращенное к русскому народу, автор считает верхом непонимания своей культуры и пишет: «Терпение для нас — не способ достигнуть лучшего удела, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу других, мира вообще — это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения...»[104]

Ведя разговор о жертвенности, Касьянова выдвигает интересную идею о том, что социальный организм русской культуры реагирует на жертвенность личности ради сохранения ценностей культуры каким-то *особым* образом, так, что личные дела этого человека чудесным образом устраиваются. Вообще данное исследование содержит очень много интересных мыслей и идей о сути русского национального характера.

Основной пафос этого исследования — в том, что России в наше время как никогда важно осознать и осмыслить свои культурные или социальные архетипы, лежащие в основе национальной психологии, с тем, чтобы не отвергать их и не воевать с ними, а разумно и бережно «встроить» в бурно идущий процесс общественного развития, а может быть, в критические моменты и выверять по ним этот процесс.

2.3.2. Русский национальный характер глазами иностранцев

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Ф.И. Тютчев

О русском национальном характере оставили много заметок иностранные путешественники, купцы, писатели и просто наблю-

датели. Многие из них дышат любовью, как, например, записки англичанина С.Грэхема, писавшего: «Я люблю Россию. Она для меня в некотором смысле есть нечто большее, чем моя родная страна. Иногда мне кажется, что я счастливый принц, нашедший Спящую Красавицу»[105]. Другие исполнены ненависти, как, например, книга немца Виктора Гена «De moribus Ruthenorum», в которой он пишет, что русские — народ без совести, чести, самодеятельности; лирика Пушкина — подражание, без души и чувства; русские не способны охватывать целое и в практической жизни, и в художественном творчестве; их литература бездарна[106]. Есть любовь и ненависть, нет одного — равнодушия. Это свидетельствует о том, что феномен русского национального характера во всей его сложности и противоречивости всегда притягивал к себе внимание тех, кто с ним соприкасался. Изучали его и профессиональные ученые: культурные антропологи и психологи. Вкратце остановимся на некоторых результатах их исследований.

Русский национальный характер занял свое место в фокусе исследований зарубежных антропологов сразу после Второй мировой войны. Британский антрополог Д.Горер выдвинул свою «пеленочную» гипотезу, М.Мид ее развила и популяризировала, а Э.Эриксон адаптировал ее в своей статье «Легенда о юности М.Горького». Что же это за гипотеза?

Д.Горер считал, что русским свойственна традиция туго пеленать младенцев с ранних месяцев их жизни. Это, по его мнению, приводит к тому, что они растут сильными и сдержанными, в противном случае они легко могли бы себя поранить. На короткое время их освобождают от пеленок, моют и активно с ними играют. Д.Горер образно связал эту альтернативу между длительным периодом неподвижности и коротким периодом мускульной активности и интенсивного социального взаимодействия с определенными аспектами русского национального характера и внешней политики России. Многие русские, по его мнению, испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках долгих периодов депрессии и «самокопания». Эта же тенденция, по его мнению, характеризует и политическую жизнь общества: длительные периоды покорности сильным внешним авторитетам перемежаются яркими периодами интенсивной революционной деятельности.

В то же время Д.Горер не утверждал, что именно практика тугого пеленания привела русских к автократическим политическим институтам и легла в основу *маниакально-депрессивной базовой личностной структуры* взрослых русских. Скорее он хотел отметить формальное сходство культурных моделей поведения в разных сфе-

рах жизни: так, тугое пеленание — один из способов общения родителей с детьми, в котором осуществляется передача смысла — необходимость сильного внешнего авторитета[107].

Конечно, было много исследований русского национального характера, выходящих за рамки так называемого «пеленочного» комплекса. Результаты клинических интервью и психологического тестирования привели к созданию «модальной личности» великоросса. По мнению американских антропологов, это «теплая, человечная, очень зависимая, стремящаяся к социальному присоединению, эмоционально нестабильная, сильная, но недисциплинированная личность, нуждающаяся в подчинении властному авторитету». Поскольку правящая в ту пору Коммунистическая партия насаждала абсолютно другой идеальный тип личности, этот внутренний конфликт привел к драме русского национального характера, в которой малочисленная национальная элита пыталась заставить большинство народа усвоить образ, совершенно противоположный традиционному русскому характеру.

Вот как выглядит это противопоставление в «Русской драме национального характера» К.Клакхона[108]:

Тип традиционной русской личности	Идеальный тип советской личности
Теплый, экспансивный	Формальный, контролируемый
Правдивый, отзывчивый	Лживый, упорядоченный
Идентификация с первичной группой (личная лояльность)	Лояльность к вышестоящим (безличностная)
Основан на «зависимой пассивности»	Основан на «практической активности»

(Об эволюции русского характера после 1917 года писал и Солженицын: «Селективным противоотбором, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, — большевики планомерно меняли русский характер, издергали его, искрутили». Среди вновь приобретенных черт писатель отмечает такие: скрытность, недоверчивость, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, неизбежность лгать и притворяться, если хочешь существовать, неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства. Как сказал Борис Лавренев: «Большевики перекипятили русскую кровь на огне»[109].)

А не так давно в России была опубликована книга Д.Ланкур-

Лафферьера «Рабская душа России», в которой автор пишет: «Я готов аргументировать утверждение, что традиционное смирение и саморазрушение, конституирующее рабский менталитет русских, является формой мазохизма. Сказать, что русская душа — рабская, — значит сказать, что русские имеют склонность к нанесению вреда самим себе, к разрушению и унижению себя, принесению бессмысленных жертв, то есть к такому поведению, которое на Западе характеризуется как мазохизм в клиническом смысле этого слова»[110]. Молодой американский исследователь утверждает, что русская культура — это культура нравственного мазохизма, в центре которого находится личность, которая действует — сознательно или бессознательно — **против своих собственных интересов**.

Вот оно — главное определение «патологии» русского характера с точки зрения западного менталитета — действие в ущерб собственным интересам. И еще — «бессмысленная жертвенность». В этом корневое несходство и корневое непонимание Западом русской культуры и менталитета. При этом исследователь чувствует непонятную красоту этого «нравственного мазохизма». «Лично я считаю так: пусть русские остаются такими, какие они есть. Сам я считаю, что мазохизм является неотъемлемой частью привлекательности и красоты русской культуры. Кем бы были Татьяна Ларина, Дмитрий Карамазов или Анна Каренина без их мазохизма? "Излечить" их от мазохизма — значило бы отнять у них значительную часть эстетической привлекательности»[111].

В начале 90-х годов XX века профессор психологии Иерусалимского университета С.Шварц предложил метод измерения базовых ценностей культуры, который позволяет сравнивать между собой целые страны и культурные ареалы. Шварц с коллегами выявил различные ценностные профили у западноевропейского и восточноевропейского культурных ареалов.

В исследовании было выявлено, что такие ценности, как **консерватизм** (*поддержание социального порядка, уважение традиций, защита семьи, самодисциплина*) и **иерархия** (*ценность власти, авторитета или подчинения*), были более важны в Восточной, чем в Западной Европе. С другой стороны, такие ценности, как **равноправие** (*равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность*), **мастерство** (*амбициозность, успех, смелость, компетентность*), **интеллектуальная автономия** (*любознательность, открытость ума, творчество*) и **аффективная автономия** (*стремление к наслаждению, разнообразной и интересной жизни*), были значительно менее выражены у представителей стран Восточной Европы, чем у западноевропейцев.

13 Заказ 2370

Авторы объяснили найденную во всех восточноевропейских странах общность ценностей сходством адаптации людей к условиям жизни в коммунистической социальной системе (необходимость конформизма, пристальное внимание к словам и поступкам, непредсказуемость правил и наказание за непослушание; доносительство, создающее атмосферу взаимного недоверия, подавление личной инициативы и свободы; отсутствие связи между результатами работы и вознаграждением за нее; патернализм, поощряющий пассивность и уклонение от личной моральной ответственности)[112].

Считается, что для поддержания демократии очень важны ценности **равноправия** и **автономии**, которые являются необходимым условием и моральной базой социальной ответственности. В связи с этим исследователи полагают, что ценностный профиль, выявленный у жителей стран Восточной Европы, плохо пригоден для развития демократии, поскольку ценности равноправия и автономии имеют сравнительно низкую значимость в этих странах. Ценностное основание для развития системы свободного предпринимательства также практически отсутствует: ценности **автономии** и **мастерства** не получили широкого принятия и одобрения, и в этом — корни нежелания брать личную ответственность, рисковать и напряженно работать в полную меру сил и талантов. Вместо этого более предпочитаемыми являются ценности **консерватизма** и **иерархии,** являющиеся основой тенденции перекладывать заботу и ответственность в обеспечении своих потребностей на государство.

Несмотря на декларацию, что для анализа полученных культурных различий необходимо применять исторические, этнокультурные, религиозные, политические и другие факторы, исследование Шварца и Барди ограничилось подробной интерпретацией различий в ценностях у жителей Восточной и Западной Европы с привлечением лишь политических аспектов. Не было сделано даже попытки анализа с точки зрения истории и этнической культуры восточного славянства, да и роль православия никак не была проанализирована. Следует отметить также, что в данном исследовании не упоминается, что восточноевропейские страны намного опережали западноевропейские в такой характеристике, как **универсализм** (духовная жизнь, творчество, мудрость, зрелая любовь, единство с природой, любовь к прекрасному). Показательная «забывчивость» для западного менталитета. Этакие «непрактичные» ценности.

Для объяснения найденных различий между Западной и Восточной Европой можно предложить следующее: В.Шубарт, прибалтийский немец, в своей книге «Европа и душа Востока» противопоставил друг другу два типа человека: прометеевский, героический, человек

и иоанновский, мессианский, человек (то есть следующий идеалу, данному в Евангелии от Иоанна). Человек прометеевского типа видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Таковы «романские и германские народы современности». Иоанновский, мессианский, человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе **роковым** образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую чувствует в себе. Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же — не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую нужно осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем. В иоанновскую эпоху центр тяжести перейдет в руки тех, кто стремится «к сверхземному в качестве **постоянной черты национального характера**, а таковыми являются славяне, в особенности русские. Огромное событие, которое сейчас подготовляется, — есть восхождение славянства как ведущей культурной силы»[113].

В истории несколько раз происходили довольно странные вещи — накануне и во время страшных бед, грозивших человечеству уничтожением, многие европейские страны, их уникальные, самобытные культуры и народы бывали спасены добровольной кровавой жертвой России, руководствовавшейся евангельской заповедью: «Нет больше той любви, когда кто душу положит за други своя». И мир, растроганный алогичностью этой жертвы, в этот момент был благодарен и полон осознания значимости (и непомерной цены) этой жертвы. Так, например, маршал Фош в 1914 году (когда вступление русской армии — неподготовленное и оплаченное большой кровью — спасло Францию от разгрома) признавал: «Если Франция не стерта с карты Европы, она этим прежде всего обязана России»[114]. Потом это чаще всего забывалось.

Более того, за это подчас платили ненавистью и предательством. В обращении Русского Заграничного Церковного Собора к Генуэзской конференции (осужденном патриархом Тихоном как политическое), собравшей руководителей стран Антанты, были такие пронзительные слова, обращенные напрямую к христианской совести европейцев: «Народы Европы! Народы мира! Пожалейте **наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский**, попавший в руки мировых злодеев!»[115] Пожалели? Нет. Ни тогда, ни потом. Удивительно, но не об этом ли писал Пушкин почти два века назад:

И ненавидите вы нас
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы? (выделено мной. — *Н.Л.*)
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Это написано в 1831 году, в воспоминание о битве с Наполеоном. Но это так же актуально и для XX века, для страшной, многожертвенной нашей победы над Гитлером. Повторилось опять то же — Россия спасла мир от уничтожения, заплатив непомерной ценой. И опять эта жертва обесценена и оболгана теми, кто возрос на ее крови.

Однако ненависть и противостояние Запада и России происходят прежде всего в сфере политики, и здесь справедливости ради следует отметить, что политики Советской России по отношению к своему народу были не менее, если не более, жестоки. Что касается простых людей стран Европы, то меня очень тронул недавний рассказ знакомой англичанки о том, как они, будучи детьми, после явления Богоматери Фатимской постоянно молились за Россию и русский народ тогда, когда русские, отлученные государством от Бога, даже не знали об этом удивительном явлении.

Конечно, самобытная русская культура и ее духовный центр — православие, сложны для понимания представителей иных национальных культур. Об этом опять-таки блестяще сказал Пушкин: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».

Не удивительно, что Запад нас не знает и не понимает, гораздо важнее, чтобы мы сами знали и понимали свою культуру и психологию.

2.3.3. Русский характер на пороге XXI века

Велико незнание России посреди России.
Н.В. Гоголь

Размышляя о будущем России и русских, А.Солженицын пишет: «Давние черты русского характера — какие добрые потеряны, а какие уязвимые развились — они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века. И наша всегдашняя всеоткрытость — не она

ли обернулась и легкой сдачей под чужое влияние, духовной бесхребетностью?» Но мало лишь восстановить народное здоровье, считает Солженицын, «нам — чтобы что-то значить среди других народов — надо суметь перестроить характер свой к ожидаемой высокой интенсивности XXI столетия. А мы за всю свою историю — ой не привыкли к интенсивности»[116].

С последним можно поспорить, ибо вся история формирования государства Российского потребовала такой интенсивности, такого напряжения сил, которое и не снилось Западу. Не говоря уж о колоссальных и предельно интенсивных тратах народных сил на массовых советских стройках и в страшных войнах этого столетия. Другой вопрос: с какими ценностями, какими качествами характера входят русские люди в неизведанный поток XXI столетия?

Будучи в сильной степени неудовлетворенной результатами исследования Шварца и Барди в России в начале 90-х годов, а также их интерпретацией, я в 1999 году повторила это исследование в Пензе, Москве и Санкт-Петербурге. Результаты его отличались от полученных Шварцем в 1992 г. Оказалось, что наши студенты на сегодняшний день уже опережают своих западных сверстников в таких ценностях, как **мастерство** и **интеллектуальная автономия**. Это свидетельствует о том, что молодые поколения россиян готовы к напряженному труду, имеют прекрасный творческий, преобразовательский потенциал. Главное — создать условия для его реализации. Возможно, мы стоим на пороге большого экономического рывка, если сумеем найти свой путь, на основе своих ценностей, придав экономическому развитию иной, отличный от Запада, смысл и ценность.

Хороший пример на этом пути — так называемые азиатские тигры, страны Тихоокеанского региона, в культурном отношении резко отличающиеся от Запада. В период с 1965 по 1987 год в 23 странах Дальнего Востока психологами была выявлена высокая корреляция между ценностью **«конфуцианское трудолюбие»** (терпение, желание интенсивно работать на долговременный результат) и ростом ВНП на душу населения. При этом страны, показавшие наиболее высокий экономический рост, имели наивысшие показатели по **«конфуцианскому трудолюбию»** в этот период. В данном случае культурные ценности явились причиной экономического роста[117].

С другой стороны, разве экономическое развитие — главное предназначение человечества? Здесь уместно привести высказывание современного русского философа М.В. Назарова: «Честно говоря, если учесть особенности русского характера (не слишком стремящегося к благополучию и к рациональной организации жизни), не особенно

верится, что Россия когда-либо станет лидером экономического прогресса. Но, может быть, задача России в этом и не заключается. Как писал В.Соловьев, “такой народ не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать жизнь и цельность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом” («Три силы»). Может быть, такой народ способен приблизиться к идеалу негедонистического общества, когда “общественный пирог” будет не самоцелью, а необходимым средством для достойной человека жизни? И, может быть, начиная в каком-то смысле с нуля, нам будет даже проще ориентироваться на экологически чистую и социально уравновешенную рыночную экономику, которая служила бы человеку, а не порабощала бы его ставкой на непрерывный рост материального потребления?..»[118]

Далее, выявленная в нашем исследовании невысокая ценность **равноправия** и относительно высокая ценность **иерархии** у молодых россиян свидетельствует о том, что ценности демократии в западном понимании не привились, хотя и оказали некоторое влияние. Это говорит о том, что нам предстоит пройти серьезное духовное испытание богатством и имущественным неравенством, нам всем — и внезапно разбогатевшим, и внезапно обнищавшим. Где взять правильный взгляд на это? Где найти опору и силы, чтобы не впасть в духовное разложение и неминуемую смерть, в одном случае, и в бессилие и отчаяние — в другом?

Ответ тот же — в нашей культуре. О том, как в ней решается дилемма личного богатства и благочестия, хорошо написано в статье М.М. Громыко «Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики»: «Трудно богатому войти в Царство Небесное — эти слова из Евангелия (Мф. 19, 23) знал каждый русский человек. Трудно — но возможно. От человека, оказавшегося по своей ли воле или в силу обстоятельств богатым, требовались особые усилия на пути благочестия. Богатство, сочетаемое с щедрыми пожертвованиями в храмы и монастыри, с личным молитвенным подвигом, вызывало неизменную положительную оценку в глазах основной массы русских людей. Большое значение придавали при этом источникам богатства — какими способами оно было изначально накоплено. Человек, обнищавший из-за своей лени, не вызывал сочувствия; предпочтение отдавали тому, кто разбогател в результате своего трудолюбия. “Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных — обогащает”, “собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын бес-

путный" — притчи Соломона были едва ли не самой популярной книгой Ветхого Завета в народе».

Но при этом (и это очень важно помнить и понимать) русские крестьяне никогда не забывали, что "доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от Господа". Правильная установка была такая: "Человек не должен сам стремиться к богатству, не должен заботиться о приобретении его: он трудолюбиво и разумно выполняет свое дело, а Господь, если должно, пошлет ему богатство, и тогда-то нужно, не надмеваясь (не гордясь) ни в коем случае явившимся богатством, употреблять его на добрые дела". Эти люди стремились в своей жизни познать и исполнить волю Божию о себе (не это ли называется в современной психологии высшей потребностью в самоактуализации? — *Н.Л.*). Они услышали и исполнили в своей жизни принцип "Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам". И прилагалось. Приходило ли богатство, уходило ли — не это было для них главным. "Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе"»[119].

Не о нас ли, живущих в России в последнее десятилетие XX века, эти слова — как внезапно богатевших, так и внезапно терявших все свои сбережения, да не по разу, а каскадом, так, чтобы насмерть выучить простой урок — не думать о материальном, не порабощать им душу, не копить впрок... А выучивали другое: не верить никому — ни правительству, ни частным владельцам, ни банкирам — никому. А верить надо, верить хочется, ибо доверие, доверчивость — одно из базовых свойств русского характера. М.М. Громыко пишет, что «в русской крестьянской среде было стремление сохранить нравственный подход в деловых отношениях, не заменять его голым расчетом или юридическими формальностями. Денежные сделки заключались без скрепления формальными актами, верили друг другу на слово, деньги в долг давали на срок и без срока — всегда без процентов. Крестьяне считали, что, не уплатив долга на земле, не будешь развязан с земною жизнью на том свете. Поэтому если должник долго не платил, то давший ему ссуду грозил стереть запись о долге (соседский долг записывался обычно мелом), то есть лишить его возможности расплатиться. Должник кланялся и просил не стирать свидетельства о долге»[120].

С точностью до наоборот в сегодняшнее время, когда толпы простых заимодавцев дежурят у порогов контор и банков, обманувших их доверчивость, кляня себя в душе последними словами за эти рудиментарные остатки крестьянской веры в совесть и порядоч-

ность богатых людей. И до какой степени нужно быть чуждым взрастившей тебя культуре, позволяя себе цинично и расчетливо наживаться на этой национальной простоте и доверчивости.

Утеряно ли безвозвратно все то, что описано выше как исконные черты национального характера? Нет, для кого к счастью, а для кого — и к сожалению. Более того, я склоняюсь к мысли, что «этническая картина мира» или «цивилизационный код» той или иной культуры — величина в каких-то основных, главных, параметрах константная и жесткая. При угрозе утраты этой этнокультурной самотождественности этническая культура мобилизует все свои силы на сопротивление, вплоть до гибели последнего своего носителя. Поэтому изменить «цивилизационный код» России, как мечтает З.Бжезинский, вряд ли удастся.

В 2000 году я продолжила исследование ценностей и мотивации личности современного русского человека с помощью метода исследования ценностей С.Шварца на индивидуальном уровне.

Основываясь на ценностях, найденных в религиозных и философских трудах в разных культурах, Шварц сгруппировал все ценности в десять различных типов мотивации поведения человека, основанных на главной цели: **власть, достижение, гедонизм, стимулирование, саморегуляция, универсализм, благосклонность, традиция, конформность, безопасность.**

Результаты исследований по всему миру подтвердили универсальность этой структуры во всех культурах, но у каждой культуры есть своя специфика расположения этих типов мотивации в общей структуре мотивов личности.

На основании корреляционного, факторного и структурного анализа результатов исследования мы построили нижеприведенную диаграмму, отражающую структуру динамических отношений типов мотивации поведения человека в русской культуре:

Итак, у нас выделились следующие классические мотивационные блоки: **достижение, власть, конформность, традиция, саморегуляция** — и два блока, отличающиеся от теоретической модели, — **стимулирование + гедонизм; универсализм + благосклонность + безопасность.** Рассмотрим эти мотивационные блоки ближе.

Мотивационная цель блока «Гедонизм» обозначается С.Шварцем как удовольствие, чувственное наслаждение. Мотивационная цель блока «Стимулирование» определяется как новизна и состязательность в жизни, необходимые для поддержания оптимального уровня активности организма. При слиянии этих мотивационных типов в один можно определить мотивационную цель нового блока как переживание удовольствия от новизны и состязательности для поддержания оптимального уровня активности организма.

Что это для русской культуры? Это тяга к риску, это азарт и бесшабашность, это страсть первопроходца, это надежда на удачу при отсутствии всяких шансов. Это любовь к переменам, поиск нового, поиск приключений (в основном на свою голову). Есть еще одно выразительное русское слово, близкое по смыслу к этому состоянию, — забубенность.

Это и хорошо знакомое со школы: «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закрутиться, загуляться, сказать иногда: “Черт побери все!”, — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?»[121] Это и знаменитое русское «авось» — то есть надежда на то, что «пронесет, вывезет» — надежда на что-то, находящееся за пределами разума и расчета. Это и беззаветная отвага русского солдата, это и любовь русского человека к крайностям. Это и страстная энергия русского таланта.

Это и тяга к спиртному, в которой заключена психологическая потребность активации наслаждения жизнью, которое затухает в череде будней. И.Бунин в «Жизни Арсеньева» вспоминает, как его отец, орловский помещик, говаривал после двух-трех рюмок водки: «“Нет, отлично! Люблю выпить! Замолаживает!” Замолаживает — это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нем совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной скованности и упорядоченности. Мужики так и говорят про водку: “Как можно! От ней в человеке развязка делается!” Знаменитое “Руси есть веселие пити” вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим “весельем” и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты — и даже та изумительная изобразитель-

ность, словесная чувственность, которой так славна русская литература?»[122].

В самой сути своей этот мотивационный блок выражает потребность каких-то благих перемен, потребность чуда, жажду праздника. Об этом опять-таки лучше всего сказал Бунин: «Ах, эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, — не просто наслаждения, а именно упоения, — как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд!» А далее идут очень важные слова, объясняющие деятельность, вызываемую такого типа мотивацией: «Россия в мои годы (рубеж XIX и XX веков. — *Н.Л.*) жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей работающих, здоровых, крепких все возрастало в ней. Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности? И что такое русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешенный от действительности и ее презирающий, ни в малейшей мере не хотящий подчиниться рассудку, расчету, деятельности невидной, неспешной, серой? Как! Служить в канцелярии губернатора, вносить в общественное дело какую-то жалкую лепту! Да ни за что — "карету мне, карету"»[123]. Узнаете, читатель? Оказывается, это все сидит в нас, определяет наши поступки и даже нашу историю. Судя по этой страстности, брожению, неуспокоенности, жажде упоения и саморасточительности, мы народ еще молодой, себя не берегущий.

Этот мотивационный блок мы назвали «Пассионарность».

Следующий новый мотивационный блок очень необычен. Здесь соединились «Безопасность», «Благосклонность (склонность к добру)» и «Универсализм». Мотивационной целью «Безопасности» являются стабильность, безопасность и гармония общества, семьи и самого индивида. «Благосклонность» преследует цель поддержания и повышения благополучия людей, с которыми человек находится в постоянном контакте и поддерживает личные отношения. «Универсализм» имеет своей целью понимание, признательность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы, или альтруизм. Таким образом, суть ведущего типа мотивации индивида в русской культуре можно выразить так: для достижения общего блага (а это, несомненно, высшая цель) необходимо стремитьься понимать других, ограничивать и смирять себя, и от этого будет хорошо всем — и ближним, и дальним. То есть гармония и благополучие общества и любимых людей строится на нашем доброделании и самоограничении. И это понимается как высший за-

кон устроения мира, и в этом — принятие и оправдание добра как основы мироздания. Мир без добра — мир неправильный, ненастоящий. Это основа основ русского мировоззрения и русского национального характера.

Вот как пишет об этом русский этнограф М.М. Громыко: «Исключительно широкое и устойчивое распространение среди русских имели взгляды и поступки, связанные с состраданием, сочувствием, оказанием помощи в самых разнообразных ее видах. Это была целая система воззрений, основанных на евангельских идеях любви к ближнему и помощи ему; бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит; самоотверженной готовности положить жизнь за други своя. Это — система взглядов, но в то же время — это и черта национального характера: **органичная потребность делать добро** (выделено мной. — *Н.Л.*), столь естественная, что не воспринимается ни дающим, ни принимающим как что-то особенное, а зачастую даже не бывает замечена[124]. Более того, особенно почиталась среди верующих русских людей «тайная милостыня»: «лучше всего делать это незаметно, безымянно, чтобы тот, кому оказывается милость, не мог поблагодарить, не знал бы своего благодетеля, иначе это доброе дело может не быть зачтено человеку на небе, так как он получил уже награду на земле»[125].

Оказывается, обычай «тайной милостыни» не ушел до конца из русской жизни и сегодня. Согласно записям этнографа Л.А. Тульцевой, сделанным в Рязанской области, старики отмечали, что тайную милостыню некоторые люди делают и до сих пор, хотя как общее правило отмечали: «Сейчас не как раньше: сейчас мы дадим да похвалимся. А хвалиться нельзя. Раньше часто приносили тайную милостыню». Но что особенно интересно, ценность этого тайного (значит, особенно чистого, бескорыстного доброделания) старики передавали как главный наказ своим детям. Так, по данным Л.А. Тульцевой, жительница одной из деревень Рязанщины цитировала совет своей матери: «Девки! Не копите, не копите ничего — все прах. Делайте тайные милостыньки!»[126]

Доброта русского народа, по мнению Н.О. Лосского, выказывается и в отсутствии злопамятности. Отсюда органичное неприятие русским человеком мести, что часто рождает непонимание и даже презрение со стороны многих народов, у которых месть обидчику является важной частью обычного (то есть основанного на обычаях) права. В основе этого неприятия мести лежит отношение простого народа к преступникам как к «несчастным» и стремление облегчить их участь, хотя при этом есть осознание того, что преступник заслуживает наказания. «Без всяких философских теорий народ сер-

дцем чует, что преступление есть следствие существовавшей уже раньше порчи в душе человека, и преступный акт есть яркое обнаружение вовне этой порчи, само по себе уже представляющее кару за внутреннее **отступление от добра** (выделено мной. — *Н.Л.*)»[127]. Доброту русских солдат по отношению к неприятелю не раз отмечали и иностранцы.

По мнению Н.Лосского: «Доброта — одно из основных свойств русского народа; поэтому даже и бесчеловечный режим советской власти не искоренил ее. Об этом свидетельствуют иностранцы, наблюдавшие жизнь в СССР. Австрийский немец О. Бергер, бывший в России в плену в 1944—1949 годах, написал книгу «Народ, разучившийся улыбаться». Он говорит, что, живя вблизи Можайска, пленные поняли, «какой особый народ русский. Все рабочие, а особенно женщины, относились к нам как к несчастным, нуждающимся в помощи и покровительстве. Иногда женщины забирали нашу одежду, наше белье и возвращали все это выглаженным, выстиранным, починенным. Самое удивительное было в том, что сами русские жили в чудовищной нужде, которая должна была бы убивать в них желание помогать нам, их вчерашним врагам»[128].

Особенность доброты русского человека в том, что она чужда сентиментальности, то есть наслаждения своим чувством, и фарисейства, это — «жизнь по сердцу», то есть подлинное, сердечное отношение к другому человеку. Как пишет Н.Лосский: «жизнь по сердцу» создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условностей, без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чуткой естественной деликатности. «Жизнь по сердцу», а не по правилам выражается в индивидуальном отношении к личности всякого другого человека. Отсюда в русской философии вытекает интерес к конкретной этике в противовес к законнической этике. Примером могут служить «Оправдание добра» Вл.Соловьева, книги Вышеславцева «Этика Фихте», Бердяева «Назначение человека», Н.Лосского «Условия абсолютного добра»[129].

Этот фактор мы назвали «Добротолюбие». По смыслу он, как нам кажется, близок к знаменитой подмеченной Достоевским у Пушкина «всемирной отзывчивости» русских. Стержень этого добротолюбия, его живая, питающая сила, конечно же, православие.

Итак, пространство мотивации русского человека, по данным нашего исследования, зиждется на двух мощных основаниях: любви к добру, стремлении делать добро и тяге к риску, загулу, безудержной вольнице. «Пассионарность» и «Добротолюбие» находятся на противоположных концах основной оси структуры **«Ценности,**

выражающие интересы индивида, — ценности, выражающие интересы группы». Таким образом, получается, что поиск новизны и состязательности в жизни для удовлетворения биологических потребностей и переживаемого при этом удовольствия несовместимы с поддержанием и повышением стабильности, безопасности и благополучия своего собственного, своей семьи, общества и природы. И русское «Добротолюбие» — это выработанная православной культурой (очень мягкая и любящая!) узда на русскую «Пассионарность», не будь которой, русский человек разрушил бы вокруг себя все, а самого себя в первую очередь. Так человеческая культура ограничивает и одновременно спасает человеческую природу.

Итак, на мой взгляд, русский национальный характер в своих базовых основах мало изменился за это страшное столетие — все та же жажда чуда и страстная готовность послужить идее всеобщего блага. Самое главное — чем наполнить эту потребность в великой, мессианской идее, ведь русский человек на малое не согласен. И это, пожалуй, уже без иронии — это, как я теперь понимаю, подспудное знание русского народа о своей особой миссии. Именно на этой идее — жертвенного служения миру, спасения мира — ярче всего раскрывался русский национальный характер, поднимаясь до высот духовного подвига и самоотречения. На этой черте национального характера страшно и почти органично паразитировал великий соблазн XX века — коммунистический тоталитаризм, унесший не только жизни лучших русских (и всех российских) людей, но и запутавший умы и опустошивший души на многие десятилетия. Так, что и сейчас многие в России мечтают о его реставрации.

Много еще можно вспомнить соблазнов и окольных дорог, по которым может повести нас наш такой удивительный и непознанный нами самими национальный характер. Но нет у нас времени на окольные пути и ошибки. Нет и такого количества детей, чтобы отдавать их на съедение очередному чудищу. Да и Бог, уча и вразумляя нас, ждет и от нас движения навстречу, хотя бы минимального труда понимания.

Для нас сейчас главное — быть или не быть. Познать свои этнокультурные особенности во всей их гамме и полноте, принять, полюбить и заставить работать на важные и долговременные цели или шарахаться от показанного в кривом чужом зеркале искаженного собственного облика в страхе и презрении, завидовать другим, богатым и успешным, странам, отправлять своих детей на Запад, доживая свои годы в нищете и унынии да в бесконечных сепаратистских войнах с пассионарными иноэтничными областями, бегу-

щими от дряхлого и бессильного русского центра? Как выразилась моя нереализовавшаяся в новых условиях подруга: «Россия — это зона, как в «Сталкере». Сюда можно приезжать на охоту, на рыбалку, за грибами, но жить здесь нельзя».

Жить в России во все времена — особое искусство и особое мужество. Этому нужно учиться. Зато научившись жить здесь — не пропадешь нигде. И начинать нужно со смиренного и упорного познания своей собственной культуры и истории, своей психологии — не кичась, не отчаиваясь, а терпеливо, шаг за шагом. В конце же этого пути неоценимая награда — обретение смысла своей собственной жизни здесь и смысла пребывания России в среде других народов. И понимания того, что мы обречены на успех, мы не зря шли это долгое страшное столетие, спотыкаясь о соблазны и преграды. Мы многому научились. Главное теперь — сберечь дыхание на долгую дистанцию, не соблазняться на дешевые посулы быстрого успеха. Выбрать правителей мудрых и знающих нашу культуру, любящих ее, настоящих. Создать условия для свободной, творческой и очень интенсивной работы для молодых. Они к этому готовы. Они хотят реализоваться и хотят жить достойно.

Главное — помнить и держать в уме дальние, высокие цели, не сиюминутные. В типологической модели личности отечественного психолога Б.С. Братуся приводятся описательные характеристики типа «перестроечной личности», которому, по мнению автора, свойственно переходное потребностно-мотивационное состояние: есть желание, но нет предмета, ему отвечающего. (То есть все чего-то страстно хотят, но не могут сформулировать, чего же.) Очень важно, считает автор, не ошибиться в выборе этого «предмета», определяя ход развития России, и советует, по примеру Толстого, «брать выше», ибо жизнь «снесет»: «...для достижения реального и возможного необходимо стремиться к идеальному и невозможному...» В пример он приводит: французская революция провозгласила свободу, равенство и братство, а в результате получили растиньяков. Что же в итоге получим мы, спрашивает автор, если сознательно и прямым ходом правим к растиньякам?[130]

Как показывают и зарубежные исследования в психологии, во всех культурах большая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием, если деньги — основной мотив поведения личности. Оказалось также, что поведенческие отклонения и преступления выше среди материалистов. Это объективный закон. В нашей культуре он приписан чуть ли не в хромосомах. Это большое преимущество. Надо только не быть слепыми и не повторять чужих ошибок.

Основная примета нашего времени — ослабление роли государства в определении национального идеала и пути дальнейшего развития России. Все главные процессы и решения происходят на уровне личности. Каждый сам выбирает идеалы и ценности, сам определяет, для чего и как ему жить и работать. Это чрезвычайно важный и скрытый от глаз современников процесс. Его результаты скоро станут видны, когда на арену выйдет новое поколение, взрослевшее в последнее десятилетие XX века. Тогда-то и станет ясно, что нам дали эти годы. Но что-то ясно уже сейчас. Первое — безвозвратно ушло в прошлое «время разбрасывать камни» — этим мы занимались весь XX век. Сейчас — время их собирать. И строить. И второе — «век толп» ушел в прошлое, наступает «век личности». Одной из главных ее опор и смыслообразующих каркасов является культура, в которой личность формируется, ее сознательные и бессознательные пласты. Невнимание к ним, пренебрежение ими способно обернуться новыми бессмысленными национальными и личными трагедиями. Давайте научимся извлекать уроки из прошлого. Давайте учиться нашей культуре. Жить в ней, любить ее и защищать. И развивать лучшее в ней.

2.4. Исцеление России

Без великих традиций никогда не бывали великие возрождения.

П.Струве

Исцеление — это не только избавление от болезней, которыми Россия страдала на протяжении XX столетия, но и ее восстановление, то есть воссоединение ее распавшихся, рассеченных частей, которых за этот век было, как минимум, три — Русское Зарубежье, составленное прежде всего послереволюционной и военной эмиграцией, новое русское (ближнее) зарубежье, возникшее в результате Беловежского сговора, ныне борющееся за то, чтобы остаться русским, и сама Россия, тоже не понимающая, русская ли она.

2.4.1. Нынешнее состояние России

О теперешнем положении России и русских написано очень много в постперестроечные годы. Лучший, на мой взгляд, анализ дан в книге А.И. Солженицына «Россия в обвале». Я не буду повторять объективные показатели этого плачевного состояния: ежегодное уменьшение численности русских почти на 1 миллион, низкая про-

должительность жизни, распространенность алкоголизма, наркомании, моральная деградация — все эти болезни являются следствиями не нашего низкого материального уровня, как мы привыкли думать, а нашего духовного упадка. Мы не знаем, ради чего жить, мы как будто вообще не хотим жить. Почему так?

Любому человеку, как и любому народу, необходимо самоуважение. «Возлюби ближнего своего как самого себя» и «возлюби другой народ как свой собственный» — обе эти заповеди как исходного условия требуют любви к себе и к своему народу. Есть это сейчас у нас, у русских? Безусловно, есть, но только в связи со славным прошлым. Нынешняя эмиграция из России является косвенным свидетельством нашей нелюбви к своей стране и нелюбви страны (то есть ее властей) к своему народу. Это больше всего морально уродует и разъедает наше сознание, подрывая сами основы существования России в мире.

Вот совсем недавний пример нашей российской русофобии — письмо в газету под заголовком «Нам никогда не встать с колен»: «Уж лучше умереть стоя, чем жить на коленях. А России никогда не встать с колен, потому что в XX веке у нас полностью уничтожен элитный генофонд, уничтожен цвет нации. Русско-японская война начала века. Легендарный «Варяг». Гибнет, но не сдается цвет русской нации, выпускники Морского корпуса. Революция 1905 года — маленький факел по сравнению с Первой мировой войной, с революцией 17-го и тем более Гражданской войной. Тысячи дворян-офицеров добровольно уходили на войну и погибали в великой мясорубке. Не знаю, да и никто не знает, где больше полегло офицеров-дворян, для которых слово «ЧЕСТЬ» не просто слово, а стиль жизни, — на фронтах или в подвалах ЧК. Кто уцелел, эмигрировал во Францию, США и т.д. — и ассимилировался в этих странах, дав этим нациям струю свежей крови. Истребили казачество — вечных воинов-пахарей. Ограбили и сослали (раскулачили) истинных тружеников села — тех, кто рвал жилы, но поднимал свое хозяйство, а вместе с ним и страну. В Великую Отечественную были добиты остатки генофонда: гибли, защищая Россию, миллионы. Русской нации нет. Кто же мы? Да попросту осколки некогда великого народа. Ни одна нация (если она действительно нация) не будет терпеть многомесячных невыплат зарплат, нищенских пенсий. Не будет терпеть, чтобы ее сыновья гибли в непонятной бойне. Мое открытие просто и печально. Мы быдло, потому что гены чести, отваги, мужества, разума, наконец, навсегда исчезли из России, которую точнее называть теперь не Россией, а Федеральной территорией. Россия, вернее Территория, — страна без будущего»[131].

Это письмо задело и взволновало многих читателей, что говорит о том, что горестное состояние России переживается всеми россиянами, от мала до велика, просто это — в глубине каждого сердца, постоянная ноющая боль, прорывающаяся тогда, когда услышит, почувствует ту же боль, под какими бы масками она ни скрывалась. Конечно, дело не только в уничтоженных генах, скорее в уничтоженной культурной наследственности, которая и давала России почетное имя и место среди других народов.

А ты, «утраченный генофонд», слышишь эту боль? Болеешь ли с нами? Конечно, Россия советская и постсоветская с такой же, если не большей, нелюбовью, страхом, подозрением относилась к Русскому Зарубежью, как и к своим гражданам. Она ничем не помогала им в рассеянии, а когда они, движимые любовью к родине, возвращались, мстила им за эту любовь, ибо не ее, а свою, ту Россию, они любили и в нее возвращались. Об этой иррациональной любви к родине русских людей, толкавшей их на смерть даже ради единого дня на родине, следует вспомнить сейчас нам всем.

2.4.2. История и психология репатриации русских беженцев

Вопрос о репатриации занимает в истории российской эмиграции особое место. Страстная тяга домой заставляла многих русских беженцев первой волны искать возможности возвращения, получив от большевистского режима хотя бы минимальные гарантии своей безопасности. Характерно двоякое отношение к репатриации самого П.Н. Врангеля в 1921 году. Стараясь сохранить во что бы то ни стало наименее разложившиеся части русской армии, он в то же время считал если не желательным, то вполне допустимым возвращение на родину гражданских лиц. Во всяком случае, сохранившиеся документы свидетельствуют, что в штабе главнокомандующего и «правительственных» учреждениях при нем разрабатывались планы репатриации, изучались настроения беженцев, подсчитывалось возможное количество желающих вернуться в Россию. И если еще в ноябре 1920 года о возвращении задумывались менее 1% эмигрантов, то уже декабрь 1920 года был ознаменован первым случаем стихийной репатриации.

Советское правительство вело во всех местах оседания русских беженцев активную агитацию за возвращение в Россию. Так, в Константинополь каждую неделю из Крыма прибывали сотни килограммов литературы, листовок, брошюр и пропагандистских писем. Агентура также получила задание проводить соответствующую работу в

14 Заказ2370

Константинополе и лагерях. В частности, широко использовались письма репатриантов из России и Украины о «великолепном» с ними обращении властей и т.п. Многие верили. Те, кто не участвовал в расстрелах и карательных акциях, садились на пароходы, уходившие в Россию, и возвращались домой. В Крыму их ждали красноармейские части. Репатриантов обыскивали, сортировали и, построив в колонны, грузили в железнодорожные составы, отправлявшиеся на соляные копи, в шахты, лагеря, тюрьмы. После того как 800 человек из числа прибывших в Одессу русских офицеров, солдат и матросов были расстреляны, теплоход, на котором они прибыли, «Рашид-паша», получил у русских беженцев прозвище «кровавый перевозчик». Однако, несмотря даже на это, репатриация не прекращалась ни на один день, потому что страх отступал перед неуемной тоской по родине, потому что многие отчаявшиеся русские были готовы жизнью заплатить за глоток воздуха родины[132].

Хотя наметившееся после окончания Гражданской войны «возвращенчество» в Россию не приняло всеобщего характера ни в период объявленной в 1921 году политической амнистии, ни после, тем не менее в 1921 году в Россию возвратились 121 343 уехавших, а в период с 1921 по 1931 год — 181 432[133].

В основе движения репатриации также лежала потребность личного служения Родине, стремления доказать себе и всему миру духовное величие русского человека, которого не сломило изгнание и который продолжает оставаться гражданином великой страны. Если репатриация русских беженцев из Константинополя носила стихийный, неорганизованный характер, была вызвана нищетой, голодом, безработицей, то во Франции середины 20-х гг. репатриация приобрела принципиально другие черты. На родину стали возвращаться вполне обеспеченные люди, добившиеся в эмиграции известности и материального достатка. И не только тоска и невозможность психологической адаптации на чужбине побуждали этих людей возвращаться в Россию. Среди русской интеллигенции в эмиграции постепенно формировалось сознание оторванности от тех исторических преобразований, которые, по их мнению, совершались на родине. Одновременно крепло чувство, что они нужны, необходимы, смогут быть полезными и вернуть родине преумноженный интеллектуальный и творческий капитал.

В данном случае репатриация являлась осознанным, выстраданным шагом и происходила в ожесточенной идеологической и психологической борьбе с той частью российской эмиграции, которая продолжала занимать непримиримую позицию во всех вопросах, связанных с признанием советской власти, сотрудничества с ней и

тем более возвращения в Советскую Россию. Психологически репатриацию признавали возможной для себя очень немногие — те, кто не принимал участия в военных действиях в составе белых армий, оказался в эмиграции случайно — под влиянием общей паники или других неидеологических причин. Значительно большая часть русских во Франции не могла вернуться в Россию ни при каких условиях — для них это означало бы потерю свободы или жизни сразу при пересечении границы. Следует сказать, что и всех тех, кто вернулся, вне зависимости от наличия вины перед советской властью, рано или поздно ждала та же участь. Одно из немногих исключений — Алексей Толстой, получивший от большевистского правительства все мыслимые награды и умерший своей смертью[134].

Однако сколько существует российская эмиграция, столько существует и репатриация. Уже после Второй мировой войны многим из тех эмигрантов первой волны, кто проявил себя как русский патриот и антифашист, Указами ВС СССР от 10.11.1945 г. и 20.01.1946 г. было предоставлено право получить советское гражданство. В Югославии в 1945 году таких желающих было более 6 тыс. человек, во Франции — 11 тыс. Сотни людей обратились в возобновившую свою работу консульскую миссию в Шанхае. При этом некоторые эмигранты возвращались на родную землю не по своей воле, а в результате экстрадиции (то есть предусмотренной международными договорами выдачи определенных лиц одним государством другому). Они не один год отбыли в сталинских лагерях, но после освобождения остались жить на родине, отказавшись от иностранных паспортов[135].

Во всех этих историях поражает одно — сила и чистота помыслов русских патриотов-беженцев, глубина их иррациональной, сердечной привязанности к родине, стремление послужить ей даже вопреки инстинкту самосохранения, вплоть до осознанного предпочтения смерти на родине жизни в изгнании. А на другом полюсе — подлость и трусость большевистской власти, строящей свое украденное господство на унижении и подавлении всего выше нее стоящего, непонятного и неподвластного страху и низменным инстинктам. Странно, но факт: эта власть уничтожала их, потому что боялась, потому что чувствовала — они не боятся ее, значит, не боятся самой смерти. Им было ведомо то, что стоит за спиной смерти, о чем не знали и не хотели знать они.

«Пришли иные времена, взошли иные имена». Что изменилось ныне в практике репатриации? Очень и очень многое — вернулись те, кто хотел. Вернулись А.Солженицын и Ю.Кублановский, вернулся М.Назаров, немногие другие.

Это все личные решения, власти России ничем не помогали. Как сказал Кублановский: «Я приехал умирать на родину», впоследствии добавив: «Но умирать достойно». Богатый потенциал и желание послужить России даже тех немногих (зато каких!) вернувшихся свои талантом, опытом, выстраданным за границей пониманием ценности русского пути — востребованы они сейчас? Властями — нет. Народной жаждой ответов на вечные «русские» вопросы — да.

Как один из примеров несостоявшейся репатриации, которая могла бы оказать влияние на ход наших реформ, сделать их не такими тяжкими для народа и бездарными по результатам, может служить случай с В.В. Леонтьевым.

Леонтьев Василий Васильевич (1905—1999) — экономист, нобелевский лауреат, эмигрант. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил экономический факультет Ленинградского университета (1925). Вскоре после окончания университета выехал в Германию, где работал над докторской диссертацией в Берлинском университете. Также работал в Институте мирового хозяйства Кильского университета. В 1928 году защитил докторскую диссертацию. В 1929—1930 годах работал экономическим советником министерства железных дорог Китая. С 1931 года в эмиграции в США. Преподавал в Гарвардском университете, где организовал научный центр «Гарвардский проект экономических исследований». Руководил центром вплоть до его закрытия в 1973 году. С 1975 года работал в Нью-Йоркском университете, где организовал и возглавил Институт экономического анализа. Создатель теории экономико-математических методов межотраслевого баланса. Нобелевский лауреат по экономике 1973 года. В 1989 году предлагал советскому правительству свою помощь в реформировании советской экономики. Но предложения Леонтьева не были приняты. С началом перестройки несколько раз приезжал в родной город Санкт-Петербург для встреч с родственниками. Автор монографий «Структура американской экономики 1919—1939 гг.: эмпирическое применение анализа равновесия» (1951), «Исследования структуры американской экономики» (1953), «Будущее мировой экономики» (1977) и др. Умер в Нью-Йорке[136].

Таких примеров, конечно, можно привести не один. Кроме того, сейчас в России уже живет большое число людей, вернувшихся из эмиграции. Вряд ли они могут служить примером удачной репатриации, многие из них остались невостребованными. Это не их вина, их помыслы и чаяния были высоки, это прежде всего проблема государства, не привыкшего дорожить самым ценным в нем — человеческой личностью.

Конечно, далеко не все русские эмигранты сохраняют память о

родине и хотели бы послужить ее возрождению. Таких особенно много среди эмигрантов последних лет, вызревших не столько на гордости Россией, сколько на презрении к ней. «...Но есть уже и дети "новых русских", демонстративно презирающие Россию и задающие на лекции самые провокационные вопросы. Таких новорусских отпрысков встречал я везде — и в Беркли, и в Монтеррее, в Институте международных отношений, и в Аризонской высшей школе международного бизнеса. Никто из них не думает возвращаться в Россию. Никто не переживает за ее судьбу. Наши внутренние болезни иной раз более заметны там, за кордоном. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы наши русские ребята учились во всех лучших университетах мира. Так поступал еще Петр Великий, посылая боярских отпрысков постигать науки в Амстердам. Так поступают сегодня китайцы, заполняя все американские университеты своими вундеркиндами, оплачивая на государственном уровне их учебу. Но китайцы, защитив дипломы, возвращаются домой и работают на величие Китая. Даже те, кто не возвращается, осваивая бизнес в Калифорнии, защищают везде и всюду китайские интересы. Наши же недоросли в американских университетах являются, как правило, охаивателями своей Родины. Даже Виталий Коротич не выдержал этой русофобской истерии "новых русских" в Америке и отстегал их не хуже Шафаревича в «Русофобии»: "Есть и беспросветный предрассудок: некоторым упорно кажется, что Америка будет лучше к ним относиться, если сообщить Америке, до чего прежний дом и его жители были отвратны..."»[137].

Таким образом, тема репатриации русских эмигрантов, особенно из дальнего зарубежья, в современный период еще не ставилась в полный голос правительственными и общественными кругами России. Больше говорят и пишут о возвращении наших соотечественников из бывших республик СССР, но и им помогают очень мало. Мне приходилось бывать в поселениях наших русских людей, вернувшихся в малые города и села России из государств Средней Азии. То нечеловеческое напряжение, невидимый будничный героизм, с каким они, практически никем не поддерживаемые, питаемые любовью к обретенной родине, пытаются выстроить на ней свою единственную жизнь вторично и заново, лично у меня вызывает глубочайшее уважение. Испытавшие на себе последствия республиканского национализма всех видов, вплоть до стояния под дулом таджикских экстремистов, утратившие все — от крыши над головой до родных и близких, занятые тяжелой работой не по специальности и каждодневным строительством, они живут серьезно и

подлинно, с достоинством отвергая от себя попытки политической спекуляции на их общей и личной жизненной драме.

Ежечасно сталкиваясь с равнодушием и враждебностью в свой адрес у себя на родине, устав просить о помощи, они хотят одного — чтобы им «хотя бы не мешали», мечтая как о невозможном чуде о переселении в выстроенные свои трудом дома после многолетнего скученного обитания в вагончиках на окраинах наших городов и сел, а то и в чистом поле. При этом основная их забота — чтобы не воспринимали их как чужих, нахлебников и иждивенцев, помочь тем селам и малым российским городкам, что их приютили, стать культурнее, красивее и богаче. Самое удивительное, что многим из них это удается.

Судьба русских репатриантов и отношение к ним России — показатель истинного состояния русского, российского самосознания. Их беда — это наша общая беда, и их победа — это наша победа. Но для этого мы должны быть вместе и должны поверить в себя. Источник самоуважения нации не в сомнамбулических заклинаниях типа «мы — великий народ с великим прошлым», а в способности здесь и теперь разделить повседневные тяготы тех, кто попал в беду (а мог попасть каждый из нас), заразиться их волей к победе созидания над хаосом и развалом и всем вместе расчищать наши многолетние житейские и духовные завалы.

2.4.3. Возрождение России — наше общее дело

Если не Господь созиждет дом,
всуе трудишася зиждущие.
Пс. 122.1

Рубеж веков, тысячелетий — как горный перевал: то, что позади трудного перехода, — скрылось за вершинами гор, открывается вид только вперед, в то, что раскинулось перед глазами и куда предстоит сойти для жизни и работы.

Чтобы начать эту работу, к которой нас подводили века особенной и по-особенному горькой и значительной русской истории, нам надо поменять взгляд на себя и на Россию. Как писал канадский ученый Ф.Эйдлин еще в 1995 году в еженедельнике «Аргументы и факты»: «Ваш взгляд на себя убийственен. С ним вы не преодолеете трудностей. Это взгляд обреченных. Когда народу тяжело, он должен сохранять достоинство и уверенность. Надо культивировать это, а не мнение, будто вы ни на что не способны». А что мы культивируем? Важнейшая тема национального возрождения бло-

кируется педалированием страха перед «русским фашизмом», когда сама проблема национального возрождения русских автоматически берется под подозрение. Но именно русская национальная идея несет в себе необходимую энергетику созидания, чего нет в других, мертворожденных идеологиях. Ее использовали правители, когда само существование России ставилось под вопрос, и с ней побеждали, спасая Россию и весь мир. Почему так? Да потому, что вложил ее в существование русского народа Бог, а нам нужно только понять эту идею, не соблазняясь всевозможными суррогатами.

И русская эмиграция за это столетие эту идею поняла, осмыслила и выразила. Это — главное ее деяние. За это ей низкий поклон.

В трудах мыслителей русской эмиграции осмыслен весь исторический опыт России, ее «неудачи» и «падения», те жестокие наказания, которые ей посылались для возвращения на ее истинный путь. Миссия России, которую нам сейчас предстоит осознать и выполнить, была высказана в пророчествах великих русских святых: прп. Серафима Саровского, св. прав. Иоанна Кронштадтского, оптинских старцев и других православных подвижников, в которых предсказывалось, что Россию ради чистоты православия, ею исповедуемого, Господь помилует от всех бед и она будет существовать как сильная и славная держава, будет самым могущественным оплотом в мире для грядущей борьбы с антихристом.

«В XX веке православная Россия оказалась распята, но не побеждена духовно. Русский народ с безмерным терпением перенес от мира такие испытания, какие ни один европейский народ не выдержал бы. Словно в русской душе не переставали звучать евангельские слова: “Претерпевший же до конца спасется” (Мф. 24, 13). После векового атеизма эти страдания и терпение, конечно, далеко не всеми осознаются религиозно, но совесть и обычаи народа все же во многом сохранили христианскую основу. Это делает его непригодным и для капиталистических реформ. Русское сопротивление этим реформам — невиданное для других посткоммунистических стран явление. Как и то, в каких условиях оно проходит: в заброшенности людей властями, в нищете или на натуральном хозяйстве, при разлагающем давлении демократических СМИ.

Именно на этом фоне российской нищеты и торжествующей в мире апостасии (отступлении от Христа. — *Н.Л.*) можно сказать, что “чудо русской истории” продолжается. Это ли не еще одно свидетельство избранничества России? Вся логика тысячелетней истории наших падений и их преодолений показывает нарастание опасностей, грозивших нашему православному призванию. Мог ли с ними справиться (хотя и не без потерь) народ “ленивый”, “варвар-

ский", "рабский", каким нас все эти века описывали заезжие путешественники и их доморощенные эпигоны? Разумеется, нет: в нашем народе были иные качества, не видные высокомерному глазу так же, как ему не видны в людях христианские добродетели, скромность и терпение — именно их Запад всегда и считал за нашу "рабскость"»[138].

«Вспомним известный пример из Библии: Господь был готов помиловать Содом и Гоморру, удержать их от разрушения, если бы нашлось в них хотя бы десять праведников (Быт. 18, 32). В России их, несомненно, больше. Поэтому, очевидно, удерживающей силой в это предапокалипсическое время как раз и стал *непрерывно длящийся христианский подвиг богоносного народа, явившего за столетие последнего ига многотысячный сонм Новомучеников Российских, молящихся на небесах во главе с Царственными Мучениками о спасении России. Они и сегодня для нас — тоже Россия, которая в Божием замысле не ограничивается пространством и временем*»[139].

«История имеет свою внутреннюю логику, которая проявляется в повторяющихся прообразах и парадигмах — кирпичиках общего смысла. И если Богоносная Россия в своей истории, как и подобает христианину, уподобилась Христу — взойдя в XX век на свою Голгофу и принеся в своем распятии искупительную жертву, то, вероятно, ей суждено и воскресение для свидетельства Истины всему миру — так же, как Христос после распятия и воскресения явился ученикам на короткое время для последнего земного свидетельства истинности и смысла происшедшего. В сохранении этой возможности для России — смысл затянувшихся российских страданий»[140].

«В прошлом разговоры о русской идее выглядели как романтическая неудовлетворенность западным рационализмом и несовершенством человеческого бытия. В сегодняшнем мире, при небывалом нарастании греха, *речь идет не об отстаивании русской особенности, а о единственном пути спасения мира*»[141].

Идеалом Запада стала Америка. «Америка — это «рай», ибо американцы осуществили «выход из истории и культуры», но «добиться американского результата можно только путем отказа от старого культурного багажа, чтобы не сказать хлама», ибо традиционная культура связывает». «Будущее принадлежит людям, забывшим о своем происхождении, тем, кто не отяготил себя старыми европейскими ценностями и идеалами» — это выдержки из книги француза Ж.Бадрияра «Америка»[142].

«Сама западная экономическая система построена на принципе непрерывного роста, и ей требуются все более крупные "клинья". А

когда вся земля освоена, новые рынки сбыта ищутся уже не на заморских территориях, а в духовном мире самого человека, в огромном континенте его инстинктов, где открываются и поощряются все новые виды потребностей и удовольствий»[143].

Православное понимание истории и отстаивание самой русской идеи, абсолютно неподвластное и резко противоречащее такому разлагающему влиянию Запада, могут, по мнению М.Назарова, превратиться в еще один виток противостояния между Востоком и Западом. «Однако мы не можем уклониться от этого противостояния: сегодня русская идея как идея христианской цивилизации приобретает всечеловеческий аспект не потому, что мы выдвигаем эту претензию, а потому, что спасение мира возможно лишь на этом пути. Ради этой цели стоит быть русским»[144].

И стоит жить в России и ради России.

Лучшая часть русской эмиграции XX века совершила «подвиг русскости», то есть по словам архимандрита Константина, особой «духовной качественности». «Чем обусловлена объективная неизбежность конца мира? Тем, что человечество перестает думать о спасении души. Эта основоположная забота должна возвратиться — в частности и прежде всего у нас. "Спасаяй да спасет свою душу" — единственная программа *реалистически-восстановительная* для нашего времени. Это и есть "подвиг русскости" в условиях апостасии. Оставайся русским и ни о чем не думай, как только о спасении своей души, — вот в чем выражается "подвиг русскости" в наше время. Такое самосознание подскажет каждому верное решение в каждом моменте его жизни и научит быть и отцом, и мужем, и гражданином — верными в своей духовно-просветленной русскости»[145].

Как бы архаично это не звучало для современного сознания, те чудесные промыслительные события, произошедшие в конце XX столетия в России — падение коммунизма, длительные неудачные попытки дикой капитализации России, терпеливое мужественное **самостоянье** народа, его «второе крещение» (православные люди в России знают, сколько нас, отлученных от Церкви, вошло в нее заново и всерьез), — все эти процессы подготовляют сознание русских в России для принятия откровения об особой миссии православного русского народа, ибо только с осознанием его открывается смысл многовекового особого страдальческого пути нашего не самого глупого и греховного народа. Наша задача — принять нашу духовную культуру во всей ее полноте, полюбить, потому что «иго Мое благо, и бремя Мое легко есть», воспитать в ней последующие поколения, жить по заповедям, возродить пригод-

ную для христианской жизни государственность — и не соблазниться другими путями.

Как показывает история, чужой пример нам противопоказан — все равно ничего не получится. Свой путь лучше, тем более что наш национальный характер для него и создавался, этот путь нам впору и соответствует нашей мессианской жажде.

Главное богатство России — не нефть и газ, а люди, главная энергия возрождения страны — это любовь людей к своей родине и желание сделать ее самой лучшей в мире (опять-таки в нашем понимании) страной.

И здесь пора перестать быть так беспечно расточительными. Огромный духовный, культурный, интеллектуальный потенциал, так необходимый сейчас в России, — это Русское Зарубежье, его патриотическая часть, которой не безразличны страдания России, которая хочет и может послужить ее возрождению, восстановлению ее духовного и национального величия.

Это люди, несомненно, сильные, талантливые, умеющие работать, взявшие у Запада его деловитость и рациональность, это люди, добившиеся многого в странах эмиграции. Известно, что необходимость войти, укорениться, стать своим, уважаемым в чужой среде, мобилизует все внутренние силы и скрытые возможности человека, заставляя их работать в эмиграции буквально «на пределе». Не все это выдерживают, но те, кто выдерживает, добиваются многого даже по сравнению с коренным населением этой страны.

Вместе с тем это люди, искренне и бескорыстно любящие Россию. Они не будут ее грабить ради личной наживы — все потребное для жизни у них есть. Они не будут соблазняться «чечевичной похлебкой» добровольного западного рабства — они знают цену первородству. России как воздух нужны такие люди, особенно во власти, потому что власть для них — крест и служение, ответственность за которое они несут перед Богом, а не семейная кормушка и не сублимация комплексов маленького советского человека.

История не знает сослагательного наклонения, она не прощает ошибок. Кровь невинных русских страдальцев XX века — слишком серьезный аргумент в пользу того, что у нас нет права на соблазны и поиск окольных путей. Все уже сказано и показано. Господь сделал всю невероятную работу, которую не мог сделать человек, — Он расчистил путь, Он вложил в разум своих лучших сынов понимание прошлого и будущего России, Он привел нас за руку в свой храм, Он с нами в каждую минуту нашей жизни. Нам только надо открыть Ему свое сердце и жить по Его благой воле. Все остальное приложится. Россия устоит, если мы устоим в Истине. Все вместе.

У русской эмиграции была своя очень важная миссия — продолжать свободную русскую мысль вне России, где она не могла развиваться. Сейчас в этом нужды нет — это можно и нужно делать в России. Русская духовная философия в XX веке действительно совершила всемирный подвиг — решая задачи России, она решила задачи всего мира. У нас благодаря ей есть смысл и цель. А это главное.

Без православного понимания истории у России нет своей особой ценности, поэтому нет никаких преград для эмиграции и ничто никого здесь не должно держать: зачем жить там, где плохо, когда можно жить там, где хорошо? Но Россия особая страна еще и тем, что она дает смысл жизни. Как отдельного человека, так и всей страны.

Один из самых глубоких русских мыслителей в эмиграции, Петр Струве, писал: «России нужно возрождение, а не реставрация. Возрождение всеобъемлющее, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности и в то же время свободное от духа или духов корысти и мести»[146].

Наше воссоединение, исцеление России — дело благородное и единственно необходимое сейчас. Это дело способно исцелить страдающие от уныния и унижения души русских людей в России и позволить потомкам русских эмигрантов воплотить страстную мечту их отцов — вернуть им Россию возрожденной и духовной. Да не посрамится такой страшной ценой оплаченная вера наших предков в истинное величие нашей дорогой родины.

Кроме этого, наша общая работа на благо России способна и на уровне личности произвести благотворные перемены — вернуть русскому человеку личную честь и личное достоинство. Именно об этом напоминает нам наш Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

Весь XX век Россия теряла и продолжает терять своих сынов и дочерей, молодых, талантливых, полных сил и энергии. Говоря о роли людей культуры, покидавших Россию в 20-е годы, Михаил

Лозинский говорит как будто и о нашем времени: «Как только один из таких немногих покидает Россию, видишь: каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры. Если все разъедутся, в России наступит тьма и культуру ей придется вновь принимать из рук иноземцев. Нельзя уходить и смотреть через забор, как она дичает и пустеет. Надо оставаться на своем посту. Это наша историческая миссия»[147].

Будем помнить об этом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М: Паломник, 2000. С. 125.
2. *Соловьев С.М.* Собр. соч.: В 18 кн. М., 1991. Т. 11–12. С. 68–69.
3. *Пушкарева Н.Л.* Русские за рубежом // Русские. М.: Наука, 1997. С. 156.
4. Изборник. Повести Древней Руси. М.: Художественная литература, 1986. С. 58.
5. *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С.160–161.
6. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Эмиграция и эмигранты. СПб., 1995. С. 61.
7. *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен. Автореф. канд. дисс. М., 1993.
8. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 58.
9. Там же. С. 59.
10. *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. Russica Publishers, Inc. N.Y., 1983. Т. 1. С. 44.
11. *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 148.
12. *Комин В.В.* Идейный и политический крах мелкобуржуазной революции за рубежом. Калинин, 1977. С.17–18.
13. *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 149.
14. Там же.
15. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 51.
16. Цит по: *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 65.
17. *Носик Б.* Привет эмигранта, свободный Париж! М., 1992.
18. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 67
19. Там же. С. 66.
20. *Толстой А.Н.* Эмигранты // Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 4.
21. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 69–71.
22. Там же. С. 72.
23. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии и общественой мысли. Париж, 1981. С. 53.
24. *Новиков М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935. С.13–14.
25. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа Русского Зарубежья за полвека. 1920–1970. Париж, 1971. С. 133.

26. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 68.
27. Там же.
28. *Безобразов В.П.* Народное хозяйство России. СПб., 1882. Т. 1. С. 65.
29. *Hermann I.* Die sowjetische Konzentrationslager auf deutschem Boden: 1945—1950. München, 1954.
30. *Филиппов С.В.* США: иммиграция и гражданство, политика и законодательство. М., 1973.
31. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 99.
32. Новое время. 1990. № 43.
33. Путь к будущей России. Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Посев, 1975.
34. Там же.
35. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 103.
36. В поисках истины. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1997. С. 67.
37. *Троицкий Н.А.* Пути второй волны и будущее России // В поисках истины. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1997. С. 39—40
38. *Rueschmeier M., Golomstok I.* Soviet Emigre Artiats. Life and Work in the USSR and the United States. N.Y.—L., 1985. P. 2.
39. *Зубов Б.* 17-я республика СССР: о советской эмиграции на Запад. Сан-Франциско, 1982. С. 144.
40. *Лукьянова Л., Кротов П.* Идейные традиции российской эмиграции и альтернативные программы третьей волны // Традиции отечественной философии. Ч. 1. Гродно, 1991.
41. Цит. по: *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 106.
42. Там же. С. 109.
43. Цит. по: *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 110
44. *Большаков В.* Извините, мы вас не ждали // Правда, 1991. 11 окт.
45. *Юревич А.* Побег с возвращением // Поиск. 1991. № 11 (127). С. 6.
46. Там же. С. 5.
47. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 111—112.
48. Там же. С. 112
49. Там же. С. 112—113.
50. Там же. С. 113—114.
51. Там же. С. 25.
52. *Ильин И.* Путь к очевидности. М., 1993.
53. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 6.
54. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993.
55. Цит. по: *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 12.
56. Там же. С. 11.
57. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
58. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 118—119.
59. *Furnham A. & Bochner S.* Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.& N.Y., 1986.
60. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Констангинополь. Берлин.Париж. Центры зарубежной России 1920—1930-х гг. М.: СПАС, 1999. С. 121—122.

61. Там же. С. 11.
62. Там же. С. 19.
63. Там же. С.147.
64. Там же. С. 122.
65. Там же. С. 21.
66. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 142—143.
67. *Hantington W.C.* The Homesick million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933. P. 28.
68. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
69. *Hantington W.C.* Op. sit. P. 27.
70. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 143.
71. Там же. С. 139—140.
72. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.N. & Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. N.Y., 1992.
73. *Зернов М.* За рубежом. Париж, 1973. С. 123.
74. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Указ. соч. С. 141.
75. Там же. С. 175.
76. Там же. С. 174—175.
77. *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995, 1997 (2-е издание, дополненное).
78. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.N. & Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. N.Y., 1992.
79. *Lowenthal D.* Geography, experience, and imagination: toward a geographical epistemology // Annals, association of American Geographers 51. 1961. P. 260.
80. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
81. Цит. по: *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 29.
82. Там же. С. 30.
83. Там же. С. 31.
84. Московский комсомолец. 21 окт. 2000 г.
85. *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
86. *Соколов М.* Четыре волны // Огонек. 1999. № 40 (4627).
87. *Полянская А.* Русская мысль. Париж. № 4345, 14 декабря 2000 г.
88. *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 157.
89. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
90. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Указ. соч. С.177.
91. *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. С. 40.
92. *Касьянова К.* О русском национальном характере.М.: Институт национальной модели экономики. С. 26.
93. *Солженицын А. И.* Россия в обвале. С. 160.
94. *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Посев, 1957. Кн. 1. С. 5.
95. *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 161—162.
96. Там же. С. 163.
97. *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 8.
98. Там же.
99. *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 164.
100. *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 42.

101. *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 165—166.
102. Там же. С. 168.
103. *Касьянова К.* Указ. соч. С. 111.
104. Там же. С. 112.
105. *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 19.
106. Там же.
107. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С. С. 104—105.
108. Там же. С. 105.
109. *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 170—171.
110. *Ланкур-Лафферьер Д.* Рабская душа России. М.: Арт-Бизнес-Центр. С. 15.
111. Там же. С. 238.
112. *Shwartz S.H. & Bardi A.* Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // Political Psychology. 1997. № 18. P. 385—410.
113. *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 9—10.
114. Цит. по: *Назаров М.* Тайна России. М.: Русская идея, 1999. С. 73.
115. Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. М.: Владос, 1999. С. 658—659.
116. *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 173.
117. *Bond M.* Chinese values. In M.H.Bond (Ed.) Handbook of Chinese Psychology. 1996, Hong Kong: Oxford Univesity Press.
118. *Назаров М.* Тайна России. С. 188.
119. *Громыко М.М.* Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
120. Там же.
121. *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Избр. соч. М.: Художественная литература, 1987. С. 537—538.
122. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева // Собр. соч. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5. С. 73.
123. Там же. С. 72.
124. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. С. 183.
125. Там же. С. 191.
126. Там же. С. 192—193.
127. *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 5.
128. Там же. С. 6.
129. Там же. С. 7.
130. *Братусь Б.С.* Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
131. Московский комсомолец. 15 января 2001.
132. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Указ. соч. С. 33—35.
133. *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 149.
134. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Указ. соч. С. 123—124.

135. *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 152.
136. Интернет-сайт «Русское зарубежье» http://www.zarub.db.irex.ru/.
137. Варварский берег // Завтра. № 50. 10.12.96.
138. *Назаров М.В.* Указ. соч. С. 550–551.
139. Там же. С. 547–548.
140. Там же. С. 553.
141. Там же. С. 209.
142. Цит. по: *Назаров М.В.* Тайна России. С. 209 –210.
143. Там же. С. 211.
144. Там же. С. 211.
145. *Архимандрит Константин (Зайцев).* Чудо русской истории. М., 2000. С. 346.
146. *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 85.
147. Цит. по: *Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Указ. соч. С. 19–23.

3. ВСЕМИРНОЕ ПРИЗВАНИЕ РОССИИ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

Русская послереволюционная эмиграция не похожа ни на одну другую в мире, возникшую в разные времена по политическим, а тем более по экономическим причинам. Даже если возникновение русской эмиграции было связано с политическими катаклизмами на родине, *по своей сути она представляет собой не столько политический, сколько духовный феномен.* И он может быть по-настоящему осознан и понят лишь с учетом историософских факторов, которые необходимо показать в данной части книги: духовное значение православной России для человечества и соответственно смысл ее сокрушения в 1917 году (частицей этой старой России и оставалась русская эмиграция); сущность коммунистического режима, возникшего на месте России; состояние демократического мира, в который попала эмиграция, и вообще особенность самой уникальной исторической эпохи, переживаемой человечеством.

Духовность русской эмиграции характерна уже для бытового поведения ее значительной части. Она всегда считала, что уход за пределы Отечества в столь тяжелое для него время накладывает на ушедших нравственное обязательство: необходимо оправдание своего нахождения не «с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был» (А.Ахматова). И только жертвенным служением своему народу это оправдание достижимо. Осуществляться оно могло в виде разных функций.

В условиях, когда все истинно русское подвергалось на родной земле истреблению, первой функцией русской эмиграции было сохранить традиции России и ее национальное самосознание, стать в меру возможностей как бы блоком памяти своей нации. Этот «подвиг русскости» на чужбине выполнила прежде всего Православная Церковь, множество приходских школ и культурных организаций, а в более широком смысле — и эмигрантская литература, давшая множество исследований, мемуаров и художественных произведений (выделим прозу Бунина и Шмелева). Наряду с русской классикой многие издания русской эмиграции запечатлели утраченную

* Глава подготовлена М.В. Назаровым.

15 Заказ 2370

российскую цивилизацию и сохранили ее духовные ценности в надежде, что они когда-нибудь пригодятся будущей России...

Вторая функция эмиграции, в выполнении которой участвовали более узкие ее круги, заключалась в непосредственной помощи тем силам на родине, которые сопротивлялись коммунистическому эксперименту, отстаивая традиционные нравственные ценности. Особенно это стало возможно в послевоенное время и выражалось в заступничестве за преследуемых деятелей, в создании им международного авторитета, в издании за рубежом их работ, в нелегальной переправке в СССР запрещенной там литературы (художественной, исторической, религиозной), в попытках содействия необходимым реформам и т.д. Даже если максималистские освободительные цели политических организаций Зарубежья так и не были достигнуты, все же их деятельность тоже имела значение для изживания режима, для подготовки будущих перемен.

И, наконец, третья функция и задача русской эмиграции — духовное осмысление революции и всего трагического XX века во всемирном масштабе. Русская эмиграция соприкоснулась со всеми идеологиями, противоборствовавшими в этом столетии, и познала подлинную раскладку мировых сил. В обретении столь уникального опыта применительно к российским и мировым проблемам нынешнего времени и заключалась главная миссия русской эмиграции, определяющая ее суть. Этот опыт — самое ценное, чем Русское Зарубежье может быть полезно для своего народа. Более того, как мы покажем далее: от того, усвоит ли нынешняя посткоммунистическая Россия этот опыт, зависит и возможность ее возрождения, и судьба всего мира.

Этой миссии русской эмиграции, в выполнении которой количественно участвовала ее очень малая часть, уделено основное внимание в данной части книги*. Для христианина все в мире имеет смысл; в том числе и катастрофы — они дают опыт, который, пожалуй, иным образом получить было нельзя. Тем более что российская катастрофа стала эпицентром мировой. Этот опыт по ее осознанию отражен в трудах русского зарубежного духовенства и религиозных философов. Хочется надеяться, что он будет услышан и в окружающем мире, когда будет представлен не от «утопистов-эмигрантов», а от имени самой России. Православный народ, даже если он пока еще в меньшинстве, этот опыт уже вбирает, находя в нем ответы на самые насущные вопросы: «Мы становимся свиде-

---

* Здесь использованы материалы двух других наших книг: «Миссия русской эмиграции» (1992, 1994) и «Тайна России» (1999).

телями удивительного процесса, который предчувствовался лишь очень немногими людьми, а большинству казался просто невероятным: книги, написанные нашими мыслителями в изгнании более полувека назад и напечатанные мизерными тиражами, становятся насущно необходимыми нам сегодня, — подчас они звучат гораздо актуальнее и глубже, чем то, что пишут современные политологи и публицисты»; авторы этих книг «воспринимаются как наши современники, не только органически вписывающиеся в нынешние дискуссии, но и подчас дающие им то направление, которое приводит к истине... Это беспрецедентное явление в истории культуры»[1]...

Хотя, конечно, и в этой области не обошлось без ошибок и соблазнов — осваивая наследие русской эмиграции, их непременно нужно знать; им тоже далее будет уделено внимание. Но сначала очертим общие, предварительные контуры этого эмигрантского опыта.

3.1. Русская эмиграция как передовой дозор русской нации в предапокалипсическую эпоху

Георгий Федотов, историк Церкви и публицист (даже если далеко не всегда с ним можно согласиться), нашел очень удачный образ опыту эмиграции: «С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы: воистину "все царства мира и слава их" — вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона — в Европу и в Россию: действительность, как она есть, без румян и прикрас»[2].

Этот опыт был обретен и выражен на разных уровнях: политическом, идеологическом, религиозно-историософском.

1. **На политическом уровне** крушение православной России обнажило скрытые пружины длительной антирусской кампании влиятельных сил Запада. Эмиграция смогла увидеть механизм этой работы из-за кулис. Философ И.А. Ильин так писал об этом:

«Следуя тайным указаниям европейских политических центров... Россия была клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма... Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами... А когда это совершилось, то делала все, чтобы помочь главному врагу России — советской власти...»[3]

Еще более важную роль в этом, помимо Европы, сыграли еврейские банки в США, стремившиеся добиться равноправия иудаизма в России, то есть дехристианизировать российское общество, как это им давно удалось на Западе. Ныне уже документально подтверждено все то, о чем в свое время русские эмигранты писали, порой очень эмоционально, как свидетели событий:

— революцию в России финансировал глава еврейского финансового мира в США Я.Шифф и другие банкиры, дававшие также с этой целью кредиты Германии;

— Германии и Австро-Венгрии был предложен и осуществлен план Гельфанда — Парвуса по объединению всех антирусских и подрывных сил в Первой мировой войне;

— все движущие силы Февральской революции (Временное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов, еврейский центр под названием «Политбюро») возглавлялись масонами, действовавшими в связи с заграничными «братьями» из стран Антанты;

— Белое движение было сознательно предано нашими союзниками по Антанте, которым были выгоднее большевики, разрушавшие православную Россию; лишь с помощью Запада они выиграли войну против собственного народа;

— в 1920—1930-е гг. с западной помощью большевики провели «индустриализацию», уплатив за это захваченными российскими ценностями (а внутри России — миллионами загубленных жизней).

Более поздние проявления западного предательства: выдача в СССР миллионов беженцев-антикоммунистов и белогвардейцев в конце Второй мировой войны; единогласно принятый Конгрессом США в 1959 году закон о расчленении России P.L. 86—90, в котором русский народ не признан порабощенным коммунистами, а фигурирует как поработитель других российских народов, даже мифических «Казакии» и «Идель-Урала», чью борьбу против русских США официально обязались поддерживать (этот закон не отменен по сей день)...

Причем западные демократии вели себя так по отношению к России не только из эгоистических интересов экономической экспансии, не только ради устранения сильного геополитического конкурента, но и из ощущения духовной чужеродности самой православной цивилизации, которая сопротивлялась западной демократической экспансии.

2. **Идеологический опыт** русской эмиграции заключался как в окончательном осознании этого духовного отличия России от Запада, так и в уточнении идеала русской христианской государствен-

ности — на основании изучения разных общественных систем: демократии, фашизма, социализма.

Что касается *демократии*, то даже многие ее приверженцы, попав на Запад, увидели ее духовную ложь: злоупотребление свободой для легализации греха без различения добра и зла. С.Л. Франк в книге «Крушение кумиров» (1924) написал, что прогрессивное Новое время, которое обещало человечеству освобождение от «реакционной религиозной тьмы», «изобличено теперь в нашем сознании как эпоха, которая через ряд внешних блестящих успехов завела человечество в какой-то тупик и совершила в его душе какое-то непоправимое опустошение и ожесточение... Человечество пришло на наших глазах к состоянию нового варварства»[4]: к пустоте жизни, к дурной бесконечности роста материальных потребностей, что в итоге ведет к саморазрушению.

К началу XX века западные демократии уже представляли собой формально «власть народа», по сути — власть денег, инструментом же властвования стала ставка на освобождение низменных инстинктов людей, что и способствовало «новому варварству». Особенно это проявилось после победы демократий над монархиями в ходе Первой мировой войны (в этом и заключался ее идеологический замысел — отметил П.Б. Струве)[5].

Эта «варваризация» населения проводилась международными финансовыми кругами вполне сознательно, ибо только в дехристианизированном, атомизированном обществе, лишенном религиозных и национальных ценностей, деньги могут стать главной ценностью и властью (эту опасность демократии отмечали даже немонархисты, как, например, П.И. Новгородцев, А.И. Солженицын и многие другие).

Фашизм стал общеевропейской националистической реакцией на победу такой космополитической демократии и на распространение интернационального коммунизма. Сегодня слово «фашизм» используется в применении к расистскому режиму в Германии, но первоначальный фашизм в Италии, как и родственные системы в Испании и Португалии, имели разумные социально-экономические черты (корпоративизм — вместо партийной структуры демократии и вместо классовой борьбы коммунистов). Эти системы не имели идей расового превосходства, а стремились защитить народ от демократического и интернационалистического разложения и от международных ростовщиков.

Русская эмиграция симпатизировала фашизму как единственному союзнику в борьбе против большевистского режима (демократии тогда поддерживали большевиков, заключив с ними антифа-

шистский союз). В идейном же отношении все русские правые организации, даже называвшие себя «фашистскими», были совершенно иным явлением, чем европейский фашизм[6].

Фашизм стал «революционной» реакцией на вырождение европейской же либеральной демократии, но при отсутствии четких духовных ориентиров «новые» фашистские идеи часто разрабатывались на старых путях языческой гордыни. Поэтому фашизм в Италии и тем более в Германии пришел к краху вследствие застарелого порока западной цивилизации: ее рационалистического нехристианского духа. Более же христианские варианты этих систем в Испании и Португалии не смогли позже в одиночку устоять перед натиском демократий.

Русская эмиграция, тоже отрицавшая и западную демократию, и большевизм, стремилась к восстановлению русского православного пути. В отличие от западного фашизма Русскому Зарубежью не нужно было изобретать ни «новую религию», ни общественный идеал, ибо он давно существовал: Святая Русь и стремление к социальной правде. Наоборот, европейский фашизм в чем-то бессознательно стремился осуществить идеал, близкий к русскому, как об этом писал И.А. Ильин: «Государство не есть механизм состязающихся корыстей, но организм братского служения, единения веры, чести и жертвенности: такова историко-политическая основа России. Россия стала отходить от нее и сокрушилась. Россия вернется к ней опять. Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую национальную идею применительно к своим условиям»[7].

О коммунистическом варианте *социализма* как составной части опыта русской эмиграции нет нужды говорить особо. Часто люди спасались от него в эмиграцию как от неминуемой смерти. Стоит лишь напомнить известные слова о «лжи» и «правде» этого коммунизма-социализма: о верном стремлении к социальной справедливости на ложном, богоборческом пути. Об этом не следовало забывать и в годы разрушения социалистической системы, чтобы не выплескивать вместе с водой ребенка... Но, к сожалению, в эти годы в России возобладал симбиоз худших черт демократии и коммунизма, вылившийся в «великую криминальную революцию»...

Можно сказать, что в своих идеологических разработках русская эмиграция стремилась отделить правду от лжи и соединить все правды разных общественных систем. Для этого необходимо осознание той истины о духовном устройстве мира, которую игнорировали и демократия, и социализм, и фашизм. Эту истину дает только православное учение. И с этой точки зрения поиски эмиграции были не

чем иным, как осознанием и очищением вечного первообраза России, Замысла Божия о ней, который был ответно осознан русским народом в своей истории как идеал Святой Руси.

Разумеется, этот православный идеал — монархический: идеал богоосвященной власти. Но и монархию мыслители Русского Зарубежья увидели по-новому[8], не просто как верность традиции предков, но как соответствие самой духовной природе общества и смыслу истории. Это означало совместное служение всех слоев народа и Царя как выразителя народного идеала Божьему Замыслу о России.

3. Здесь мы переходим к главному, **историософскому** опыту русской эмиграции, чему и посвящена данная глава: призванию России в драме истории, понимаемой как борьба между христианскими и сатанинскими силами, которые нашли и своих ярко выраженных носителей в составе человечества.

Русская эмиграция воочию увидела, что западная цивилизация постепенно утратила свои христианские ценности, соблазнившись материальными благами; дальнейшее развитие в этом направлении ведет к предсказанному в Евангелии царству антихриста в конце земной истории. Россия же, став преемницей первой христианской империи, Византии, после откола Запада в ересь и сокрушения Константинополя (Второго Рима) турками осознала себя Третьим Римом. С этим полюсом христианской государственности святые отцы издавна связывали слова Священного Писания об «удерживающем» мир от прихода антихриста (2 Фес. 2).

Сокрушение православной России Февральской революцией 1917 года было следствием утраты ведущим слоем русского народа удерживающего сознания, и это ослабило нас перед натиском антихристианских сил. Без удерживающей России мир устремился к своему концу. Однако в нашей революционной катастрофе обнаружился и другой, провиденциальный смысл. Большевики, перехватив у масонов-февралистов власть, ценою огромных жертв невольно удержали Россию от присоединения к демократической «общечеловеческой семье», оставив нам теперь возможность иного выбора.

Сейчас, с концом коммунистического режима, этот выбор России будет последним: или мы найдем в себе силы вынести из XX века должный урок, чтобы вернуться к осознанию своей удерживающей роли, или же мир придет к воцарению антихриста и концу истории. Многие наши святые верили, что перед концом времен Россия может возродиться, чтобы продемонстрировать Истину Евангелия всему миру для окончательного отбора тех, кто способен войти в Царствие Божие.

В этом историософском плане русская эмиграция оказалась передо-

вым дозором русской нации, посланным судьбою в небывалую экспедицию: осмыслить масштаб нашего катастрофического XX века как репетицию апокалипсиса и осознать истину «от обратного». Именно этот опыт эмиграции оправдывает ее нахождение не со своим народом в столь трудные годы испытаний. Этот опыт очень необходим сейчас России.

Для его понимания необходимо представить ту историософскую систему координат, в которой православные мыслители русской эмиграции осознали миссию России, ее отличие от Запада и все мировые проблемы. Восстановление этих православных координат можно считать и главным условием для выполнения русской эмиграцией ее миссии, и ее главным итогом.

3.2. Православное понимание смысла истории

Бог создал мир и в нем человека по Своему «образу и подобию». Но человек, созданный свободным, проявил своеволие, не пожелав следовать Божественному закону жизни. Из-за этого история человечества превратилась в драму, причина которой в злоупотреблении человека своей богоданной свободой. К тому же в мире действуют и иные силы, отрывающие человека от Бога.

Своеволие свободной твари началось еще ранее, с бунта части ангелов, ставших бесами (во главе с их предводителем — сатаной) — соперниками Бога в деле мироустройства. Именно через них происходит грехопадение первых людей, возомнивших стать «как боги» и впустивших в земной мир бесовское зло. Совершив этот грех, человек настолько ушел от Истины, что подпал в своих верованиях под власть сатаны (именно бесов нетрудно узнать в страшных божках языческих религий, которые часто требовали человеческих жертвоприношений). Освободить человека от этого рабства мог уже только Мессия — Помазанник Божий.

Возвещенное пророками пришествие Мессии — Христа стало центральной точкой истории (от которой даже летосчисление идет в разные стороны). Сын Божий, сознательно умалив свое могущество, стал человеком, чтобы, праведно пройдя путь земной жизни, через страдания, смерть и воскресение показать людям путь спасения от власти сатаны к жизни небесной. Для этого Христос основал Свою Церковь как врата спасения. При этом Он открыл людям смысл истории уже во всем его масштабе: от Адама до антихриста.

Бог создал человека не как раба, а по Своему «образу и подобию», как объект Своей любви — чтобы разделить с ним благо свободного сознательного бытия в вечном Царствии Божием, через ответную любовь человека к Богу. *Царство Божие и есть цель земной истории.*

Однако Богу нужен именно *свободно* выбирающий Его человек; ведь всемогущий Бог мог бы сразу создать Свое царство из послушных людей-автоматов, но в этом не было бы ни соучастия людей, ни их осознанной верности и любви, ни тем самым духовной ценности такого царства (а лишь механическая причинность, как у заводной игрушки). Поэтому Бог, уважая свободу человека, дает ему возможность сознательно избрать путь служения Истине, сделавшись сопричастным ей.

И именно свобода стала причиной того, что сотворенные существа не справились с ее бременем, уклонившись от Божьего замысла и став на путь зла. Злом является все, что противится Истине. Не в силах ее изменить, оно может лишь разрушать творение и тварь. Когда люди следуют Божественной Истине, она действует в их судьбе как закон жизни, обеспечивая их подлинный духовный расцвет; уклонение же от Истины обрекает на гибель — и тогда тот же самый закон проявляется в судьбе народа или отдельного человека как «закон смерти».

Так грехопадением ангелов и человека была искажена природа земного мира и в него была впущена смерть. С этого момента и начинает развиваться человеческая история как *драма борьбы между силами добра и зла за две разные концепции мирового бытия.* Одна — по плану Бога, цель Которого — добровольное обращение людей к Источнику бытия в *вечном Царстве Божием,* которое «не от мира сего» (Ин. 18, 36); праведники узрят «новое небо и новую землю» (Откр. 21, 1). Другая концепция — по плану Его соперника, сатаны, цель которого — хотя бы на время подчинить себе обманом людей *в своем временном царстве земном,* ибо создать иное царство сатана не способен, и в конце истории испорченная им греховная «земля и все дела на ней сгорят» (2 Петр. 3, 10), уничтожат себя по упомянутому «закону смерти».

Поэтому Церковью еще в первые века христианства был отвергнут хилиазм — верование в совершенное «тысячелетнее царство» на нашей земле, в котором перед концом мира якобы Господь будет зримо царствовать с праведниками. Такое земное царство в виде награды праведникам лишено смысла, поскольку им уготовано Царствие Небесное; Церковь учит, что «тысяча лет», когда диавол окажется скован, то есть ограничен в своей силе против людей, это и

есть наша христианская эпоха между первым пришествием Христа и будущим воцарением антихриста.

В этом различии между верой в преображенное Царство Божие и верой в возможность совершенного царства на непреображенной земле (что Христос отверг в пустыне как дьявольский соблазн) и заключается главный водораздел между христианским и нехристианским пониманием смысла истории. Христианское — одно, это важнейшая и неотъемлемая часть самой веры; нехристианских же может быть много, так как от Истины можно уклоняться в разные стороны. Но независимо от того, каким путем мыслится в них установление «земного рая» — свободным развитием научного прогресса (либеральная демократия) или тоталитарной организацией производственных отношений (марксизм), — они соответствуют замыслу сатаны или создают для его дел благоприятную почву. Все они в родстве с земными чаяниями иудаизма, из-за которых евреи отвергли небесные ценности Христа и ждут своего еврейского земного «мессию» (что является сутью иудаизма). Стремление к «земному раю» означает неверие в Царство Божие, и даже когда это диктовалось желанием «исправить несовершенство мира» при забвении его смысла, оно нередко облегчало построение царства сатаны.

Это, конечно, не значит, что люди не должны совершенствовать своей *временной* земной жизни, но критерием совершенства должно быть облегчение достижения ее конечной цели: *вечной* жизни в Царствии Божием, что и ставила себе задачей православная государственность. На земле возможно лишь стяжание Царства Божия праведным человеком внутри себя (*«Царство Божие внутри вас есть»* — Лк. 17, 21) — путем борьбы с грехами, через благодать Святого Духа, даваемую в таинствах Церкви. Падения же людей как временное торжество зла над ними Бог попускает в силу их свободы воли, чтобы они на личном опыте узнавали пагубность отклонения от Истины и сознательно возвращались к ней.

При этом Христос предупредил, что, обратясь в большой своей части ко Христу, человечество все же не удержится на этой высоте. Будучи свободным, оно вновь не справится со своей свободой, даст сатане и его слугам вновь обольстить себя преходящими благами мира сего. Этот процесс отступления христианского мира от Божественной истины называется апостасией (2 Фес. 2, 3; 1 Тим. 4, 1).

Земной мир придет к своему концу, когда силы зла одержат в нем внешнюю победу над силами добра и на короткое время перед концом в мире воцарится посланец сатаны — антихрист. Апостол Павел говорил об этом так: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды

удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих, и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес. 2, 7—8). Именно этот «беззаконник», «человек греха, сын погибели» отождествлен в святоотеческой традиции с антихристом. Перед концом мира он будет править всей землей три с половиной года теми материалистическими средствами, которые сатана безуспешно предлагал Христу в пустыне: «хлеб», пропагандное подчинение людей «чудесами» и земная власть над всеми народами; то есть это будет жизнь грешных людей для себя, а не для Царствия Небесного. Второе же пришествие Христа, истребляющее антихриста, разделит, как очистительная буря, все человечество на здоровые семена для Царствия Божия и гнилые «плевелы», которые достанутся царству сатаны и сгорят с ним в огне.

Никому не дано точно знать, когда это произойдет: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. 24, 36), — сказал Христос. На этом основании кое-кто из «просвещенных христиан» пытается осудить сами размышления об антихристе как «неуместные». Однако в Священном Писании содержатся приметы царства антихриста, и нам было заповедано знать их: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Мф. 24, 32—33; Лк. 21, 29—31); это необходимо, чтобы противостоять антихристу и не подпасть под его власть — без этой существенной части христианского учения оно может превратиться в отвлеченную мораль.

Главные из этих признаков: Евангелие будет проповедано по всей земле для свидетельства Истины всем народам, но усилится отступление человечества от веры в Бога в сторону лжеучений и небывалого материального развития, от христианской государственности к своеволию грешных людей и к упадку нравственности, а в конце времен даже от истинной Церкви к лжецеркви, так что на святом месте даже будет «мерзость запустения». Это нарастание зла на земле будет все больше нарушать и физическую гармонию вселенной, сопровождаясь природными катаклизмами, эпидемиями, голодом и прочими бедствиями, а также умножением беззакония и всеобщими войнами (Мф. 24; Мр. 13; Лк. 21; 2 Тим. 3, 1—5, 4, 3; Откр. 17—18). После чего и явится антихрист в виде «спасителя» человечества. А «Сын человеческий пришед найдет ли веру на земле» (Лк. 18, 8)...

Конец истории, как уже сказано, будет не гибелью человечества, а его преображением для жизни в новом измерении. Однако войти в эту новую жизнь удастся лишь тем, кто уже в земной жизни займет правильное место в борьбе между силами добра и зла. Причем та и другая силы имеют в человеческой истории и свои

прямо противоположные по духу оплоты в виде той или иной государственности и ее идеологии. *Дозревший до кульминации конфликт между ними и связанные с этим мировые катаклизмы XX века и породили русскую эмиграцию как особую часть русской нации, призванную дать духовную реакцию на эти катаклизмы, поняв их суть.*

Исходя из описанного смысла истории, под «тайной *беззакония*» следует понимать действия сатаны, который противится Божественному *закону*, открытому людям Христом. Причем сатана, не способный соперничать с Божией Истиной явно и открыто (так он сразу проиграет), вынужден действовать против Истины *тайно*, под маской заботы о людях, привлекая их к себе обманными соблазнами, главный из которых — тот, перед которым не устояли уже Адам и Ева: гордыня («будете как боги»).

Из Евангелия очевидно, что после части ангелов и первых людей следующей такой жертвой сатаны стал богоизбранный народ — еврейство, не узнавшее и отвергнувшее долгожданного Мессию — Христа. Не имея точного понятия о бессмертии души, оно эгоистично возжаждало только себе и уже на земле тех обетований, которые Бог через еврейских пророков предназначил всему человечеству в Царствии Божием. Будучи инструментом, избранным для передачи народам мира Божией Истины, еврейство лишь в малой своей части (апостолы и первые христиане) выполнило это призвание. В остальной же массе, вследствие национальной гордыни своих вождей, оно вознамерилось с помощью «своего бога» покорить себе мир и ждет для этого «иного мессию»: «Представление о земном Мессии... является официально признанным в иудаизме... Его [мессии] назначение — избавить евреев от власти языческого мира, низвергнуть правителей язычников и основать собственное царство»[9]. Под «язычниками» здесь, разумеется, понимаются и христиане...

Так иудеи-антихристиане, ждущие своего земного израильского царя, отвергли свое призвание и стали главным оплотом «тайны беззакония» и готовящегося ею царства антихриста. Об этом предупредил их и Сам Христос: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5, 43); «Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего... Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8, 19, 44). Причем речь идет не о слепоте фарисеев, а об их осознанном выборе зла: «...если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Ин. 9, 41). И даже после чудесного воскресения Христа они предприняли все возможное, чтобы оклеветать Его и объявить своим главным врагом.

Вследствие этого отвергнувшее Христа еврейство лишается своей богоизбранности: «Се, оставляется дом ваш пуст» (Мф. 23, 38; Лк. 13, 35). Христос предупредил об этом иудеев и в притче о «винограднике» и «виноградарях», убивших сначала «слуг хозяина» (пророков), а затем посланного им «сына хозяина» (Христа), чтобы «завладеть Его наследством»: «Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21, 33–43). Апостол Павел позже подтвердил, что теперь избранничество перешло к христианам: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 3, 28–29). Причем еврейские священники и книжники захотели убить Христа, поскольку «поняли, что о них сказал Он эту притчу» о винограднике (Лк. 20, 19) — еще одно подтверждение, что они пошли против Христа сознательно.

Разумеется, сатана действует в мире через представителей разных народов. Однако «усыновленное» им антихристианское еврейство представляет собой особо активный феномен: избрав себе нового «отца», оно меняет у своей избранности знак с плюса на минус и с тех пор «представляет собой лабораторию всяких духовных пороков, отравляющих мир и в особенности христианское человечество»[10], — отметил даже о. Сергий Булгаков, которого никак не упрекнуть в антисемитизме. Нельзя вообще сводить к примитивному «антисемитизму» эту неотъемлемую часть христианского учения о том, что гордыня вождей избранного народа привела его вместо великой славы к великому грехопадению: будучи столь близким к пониманию Истины, еврейство стало яростным борцом против нее — ради установления еврейского царства на земле.

Видя в христианах «присвоителей» тех обетований Божиих, которые еврейство связывало исключительно с собой, и упразднителей еврейской богоизбранности, оно повело борьбу с христианством как со своим экзистенциальным врагом. Поначалу оно попыталось для этого воспользоваться государственной силой Римской империи, спровоцировав антихристианские гонения. Но эти гонения лишь раскрыли духовную силу христиан и истинность их Бога, что в конечном счете в IV веке привело к христианизации Империи. При императоре Константине христианство становится государственной религией и стремительно ширится вокруг своей средиземноморской колыбели.

Не сумев физически искоренить христианство в первые века его становления, антихристианские силы стремятся создавать ему всевозможные препятствия. В частности, в VII веке под влиянием еврейства (так это описывает еврейский историк Г.Грец[11]) возникает учение ислама, чтобы воспрепятствовать распространению христи-

анства на Восток и затем для нашествий на христианский мир. Предпринимаются постоянные попытки разложить само христианство изнутри ересями. Церковь поначалу справляется с ними соборным мнением епископов, все более четко формулируя христианские догматы. Однако постепенно действие антихристианских сил охватывает самые разные сферы человеческой жизни, используя основной метод сатаны — поощрение человеческой гордыни.

Основные эпохальные этапы наступления «тайны беззакония» в христианском мире: откол западного христианства от Православной Церкви, завершившийся в XI веке; Возрождение XIV—XVI веков (то есть возрождение античного дохристианского наследия, отвратившее взор от Царства Небесного на чувственную человеческую плоть: «гуманизм»); Реформация XVI века (преобразовавшая христианство в прикладную религию земного успеха, санкционировавшую капитализм); гуманистическое Просвещение (заменившее с XVII века Бога философским идеализмом и пришедшее к атеистическому обоготворению греховного человека). Свое политическое оформление Просвещение нашло в виде демократии через антимонархические буржуазные революции, после чего на повестку дня стал глобальный «Новый мировой порядок», подготовка которого началась демократическими мировыми войнами XX века...

Эти успехи «тайны беззакония» объясняются тем, что соблазнять человека к сиюминутным земным целям, к эгоизму и безвольному греховному падению легче, чем побуждать к усилиям для духовного восхождения.

Так, соблазн западной Церкви заключался в гордыне земной власти (дьявол применяет тот же прием, что и в соблазне иудейства) — для «зачатка Царства Божия на земле». Поначалу это была гордыня «столичных» римских епископов, которая привела их к отказу от христианских императоров Византии и к признанию в 800 году своим императором Карла Великого. Затем рационалистический фундамент языческого Рима стал все больше сказываться и в церковной практике, и в вероучении. Успехи христианизации они измеряли по внешним, земным критериям при невнимании к духовному росту человека. При этом дисциплина и право — сами по себе ценности положительные, но определяющие лишь внешнюю форму жизни человека — стали преобладать над ее целью: праведностью для достижения Царства Небесного.

Видимо, именно эта обращенность к земной человеческой организации объясняет догматические новшества католиков: вольно или невольно они стремились размыть принцип неслиянно-нераздельного соединения Божественного и человеческого во Христе в сторо-

ну человеческого. Так, упорствование в «филиокве» — исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и «от Сына» — возможно, таит в себе подсознательный смысл: от Бого-*человека*. Смысл Боговоплощения явно искажается и догматом о «непорочности зачатия» Божией Матери Ее родителями: таким изъятием Божией Матери из состава обычного человечества выдергивается ключевое звено в Боговоплощении как неслиянно-нераздельном соединении Божественного и человеческого для искупления всех грешных людей.

Сама католическая трактовка искупления представляет собой юридическую аналогию возмещения морального ущерба. Рационально-юридическое толкование спасения как действия внешнего (церковные таинства в понимании католиков действуют автоматически и на недостойных) ведет к формализации добродетели как количественной меры. Отсюда и вопиющая практика продажи католическим духовенством «излишков добродетели» праведных людей грешным в виде индульгенции.

Во всем этом было умаление необходимости личного и свободного духовного усилия человека для спасения. В области организации католическая Церковь своим идеалом имела скорее всемирную дисциплинированную армию с беспрекословным чинопочитанием. Православная же Церковь — соборную семью верующих с уважением святости в своих предстоятелях и подвижниках.

Провозглашение римских пап «непогрешимыми» наместниками Христа было закономерным увенчанием структуры бюрократически-юридического христианства, в корне противоречащей соборному Православию. Подменяя собой государственную власть в ряде стран или соперничая с ней (что воспитывало и в западных монархах не христианские и не служебные качества, а властное стремление к абсолютизму), католики наряду со степенями священства ввели параллельную чиновничью иерархию в виде кардиналов, легатов, нунциев; Ватикан считается государством.

А подчиненный папе католический орден иезуитов, перенимая в борьбе с антихристианскими силами их средства, легализовал для этого даже принцип «приспособительной морали»: «святая цель оправдывает любые средства», включая ложь... Это было не чем иным, как переходом к жизни по чужим правилам, правилам дьявола, что стало его серьезной победой над западным христианством.

Протестантизм был во многом понятной реакцией на заблуждения католицизма, но при этом протестанты утратили само понимание Церкви. Она стала для них прежде всего идеей, помогающей лучше устраивать «реальную» жизнь...

Характерным для всего Запада (католического и протестантского) стало, что их главный христианский праздник — Рождество, воплощение Христа *в мир сей*; тогда как у православных главный праздник — Воскресение Христа и Его открытие людям врат *из мира сего* в Царствие Небесное. Для попавших на Запад эмигрантов, выросших в православной традиции, эта разница была особенно очевидной даже без вникания в догматические разногласия.

В русле этого земного соблазна на Западе крепли и сознательно антихристианские силы, постепенно добиваясь успехов. Эпоха Реформации стала новым этапом западной апостасии, породив множество ересей (наподобие ереси «жидовствующих» на Руси). Сама Реформация развивалась под сильным влиянием еврейства, пишет Грец: «Многие пылкие евреи видели в этом восстании Лютера против папства падение христианского учения и триумф иудаизма»[12].

Протестантство и иудаизм (ранее сдерживавшийся однородным христианским окружением) рождают капитализм: небывалую ранее экономическую активность людей, сбросивших с себя христианские нравственные запреты. «Среди множества религиозных сект, которые вызваны были Реформацией... возникли и такие, которые склонились более к иудаизму»[13]. В них утверждается, что Бог изначально и неизменимо предопределил одних людей к спасению, других к погибели — независимо от человеческой воли (чем отрицается и свобода воли человека, и необходимость его усилий ко спасению, и всеблагость Бога, который, получается, способен произвольно и незаслуженно обрекать человека во власть зла).

Наиболее известные из таких сект (пуританство, кальвинизм) выводят отсюда и немыслимое ранее оправдание нового экономического уклада: признаком «богоизбранности» объявляется богатство. В этом главный смысл и цель так называемой пуританской «трудовой аскезы» — не для Бога, а для собственного материального преуспеяния. Позже западные ученые (М.Вебер, В.Зомбарт) убедительно показали, что капитализм как освящение материальных земных ценностей стал возможен именно вследствие иудаизации западного христианства.

Так Запад благоустроил свою землю материальными ценностями в ущерб ценностям небесным. С ними как бы заключался компромисс: они должны помогать земному «счастью», стремление к которому провозгласила американская «Декларация независимости» (1776). Она стала образцом для европейских буржуазных революций, в которых антихристианские силы добились новых успехов — равноправия христианской и антихристианской религии: во Франции (1791), Англии (1849 и 1857), Дании (1849), Австро-Венгрии (1867), Гер-

мании (1869 и 1871), Италии (1860 и 1870), Швейцарии (1869 и 1874), Болгарии и Сербии (1878 и 1879).

Особая роль в этом принадлежит масонству: его можно определить как тайное «униатство» элиты «христианского» (протестантского) Запада в сторону иудаизма, который изначально имел мощный инструмент влияния — деньги. Политическая цель масонства, в частности, чтобы обеспечить равноправие иудеям, заключалась в свержении монархий, подрыве влияния католической Церкви, в демократизации мира. В условиях же секулярной демократии равноправное еврейство обращает свое давно сложившееся денежное могущество (из-за все той же обращенности к земным ценностям как главным в жизни) в неравноправие для всех остальных, постепенно подчиняя общество своему контролю. Напомним констатацию этого очевидного факта нашим юдофилом В.Соловьевым: «Иудейство не только пользуется терпимостью, но и успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях», где «финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)»[14]. Разумеется, эти банкиры стараются не афишировать своей власти, ибо «тайна беззакония» не может выстоять перед Истиной в явном противоборстве, поэтому к ней очень подходит название «мировая закулиса» (термин введен И.А. Ильиным).

Так, сформировавшись в русле апостасии, «мировая закулиса» стала в Новое время и ее главным двигателем, тайно поощряя этот процесс во всем мире под видом «демократизации». Она стремится атомизировать общество, лишить его абсолютных духовных ценностей, ибо только в таком обществе деньги становятся высшей ценностью и единственной «истиной» становится истина деньгодателей.

Тем самым силы апостасии на Западе лишили католическую Церковь былого влияния. Это стало поражением всей католической концепции «христианизации мира» под лозунгом «цель оправдывает средства» (ибо соперничать с антихристианскими силами в области земных средств и вседозволенности христиане все же не могли). После II Ватиканского Собора (1960-е годы) католическая Церковь пошла на «симфонию» с апостасийными властями мира сего: «аджиорнаменто» (приспособление к происходящим в мире изменениям). Началось ее экуменическое сближение даже с иудейством и масонством под лозунгом «объединения под одним Богом» — при полном забвении того, какому «богу» поклоняются те или другие и какого «мессию» ждут...

Можно уважать личную жертвенность многих западных христиан, несмотря на их неправославность. Есть в западной Церкви и чуткие мыслители, и аскеты-подвижники, сторонящиеся мира сего...

16 Заказ 2370

Не они, родившиеся и воспитанные в своей традиции, несут ответственность за уклонение западного христианства от истины. Многие из них сейчас даже пытаются сопротивляться целям «мировой закулисы». Но все же нельзя отказаться от констатации того, что западная цивилизация в целом отклонилась от верного пути, от Замысла Божия.

Для русской эмиграции это стало очевидно из сравнения с совершенно иным историческим призванием России, что и определило облик и миссию подлинно Русского Зарубежья как ее части.

3.3. Место России в историческом процессе и ее отличие от Запада

Тот факт, что Россия представляет собой необычное геополитическое образование, достаточно очевиден для каждого, кто хотя бы взглянет на географическую карту: в российской планетарной огромности нельзя не видеть удивительного феномена. Занимая евразийский центр земной суши, Россия (в ее естественных исторических границах) соприкасается со всеми главными мировыми цивилизациями и частично вбирает их в себя.

Русская история тоже развивалась не «как у всех». Своей периодической «катастрофичностью» (татарское иго, Смутное время и польское нашествие, церковный раскол, петровский перелом, масонское засилье, нашествие наполеоновской Европы и т.д.) она отличалась от созерцательной недвижности Востока, а своим внутренним душевным постоянством — от динамичной и рациональной секуляризации Запада. И тем не менее русская история всегда была связана с развитием западного мира, являясь средоточием смысла не только своей, но и западной, а точнее — всемирной цивилизации. Особенно ясно это стало в XX веке, все мировые катаклизмы которого связаны с Россией.

Лишь в общемировом контексте и самим русским по-настоящему становится понятно значение России, как это обнаруживали многие наши путешественники и эмигранты, попадая за границу. Причем Запад не только оттеняет собой русскую цивилизацию, давая возможность сравнения. Он демонстрирует нам и свою враждебность. Не со стороны простых людей, им скорее свойственно любопытство к «загадочной русской душе». Враждебность проявляется в действиях правящих кругов Запада как феномен, сопровождающий всю русскую историю и также требующий осознания вместе с ней.

Главная причина этой враждебности в том, что Россия сопро-

тивлялась западному процессу созревания «тайны беззакония». И именно на фоне мировой апостасии Россия обретает свою всемирную роль, отличную от западного пути. Ключевым понятием здесь становится введенное апостолом Павлом понятие «удерживающего», препятствующего воцарению антихриста.

Святые отцы понимали под «удерживающим» сначала сам принцип государственной власти, действующей для защиты «добрых дел» — в противоположность принципу анархии. В те годы это была власть Римской империи, распространявшаяся почти на весь известный европейцам мир.

С перенесением столицы империи в ее восточную часть — в Константинополь (его стали называть Вторым Римом) — Римская империя усилила свою «удерживающую» роль тем, что обрела истинную религию, раскрывавшую смысл истории и смысл идущей в ней борьбы между силами добра и зла. Возникает понятие «симфонии» (созвучия) государственной власти и Церкви, разными средствами служащих одной цели. Церковь заботится о душах людей, спасая их для Небесной жизни; государственная власть заботится о жизни земной, ограждая ее, насколько можно, от действия сил зла и создавая для Церкви наиболее благоприятные условия. Так возникает единственный в истории тип должного государственного устройства, которое расширяет масштаб своей задачи за пределы материального мира, беря критерием предназначение человека как бессмертного существа, созданного по образу и подобию Божию.

Отпадение Запада от общей христианской истины было и отпадением от принципа симфонии. Западная Церковь, взяв в свои руки, помимо духовной, также и светскую власть, впала в рациональный соблазн принуждающего, даже карающего христианства (инквизиция). Неудивительно, что, «неся всей вселенной свет Христа», она не могла предотвратить геноцид аборигенов на колонизируемых территориях новых материков. В своей гордыне превосходства она стремилась «колонизировать» и православные народы, что показали уже крестоносцы, разграбившие Константинополь; он пал под натиском мусульман не без этой «христианской» подножки.

Так православный Второй Рим, оставшийся хранителем Истины, стал несомненным удерживающим центром мира. От него русский народ и получил веру, а не от западной Церкви.

С момента крещения Руси Византия (восточная часть Римской империи, ставшая самостоятельной после завоевания Рима варварами в V веке) считала русскую землю как бы своей провинцией, и Константинопольский Патриарх долго был каноническим главой Русской Церкви, до установления русского Патриаршества (1589).

То есть Русь стала в церковном смысле частью Византии. Поэтому после Флорентийской унии Константинополя с католиками (1439) и последовавшего завоевания Константинополя турками (1453) Русь естественно осознает себя преемницей стержневого православного царства истории. Так считали не только представители русского духовенства, назвавшие уже Василия II Царем «новым Константином», но и иностранцы: от православных болгар и сербов до папы Римского...

Перенятие этой преемственности было отражено и в династических браках. Креститель Руси святой Князь Владимир взял в жены византийскую царевну Анну; от дочери византийского Императора родился Великий князь Киевский Владимир Мономах, которому византийский император в начале XII века прислал царский венец (шапку Мономаха), которым с тех пор венчались на княжение Великие князья и Цари; от его ветви пошли последующие русские самодержцы. А в конце этого периода — наиболее важный брак (1472) Иоанна III с племянницей последнего, убитого при турецком штурме Константинополя, византийского императора Софьей Палеолог; она оставалась единственной наследницей Византийского царства (что напомнил Иоанну III венецианский сенат).

Согласно преданию мы переняли от Византии и герб — двуглавого орла, в котором можно видеть знак «симфонии» двух властей. Софья Палеолог привезла его с собой в Россию на своих регалиях, и поэтому *в России двуглавый орел с полным правом получил именно такое государственное значение преемственности от Византийского царства.*

Так возникает понятие «Москва — Третий Рим». Старец псковского Елеазарова монастыря Филофей пишет (1523–1524): «Яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино *царьство нашего государя, по пророчьским книгам то есть Ромеиское царство. Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти*»[15]. То есть нам выпала обязанность продолжить существование Римской империи (с концом которой, согласно пророку Даниилу, связывали конец мира), и потом уже некому будет передавать эстафету православного царства: не будет России — не будет и остального мира, наступит конец истории...

Так что возникновение формулы «Москва — Третий Рим» объясняется вовсе не завоевательной «идеологией русского империализма» (как утверждают на Западе). Это было наследственным перенятием Россией бремени ответственности за судьбу Православия и тем самым за судьбу мира. В этих словах Русь вовсе не гордится связью с «ветхим» или католическим Римом (гордиться этим пра-

вославному народу было невозможно!), а осознает себя именно как *«удерживающего»* — как переходящее «Ромейское» царство, стержневое царство истории, роль которого переходит от Византии к Москве. В этом осознании не земная гордыня, а стремление к вселенской ответственности в деле спасения к Царству Небесному, ибо в аналогичном послании (1524—1526) Великому князю Василию III старец Филофей добавляет: «Един ты во всеи поднебеснеи христианом царь. Подобает тебе, царю, сие дръжати со страхом Божиим. Убоися Бога, давшего ти ся, не уповаи на злато, богатство и славу, вся бо сия зде собрана и на земли зде остают».

Символично в этой связи и то, что на Руси двуглавый орел дополнился гербовым изображением всадника (позже его отождествили со святым Георгием Победоносцем), поражающего копьем (или *царским скипетром*) змия — носителя зла. В этом можно видеть еще один из символов России как «удерживающего», соответствующий ее самосознанию еще до падения Византии.

Значение Москвы как Третьего Рима выразилось позже и во внешнеполитическом признании русского Великого князя Царем (венчание на Царство с таинством миропомазания Иоанна Грозного в 1547 г.; признание Константинополем в 1561 г.), и в каноническом установлении Константинопольским Патриархом русского Патриаршества (1589). Константинопольский Патриарх Иеремия II в Уложенной грамоте специально упоминает «великое Российское царствие, Третеи Рим». Это было подтверждено Собором всех Патриархов поместных Церквей, а русский Царь — единственный из всех православных властителей — стал поминаться Патриархами как покровитель вселенского Православия...

На осознании этой «удерживающей» роли в том же XV веке, после падения Византии, возникла и русская национальная идеология, в которой византийская идея «симфонии» двух властей находит наиболее полное воплощение. Православная монархия — это организация государственной жизни в максимальном соответствии с Божиим Замыслом о нас, что предъявляет особые требования и к Царю. Как писал главный апологет царской власти преподобный Иосиф Волоцкий — неправедного царя, не служащего Божьему делу, «да не послушаеши». В этом огромное отличие русского самодержавия от западного абсолютизма, развивавшегося как ничем не ограниченная власть.

Причин этому на Руси было две. Во-первых, к тому времени само Православие находилось не в начальной стадии раскрытия догматов и преодоления ересей (чему были посвящены Вселенские Соборы), а уже в виде стройного законченного учения, в том числе о

государственной власти. Во-вторых, русский народ не имел античного правового и философского багажа (который был основой многих ересей в Византии и на Западе), поэтому Православие стало для русских не надстройкой над древним мыслительным «богатством», а первым всеобъемлющим мировоззрением, заполнившим чистое пространство русской души и давшим ей ответы на все вопросы.

Запад же в своей гордыне, не понимая Россию духовно, судил о ней по своему подобию — плоско-рационально: видя «отсталость» и «варварство» в ее религиозной цельности; «раболепие» — в отсутствии политического властолюбия и в сознательном самоограничении народа; «деспотизм» — в ином, служебно-политическом строе, который, однако, не стеснял духовной свободы: в Московской Руси это было общее служение воле Божией — и крестьян, и дворян, и Царя...

Сам русский быт стал настолько православным, что в нем невозможно было отделить труд и отдых от богослужения и веры, все было едино. Этот быт Московской Руси, сравнимый с монастырским, отличался от западного индивидуалистического и тем, что в нем не делалось исключений даже для Царя: его распорядок церковной жизни был таким же, как у всех, и его важнейшей частью были ежедневные богослужения. Перед смертью русские правители часто принимали монашество.

Даже планировка русских городов уподобляла их устройству алтаря православного храма (который в свою очередь есть земное отражение Града Небесного) и стремилась запечатлеть на Русской земле реалии Святой земли Палестины: отсюда и золотые ворота (святые ворота, через которые вошел в Иерусалим Христос), и поклонные горы (с которых путнику открывалась панорама города для крестных поклонов ему), и крещенские иордани... Патриарх Никон даже замыслил Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой во образ одновременно и исторической Святой земли, и грядущего Нового Иерусалима (описанного в Откровении Иоанна Богослова), тем самым создав на Русской земле единственную в своем роде, не имеющую аналогов во всем мире, архитектурно-пространственную икону Царства Небесного[16].

Таким образом, Москва соединяла в себе как духовно-церковную преемственность от Иерусалима (уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона Константинополь назван «Новым Иерусалимом», которому в дальнейшем уподоблялись Киев и Москва), так и имперскую преемственность в роли Третьего Рима. *Эта двойная преемственность сделала Москву историософской столицей всего мира.* Примечательно, что в росписи кремлевского Благовещенского собора изображены и фигуры дохристианской всемир-

ной истории: Гомер, Платон, Аристотель; вожди предшествовавших империй: Дарий I, Александр Македонский...

Всем этим развитием, от Крещения до осознания себя Третьим Римом, определился и русский общенациональный идеал — *Святая Русь* — не встречающийся у других народов (как подметил В.С. Соловьев, Англия охотно величает себя «старой», Германия — «ученой», Франция — «прекрасной», Испания — «благородной» и только Русь — Святой). В этом идеале было не проявление русской гордыни (как «непогрешимость» папы), а готовность жертвенно служить Божьему Замыслу...

Так *понятия русского и православного становятся неслиянно-нераздельными — и это единственный такой народ на земле.* В этой связи уместно еще раз вспомнить слова Христа о передаче избранничества от евреев «народу, приносящему плоды его» (Мф. 21, 43).

В этом и состоит суть так называемого русского мессианства, которым русских нередко попрекают на Западе как нашей гордыней. Если уж и использовать это слово, то надо напомнить, что «мессианство» бывает разным в зависимости от того, кого считают Мессией (это древнееврейское слово означает Помазанник, по-гречески — Христос). У иудеев, ждущих земного еврейского «мессию», который возвысит «богоизбранное» еврейство над «обыкновенными» народами, — это *мессианство всемирного господства.* У христиан же — *мессианство всемирного служения*, то есть христианство в обратном переводе с греческого на еврейский означает не что иное, как «мессианство», понимаемое как многообязывающее и трудное следование Мессии — Христу...

Эта духовная особенность России и создала русскую цивилизацию, отличную от западной. *Обе они были по происхождению христианскими, но русская цивилизация стала христианской «удерживающей»,западная же — христианской апостасийной цивилизацией, то есть демонстрирующей отход от Истины и созревание в себе «тайны беззакония», о которой говорил апостол Павел.* И если в первые века христианству противостояло язычество, затем ереси, то с концом Средневековья драму мировой истории составляет уже *борьба между этими двумя христианскими цивилизациями.*

Уведя западноевропейскую цивилизацию на путь апостасии, главный свой земной оплот «тайна беззакония» создала на другом континенте — в Америке. Возникший в Европе капитализм с особенной алчностью и жестокостью перекинулся на другие континенты, где его вообще ничто нравственно не сдерживало. «И в этом колониальном движении выдающуюся, чтобы не сказать реша-

ющую, роль сыграли евреи»[17], расистская религия которых ярчайшим образом проявилась в натиске на менее развитые племена: финансирование завоевательных и грабительских экспедиций, уничтожение аборигенов, межконтинентальная работорговля в масштабе десятков миллионов человек за XVI—XVIII века, монопольная торговля важнейшими колониальными товарами — все это дало огромные прибыли, которые были двигателем западной колонизации мира.

Зомбарт констатирует: «Евреи связаны с открытием Америки самым тесным и странным образом. Получается такое впечатление, как будто Новый свет был открыт для них одних...» Это совпало с тем, что в XV веке евреи были изгнаны из важнейших европейских торговых городов: Аугсбурга (1439—1440), Страсбурга (1438), Эрфурта (1458), Нюрнберга (1498—1499), Ульма (1499), из Сицилии (1492), Португалии (1497); в начале следующего века — из Регенсбурга (1519), Неаполя (1540—1541), Венеции (1550)... «Это была эпоха, когда еврейство Европы зашевелилось, как муравейник, в который воткнули палку... Массы евреев были принуждены эмигрировать... в подававшие большие надежды области Нового света». «Соединенные Штаты Америки получили свою экономическую формацию главным образом под влиянием еврейских элементов»[18] (Зомбарт приводит и аналогичные высказывания президентов США).

Всем этим американское государство представляет собой уникальное образование, созданное из денационализированных осколков множества народов, на крови десятков миллионов уничтоженных местных жителей, отстроенное трудом привезенных из Африки рабов, украшенное масонской государственной символикой и поклоняющееся капиталистическому «золотому тельцу» под еврейским финансовым контролем... «То, что мы называем американизмом, есть в главных своих чертах не что иное, как кристаллизовавшийся еврейский дух» (Зомбарт). То есть *в лице США «тайна беззакония» создала свою собственную «вселенскую империю»— прообраз всемирной империи антихриста— на той самой материалистической идеологии, которой дьявол искушал Христа в пустыне.*

В полную противоположность этому расширялась русская цивилизация, превращая Русь в многонациональную Империю православного Царя. Например, отряд Ермака пошел в 1581 году присоединять Сибирь, дав строгий обет целомудрия и соблюдая посты, почему и совершил чудо: положившись на волю Божию, одолел крохотными силами огромное войско татарского хана Кучума (то был один из остатков Орды). И как раз на отношении русских пришельцев к сибирским народам (даже к былым завоевателям-

татарам) и европейцев к американским можно видеть колоссальную разницу: приобщение к Православию у одних и истребление с официальными премиями за скальпы у других...

Российская империя — единственная, которая сохранила малейшие вобранные в себя племена, ибо она строилась на равенстве всех народов перед Богом; даже в своих гигантских размерах она воочию явила миру *геополитическое чудо Третьего Рима. В ней был прообраз истинной Вселенской империи— должного содружества народов мира, призванных совместно служить Божию замыслу о них.* В этой причастности к должному для всего человечества стержню истории и состоит причина знаменитой «всемирности», «вселенскости» русского духа (о чем писали славянофилы и Достоевский).

Так в ходе развития двух разных имперских цивилизаций — российской «удерживающей» и европейской апостасийной — они, обогнув земной шар с двух разных сторон, образовали вторую границу друг с другом, российско-американскую. Экстенсивное расширение за счет малых племен было исчерпано, теперь оставалось только наступление друг на друга.

3.4. Падения России и тайна демократии

В ходе этого противостояния апостасийные веяния стали проникать и в Россию, вызывая наши исторические падения, но и создавая духовное противоядие против них. Падения же случались потому, что апостасийные порядки, привычные для Запада, не приживались в России как явлении иного духовного знака, вызывая в ней лишь катастрофы.

Так, феодальная раздробленность по эгоистичному западноевропейскому образцу стала причиной беззащитности против татаро-монгольского нашествия в XIII веке, но она заставила Русь перейти на жертвенный, почти монастырский служебный образ жизни и собрать духовные силы для возрождения в качестве Третьего Рима.

Когда русское боярство соблазнилось шляхетскими вольностями своих западных «коллег», наступило Смутное время польской оккупации в начале XVII века... Но это вызвало возмущение православного народа, спасшего Русь и восстановившего православную монархию.

Затем в результате западнических реформ Петра, поехавшего «набираться мудрости» в Европу, западная апостасия нашла в XVIII веке долгожданный выпускной клапан для стратегического прорыва

ва и на просторы православной России. Вот какое «окно в Европу» прорубил Петр...

Организационные и научно-технические реформы, конечно, были необходимы для обороны Третьего Рима от натиска крепнущих западных соседей (символично тогда было перенесение мощей святого Александра Невского из Владимира в новую столицу на Неве). Эти преобразования начались еще при Царе Алексее Михайловиче, да и Патриарх Никон поощрял перенятие западных знаний, но при сохранении православных основ. Однако Петр сделал из государственной мощи самоцель, пожертвовав ей православную чистоту русского самодержавия. Таким образом, у него, по известному выражению эмигрантского мыслителя архимандрита Константина (Зайцева), идеал Святой Руси оказался заслонен идеалом Великой России[19].

Реформы Петра положили конец «симфонии» церковной и государственной властей, отменили Патриаршество и унизили Церковь по протестантскому образцу, развязали небывалые гонения на несогласное духовенство, прекратили созывы Земских Соборов, то есть превратили православное самодержавие (ограниченное служением Божией воле) в западный абсолютизм (ничем не ограниченную власть, находящую свое обоснование в самой себе)... Шутовские «всепьянейшие соборы» с глумлением над духовенством и русской традицией граничили с кощунством.

Таких жертв реформы не требовали. Это было новое и на ту пору самое серьезное духовное падение Руси: обольщение уже не католической (как в Смутное время), а протестантской Европой, насаждавшееся самим Царем. В аристократических кругах религия из государственной идеологии и единственного оправдания самой государственной власти постепенно делалась личным делом человека. И вновь мы видим здесь ту же закономерность: то, что привилось и стало рационально-обыденным на Западе — новая мораль протестантства, обеспечившая материальное богатство западного мира, — в России привело к совершенно иному, печальному результату, к глубокому расколу общества, поскольку у России была иная духовная природа и иное предназначение в Божием замысле о мире.

Вольготно расцветший в такой атмосфере эгоизм аристократии разрушил и прежний служебный уклад государства. С 1762 года дворянство было освобождено от обязательной государственной службы, тогда как крестьянство осталось закрепощено, чем нарушилось общее чувство справедливости... Продолжились удары по Церкви: были едва не запрещены монастыри, потерявшие материальную независимость и тем самым возможности просветительной работы; при

Екатерине II из 881 монастыря было закрыто 496... Увлечение русской знати западными учениями и масонством стало повальным. Все это сделало XVIII век российской истории самым нерусским и слепым относительно апостасийной духовной сути Запада, которую не рассмотрели даже лучшие умы той эпохи. Попытка более консервативного Павла I пресечь иностранное вольномыслие и произвол аристократии, облегчить положение народа привела к его убийству в 1801 году вследствие масонского заговора с английским участием...

В это время Россия уже впустила в себя западную цивилизацию в виде *апостасийной оккупации*, позволила ей пропитать свою элиту (порой уже не говорившую на родном языке), систему образования (даже богословского!), высмеивать все свое наиболее здоровое, унижать свой «отсталый» крепостной народ...

Нашествие Наполеона (а фактически всей объединенной им Европы) в 1812 году отчасти отрезвило русское «образованное» общество — для этого западное войско и было попущено на Русь Божиим промыслом, подчеркивал святитель Феофан Затворник: «Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее». Но пришли новые западнические увлечения, и «если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему» («Мысли на каждый день года»).

Но, к сожалению, широкого возврата к святоотеческому мировоззрению в культурных кругах России не произошло. Например, даже поправевшему Пушкину была свойственна «при всей гениальной его проницательности и чуткости некая укороченность перспективы: мистическая природа явлений, раскрывающаяся только на далеких горизонтах, от него сокрыта»[20] — верно отметил архимандрит Константин (Зайцев). Тот факт, что Пушкин и преподобный Серафим Саровский были великими современниками, не соприкоснувшимися друг с другом, — говорит не в пользу пушкинского светского общества... Показательно для преобладавшей тогда атмосферы, что даже большинство русских правых мыслителей — Гоголь, Достоевский и многие славянофилы XIX века — в молодости увлекались Западом, и лишь испытав разочарование в нем, обращались к русской традиции и к Церкви.

Впрочем, с Павла I началось постепенное восстановление русского самосознания у наших самодержцев, чему способствовали также отрезвляющие атаки Запада и революционеров: нашествие Наполеона в 1812 году, восстание декабристов в 1825-м, убийство Алек-

сандра II в 1881-м. В каждом из последующих государей постепенно преодолевался и петровский абсолютизм европейского типа, нарушивший «симфонию». (Государь Николай II уже рассматривал вопрос восстановления Патриаршества, но не успел довести это дело до конца.)

Однако вековой формальный абсолютизм дал основание и либералам-западникам (начиная с масонов-декабристов и до масонов-февралистов) требовать демонтажа введенной Петром абсолютной монархии, но не ради восстановления «симфонии», а ради обретения политической «свободы» и «демократии», как на Западе. В этом потом пришлось каяться многим нашим эмигрантам... Изживание ими демократических иллюзий — важная составная часть эмигрантского духовного опыта, особенно актуального для России сейчас. Остановимся вкратце на этом.

Политическая *свобода*, конечно, необходима человеку — и как защита от произвола властей (отрицательный аспект свободы), и как возможность внесения положительного вклада в решение общественных проблем. То есть как определенный элемент *демократии* (народного самоуправления) в общественной жизни, особенно на ее нижних, местных уровнях. Вопрос был в том, где верные границы того и другого понятия и каким содержанием они заполняются. Ведь свободой человек наделен изначально как одним из главных даров и условий приближения к Богу, но человек может злоупотребить этим даром, пусть даже неосознанно, и для служения дьяволу...

Так что необходимая человеку свобода, помимо политического, имеет и более важный, духовный уровень — свободы от греха. В максимальной защите этой свободы, учитывая поврежденность человеческой природы и необходимость внешней помощи, состоит и главная обязанность родителей по отношению к детям, и назначение православной монархии по отношению к народу. Монархический государственный строй наилучшим образом обеспечивает подлинную свободу человека, выраженную словами Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). В этом состоит назначение земной власти: «Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, — как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии» (1 Петр. 2, 15—16).

Эту проблему петербургская Великая Россия должна была решать уже иначе, чем она сама собой решалась в строго православном служебном строе и быте патриархальной Московской Руси. Однако долгое время петербургская власть, пытаясь лишь заменить

старую служебно-сословную систему новой бюрократией на западный манер, практически не противодействовала в обществе тому главному разрушительному инструменту «тайны беззакония», которым когда-то был соблазнен и первый человек: гордыне своеволия, ставящей себя выше Бога и ставшей называться теперь «свободой» и «демократией».

Либералы-западники понимали под «свободой» горделивую теорию Руссо о якобы неповрежденной первородным грехом человеческой природе, нуждающейся не в Божией помощи для борьбы с грехом, а лишь в беспрепятственном проявлении своего «природного совершенства». От «всеобщей воли» народа должна исходить и государственная власть. Наиболее эффективной формой выражения «народной воли» объявили парламентаризм, который на Западе поначалу развивался как ограничение абсолютистской власти монархов выборным парламентом — «представителями народа» из верхних социальных слоев (буржуазии). После свержения монархий эта демократия превратилась в выбор народом и парламентариев, и главы государства, предлагаемых *сверху вниз* от политических партий. Сама государственная власть разделилась на независимые друг от друга ветви — законодательную, исполнительную, судебную. Все это и стало называться «демократией», в том числе и те декоративные «конституционные монархии», в которых монарх «царствует, но не управляет».

Когда началась пропаганда подобной системы в России, К.П. Победоносцев отметил в статье «Великая ложь нашего времени» (1896), что парламентская демократия была бы эффективна, если бы «представители народа» отбросили личные амбиции и добросовестно выполняли порученную народом программу; и если бы к тому же большинство народа было в состоянии верно уразуметь эту необходимую программу, преследуя не сиюминутные личные цели, а долгосрочные интересы всего общества.

Таких условий в реальной жизни быть не могло. Парламентская демократия, идеями которой вдохновлялось Новое время, привела лишь к тому, что «люди, оставаясь при слабостях и пороках своей натуры, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности». И в условиях большей свободы в секулярном обществе люди стали больше проявлять не столько свои добрые начала (их и отсутствие политической свободы ранее не ограничивало), сколько склонности греховные. Угождение этим склонностям стало главным условием отбора политиков во власть, к чему были способны не лучшие, а наиболее беспринципные и наглые.

Нравственному разложению демократического общества способ-

ствовала и индивидуалистическая идеология либерализма, стремящаяся стабилизировать общество не его нравственным воспитанием к духовному совершенствованию, а атомизацией и упрощением в надежде на естественное «равновесие эгоизмов» — они должны сами сдерживать друг друга (для этого людям гарантируются соответствующие права и свободы). Но, как мы уже отмечали, демократия не устраняет финансово-экономического неравенства людей, наоборот, в таких условиях еще бóльшую власть получает «денежная аристократия». Поэтому в экономической сфере либерально-демократическая идеология вылилась в еще бóльшую (чем это обеспечила Реформация) эгоистичную безответственность капитала, в усиление народного недовольства, что, в свою очередь, привело к росту социалистических движений.

Однако если «демократию» понимать как выборное самоуправление народа, то мы ее имели гораздо раньше Запада — в Московской Руси. Именно в эпоху наибольшей чистоты православной самодержавной идеологии выборные органы и местные самоуправления имели у нас наибольшее государственное значение. Только это была иная демократия: представители народа выбирались не по предлагаемым сверху партийным спискам, а выдвигались *снизу вверх*. В разные периоды русской истории существовали разнообразные демократические структуры — от сельского схода и городского вече до боярской Думы и всесословного Всероссийского Земского Собора, заменившего при Иоанне Грозном вечевые сходы и решавшего важнейшие государственные вопросы.

Главное же, такая демократия не вычисляла истину подсчетом голосов, а соборно служила единой для всех высшей Истине, стараясь понять и единогласно выразить волю Божию. Именно в этом состояла и роль Земского Собора в призвании Царя как всенародный способ торжества идеи *Боговластия, а не народовластия*. При этом Царь несет тяжелейшее бремя: он «не обладатель всех прав человеческого общества, а носитель всех обязанностей человеческого общества» по отношению к Богу и в этом должен быть «началом и образцом для всех своих подданных» — напоминал эмигрантский историк М.В. Зызыкин. В так называемом русском деспотизме (как его видел Запад) была заложена идея *служения всего народа: крестьян— дворянину, дворян— Царю, Царя— Богу*.

Отсюда понятно, почему и рядовой русский человек на первое место ставил не права и свободы, а обязанности. С точки зрения Православия они первичны: лишь из обязанностей человека перед Богом как высшей Истиной вытекают его права — это отмечали в эмиграции такие разные мыслители, как И.А. Ильин и С.Л. Франк,

а до них Л.А. Тихомиров и В.С. Соловьев; последний заметил, что сословие, имеющее наибольшие обязанности, «может этим только гордиться, ибо чувство долга и сознание обязанностей очищает и облагораживает, а претензия на права озлобляет и делает мелким и придирчивым». Именно высшие ценности Царства Божия заставляли русского человека ограничивать себя в желаниях земных благ, личных политических прав и власти — так он понимал настоящую духовную свободу, соизмеряя все с ценностями жизни вечной.

Вот почему в России не было «священной» частной собственности, а писаные правовые нормы (не столь детальные, как на Западе) применялись вместе с неписаным законом православной совести. Поэтому и понятие социальной справедливости на Западе означало соблюдение юридической законности в имущественно-потребительских интересах отдельного индивидуума, а на Руси — единую для всего народа обязанность служения. Именно в этой общей для всех цели служения и спасения в Царство Небесное, в отличие от западного индивидуализма, коренится и русский соборный коллективизм. Само государство в русском понимании обретало ценность только в служении Божию замыслу, в обуздании земного греха и сил зла (согласно словам апостолов Петра и Павла о назначении власти).

Тогда как важнейшим признаком западной «демократии» и «свободы» стало то, что сознание единой Истины было заменено равнодушием к ней, «плюрализмом» множества эгоистичных равноправных «истин», узакониваемых арифметическим большинством голосов. Назначение западного демократического государства — лишь охранять эту «свободу» (в том числе свободу уклонения от Истины и проповедования лжи) и служить «воле народа» независимо от ее правоты. Это имело три важных следствия, которые особенно очевидны в наше время.

На духовном уровне это стало свободным отказом от самого стремления к Истине и от четкого различения между добром и злом, что ведет к легализации все больших форм греха (а это главный вид личной несвободы человека). На уровне политическом, поскольку истину определяют подсчетом голосов, — правящие круги, имея в своих руках деньги и средства информации, получили неограниченную свободу влиять на выборы в пользу своих ставленников (в этом смысл партийной «демократии сверху» как свободы выбора без должного выбора). И в результате политический уровень стал влиять на духовный в виде обратной связи: правящие круги таких демократий стали поощрять «свободу» как духовную варваризацию своих народов, ибо так ими легче манипулировать.

Таким образом, к началу XX века западные демократии уже

представляли собой юридически — «власть народа», фактически — власть денег, инструментом же осуществления власти стало потакание низменным инстинктам людей, что и усилило тенденцию к новому варварству и духовному рабству человечества в мировом масштабе. *Чем демократичнее становился мир в западном понимании, тем несвободнее он был с христианской точки зрения, попадая в рабство силам зла.*

Это было неизбежно, поскольку в демократии источник власти был уже не в Боге (как в монархии), а в греховной «воле народа», которой прикрывались эгоистичные устремления богатейших слоев общества, ставших вольными или невольными инструментами «тайны беззакония». И сама цель такой демократии была выражена в теории «прогресса» как все большее достижение обществом исключительно земного счастья, что лишало смысла обетование Христа о Царствии Божием. *Таким образом, западная «демократия» — это не просто форма правления, внешне противоположная монархии, но и система мировоззрения, противоположного христианскому.*

Эта основная тайна западной демократии очень символично иллюстрируется демократическим решением «народного большинства» о распятии Христа — Самой Истины. Римский наместник Пилат хотел отпустить Христа, не находя причин для его казни, но иудеи «продолжали с великим криком требовать, чтобы он был распят; и превозмог крик их и первосвященников. И Пилат решил быть по прошению их» (Лк. 23, 23—24). Кто побудил их к такой ненависти против Христа, мы уже знаем: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего...» (Ин. 8, 44). Таким образом, если власть не служит Богу, она служит целям его противника.

Эта религиозная ложь демократии в еще большей степени, чем ее политическая суетность, отталкивала русское самосознание. Поэтому даже многие российские демократы, попав после революции на Запад, разочаровались в демократии и дали ей уничтожающие оценки.

Например, Бердяев писал: «Секулярная демократия... хочет политически устроить человеческое общество так, как будто Истины не существовало бы...» Вообще «воля народа не может быть арифметически выражена... То оторванное человеческое поколение очень краткого отрывка исторического времени, исключительно современное поколение и даже не все оно, а какая-то часть его, возомнившая себя вершительницей исторических судеб, не может быть названо народом. Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы и деды наши... Самоутверждение современного поколения,

превозношение его над умершими отцами и есть коренная ложь демократии»[21].

И даже масон-демократ В.А. Маклаков увидел «великую ложь» западной демократии: это «спортивный спектакль, где очень часто думали не столько о пользе и судьбе всего государства, сколько о сохранении или приобретении "власти". Такие методы правления «соответствовали "волчьей" природе людей и понижали *качество* государственной деятельности... Добрые начала в человеке и они подавляли»[22].

Однако подобная критика демократии послереволюционными эмигрантами — запоздалые интеллигентские прозрения. Ранее эта же интеллигенция сама находилась в рядах «пятой колонны» западной апостасии в России — в то самое время, когда «тайна беззакония» прочно утвердилась у власти в своих демократиях и в начале XX века поставила цель глобального господства. Падение российского общества в результате демократического соблазна стало роковым для российской государственности.

3.5. Крушение православной России и историософский смысл большевизма

В XIX веке новая, финансово-капиталистическая, формация апостасии стала воочию воспринимать православную Россию как главное препятствие своему мировому господству. Ведь после переломной Французской революции (1789), открывшей эпоху уничтожения последних местно-удерживающих (монархических) черт западной государственности, дальнейшая волна аналогичных попыток (1848) была остановлена вмешательством России: сначала в защиту австро-венгерского престола, затем поддержкой монархической Германии (против французов) при ее объединении. Вот в чем был смысл написанных в 1848 году пророческих слов Тютчева, около двадцати лет проведшего на дипломатической работе на Западе:

«Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества»[23].

17 Заказ 2370

В этом точном видении раскладки мировых сил Тютчев, пусть и иными словами, отождествил Россию с «удерживающим», а революцию — с натиском антихристианской «тайны беззакония». «Революция» здесь — любое отвержение воли Божией и замена ее человеческим «многомятежным хотением». Первым таким революционером был сатана (таковым его считал и Бакунин), увлекший в революционную драму соблазненных им людей. Буржуазные демократические революции возвестили уже революционный конец христианской эпохи.

К этому времени в европейском революционном движении, помимо масонской буржуазно-антимонархической сети лож, образовалось и связанное с ними коммунистическое течение, ознаменовавшееся «Манифестом Коммунистической партии» К.Маркса (1848). Если масонство предназначалось для разложения и космополитизации верхов общества, то этот новый инструмент «тайны беззакония» имел целью разложение низов для использования их в качестве массовой армии разрушения старого порядка. Оба инструмента имели интернациональный характер, соответствующие связи и финансирование, о чем видный британский политик Б.Дизраэли писал как о «союзе искусных накопителей богатств с коммунистами» для разрушения христианского монархического мира («Конигсби», 1844).

И революционные вожди тоже прекрасно понимали удерживающую роль России: «Ни одна революция в Европе и во всем мире не сможет достичь окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство»[24], — утверждал Энгельс.

Однако западные монархи не хотели этого сознавать, будучи сами частью апостасии и защищая в ней лишь свои троны путем компромисса с нею, иначе бы они не обрекли на крах предложенную русским Царем идею «Священного союза» (1815) для защиты христианско-монархической государственности, справедливости и мира. Несмотря на то что Россия неоднократно оказывала помощь европейским монархам в их борьбе с революцией, «Священный союз» распался из-за эгоистичной политики западных держав, которая привела их даже к военному союзу с мусульманской Турцией в Крымской войне против России (1853–1856).

В этой войне ровно через 400 лет после сокрушения православной Византии возникла еще одна символическая военная коалиция западных «христиан» с мусульманами против Православия — чтобы остановить нараставшее русское влияние на Святой земле и заступничество за христиан, находившихся под турецкой оккупацией; поэтому и Ватикан пошел на союз с магометанством против России.

И во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда русская армия, разбив турок, подошла к Константинополю, Запад не позволил России осуществить давнюю цель — водрузить крест на Святой Софии... Все жертвенные шаги России по облегчению участи 12 миллионов порабощенных восточных христиан в Османской империи встречали на Западе дружный отпор, для самооправдания же Европа чернила русских в духе маркиза де Кюстина...

Эта ненависть к России, впрочем, имела уже и важную внутриполитическую причину. Нечто промыслительное видится в том, что *именно в Российской империи — самой христианской части мира — с конца XVIII века (после возвращения Россией западных русских земель, ранее захваченных Польшей) оказалась основная часть самого антихристианского народа, как бы для решающего столкновения двух замыслов, Бога и сатаны.* При этом еврейство, с одной стороны, захватило в России финансы и печать, с другой — поставляло кадры для всех революционных организаций и финансировало их.

Революционеры находили в России удобную почву для своей пропаганды прежде всего из-за нерешенной проблемы нового сочетания свободы и служения в изменившемся российском обществе в XIX веке. Решение можно было искать в новой сословно-корпоративной структуре с четким и справедливым распределением обязанностей, в восстановлении «симфонии» и воссоздании традиции Земских Соборов (вместо партийной Думы). Однако для российской интеллигенции обычной стала оценка России западными мерками с требованиями демократических реформ, чем было заражено и земское движение местного самоуправления. Все преобразования Александра II, включая давно назревшее раскрепощение крестьян, рассматривались общественностью в русле общей секулярной «эмансипации».

Александра II убили 1 марта 1881 года — в тот самый день, когда он собирался подписать либеральную конституцию. Но эту символику можно толковать по-разному... К чему привела бы эта конституция, мы знаем из аналогичного развития в начале XX века. Во всяком случае, этот очередной шок остановил либеральные реформы и дал России четверть века международного величия и устойчивости. Два последних выдающихся государя задержали революцию, однако даже они видели все меньше творческих сил, пригодных для проведения долгосрочных оздоровительных реформ, которые, по сути, должны были заключаться в восстановлении идеологии удерживающего Третьего Рима. К сожалению, в ведущем слое страны это мало кто четко понимал...

Показательно, что крупнейшие российские историки XIX века

(Карамзин, С.М. Соловьев) в своих фундаментальных трудах осмысляют русскую историю и свою эпоху не с духовной точки зрения Третьего Рима, а скорее с западнической. Наиболее известный философ В.С. Соловьев не любил Византию, трактовал понятие Третьего Рима как гордыню и выводил отсюда необходимость воссоединения с католиками. И даже профессор Московской духовной академии А.Д. Беляев в своем двухтомнике «О безбожии и антихристе» (1898) писал: «В старину иные русские Москву и Россию называли третьим Римом; но это название не привилось. В настоящее время никто из ученых не употребляет этого названия, а народу оно даже совсем неизвестно. Да и действительно, что общего у православной России с Римом?..»[25]

В России, однако, нарастание апостасийных сил — декабристы, либералы-западники, марксисты — было не единственным процессом. Россия как бы раздвоилась, и наперегонки с апостасией верхов, после западнического XVIII века с сильно поврежденной русскостью верховной власти, в XIX столетии обозначилась и противоположная тенденция: русская православная почва постепенно пропитывала собою верхи — вплоть до двух последних истинно православных Государей, чьи царствования вполне соответствовали «симфонии» с Церковью. Возникает правая русская общественность, которая констатирует плачевный духовный результат петровских реформ и предчувствует обрыв, к которому толкало Россию западничество.

Наши славянофилы переломили западническое подражательство петербургского периода и заложили фундамент для возрождения всей последующей русской идеологии. Однако у большинства из них не было четкого понятия об удерживающем призвании российской монархии. Они видели особую роль России в слишком оптимистичном ходе истории и даже надеялись спасти Европу, чувствуя себя ее древней частью («страна святых чудес»...), хотя Европа уже давно не хотела быть «святой» и требовала того же от России.

Осознав это, правая русская мысль после Крымской войны стремится изолироваться от Европы и ее геополитического вызова — это было логическим развитием славянофильства. Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869) верно отражает картину русско-европейских противоречий, ставит верную цель — строить свой славянский мир; однако примененная им к нациям натуралистическая аналогия не достаточна для понимания цели мирового развития и идущей в мире духовной борьбы, от которой не укрыться в свою изолированную цивилизацию. России в этой борьбе неизбежно предстояло принять вызов Запада, ибо ей была уготована всемирная удерживающая роль, которая даже в тогдашних рецептах по

«подмораживанию» (К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев) не всегда осознавалась в должном масштабе.

Разумеется, удерживающую идею России можно было выражать и иными словами, что мы видим в статьях и стихотворениях гениального Тютчева. Разные ее стороны ощущают Данилевский (особость славянского «культурно-исторического типа»), Достоевский («русская всечеловечность», нарастание конфликта с западной культурой, грядущие «бесы»), Леонтьев (социально-культурный аспект византийский преемственности на фоне разрушительного эгалитарного всесмешения на Западе), Тихомиров (давший первое детальное обоснование самодержавия как истинной власти). Всех их господствующее либеральное мнение зачислило в «реакционеры», и они были ими — в смысле здоровой реакции на западничество и революционный нигилизм.

И конечно, кто никогда не забывал об удерживающем призвании русского самодержавия, так это наши православные подвижники: преподобный Серафим Саровский, святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, оптинские старцы, святой отец Иоанн Кронштадтский, новомученик протоиерей Иоанн Восторгов... К сожалению, их мудрые голоса тонули в море политических страстей и идей противоположной направленности. Но Истина не переставала быть таковой от того, что ее сознавали лишь немногие: она неумолимо действовала сама по себе — и уже все ближе к упомянутому нами «закону смерти»...

Как часто потом в эмиграции вспоминали слова святителя Феофана Затворника о том, что надо «под Римским царством разуметь царскую власть вообще... царская власть, имея в своих руках способы удерживать движения народные и держась сама христианских начал, не попустит народу уклониться от них, будет его сдерживать. Как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечь всех от Христа, то и не явится, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться, будет мешать ему действовать в своем духе. Вот это и есть удерживающее. Когда же царская власть падет и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии), тогда антихристу действовать будет просторно... Некому будет сказать вето властное»[26].

Спровоцированная «мировой закулисой» русско-японская война 1904—1905 годов и привязанная к ней «первая революция» открывают XX век как первая попытка устранения удерживающей России. Но революционные структуры в самой России были еще слабыми, народ оказал им стихийное сопротивление («черносотенство»),

да и в далекой войне местного значения эта цель закулисы была недостижима.

Понадобилась *мировая война*, знаменующая эпоху установления «Нового мирового порядка». В этой войне «мировой закулисе» путем длительной пропагандной, дипломатической и финансово-экономической подготовки удалось столкнуть и привести к крушению, с одной стороны, две последние наиболее консервативные европейские монархии (Германию, Австро-Венгрию) и, с другой стороны, Россию. Тем самым последние местно-удерживающие остатки западной монархической государственности (наследники «Священной Римской империи германской нации»), впавшие в националистическую гордыню, были спровоцированы «мировой закулисой» на устранение всемирного православного «удерживающего».

Русское царство было повержено совместными усилиями и его военных противников (включая опять-таки мусульманскую Турцию), и его лицемерных «союзников» по Антанте, руководимых международным еврейством, которое внутри внешней войны (она все-таки не грозила огромной России поражением) развязало главную — внутреннюю — войну против «удерживающего», организуя революционеров и сепаратистов всех мастей. Объединенная масонами мощь этих сил была уникальна в истории по неограниченности финансовых средств и вседозволенности (план Гельфанда—Парвуса)[27]: клевета, дезинформация, подкуп, игра на разнузданных инстинктах масс, провокации, вооруженный террор против лучших деятелей...

Защитники православной монархии не могли себе позволить столь циничный арсенал средств для ответных действий. Во всей Европе консерваторы в свое время оказались не способны противостоять новым, демократическим течениям. Ибо консерватизм состоит в обладании и защите традиционных нравственных ценностей, а не в разработке «адекватных» методов противостояния силам откровенно безнравственным, агрессивно-разрушительным.

Однако никто в нашей катастрофе не виноват больше нас самих. Ведущий слой российского общества (дворянство, интеллигенция, высшее чиновничество, да и большинство церковных властей) согрешил, поддавшись апостасийным процессам или не рассмотрев эту опасность. Это было следствием утраты в самой России знания о своем предназначении в мире и о сути православного самодержавия... Катастрофа революции разразилась, когда разрушители в ведущем слое общества, при поддержке с Запада, перешли в наступление: это был февраль 1917 года...

Так православная «удерживающая» цивилизация и западная «апостасийная» вступили в решающий конфликт, определяющий ко-

нечную судьбу мира. Под объединенными ударами всех врагов пало «удерживающее» Российское царство во главе с Помазанником Божиим. (Поэтому его свержение и убийство было ритуальным, переломным моментом истории — независимо от того, сознавали это или нет его исполнители.) Но в западной и советской историографии все причины этого сведены лишь к «грехам» и «социальным язвам» исторической России...

Да, грехи, начиная с церковного раскола и особенно с петровских реформ, сыграли свою огромную роль, но эти грехи были совсем иными, чем полагают масонские и марксистские историки. Лишь в сравнении с нашим высоким призванием и лишь перед Божиим взором наши грехи сказывались в нашей истории сильнее, чем у других. Социальных же язв русская монархия имела гораздо меньше, чем Запад, и вообще Россия была нравственно гораздо здоровее. Достаточно указать на русскую литературу, отличавшуюся от всех других и по-христиански откровенным осуждением (даже с преувеличениями) грехов своего народа, и тем, что в ней тайно (и притягательно для окружающего мира) светился народный идеал Святой Руси.

Материальное же развитие страны в начале XX века можно назвать небывалым взлетом, особенно после столыпинских реформ, давших возможность активной части крестьянства заселить необжитые российские пространства и завалить Европу продовольствием; экономический рост не прерывался даже в годы мировой войны. Беспримерный рост населения с 139 млн человек в 1902 году до 175 млн в 1913 году поставил Россию на третье место в мире после Китая (365 млн) и Индии (316 млн). Известный французский экономист Э.Тэри прогнозировал: «население России к 1948 году будет (около 344 млн человек) выше, чем общее население пяти других больших европейских стран»; «если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1910 и 1912-м, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»[28].

Военное могущество России также неуклонно росло, и ее цель в мировой войне была вполне реальна: обретение Константинополя (Второго Рима!) и проливов, что было обещано ей и западными союзниками по Антанте. Это открывало возможность продвижения к святыням Иерусалима, всегда привлекавшим множество русских паломников, которым ничего не стоило заселить Палестину; для этого митрополит Антоний (Храповицкий) мечтал протянуть туда железную дорогу. В эти годы вновь вспомнились древние пророче-

ства об освобождении русскими Царьграда от агарян, уже готовили и крест для Святой Софии...

Однако Бог не допустил столь близкого материального торжества Третьего Рима, потому что к тому времени Россия все больше утрачивала необходимое для этого духовное качество, теряя оправдание своего бытия перед Богом. Значительная часть государственной бюрократии видела в Константинополе лишь стратегически важные проливы... О нравственном упадке общества и об опасности новых нехристианских идеалов не уставал говорить в проповедях святой Иоанн Кронштадтский:

«Вера слову истины, Слову Божию исчезла и заменена верою в разум человеческий; печать... изолгалась — для нее не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера, нередко пропитанного ядом клеветы и насмешки, не стало повиновения детей родителям, учащихся — учащим и самих учащих — подлежащим властям; браки поруганы; семейная жизнь разлагается... Не стало у интеллигенции любви к родине, и они готовы продать ее инородцам... нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством... Правды нигде не стало, и Отечество на краю гибели...» (слово на Благовещение 25 марта 1906 г.).

И хотя в последнем Государе «показана была нам органическая возможность слияния воедино Великой России и Святой Руси», — писал архимандрит Константин, — даже такой Царь уже был бессилен что-либо изменить, поскольку оказался «ненужным» для ведущего слоя, возжаждавшего политических «прав» и «свобод». Ненужным оказался удерживающий Помазанник Божий...

Он не находил достаточного понимания даже в среде высшего духовенства — почему и откладывалось восстановление Патриаршества (поскольку и это важное дело оседлали либералы, грозившие «демократической» церковной смутой). Духовное состояние России в феврале более всего характеризуется именно поведением церковных иерархов: как просто они, за немногими исключениями, перестали поминать Помазанника Божия, вычеркнули его имя из богослужебных книг, не вспомнили даже о клятвопреступлении, освободив армию и народ от присяги законному Царю и благословив Временное правительство заговорщиков, как мы теперь знаем — масонское, в чем особо страшная символика февральского греха... Так даже Синод перестал сознавать духовный смысл православного самодержавия; Поместный Собор 1917—1918 годов тоже не выступил в защиту арестованной царской семьи...

Именно такое легкомысленно-слепое отношение ведущего слоя нашего народа к религиозной сути самодержавия, бурное развитие капиталистического духа (этому отчасти служили и столыпинские реформы, разрушавшие общинные традиции) и стремление интеллигенции уподобиться апостасийному Западу, стать «цивилизованной» страной «как все», стали причиной краха, как бы в назидание подчеркнувшего бренность земного преуспеяния...

В который раз мы видим: то, что в земной истории временно «прощается» Западу и даже служит его материальному процветанию, не прощается России. У Бога с нее всегда особый спрос... Таким образом, наша православная монархическая государственность пала в феврале 1917 года не потому, что «изжила себя», а потому, что ведущий слой нашего народа перестал понимать и ее суть, и обманные посулы ее врагов.

Заметим, что союзники России не собирались выполнять свое обещание о Константинополе и заранее попытались сами, не считаясь с огромными потерями, занять проливы. Затем, изменив своему союзническому долгу, Англия и Франция *еще до отречения Государя* поддержали Февральскую революцию и *официально* заявили 1 марта через своих послов, что «вступают в деловые сношения с Временным Исполнительным комитетом Государственной Думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России»[29]. Премьер-министр Ллойд Джордж в британском парламенте «с чувством живейшей радости» приветствовал свержение русского Царя: «Британское правительство уверено, что эти события начинают собою *новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война*» (выделено нами. — *М. Н.*); «громкие возгласы одобрения раздались со всех мест»[30].

По этой же причине потерпело неудачу и Белое движение, наивно надеявшееся на помощь союзников по Антанте. Впрочем, в 1919 году оно было близко к успеху, но полагалось лишь на силу оружия и еще не рассмотрело духовного масштаба своей задачи. Только в конце 1921 года Всезарубежный Собор в Сербии провозгласил необходимость восстановления законной монархии, и только в 1922 году Земский Собор во Владивостоке провозгласил восстановление ее законов на последнем клочке Русской земли, когда Гражданская война была уже проиграна...

Потом в эмиграции много писали о самых разных причинах поражения Белого движения, но главной была духовная: его политические вожди слишком долго вели борьбу проигравшего Февраля против победившего Октября без понимания, что это были лишь два этапа одного беззаконного революционного процесса.

С падением православной монархии, казалось, Россия и весь мир подошли к последним временам. В этом можно видеть и *последнее звено в описанной историософской цепи своеволия людей: уже и православная Россия, оплот Истины,* пала в результате гордыни и заговора обольщенной интеллигенции при попустительстве обманутого ею, распропагандированного на новую смуту, простодушного народа. Но поскольку Россия особая страна в Божием замысле, то и революция в ней приобрела необычные черты и дала незапланированные антихристианскими силами результаты, отодвинув, казалось, уже неминуемый конец истории.

Необычность проявилась уже в том, что антимонархическая революция в России не ограничилась «умеренным» буржуазным Февралем (как это было типично для буржуазных революций на Западе). Масонский Февраль, духовно и психологически чуждый русскому духу, привел лишь к хаосу и своему логичному продолжению в виде Октября. Большевизм же стал обманно эксплуатировать в своих целях наряду с худшими также и лучшие свойства русского характера: чувство справедливости (отсюда благоприятная почва для «научного» коммунистического «рая на земле»), неотмирность (отсюда иное, чем на Западе, отношение к собственности и к богатству), нравственный максимализм (который остается и тогда, когда абсолютизируется нечто ошибочное), соборность (на которой паразитировал тоталитаризм), жертвенность служения и смирение (отсюда и знаменитое русское долготерпение).

Так в большевизме «тайна беззакония», приноравливаясь к особенностям русского народа, выступила не в виде равнодушного пренебрежения Истиной, как на Западе, а в виде подмены Истины ложью в привычных русских психологических рамках, побуждая народ к жертвенному служению ей под лозунгом не мещанского счастья (на это русских увлечь было трудно), а освобождения всего мира от социального зла. В этом была одна из причин победы большевизма. Но в этом же таилась и причина его неминуемого поражения, поскольку подменять Истину ложью долго было невозможно.

Большевистский террор против Церкви и подлежавшей уничтожению «черносотенной русской культуры» (Ленин) явил собой совершенно новый тип государственности: в отличие от западных демократий власть уже не просто поощряла свободное нравственное разложение общества, а взялась насильственно выкорчевать духовное начало в человеке, превратив его в материально-производственный «винтик» и открыто размахнувшись в своей программе на немедленную мировую революцию.

Во всех сферах жизни большевиками насаждалась классовая мораль, полностью противоположная и заповедям Христа о любви и милосердии («милосердие — измена революции»), и десяти заповедям, данным Моисею: 1) «бога нет»; 2) обязательное поклонение марксистским кумирам, чьи имена, как проказа, покрыли всю карту России; 3) поношение имени Господа; 4) введение пятидневки для отмены христианской недели; 5) ради партии «предай родителей» («культ Павлика Морозова»); 6) расстрелы заложников и террор как «средство убеждения» (Ленин); 7) супружеская верность — «пережитки прошлого» (Коллонтай); 8) «грабь награбленное»; 9) ради дела коммунизма «надо пойти на все и всяческие жертвы, даже — в случае необходимости — на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытия правды»[31]; 10) зависть же к чужому имуществу была изначально положена в основу марксизма... Соответственно и обещанное коммунистами «светлое будущее» было рассчитано на глубоко аморальных потомков, готовых оправдать своим земным «раем» все многомиллионные человеческие жертвы, положенные в его фундамент.

При этом нельзя не видеть, что антихристианский пафос большевизма преследовал даже не цели укрепления экономики (этого не могла достичь, например, коллективизация, погубившая 10 млн крестьян), а некую духовную, не всегда осознаваемую цель *ритуального убийства православной России.* Отсюда — изуверские казни духовенства, глумление над иконами и мощами святых, памятник Иуде в Свияжске, «безбожная пятилетка»...

Разумеется, всего этого народ не «выбирал» (как утверждали большевики) и даже в своей малой прокоммунистической части не ожидал, а был обманут посулами: «Фабрики — рабочим! Земля — крестьянам! Власть — советам!»; «Мы наш, мы новый мир построим!» В революции народ практически не участвовал, а выжидал (в Гражданской войне осознанно приняли участие около 1% населения с обеих сторон), после чего был карательными методами мобилизован в Красную Армию и колхозы. Его отношение к советской власти уже в 1920-е годы выразилось в тысячах повсеместных восстаний, кроваво подавлявшихся, — так ему пришлось расплачиваться за то, что смуте не был дан сразу должный отпор...

Заметим в этой связи, что для подавления этих восстаний использовались в основном мобильные карательные отряды интернационалистов, безжалостные к чуждому им русскому населению. Они составили ударное ядро Красной Армии из *более 250 тыс. бойцов* (венгров, австрийцев, поляков, чехов, финнов, прибалтов, китайцев и др.). Исследователь этого вопроса М.Бернштам пишет, что

«это была денационализированная и деклассированная человеческая прослойка... соорганизованная из военнопленных и из люмпен-пролетариата разных стран, находившегося в России на заработках», а также из «интернациональной социалистической интеллигенции, оказавшейся в России или съехавшейся туда сразу после революции»[32]. По советским данным, в 1918 году интернационалисты составляли 19% Красной Армии, в 1920 году после всеобщей мобилизации населения — 7,6%.

М.Бернштам отмечает, что столь высокий процент иностранцев уникален в истории гражданских войн: «Для войны, в которой основные операции — не стратегические фронтовые, а подавление повстанчества и сопротивления коренного населения, роль 8—19-процентного ударного костяка, именно на подавлениях сосредоточенного, является... ключевой ролью в победе режима над населением».

Лишь сильными антизападными настроениями эмигрантов (из-за предательства Западом белых армий) можно объяснить то, что именно в эмиграции кто-то увидел в спекуляции большевизма на русской соборности, в переносе столицы в Москву крах западнического петербургского периода, «отталкивание России от прогнившей Европы» и выход на свой «русский путь»... Это оправдание «сменовеховской» капитуляции проявилось и в евразийстве, применившем изоляционистскую историософию Данилевского уже не к славянам, а к союзу с азиатами. И если раннее славянофильство было игнорированием апокалипсиса, то евразийство XX века стало утопией бегства от апокалипсиса — как будто от мирового развития можно убежать в географическую резервацию. Можно лишь мужественно осознать смысл истории как борьбу сил Христа и сил антихриста и занять свое место в этой борьбе. Общность же географических просторов Евразии еще не создает общей причастности к стержню истории: *судьба мира решается в судьбе христианских народов*, которые для этого избраны Богом как нравственный центр тяжести и ответственности всего человечества.

И в коммунистической России нравственный центр тяжести находился в верующем народе: распинаемом, ушедшем в катакомбы, молящемся о спасении России, сопротивляющемся злу — независимо от границ СССР и от количества сопротивлявшихся. Поскольку в своих главных политических целях — уничтожение семьи, нации, частной собственности и религии — марксизм был совершенно чужд и русской традиции, и человеческой природе, она сама сопротивлялась марксизму и он не смог прижиться на Русской земле даже ценою десятков миллионов жертв. Более того, именно в России эта западная атеистическая идеология разоблачила сатанинские цели всей

западной апостасии: марксизм лишь довел до логических крайних выводов то, что «умеренные» атеисты-западники стеснялись сказать открыто, — писал в 1938 году немец Шубарт. «В большевизме загнало себя насмерть русское западничество»[33].

Поэтому в конце 1930-х годов компартия, помимо демонтажа наиболее одиозных постулатов своей идеологии, была вынуждена искать новую опору своей власти в народе, подобрав попранные ею же русские патриотические знамена. Так русская почва, сопротивлявшаяся марксизму, не только обрекла на крах его план мировой революции, но и вызвала его незапланированную, противоречившую его сути, мутацию в национал-большевизм — без чего Сталин не смог бы ни удержать власть, ни выиграть войну.

Однако оценка национал-большевизма евразийцами и Бердяевым как по сути русского явления, лишь «деформированного марксизмом», смешивала разные стороны проблемы: 1) антихристианской и антирусской основы интернационалистического марксизма; 2) тех русских качеств, на которых он паразитировал; 3) той новой формы, которую он вынужденно принял из-за сопротивления ему русского духа. То есть в политике большевиков даже после ее патриотического поворота при Сталине был не столько «русский дух, деформированный марксизмом», сколько марксизм, деформированный русским духом. Невозможно отрицать стихийный самоотверженный патриотизм народа в годы войны, но победа была присвоена компартией для дальнейшего паразитирования на народе. Послесталинский откат к интернационализму, гонения на Церковь при Хрущеве и западнические иллюзии вождей эпохи «перестройки», разрушивших государство по западным рецептам и искусственным большевистским границам, — все это показывает, что марксистская основа в КПСС не была преодолена.

Но даже если тогда русские, к сожалению, не до конца «переварили» коммунизм, все же они выжили как народ (при власти троцкистов это вряд ли было бы возможно). И благодаря русскому сопротивлению в национал-большевизме — вопреки планам революционеров, «мировой закулисы» и самого сатаны — на историософском уровне стал выявляться тот же скрытый смысл, что в свое время в ордынском иге:

«Татарское иго сохранило Россию от соблазнов латинства, а потом и западного Возрождения. Не охранило ли несравненно худшее советское иго Россию от соблазнов несравненно худших?»[34] — так ставил вопрос архимандрит Константин уже в 1960-е годы, имея в виду соблазны усилившегося духовного разложения Запада. Тем самым России ценой кровавой революции был оставлен шанс на

иной путь после освобождения, если она сможет вынести из своего падения должный урок и восстановить свою историческую государственность.

Можно вспомнить в этой связи и «Повесть временных лет», в которой еще в XII веке по другому поводу было сказано, но теперь, 900 лет спустя, звучит с еще бóльшим основанием: «Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы Богом! Да не будет! Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого почтил Он, как нас прославил и превознес? Никого! Поэтому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и более всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены были, зная волю Владычную, и, презрев ее, как подобает, больше других наказаны».

Кому много дано, с того больше и спрашивается. И тут важно не количество грехов, а то, против какой высокой святыни православного призвания был нами допущен грех. Российская трагедия XX века — плата за отход от замысла Божия о нас как об «удерживающем» — и должна была проявиться в безудержном разгуле сил зла. Как у богоизбранных евреев отказ от Христа симметрично оборачивается служением антихристу, так же и падение богоносного русского народа, отказавшегося от Царя, Помазанника Божия, обернулось несением ига антихристова предтечи — богоборческого большевизма...

Между этими координатами — нашего великого избранничества и нашего великого греха — лежит историософское осознание нашей национальной катастрофы, выраженное православными мыслителями Зарубежья. Для этого она и была попущена Богом, чтобы обратить нас к Истине этим последним способом: *продемонстрировать истинность Православия доказательством от обратного ценою опыта клинической смерти России.*

В этом смысл всей «катастрофичности» русской истории как периодического отпадения от Божия замысла — для возвращения на верный путь через осмысление своих грехов и покаяние. Святитель Феофан Затворник отмечал это и в связи с не менее «катастрофичной» судьбой ветхозаветного еврейства с его частыми падениями и исправлениями. Но чем ближе к концу истории, тем драматичнее становится расплата за грехи в условиях все более прогрессирующей «тайны беззакония».

Так, если в первом падении мы пережили катастрофу *языческой* оккупации, затем оккупации *католической*, при Петре — *протестантской* и после него *масонской*, то катастрофа 1917 года восстановила против нас и объединенного врага — *мировую апостасию во всех ее формах, приступившую к непосредственной подготовке цар-*

ства антихриста. Это привело к предсказанному еще в конце XVIII века иноком Авелем *«безбожному жидовскому игу»* — оно отражено и в хилиастической идеологии революционеров, и в их кадровом составе, и в их заграничном финансировании. И это не удивительно, поскольку именно евреи, отвергнувшие Христа, составили ядро «тайны беззакония».

В том, что марксистское учение стало секулярным вариантом иудаистских чаяний «земного рая», сходились и русские философы-эмигранты (отец Сергий Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.П. Федотов), и один из духовных лидеров сионизма М.Бубер («Еврейство и человечество»), и даже некоторые большевики (Луначарский назвал марксизм «пятой великой религией, сформулированной иудейством»[35]). То, что большевистская власть отождествляется с еврейской, с горечью признавали еврейские публицисты в известном сборнике[36]. О финансировании революции в интересах еврейства гордо заявлял глава еврейского финансового мира в США Шифф. Поэтому не только эмигранты-монархисты, но и, например, отец Сергий Булгаков в 1941—1942 годах пришел к очевидному выводу:

«В большевизме более всего проявилась волевая сила и энергия еврейства, все те черты, которые так известны уже и по Ветхому Завету, где они были предметом гнева Божия... В грядущих событиях центральное место принадлежит России и еврейству... Россия находится под игом большевизма... еврейство же претерпевает еще раз в своей истории гонение (в гитлеровской Германии. — *М.Н.*). Но само же оно доселе остается в состоянии поклонения золотому тельцу и отпадения от веры, даже и в Бога Израилева. Все эти новые бедствия... кара за то страшное преступление и тяжкий грех, который им совершен над телом и душой русского народа в большевизме... Еврейство в самом своем низшем вырождении, хищничестве, властолюбии, самомнении и всяческом самоутверждении, через посредство большевизма совершило если — в сравнении с татарским игом — и непродолжительное хронологически (хоть четверть века не есть и краткий срок для такого мучительства), то значительнейшее в своих последствиях насилие над Россией и особенно над Святой Русью, которое было попыткой ее духовного и физического удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России, которая, по милости Божией, оказалась все-таки с негодными средствами. Господь помиловал и спас нашу родину от духовной смерти». Так что большевизм — это еще не победа сатаны над Россией. Это «ужасная победа сатаны над еврейством, совершенная через посредство еврейства»[37].

Таким образом, в XX веке в России разоблачило себя не только

западничество как богоборческий инструмент «тайны беззакония», но и сама эта сатанинская «тайна», воочию явив своих главных носителей. К сожалению, этот смысл большевизма оказался тщательно затушеван как в советской, так и в антисоветской западной историографии. И после падения власти КПСС это иго не получило в России должной духовной оценки: сохранились и масонские звезды над Кремлем, и мавзолей Ленина в сердце страны, и улицы с именами большевистских карателей и цареубийц (в Москве даже в 1998 году около 20 станций метро сохранили коммунистические названия: «Войковская», «Библиотека им. Ленина», «Марксистская»...). И даже многие постсоветские патриоты не нашли в себе сил отмежеваться от этого наследия.

Поэтому непреодоленная идейно-генетическая основа «жидобольшевистского» ига, прикрытого ранее марксизмом, возобладала над Россией уже как открытое «жидо-демократическое» иго в лице потомков большевиков, ставших слугами «мировой закулисы». Видимо, это иго все еще оказалось нужно значительной части нашего народа — для более наглядного разоблачения главного носителя «тайны беззакония», вышедшей наружу теперь в своем чисто национальном виде. Состав властных, финансовых и информационных структур РФ, объединенных в «Российском еврейском конгрессе» и синагоге, ханукальные пляски среди кремлевских святынь и развешанные по Москве лозунги с приветствием грядущему «мошиаху»* — последний звонок к пробуждению русского самосознания. Это иго — явно предапокалипсическое — требует от нас небывалых усилий для завершения своей миссии в истории согласно Божию замыслу.

Эта миссия может заключаться только в восстановлении «удерживающего», как это давно было выражено в эмиграции в работах архиепископов Феофана (Быстрова), Серафима (Соболева), Аверкия (Таушева), святителя Иоанна (Максимовича), архимандрита Константина (Зайцева), иеромонаха Серафима (Роуза) и других авторов Русской Зарубежной Церкви. Это означает не только изживание политических последствий смуты 1917 г. но и покаяние в совершенном грехе против Помазанника, а также пересмотр духовных итогов всего петербургского периода. Такой вывод из катастрофы сделала та часть русского народа, которая как его передовой дозор попала в особые заграничные условия, полу-

---

* В апреле 1993 г. во всю ширь Пятницкой улицы в Москве висел лозунг: «Песах — праздник освобождения. В этом году в отстроенном Иерусалиме в третьем храме с царем-мошиахом!». Фото см. в «Литературной России» (1993, № 20).

чив больше возможностей рассмотреть причины и духовный смысл этих катаклизмов.

«Жить *так,* как все вокруг живут, *нельзя.* Чтобы жизнь могла продолжаться, она должна стать иной. Если такого радикального изменения не произойдет, значит, жизнь кончается. Мир идет к своему концу!» Поэтому борьба русской эмиграции должна вестись «во имя восстановления «удерживающего». Эта борьба заключается в том, чтобы нести подвиг верности историческому предназначению России, исповедуя идеал православного самодержавия: «Только так можем мы оказаться годным материалом в Руках Божиих и, в потребный момент, стать точкой приложения каких-то, нам сейчас неведомых явлений... связанных с возникновением чаемой спасительной катастрофы»[38] (архимандрит Константин).

Теперь эта задача стоит перед православным народом в России. Но каковы же шансы на успех в нынешнем катастрофическом положении? Во всяком случае, гораздо большие, чем могла надеяться русская эмиграция. Архимандрит Константин писал, что в СССР русский народ насильственно загоняется в атеизм, западный же мир «свободно идет по пути погибели, употребляя данный человеку дар свободы во зло, — уходя от Бога и ставя себя на службу силам зла... Где легче спасти свою душу? Ответ не может вызывать сомнения! Отсюда заключение. Свершившееся над нашим Отечеством есть не отвержение его Богом, а, напротив, есть *проявление того же избранничества, которое лежало на челе России во все ее историческое существование.* Господь, снимая всякий покров обманный и прельстительный с сатаны, открывает максимально благоприятные возможности для спасения»[39] (курсив наш. — *М. Н.*).

После падения большевизма, несмотря на засилье антирусских сил в структурах власти и разложение значительной части общества, стало очевидно, что в России в конце XX века есть и православный народ, вынесший из вековой катастрофы должные историософские выводы и сознающий смысл происходящего. Несомненна в этом роль переизданных трудов почти всех упомянутых нами важных эмигрантских авторов. Даже и без доступа к всероссийским СМИ этот образ мыслей ширится, если, например, сравнить отношение в оппозиционных кругах к теме «удерживающего» в 1992 и в 1998 годах. Идет процесс образования из аморфной человеческой массы нравственного народного ядра. Тем самым *Россия сейчас — самая христианская, историософски образованная и духовно свободная страна в мире*, ибо в других народах вообще нет деятелей с нашим опытом и знанием о смысле истории. Вот в чем избранность и ответственность русских людей в нынешнее время.

18 Заказ2370

Конечно, в целом посткоммунистическая мятущаяся Россия сейчас представляет собой жалкое зрелище. Но сам факт, что она все еще испытывает мучения в выборе своего пути, говорит о сохраняющейся возможности истинного выбора, пусть даже это граничит с чудом. Тогда как у Запада шансов на это уже нет, ибо нет потребности в таком чуде.

3.6. Новый мировой порядок и тайна России

Восстановление российского «удерживающего» чрезвычайно осложняется тем, что оно идет наперегонки с завершением тоталитарно-демократического «Нового мирового порядка» — царства антихриста (его символизирует масонская пирамида власти с надписью «новый порядок на века» на долларовой банкноте).

Претензии мирового господства открыто объявила «Стратегия национальной безопасности США». Журнал мировой закулисы (Foreign Affairs, осень 1997 года) опубликовал проект влиятельного стратега З.Бжезинского по расчленению России как «главного приза» для Америки. Влиятельный еврейский банкир Ж.Аттали в книге «На пороге нового тысячелетия» описывает торговый строй будущего как электронное тоталитарное общество, в котором «порядок, основанный на силе, уступает место универсальному порядку, основанному на деньгах». Гордое название этой цели США дал американский политолог Ф.Фукуяма: «Конец истории» (как конец идейных исканий человечества) — возможно, не сознавая получившейся апокалипсической символики, а возможно, и в виде сознательно дерзкого вызова...

Именно под воздействием этих сил после падения власти КПСС произошло не воссоздание исторической России, а запланированная «мировой закулисой» конвергенция этого режима в сторону западной постхристианской демократии — системы, свободно выбравшей смертельный путь «тайны беззакония».

И для этого имелись не только личные эгоистические причины у перекрасившихся советских политиков. Их объединяет с Западом и идейная связь, ибо при всем былом противоборстве капитализма и марксизма они изначально имели один и тот же идеал: унифицированное материалистическое общество глобального всесмешения народов. Разница была лишь в методах унификации и контроля.

Большевистские материалисты надеялись этого достичь тотальной отменой личной свободы человека, но это оказалось утопией,

ибо человек по своей духовной природе всегда будет оказывать стихийное сопротивление такому эксперименту, обрекая его на крах и делая такое государство уязвимым. Тогда как демократические материалисты сделали ставку на эксплуатацию человеческой свободы — как свободы человеческих пороков, представляющих собой более эффективное (ибо «добровольное») средство порабощения посредством денег и их СМИ.

К сожалению, теперь России суждено изживать этот новый этап ига, и неизвестно, сколько на это отпущено времени. К тому же наше избранничество, о котором сказано в «Повести временных лет», проявляется сейчас и в том, что в стремлении восстановить удерживающую Россию нам предстоит новое обострение противостояния с Западом. Но мы не можем уклониться от этого, безвольно подчинившись торжеству идеологии антихриста.

Если мы согласимся с «Новым мировым порядком», то, действительно, не стоило России 80 лет страдать, чтобы с тернистой дороги под знаменем коммунистической богоборческой утопии перейти на более гладкую дорогу, ведущую к тому же обрыву под знаменем либеральной утопии освященного эгоизма. То есть чтобы в конце концов пойти по тому пути, куда нас толкали в феврале 1917 года. Это выглядело бы как наше позорное и бессмысленное поражение. Это было бы изменой и нашим предкам, и христианскому смыслу жизни.

Союзников в такой обороне, пусть и немногих, мы еще можем найти в самых разных странах. Мы должны объяснять и западным народам, что не навязываем им свое православное миропонимание, мы лишь хотим, чтобы Америка не навязывала свою масонскую апостасийность нам. Будет ли такое наше обращение успешным?.. Кто сможет к нему прислушаться, несмотря на то, что оно будет заглушено дезинформацией и клеветой, как это западный мир успешно делает в отношении Сербии?

Видимо, заключительная миссия России как «удерживающего» может быть связана не с победой над «тайной беззакония» (это невозможно в земном мире), а с необходимостью истинной, православной проповеди Евангелия всем народам перед концом мира — для сознательного последнего выбора и спасения всех людей, пригодных войти в Царствие Божие. Не об этом ли времени в Апокалипсисе таинственно сказано, что зверю была нанесена смертельная рана, но он от нее все-таки исцелел? Конечно, иначе и не может быть: мы знаем, что пришествие антихриста не отменить. И поэтому если России суждено перед тем возродиться, то, по словам наших святых, «на малое время», быть может, как раз для пропове-

ди истинной веры (и нанесения этим смертельной раны зверю), спасающей для Царствия Божия последнюю достойную часть человечества.

При этом, наверное, значение России для мира будет заключаться не только в видимом земном противостоянии антихристу, но и в действии на невидимом духовном поле брани. Подобно тому, как Христос видимым образом был распят на кресте, предан позорной казни, но в невидимом мире торжествующе победил ад и диавола.

Продолжающееся сейчас иго, причину которого мы показали выше, не препятствует этой избранности России, а лишь выявляет ее, снимая покров с «тайны беззакония» в глазах новых и новых людей. И все это также подтверждает нашу уверенность в том, что, несмотря на усиление всемирного процесса апостасии, предназначение России еще не завершилось. Ведь не стал бы Господь так долго — почти век! — попускать силам зла мучить ее напрасно, лишь продлевая ее агонию. Значит, Бог сохраняет возможность восстановления России.

«Удерживающая» православная государственность разрушилась, приблизив последние времена, но пришествия антихриста еще не произошло. Значит, и после этого что-то удерживало и удерживает его, причем, скорее всего, связанное с Россией, поскольку иного «удерживающего» в мире с тех пор не появилось. Разумеется, удерживать мир от пришествия антихриста могут и Божественные силы, но все же через каких-то носителей в земном мире и с какой-то целью для него, иначе такое удержание мира было бы бесцельно.

Было бы грешно видеть в советское время это «удерживающее» начало в структурах марксистской власти даже после ее сталинской национальной мутации. К ней трудно относиться как к языческой власти, которая, *еще не зная* истинного Бога, удерживала порядок от хаоса. Сталин (бывший семинарист) *уже знал* истинного Бога, но не покаялся перед Ним, сохраняя культ марксистских идолов. Сама приспособительная мутация большевизма произошла лишь из-за сопротивления ему народного духа. Значит, «удерживающее» мы должны искать в ином: в том истинном, что сохранялось в России вопреки коммунистической власти и существует сейчас вопреки власти демократической.

Вспомним известный пример из Библии: Господь был готов помиловать Содом и Гоморру, удержать их от разрушения, если бы нашлось в них хотя бы десять праведников (Быт. 18, 32). В России их, несомненно, больше. Конечно, многие, особенно в молодом поколении, уже поддались разложению. Но дело ведь не в «арифме-

тическом большинстве» праведников на нынешней Русской земле. На Божиих весах бывает достаточно и немногих, ради которых Господь продлевает сроки, учитывая также и небывалую силу противника, и особенности самого предапокалипсического времени, затрудняющие людям осознание Истины. В таких условиях каждое наше малое усилие в сопротивлении «тайне беззакония» имеет значение перед Богом.

Поэтому, очевидно, удерживающей силой в это предапокалипсическое время как раз и стал *непрерывно длящийся христианский подвиг богоносного народа, явившего за столетие последнего ига многотысячный сонм Новомучеников Российских, молящихся на небесах во главе с Царственными Мучениками о спасении России. Они и сегодня для нас— тоже Россия, которая в Божием замысле не ограничивается пространством и временем. Царь и сегодня для нас — Царь.* Апостолом Павлом не сказано, что «удерживающий» будет уничтожен, сказано — «будет взят от среды»; и не утверждается, что антихрист воцарится немедленно после этого. И хотя после сокрушения царской власти зло стало очень быстро распространяться на земле, быть может, Россию и мир еще удерживают от пришествия антихриста верные Третьему Риму христиане, остаток Святой Руси, *держась за своего Царя на Небесах.* Действенность же такого удержания зависит от нашего отношения к Святым Новомученикам и умученной Царской Семье.

Этот шанс нам дан прежде всего в их прославлении. Совершенное в Зарубежье еще в 1981 году (после чего начался распад режима КПСС), как теперь и в сердцах многих верующих в России, оно объединяет сегодня силы всех русских людей на последнее сопротивление «тайне беззакония».

В знаменательном явлении иконы Державной Божией Матери с царскими регалиями в день насильственного отречения Государя Николая II можно видеть *такой удерживающий знак надежды и связи между земным и небесным планом русской истории в XX веке.* Многие церковные авторы в эмиграции (профессор И.М. Андреев, архимандрит Константин, протоиерей Александр Киселев) истолковали это явление как перенятие Божией Матерью на Себя роли «удерживающего» — на время опамятования и покаяния России. После этого: «Русский народ будет *прощен* и Царская власть, *сохраненная Самой Царицей Небесной*, будет России несомненно возвращена. Иначе зачем же Пресвятой Богородице сохранять эту власть?»[40]

Многие авторы — святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Нафанаил (Львов), епископ Нектарий (Концевич), епископ Митрофан (Зноско-Боровский) — связали явление этой иконы с христо-

подражательным подвигом Царя-Мученика, который стал искупительной жертвой за свой народ, принес себя в жертву ради его опамятования. В этой связи уже С.А. Нилус в книге «На берегу Божьей реки» привел провидческий сон митрополита Макария (не признавшего Временное правительство и удаленного за это с кафедры) о Царе-Мученике, вымолившем у Господа горькую чашу для себя и манну для своего народа, после чего незримый голос сказал: «Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен». Хотя, конечно, даже искупительная жертва Самого Христа не действует автоматически, необходимо ответное осознание ее людьми и жизнь в соответствии с открывшейся Истиной.

То, что наш народ найдет в себе достаточно сил для этого, еще в начале XIX века предсказывал преподобный Серафим Саровский: будет «страшная революция в России... Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе». По свидетельству учителя царских детей Ч.С. Гиббса, ставшего впоследствии на Западе православным монахом, Государь Николай II сам говорил ему об этом предсказании преподобного Серафима и верил в него.

Это предсказывали и святые праведники Иоанн Кронштадтский, преподобные Анатолий и Нектарий Оптинские, старец Алексий Зосимовский, старец Варнава из Гефсиманского скита, схииеромонах Аристоклий Афонский, архиепископ Андроник Пермский и другие подвижники.

На этом основании архиепископ Феофан (Быстров), в прошлом духовник Царской Семьи, говорил в 1930 году в эмиграции: «Я не сам от себя говорю, а сообщаю откровение старцев. А они передавали мне следующее: пришествие антихриста приближается и оно очень близко... Но до пришествия антихриста Россия должна еще восстановиться, конечно, на короткое время. И в России должен быть Царь, предизбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нем открыто. Будем ожидать исполнения открытого»[41].

И архиепископ Серафим (Соболев) призывал в 1930-е годы «веровать, что момент конечной гибели нашей родины еще не настал, ибо мы имеем пророчество величайшего угодника Божиего святого Серафима Саровского о том, что Россию ради чистоты православия, ею исповедуемого, Господь помилует от всех бед и она будет существовать до скончания века как сильная и славная держава... Очевидно, Господь восстановит Россию, и она вновь сделается великой и будет самым могущественным оплотом в мире для грядущей борьбы с самим антихристом и всеми его полчищами»[42].

Тогда же и святитель Иоанн Шанхайский писал о России: «Ког-

да окончатся страдания твои, правда твоя пойдет с тобой и слава Господня будет сопровождать тебя. Придут народы к свету твоему и цари к восходящему над тобою сиянию» («Святая Русь — Русская земля»). В 1970-е годы об этом писал иеромонах Серафим (Роуз).

Предсказания о такой миссии России перед концом мира известны и в древних греческих, византийских источниках.

Иногда даже в отрицании западниками особой роли России мелькали проблески этой истины, как у Чаадаева: «Мы как бы исключение среди народов, как бы не входим составной частью в человечество, а существуем лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» («Философические письма»)... То, что Чаадаев высказал с презрением, К.С. Аксаков ощутил с благоговением: «Русская история имеет значение Всемирной Исповеди»; потому что «русский народ не есть народ; это человечество; народом он является оттого, что обставлен народами с исключительно народным смыслом, и человечество является в нем поэтому народностью»[43].

Все эти слова в эмиграции по-новому осмыслялись, собирались предсказания, была составлена особая молитва о спасении России...

Веря в пророчества, мы должны, однако, помнить слова Господа: «Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот... обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его» (Иерем. 18, 7, 10). История с городом Ниневия подтверждает, что все зависит от поведения людей: если мы сможем осознать свои грехи, покаяться в них и вернуться к Истине, земная история продолжится. Если человечество будет и далее скользить вниз, то конец истории «близ есть, при дверех». Потому что *Господь может продлить историю, лишь если только будет ради кого.*

Хочется верить, что Он это делает сейчас именно ради миссии России, которую предстоит выполнить тому «остатку» русского народа (по аналогии с «остатком» Израиля — Рим. 11, 5), верному Православию, который накапливается в ходе поляризации российского общества. Именно к этому «остатку» относятся приведенные выше пророчества об искуплении народа Царем-Мучеником и о воскресении России, поскольку именно этот «остаток» несет в себе ее судьбу. Предсказанная же России «Слава Господня» в последние времена заключается не в земном господстве и могуществе, а в силе выражения Истины.

В XX веке православная Россия оказалась распята, но не побеж-

дена духовно. Русский народ с безмерным терпением перенес от мира такие испытания, какие ни один европейский народ не выдержал бы. Словно в русской душе не переставали звучать евангельские слова: «Претерпевший же до конца спасется...» (Мф. 24, 13). После векового атеизма эти страдания и терпение, конечно, далеко не всеми осознаются религиозно, но совесть и обычаи народа все же во многом сохранили христианскую основу. Это делает его непригодным и для капиталистических реформ. Русское сопротивление этим реформам — невиданное для других посткоммунистических стран явление. Как и то, в каких условиях оно проходит: в заброшенности людей властями, в нищете или на натуральном хозяйстве, при разлагающем давлении демократических СМИ...

Именно на этом фоне российской нищеты и торжествующей в мире апостасии можно сказать, что «чудо русской истории» продолжается. Это ли не еще одно свидетельство избранничества России? Вся логика тысячелетней истории наших падений и их преодолений показывает нарастание опасностей, грозивших нашему православному призванию. Мог ли с ними справиться (хотя и не без потерь) народ «ленивый», «варварский», «рабский», каким нас все эти века описывали заезжие путешественники и их доморощенные эпигоны? Разумеется, нет: в нашем народе были иные качества, не видные высокомерному глазу так же, как ему не видны в людях христианские добродетели, скромность и терпение — именно их Запад всегда и считал за нашу «рабскость».

И сейчас при всей огромной материальной силе нашего противника он (как когда-то Наполеон и Гитлер) слаб именно своим непониманием России и смысла истории, поэтому даже его победы могут быть обращены Богом в поражения. А наши материальные поражения могут превратиться в духовные победы — как было во время татарского нашествия XIII—XIV веков, польского в начале XVII века, французского в XIX веке, так может быть и с последним игом XX века.

В этой работе мы в основном рассматривали падения России, которые служили ее восстановлению через осознание и преодоление допущенных грехов. Но повторим: это не значит, что наш народ греховнее других. Наоборот: допускаемый грех вызывает в нашей истории катастрофы, поскольку не может стать «нормой» для русского бытия. И в нашей катастрофе XX века есть еще один аспект, который уже в 1918 году отметил протоиерей Иоанн Восторгов: «Грех требует искупления и покаяния. А для искупления прегрешений народа и для пробуждения его к покаянию всегда требуется жертва. А в жертву всегда избирается лучшее, а не худшее. Вот где тайна мученичества...»

Наверное, эти слова можно применить и к тайне России: возможно, и *она стала в XX веке искупительной жертвой — для пробуждения к покаянию тех людей в мире, которые готовы это вместить.* (Именно они примыкали на всех континентах к русской православной эмиграции.) Ибо в жертву было принесено не худшее, а лучшее, что было в мире — вдобавок тяжко оклеветанное, — и это надо осознать в первую очередь нашему народу.

Вот слова одного из таких иностранцев, Иосифа Муньоса, недавно замученного врагами Православия хранителя чудотворной мироточивой иконы Иверской Божией Матери: «Россия была великая империя, самая большая, могучая, она дала миру несравненную ни с чем красоту... У нее симфония между Церковью и государством была настоящей, и поэтому ее разрушили. Думаю, что Господь допустил страдания при коммунизме отчасти для того, чтобы русские не погибли в ужасном материализме. Россия должна воскреснуть сильной духовно, потому что нет ни одного уголка в России, который остался бы не омытый кровью мучеников. Кровь мучеников — семя христианства. Эти семена дадут всходы, Россия воскреснет и своим светом будет освещать весь мир, потому что нет ни одного народа, который так пострадал за Христа, как русский... Когда Россия воскреснет, она действительно заслужит звание Святой Руси, Дома Пресвятой Богородицы». О чуде мироточивой иконы Иосиф привел объяснение одной благочестивой девушки: «Как мироносицы помазали тело Спасителя до Его Воскресения, так и Божия Матерь теперь помазывает русский народ до воскресения России»[44].

В октябре 1997 года Иосифа убили, и икона исчезла, а в январе 1998 года монреальский собор, где она часто пребывала, сгорел дотла. В этом можно видеть грозное предупреждение. Чем дольше российское государство отказывается от покаяния за революцию и от помощи своих святых Новомучеников, тем грознее могут быть дальнейшие попустительные наказания Божии. Не забудем и о некоторых предсказаниях, что Россия будет растерзана и сократится до своей центральноевропейской части, и лишь после этих новых страданий произойдет опамятование...

История имеет свою внутреннюю логику, которая проявляется в повторяющихся прообразах и парадигмах — кирпичиках общего смысла. Силы зла, как мы уже отметили, стараются наполнить эти парадигмы своим содержанием. Силы добра видят в них ключи к пониманию происходящего и будущего. *И если богоносная Россия в своей истории, как и подобает христианину, уподобилась Христу — взойдя в XX веке на свою Голгофу и принеся в своем распятии искупительную жертву* (о которой говорит новомученик протоиерей Иоанн

Восторгов), *то, вероятно, ей суждено и воскресение для свидетельства Истины всему миру— так же,как Христос после распятия и воскресения явился ученикам на короткое время для последнего земного свидетельства истинности и смысла происшедшего. В сохранении этой возможности для России— смысл затянувшихся российских страданий.*

Конец мира, видимо, наступит, когда посеянные на земле «пшеница» и «плевелы» окончательно созреют для жатвы; когда человечество совершенно утратит понятие о цели истории и земля уже не будет иметь оправдания своего существования в глазах Божиих. С этой точки зрения история, наверное, должна продолжаться, пока в человечестве не исчезнут люди, способные войти в Царство Божие (так полагал святой Григорий Богослов). Ради этого и надо сопротивляться «Новому мировому порядку», отстаивая удерживающий идеал Святой Руси.

Это можно, конечно, делать в любой точке планеты, кто куда попал. Но нельзя не видеть, что главный фронт борьбы находится на Русской земле, в русском народе. Помочь ему в этом должно быть долгом каждого честного человека, тем более если ему повезло родиться русским.

3.7. Духовное наследие русской эмиграции: «правда о земле» и правда о Небе

Как уже указывалось выше, стержнем, делавшим из эмиграции единый национальный организм, была и остается Православная Церковь. В первой главе данной книги, в разделе «История зарубежного Православия», было показано, что в результате сложных процессов на сегодняшний момент существует три разные юрисдикции зарубежного Православия.

Главные разногласия между консервативной Русской Зарубежной Церковью и либеральными юрисдикциями (парижской и американской) обнаружились на богословском уровне. Это были два разных взгляда на задачи самого Православия в наступившую небывалую эпоху. Стоит напомнить о сути этих двух позиций, которые теперь заметны и в России.

Одно из этих течений стремилось христианизировать наступавшую в мире нецерковную гуманистическую культуру в духе «христианского реализма», переняв из нее все те частичные «правды», которые были совместимы с христианством. Философ Ф.А. Степун

писал об этом так: «Все мучащие современность тяготы и болезни связаны в последнем счете с тем, что основные идеи европейской культуры — христианская идея абсолютной истины, гуманистически-просвещенская идея политической свободы и социалистическая идея социально-экономической справедливости — не только не утверждают своего существенного единства, но упорно ведут озлобленную борьбу между собою... Выход из этого положения — в органическом, творческом сращении всех трех идей»[45].

В этой области достижения русской эмигрантской философии могли бы иметь важное значение для государственного строительства в посткоммунистической России (если бы правители обратились к эмигрантскому опыту, а не к американскому). Как подчеркивал протоиерей В.Зеньковский, в религиозном осмыслении свободы, общества, государства, истории, культуры, экономики вообще состоит коренное отличие русской философии от западной: «Подлинно живые творческие темы философского размышления восходят к благовестию Христову и потому и не могут быть разрешены вне его. История же западной философии есть искание того, как можно было бы разрешить эти темы вне христианства, вне Церкви»[46].

Эта часть православной эмиграции стала преемницей возникшего еще до революции движения, часто называемого «Русским религиозным возрождением XX века». В предчувствии назревавшей катастрофы оно не только обличало ложные революционные идеи (как это сделали авторы сборника «Вехи», 1909), но и требовало от Церкви творчески осмыслить те социальные задачи, которые «орден революционной интеллигенции» пытался решать на атеистическом пути. С этой целью в начале века устраивались «Религиозно-философские собрания» под председательством епископа Сергия (Страгородского), ректора Петербургской Духовной академии.

Один из организаторов собраний В.Тернавцев писал: «...наступает пора не только словом, в учении, но и делом показать, что в Церкви заключается не один только загробный идеал. Наступает время открыть сокровенную в христианстве *правду о земле*»[47]. Эта «правда о земле» и стала в эмиграции главной для парижского и американского православия.

Примечательно, что инициатива этого «религиозного возрождения» исходила от бывших марксистских деятелей, прошедших путь «От марксизма к идеализму» (1903, название сборника статей С.Н. Булгакова, ранее известного своими марксистскими работами). Кроме ставшего священником Булгакова, из видных эмигрантских мыслителей этот путь еще до революции проделали П.Б. Струве (автор первого Манифеста РСДРП в 1898 году), С.Л. Франк (уча-

ствовал в марксистском кружке, в 1899 году был арестован и выслан из университетских городов), Н.А. Бердяев (за участие в марксистском кружке отбывал ссылку), Г.П. Федотов (его высылали за границу как участника революции 1905 года и левого социал-демократа)...

Именно на основе личного опыта марксистских соблазнов эти авторы высказали предупреждение о грозившей катастрофе. Революция же, наглядно обнажив духовную проблематику эпохи, заставила в эмиграции обратиться к Церкви еще более значительную часть в прошлом левой и либеральной общественности: например, П.И. Новгородцева, К.В. Мочульского, И.И. Бунакова-Фондаминского (бывший член «Боевой организации» эсеров, стал одним из редакторов христианского журнала «Новый град»), Е.Ю. Скобцову (революционерка, стала «монахиней в миру» и занималась миссионерской деятельностью).

Марксизм и позитивизм были ими не просто отвергнуты (как это делали крепко стоящие в вере члены Церкви), а были изжиты изнутри, в исканиях. И подобно тому, как Бердяев различал «правду и ложь коммунизма» (видя его частичную правду в стремлении к большей справедливости, а духовную ложь — в богоборчестве), так эти эмигрантские деятели применяли ту же формулу ко всей секулярной гуманистической культуре. Они считали, что эта задача требовала со стороны Церкви большего доверия к творческой свободе человека — а не только беспрекословного подчинения церковному авторитету; требовала достижения большей социальной справедливости — а не только смирения перед несовершенством мира в надежде на потустороннее воздаяние; требовала ощущения цельности мира во всем его многообразии (религия, культура, политика, экономика) как «Божьего творения, достойного спасения».

Для такого «социального христианства» отец Сергий Булгаков искал и догматическое основание: «Эта идея есть не что иное, как идея *боговоплощения*. Христос принял человеческое естество во всей его полноте и во всем историческом объеме. Освящение и искупление и конечное преображение относится не только к личному бытию, но и к человеческому роду, к социальному бытию, — о нем вопрошается и по нему судится человек на Страшном Суде. И христианская общественность несет эти новые заветы боговоплощения, которое раскрывается в силе своей во все времена человеческой истории разными своими сторонами, и в наше время хочет раскрыться в области социальной»[48].

Однако консервативная часть Русского Зарубежья полагала, что такие поборники «христианизации» земного мира не учитывают его

неисправимо поврежденную природу и не вникают в православное учение о сути мирового зла, которое уже выходит на финальную дорогу своего земного торжества перед концом истории. В такое пред-апокалипсическое время задачи Церкви должны быть иными — полагала правая часть Зарубежья. Не уповая на достижение большей «правды о земле» и тем более лишенная родной земли, она обращала свой взор к правде о Небе. В творчестве же «парижан» зарубежный Синод нередко видел соблазнительный уход от этой главной правды.

Надо сказать, что такие опасения были не беспочвенны. Даже протоиереям В.Зеньковскому и Г.Флоровскому приходилось отвергать посягательства на церковное учение со стороны своих парижских и американских коллег. Таковы, например, ограничение Божественного могущества понятием предсотворенности свободы у Бердяева; размывание границы между Творцом и тварью в понятии «софийности» у Булгакова, а отсюда и ошибки в объяснении природы зла. Причину этих соблазнов Зеньковский видел как раз в наследии дореволюционного «религиозного возрождения», которое «строит свою программу *в сознательном противоставлении себя историческому христианству*, — оно ждет новых откровений, создает (под влиянием Вл. Соловьева) утопию «религиозной общественности...», причем «всех соблазняет мысль о синтезе христианства и язычества»[49].

Немалое место в этих попытках «синтеза» занимала проблема «освящения плоти», которая обсуждалась на четверти (!) всех «Религиозных собраний». Мережковский и Розанов видели в христианстве неоправданную «ненависть» к половой жизни и под лозунгом «правды о земле» хотели освятить не преображенную плоть, а плотские страсти... Именно для этого Мережковский ждал «Третьего Завета» человечества с Богом. Флоренский тоже ждал нового Откровения Духа и еще более Соловьева верил в Софию; «он точно отступал назад, за христианство, в платонизм и древние религии, или уходил вкось, в учения оккультизма и магию... Здесь была несомненная муть... эротической прелести»[50], — пишет протоиерей Георгий Флоровский в своем труде «Пути русского богословия». На откровенный половой бунт пошел Розанов и в своих упреках Христу дошел до того, что, мол, зря Мессия не принял той царственной власти, что была ему предложена в пустыне (дьяволом!).

То есть дореволюционное «религиозное возрождение» интеллигенции далеко не всегда было возвращением к истинной вере. Христианизацию мира и «правду о земле» многие понимали как изменение («догматическое развитие») самого учения Церкви о мире,

прямо называя это «реформацией». Понятно, почему Государь Николай II не принимал всерьез звучавшие из такой среды призывы к созыву Поместного Собора. Могло ли у такого «религиозного возрождения» быть верное понимание Церкви? Вот характерное высказывание А.В. Карташева (впоследствии видного парижского профессора) на заседании петроградского «Религиозно-философского общества» в 1916 году:

«Всякий знает, что он не находит в Церкви удовлетворения своему разуму, своей свободе, своему творчеству и освобождению общественному... увы, все творчески-живое, передовое, действительно увлекающее, чарующее, поистине господствующее, носящее на себе печать молодости и таящее в себе залог будущего не может поместиться в Церкви и для исторического творчества, ради человечества выходит из нее... Церковь при этом продолжает сиять неувядаемым внутренним великолепием, все тем же притягательным, необычайным, идущим с небесных высот светом вечерним. Но дух человеческий, не вынося бесконечного тяготения на нем багряных закатных лучей, снова и снова порывается в противоположную им темную сторону востока, ища там новой встречи с утренними лучами вечного дня»[51].

Символично здесь стремление к противоположной солнцу (то есть Церкви) «темной стороне» горизонта, навстречу «утренним лучам света» — как неосознанное стремление к Люциферу-Деннице («утренней звезде»); ведь дьявол, соблазняет человека не темнотой, а выдает ее за «путь к свету»... Неудивительно, что с тогдашними взглядами Карташев стал министром вероисповеданий в масонском Временном правительстве.

Подобный реформаторский пыл не угас на этом фланге и в эмиграции, особенно вначале. Многие вообще забывали, что совсем не впервые «историческая Церковь» имела дело с окружающим миром, культурой и т.п. Что большинство духовенства и мирян не прошло через отпадение от Церкви и с детства исповедовало Православие как драгоценную веру отцов, черпая в ней силы и видя свою миссию не в «пророческом творчестве», а в сохранении двухтысячелетней традиции. Блудные сыны «ордена интеллигенции», вернувшиеся в Церковь, чтобы с ее помощью лечить болезнь мира, в неофитском пылу не замечали, что не все были больны и что у «неблудной» части народа имелся свой взгляд на эту болезнь.

Архиепископ Серафим (Соболев) своей вышедшей в 1939 году книгой «Русская идеология» дает пример тому, как консервативная Зарубежная Церковь относилась к проблеме христианизации мира. Он приводит слова преподобного Серафима Саровского о том, что

цель нашей жизни заключается в стяжании благодати Святого Духа — все остальное приложится; именно так жили наши предки и именно этим путем создали небывалое в мире по величию государство. Так и сегодня: «Все эти блага подаст Господь и нам, если мы, подобно нашим предкам, будем иметь их веру, или идеологию, которая может заключаться в двух только словах: православная вера»[52]. А это означает, что и власть должна быть православной: власть Помазанника Божия.

Поэтому для преодоления русской национальной катастрофы необходимо прежде всего покаяние в отступлении от Православия, а особенно — «в самом тяжком грехе нашем, в котором повинны активно или пассивно все русские люди, — в грехе бунтарства против самодержавной власти нашего Царя — Помазанника Божиего». «Эту царскую самодержавную власть мы должны стремиться воссоздать не только потому, что такое стремление будет истинным покаянием в нашем тяжком грехе уничтожения одного из исконных начал русской жизни и попустительства к сему уничтожению. Это стремление одновременно соответствует и *истинной русской идеологии, которая есть не что иное, как православная вера и основанная на ней русская жизнь во всех ее областях, начиная с личной и кончая государственной, почему русское государство и должно возглавляться царскою самодержавной властью*». Причем это — необходимое условие не только для возрождения России, но и для сопротивления антихристу: еще святой Иоанн Златоуст учил, как и другие святые отцы, что «царская власть... есть именно то начало, которое удерживает пришествие в мир антихриста»[53].

Так в Русской Зарубежной Церкви, хотя и не сразу, была поставлена проблема покаяния за Февраль 1917 года и восстановления Российского православного царства как «удерживающего». Этим русский монархизм в эмиграции обрел свой подлинный историософский (а не утилитарно-политический) смысл.

Тогда как «парижане» и «американцы» исходили из бесповоротного завершения «константиновской» эпохи («симфонии» между Церковью и государством) и надеялись приспособиться к апостасийной демократии, порой даже превознося ее за возможность «свободного и истинного исповедания христианства» (в отличие от «принудительного» при монархии). Апологеты этого пути забывали о столь же свободно действующих в этом мире силах антихриста... В монархизме такие православные демократы видели «узость мышления» и «реставраторский церковный национализм».

Именно в вопросе антихриста и «удерживающего», то есть в отношении к христианской эсхатологии, более всего проявляется

разница между двумя ориентациями зарубежного Православия. Русская Зарубежная Церковь постоянно напоминала о близости «последних времен», о необходимости усилий для спасения души. Тогда как «парижане» больше увлекались спасением земли, нередко склоняясь к хилиазму, то есть к вере в возможность Царства Божия еще на земле.

Мы уже отметили, что хилиазм (родственный материалистической устремленности иудаизма и противоречащий церковному учению о больном мире и о спасении в инобытии) был религиозной формой все той же земной утопии «рая на земле», в русле которой шло все европейское развитие Нового времени. В России в откровенной форме хилиазм выразил (чем снискал себе симпатии «религиозного возрождения») Н.Ф. Федоров в теории «общего дела» как земного воскрешения всех предыдущих поколений усилиями самих людей в результате научного прогресса. Тем самым Божественной благодати Федоров противопоставил науку, считая эсхатологические пророчества Священного Писания условными. В этом было непонимание природы смерти и греха, неверие в грядущее воскресение и преображение к новой жизни, что составляет суть христианства.

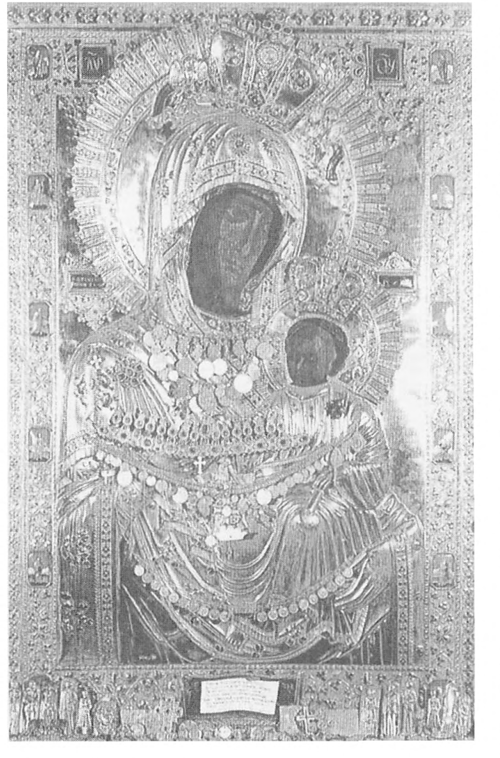
Тем не менее парижский журнал «Путь» Бердяева (руководителя издательства YMCA-Press) в программном заявлении назвал Федорова в числе своих предтеч. А бессменный декан парижского Богословского института протоиерей Сергий Булгаков вплоть до конца жизни выражал хилиастическую веру в наступление на земле тысячелетнего Царства Божия[54] — в чем, возможно, и заключался тайный вектор его софиологии.

Даже если порой в среде «религиозного возрождения» и возникали апокалипсические нотки (перед смертью у того же В. Соловьева), все же в них преобладало не искание спасения, а оккультное любопытство. В целом «религиозное возрождение» и в дореволюционной России, и в эмиграции тему антихриста не принимало всерьез. Это было оптимистически-розовое «христианство без антихриста», то есть без понимания истока зла в мире.

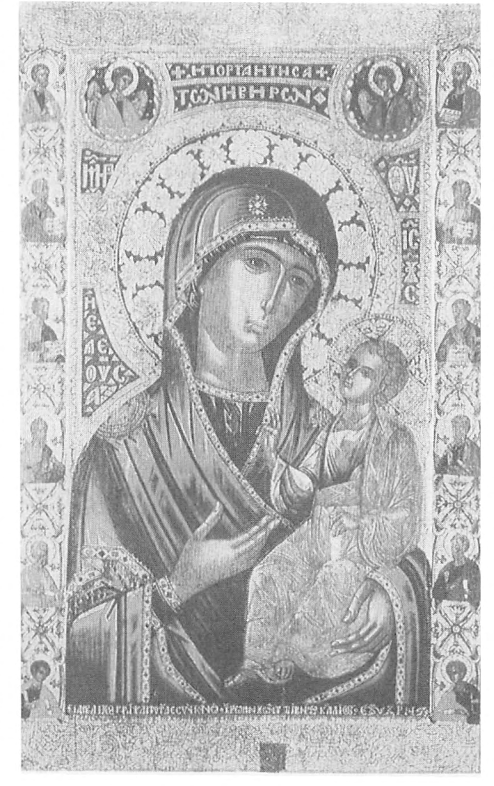
Такая хилиастическая и гуманистическая инерция (устремленность к спасению мира «своею собственной рукой») приводила некоторых парижских религиозных деятелей даже к рецидивам политической «красноты». Так, в годы гражданской войны в Испании Бердяев (вместе с профессором парижского Богословского института Г.Федотовым) видел там «кровавое насилие над несчастным испанским народом» не в действиях коммунистов, которые расстреливали духовенство, а в восставшем против них генерале-христианине Франко. В статье, полной нравственных двусмысленностей,

Чудотворная икона Знамение Божией Матери
Курская Коренная — без оклада

Чудотворная икона Знамение Божией Матери
Курская Коренная — в окладе

Икона Божией Матери
Иверская Афонская

Икона Божией Матери
Иверская Московская

Икона Божией Матери
Иверская Монреальская — мироточивая

Хосе Муньос — мученически убиенный хранитель чудотворной иконы Иверской Божией Матери — Монреальской

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей, разработавший в 1981 году чин прославления Новомучеников Российских. Слева направо: (стоят) архиепископ Григорий, епископ Алипий, епископ Константин, архиепископ Павел, архиепископ Серафим, архиепископ Лавр, епископ Нектарий, епископ Марк; (сидят): архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний, архиепископ Монреальский и Канадский (теперешний Митрополит) Виталий, архиепископ Серафим, митрополит Филарет, архиепископ Афанасий, архиепископ Антоний (Синкевич), архиепископ Антоний (Медведев)

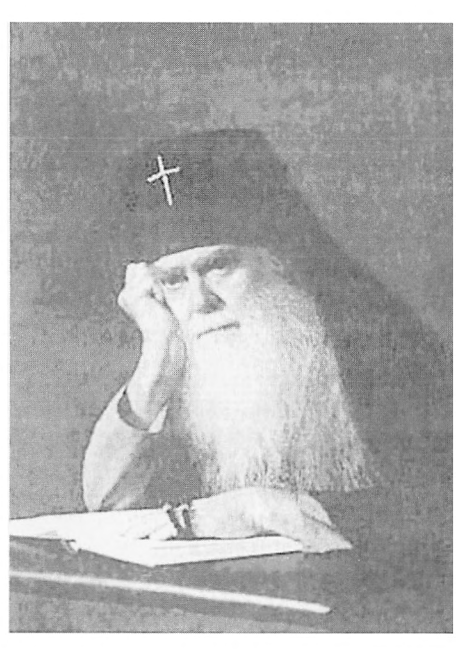

Икона Новомучеников Российских

Икона Святого Иоанна с житиями

Патриарх ТИХОН (1865—1925),
Московский и всея Руси (с 1917 года)

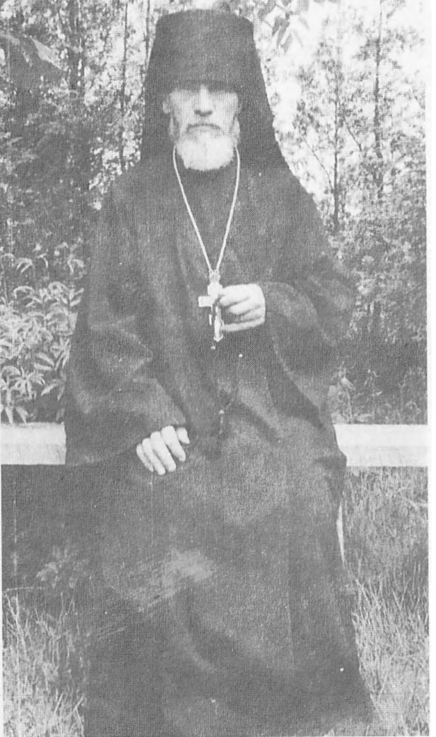

Архиепископ
АВЕРКИЙ (Таушев)

Митрополит
АНТОНИЙ
Храповицкий

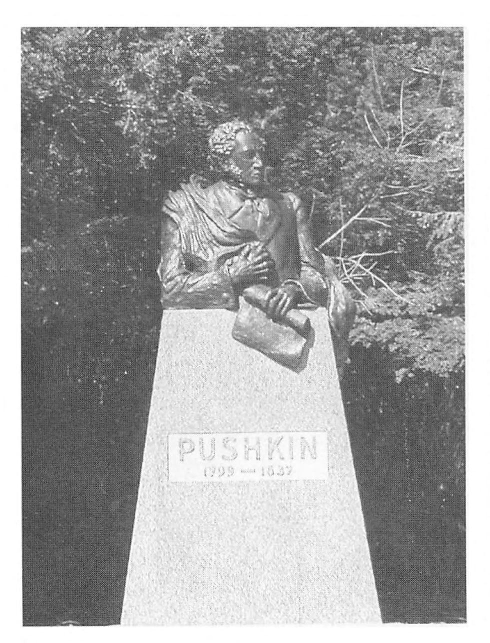
США. Кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле

Отец ПАНТЕЛЕИМОН — основатель Свято-Троицкого монастыря

США. Типография и книжный магазин Свято-Троицкого монастыря

США. Памятник А.С.Пушкину в Джэксоне

США. Эндикот. Памятник Тысячелетия крещения Руси

США. Колокола Даниловского Монастыря в Гарвардском университете. Были сняты в 1928 году при закрытии монастыря. Спасены от уничтожения

США. Пасха. Крестный Ход. Церковь Покрова Божией Матери в Норс Бронсвике

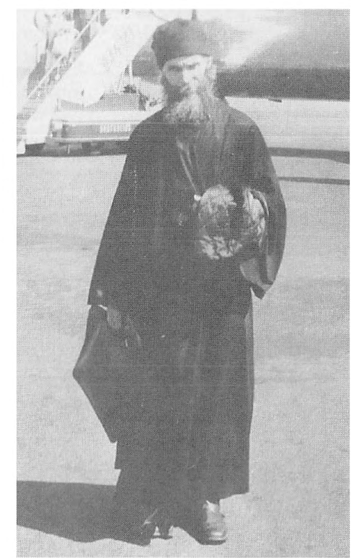
*США.
Престольный
праздник
в церкви
св. князя Владимира
в Джэксоне*

Австралия. Пасха в Сиднее. В центре — Митрополит Филарет

Тунис. Архиерейская служба.
В центре архиепископ Иоанн

Австралия.
Архимандрит Филарет
(будущий митрополит Филарет)
в аэропорту Сиднея после приезда из
коммунистического Китая

США. Интронизация. Справа митрополит Филарет.
В центре, на заднем плане архиепископ Иоанн

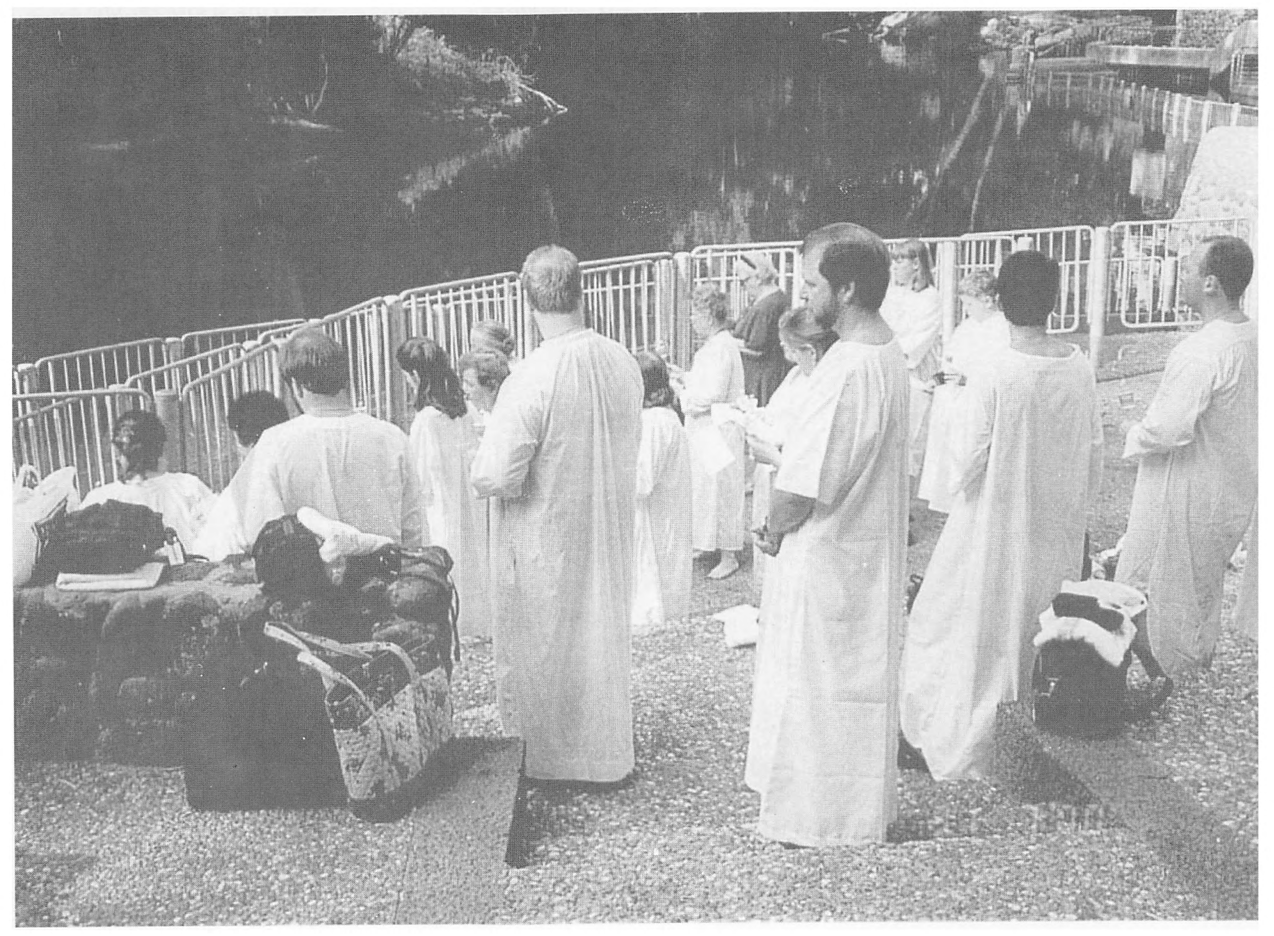
Франция. Сестры Лесненской обители с архиереями РПЦЗ. Сидят слева направо: еп. Илларион, архиеп. Антоний († 1993), митроп. Виталий, архиеп. Марк

США. Освящение Храма св. Александра Невского, 1998. Слева направо: архиепископ Лавр, митрополит Виталий, архиепископ Антоний (†2000), епископ Гавриил, архиепископ Марк

Румыния. Праздник Преображения Господня в Слатиорском монастыре, 1996. Слева направо: Предстоятель Греческой Старостильной Церкви митроп. Киприан; Предстоятель Румынской Старостильной Церкви митроп. Власий; Секретарь Синода РПЦЗ архиеп. Лавр, Предстоятель Болгарской Старостильной Церкви епископ Фотий

Иордания. Русские американцы на Паломничестве, у входа в Святую реку

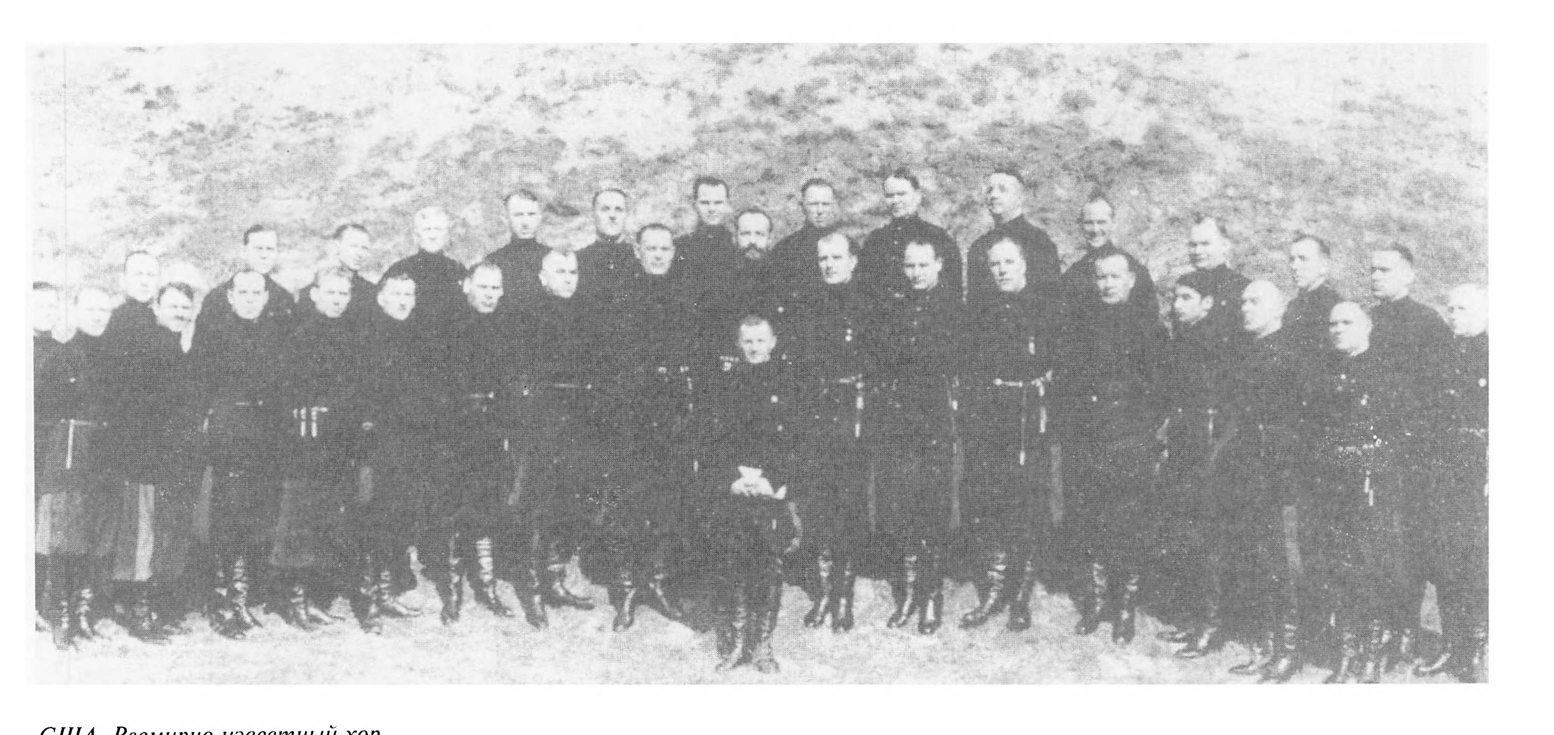
США. Прихожане Храма Покрова Божией Матери празднуют Пасху

США. Общество “Родина”. 9-й бал бывших кадетов и институток 23 апр.1966. Мазурка

США. Общество “Родина”. 9-й бал бывших кадетов и институток 23 апр. 1966. Устроители. Слева направо: мадам Повшечная Смольного ин-та, Лена Лермонтова, Беляев и Николай Е. Новицкий (устроитель)

США. Общество “Родина”. Бал-маскарад на масленицу 4 марта 1967

США. Общество “Родина”. Победительницы конкурса “Мисс Родина”. 1959

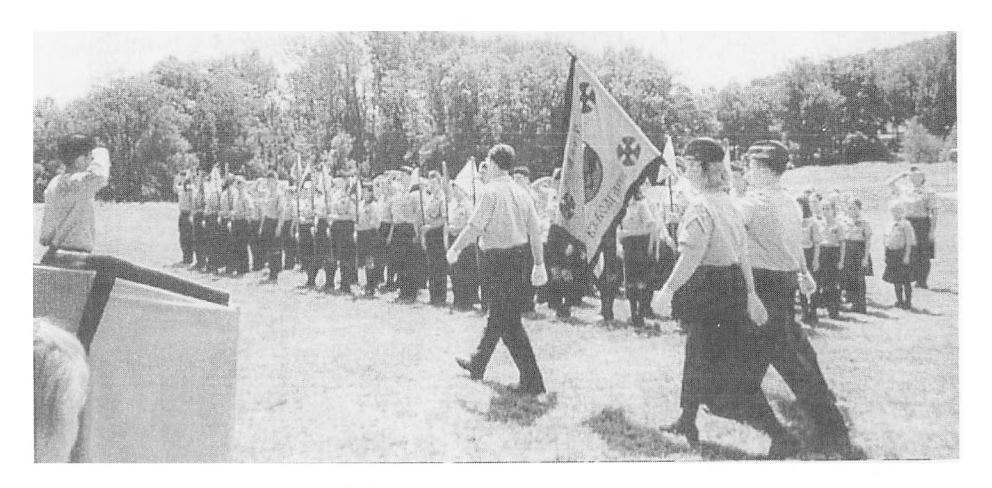
*США. Всемирно известный хор
Донских казаков.
Основатель и дирижёр
ЖАРОВ Сергей Алексеевич (1896—1985)*

США. На балу в Российском Посольстве в Вашингтоне. 1997

США. Православная школа при церкви св. князя Александра Невского в Лэйквуде. Выпуск 1997—1998 года. В центре, слева направо: М.А. Лермонтов, протоиерей Валерий, епископ Митрофан, протодиакон Сергий

США. В летнем лагере НОРР. Парад

США. В летнем лагере НОРР. Поднятие флага

США. В летнем лагере св. Серафима Саровского

США. Общество "Родина". Ансамбль девочек лагеря НОРР. 1957

Детский театр в Лэйквуде. Сказка о царе Салтане. 1998

Бердяев демонстрирует такую логику: насилие христиан — «не то же, а в тысячу раз хуже, ибо коммунисты имеют преимущество не быть христианами». Поэтому «христиане должны стать не на сторону тех сил и течений, которые признают себя "христианскими", это носит чисто словесный характер, а на сторону тех сил и течений, которые реально защищают духовные и человеческие ценности — правду, свободу, справедливость, милосердие, христиане должны их и признать христианскими». То есть Бердяев призывает поддержать испанских коммунистов, не объясняя, как их «правда» и «милосердие» сочетаются с его же признанием: «Я не думаю отрицать... безобразия религиозных гонений, расстрела священников, сжигания храмов»... И далее следует даже такой удивительный выверт: «Мы, русские, должны молить Бога, чтобы у нас больше никогда не было "православного государства", и жить надеждой, что подобное несчастье никогда не случится. Нужно предпочесть государство, которое преследует, государству, которое подкупает и превращает в орудие»[55]...

По этим же причинам Бердяев, Степун, З.Н. Гиппиус, даже поначалу протоиерей В.Зеньковский и С.Франк не приняли в 1920-е годы совершенно точную с христианской точки зрения книгу И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (одобренную ведущими иерархами Зарубежной Церкви).

Именно в богословских разногласиях послание Архиерейского Синода от 18 (31) марта 1927 года отметило истинную причину церковного раскола в эмиграции: «Митрополит Евлогий стал явно покровительствовать модернизму, как в области христианского вероучения, так и в сфере церковной жизни... Богословский институт в Париже учрежден был митрополитом Евлогием... по программе, Синодом не одобренной, и с приглашением в качестве преподавателей лиц, или высшего богословского образования не получивших, или таких, православие которых для Синода и Собора весьма сомнительно». Они призывают к таким начинаниям, «которые переступают грани простой реформы» и возможны лишь «в виде реформации», «то есть к отступлению от истины, хранящейся в Церкви от времен апостольских»[56].

Справедливости ради стоит отметить, что и на консервативном фланге, в остром ощущении апокалипсичности переживаемых испытаний, некоторые впадали в свою крайность — пассивно отворачивались от мира, от попыток борьбы за восстановление православной России. Они осуждали всякую мирскую активность, отказываясь признать даже за эмигрантскими православными политическими организациями что-либо положительное.

19 Заказ 2370

Однако если судить не по крайностям, а по исходным побуждениям, то оба фланга зарубежного Православия имели каждый свою правоту. Если одни призывали быть готовыми к всегда близкому пришествию антихриста, концу времен и Страшному суду, то другие ощущали столь же вечную близость Царства Божия, пытаясь Его уловленным дыханием спасать, насколько возможно, несовершенный мир, создавая в нем оазисы должного мироустройства. Одних влек идеал личной святости («спасись сам, и тысячи вокруг тебя спасутся»); другим был ближе путь мирского самоотверженного делания, в котором также могла обретаться святость при должном видении конечной цели.

Эти разные понимания христианского служения в какой-то мере сравнимы с евангельскими образами Марии и Марфы. Они не отрицают друг друга, а дополняют в правильной иерархии ценностей. Служение Богу не исключает служения ближнему на земле, в его горестях и заботах, — а включает это в себя как одну из заповедей. И надо признать, что многие свои реформаторские соблазны «парижане» (в том числе поправевший Карташев) в дальнейшем изжили. Поэтому немало из того, что было написано ими в духе «правды о земле», может пригодиться для организации достойной жизни в современной разрушенной России, если она будет сознавать и правду о Небе. То есть если будет видеть свою задачу не в приспособлении к апостасийному «мировому сообществу», а в том «подвиге русскости» в условиях всемирной апостасии, который был и остается главным достижением русской эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский Фонд культуры. Карельское отделение. Центр изучения духовной культуры Русского Зарубежья. Петрозаводск, 1990. С. 3.
2. *Федотов Г.* Россия, Европа и мы // Новый град (Париж). 1932. № 2. С. 3.
3. *Ильин И.* Основы борьбы за национальную Россию. Нарва, 1938. С. 19.
4. *Франк С.* Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 47—50.
5. *Струве П.* Размышления о русской революции. София, 1921. С. 9—10.
6. См.: *Назаров М.* Крушение кумиров: демократия и фашизм // Москва. 1994. № 1.
7. *Ильин И.* Основы государственного устройства. Ротаторное издание РТХД. 1930-е гг. С. 4. (Из архива автора.)
8. *Назаров М.* Русская эмиграция о путях воссоздания российской монархии // Держава (Москва). 1996. № 1(4)—2(5).
9. Еврейская энциклопедия. СПб. Т. X. С. 908.
10. *Булгаков С., прот.* Гонения на Израиль // Вестник РХД (Париж). 1973. № 108—110. С. 72.
11. *Грец Г.* История евреев. Одесса, 1908. Т. 6. С. 91—96.

12. Там же. Т. 10. С. 164—169.
13. Там же. С. 253.
14. *Соловьев В.* Еврейство и христианский вопрос. 1884.
15. См.: *Синицына Н.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
16. См.: *Лебедев Л., прот.* Москва Патриаршая. М., 1995.
17. *Зомбарт В.* Евреи и хозяйственная жизнь. СПб., 1912. Гл. VI.
18. Там же. С. 12—13, 33.
19. *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. Джорданвилль, 1970. С. 68.
20. Там же. С. 34.
21. *Бердяев Н.* Новое средневековье. Берлин, 1924. С. 112—114.
22. *Маклаков В.* Еретические мысли // Новый журнал (Нью-Йорк). 1948. № XX. С. 140—148.
23. *Тютчев Ф.* Россия и революция // Политические статьи. Париж. 1976. С. 32.
24. *Энгельс Ф.* Карл Маркс и революционное движение в России. М., 1933. С. 15.
25. *Беляев А.* О безбожии и антихристе. Сергиев Посад, 1898. С. 508.
26. Беседовательное толкование второго послания к солунянам епископа Феофана. М., 1873. С. 71.
27. Текст см. в сборнике: Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z.A.B. Zeman. London, 1958. P. 140—152. Русский перевод см. в числе издательских приложений к книге: *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевицкая революция. М.: Русская идея, 1998.
28. *Тэри Э.* Россия в 1914 г. Париж, 1986. С. 13—14.
29. Биржевые ведомости (Москва). 1917. 5 марта (утр. вып.); Свет (Петроград). 5 марта.
30. Новое время (Петроград). 1917. 9 марта; Утро России (Москва). 9 и 12 марта; Биржевые ведомости. 8/21 марта (утр. вып.).
31. *Ленин В.* ПСС. М., 3-е изд. Т. 25. С. 199.
32. *Бернштам М.* Стороны в Гражданской войне 1917—1922 гг. // Вестник РХД (Париж). 1979. № 128. С. 331—332, 287—291.
33. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 1998.
34. *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. С. 50.
35. *Луначарский А.* Религия и социализм. 1908.
36. Россия и евреи. Берлин. 1923.
37. *Булгаков С., прот.* Расизм и христианство // Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991. С. 121, 137—138.
38. *Константин (Зайцев), архм.* Подвиг русскости перед лицом зреющей апостасии // Православный путь. Джорданвилль, 1963.
39. Там же.
40. Православная жизнь. Джорданвилль. 1951. № 3.
41. Православная Русь. Джорданвилль. 1974. № 24.
42. *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1992. С. 63.
43. *Чаадаев П.* Полн. собр. соч. М., 1889. Т. I.

44. Православная Русь. 1993. № 1.
45. Новый град. Париж. 1931. № 1. С. 18.
46. *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1950. Т. II. С. 465.
47. Цит. по: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 106.
48. *Булгаков С., прот.* Православие. Париж, 1965. С. 365—369.
49. *Зеньковский В., прот.* История русской философии. Париж, 1950. Т. II. С. 293, 294.
50. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 493—498.
51. *Карташев А.* Реформа, реформация и исполнение Церкви // На путях. Утверждение евразийцев. Москва—Берлин, 1922. Кн. 2. С. 96, 69, 58—59.
52. *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1992. С. 31—36.
53. Там же. С. 38, 40, 97, 42, 48.
54. Новый град. 1932. № 3. С. 44—45; Апокалипсис Иоанна. Париж, 1948. С. 177—210.
55. *Бердяев Н.* Испанская трагедия перед судом христианской совести / / Новый град (Париж). 1939. № 14.
56. Цит. по: *Архиепископ Никон (Рклицкий).* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. VII. С. 172—176.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ВНЕШНЕЙ» МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ*

4.1. Вводная часть

Время разрушать, и время строить,
время разбрасывать камни,
и время собирать камни.
(Еккл.3, 3, 5)

Трудно назвать еще какой-либо другой народ, который столь щедро, как русский, «разбрасывал» своих людей за границы отечества. В страны ближнего зарубежья (бывшие советские республики) за 1796—1991 годы переселилось, по одним оценкам, более 10 млн человек, в страны дальнего (или старого) зарубежья (США, Франция, Австралия и др.) — чуть менее 10 млн человек. По другим оценкам, только в старом зарубежье на начало 90-х годов насчитывалось около 20 млн наших соотечественников, то есть каждый четырнадцатый по тем или иным обстоятельствам оказался в течение последнего века за границей[1]. Поистине «великое переселение», затронувшее практически весь мир. Достаточно сказать, что центробежный характер миграционных потоков из России в страны ближнего зарубежья в XVIII веке — начале XX века способствовал не только формированию и расширению Российской империи, но и сохранению и развитию входящих в нее новых территорий Средней Азии, Закавказья и др.

Рассматривая процессы освоения новых земель как их «колонизацию», необходимо отличать российскую колонизацию, под которой понимается процесс хозяйственного освоения и заселения русскими практически незаселенных территорий, от колониализма, который является политикой закабаления и ограбления народов развитыми государствами, превращение захваченных стран в придаток метрополий, находившихся, как правило, далеко за океаном.

---

* Глава подготовлена доктором экономических наук В.А. Ионцевым.

С другой стороны, распространение идей Православия в процессе эмиграции, помимо важной просветительской задачи, позволило сохранить само Православие после 1917 года, когда Церковь была отлучена от участия в общественной жизни непосредственно в России. Его очаги, образовавшиеся в Америке, Австралии, Северной Африке и других регионах мира, сохранившие чистоту православных идей, могут через репатриацию стать важным фактором их возрождения и развития в современной России, о чем уже было сказано в предыдущих разделах.

Но помимо укрепления идей Православия, любви к Отечеству репатриация наших соотечественников может стать важным фактором и экономического, и демографического развития современной России. При этом заметим, что само понятие «репатриация» мы рассматриваем в несколько расширенном значении, включая в него всех российских соотечественников, возвращающихся в Россию (или желающих возвратиться), то есть и тех из них, кто родился уже вне России и постоянно проживает за рубежом. Последних, как правило, включают в категорию иммигрантов. При этом, говоря о классическом определении репатриации, надо иметь в виду, что она обычно осуществляется на основе международных договоров и в ряде случаев может иметь вынужденный, принудительный характер, что, скажем, не характерно для такого понятия как «реэмиграция». Под последним понимается добровольное, самостоятельное возвращение мигрантов на Родину. В нашем случае эту категорию россиян мы также будем включать в понятие «репатриация».

Каковы же особенности и проблемы экономического и демографического развития России, обусловленных процессами эмиграции и иммиграции в советский и современный периоды, рассматривая последний из них через призму репатриации? При этом роль России как «собирателя своих людей» становится жизненно необходимой для ее существования и дальнейшего развития.

Но прежде чем перейти к этим вопросам, рассмотрим вкратце особенности «внешней» миграции в России, ее роль и место как Евразийского центра в мировых тенденциях миграции населения.

4.1.1. Особенности и мифы «внешней» миграции в России

Миллионы людей ежегодно пересекают государственные границы в поисках нового места жительства или работы, с целью учебы или различного рода стажировок, на отдых или лечение, спасаясь от политических, национальных, расовых и т.п. преследований или

экологических бедствий. Эти и другие виды миграционного движения часто объединяются в понятие «международная миграция населения», которая в наши дни приобрела глобальный характер и затрагивает практически все страны мира, в том числе и Россию. Поистине трагическая судьба «вечного изгнанника» — мифического Агасфера — это не только миф, но и удел многих реальных людей, странствующих по свету в поисках лучшей жизни, получения знаний, знакомства с мировыми достижениями в области культуры, желающих вернуться на Родину и т.п.

Не случайно все больше распространяются утверждения о том, что «выразителем сущности нашей эпохи является скорее кочевник — человек, странствующий из края в край», и что в обществе будущего «все люди, независимо от своей культуры, будут мигрировать», и что «важнейшим фактором интеграции, имеющим место с самого начала существования человечества и обеспечивающим возможность преодоления разных процессов дифференциации, является постоянная склонность людей к переселению». Заметим, что среди этносоциологов сложилось мнение, что «в течение трех первых четвертей XX века русские были наиболее подвижным в миграционном отношении этносом СССР и одним из наиболее подвижных в мире»[2].

Участие России в мировых миграционных потоках приобретает в конце 80-х — 90-е год довольно масштабный и многообразный характер. Достаточно сказать, что совокупная, или валовая, миграция россиян и иностранцев по разным причинам и с различной целью с 1987 по 1999 годы возросла почти в 6 раз, превысив в 2000 году 32 млн человек. И вполне можно утверждать, что международная миграция в России, несмотря на то, что сохраняет определенные особенности, связанные, в частности, с появлением так называемого ближнего зарубежья, тем не менее в большей степени начинает соответствовать мировым закономерностям, определяющим это явление.

При этом «мифы» в отношении международной миграции в России, как и в некоторых других странах СНГ, сложившиеся еще в начале 90-х годов XX века, к сожалению, продолжают отражаться в различных последних докладах и программах государственных и общественных структур, как национального, так и международного уровня, в которых, в частности, вопросы репатриации из стран дальнего зарубежья практически не обсуждаются.

Миф первый связан с «отождествлением» прежних межреспубликанских миграций между Россией и бывшими союзными республиками с межгосударственными миграциями между ними после рас-

пада СССР. Отсюда неверные подходы к разработке современной миграционной политики и выделению в ней соответствующих приоритетов, как и неверные выводы, в частности, Ж.А. Зайончковской, В.М. Моисеенко о том, что «межгосударственные миграции на постсоветском пространстве замирают», что базируется исключительно на количественных показателях бывшей внутренней миграции или таком показателе, как сальдо миграции.

В связи с этим мифом еще одно важное замечание. Определение «внешняя» миграция в названии нашего раздела не случайно взято в кавычки. «Внешняя» миграция в нашей работе не является полным синонимом «международной» миграции, хотя в большинстве работ экономистов, демографов, географов и др. эти два понятия до последнего времени полностью отождествляются. В зависимости от того или иного исторического периода «внешняя» миграция в нашей работе соответствует разным типам миграционного движения. Так, в советский период — это «межреспубликанская» миграция, и в этом смысле определение «внешняя» соответствует, в частности, социологическому и особенно этносоциологическому подходам. В этносоциологии, например, в качестве внешних могут рассматриваться и миграции за пределы территории компактного расселения данного этноса, независимо от того, пересекает он при этом административно-территориальные или государственные границы или нет. В современный период — это межгосударственная или международная миграция, включающая значительно большее число категорий мигрантов, требующая других подходов и политики.

Миф второй заключается в том, что современную международную миграцию в России определяет репатриация русских (часто понимая под последними все русскоязычное население бывших союзных республик) и что основная масса мигрантов в России в 90-е годы — это не экономические мигранты, а репатрианты, подразумевая под ними по существу вынужденных мигрантов, что также не совсем верно. Тем не менее, несмотря на всю остроту проблем, связанных с вынужденной миграцией (если рассматривать процесс шире), заметим, однако, что не она, а именно экономическая миграция является преобладающей в международных миграционных потоках, в том числе это происходит и в России.

И еще одна из серьезных проблем — **миф** о миграции как единственной панацее по выходу из демографического кризиса в России.

Реальная картина в развитии международной миграции в России искажается и в результате разного понимания таких категорий, как иностранное население, вынужденная миграция, «утечка умов»,

репатриация и др. Чего стоила, например, оценка численности иностранного населения в России в 27 млн человек, то есть все нерусское население было зачислено в категорию иностранцев![3] Надо сказать, что разное толкование, например, таких категорий, как «беженцы», «вынужденные переселенцы», «репатрианты», их смешение ведет не только к методологическим упущениям при анализе миграционного движения, но и искажает его суть, что, в свою очередь, не способствует разработке и проведению в жизнь эффективной миграционной политики.

С другой стороны, чтобы найти эффективные решения, необходимо также правильно осознать место и роль России в мировом миграционном круговороте, в тех современных тенденциях, которые его формируют и определяют, исходя при этом из понимания России как Евразийского центра, обеспечивающего тесную связь, в том числе и миграционную, между Востоком и Западом.

4.1.2. Россия как Евразийский центр в мировых тенденциях миграции населения

Каковы же основные тенденции, которые характеризуют современную международную миграцию населения и имеют, по существу, закономерный характер? Остановимся вкратце на этих закономерностях, среди которых выделим следующие:

1) глобализация миграционных потоков;

2) качественные в них изменения;

3) определяющее развитие международной миграции рабочей силы;

4) рост нелегальной иммиграции;

5) рост вынужденной миграции;

6) двойственный характер развития миграционной политики;

7) увеличение демографической значимости международной миграции населения.

Анализ многочисленной литературы в этой области, причем как отечественных, так и зарубежных авторов[4], показал, что, начиная со второй половины 80-х годов и особенно в 90-е годы, международная миграция населения все более приобретает глобальный характер, что стало особенно заметно после крушения социалистического лагеря и распада СССР.

Именно глобализация мировых миграционных потоков представляет собой одну из основных современных тенденций, принимающих все более закономерный характер.

Эта тенденция обусловливается, во-первых, вовлечением в ор-

биту мировых миграций практически всех стран мира, среди которых довольно четко можно выделить страны иммиграции (в основном богатые западные страны) и страны эмиграции, являющиеся поставщиками дешевой рабочей силы (в основном развивающиеся стран). Россия, как и ряд других государств, по классификации Международной организации по миграции, была в 1994 году отнесена к странам, одновременно выступающим в роли принимающих и отдающих стран. С другой стороны, с учетом ближнего зарубежья Россия выдвинулась на третье место (после США и Германии) среди государств иммиграции.

Выделение России среди республик бывшего Союза в качестве своеобразного центра притяжения мигрантов, превращение ее из региона, длительное время «отдававшего» людей, в их «собирателя», и «прозрачные границы» с большинством из бывших союзных республик создали здесь условия для интенсивной миграции. Резкое обострение межнациональных отношений, обусловленное политическим экстремизмом, причем как между бывшими республиками, так и внутри них, и как результат — потоки вынужденных переселенцев и беженцев, устремившихся главным образом в Россию, также способствовали увеличению масштабов международной миграции в России. Ее активное участие в мировых миграционных процессах с конца 80-х годов лучше всего характеризуют данные табл. 1.

Во-вторых, беспрецедентными масштабами международной миграции и формированием своеобразной «нации мигрантов» числом более 125 млн человек, что более чем в 2 раза превышает численность мигрантов в 50-е гг. Заметим, что в эти цифры не включены международные туристы, численность которых за это время увеличилась до 454 млн против 69 млн человек в 1960 году, эпизодическая миграция, маятниковые мигранты и др. Таким образом, общая численность международных мигрантов, в зависимости от оценки нелегальных иммигрантов, может составлять от 600 до 700 млн человек!

Насколько верны эти цифры, учитывая недостатки в статистике международной миграции, никто сказать в настоящее время не может. Но о чем достоверно известно, это то, что годовые темпы роста численности мигрантов по миру в целом возросли с 1,2% в 1965—1975 годах до 2,6% в 1985—1990 годах, что значительно выше годовых темпов роста населения в западных государствах.

Относительно достоверно выглядит и рост численности трудящихся-мигрантов: с 3,2 млн человек в 60-е гг. до 35 млн человек (есть оценки и в 40—50 млн) в 90-е гг., определяющих по существу (особенно если к ним прибавить нелегальных трудовых мигрантов)

Таблица 1. **Миграция российских и иностранных граждан в России по целям поездок (без стран СНГ, тыс. чел.)**

Цель поездки	Годы								
	1988	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Выезд российских граждан за рубеж	2291	4100	8475	9139	8396	7788	9423 (11182)*	8430 (11711)	8186 (12631)
в том числе:									
служебная	495	1082	2759	2283	1696	1600	1539	1415	1410
туризм	590	1200	1577	2522	2555	3422	4084	3251	2579
частная	136	720	2965	3024	2925	1448	2397	2522	2978
другие**	1070	1096	1174	1310	1220	1318	1291	1242	1219
Въезд иностранных граждан в Россию	2533	2997	5384	3312	5311	5496	6491 (17463)	6282 (15805)	6837 (18496)
в том числе:									
служебная	796	1094	2204	1267	2186	2274	1972	1876	1997
туризм	910	1080	1543	915	1787	1716	2290	1904	1898
частная	116	295	836	412	544	721	1139	1453	1962
другие***	711	628	801	718	794	785	1088	1049	1080
Всего	4824	7097	13859	12451	13707	13284	15914 (28645)	14712 (32756)	15023 (31127)

* Данные в скобках включают миграционный обмен со странами СНГ и Балтии.

** Обслуживающий персонал транспортных средств (моряки, летчики и др.).

*** Транзитные мигранты и обслуживающий персонал транспортных средств (в 1995 г. — 84 000 и 710 000 соответственно)

Данные Госкомстата РФ

всю международную миграцию населения, выдвигая тем самым на первое место экономическую значимость мировых миграционных процессов. Как отмечает В.Бенинг, известный специалист в области международной трудовой миграции: «Сегодня она является одним из наиболее существенных аспектов интенсивной глобализации мировой экономики, который заметно влияет на экономику и рабочую силу более чем в 100 странах».

После Второй мировой войны наряду с США, Канадой, Австралией, куда эмиграция из России значительно возросла после 1991 года (только в США с 1991 по 2000 г. выехали на постоянное место жительства около 100 тыс. российских граждан плюс около 0,5 млн человек, выезжавших по трудовым контрактам, приглашениям, на учебу и т.д.), сформировались новые центры притяжения иммигрантов, обусловленные прежде всего экономическим фактором. Самый мощный из них сложился в рамках ЕЭС, он существенно изменил миграционную ситуацию в мире — Европа из поставщика иммигрантов за океан (межконтинентальная миграция населения составила за 100 лет примерно 60 млн человек) превратилась в их «получателя». На начало 90-х гг. в ЕС насчитывалось около 15 млн официально зарегистрированных иммигрантов, большинство из которых — в статусе иностранных рабочих. Из них более трети в Германии, чуть более 4 млн во Франции. В целом в Западной Европе находилось более 20 млн иммигрантов, то есть 5% общего населения этого региона мира. При этом заметим, что для многих российских рабочих выход на рынки труда большинства стран Европы представляется довольно проблематичным в настоящее время.

Более реальным такой выход выглядит на Ближнем Востоке, где в середине 70-х гг. возник новый центр привлечения иностранных рабочих, главным образом из шести аравийских монархий, ставших основными экспортерами нефти в мире, где в результате сложилась уникальная экономическая и демографическая ситуация. На начало 90-х гг. 70% всей рабочей силы этого региона были иностранцы, общая численность которых оценивалась в 5—6 млн человек.

Аналогичные центры сформировались в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Венесуэла) с общей численностью от 5 до 8 млн иммигрантов, Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Япония), Африке (ЮАР, Республика Кот-д'Ивуар) с численностью трудящихся-мигрантов свыше 6 млн, где шансы наших рабочих и специалистов также значительно выше, чем в Европе. Своеобразным центром стал в 1948 году Израиль, куда в начале 90-х гг. прибывало по 190 тыс. человек в год, из них почти 90% составляли граждане бывшего СССР.

Надо заметить, что основными поставщиками иммигрантов и иностранной рабочей силы являются Индия, Пакистан, Филиппины, Вьетнам в Азии; Египет, Йемен, Ливан, Иордания на Ближнем Востоке; Марокко, Алжир, Тунис, Гана, Мали, Чад, Гвинея, Мозамбик в Африке; Парагвай, Боливия, Колумбия в Южной Америке; Мексика в Северной Америке; Югославия, Португалия, Ирландия, Турция в Европе. В конце 80-х гг. таковыми становятся (как и сто лет назад) страны Восточной Европы, отдельные государства бывшего СССР. С этого момента действительно можно говорить о глобальном характере международной миграции населения, что, в частности, выделяется зарубежными авторами как основная тенденция развития международной миграции на предстоящие 20 лет.

В последние годы не меньшее внимание привлекает еще одна тенденция, тесно связанная с глобализацией мировой экономики, а именно неуклонный рост нелегальной иммиграции. Хотя среди нелегальных иммигрантов можно встретить и лиц, ищущих убежище, и различного рода террористов и других, по своей сути нелегальная иммиграция имеет ярко выраженный трудовой характер.

При этом мигранты могут въехать в другую страну как легально (в качестве туристов, по приглашениям и т.п.), так и нелегально (по поддельным документам, незаконно пересекая границу и т.д.). Но и в том и другом случае цель одна — нелегально трудоустроиться. Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции практически невозможно. И, как было отмечено уже на 59-й сессии МОТ в 1974 году, «несмотря на усилия, прилагаемые главными странами, использующими иностранную рабочую силу, в целях укрепления национальных учреждений, ведающих набором этой рабочей силы, тем не менее число стихийных (нелегальных) мигрантов остается значительным, а если подойти к этому вопросу в плане всего мира, то эта миграция является скорее правилом, а не исключением». Прошло более 25 лет, численность нелегальных иммигрантов еще более возросла. Различные косвенные методы позволяют дать лишь приблизительные оценки, которые могут значительно расходиться. Так, в США число нелегальных иммигрантов оценивается от 2 до 15 млн., в Европе от 1,3 до 5 млн, в Японии — от 300 тыс. до 1 млн человек.

Рост нелегальной иммиграции объясняется различными факторами. Например, если говорить о России и государствах ближнего зарубежья, то это более прочное экономическое положение России, чем в других странах СНГ, «прозрачные российские границы» и др. Но самый главный из них состоит в том, что трудящиеся-мигранты, работающие нелегально, представляют для предприни-

мателей самую дешевую и бесправную рабочую силу, что является огромным стимулом к найму таких рабочих, несмотря на принятые в последние годы во многих странах иммиграции законы, запрещающие подобный труд. В России подобного закона пока нет.

Более того, как ни парадоксально, нелегальные иммигранты выгодны не только для отдельных предпринимателей, но и для государства в целом, поскольку представляют собой «чистых налогоплательщиков», выплачивающих в большинстве случаев различные налоги, но очень редко получающих какие-либо социальные пособия и льготы.

Надо отметить, что нелегальная иммиграция в России с конца 80-х и особенно в 90-е гг. приобретает все большие масштабы. И если вначале она представляла из себя в основном транзитный характер (то есть Россию рассматривали как некий «перевалочный пункт» в Западную Европу, США и другие развитые страны), то в последние годы наряду с увеличением ее масштабов она все более приобретает трудовой характер, и связано это в первую очередь со странами ближнего зарубежья. По нашим оценкам, только в Москве и Московской области в последние годы нелегально работают свыше 400 тыс. человек из стран ближнего зарубежья. В целом же по России средняя оценка экспертного опроса, проведенного Е.С. Красинцом, составляет около 2 млн трудящихся-нелегалов (разброс мнений составил от 300 тыс. до 5—7 млн. человек).

Наиболее многочисленные потоки нелегальных иммигрантов в России приходятся на Украину, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан и др., и аккумулируются они, как правило, в строительстве, торговле (анклавный рынок) и некоторых других отраслях производства.

Что касается последствий дальнейшего роста нелегальной иммиграции в России, то, видимо, надо признать, что они имеют не только негативный, но и «позитивный» характер с точки зрения «чистых налогоплательщиков». Правда, заметим, что однозначного ответа на вопрос об «эффективном» использовании нелегальных иммигрантов ни у отечественных, ни у зарубежных исследователей пока нет.

Но что не вызывает сомнения, так это необходимость разработки соответствующей миграционной политики в отношении этой категории мигрантов, для чего нужна, в частности, соответствующая законодательная база, учитывающая исторические особенности взаимоотношений между Россией и странами ближнего зарубежья.

Другая характерная тенденция современной международной миграции населения заключается в том, что в ней все более значимо

происходят качественные изменения, суть которых состоит в увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификацией. Данная тенденция несет в себе одну из самых, возможно, болезненных проблем, получившую образное выражение «утечка умов», то есть безвозвратная эмиграция высококвалифицированных (ученые, инженеры, врачи и др.) специалистов, в отношении которых проводится целенаправленная политика по их привлечению (похищению) со стороны развитых стран иммиграции, прежде всего США.

Надо заметить, что в отечественной литературе нет однозначного подхода к определению самого понятия «утечка умов» и определения тех факторов и причин, которые обусловливают это, по сути, очень негативное с нашей точки зрения явление.

В наибольшей степени в результате «утечки умов» пострадали африканские страны. С 1985 по 1990 год Африка, по оценкам ООН, потеряла одних только менеджеров около 60 тыс. человек. Финансовые же потери развивающихся стран от «утечки умов» в целом за последние 30 лет превысили 60 млрд долл.

По данным известных специалистов по проблемам «утечки умов» И.Г. Ушкалова и И.А. Малахи, Россия одна уже ежегодно теряет такую сумму, о чем подробнее мы расскажем в следующей главе.

Значительное увеличение вынужденной миграции (беженцев, лиц, ищущих убежище, перемещенных лиц и др.) можно обозначить как еще одну из основных тенденций в современных мировых миграционных процессах, которая получает все более закономерный характер. Более того, ее решение невозможно без усилий большинства государств мира, что, в частности, также характеризует ее глобальный характер.

Если в 1975 году в мире насчитывалось примерно 2,5 млн официально зарегистрированных беженцев, то двадцать лет спустя их численность возросла более чем в 8 раз. Общее же число вынужденных мигрантов, которыми занимается в настоящее время Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), превысило 27 млн человек, распределение которых по основным регионам мира представлено в табл. 2.

Как видно из табл. 2, значительное увеличение вынужденных мигрантов произошло в Европе, что связано прежде всего с событиями в бывших СССР и Югославии. В последней, например, события, связанные с Косово и начавшимися в марте 1999 года варварскими бомбардировками НАТО, привели к появлению миллионов новых беженцев (на начало 1995 года их уже насчитывалось 3 млн человек).

Таблица 2. **Динамика численности вынужденных мигрантов, подпадающих под юрисдикцию УВКБ (в млн)**[5]

Регионы	1985	1990	1995
Африка	3,0	4,6	11,8
Северная Америка	1,4	1,4	0,9
Латинская Америка	0,4	1,2	0,1
Азия	5,1	6,8	7,9
Европа	0,7	0,8	6,5
Океания	0,1	0,1	0,05
В целом	10,7	14,9	27,25*

*В эти данные не были включены около 2,5 млн палестинских беженцев и некоторые другие категории (например, экологические беженцы).

В немалой степени эти изменения связаны и с распадом СССР и превращением России в своеобразный миграционный эпицентр, куда устремились миллионы вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья. По экспертным оценкам, их численность уже превысила 3 млн человек.

В этническом составе вынужденных мигрантов на начало 1997 года 70% составляли русские, 7% — татары, 5% — армяне и по 4% — осетины и украинцы. Вынужденная миграция в России, принявшая в 90-е гг. нашего столетия огромные масштабы, не есть нечто принципиально новое в жизни страны, обусловленное исключительно распадом Союза и переходом на псевдорыночные формы хозяйствования, хотя они и обострили чрезвычайно сложную миграционную ситуацию. Отдельные категории вынужденной миграции, такие, например, как «принудительные переселения», «депортации», были присущи в полной мере и царской России и бывшему СССР.

Важно другое. Как отмечает Г.Витковская, «численность зарегистрированных (получивших статус) вынужденных мигрантов в России отражает не столько реальные масштабы процесса, сколько ограничительную российскую политику приема, проявляющуюся в отсутствии необходимой государственной поддержки мигрантов».

Таким образом, как и в случае с нелегальной иммиграцией, и с «утечкой умов», и трудовой миграцией, к сожалению, надо констатировать недостаточную эффективность государственной политики в отношении как отдельных категорий мигрантов, так и миграции в целом.

Подчеркнем, что в отношении международных мигрантов проводится вообще более жесткая и строго регламентированная миграционная политика, которая представляет собой систему специальных мер, законодательных актов и международных соглашений (двусторонних и многосторонних) по регулированию миграционных потоков, преследующую как экономические, так и демографические цели. Например, получение валютных средств от своих граждан, выезжающих на работу за рубеж, сумма которых превысила в 90-е гг. 70 млрд долларов в год, стало для отдельных стран эмиграции одной из первых статей валютных поступлений.

Заметим также, что в современной миграционной политике определяющей является ее иммиграционная составляющая. Именно страны ярко выраженной иммиграции определяют современную миграционную ситуацию в мире. Это прежде всего США, Канада, Австралия, страны Западной и Северной Европы, аравийские монархии на Ближнем Востоке, Венесуэла, Аргентина в Южной Америке, ЮАР, Заир и Кот-д'Ивуар в Африке, Сингапур, Япония, Гонконг в Азии.

Изменения, имеющие место в современной миграционной политике в мире, отражают очень любопытные тенденции. С одной стороны, во многих странах мира имеет место принятие более жестких мер в отношении мигрантов, обусловленных как политическими, так и экономическими соображениями (например, в 1993 году страны Западной Европы потратили 11,6 млрд долларов только на регистрацию и размещение лиц, ищущих убежище). С другой стороны, активно идут интеграционные процессы, предусматривающие в рамках создающихся и расширяющихся союзов типа Европейского экономического сообщества, североамериканского союза НАФТА, арабского общего рынка и др. свободу перемещения рабочей силы граждан стран-участниц через их государственные границы. Идет формирование как мирового, так и отдельных международных региональных рынков труда, без чего, видимо, невозможно уже дальнейшее поступательное развитие мирового сообщества и его отдельных составляющих.

Россия же и еще в большей степени другие страны ближнего зарубежья, имеющие значительные преимущества в интеграционном направлении, все более упускают возможности объединяющего экономического сотрудничества, в том числе и в области эффективного использования имеющегося трудового потенциала, обусловленного, в частности, различиями в демографическом развитии, устоявшимися экономическими связями, общностью языка и др.

Что касается последней выделенной тенденции о повышении значимости миграции в демографическом развитии, подчеркнем,

20 Заказ 2370

что для России в ближайшем, по крайней мере, будущем международная миграция сохранит свою ведущую роль в демографическом развитии страны, о чем ниже мы расскажем подробнее. Сейчас же заметим, что с демографической точки зрения важной является тенденция к увеличению роли международной миграции населения в демографическом развитии большинства развитых стран мира. Как отмечалось на Каирской конференции ООН по народонаселению и развитию (сентябрь 1994 года), в последние годы в этих странах отмечался чистый миграционный приток населения примерно в 1,4 млн в год, около 2/3 из числа которых составляют мигранты из развивающихся стран. В 90-е гг. в Европе почти 88% ее общего прироста населения приходилось на чистую миграцию (против 36% в 60-е и 48% в 70-е годы). Например, в Германии и Италии, где естественный прирост населения является отрицательным, как и в России, рост населения осуществляется исключительно за счет положительного миграционного прироста. Надо подчеркнуть, что почти во всех странах Европы иностранное население (и иммигранты) продолжает увеличиваться. Около 39% от общего прироста населения составила в 80-е гг. доля миграционного прироста в США, где ежегодное число иммигрантов и политических беженцев в 90-е гг. достигло 800 тыс. человек против 700 тыс. человек в 80-е гг. и 450 тыс. в 50-е гг. В Австралии эта доля в 80-е гг. достигала 50% (более 250 тыс. человек в год). Не менее важную роль в общем росте населения мы наблюдаем в Канаде, Израиле и других странах, в том числе и в России, о чем ниже скажем подробнее.

При этом речь идет не просто об увеличении общей численности населения, а о более глубоких структурных изменениях, особенно если учитывать более молодую возрастную структуру мигрантов, что имеет немаловажное значение в условиях «демографического старения» в развитых государствах мира. Не случайно в ООН в последние два года получил развитие новый исследовательский проект по так называемой замещающей миграции (replacement migration).

Таким образом, даже краткая характеристика основных современных тенденций международной миграции населения дает нам возможность более наглядно представить себе место и возрастающую роль России в мировых миграционных потоках. Трудно согласиться с авторами из Центра демографии и экологии человека, которые говорят о международной миграции в России, зачастую обращая внимание только на эмиграцию и часто смешивая ее с внутренней миграцией, как о новом для страны явлении. Например, С.Захаров пишет, что «исторически новое явление для России — массовая иммиграция из-за пределов бывшего СССР». Мы еще вернемся к этому вопросу в

третьей части главы. А пока заметим, что изначально иммиграция в России значительно превышала эмиграцию, а некоторые современные этнические особенности последней как раз и обусловлены массовым привлечением иностранцев в XVII—XIX веках.

В первой главе этой книги читатель уже ознакомился с историческими истоками миграции населения в России. Значение истории того или иного явления — это не только дань прошлому. Без знания прошлого часто очень сложно понять настоящее, и это в полной мере касается миграционного движения, которое играло и будет играть огромную роль в социально-экономическом и демографическом развитии нашей страны.

О значимости миграции и ее составляющих — эмиграции и иммиграции — в развитии России можно прочитать во многих исторических работах как прошлого, так и настоящего. В частности, в исторических сочинениях М.В. Ломоносова, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, А.А. Кауфмана, Д.К. Шелестова, В.М. Кабузана и др. Так, Ключевский писал, что «переселение, колонизация страны были основным фактором нашей истории, с которым в близкой и отдаленной связи стояли все другие ее факторы». При этом хотелось бы сразу разделить такие понятия, как колонизация и колониализм, последнее из которых, по существу, было чуждо России, как чуждо было и рабовладельческое отношение к пришлым людям. Не случайно в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона 1889 года отмечается, что «поселения иностранцев были характерны для России с древнейших времен. Здесь они могли селиться, находя обеспечение свободы религии и получая одинаковые права с русскими». В этом, видимо, и заключается евразийская суть русского народа, в целом терпимо и доброжелательно относящегося к переселенцам других вероисповеданий, ненасильственно привлекающего их к идеям православия, как и небольшую часть коренных жителей тех стран, куда в силу тех или иных обстоятельств эмигрировали сами русские.

4.2. Эмиграция населения из России

Говоря об истории эмиграции в рамках крупных исторических периодов (или двух волн российской эмиграции, описанных в предыдущих главах), хотелось бы обратить внимание на ряд важных моментов внутри этих периодов и лишь затем рассмотреть особенности современной эмиграции из России, которая продолжает иметь место, пополняя таким образом ряды наших соотечественников за рубежом.

20*

4.2.1. Основные причины и главные направления российской эмиграции (исторические аспекты)

Для Российского государства эмиграция за его пределы в тех или иных масштабах имела место с давних времен, хотя в разные времена определялась обстоятельствами и причинами различного характера: экономическими, политическими, религиозными и другими.

В более ранние периоды (до XVII века) эмиграция, в ее современном понимании, если и была, то очень незначительной, эпизодической и скорее индивидуально-политической (типа князя Курбского, убежавшего в Польшу). Позже, уже в XVIII—XIX веках, политическая эмиграция из России становится более массовой и заметной, учитывая как общественное лицо эмигрирующих (это Тургенев и Герцен, Бакунин и Кропоткин, Аксельрод и Плеханов и другие известные и малоизвестные россияне, не согласные с существующим режимом), так и военные победы России (например, в Крымской войне), в результате которых имела место массовая эмиграция татар, горцев с Кавказа и др.

Тем не менее, хотя зачастую трудно отделить одни причины от других, в основном для периода XVII — начале XX века эмиграция имела более выраженный экономический характер, который наиболее наглядно проявился на рубеже двух последних столетий, на что указал еще в 1761 году наш соотечественник М.В. Ломоносов. В своем известном трактате «О сохранении и размножении российского народа», образно называя эмигрантов «живыми покойниками», он, в частности, писал, что эмиграция бывает «более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов», что ее «силою совершенно запереть невозможно». А именно «запрещение» лежало в основе всего уклада российского самодержавия с его крепостным правом, с сильно развитыми феодальными ограничениями.

Точности ради надо сказать, что *эмиграция* в XVII — первой половине XIX века была относительно небольшой, уступая по своим масштабам *иммиграции*. В 1891 году ситуация изменяется, резко возрастает эмиграция, обусловленная в первую очередь экономическими причинами, в том числе сезонная трудовая миграция. Сальдо миграции становится отрицательным, каковым, собственно, за редкими исключениями оставалось вплоть до распада СССР. Этому же способствовало развитие капиталистических отношений, дальнейшее разорение безземельного крестьянства, других беднейших слоев населения, как и политика царского самодержавия в отношении национальных меньшинств, жителей окраин Российской империи (см. табл. 3).

Таблица 3. **Российская эмиграция, 1828—1915 гг. (в тыс.)**[6]

Период	Чистый отток	Среднегодовой отток	в % к общему итогу
1828–1859	33	1	0,8
1860–1889	1129	38	25,0
1890–1915	3348	129	74,2
1820–1915	4510	51	100,0

Так, принятый в мае 1882 года закон об оседлости еврейского населения, лишавший его права на передвижение, как и последующие аналогичные законы, касающиеся запретов на образование, занятий земледелием и т.п., привели к страшной нищете и разорению в районах дозволенной черты оседлости. Последнее в первую очередь и вынуждало жителей этих местечек эмигрировать из России, хотя имели место и другие факторы, как, например, провоцируемые властями погромы против иноверцев.

Составленный в 1906—1907 годах П.Столыпиным «Свод действующих в России ограничений по религиозному и национальному признакам» лишь усугубил положение национальных меньшинств (собственно как и русского населения, придерживающегося других религиозных взглядов и убеждений), привел к усилению эмиграции в поисках выхода из ужасающей нищеты. Из 2,4 млн российских жителей, эмигрировавших в США в 1899—1913 годах, 41% составили евреи, 29% поляки, 9% литовцы и латыши, 7% финны и эстонцы, 7% русские, 6% немцы и др. Однако хотелось бы подчеркнуть, что число русских, эмигрирующих в США, резко возросло после 1907 года, составив в 1909—1913 годах 111 тыс. человек (12%) против 9 тыс. (2%) в 1899—1903 годах (см. табл. 4).

При этом если в США эмигрировали 2,4 млн за 1899—1913 годы, как правило, насовсем (лишь 120 тыс., или 11% от общего числа эмигрировавших в эту страну в 1909—1913 годах возвратились обратно в Россию, причем в основном русские и украинцы), то в Германию, Данию, другие европейские государства получает развитие сезонная трудовая миграция. Ни до, ни после этого относительно небольшого отрезка времени, включая день сегодняшний, трудовая миграция не имела в России таких масштабов. Только в Германию в 1910—1913 годах ежегодно прибывали на срок не более 10,5 месяца по 288 тыс. россиян, что составляло около 70% всех иностранных рабочих в германском сельском хозяйстве.

В то же время получает распространение нелегальная эмиграция,

вызванная сложностями, зачастую неразрешимыми, при получении документов для выезда за рубеж (паспорта, а для сезонных рабочих легитимиционные карточки). По разным оценкам, нелегальная эмиграция по своим масштабам была даже более значительной, нежели официальная, а число убитых и пострадавших при нелегальном переходе границы в отдельные годы за период с 1898 по 1910 год достигало 100 человек и более.

Все это дает основание утверждать, что царская Россия на рубеже двух последних столетий стала одним из основных поставщиков дешевой неквалифицированной рабочей силы как в западные европейские страны, так и за океан.

Вместе с тем каких-либо экономических выгод Россия в результате массовой миграции не получила. И не получила в первую очередь в силу пренебрежительного к ней отношения со стороны царского правительства, фактически отдававшего на произвол и за бесценок своих людей германским и прочим работодателям. По оценкам Н.Тудоряну, если в 1899—1910 годах на каждого российского эмигранта приходилось в среднем от 11 до 19 долларов, то в 1910—1914 годах они еще больше обеднели: только 5,3% из них привезли с собой свыше 50 долларов.

Полное бесправие российского крестьянина-эмигранта, брошенного на произвол судьбы власть предержащими, прекрасно описал в своем рассказе «Без языка» В.Г. Короленко. Не менее точно подметил суть явления Иван Франко, писавший в 1892 году, что «эмиграция крестьян из Галиции — неразлучная спутница обнищания, пролетаризации галийского крестьянства... Капиталистический порядок продвинулся за последние десятилетия в Галиции сильно вперед. К сожалению, это продвижение было несколько односторонним... Разве удивительно, что при таких обстоятельствах сельское население из Галиции эмигрирует массами в Южную Венгрию, Северную Америку, в Бразилию... и еще бог знает куда».

Написано сто лет назад, а насколько актуально и сегодня, когда мы делаем очередную неумелую попытку вхождения в цивилизованный рынок, совершенно не принимая во внимание исторические особенности развития нашего государства.

В целом за период с 1820 по 1916 год эмиграцию из России оценивают в более чем в 4,5 млн человек.

С приходом в 1917 году к власти большевиков и образованием советского государства уже буквально через 8 лет на долгие годы эмиграция, особенно трудовая, была фактически поставлена вне законов развития нашего общества. Запретительный синдром в еще большей красе, чем прежде, проявляется на арене общественной

Таблица 4. **Российская эмиграция в США, 1899—1913 гг. (в тыс.)**[7]

Национальные группы	Количество эмигрантов				Проценты			
	1899-1903	1904-1908	1909-1913	1899-1913	1899-1903	1904-1908	1909-1913	1899-1913
Русские	9	45	111	165	2	5	12	7
Евреи	185	482	297	964	38	50	32	41
Поляки	133	237	305	675	28	25	33	29
Литовцы	60	82	90	222	10	8	10	9
Финны	61	61	52	174	13	6	6	7
Немцы	35	48	55	138	7	5	6	6
Другие	8	6	9	23	2	1	1	1
В целом	481	961	919	2361	100	100	100	100

жизни российского государства. Более того, «запрещение» с приходом к власти Сталина, как и будущих преемников, было возведено в абсолют, в связи с чем суть явления от перемены власти ничуть не изменилась, хотя, естественно, появились и свои особенности.

Российская эмиграция 1917—1940 годов была обусловлена последствиями Первой мировой и Гражданской войнами и определялась главным образом политическими мотивами.

Однако что интересно: сегодня можно по-разному относиться к деятельности первого советского правительства, но надо отдать ему должное, поскольку при всех его упущениях уже в первые месяцы своей деятельности оно уделило самое пристальное внимание вопросам международной миграции. И это в условиях разрухи и голода, Гражданской войны и интервенции! Более того, именно в первые годы нэпа была до минимума (хотя есть и иная точка зрения) упрощена процедура оформления выезда за рубеж, а свобода эмиграции этим правительством не только декларировалась, но и признавалась.

Не случайно Иван Бунин в своей речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года, в частности, говорил: «Мы эмигранты — слово "emigrer" к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину».

По разным оценкам, численность «первой советской», или, точнее, «второй российской» волны, эмиграции (в основном до 1925 года) колеблется в пределах 2—3 млн человек. Хотя, видимо, сугубо политическая эмиграция не превысила и одного миллиона, 80% которой выехало непосредственно в Европу, большая часть остальных — на Дальний Восток и лишь 2% — в США.

Можно выделить две особенности этой волны российской эмиграции. Первая особенность заключается в том, что в отличие от предыдущей волны эмиграции более 70% эмигрировавших составило русское население, метания и сомнения которого на чужбине, тоску по Родине прекрасно изобразили А.Толстой в своем романе «Эмигранты», И.Бунин в миниатюре «Роза Иерихона» и романе «Жизнь Арсеньева», Б.Зайцев в романе «Золотой узор» и многие другие писатели и ученые, оказавшиеся в эмиграции. А. Куприн, державшийся особняком в эмигрантской среде (вернулся в Россию в 1937 году, незадолго до своей смерти), писал, например, в 1924 году: «Существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва — это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбили дюжину тухлых яиц. Почему-то прелестный Париж (воистину красота неисчерпаемая!) и все, что в нем происходит, кажется

мне не настоящим, а чем-то вроде развертывающегося экрана кинематографа».

Вторая особенность этой волны российской эмиграции заключалась не столько в ее масштабах, сколько в ее качественном составе. Ведь наряду с помещиками и генералами, министрами и политическими деятелями эмигрировали именитые профессора и инженеры, видные военные специалисты и медики, выдающиеся литераторы и музыканты — определенное интеллектуальное ядро было потеряно для России, первой в мире болезненно ощутившей так называемую утечку умов. Что, кстати говоря, в конце концов не могло не сказаться на качестве и темпах культурного и экономического развития страны.

Так, Русский научный институт в Белграде, одним из основателей которого был русский инженер профессор П.Н. Пио-Ульский, выпустил в 1931 и 1941 годах два тома под названием «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом», из которых видно, что только за 20 лет за пределами СССР было выпущено 13 тыс. научных трудов по медицине, истории, литературе, горному делу и т.д., которые обогатили мировую науку и литературу, внесли существенный вклад в развитие стран Запада. Например, немногие знают, что основоположник телевидения Валентин Кузьмич Зворыкин (1889—1982) — это наш соотечественник, эмигрировавший в США в 1919 году. Именно в США на базе научных разработок В.К. Зворыкина в 1936 году были начаты первые телевизионные передачи. Среди его послевоенных разработок — система электронного управления движением транспорта, компьютерный метод предсказания погоды, компьютерная информационно-поисковая система для медицины. Еще менее известен в современной России Георгий Николаевич Пио-Ульский (1864—1938), эмигрировавший в Белград в 1920 году, объемный курс которого по паровым турбинам из четырех томов был признан лучшим в мире и переиздан во Франции известным парижским издательством «Dunod». Г.Н. Пио-Ульскому принадлежит идея создания за рубежом Российского научного института (1928), из стен которого вышли десятки работ мирового значения и который стал своего рода оплотом поддержки многих российских ученых, популяризации их идей. При этом сам Г.Н. Пио-Ульский, на наш взгляд, лучше других эмигрантов обозначил миссионерскую роль русской эмиграции. В своем известном обзоре «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» (Белград, 1939) он написал о том, что «совершенно исключительную, хотя на первый взгляд незаметную, просветительскую миссию выполняет Русская Православная Цер-

ковь. Русское православие за рубежом покрыло все уголки земного шара, в которые проникли русские люди. Стихийно, без особой организации и средств совершается большое миссионерское дело. Не только на Северном полушарии, но и в Африке, Южной Америке и Австралии, всюду, где скопилась даже небольшая группа русских эмигрантов, устраивается церковка и начинаются богослужения, которые привлекают внимание местного населения. Таких приходов насчитывается сотни. Не обычными миссионерскими словами, а бытом и культом, который каждый может наблюдать и изучать, возбуждаются внимание и интерес местного населения к Православию».

И еще одну выдержку из данного обзора хотелось бы обязательно привести, учитывая ее огромную актуальность и для современной России, а именно: «В заключение позвольте обратиться к представителям нашей русской молодежи. Гордитесь, что вы — русские, гордитесь этой чудной культурной страной и не берите пример с наших соотечественников-эмигрантов, которые, хорошо усвоив местный язык, стараются забыть, что они — русские. Эти люди не достойны своего Отечества. Кличка “русский” — кличка почетная, и к ней с вполне оправданным уважением должны относиться не только славянские народы, но и иноземцы, а что касается отношений разных народов к нам — эмигрантам, то могу сказать: есть Страшный Суд, но раньше еще будет неумолимый суд истории, который отделит правду от неправды, истину от заблуждения, и этот суд вынесет свой приговор над тем, что сделано и делается в Европе по отношению к сынам Национальной России, а эта последняя, когда будет восстановлена, разберется, кто и где ее истинные друзья, и русские люди сумеют всякому воздать по его заслугам».

При этом заметим, что многие крупные достижения этой русской волны эмиграции так и не были обозначены русскими именами. Да и в нашем разделе невозможно назвать имена всех выдающихся российских ученых, врачей, инженеров, языковедов, писателей, артистов, ставших «бриллиантами» мирового сообщества. И тем не менее, думаю, будет правильно назвать хотя бы еще нескольких наших соотечественников, имена которых крупными буквами внесены в мировую науку и культуру.

Это прежде всего Владимир Николаевич Ипатьев (1867—1852) — химик, создатель высооктанового бензина, который уже в 1913 году первым из химиков осуществил полимеризацию этилена, указав на возможность получения полиэтилена различной молекулярной массы, который, будучи также генерал-лейтенантом, в 1915 году был поставлен во главе химической промышленности. После революции

в 1921 году В.Н. Ипатьев возглавил вновь созданное Главное Управление химической промышленности ВСНХ. И тем не менее, являясь по сути главой химической промышленности СССР, В.Н. Ипатьев был вынужден из-за своего «царского прошлого» в 1930 году эмигрировать из страны в США, где в 1937 году был признан «Человеком года», а нобелевский лауреат Р.Вильштеттер утверждал, что «никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев».

Не меньшую известность получил и другой русский ученый, лауреат Нобелевской премии (1973) в области экономики Василий Васильевич Леонтьев (1906—1999), эмигрировавший из России практически сразу после завершения учебы в Петербургском университете (1925). Одно из научных направлений В.В. Леонтьева связано с проблемами роста мировой экономики, ее влияния на окружающую среду. Под эгидой ООН он в середине 70-х гг. руководил глобальным исследовательским проектом по прогнозированию мировой экономики, итоги которого нашли, в частности, отражение в книге «Будущее мировой экономики» (М., 1979).

Нельзя не сказать и о вкладе российских эмигрантов в развитие мировой культуры. Это и певец Ф.И. Шаляпин (1873—1938), эмигрировавший в 1922 году, балерины Анна Павлова (1881—1931) и Любовь Егорова (1880—1972), композитор и пианист Сергей Васильевич Рахманинов (1873—1843), выехавший из России в 1917 году, писатели Александр Валентинович Амфитеатров (1862—1938), Иван Алексеевич Бунин (1870—1953), Борис Константинович Зайцев (1881—1972), Владимир Владимирович Набоков (1899—1977), философы Николай Александрович Бердяев (1874—1948), Иван Александрович Ильин (1883—1954), высланные из России в 1922 году, и многие, многие другие.

И хотя в эти же годы имела место и реэмиграция, то есть возвращение ранее выехавших, как и иммиграция в Россию тысяч иностранных граждан, в целом потери, особенно в области науки, оказались тяжелыми. Принимая при этом во внимание принятое в июне 1925 года первое Положение о въезде и выезде из СССР, опустившего «железный занавес», можно сказать, что эмиграция приобретает ярко выраженную идеологическую окраску, становится синонимом чуть ли не предательства и измены Родине. Фактически на нет сводятся, в частности, научные командировки и стажировки за рубежом, обмен научной информацией и т.п. А ведь еще по царским указам 1844—1847 годов ученые, едущие за границу для усовершенствования в науках, пользовались значительными льготами при получении паспортов для выезда за рубеж.

Эмиграция из СССР в 1939—1952 годах носит прежде всего принудительный характер, обусловленный Второй мировой войной. По данным Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриантов, к марту 1946 года за границей оказались в живых 4,2 млн таких советских граждан (2,7 млн гражданских лиц и 1,5 млн военнопленных). В 1952 году численность этой волны эмиграции (в основном не желавших или просто побоявшихся возвратиться в СССР) составила около 620 тыс. человек. Из них 140 тыс. — это бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ, и примерно 4 тыс. бессарабцев и буковинцев, ставших гражданами Румынии.

1953—1986 годы — это годы, если так можно выразиться, «диссидентской» эмиграции, то увеличивающейся, то сходящей на нет в зависимости от «настроения» власть предержащих, но в основе которого оставалось все то же «не пущать — и все тут, а если и пущать, то избранных». Несогласных же с режимом и особо возмущающихся посадить или просто изгнать за пределы государства как диссидентов.

Если в 1979 году из СССР эмигрировало 48 тыс. взрослого населения, то в 1985 году — лишь чуть более 4 тыс., если за 1971—1980 годы из СССР только в США выехали более 43 тыс., то за 1953—1960 годы — всего около 600 человек. В связи с последним надо сказать, что в отличие от второй волны российской эмиграции, направлявшейся в основном в Европу, «диссидентская» эмиграция в подавляющем большинстве направлялась в США и Израиль.

По данным американской статистики, за рассматриваемый период в США численность эмигрантов из бывшего СССР составила 130 тыс. В эти же годы получает распространение термин «невозвращенец», то есть советские люди выезжали за границу как туристы или в командировку заведомо с целью просить политического убежища и устройства на постоянное жительство.

В 70-е годы возрастает эмиграция по израильской визе, причем с февраля 1967 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР выезжающие по этой визе, независимо в какую страну, автоматически лишались советского гражданства (как тут не вспомнить царский Указ Александра III от 1892 года, согласно которому лица еврейской национальности могли эмигрировать из страны без права возвращения в Россию). Всего из СССР с 1971 по 1986 год эмигрировало за рубеж более 255 тыс. взрослого населения, с учетом же детей (до 18 лет) их численность превысила 360 тыс.

При этом почти 80% данной эмиграции составляли лица еврейской национальности, автоматически получающие статус беженцев при въезде в США и Канаду. Что касается эмиграции лиц другой

национальности, то она, по выражению А.Солженицына, была лишь «хвостик, отколок от израильской эмиграции» и «ни по значению, ни по численности она не идет в сравнение с первыми двумя русскими». Да и этот «хвостик» в основном был охарактеризован А.Солженицыным самым отрицательным образом: «Есть категория, которая уехала с острой ненавистью не к советскому строю, а к самой России, к самому народу... И тут печатно питают свою ненависть...»

Но думается, что с эмиграцией этого периода были связаны и потери для России. Это и сам Солженицын, Ростропович и Нуреев, Шемякин и Неизвестный и многие другие. И очень хочется надеяться, что эти потери, как и потери современные (конца 80-х — начала 90-х годов), не безвозвратные, что с возрождением России многие, а не только единицы, из них вернутся обратно. Ибо, как писал еще в 431 году до н. э. Еврипид: «Нет горя большего, чем утрата родины».

Что касается современных потерь — это потери, связанные с резко возросшей с 1987 года эмиграцией российских граждан, причем в значительной мере с высоким уровнем образования, на постоянное жительство за рубеж. Если в 1987 году из России выехали 9,8 тыс. человек (из СССР — 39 тыс.), то в 1988 году — уже 21 тыс. (108 тыс.), в 1989 году — 47 тыс. (235 тыс.), в 1990 году — 104 тыс. (452 тыс.) (см. табл. 5).

Причем в отличие от дореволюционного периода одной из основных причин российской эмиграции, по крайней мере до середины 1991 года, являлась национальная. Обострение национальных отношений, рост национальной нетерпимости и национального экстремизма, отсутствие перспектив для национального самоутверждения в ближайшем будущем, совпавших с относительным упрощением в 1986 году процедуры выезда, и дало всплеск эмиграции советских граждан, две трети которой приходилось на Россию, Украину и Казахстан.

И в первую очередь тех из граждан, кто имеет за рубежом сильную национальную диаспору, кто может рассчитывать на помощь государств, способных и готовых принять сотни тысяч своих «соотечественников по национальности». Не случайно на начало 90-х годов 44% советской эмиграции пришлось на Израиль, 42% — на Германию, 6% — на США (в основном лица армянской национальности), 4,5% — на Грецию и лишь 3,5% — на все остальные страны мира. Надо иметь в виду и то, что среди эмигрирующих в эти страны евреев, немцев, армян, греков были лица и других национальностей (в связи со смешанными браками или в целях сокрытия своей настоящей национальности — лишь бы выехать за рубеж).

Таблица 5. **Динамика «внешней» безвозвратной миграции в России в 80—90-е гг.**[8] **(в тыс. чел.)**

Направление миграционных потоков	Годы											
	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Прибыло — всего	874,2	854,6	913,2	692,2	926,0	923,3	1146,7	842,1	633,6	584,6	498,8	369,6
в том числе из стран:												
ближнего зарубежья	873,8	854,3	912,0	690,9	924,3	920,	1142,4	839,7	631,2	581,0	494,8	366,7
дальнего зарубежья	0,4	0,3	1,2	1,3	1,7	2,4	3,3	2,4	2,4	3,6	3,2	2,9
Выбыло — всего	791,9	739,3	729,5	675,5	673,1	483,0	337,1	339,6	290,0	235,6	213,3	215,0
в том числе в страны:												
ближнего зарубежья	771,1	692,7	625,8	587,1	562,8	369,2	231,7	229,3	191,4	151,2	133,0	215,0
дальнего зарубежья	20,8	46,6	103,7	88,4	110,3	113,8	105,4	110,3	-98,6	-84,4	80,3	85,3
Сальдо миграции	82,3	115,3	183,7	16,7	252,9	440,3	809,6	502,5	343,6	349,0	284,7	154,6
в том числе со странами:												
ближнего зарубежья	102,7	161,6	286,2	103,8	361,5	551,7	910,7	610,4	439,8	429,8	361,8	237,0
дальнего зарубежья	-20,4	-46,3	-102,5	-87,1	-108,6	-111,4	-102,1	-107,9	-96,2	-80,8	-77,1	-82,4

Например, считается, что согласно еврейским законам 30% вновь прибывающих в Израиль наших соотечественников не являются евреями как таковыми.

Если попробовать классифицировать российскую эмиграцию по историческим периодам, то можно выделить следующие из них.

Первый период (1820—1890 гг.) характеризуется относительно слабой эмиграцией. Общее число эмигрантов составило примерно 1,2 млн человек.

Второй период (1891—1916 гг.) характеризуется резким увеличением как безвозвратной эмиграции общей численностью чуть более 3,3 млн человек, так и трудовой миграцией в западные европейские страны — в отдельные годы численность российских трудящихся-мигрантов превышала 300 тыс.

Третий период (1917—1925 гг.), обусловленный Первой мировой войной, Февральской и Октябрьской революциями, Гражданской войной и иностранной интервенцией, является наиболее драматичным. По средним оценкам, из России за эти годы эмигрировало, главным образом в Европу (80%), более 3 млн человек.

В четвертый период (1926—1938 гг.), время начала действия «железного занавеса», эмиграция значительно сокращается и по ряду оценок не превысила 400 тыс. человек.

Пятый период (1939—1952 гг.) характеризуется прежде всего принудительной миграцией и эмиграцией сотрудничавших с немцами, послевоенной эмиграцией немцев, поляков, прибалтийских народов и др. По оценкам А.Вишневского и Ж.Зайончковской, только за 1939—1948 годы эмиграция из бывшего СССР составила 8—10 млн человек, что, на наш взгляд, является явно завышенной оценкой. Если же говорить конкретно о России, то величина данной волны чистой эмиграции, по максимальной оценке, в частности официальных государственных органов, не превысила к концу 1952 г. 600 тыс. человек.

Шестой период (1953—1986 гг.) — это период в целом незначительной эмиграции с определенными всплесками и спадами, в рамках которого, начиная, правда, с 1948 года, Е.Красинец оценивает общую численность эмигрантов в данный период в 430 тыс. человек. По оценкам А.Вишневского, третья волна эмиграции (1948—1990 гг.) составила 1,1 млн. При этом надо иметь в виду, что из бывшего СССР за 1987—1990 гг. выехали, по данным Госкомстата, 834 тыс. человек, то есть остается 266 тыс., в то время как по нашим оценкам, которые базируются как на советских официальных статистических, так и на западных оценках, только с 1971 по 1986 гг. за рубеж эмигрировали более 360 тыс. человек,

из которых более 255 тыс. составило взрослое население. В целом же, если оценивать численность эмигрантов в данный период начиная именно с 1953 и по 1986 год включительно, без всяких подэтапов, которые принципиально особым ничем не отличаются, несмотря на «оттепели» и «заморозки», учитывая при этом, что 1948—1952 гг. — это годы предыдущего, а 1987—1990 гг. — следующего периода по нашей классификации, и при этом еще иметь в виду непосредственно российскую эмиграцию, то их общая численность, по всей вероятности, не превысила 390 тыс., в том числе из России — около 185 тыс. человек.

Седьмой период (1987—1991 гг.) обусловлен принятием в конце 1986 года специального положения, облегчающего выезд из страны, а в 1991 году — первого Закона о въезде и выезде, что привело к резкому росту эмиграции с 390 тыс. до 450 тыс. человек, в том числе из России с 10 тыс. до 104 тыс. человек, в частности в Израиль (45% всей эмиграции) и в Германию (42%).

Наконец, можно выделить современный период, начиная с 1992 года по настоящее время, для которого характерна стабилизация эмиграции из России в дальнее зарубежье на уровне 100 тыс. человек в год.

4.2.2. Современная эмиграция в страны дальнего зарубежья. «Утечка умов» и капиталов из России

Эмиграция из России на современном этапе ее развития приняла стабильно высокий (в сравнении с советским периодом) уровень в среднем около 100 тыс. человек в год, хотя надо заметить, что в последние четыре года она снизилась до 80 тыс. человек (см. табл. 5 и рис. 1).

При этом важно подчеркнуть, что вопреки многим прогнозам середины 80-х — начала 90-х годов о многомиллионной миграции из бывшего СССР (от 3 до 50 млн человек к началу 2000 года) в действительности эмиграция из России в страны дальнего (или старого) зарубежья хотя и возросла до 100 тыс. человек в год, многомиллионного характера, к счастью, не получила. И не получила в силу, во-первых, несколько преувеличенных оценок о числе желающих россиян покинуть свою страну, а во-вторых, из-за «железного занавеса», но уже со стороны западных стран, которые, опасаясь «миллионных толп голодных советских граждан», возвели свой занавес сразу же в начале 90-х годов. Исключения коснулись только отдельных групп наших граждан, этническая принадлежность кото-

Рис. 1.

рых позволяла им эмигрировать в Германию, Израиль, Грецию и в имеющие значительные диаспоры евреев и армян США. И в последующие годы основные направления российской эмиграции касались Германии (максимум был достигнут в 1995 г. — 72,8 тыс. российских немцев), Израиля (по сравнению с 1990 г., когда эмиграция евреев достигла своего пика — 61 тыс., к концу 90-х гг. она упала до 17 тыс.) и США (около 6 тыс. в 1999 г. против 15 тыс. в 1993 г.). Таким образом, можно подчеркнуть, что эмиграция из России в страны дальнего зарубежья вплоть до 1998 года носила узкоэтнический характер: немцы, евреи, значительно меньше греки и армяне (см. табл. 6 и рис. 2). Как видно из табл. 6, около 62% всех эмигрантов в 1993—1995 гг. составляли немцы и евреи.

К концу 90-х годов российская эмиграция начинает охватывать и такие страны, как Австралия, Канада, Финляндия, Италия и др. При этом в ее орбиту все более вовлекаются жители не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и многих других городов и регионов России. Так, если в 1992 году 40% всех эмигрантов в дальнее зарубежье приходилось на эти первые два города, то в 1999 году лишь 11%.

Расширение географии эмиграции из России связано прежде всего с ростом эмиграции русских, доля которых возросла с 19% в 1993 году до 36% в 1998 году, когда впервые за долгие годы она превысила все остальные национальности (см. табл. 6). И в этом заключается одно из важнейших изменений в этнической структуре эмигрантов. И что особенно удивительно, даже в эмиграции в Израиль

21 Заказ 2370

доля русских более чем в два раза превысила долю евреев, в США — почти в 4 раза (см. табл. 7). Значительно возросла эмиграция русских и в Германию, составив в 2000 году около 33% от общей эмиграции в эту страну.

Данная тенденция последних трех лет, на наш взгляд, представляется особенно негативной в свете плохой демографической ситуации, сложившейся в России в 90-е годы. Россия по-прежнему разбрасывает по всему свету «русские камни», вместо того чтобы собирать эти камни и на их фундаменте строить новую Россию.

Последнее тем более важно, что эмиграция, как собственно и миграция из России в целом, это не только, как писал М.В. Ломоносов еще в 1761 году, «живые покойники», то есть демографические потери, но это и потеря капиталов, вывозимых, в частности, нашими мигрантами. По оценкам, например, директора Института проблем глобализации М.Делягина, в 1998—2000 гг. утечка капиталов из России достигла 25 млрд долларов в год.

По нашим расчетам за 90-е годы из России эмигрировало около 300 тыс. семей. В среднем на каждую семью пришлось по 100 тыс. долларов (накопления, деньги за квартиры, дачи, мебель и т.п.). Таким образом, по самым скромным оценкам, за эти годы было вывезено только легальными эмигрантами более 30 млрд долларов. При этом мы не затрагиваем еще большие миллиарды долларов, вывезенных незаконно отдельными «предпринимателями».

По данным Центрального Банка России, только в 1995 году из страны эмигрантами и туристами было вывезено соответственно 1,1 и 6,7 млрд долларов, в то время как ввезено иммигрантами и туристами 0,5 и 1,2 млрд долларов, то есть утечка капиталов только за один год в результате миграции составила чуть более 6 млрд долларов. Косвенным подтверждением вывоза капиталов нашими мигрантами может служить и факт их «трудоустройства» в соответствующих регионах, где налог на капитал или очень низкий, или вообще отсутствует. Так, в 1994—1995 гг. из 20 тыс. официально трудоустроенных за рубежом россиян более трети оказались на Багамских островах и на Кипре. И в этом случае скорее можно больше говорить о вывозе капиталов, чем о реальном трудоустройстве.

Таким образом, можно утверждать, что миграция из России в 90-е годы обусловливает значительный вывоз капиталов, что может иметь для нее самые негативные последствия для экономического и социального развития страны.

Не меньшую, а скорее даже большую угрозу для России, для ее национальной безопасности, для ее будущего представляет и «вывоз капитала человеческого» или «интеллектуального», который не-

Таблица 6. **Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья по национальным группам, 1993–1999 гг.**

Этнические группы	1993		1994		1995		1996		1997		1998		1999		2000	
	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%
Русские	21,3	18,7	24,1	22,8	28,8	26,1	29,2	29,5	29,8	35,3	29,3	36,4	34,5	40,4	25,8	41,5
Немцы	47,5	41,7	47,1	44,6	51,3	46,5	38,6	39,1	30,0	35,5	28,3	35,2	28,0	32,8	22,6	36,2
Евреи	14,0	12,4	13,6	12,8	12,8	11,6	12,5	12,6	9,5	11,4	7,3	9,3	9,0	10,7	4,5	7,2
Другие	31,0	27,2	20,6	19,8	17,4	15,8	18,3	17,8	15,1	17,8	15,4	19,1	13,8	16,1	9,4	19,1
Всего	113,8	100,0	105,4	100,0	110,3	100,0	98,5	100,0	84,4	100,0	80,3	100,0	85,3	100,0	62,3	104,0

Источники: Демографический ежегодник России. 1998. М., 1999.
Численность и миграция населения в Российской Федерации в 1999 г. М.: Госкомстат, 2000.

Рис. 2

посредственно связан с эмиграцией, получившей образное выражение «brain drain», или «утечка умов (мозгов)», в результате которой, по мнению многих специалистов, Россия ежегодно теряет до 50 млрд долларов!

Если даже допустить, хотя таких оснований у нас нет, что эта цифра завышена, скажем, вдвое, то и 25 млрд долларов в год — это огромные средства, так необходимые сейчас для развития России. Но, видимо, мы действительно очень богатые, хотя и ходим по всему миру с протянутой рукой в поисках денежных подачек.

А возможно, и не все так уж и страшно. Подумаешь, выехали 100 тыс. высококвалифицированных специалистов, еще подготовим! Сумела же Россия после первой волны «утечки умов» (1917—1930 гг.) не только восстановить свои потери, но и создать мощную образовательную, научную и промышленную базу, первой выйти в космос, разработать уникальные образцы высоких технологий и др. Из той же науки, между тем, за 90-е годы в торговлю, посредническую и финансовую сферы, коммерческое производство ушло в несколько раз больше специалистов, чем уехало на Запад. Не случайно появились и тезисы типа «надуманности данного явления», «о взаимовыгодном научном сотрудничестве», «о позитивном ее влиянии на мировую науку и соответствующем благе для каждой отдельной страны» и т.д.

Таблица 7. **Распределение эмигрантов из России по странам приема и национальностям (в % от общей численности выехавших из России в данную страну)**

Годы	Германия			Израиль		США	
	немцы	русские	евреи	евреи	русские	евреи	русские
1993	76,8	18,4	1,8	60,0	30,3	52,3	37,8
1995	70,4	23,1	2,9	52,7	34,8	40,1	47,2
1998	61,0	29,7	4,0	31,3	55,5	16,9	63,9
1999	58,3	31,6	3,1	30,7	58,2	20,9	59,0
2000	55,6	33,4	2,7	26,1	60,0	17,7	65,1

Для того чтобы разобраться в подобных вопросах и реально оценить последствия «утечки умов» для разных государств, в том числе и для России, видимо, необходимо хотя бы вкратце остановиться на основных методологических вопросах изучения этого явления.

Термин «брейн драйн» (brain drain — англ., exode des cerveaux —

франц.), переводимый как «утечка», «перекачка», «переманивание», «похищение умов», «мозгов», «серого вещества» и т.п., был введен в начале 60-х годов английскими журналистами, обратившими внимание на значительно возросшую после Второй мировой войны эмиграцию ученых, врачей и инженеров из Великобритании и ряда других европейских стран в Соединенные Штаты Америки. Так, если в 1949 году иммиграция специалистов в США из всех стран мира составила 2,3 тыс. человек, то в 1954 году только из 13 государств Западной Европы 4271 человек, из них почти половина (2017) из Великобритании. В целом вплоть до 1967 года иммиграция высококвалифицированных специалистов из развитых стран в США значительно превышала подобную иммиграцию из развивающихся государств, доля которых в этот период была на уровне 30%.

Во второй половине 60-х годов и особенно в 70-е годы этот в общем-то не очень удачный термин, с точки зрения глубинной сущности данного явления, получает широкое распространение в научной литературе многих стран мира, а само явление становится предметом обсуждения на различных международных конференциях и семинарах, объектом целенаправленной политики развитых западных государств. Это, на наш взгляд, и является определяющим признаком данного понятия.

Не случайно и то, что именно в США был принят в 1965 году новый иммиграционный закон, который кардинально изменил иммиграционную политику, причем не только самих Соединенных Штатов, но и других развитых стран Запада. Именно с этого времени политика по сманиванию специалистов, проводимая до этого в основном отдельными фирмами, приобретает государственный статус, принимает целенаправленный характер «похищения умов» из менее развитых и развивающихся стран развитыми государствами Запада. И именно последнее выделяет такое явление, как «утечка умов», в общей интеллектуальной миграции, позволяет говорить о времени возникновения и ее негативных (или положительных) последствиях, как и о массовом характере, который она принимает.

Великобритания, Франция, Германия, Канада, продолжая оставаться поставщиками своих интеллектуалов в США, в то же время, но в значительно больших масштабах начинают сманивать специалистов из развивающихся стран, тем самым с лихвой компенсируя свои потери от «утечки» специалистов в США. Если в Великобритании, например, в 1939 году в сфере здравоохранения работало лишь несколько процентов (до 7%) выходцев из Индии, Пакистана и некоторых других бывших британских колоний, то во второй половине 60-х таковых становится 35%.

В конечном счете резко возросшие масштабы «утечки умов», значительное расширение ее географии и привели к тому мировому общественному резонансу, который она получила в 60-х — начале 70-х годов и который по сей день приковывает к себе внимание ученых и политиков многих стран мира. Больше того, можно сказать, что в конце 80-х — начале 90-х годов «утечка умов» приобретает, по существу, всемирный характер, учитывая резкое вовлечение в нее стран Восточной Европы и бывших советских республик, в первую очередь России, долгое время вообще изолированных от мировых миграционных процессов.

А изначально под этим термином понималась лишь эмиграция ученых. Затем это понятие получает все более широкое толкование, в него начинают включать вообще любую миграцию высококвалифицированных специалистов независимо от формы (трудовая, семейная, этническая и др.), времени выезда за рубеж (безвозвратная, длительная, кратковременная) и самого содержания категории «умы» (ученые, врачи, медсестры и т.д.); процессы, как бы вторичные от миграционных. Речь идет о миграции молодых людей на учебу или стажировку за границу, после завершения которых остающихся в стране обучения на постоянное жительство; процессы, ничего общего не имеющие с миграцией: а именно работу ученых и инженеров в иностранных фирмах, как и переход ученых и других специалистов из одной сферы деятельности в другую непосредственно у себя на родине.

В конце 70-х — начале 80-х гг. наряду с термином «утечка умов» появляется другое образное название данного явления — «обратная передача технологии» (reverse transfer of technology), которое было призвано придать ему как бы взаимовыгодное значение и тем самым закамуфлировать проявившиеся уже к этому времени резко отрицательные последствия «утечки умов» для стран — доноров «серого золота». Правда, надо заметить, что особого распространения этот термин в плане характеристики данного явления в дальнейшем так и не получил.

Получает расширение и сама категория «умы». Впервые эта категория была выделена в американской статистике в 1949 году, и в нее был включен относительно большой список специалистов, включая и средний медицинский персонал. Однако уже в этом списке отсутствовали писатели и художники, музыканты и артисты, некоторые представители общественных наук, высший управленческий и административный персонал. Позже из нее исключаются также все специалисты среднего уровня и, по существу, большинство ученых в области общественных наук (приоритет остается только для

экономистов и психологов). Вместе с тем иммиграция этих групп специалистов в США остается на достаточно высоком уровне (особенно средний медицинский персонал) и аккумулируется в различных иммиграционных преференциях. По численности иммигрантов они почти в 5 раз превышают официальные американские статистические данные по «утечке умов». С 1984 года подробная статистика по «утечке умов» США практически вообще закрывается.

В отличие от США эксперты ООН, МОТ и других международных организаций почти все эти группы включают в понятие «утечки умов». Близка к международной и национальная статистика Австралии, Канады, Англии и других западноевропейских стран.

На наш взгляд, международный подход является более правильным. Ведь «потери», скажем, для Филиппин или Пакистана от безвозвратной эмиграции высококвалифицированного среднего медицинского персонала не менее значимы, чем тех же врачей, а квалифицированного юриста-международника, известного музыканта или писателя могут быть и более ощутимы, нежели экономиста или психолога.

Не менее важен в методологическом отношении и вопрос возникновения во времени рассматриваемого явления и его исторической предопределенности (например, по принципу «так было, так есть, так будет») и рассмотрения, в частности, науки как единой общечеловеческой категории, не имеющей национальных границ и препятствий.

Действительно, история развития мировой цивилизации — это и история беспрерывной миграции талантов, носителей самых передовых научных знаний через национальные границы. Эта международная интеллектуальная миграция внесла большой вклад в сокровищницу мировой культуры и науки, способствовала распространению идей просвещения, созданию и развитию в средние века наиболее престижных ныне университетов Европы, таких как Лейпцигский, Кембриджский, Оксфордский. Последний, например, был основан учеными и студентами, приехавшими из Парижа. В то время как в Парижском университете в течение довольно длительных периодов времени подавляющее большинство студентов составляли иностранцы, таковыми были и первые деятели науки в России, эмигрировавшие из Германии.

Не случайно поэтому, что «утечка умов» отождествляется многими исследователями прежде всего с миграцией ученых, а ее возникновение относят ко времени возникновения самой науки.

Такой подход, на мой взгляд, не отвечает существу понимания такого феномена, как «утечка умов». Это явление не есть любая ин-

теллектуальная миграция, и уж совсем неверно, как это делают в последнее время в России, включать в нее высококвалифицированных специалистов, работавших у себя в стране, но в иностранных фирмах, а тем более тех из них, кто сейчас устремился из научной и образовательной сфер в различные торгово-посреднические коммерческие структуры, и при этом объяснять ее всевозможными «естественными законами» вроде «закона сохранения энергии».

Если под современной «утечкой умов» понимать безвозвратную эмиграцию высококвалифицированных специалистов (как высшего, так и среднего уровня), в том числе и потенциальных специалистов (студентов, аспирантов, стажеров), в отношении которых странами иммиграции проводится целенаправленная иммиграционная политика по их привлечению, сманиванию, «похищению», и обусловленную в первую очередь экономическими и социально-моральными факторами (а именно так автор понимает «утечку умов»), то ее начало приходится на конец XVII века, а не на 40-е и тем более 20-е или 30-е годы XX столетия, как, в частности, полагал ранее и сам автор.

И первой страной, которая стала проводить целенаправленную политику по привлечению иностранных специалистов и ученых, политику «сманивания чужих умов», стала Россия. Именно Петр I первым осознал всю важность и «выгодность» подобной политики, ее настоятельную необходимость для поступательного развития России.

А началось все с привлечения иностранных военных специалистов, обосновавшихся к тому времени в так называемой Немецкой слободе близ Москвы, в знаменитые «потешные» полки Петра I — Преображенский и Семеновский.

Дальше больше. И вот уже многим россиянам, выезжающим учиться за границей, предписывается по возвращении в Россию привезти с собой не менее двух специалистов, за что и поощрялись они из государственной казны.

Но наиболее показательно данная политика проявилась в деятельности Торжественного посольства, отправившегося в 1697 году к европейским дворам для ведения переговоров по поводу шедшей тогда коалиционной борьбы с Турцией. Негласная же и при этом не менее главная цель, как отмечал известный русский историк В.О. Ключевский, этого посольства состояла в сманивании в Россию европейских высококвалифицированных специалистов, и в первую очередь в привлечении морских дел мастеров.

Сам Петр I, будучи в составе Торжественного посольства под вымышленным именем, в одной только Голландии нанял на работу до 900 специалистов — от вице-адмирала до корабельного повара,

причем большинство из них с приглашением на постоянное проживание в России. При этом, как писал другой известный русский историк С.М. Соловьев, несмотря на упреки в пристрастии Петра I к иностранцам, он, привлекая во множестве даровитых иноземцев, подходил к этому крайне разборчиво и осмотрительно, не допуская их, как правило, до первых мест в государстве. Стремясь перенять мировые достижения в науках и военном деле, Петр I при этом старался сохранить лучшие российские традиции, русский дух государства, что для нас сейчас не менее актуально. И еще мысль, которую Петр I постоянно подчеркивал, о том, что «иностранцы всячески старались не допускать нас до света разума, да проглядели, точно в глазах у них помутилось», и признавал это «чудом Божиим, содеянным для русского народа», также имеет сегодня для России большой смысл. Вместе с тем, если в дело просвещения России, становления ее науки, развития военного искусства и вмешивалась Божья сила, несомненно и то, что этому в немалой мере способствовала целенаправленная миграционная политика, проводимая достойным России государем — Петром Великим.

В XVIII и XIX веках Россия по-прежнему остается первой страной, проводившей миграционную политику по привлечению «чужих умов» из Германии, Англии и особенно из Франции. Достаточно сказать, что в середине XVIII в. из 107 членов Санкт-Петербургской Академии наук только 34 были непосредственно россиянами. В 1908 году она уже насчитывала только 50 «иностранцев» при общей численности 189 человек.

Правда, надо отметить, что после Петра I приоритет в иммиграционной политике все более и более стал отдаваться привлечению больших крестьянских масс из Германии, Австро-Венгрии и др., призванных заселить и освоить южные пустынные окраины России.

Первая мировая война и революционные потрясения XX века коренным образом изменяют характер миграционных процессов. В 1917—1930 годы Россия, например, пережила такой массовый исход своих интеллектуалов за рубеж, который за столь короткое время не знала прежде ни одна страна мира, что довольно подробно мы рассмотрели выше.

Вместе с тем данную эмиграцию специалистов лишь условно можно отнести к такому явлению, как современная «утечка умов», учитывая ее негативные последствия, поскольку определялась она не целенаправленной политикой стран иммиграции, а была вызвана сугубо внутренней политикой страны выезда и обусловлена в первую очередь политическим фактором.

Подобное явление мы наблюдаем несколько позже, в 30-е годы, когда из фашистской Германии эмигрировало большое число ученых, врачей, писателей. Только за 1933—1935 годы из страны выехали более 1200 ученых и научных сотрудников ведущих немецких университетов. Среди них Альберт Эйнштейн и пять других лауреатов Нобелевской премии. При этом, помимо политического фактора, данный подход был обусловлен и национальным фактором, политикой так называемой чистоты арийской нации. Национальный фактор стал одним из основных побудительных мотивов и послевоенной эмиграции из России (СССР), хотя ее масштабы вплоть до 1987 года и были относительно незначительными.

Незначительным был и отток высококвалифицированных специалистов, несмотря на то, что именно после Второй мировой войны сначала США, а затем и другие развитые западные государства начинают проводить активную целенаправленную иммиграционную политику по привлечению «чужих умов». Своего апогея «утечка умов» достигает в 70-е годы, принося США, Великобритании, Канаде и другим странам миллиарды долларов прибыли, способствуя постоянному увеличению разрыва между ними и развивающимися странами, несущих колоссальный ущерб от «утечки умов».

Из России, огражденной «железным занавесом», интеллектуальная эмиграция в основном была представлена так называемыми диссидентами, невозвращенцами и другими лицами, главным образом еврейской, немецкой и армянской национальности, которые при выезде на Запад вплоть до 1989 года почти все автоматически получали статус беженцев. Это, кстати, стало одним из первых важных элементов сманивания из бывшего Союза высококвалифицированных специалистов, поскольку данный статус давал и дает большие экономические льготы, а также право первоочередного получения гражданства страны-въезда.

Вместе с ростом общей эмиграции возрастает и отток высококвалифицированных специалистов, доля которых увеличилась с 14% в 1992 г. до 31% в 1999 г. Численность только работников науки, эмигрировавших из России, составила за эти годы более 13 тыс. человек (см. табл. 8).

Таблица 8. **Динамика эмиграции работников науки (в тыс.)**

1980	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
0,14	0,95	2,1	1,8	2,1	2,3	2,1	2,2	1,9	1,2	1,1

А сколько их выехало по приглашениям на более или менее длительный срок с желанием впоследствии переменить свой статус на статус постоянного жителя, хотя это в большинстве случаев запрещается иммиграционным законодательством принимающих стран, вообще неизвестно. Но известно другое: в отношении многих из них, наиболее талантливых в области математики, ядерной физики, биологии, как и в сфере искусства, осуществляется целенаправленная политика по их сманиванию с целью постоянного устройства в стране-въезде. И в этом случае можно говорить об «утечке умов», хотя изначально речь шла о временной миграции (как, собственно говоря, и в случае с миграцией студентов и аспирантов).

С распадом в конце 1991 года СССР началась просто неприкрытая «охота» зарубежных фирм и университетов за лучшими российскими талантами, активизировалась вся иммиграционная политика Запада по сманиванию умов. Достаточно упомянуть лишь одно из последних распоряжений (декабрь 1992 года) бывшего президента США Дж. Буша «О принципе наибольшего благоприятствования для переезда в Соединенные Штаты ученых из России и других государств СНГ», как и один из последних документов (декабрь 1999 года), подписанных другим бывшим президентом, Б.Клинтоном, в соответствии с которыми наши специалисты, связанные с космонавтикой, ядерной физикой и другими отраслями оборонного характера, получили преимущественное право для пересечения границ США, где им гарантируются работа и высокий заработок. Подобные документы в 1999—2000 годах приняты в Германии, Франции и других развитых странах и касаются в первую очередь российских программистов.

И если прогнозируемая многими учеными и политиками многомиллионная российская эмиграция оказалась проблематичной, то, в чем нет никаких сомнений, это сохранение при любой конъюнктуре постоянной заинтересованности Запада в лучших российских умах. В этом для России и суть современных потерь, а не вообще в нарастающем количестве эмигрирующих за рубеж, и тем более если речь идет о кратковременной трудовой, в том числе интеллектуальной, миграции, которая, напротив, может стать одним из противовесов «утечке умов».

И при всей трагичности интеллектуальной эмиграции 20-х годов современная «утечка умов» по своим масштабам и негативным последствиям представляется значительно более пагубной для будущего развития России, требующей пристального внимания не только со стороны государственных структур, но и общества в целом.

В связи с последним остановимся еще на одном методологическом

аспекте проблемы. Это вопрос воздействия последствий от «утечки умов». Зачастую, представляя «утечку умов» как любую интеллектуальную миграцию, делается вывод о ее положительном влиянии на социально-экономическое развитие как стран иммиграции (что совершенно справедливо), так и стран — доноров «серого вещества», о взаимовыгодном характере этого явления, особенно в плане тезиса об общемировой науке и культуре. Высказывается даже мнение, что «утечка умов» — это вообще надуманная проблема, подброшенная в свое время Западу с Востока (имеется в виду бывший СССР).

Выше уже было сказано о положительной роли интеллектуальной миграции вообще. И с этим трудно спорить, учитывая тот поистине неоценимый вклад в развитие науки, производства, культуры мира, который внесли иммигранты. Более того, свободный и равноправный обмен научными идеями и разработками, достижениями в медицине и национальной культуре через возвратную, временную миграцию специалистов — это не только экономически и политически выгодный процесс, как для каждой отдельной страны-участницы, так и для мирового сообщества в целом, но и единственно возможный путь дальнейшего поступательного развития человечества, учитывая его все большую «хрупкость» и взаимозависимость.

Что же касается такого проявления интеллектуальной миграции, как «утечка умов», то в этом случае ни о каком равноправном и взаимовыгодном двустороннем процессе говорить не приходится. Не случайно в одном из первых докладов ЮНКТАД, посвященных «утечке умов», было подчеркнуто, что «постоянный отъезд квалифицированных специалистов из развивающихся стран в высокоразвитые капиталистические государства — это не простая миграция отдельных людей. Это целенаправленное перекачивание высокопроизводительных сил из бедных в богатые страны».

В результате богатые становятся еще богаче, бедные — беднее, сводя фактически на нет всю так называемую бескорыстную помощь первых последним. Так, например, прибыль, получаемая в процессе использования «чужих умов» Канадой, в 7 раз перекрывает размеры канадской помощи развивающимся странам. Увеличивая помощь в деле обучения и подготовки высококвалифицированных специалистов, в то же время развитые страны в еще больших размерах осуществляют «переманивание молодых умов» из развивающихся государств. В 80-е годы до 40% достигало число иностранных специалистов, остающихся в США после завершения учебы в американских вузах. В одном Нью-Йорке работает больше иранских врачей, получивших образование в США, чем во всем Иране. Почти 80% иорданских студентов, обучающихся на Западе, не возвра-

щаются на родину. По данным ООН, 70% только арабских ученых, проходящих стажировку в западных странах, остаются там на постоянное жительство. Численность российских студентов, обучавшихся и оставшихся на Западе, оценивается в 10%.

К сожалению, в такие же неравноправные отношения все более вовлекаются Россия и другие бывшие союзные республики. Потери России из-за «утечки умов», превышающие 50 млрд долларов, составили величину гораздо большую, чем весь приток капитала и экономической помощи из-за рубежа.

Имея много общего с прошлой эмиграцией интеллектуалов, современная «утечка умов» имеет и существенные особенности. Неизмеримо возросли ее масштабы. Если в прошлом эмигрировали в год десятки, в лучшем случае сотни людей науки, то в настоящее время это десятки тысяч ученых, инженеров, врачей и других специалистов. Изменились и направления интеллектуальной безвозвратной миграции, которая осуществляется в наше время глазным образом из бедных в более богатые и развитые страны. Более 80% в общем ее потоке занимают представители развивавшихся стран, включая в последние годы также государства Восточной Европы, Россию, другие регионы бывшего Союза.

Целенаправленное лишение этих стран наиболее ценного их «капитала» неизбежно ведет к экономическому отставанию. И можно ли вообще измерить в деньгах «человеческий капитал» в самом широком смысле этого понятия, можно ли дать экономическую оценку интеллектуальному и духовному богатству населения, потеря которого ведет к его деградации и самоуничтожению? Как образно отмечал Паскаль, может случиться так, что «достаточно будет уехать 300 интеллектуалам — и Франция превратится в страну идиотов». Скольким умам для этого нужно эмигрировать из России, 3 тысячам или 3 миллионам, сказать однозначно, видимо, нельзя. Но как тут не вспомнить слова известного переводчика Михаила Лозинского, сказанные им в 1923 году: «В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невосполнимый он наносит ей ущерб...»

Можно ли оценить потери России, например, от эмиграции М. Лукина в США, одного из российских физиков, участвовавшего в разработках «по остановке света» (1999—2000 гг.), что уже в ближайшем будущем может помочь, в частности, в создании «квантового компьютера», который будет отличаться от современного ноутбука, как нынешние компьютеры отличаются от бухгал-

терских счетов. Как отметил нобелевский лауреат 2000 года Ж.Алферов, первый и единственный российский ученый, ставший иностранным членом Академии наук США и Национальной инженерной академии наук США, «не может быть богатой и стратегически независимой страны без возрождения российской электроники, без вывода ее на совершенно новый уровень, соответствующий XXI веку».

Кто же будет возрождать не только электронную науку, но и науку и производство в целом и сумеем ли, как 50—70 лет назад, восстановить современные интеллектуальные потери? Когда разрушается отечественная система образования, когда 46% ученых перешагнули за возраст 50 лет, а нового пополнения явно недостаточно, когда и времени на восстановление не будет, учитывая чрезвычайно быстрые изменения, которые в век информационной революции происходят в научно-технической сфере?!

Трагедия сегодняшнего дня в том и состоит, что совершенно несопоставимы последствия этого явления в прошлом и настоящем, когда именно высокие наукоемкие технологии определяют будущее. Именно острота негативных последствий современной «утечки умов» для стран-доноров и вызвала, как уже было сказано, в 60—70-е годы нашего столетия столь пристальное к ней внимание мирового сообщества, которое не только не ослабевает, но и усиливается в связи с изменениями, которые произошли в Восточной Европе и России.

В заключение остановимся вкратце на так называемом внутреннем оттоке умов, на мой взгляд, ничего общего не имеющем как с самим понятием «утечка умов», так и с теми последствиями для страны, которые несут эти два процесса.

Даже если предположить, что в «коммерцию идут в основном ученые, не снискавшие лавров в науке», то и в этом случае они имеют больше шансов для лучшей организации нового дела (идет ли речь о торговле или о производстве), способствующего подъему экономики страны, и более того, государство даже может выиграть, как выиграть и в том случае, если часть из них затем снова вернется в НИИ, КБ, вузы, то есть туда, откуда они ушли. Речь идет о сохранении для страны научно-технического и производственного потенциала, а не о его безвозвратной потере — в случае действительной «утечки умов». Другой вопрос — эффективное использование этого потенциала, соответствующее к нему отношение со стороны государства, общества в целом.

При этом трудно согласиться с утверждениями о том, что «проблема утечки умов может решиться путем запрещения или сама собой, без всякого государственного вмешательства». Убежден, и

весь мировой опыт об этом говорит, что невозможно решение проблемы «утечки умов» ни путем запретов, ни без поддержки государства, без «вмешательства» в это решение соответствующих государственных структур (идет ли речь о президенте, о конкретном министерстве, ведущих вузах, лабораториях и т.п.). Поэтому можно приветствовать деятельность ряда российских организаций, уже способствующих предотвращению «утечки умов», таких, например, как Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ).

Несмотря на сегодняшний хаос и экономический упадок, решение проблемы «утечки умов» в принципе возможно. Были бы только действительно политическая воля власть предержащих и соответствующая этому явлению политика и осознание обществом, именно всем обществом, важности этой проблемы, ее последствий для будущего страны.

4.2.3. Эмиграция из России в страны ближнего зарубежья: исторические и современные особенности

Одна из основных современных особенностей миграции населения в России, как мы уже отмечали, связана с появлением в 1992 году так называемого ближнего зарубежья и соответственно одномоментным превращением внутренних миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками в международные. Эти изменения привели к появлению более чем 25-миллионной русской диаспоры в странах ближнего зарубежья, которая во многих из них стала рассматриваться сугубо как некая «оккупационная армия мигрантов», подлежащая вытеснению из многих сфер производства и общественной жизни, а нередко и депортации.

Вместе с тем миграционные процессы между Россией и странами ближнего зарубежья, которые складывались на протяжении длительной истории отношений между ними, имели, на наш взгляд, совершенно другой, нежели оккупационный, характер. И в историческом плане можно выделить три периода этих отношений.

Первый период — XVIII — начало XX века характеризуется центробежным, колонизационным характером миграционных процессов, способствовавших не только формированию и развитию Российской империи, Российского государства, но и сохранению и развитию входящих в нее новых территорий Средней Азии, Закавказья и др.

Например, катастрофическое сокращение грузинского народа с

конца XIII века было приостановлено, а темпы роста численности населения Грузии ускорились лишь после ее присоединения в 1801 — 1864 гг. к России и значительного миграционного притока из Российского государства, позволившего затем не только восстановить Грузию как государство, но и сохранить сам грузинский народ. В 1897 году численность населения Грузии составила 1894 тыс. человек против 785 тыс. в конце XVIII века, в 1913 году она составила уже 2600 тыс. человек. Не менее 20% этого прироста приходится на миграционный приток переселенцев из России. К 1917 году численность русских в Грузии превысила 189 тыс., или 7,5% от всего населения.

Еще более важна роль России в возрождении и развитии армянского государства, основой которого стали вошедшие в ее состав в конце XVIII — начале XIX веков Эриванское и Нахичеванское ханства. Результатом последовавшей затем эмиграции армян из Персии и Турции стало то, что уже к 60-м годам XIX века в России проживало более 530 тыс. армян. Особенно массовой армянская эмиграция стала в связи с репрессиями 1894—1896 гг., в результате которых в 1897—1916 гг. Россия приняла около 500 тыс. армян. Непосредственно численность русских в Армении к 1917 году достигла 30 тыс., или 2,2% от общей численности.

Соперничество между Россией, Турцией и Персией привело к тому, что в начале XIX века Северный Азербайджан окончательно вошел в состав России, а его социально-экономическое и демографическое развитие получило значительное ускорение по сравнению с южной (иранской) частью. Численность русских в Азербайджане к 1917 году составила 224 тыс., или 8,4% от общей численности населения.

В целом по Закавказью численность только русских эмигрантов возросла с 243 тыс. в 1897 году до 442 тыс. в 1917 году, составив более 18% от общей численности населения данного региона. Заметим, что именно эти переселенцы стали промышленным ядром развития закавказских республик.

Важно подчеркнуть и то, что присоединение к России этих государств и последовавшая за этим эмиграция русских позволили не только сохранить там православные начала (Грузия, Армения), но и способствовать их распространению и дальнейшему развитию.

Не менее значима была роль эмиграционных потоков из России и для государств Средней Азии, Казахстана, Молдавии. Именно в Средней Азии русские удачно вписались в жизнь коренных народов, наладив в этом регионе не только промышленное производство, способствовавшее развитию городов, но и производство про-

дуктов, бывших дефицитными до их вселения. В первую очередь это касалось зерновых культур.

С демографической точки зрения важно отметить, что развитие населения государств Средней Азии XIX — начала XX века определялось низкими темпами роста численности населения, что было обусловлено очень высокой смертностью коренного населения, достигавшей 40‰ (т.е. 40 случаев смерти на 1000 человек) и значительным миграционным приростом (см. табл. 9).

Вхождение этих государств в состав России во второй половине XIX века способствовало активизации миграционных процессов и увеличению общей численности их населения.

Наиболее болезненным и политически агрессивным представляется присоединение прибалтийских государств к России. Сразу заметим, что речь о самостоятельных государствах может идти, да и то с определенными оговорками, лишь применительно к Литве. Что касается Латвии и Эстонии, то статус самостоятельных государств они получили лишь после 1917 года благодаря позиции Советской России.

По свидетельству известного историка М.К. Любавского, область Прибалтики вошла в сферу славянской колонизации в незапамятные времена. Так, течение реки Луги было обставлено славянскими погостами и селами уже в X—XI веках. Но лишь после продолжительной Северной войны и победы Петра I над шведами в начале XVIII века значительная часть современной Прибалтики вошла в состав России и вплоть до 1918 года являлась в виде губерний (Лифляндия, Эстляндия, Курляндия) неотделимой ее частью.

Важно отметить, что миграция в эти губернии непосредственно из центра России в начальный период была относительно небольшой. Но уже к 1917 году она возрастает, и численность только русских составила в Литве 175 тыс. (5,9% всего населения) против 36 тыс. в 1858 году, в Латвии — 228 тыс. (9,6%) против 72 тыс., в Эстонии — 47 тыс. (4,2%) против 19 тыс. Если же говорить обо всех переселенцах (украинцах, белорусах, поляках и др.), то их численность (включая и русских) возросла в Литве с 580 тыс. (35%) до 1533 тыс. (46%) в 1917 году, в Латвии — с 311 тыс. (25%) до 835 тыс. (35%), в Эстонии — с 60 тыс. (8%) до 115 тыс. человек (10%).

Увеличение доли некоренного населения в прибалтийских губерниях связано как непосредственно с его иммиграцией, так и с ростом эмиграции непосредственно литовцев, латышей и эстонцев большей частью в дальнее зарубежье, которое и в последующем (после 1917 года) имела довольно большие размеры. В США, на-

22 Заказ 2370

Таблица 9. **Баланс миграций и направления миграционных потоков в России в 1871—1916 гг. (тыс. человек)**[9]

Годы	Районы вселения						
	Новороссия	Южное Приуралье	Северный Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Закавказье	Казахстан и Средняя Азия	Всего
1871-1896	883,0	248,9	868,2	1148,7	265,4	401,2	3815,4
%	23,15	6,52	22,76	30,10	6,96	10,51	100,0
1897-1916	318,9	-8,2	507,1	2549,9	431,0	1428,9	5227,6
%	6,10	-0,16	9,70	48,78	8,25	27,33	100,0
Всего	1201,9	240,7	1875,3	3698,6	696,4	1830,1	9043,0
%	13,30	2,66	15,21	40,90	7,69	20,24	100,0

пример, только с 1899 по 1913 год иммигрировало 222 тыс. литовцев. Нужно иметь в виду и более низкий естественный прирост среди коренного населения прибалтийских губерний. В Эстонии и Латвии коэффициент естественного прироста в ‰ в 1851—1860 годах равнялся 7,9 против 12 по России в целом, в 1911—1916 годах этот показатель снизился до 2,9 против 13,2 по России.

Таким образом, высказывания о геноциде со стороны России в отношении коренного населения Прибалтики, об оккупации, об имперских традициях и тому подобных вещах, мягко говоря, не верны, по крайней мере в отношении Прибалтики в этот период времени.

Надо заметить, что Россия по сравнению с теми странами и территориями, которые она присоединяла, была государством достаточно мощным и хорошо заселенным. На территориях, вошедших в состав Российского государства, численность населения была значительно меньше. Так, в 1897 году население всего Закавказья составляло 4,5 млн человек, в то время как, по данным переписи 1897 года, в России проживало 124,6 млн человек.

Всякий раз когда к Российскому государству присоединялись новые земли и страны, начинался непрерывный процесс пространственного перемещения населения, причем, как правило, из центра России на новые территории. Интенсивность этого процесса во многом зависела от характера территорий, входяших в состав Российского государства, их местоположения, уровня заселенности, государственного статуса и т.д.

Результатом миграционного обмена между Россией и сопредельными колонизуемыми территориями было изменение расселения населения, переход от гомогенности к гетерогенности его этнической структуры. В итоге русские расселились среди украинцев и белорусов, узбеков и киргизов, грузин и азербайджанцев, латышей и эстонцев. В свою очередь, все эти народы достаточно полно, если учитывать их общую численность, были затем представлены в России. Так, доля украинцев среди всех русских, проживающих на территории бывшего Советского Союза, в 1989 году составляла 7,8%, а русских на Украине — 9,9%, узбеков в численности русских — 1,2% и русских в численности населения Узбекистана — 0,8% и т.д.

В целом за 1796—1916 годы, по ряду оценок, из европейских районов России на ее окраины переселилось 12,6 млн человек, из них более 9 млн приходится на 1897—1916 годы (см. табл. 9). Если вычесть из них переселенцев в Сибирь, на Дальний Восток и Северный Кавказ, то на страны ближнего зарубежья приходится око-

ло 7 млн человек, из которых 80% составили русские. Затем следуют украинцы и другие народы Российской империи*.

Косвенно центробежный характер миграционных потоков из России подтверждают и следующие данные: население европейских губерний в период с 1863 по 1897 год возросло с 61,1 до 93,4 млн человек, или на 52,8%, а азиатской части страны — с 8,8 до 32,9 млн человек, или почти в 4 раза.

Отмечая масштабы и характеризуя направления миграционных потоков из России, подчеркнем одну характерную их особенность в этот исторический период. Многие из них выступали в форме колонизации.

Вопросам колонизации было уделено относительно много внимания в работах А.А. Кауфмана, М.К. Любавского, И.А. Ямзина, В.П. Вощинина, Л.Л. Рыбаковского и других. И большинство из них выделяют самостоятельный российский тип колонизации, который существенно отличался от испанского, английского, голландского и германского типов колонизации.

Завершая рассмотрение первого периода, надо иметь в виду не только несовершенство учета миграционных потоков, но и их обратный характер, причем как самих переселенцев, не сумевших в силу тех или иных обстоятельств адаптироваться на новом месте, так и коренных жителей государств (территорий) так называемого ближнего зарубежья. Но в целом в этот период Россия имела ярко выраженное отрицательное сальдо миграции со всеми этими государствами, обусловленное колонизационным характером значительной его части. При этом отметим, что большая часть колонизационных потоков в России была сугубо «внутренней», то есть направленной в Сибирь и на Дальний Восток, на Урал и Северный Кавказ.

Второй период развития миграционных связей, который начинается с момента создания советского государства и заканчивается моментом его распада (1917—1991 годы), изобилует многочисленными катаклизмами и катастрофами военного и политического характера, обусловившими многообразие форм и типов миграционных потоков между Россией и ее бывшими губерниями и краями. Последние стали после 1917 года равноправными союзными республиками с единым

* В статистических данных, особенно приходящихся на военные отрезки времени, вплоть до начала 50-х гг. у разных авторов можно встретить большие расхождения. Например, по Любавскому М.К., к концу XIX в. численность русских в Латвии и Эстонии составляла чуть менее 100 тыс., а по Кабузану В.М. — около 200 тыс. человек.

центром, определяющим направления и масштабы этих потоков, не всегда, правда, исходя из интересов России.

За советский период, в историческом измерении относительно краткий, Россия пережила окончание Первой мировой войны, революцию и Гражданскую войну, голод 1921—1923 годов, голод 1933 года, массовые политические репрессии 30—40-х годов, войну с Финляндией, Вторую мировую войну, голод 1947 года, участие в локальных войнах в других частях мира, например в Афганистане, наконец, индустриализацию, коллективизацию и т.п. Все эти события и породили многообразие форм миграционных потоков между Россией и другими бывшими союзными республиками, начиная от «плановой» и заканчивая «вынужденной» миграцией. Но, несмотря на это многообразие, суть миграции, как и в предыдущем периоде, заключалась в ее «внутреннем» характере по отношению к Российской империи, а затем советского государства в целом.

Вместе с тем советский период характеризуется и существенными особенностями. Во-первых, как уже было сказано, многообразием форм миграции; во-вторых, что очень важно, наличием как центробежных, что, собственно, было преобладающим для всего предыдущего периода, так и центростремительных миграционных потоков и их существенным преобладанием со второй половины 70-х годов, особенно среди русских (русского этноса); в-третьих, присоединением в 1939—1940 годах Западной Украины, Прибалтики, Западной Белоруссии и части Бессарабии.

Учитывая эти особенности, советский период мы разделили на пять этапов, три из которых имеют положительное сальдо миграции для России, два — отрицательное сальдо (см. табл. 10), но в целом за советский период миграционное сальдо с союзными республиками было явно отрицательным, чуть более 4,0 млн человек, и в этом смысле он является логическим продолжением первого периода.

Первый этап (1917—1926 гг.), на который приходятся первые, самые, возможно, трудные годы Советской власти, формирование союзного государства и единого центра на территории России, отличается относительно незначительной межреспубликанской миграцией, положительным сальдо миграции между Россией и другими республиками в 100—200 тыс. человек (сопоставление, в частности, данных переписей 1897 и 1926 годов в границах 1927 года показывает, что из отдельных республик, входивших в это время в состав СССР, наибольший прирост наблюдался в РСФСР — более 40%, и определяющим фактором этого прироста была миграция населения, появление вынужденных мигрантов, значительной эмиграцией в Западную Европу (80% всей эмиграции), на зарубежный

Дальний Восток, в США (2%) и др., а также в Польшу и Финляндию в связи с их отделением (о чем мы писали выше).

Второй этап (1927—1940 гг.) также характеризуется положительным сальдо миграции (около 600 тыс.), но значительно возросшим. Это объясняется в первую очередь индустриализацией (первые стройки пришлись на Россию, куда потянулось население из других союзных республик), коллективизацией и раскулачиванием (десятки тысяч раскулаченных из Украины, Белоруссии и других республик принудительно вывозились в Сибирь), становлением плановой системы распределения трудоспособного населения (например, обязательное распределение выпускников средних специальных и высших учебных заведений), так называемой системы оргнабора (за 1931—1940 годы таким образом было территориально перераспределено почти 29 млн человек).

Усиление центростремительных тенденций в миграционных потоках сдерживалось сохранением ряда старых и появлением новых центробежных тенденций. Так, российские кулаки и середняки зачастую выселялись в Среднюю Азию и Казахстан. Введение в конце 1932 года паспортной системы значительно ограничило миграцию сельского населения, а начавшиеся политические репрессии вылились в депортационные процессы, первым из которых стала депортация 120 тыс. корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Эти депортации оказали большое влияние на миграционные процессы в последующий период.

С этими тенденциями Россия (СССР в целом) вступила в Великую Отечественную войну, на которую и приходится третий этап (1941—1952 гг.), определяемый вынужденным характером миграционных потоков из России в республики Средней Азии и Казахстан. Это и эвакуационные потоки, которые в целом оцениваются в 25 млн человек (около 3 млн из них приходится на названные республики), и депортации 40-х годов, из которых более одного миллиона немцев (в основном с Поволжья) были выселены в Казахстан и другие республики региона. Заметим, что большинство из них так и остались жить в этом регионе после окончания войны, в отличие от других депортированных народов (чеченцев, ингушей и др.), вернувшихся на свои родные места. В целом за этот этап, который определялся главным образом военными и политическим событиями, отрицательное сальдо миграции составило чуть менее 4 млн человек.

Четвертый этап (1952—1975 гг.) характеризуется хотя и снижением, но еще преобладанием центробежных миграционных потоков из России в бывшие союзные республики, что было обусловлено, в

частности, поднятием целины в Казахстане и развитием ткацкого, алюминиевого и других производств в Средней Азии, строительством различных предприятий в Прибалтике, Закавказье*. При этом заметим, что из России в основном выезжало городское население, имеющее более высокий уровень образования и квалификации по сравнению с населением республик въезда. Вообще, как отмечают специалисты, доля выходцев из села в межреспубликанских миграциях этого периода была очень мала — на них приходилось лишь около 1/3 всех переселений (то есть сельские жители мигрировали почти исключительно в пределах своих республик).

И хотя истинные масштабы и направления миграционных потоков между бывшими союзными республиками установить довольно сложно, вместе с тем косвенные результаты подтверждают центробежную роль России вплоть до середины 70-х годов, что показывают, в частности, данные переписей населения 1939 и 1959 годов, в соответствии с которыми население азиатской части бывшего СССР (включая Закавказье) увеличилось с 42,3 до 56,0 млн человек, европейской части — с 148,4 до 152,8 млн человек. То есть численность населения республик, расположенных в азиатской части, возросла за это время на 31,8%, а в европейской части — только на 3,6%. Если сопоставить эти коэффициенты роста населения с аналогичными в период 1926—1939 годы, то становится очевидным увеличение темпов прироста населения в послевоенный период в среднеазиатских и закавказских республиках.

Заметим вместе с тем, что данный прирост был обусловлен, конечно, не только миграционным приростом, но и определившимися к этому времени более высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности (в основном за счет более молодой возрастной структуры) и соответственно высокого естественного прироста в этих республиках.

Более того, именно на этом этапе происходит «перемена знака» во все ускоряющихся изменениях в межреспубликанских миграциях, которые на пятом этапе приобрели устойчивый центростремительный для России характер.

Начало «перемены знака» миграционных потоков, другими словами — перелом в направлениях сальдо миграции (чистой миграции), для России берет начало в 60-е годы. Одной из первых рес-

* Только на казахстанскую целину по призыву КПСС, по ряду оценок, прибыли 640 тыс. человек. И именно они и их дети и внуки стали после 1992 года «нежелательными мигрантами». К слову, из Казахстана в последние годы имеет место самый большой отток русскоязычного населения.

публик, с кем Россия имела до этого постоянно отрицательное сальдо миграции, стала Грузия, а к середине 60-х годов к ней присоединился и Азербайджан. Это обусловлено прежде всего оттоком русского населения, которое начинает постепенно вытесняться из сфер управления, услуг, науки и других кадрами коренных национальностей, подготовленными как в самих республиках, так и в лучших вузах России.

И хотя в 60-е годы еще трудно говорить об обострении межнациональных отношений как главном факторе оттока русскоязычного населения из национальных республик (главными причинами,

Таблица 10. **Динамика сальдо миграции населения (тыс. человек)**[10]

Республики	1961-1965	1966-1970	1971-1976	1979-1988	1961-1988
Россия	-522	-598	-195	1767	670
Украина	173	344	226	153	743
Белоруссия	-162	-1	-61	-8	-232
Молдавия	43	24	9	-56	20
Литва	14	34	34	100	182
Латвия	78	70	64	93	305
Эстония	43	48	33	55	179
Прибалтика в целом	135	152	131	248	662
Грузия	-35	-54	-70	-52	-211
Азербайджан	-53	-47	-22	-266	-388
Армения	60	80	70	-321	-111
Закавказье в целом	-28	-21	-22	-639	-710
Казахстан	407	24	-261	-784	-614
Узбекистан	130	127	143	-507	-107
Киргизия	73	53	-38	-157	-69
Таджикистан	56	14	1	-102	-31
Туркмения	1	3	3	-84	-77
Средняя Азия в целом	260	197	109	-850	-284
СССР	306	121	-64	-169	194

особенно для Казахстана и Средней Азии, по мнению большинства ученых, были избыток рабочей силы, открытая безработица в городах и скрытая на селе, обусловленные, в частности, набирающим быстрый темп ростом населения), думается, что именно тогда межнациональный фактор начинает себя проявлять, пользуясь попустительством центральных властей и упущениями в федеральной национальной политике.

Важно отметить и то, что за 1956—1975 годы значительная часть естественного прироста населения России, который по своей величине в 11 раз превысил отрицательное миграционное сальдо, была перераспределена в пользу других союзных республик, тогда как в 1976—1990 годы из общего прироста населения только 4/5 пришлось на долю естественного прироста, а 1/5 — на долю миграционного сальдо. Таким образом, произошло возмещение ранее потерянного Россией естественного прироста. Общим выводом является то, что независимо от результатов межреспубликанского миграционного обмена все 50— 80-е годы население России прирастало, и притом ежегодно.

В целом для четвертого этапа, несмотря на снижение центробежных тенденций, отрицательное сальдо миграций составило более 2,7 млн человек (см. табл. 10).

На пятом этапе (1976—1991 гг.), завершающем советский период, центростремительные миграционные потоки в Россию становятся определяющими. Практически со всеми бывшими союзными республиками, куда прежде мигрировал основной поток переселенцев из России, сальдо миграции стало положительным. Так, за 1979—1988 годы только из Казахстана в Россию переехали около 700 тыс. человек (всего выехали из Казахстана 784 тыс. человек), из республик Средней Азии — около 800 тыс. человек.

Эти потоки прежде всего являются результатом конкуренции на рынках труда, обусловленной национальными особенностями демографического и социально-политического развития. Например, в республиках Средней Азии с 1976 по 1988 год численность работников коренных национальностей более чем удвоилась, в то время как среди других национальностей увеличилась только на 38%, а в Туркмении вообще сократилась на 13%. Таким образом, доля лиц коренных национальностей в пополнении рабочей силы в 1,4 раза превысила их долю в общей численности населения республики, что неизбежно привело сначала к мягкому, а затем и ко все более резкому выталкиванию пришлого русскоязычного населения.

До 1989 года лишь с республиками Прибалтики и Украиной у России сохраняется отрицательное сальдо миграции. Но начиная с

Таблица 11. **Нетто-миграция между Россией и бывшими союзными республиками СССР, 1989—1991 гг. (тыс. чел.)**[11]

Страны	1989	1990	1991	1989-1991
Украина	2,1	-4,2	-66,1	-68,2
Белоруссия	-4,6	23,3	-4,7	-14
Молдавия	2,0	0,9	2,5	5,4
Литва	1,1	5,0	4,4	10,5
Латвия	2,5	3,9	5,8	12,2
Эстония	0,6	3,3	4,2	8,1
Грузия	10,8	14,5	28,7	54
Азербайджан	37,7	52,0	20,7	110,4
Армения	8,6	1,4	4,1	14,1
Узбекистан	41,6	65,9	35,9	143,4
Киргизия	5,0	21,2	17,7	43,9
Таджикистан	6,7	40,3	17,6	64,6
Туркмения	4,6	5,1	4,5	14,2
Казахстан	43,9	54,5	29,6	-128
Всего	162,6	287,3	104,9	554,8

этого года и с прибалтийскими республиками сальдо миграции становится положительным (см. табл. 11).

Из табл. 11 видно, что к концу 80-х годов наибольший приток в Россию имел место из Узбекистана, Казахстана и Азербайджана, что в значительной мере было обусловлено резким обострением национальных отношений и появлением уже в бытность СССР вынужденных переселенцев, первые из которых появились после погромов армян (Сумгаит, 1988, Баку, 1990) и турок-месхетинцев (Фергана, 1989). Что касается Казахстана, занявшего с начала 70-х годов первое место по оттоку русскоязычного населения (в первую очередь русских и немцев), то его величина составила в 80-е годы около 40% общего сальдо миграции со всеми бывшими союзными республиками и в 90-е годы еще более возросла (см. табл. 12).

Говоря об оттоке русскоязычного населения из бывших союзных республик, надо заметить, что на последнем, пятом этапе получил

ускорение и отток непосредственно коренного населения некоторых из этих республик, который стал особенно заметен между переписями населения 1979 и 1989 годов. Главными регионами эмиграции коренных жителей, которые направлялись в основном в Россию, на Украину и в Прибалтику, стали Закавказье, Средняя Азия и Молдова.

Так, численность молдаван в России между двумя переписями увеличилась на 69% (в своей республике их численность возросла всего на 10,5%), грузин и армян — на 46% (в своих республиках — на 10,3 и 13,2% соответственно), азербайджанцев — в 2,2 раза (и всего лишь 24% у себя), узбеков и туркмен — в 1,8 раза (34%), киргизов — в 2,9 раза (в своей республике на 33%), таджиков — в 2,1 раза (у себя на 46%).

И хотя масштабы выезда коренного населения из так называемых трудоизбыточных регионов были несколько меньшими, чем это можно было ожидать, имея в виду собственно экономические соображения, в последующем, в 90-е годы, эта тенденция получила дальнейшее развитие, в частности, в форме трудовой миграции в Россию.

В целом если оценивать «внешнюю» миграцию на пятом этапе, то для России сальдо миграции, учитывающее и возросшую с 1988 года эмиграцию в дальнее зарубежье (260 тыс. за 1988—1991 годы), составило положительную величину в 2586 тыс. человек.

Подводя итоги рассмотрению «внешней» (межреспубликанской) миграции за второй (советский) выделенный нами период, можно сделать ряд выводов:

1) в целом за период сальдо межреспубликанской миграции определялось для России центробежными тенденциями третьего и четвертого этапов (1941—1975 годы) и составило за 1917—1991 годы отрицательную величину в 4 млн человек;

2) результаты межреспубликанской миграции в 80-е годы стали прямо противоположными результатам 60-х годов. Другими словами, центробежные миграционные потоки превратились в центростремительные и Россия, чуть ли не три столетия (и даже больше) «отдающая» своих граждан, начала превращаться в их собирателя, правда, еще далеко не доброжелательного и разумного;

3) «внешняя» миграция второго периода была обусловлена не только экономическими (индустриализация и связанные с ней великие стройки и др.), но, скорее всего, в равной степени и политическими событиями (раскулачивание, депортации, политические репрессии и т.п.), которые в первую очередь пришлись на первый и третий этапы этого периода;

4) для последнего, пятого этапа (1976—1991 годы), определяемого «переменой знака» миграционных потоков, характерно резкое

обострение межнациональных отношений и появление вынужденных переселенцев, что стало затем характерной чертой третьего (современного) периода «внешней» миграции между Россией и странами ближнего зарубежья.

При этом важно подчеркнуть, что последние три года советского периода характеризуются резким этническим поворотом в миграциях между Россией и бывшими союзными республиками, который захватил и начало третьего современного периода, суть которого заключалась в значительном увеличении эмиграции представителей большинства титульных национальностей. Практически в эти годы Россия имела отрицательное сальдо миграции по большинству титульных национальностей бывших союзных республик.

В 1993 году ситуация вновь начинает изменяться, и по существу в последние годы сальдо миграции по всем титульным национальностям становится положительным.

Третий (современный) период (с 1992 г.) развития миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками в своем роде является уникальным в силу очень резких, кардинальных политических изменений и связанного с ними появления так называемого ближнего зарубежья, одномоментно превратившего «внешние» колонизационные, а затем межреспубликанские миграции в международные, требующие, как мы уже писали, принципиально иной миграционной политики.

«Благодаря» появлению ближнего зарубежья Россия превращается в третий (после США и Германии) мировой центр иммиграции, об особенностях которой мы расскажем ниже. Пока лишь заметим, что несколько возрастает валовой объем миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками, а чистая миграция между ними приобретает для России ярко выраженный центростремительный характер, составив только за 1992—1999 годы около 4 млн человек (см. табл. 5) против 2,9 млн общего миграционного сальдо с учетом чистой миграции с дальним зарубежьем (см. табл. 12).

Заметим, что тенденции, заложенные на последнем этапе предыдущего периода, приобретают еще более устойчивый, а учитывая происходящие события, даже закономерный характер. Но, помимо этих тенденций, для России в отношениях со странами ближнего зарубежья становятся характерными и новые, не присущие ранее, миграционные потоки: нелегальная иммиграция, новые категории вынужденных мигрантов, трудовая миграция и др. С точки же зрения эмиграции из России в страны ближнего зарубежья можно отметить ее значительное уменьшение с 536 тыс. в 1992 году до 130 тыс. в 1999 году.

И хотя доля русских по-прежнему превышает 50% среди переселенцев из России, но в абсолютных числах (67 тыс.) она значительно уменьшилась и обусловлена главным образом эмиграцией в составе смешанных семей, направляясь в основном на Украину (30 тыс. в 1999 г.), Казахстан (16 тыс.) и Белоруссию (10 тыс.).

Что касается других этносов, то их эмиграция (или реэмиграция), направленная непосредственно в страны их национальной принадлежности (например, среди выбывших из России в 1999 году 28 тыс. украинцев 24 тыс. эмигрировали на Украину, из 3 тыс. азербайджанцев — 2,5 тыс. в Азербайджан) также снижается, все более уступая их иммиграции.

В целом, если подвести краткие итоги рассмотрению эмиграции из России, необходимо выделить следующее.

1. На протяжении последних столетий Россия являлась тем центром, миграция из которого в значительной мере определяла позитивное развитие как в социально-экономическом, так и демографическом плане современных государств ближнего зарубежья.

2. Миграция между бывшими союзными республиками на протяжении всех трех исторических периодов определялась как экономическими, так и политическим причинами.

3. Утечка умов из России приобретает не только все более масштабный, но и русский характер.

4. В результате нескольких волн эмиграции, обусловленных, в частности, политическими изменениями 1917 и 1997 годов, за пределами России оказалось значительное число российских соотечественников, которые при соответствующей политике могут стать важным фактором возрождения и развития России.

5. Современная миграционная мозаика стала несравненно богаче и разнообразнее, что требует, в частности, усиления теоретических разработок в этой области как с научной, так и с прикладной точки зрения с целью в первую очередь разработки более эффективной миграционной политики в России, которая как своеобразный новый центр может стать не только объединителем постсоветского содружества, формирования общего рынка труда, без которого, по сути, невозможны современные интеграционные экономические отношения, но и *собирателем* русских людей, в которых так нуждается современная Россия.

4.3. Иммиграция в Россию

Иммиграция в Россию, по существу, имела место на протяжении всей ее истории, значительно превышая в отдельные периоды

Таблица 12. **Нетто-миграция между Россией и бывшими союзными республиками СССР, 1992—1999 гг.(тыс. чел.)**

Страны	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1992-1999
Украина	-110,0	17,3	139,0	89,0	87,1	68,7	54,6	22,4	368,1
Белоруссия	-21,3	-11,4	15,6	10,1	2,4	-1,5	-5,3	-7,6	-19,0
Молдавия	9,9	4,5	12,0	10,4	11,0	7,9	6,0	4,8	66,5
Грузия	46,2	65,0	62,2	43,7	34,5	21,7	18,1	17,1	308,5
Азербайджан	50,7	43,1	43,4	37,8	35,4	25,5	18,3	12,0	266,2
Армения	12,0	27,9	44,6	31,3	22,4	16,4	14,4	12,4	181,4
Узбекистан	86,4	70,6	135,4	97,1	36,6	31,7	36,6	36,6	531,0
Киргизия	49,8	86,7	56,5	18,3	10,4	7,4	5,7	6,7	241,5
Таджикистан	66,7	62,9	41,9	38,5	29,9	20,7	16,4	10,3	287,3
Туркмения	12,0	6,8	17,4	17,2	21,4	15,2	9,0	6,8	105,8
Казахстан	96,6	126,9	304,5	191,0	134,5	207,8	183,2	113,5	1358,0
Литва	11,7	17,0	6,9	2,8	18	0,6	0,6	0,3	57,9
Латвия	23,2	23,7	25,0	13,7	7,4	5,1	3,0	1,5	102,5
Эстония	21,8	12,8	10,2	7,7	5,0	2,9	1,2	0,3	61,9
Всего	355,7	553,8	914,6	608,6	439,8	430,1	361,8	237,0	3917,6

Источник: Данные Госкомстата РФ.

эмиграцию, играя важную роль и в экономическом и демографическом развитии. Но в отличие от прошлого, когда эта роль была значима в первую очередь для отдельных регионов страны, в настоящее время она становится определяющей, особенно в демографическом плане для России в целом.

Вместе с тем эта определяющая роль демографических факторов обусловливается прежде всего иммиграцией из стран ближнего зарубежья, которая рассматривается, если говорить о русском населении, и как репатриация, и как реэмиграция, и как сугубо вынужденная миграция. Например, по мнению Ж.А. Зайончковской, 2/3 всех современных мигрантов из стран ближнего зарубежья — это репатрианты.

Как мы заметили в самом начале нашего раздела, такой подход, на наш взгляд, неверен, особо принимая во внимание особенности появления стран ближнего зарубежья и получения гражданства России (до начала 2001 года), в частности, русскими, оказавшимися в этих странах в большинстве своем в результате добровольных внутренних переселений их дедов и прадедов.

И еще один важный признак понятия «репатриация» обусловлен ролью государств, из которых выезжают и в которые возвращаются. Так, в русской версии многоязычного демографического словаря ООН (Нью-Йорк, 1964, С. 72) отмечается, что «возвращение на родину именуется также репатриацией, но этот термин обычно применяется только в тех случаях, когда переезд лиц, задержанных или задерживавшихся в чужой стране, организуется государственной властью» (подчеркнуто нами. — *В.И.*). Большинство мигрантов из стран ближнего зарубежья переезд в Россию, как мы увидим ниже, осуществляли и до сих пор осуществляют без поддержки государственных структур как стран выезда, так и России.

Именно поэтому, говоря о возвращении российских соотечественников в Россию, будет более правильным употреблять термин «репатриация» в отношении скорее соотечественников из стран дальнего, чем ближнего зарубежья, поскольку «возвращение на историческую Родину» из стран Запада по своему определению невозможно без вмешательства государства.

4.3.1. Миграция из стран ближнего зарубежья. Ее роль в современном демографическом развитии России

Говорить об иммиграции из стран ближнего зарубежья строго с научной точки зрения можно лишь с 1992 года, с момента образо-

вания отдельных самостоятельных государств на территории бывшего СССР. Вместе с тем сам процесс возвращения русского населения из этих государств в прошлом становится заметным, как уже было отмечено в предыдущем параграфе, со второй половины 60-х годов. Особенность же предшествующего периода заключалась в том, что данное возвращение было обусловлено в первую очередь экономическими причинами и может быть рассмотрено как форма реэмиграции. Другими словами, речь шла о мигрантах, въехавших в страны ближнего зарубежья из России в 50— 60-е годы. Но, столкнувшись с резко возросшим давлением на рынке труда со стороны местного населения, они в большинстве своем стали возвращаться в Россию. Меньшая часть мигрировала на Украину и в Прибалтику. При этом надо иметь в виду, что сохранялись жесткая ограничительная система по переселениям, например, в крупные города, распределительная практика молодых специалистов по всей стране, миграция по общественным призывам и другие формы полупринудительного характера, которые часто не учитывали изменений, происходивших в трудовой и демографической сферах Закавказья и Средней Азии. Но именно эти изменения становились главным фактором «реэмиграции».

Ситуация коренным образом изменяется в конце 1991 года в связи с распадом СССР на отдельные самостоятельные государства, между которыми сразу же была возведена государственная граница, а в самих этих государствах, за исключением России, стала проводиться политика (где-то более, где-то менее явная) по выталкиванию населения некоренной национальности. В силу сложившейся ситуации Россия с ее «прозрачными границами» превращается в мощный иммиграционный центр, куда устремились миллионы бывших советских граждан. И хотя имела место и эмиграция из России, о чем мы писали выше, в целом иммиграция, которая приняла разнообразные формы (вынужденная, добровольная, нелегальная), была значительно выше, составив, по официальным данным, за 1992—2000 годы 6,2 млн человек (см. табл. 5). Если к ним прибавить 1,2 млн беженцев и более 2 млн официально незарегистрированных, то общая численность «возвратившихся» в Россию из стран ближнего зарубежья за эти годы составила, по минимальным оценкам, около 10 млн человек, из которых примерно 70% составили непосредственно русские.

Столь высокий приток населения в Россию (более чем по 1 млн в год) стал для нее в 90-е годы значимым фактором политического, экономического и демографического развития.

С политической точки зрения очень важно было показать, что

Россия может быть тем центром, который готов принять миллионы своих соотечественников из ближнего зарубежья. Отсюда и «прозрачные границы» со стороны России с большинством из бывших союзных республик. К сожалению, России до сих пор не удалось решить проблемы, связанные с первой волной беженцев, обусловленной войной между Азербайджаном и Арменией (январь—февраль 1990 года), как, впрочем, и с последующими волнами из Средней Азии, Грузии, Казахстана и др. Как и не удалось России сформировать эффективную федеральную миграционную политику и принять соответствующие законы о гражданстве Российской Федерации, об иностранцах и др. Но тем не менее переселение миллионов бывших советских граждан из стран ближнего зарубежья на постоянное жительство в Россию, как и временная трудовая миграция сотен тысяч не только русских, но и коренных жителей этих стран, стало, видимо, важнейшим ее политическим шагом в 90-е годы, который необходимо не только усилить, но и наполнить новым содержанием, не акцентируя все внимание, что имеет место до сих пор, на проблемах вынужденной миграции.

Не менее важной представляется и экономическая значимость иммиграции из стран ближнего зарубежья. В частности, Россия получает возможность хотя бы частично компенсировать экономические потери от «утечки умов», эффективно используя иммигрирующих высококвалифицированных специалистов из стран ближнего зарубежья, зачастую и подготовленных в прошлом непосредственно в России.

Заметим, что иммиграция как массовое социально-экономическое явление характерно главным образом для более развитых стран мира, в значительной степени способствуя их экономическому и демографическому развитию. Как писал в 1989 году известный американский экономист Дж.Саймон, «в целом иммигранты прибавляют к общему американскому капиталу и даже составу физических ресурсов больше, чем вычитают. Каждая новая прибавляющаяся группа людей — конечно, в разумных пределах, например, от 500 тыс. до 2 млн человек в год, — дает чистый плюс, а не минус»[12].

Правда, для того чтобы получить плюс, необходимы соответствующее внимание и разумная политика по отношению к иммиграции, тем более если речь идет о возвращении соотечественников на историческую родину, примером чему могут служить, например, Германия конца 80—90-х годов и Израиль, обладающие при этом, в отличие от США, очень небольшой территорией (357 тыс. кв. км и 21 тыс. кв. км соответственно).

Для России с ее огромной территорией (17 млн кв. км и плотно-

23 Заказ 2370

стью 9 человек на 1 кв. км против например, США с 9,6 млн кв. км и плотностью 28 чел. на 1 кв. км или Японии с 378 тыс. кв. км и 336 чел. на 1 кв. км) экономическое освоение отдельных регионов страны (например, Сибири и Дальнего Востока, Центрального Нечерноземья) и в прошлом, и в настоящее время всегда представлялось довольно сложной экономической задачей.

Решение этой задачи усугублялось и продолжает усугубляться трудозатратным типом экономики, требующим, помимо прочего, дополнительных рабочих рук, которых, несмотря на структурный рост безработицы в России, явно не хватает.

При этом появляются не только регионы, но и целые сферы производства, куда неохотно стали идти россияне. Только в 1993—1995 годах, несмотря на рост безработицы, в России свободных рабочих вакансий насчитывалось около 444 тыс. И лишь половину из них сумели заполнить за счет иммигрантов и иностранной рабочей силы.

Таким образом, можно утверждать, что для экономического освоения всех регионов России ее собственного населения становится явно недостаточно и одним из решений данной задачи может быть более активное привлечение иммигрантов и иностранной рабочей силы, один из главных потенциалов которых находится непосредственно в странах ближнего зарубежья.

Более того, именно этот потенциал становится с 1992 года ведущей компонентой динамики общей численности населения России, переживающей в настоящий момент серьезный демографический кризис, который, в свою очередь, стал основным фактором, блокирующим все экономические программы по возрождению России.

В условиях огромной территории (свыше 23 млн кв. км в начале XX века и 17 млн кв. км в начале XXI века), для 2/3 которой характерны сложные (суровые) природно-климатические условия, при трудозатратной экономике, которая господствует по сей день, демографический фактор, особенно общая численность населения, и прежде всего его трудоспособная часть, имеют для России особо значимую роль.

Примечательно в связи с этим отметить, что одна из западных концепций объясняет крушение царской России тем, что она «не справилась с высокими темпами экономического роста»*. Не полемизируя по поводу «высоких темпов», особенно после поражения в русско-японской войне, тем не менее зададимся вопросом, «почему

---

* Об экономическом и социальном развитии России накануне революции см. Приложение № 6.

же не справилась», как не справилась впоследствии (60—90-е гг.) и Россия советская. Как не в состоянии, учитывая при этом уровень производительных сил и уровень технического оснащения производства, его территориальные особенности, сделать существенный поступательный шаг в экономическом развитии современная Россия?

Ответ на этот вопрос может быть сложным, если принимать во внимание множество факторов, обусловливающих развитие России. Если же выделить главный из них, то ответ довольно «прост» — России явно не хватало населения, на что обратил внимание уже в середине XVIII века М.В. Ломоносов, который в трактате 1761 года «О сохранении и размножении российского народа» писал, что

Таблица13. **Компоненты изменения численности населения России с 1897 г.**

Периоды, годы	Численность населения на конец периода, тыс. чел.	Общий прирост (убыль), тыс.	В том числе	
			Естественный прирост, тыс.	Миграционный прирост ** (тыс.)
1897*	67473	—	—	—
1897-1916	91000	23257	24392	-865
1917-1926	93600	2600	5100	-2500
1927-1940	111359	17759	16960	799
1941-1945	97547	-13812	-9953	-3859
1946-1950	102945	5398	6505	-1107
1951-1955	112266	9321	9991	-670
1956-1960	120766	8500	9283	-783
1961-1965	127189	6423	6944	-521
1966-1970	130704	3515	4107	-592
1971-1975	134690	3986	4180	-195
1976-1980	139028	4338	3731	607
1981-1985	143835	4807	3938	869
1986-1991	148704	4869	3759	1110
1917-1991	148704	57704	64545	-6841***

Таблица 13. (Продолжение)

1992	148750	46	-207	253
1993	148452	-298	-738	440
1994	148393	-59	-869	810
1995	148063	-330	-833	503
1996	147591	-472	-816	344
1997	147191	-400	-750	350
1998	146771	-420	-705	285
1999	146003	-768	-923	155
2000****	145263	-740	-954	214
1992-2000	145263	-3441	-6795	3354

* На начало года

** С учетом сальдо миграции со странами дальнего зарубежья, которое в 1927—1940 гг. и 1951—1987 гг. было относительно небольшим (например, в 1986 г. оно равнялось 2,3 тыс. человек, против 20,4 в 1989 г., 102,5 тыс. в 1990 г.). Наиболее значимым оно было в 1917—1925 гг., когда более 2,5 млн человек эмигрировало в Западную Европу, США и другие страны дальнего зарубежья.

*** Из них почти 3,6 млн человек приходится на дальнее зарубежье.

**** Предварительные данные.

Источник: Население СССР. 1973. М., 1975. С.14, 70.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России 1927—1959.

Население России за 100 лет (1897—1997). М., 1998. С. 32—34, 84—85.

Всероссийский статистический ежегодник. 1999. М., 1999. С.76, 101.

Population Headliners, № 274, January — February 2000. P. 1.

численность населения, ее увеличение имеет для России огромное значение, и именно в этом видел «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»[13].

Более того, по нашему глубокому убеждению, какую бы модель экономического развития ни выбрала сегодняшняя Россия, лучшее, на что она может рассчитывать в условиях современного демографического кризиса (на котором чуть ниже мы остановимся подробнее), это лишь на некую экономическую стабилизацию. Если даже на минуту представить, что на Россию в ближайшее время обрушится «золотой инвестиционный дождь», кто будет осваивать «золотые капиталовложения» на огромной территории Централь-

ного Нечерноземья — сотня-другая 70-летних стариков? Или на еще более огромной территории Дальнего Востока, где и таковых нет?

Причем «нехватка населения» начинает со всей остротой ощущаться уже во времена Петра I и особенно ЕкатериныII, хотя само демографическое развитие, например, на рубеже предыдущих двух веков (XIX и XX вв.) существенно отличается от ситуации конца XX — начала XXIвв., что достаточно наглядно видно из табл.13 и 14.

На начало XX столетия численность населения России достигла 70 млн человек, что было чуть меньше, чем в США. Вместе с тем естественный прирост в России более чем в 2 раза превышал естественный прирост в США, более чем в 3 раза — в Германии и почти в 8 раз — во Франции. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в России равнялся 7 (среднее число детей на одну женщину репродуктивного возраста), в США — 4,5, во Франции — 2,8. Вместе с тем наряду с очень высокой рождаемостью для России

Таблица 14. **Демографическое движение населения в России и в США (в тыс.)**

Россия	1900-1910*	1960	1970	1980	1990	1995	1999
Население** (в млн)	71	119	130	138	148	148	146
Рождаемость		2782	1904	2203	1989	1305	1216
Смертность		886	1131	1526	1656	2082	2140
Естеств. прирост	14812	1896	773	677	333	-833	-934
Миграц. прирост (убыль)	-512	-176	-148	60	169	503	165
Общий прирост (убыль)	1720	1720	625	737	502	-330	-769
ОКР (в ‰)	50,0	23,2	14,6	15,9	13,4	9,3	8,4
ОКС(в ‰)	33,2	7,4	8,7	11,0	11,2	15,0	14,7
СКР (ср. число детей)	6,83	2,63	2,00	1,89	1,88	1,34	1,2
КМС(в ‰)	270,0	36,6	23,0	22,1	17,4	18,1	16,5
E_o (годы) (муж/жен)	31	69	69	68	70	65	66
	(29/32)	(64/72)	(63/73)	(61/73)	(64/74)	(58/72)	(61/73)

Таблица14. (Продолжение)

США	1900-1909*	1960	1970	1980	1990	1995	1999
Население (в млн.)	76	179	203	227	249	263	273
Рождаемость	–	4258	3731	3612	4158	3927	3942
Смертность	–	1712	1921	1990	2148	2284	2308
Естеств. прирост	7182	2546	1810	1622	2010	1643	1634
Миграц. прирост	8795	299	327	724	578	764	979
Общий прирост (убыль)	15977	2845	2137	2346	2588	2407	2613
ОКР (в ‰)	32,3	23,7	18,4	15,9	16,7	15,1	14,3
ОКС(в ‰)	17,5	9,5	9,5	8,8	8,6	8,8	8,7
СКР (ср. число детей)	4,57	3,65	2,48	1,84	2,08	2,02	2,04
КМС(в ‰)	89,0	26,0	20,0	12,5	11,2	9,1	6,9
Ео (годы) (муж/жен)	52	72	73	75	76	76	77
	(50/53)	(67/73)	(67/75)	(70/78)	(72/79)	(73/80)	(74/80)

* Прирост за период, показатели среднегодовые.

** Население на начало года.

ОКР — общий коэффициент рождаемости (число рожденных на 1000 населения)

ОКС — общий коэффициент смертности

СКР — суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на 1 женщину репродуктивного возраста)

КМС — коэффициент младенческой смертности (число умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся)

Ео — средняя продолжительность предстоящей жизни.

Источник: Население России за 100 лет (1897—1997). М., 1998. С. 32—34; Population et Societes, № 336, juni 1998. P. 3. № 348, julliet — aout 1999.

Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. С. 348, 353.

начала прошлого века была характерна и высокая смертность, чуть менее чем в 2 раза превышающая ее общий уровень в США, Франции, Великобритании, при очень высокой младенческой смертности. Для православного населения последняя «зашкаливала» за 300‰, более чем в 3 раза превышая этот показатель в развитых странах

мира, соответственно, средняя продолжительность «предстоящей жизни» была почти в 2 раза ниже, чем в этих странах.

При этом сальдо миграции, которое вплоть до 1890 года было положительным, к рубежу двух веков становится отрицательным, каковым и остается почти до конца 70-х гг. (см. табл. 13), в отличие от США, где чистая иммиграция по сей день остается важным положительным фактором демографического развития (см. табл. 14).

Таким образом, можно утверждать, что при трудозатратной экономике в царской России имел место и «человекозатратный» тип воспроизводства населения, что в совокупности при прочих равных условиях просто не смогло сохранить и обеспечить дальнейшее развитие высоких темпов экономического развития, не говоря уже об экономическом освоении огромной территории страны.

Вместе с тем история XX века, как, собственно, и предыдущего века, изобилует таким количеством потрясений (смена общественно-экономических формаций, три войны, интервенция, голод, политические репрессии, прежде всего против крестьянства, которое составляло на начало века более 85% населения, и др.), которые не могли не сказаться на росте населения, демографическом развитии России в целом. Так, только за 1941—1946 годы, по различным подсчетам, бывший СССР потерял около 25 млн человек, из них более половины пришлось непосредственно на Россию. И тем не менее за первые 50 лет Советской власти в демографическом развитии нашей страны произошли кардинальные положительные изменения. Уже к 1970 году доля городского населения России превысила 60%, общий коэффициент смертности (ОКС) в 1964 году составил 7,2‰, по существу один из самых низких показателей в мире на данный период младенческая смертность снизилась более чем в 10 раз, достигнув 23‰, тогда как в США — в 4 раза, в Западной Европе — в 5 раз, средняя продолжительность «предстоящей жизни» возросла более чем в 2 раза, составив 69 лет для обоих полов, в США этот показатель увеличился с 52 до 72 лет. Суммарный коэффициент рождаемости хотя и снизился до 2,34 (то есть почти в 3 раза), оставался еще на уровне расширенного воспроизводства (см. рис. 3).

Одним словом, налицо значительные демографические успехи, не случайно сопровождающиеся наиболее высокими темпами роста производительности труда, определенным экономическим подъемом. Хотя уже и в этот период «нехватка населения» для отдельных регионов России начинает все более негативно сказываться на их развитии. И особенно это стало заметно к концу 60-х годов, когда необходимо было сделать следующий шаг: внести значительные сред-

Рисунок 3
Источник: см. табл. 1.

ства на борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, на дальнейшее снижение младенческой смертности, развернуть в обществе пропаганду здорового образа жизни и бережного отношения к своему здоровью, к человеческой жизни вообще, то есть то, что, собственно, и было в основном сделано на Западе, что затем в теории народонаселения было названо «вторым демографическим переходом».

Бывший СССР, ставший заложником собственной идеологии и вынужденный выступать внешним донором по поддержанию социалистической системы и мирового военного паритета в целом, не смог сделать этого шага как сугубо из-за отсутствия необходимых для этого средств, так и сохраняя «призрачную» надежду, что демографические проблемы в социалистическом обществе разрешатся сами собой, стоит только еще более укрепить военную, а соответственно, и экономическую мощь социалистического содружества. При этом, что не менее важно, Россия оказалась еще и внутренним донором, поскольку единственная из бывших союзных республик только отчисляла средства в союзный бюджет, ничего не получая обратно, что лишь усугубляло ее дальнейшее демографическое развитие, которое, в свою очередь, все более и более препятствовало развитию экономическому.

Но означает ли данное ухудшение демографических показателей, что страна уже в 70-е годы вступила в демографический кризис, который лишь «слегка обострился» в 90-е годы, что главные причины резкого ухудшения демографической ситуации в середине 90-х

годов кроются лишь в советском прошлом? А ведь именно на этом акцентируют все свое внимание такие российские демографы, как Вишневский А.Г., Захаров С.В., Андреев Е.М. и некоторые другие, которые, например, свои доклады о сегодняшних проблемах смертности обязательно начинают с конца 60-х годов и лишь на второй, а чаще третий-четвертый план ставят «псевдодемократические преобразования» 90-х годов. При этом высказывается даже мнение, что реального повышения смертности в 90-е годы практически не было[14], а коэффициент младенческой смертности вообще стал ниже и собственно в демографическом плане в отношении смертности ничего неожиданного не произошло, да и вообще на фоне прошлого «потери последующего десятилетия не кажутся особенно большими». Между тем с 1999 года после двухлетнего небольшого снижения вновь стал расти общий коэффициент смертности: в 1999 году он составил 14,7‰, в 2000 году — 15,3‰ против 13,6‰ в 1998 году.

С другой стороны, Б.С. Хорев, А.И. Антонов и многие другие связывают современный демографический кризис в первую очередь со снижением рождаемости и разрушением семьи, обусловленных сугубо политическими и экономическими преобразованиями 90-х годов, считая, что столь пагубных демографических тенденций в мирное время в истории страны вообще не наблюдалось. Правда, при этом не всегда понятно, что же имеют в виду эти авторы, когда говорят о «глубоком демографическом кризисе» в России, обозначая его чаще всего термином «депопуляция» или иногда термином «демографическая катастрофа».

Подчеркнем при этом, что снижение рождаемости — это ведь не только уменьшение темпов роста населения или даже его естественная убыль, если имеет место превышение смертности. Это и главный фактор (а в России в настоящее время и единственный) демографического старения, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное население, которая, как правило, представляет собой отношение нетрудоспособного населения в возрасте 60 лет и старше к трудоспособному населению.

В настоящее время она превысила в странах Европы, в том числе и в России, 0,3 (то есть 300 нетрудоспособных пожилого возраста на 1000 трудоспособного населения). К 2030 году этот показатель прогнозируется до 0,6 и к 2050 году — до 0,8. И это уже сейчас становится огромной проблемой, которую еще не до конца осознали и которая потребует существенной перестройки всей социальной сферы, значительных финансовых ресурсов, неподъемных (при нынешней системе распределения материальных благ) в полной мере даже для развитых стран мира, не говоря о других государствах, в

том числе и России. В целом по миру к началу 2000 года общая численность лиц в возрасте 60 лет и старше составила около 600 млн человек, к 2050 году она прогнозируется в 2 млрд человек!

Что же все-таки представляет собой демографический кризис, означает ли он устойчивую депопуляцию (то есть нулевой или отрицательный естественный прирост), обусловленную в первую очередь снижением рождаемости, или это «ухудшение» всех демографических показателей, или это некие качественные изменения в населении, имеет ли он место в современной России и можно ли его рассматривать аналогично экономическому кризису как одной из циклических фаз производства?

Так, С.Захаров на начало 90-х годов насчитал девять демографических периодов (четыре в XIX веке и пять в XX веке), для которых было характерно значительное снижение темпов роста населения (в ряде случаев ниже нулевой отметки), что он и обозначает как демографические кризисы. Налицо неправомерное отождествление таких понятий, как «депопуляция» и «демографический кризис». При этом, естественно, и депопуляция, которая, на наш взгляд, представляет собой длительный процесс «нулевого» воспроизводства с переходом в отрицательный прирост населения, также трактуется не совсем верно, отсюда и выделение пяти далеко не равнозначных с демографической точки зрения периодов.

Как видно из рис. 3, до начала 90-х годов можно выделить лишь один период (1941—1945), когда имела место абсолютная убыль населения со значительной амплитудой падения. Причем падение затронуло и естественное, и миграционное движение населения. Но удивительного в этом падении ничего нет, поскольку оно связано с одной из самых кровопролитных войн в истории не только нашей страны, но и всего человечества.

«Удивительное» начинается с 1992 года, когда по нарастающей население России стало убывать, несмотря на значительный за 1992—2000 годы миграционный прирост (более 3,2 млн человек). При этом естественная убыль населения составила почти 7 млн человек, то есть около 60% естественной убыли военного времени 40-х годов, а 2000 год стал своего рода «рекордсменом» по этому показателю, достигнув почти миллиона человек (см. табл. 13). 2000 год и первые месяцы 2001 года показывают, что в XXI век Россия вступает с еще худшими показателями, которые, видимо, побьют все предыдущие «рекорды». Естественная убыль в 1999 и 2000 годах составила соответственно 934 тыс. и 958 тыс. против 207 тыс. в 1992 году. При этом устойчивая естественная убыль населения Российской Федерации произошла в подавляющем большинстве ее субъектов. Незначи-

тельный естественный прирост, как и в 1999 году, имел место только в 12 (из 89) регионах страны.

Другими словами, налицо серьезное ухудшение демографической ситуации, которое обозначается и как депопуляция, и как кризис, и как катастрофа. Соответственно и причины данного ухудшения прямо противоположные. Действительно ли Россия переживает, скажем, демографическую катастрофу, под которой мы понимаем убыль населения буквально за несколько лет более чем на 50% или вообще исчезновение этого населения? В истории развития населения мира такие прецеденты, к сожалению, имели место. Достаточно назвать «черную чуму» XIV века, которая буквально за пару лет унесла более половины населения Европы (около 25 млн человек) или полное исчезновение «цивилизации ацтеков», аборигенов Австралии и др.

Население России сократилось за 90-е годы примерно на 2%, против, скажем, 30% в Армении (а это один из наиболее низких показателей убытка населения среди бывших союзных республик).

Можно утверждать, таким образом, что и в Армении, и тем более в России, к счастью, пока говорить о демографической катастрофе преждевременно. Правда, в отличие от Армении, где убыль происходит за счет миграционного оттока, в России это результат, как мы уже отмечали, естественной убыли (см. рис. 3).

Другой не менее распространенный термин — это «депопуляция», под которой некоторые исследователи понимают, собственно говоря, отрицательный естественный прирост, что позволяет, например, А.Г. Вишневскому утверждать, что «с точки зрения демографической динамики, она (Германия. — *В. И.*) находится примерно в том же положении, что и Россия», забывая добавить при этом, что в Германии наблюдаемая с 1971 года естественная убыль населения измеряется вот уже много лет в сотых процента, в то время как в России на порядок выше.

На наш взгляд, депопуляция — это суженное воспроизводство населения, при котором каждое новое поколение не восполняет предыдущее. Это процесс, который может наблюдаться довольно длительное время и не обязательно сопровождаться отрицательным естественным приростом, а тем более абсолютной убылью населения. При том же коэффициенте суммарной рождаемости, составляющем в России в настоящее время 1,2 (для воспроизводства он должен превышать 2,15), возможен нулевой или даже небольшой рост населения, кстати, наблюдаемый в конце 90-х годах в уже упоминавшейся Германии — как результат низкой смертности и значительного миграционного притока. Заметим, что депопуляция непосредственно в России началась в конце 60-х годов и, соответ-

ственно, если утверждать, что Россия переживает именно это явление, естественно можно говорить о том, что основные причины современной ситуации в стране заключаются в первую очередь в советском прошлом...

В России же в 90-е годы сложилась ситуация военного времени 1941—1945 годов, когда впервые наблюдалась значительная абсолютная убыль населения (см. рис. 3). Именно резко нарастающая абсолютная убыль населения и является характерной, определяющей чертой такого понятия, как демографический кризис, под которым мы понимаем резкое ухудшение всех основных демографических процессов: быстрое снижение рождаемости, сокращение брачности и рост разводимости, снижение средней продолжительности жизни, резкий рост смертности, в первую очередь среди мужчин трудоспособного возраста, сохранение относительно высокой младенческой смертности, усиление эмиграции, приводящей, в частности, к «утечке умов», и как апогей — значительная абсолютная убыль населения и ухудшение качественных характеристик населения.

Такое понимание демографического кризиса, сопровождаемого кризисом семьи и проблемами старения населения, позволяет, к сожалению, констатировать, что с 1993 года Россия стала одной из немногих стран в мире, переживающей полномасштабный демографический кризис. И главная причина этого заключается не в «советском прошлом», как это пытаются доказать, например, демографы из Центра демографии и экологии человека, хотя и оно, несомненно, внесло с конца 60-х годов свою негативную лепту, а в политических и социально-экономических преобразованиях 90-х годов, в ходе которых про демографический фактор окончательно «забыли».

Каковы же перспективы, возможен ли уже в ближайшем будущем выход России из демографического кризиса или он завершится демографической катастрофой?

Вопрос чрезвычайно важен для страны, поскольку численность населения, ее рост был и остается для России одним из основных факторов ее развития. Ей всегда не хватало и сейчас не хватает населения для освоения всей огромной территории. Для тех же, кто не понимает его важности, как, например, В.А. Тишков, который пишет, что «одержимость обязательным ростом населения и страх перед “вымиранием” есть проявление отсталого сознания и плохого знания» (Независимая газета, 10.10.2000), остается лишь порекомендовать, если это вообще нужно, обратиться хотя бы к работе нашего великого соотечественника М.В. Ломоносова, о которой мы говорили выше.

Но прежде чем говорить о перспективах, скажем несколько

подробнее об одном, на наш взгляд, ошибочном утверждении, получающем все большее распространение, которое рассматривается чуть ли не как единственный путь выхода из демографического кризиса, переживаемого Россией. Речь идет об определяющей роли миграции в современном демографическом развитии. Действительно, и мы не раз уже об этом писали (в 1992, 1996, 1999-м и др.), международная миграция населения все более и более обусловливает демографическое развитие практически всех развитых стран, становится главной компонентой динамики численности населения этих государств и в обозримом будущем таковой и останется.

Вместе с тем уповать только на миграционный приток, что только миграция выведет нас из демографического кризиса, по крайней мере наивно. При всей значимости иммиграции как демографического процесса необходимо ясно представлять ее роль при той или иной демографической ситуации. Не останавливаясь подробно на этом важном вопросе, заметим лишь, что наш анализ показал: при нарастающем демографическом кризисе международная миграция не способна коренным образом изменить ситуацию, тем более в России с ее огромной территорией. Она может его сгладить, что само по себе, конечно, важно, смягчить отрицательные демографические последствия, в определенной мере решить отдельные региональные проблемы и локальные демографические задачи, но не более. Пример развитых стран убедительно показывает, что миграция может быть эффективным средством лишь в условиях депопуляции. Выход из демографического кризиса в России и ее дальнейшее поступательное развитие возможны только при комплексном подходе, а именно: стимулировании роста рождаемости или, по крайней мере, ее стабилизации, уменьшении смертности, привлечении мигрантов, рассмотрении жизни отдельного гражданина как самой главной ценности государства. В соответствии с этим и надо разрабатывать меры демографической политики в целом, и миграционной политики в частности.

Пока же практически все прогнозы (и отечественные, и зарубежные) конца 90-х годов предсказывают дальнейшую убыль российского населения, обусловленную сохранением естественной убыли и сокращением миграционного прироста, по отдельным оценкам, чуть ли не до 100 млн к 2050 году. Есть и еще более пессимистические варианты развития, к которым автор относится с большим недоверием. Тем не менее несомненно, что при сохранении современных демографических тенденций Россия неминуемо скатывается к демографической катастрофе, восстать после которой будет

(если это вообще возможно) чрезвычайно сложно, по крайней мере в современных территориальных границах.

Возможен ли другой, более благоприятный вариант развития? Да, возможен, но только в том случае, если общество в целом, его политические и административные руководители в особенности, наконец осознают первостепенность демографических проблем, первоочередность их решения исходя из стратегических интересов России в новом столетии, примут как аксиому необходимость демографической экспертизы при принятии любых проектов и программ, признают значимость и важность демографического образования на всех уровнях, от школьной скамьи до подготовки и переподготовки кадров, которые, прав был классик, решают все. И в этом плане обнадежило первое Послание президента В.В. Путина (2000 г.), в котором впервые в такого рода документах демографическая проблема была обозначена как приоритетная, где были замечательные слова: «Россия — это прежде всего люди, которые считают ее своим домом». Главное, надо было начать воплощать их в жизнь, как это сделал, став во главе государства, французский президент Шарль де Голль, взявший под личный контроль решение не менее сложных демографических проблем, переживавшихся его страной в середине XX века. Для России личный президентский контроль за решением приоритетных проблем (включая такие, как военная, наука и образование, здравоохранение) особенно значим и необходим. К сожалению, во втором своем Послании (2001) данная приоритетная проблема практически не нашла отражение, а за прошедший 2000 год демографическая ситуация лишь ухудшилась. В этих условиях приток наших соотечественников из-за рубежа, даже небольшой, как это имеет место из дальнего зарубежья, представляется чрезвычайно важным для развития России.

4.3.2. Возвращение в Россию из стран дальнего зарубежья: иммиграция, реэмиграция и репатриация

В отношениях с дальним зарубежьем современная Россия выступает больше как страна эмиграции, чем иммиграции (см. табл. 5). Хотя изначально именно **иммиграция** была определяющим миграционным процессом, поставляя России дополнительное население из Германии, Голландии, Кореи, Китая и других государств Запада и Востока.

Начало массовой иммиграции в России, в ее современном понимании, приходится на царствование Петра Великого, когда в

страну хлынул первый поток иммигрантов. Хотя и относительно небольшой, он представлял собой заметное явление, поскольку допускались в Россию главным образом военные специалисты, состоятельные деловые люди, ученые.

При Елизавете Петровне (1741—1761) усиливается стремление правительства к заселению южных пустынных окраин России иностранными колонистами. Но здесь акцент делается уже на крестьянские массы.

Более массовый же характер иммиграция в России приобретает во времена царствования Екатерины II (1762—1796), стремление которой к дальнейшему расширению империи неизбежно требовало роста населения. Не случайно в главах XII—XIII своего знаменитого «Наказа» (своеобразной программы нового царствования) она говорит о необходимости максимального размножения населения и колонизации пустынных пространств.

Принятые ею в 1762—1764 годах манифесты и были направлены на привлечение иностранцев на пустующие земли между Доном и Волгой. Для этих целей манифестом 1763 года в Санкт-Петербурге была создана специальная «Канцелярия Опекунства Иностранных» (по сути одна из первых в мире государственных служб по миграции), которой ежегодно выделялось до 200 тыс. рублей на оказание помощи иностранцам при их переселении в Россию.

При этом переселенцам гарантировались религиозные права, свобода от платежей податей на несколько лет, свобода от военной службы, невмешательство чиновников во внутренние дела колоний иммигрантов.

Эти манифесты через специальных посланников были обнародованы в Германии, где вызвали сильное движение среди бедной и неимущей части ее населения. Именно колонисты из Пфальца, Вюртемберга и ряда других немецких земель и составили подавляющее большинство среди иммигрантов, въехавших в Россию во второй половине XVIII века.

Только в 1764—1766 годах в Саратовской и Самарской губерниях было образовано 102 колонии с численностью около 50 тыс. человек. Всего же за время царствования Екатерины II только немцев переселилось в Россию более 300 тыс. человек.

В целом же, по данным десятой ревизии (1857), к этому времени в 12 губерниях, где селились иммигранты, только лиц мужского пола насчитывалось порядка 202 тыс., всех же колонистов — более 450 тыс. человек.

Надо подчеркнуть, что доля немецких колонистов и в дальнейшем оставалась довольно высокой. Например, с 1857 по 1890 год

чистая иммиграция в России составила около 300 тыс. человек. Из них 183 тыс., то есть более 60%, — немцы. Можно выделить также иммигрантов из Австро-Венгрии — 96 тыс. (32%), Румынии — 6 тыс. и Турции (в основном болгары и греки) — 5 тыс.

И в последующие годы иммиграция не только не уменьшается, но и еще более увеличивается. Так, с 1881 по 1903 год она составила более 830 тыс. человек. Заслуживает внимания резкое увеличение к концу этого периода иммиграции из Персии, доля которой достигла 28%, Турции — 9%, Китая — 4,5% и Кореи — 4%.

И хотя доля немцев снизилась чуть ли не вдвое (до 35%), их численность и в этот период осталась самой высокой. Заметим, что по первой и единственной Всероссийской переписи населения в 1897 году в стране насчитывалось уже 1,8 млн лиц немецкой национальности. Причем 77% из них приходилось на крестьян, которые играли немалую роль в российской экономике. Российские немцы, часть из которых приняла православие, вообще оставили заметный след в русской истории и культуре. Это Д.Фонвизин и А.Фет, К.Брюллов и И.Крузенштерн, П.Шмидт и Н.Бауман и многие, многие другие. Среди немецких иммигрантов и сейчас можно назвать немало имен, составляющих гордость нашей науки и культуры.

Немалый вклад в развитие сельского хозяйства Дальнего Востока внесли корейские и китайские иммигранты, хотя в целом значение иммиграции в освоении этого региона России было менее значительно, чем в центре.

Остановимся вкратце на иммиграции на Дальнем Востоке, на той самой «желтой опасности», о которой вновь заговорили в 90-е годы в связи с иммиграцией китайцев. Но исторически первыми были не столько китайцы, сколько корейцы, и именно они стали наиболее значимой группой, которая впоследствии стала неразрывной частью российского народа.

Заметим в связи с этой иммиграцией, что, по мнению такого авторитетного автора, как В.В. Граве, корейцы представляли «несомненно полезный элемент». «Оседание корейцев, — считал В.В. Граве, — и связанное с ним приведение в культурный вид глухих мест в тайге кроме пользы ничего принести не может, и если бы вовремя было обращено на это внимание, то, несомненно, Приамурье не представляло бы ныне во многих местах пустыню, а ряд оазисов, возделанных корейцами, вокруг бы которых селились наши колонисты».

Но надо сказать, что была и другая точка зрения, представители которой обращали внимание на «желтую опасность» в лице корей-

цев, японцев и китайцев. Лучше всего эту точку зрения выразил генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, который 8 марта 1908 года писал министру внутренних дел России: «Захват значительных площадей корейцами равносилен ослаблению нашего положения на берегах Тихого океана. Рассчитывать, что корейцы, даже перешедшие в наше подданство и принявшие православие, будут ассимилироваться с русским населением, нет никакого основания, так как опыт показал, что проживающие в Южно-Уссурийском крае уже 40 лет корейцы, за немногими исключениями, сохранили свою национальность в полной мере и остаются во всех отношениях чуждым нам народом.

Желтая опасность сильно грозит Приамурью, поэтому необходимо принимать против нее радикальные меры». И далее добавлял: «Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский».

Вместе с тем, несмотря на прямо противоположные мнения местных губернаторов и других представителей российской власти, был один общий момент, определяющий их политику в отношении корейцев и китайцев в целом, а именно: корейские переселенцы представляли собой самую дешевую рабочую силу для развития сельского хозяйства и всей экономической жизни Дальневосточного края. Однако в отличие от не менее дешевых китайцев и японцев, эмиграция корейцев в большей мере определялась их стремлением к постоянному жительству в России, к полной интеграции в российском обществе, и с этой точки зрения данная эмиграция была важным демографическим фактором для Дальневосточного края.

Мы привели прямо противоположные мнения о роли корейцев в России не только потому, что они представляют исторический интерес. К сожалению, многие вопросы, поставленные жизнью тогда, не были решены и позже, уже в годы Советской власти, а часть из них не снята с повестки дня и в современной России. Более того, как мы уже отметили, проблемы «желтой опасности» вновь начинают активно обсуждаться в российском обществе, в первую очередь в связи с наплывом, большей частью нелегальным, китайцев в Россию. И вновь, как и 120 лет назад, существуют прямо противоположные мнения по поводу китайской иммиграции. По мнению автора, лучшее решение «китайского вопроса» заключается в поощрении и развитии временной трудовой миграции китайцев под жестким государственным контролем. В противном случае уже через 50 лет мы будем действительно иметь в Сибири и на Дальнем Востоке «край возделанный», но только китайский, что станет потерей многих природных богатств, началом распада России в тех территориальных гра-

24 Заказ 2370

ницах, которые к настоящему времени еще сохранились. Другое неплохое решение «сибирского вопроса» — поощрение миграции русского населения как из стран ближнего, так и дальнего зарубежья. Например, тех же духоборов и старообрядцев из Канады.

Говоря об иммиграции, необходимо сказать, что наряду с положительными моментами имели место и некоторые негативные последствия массовой иммиграции. В частности, в 30-летний период после Петра I происходит «засилье» иностранных ученых. Так, в середине XVIII века из 107 членов Академии наук в Санкт-Петербурге лишь 34 были русскими. Вспомним в связи с этим яростную борьбу М.В. Ломоносова против иностранцев за утверждение в своем отечестве именно российских ученых, причем не обязательно русских по национальности, но обязательно русских по духу, душой болеющих за российскую науку, за благополучие России. Можно назвать и такой отрицательный момент, как то, что на рубеже XIX — XX веков сильный наплыв персов на юго-восток России и побережье Каспийского моря (более 170 тыс. человек), хотя и используемых в основном на черных работах, вел к понижению и без того низкой заработной платы, ухудшая тем самым условия рабочих, прибывающих туда из внутренних российских губерний. Аналогичное наблюдаем и на Дальнем Востоке, где китайцы получали значительно меньше русских рабочих, хотя и эта оплата была в 3,5 раза больше, нежели у них на родине, в Китае. Такая дешевизна труда китайцев, как и корейцев и японцев, вела к вытеснению российских рабочих из многих отраслей промышленности Дальнего Востока. А в конечном счете приводила к увеличению вывоза золота за рубеж. По оценкам, в конце XIX — начале XX веков за границу из этого региона России вывозилось иностранными рабочими по 6 млн рублей в год. Такое положение становилось возможным из-за утраты контроля со стороны государства за иммиграционными процессами.

При этом надо подчеркнуть важную особенность данной миграции, а именно ее временный трудовой характер. Можно вообще утверждать, что иммиграция в Россию в целом была обусловлена в основном экономическими причинами, хотя имели место и политические мотивы (болгарская эмиграция из Турции или поселения в России греков и сербов, служивших добровольцами в наших войсках во время Крымской войны).

В связи с последним целесообразно сказать еще об одной группе «поселенцев», сыгравших впоследствии довольно заметную роль в политической жизни России. Речь идет о лицах еврейской национальности, первоначально оказавшихся на территории Российской империи в значительном числе в результате трех разделов Польского

государства между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией и, наконец, «Венского Конгресса» (1815), в соответствии с которым «Царство Польское» полностью вошло в состав российской империи, а само польское государство прекратило свое существование более чем на 100 лет; на его территории к этому времени проживала большая часть мирового еврейского населения. Ведь еще в начале 1776 года в России насчитывалось всего 7 человек еврейской национальности (в то время как в Польше более 577 тыс.), что, в частности, было обусловлено очень строгими ограничениями в отношении еврейской иммиграции. Известны, например, слова императрицы Елизаветы: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли», которая таким образом пыталась оградить интересы русского капитала.

Численность евреев в России начинает возрастать во времена царствования Екатерины II, которая уже в 1791 году приняла указ, уравнивающий их в правах с купцами, ремесленниками и мещанами тех городов и местечек, в которых они проживали в момент, когда эти города и местечки, бывшие раньше польскими, стали российскими. Этому же способствовал и указ Александра I от 1804 года, в соответствии с которым «все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах». Не случайно уже к 1815 году общее число евреев — русских подданных составило около 1,2 млн человек.

По переписи 1897 года численность лиц еврейской национальности составила 5,1 млн человек. По данным известного еврейского демографа Я.Лещинского, в 1915 году их насчитывалось 5,5 млн человек, не считая тех, кто эмигрировал в Америку в конце XIX — начале XX столетий (свыше 1,5 млн — по тем же оценкам).

Наряду с поощрительными мерами с конца XVIII века все более начинают выступать запретительные акты против иммигрантов, которые зачастую были обусловлены политическими и военными соображениями, хотя экономический фактор все же, видимо, был преобладающим.

Так, уже в 1796 году, пытаясь предотвратить влияние Великой Французской революции, принимаются ограничительные меры в отношении иностранцев. Можно отметить указ Александра I от 1804 года, в соответствии с которым число иммигрантов-поселенцев ограничивалось до 200 семей в год. При этом предпочтение отдавалось крепким хозяевам. Для новых поселений был выделен Новороссийский край (Одесса, Феодосия и др.).

В 1871 году принимаются существенно новые правила об устройстве иностранцев, становившихся при въезде «поселянами-собственниками», поскольку с 1842 года их иммиграция происходит не на

казенные земли, как прежде, а на купленные ими земельные наделы. С 1874 года они начинают привлекаться к отбыванию воинской повинности, что, в частности, вызвало среди въехавших ранее иммигрантов определенный отток. Так, многие менониты, считающие использование оружия несогласным с их религиозными убеждениями, предпочли покинуть Россию, в которой они прожили уже свыше 100 лет.

1904—1916 годы — это время значительного сокращения иммиграции в Россию, что было обусловлено ухудшением политической и экономической ситуации, поражением в русско-японской войне, началом Первой мировой войны. В эти же годы принимаются и наиболее одиозные указы в отношении иностранцев. Так, в 1916 году издается закон против «немецкого засилья», в развитие которого было подготовлено изгнание из Поволжья всех немцев, намеченное на апрель 1917 года. Свержение монархии помешало осуществлению этого «грандиозного» акта.

Но то, что не успел царь Николай II, то, что отложил Керенский, с успехом осуществил в 1941 году Сталин, правда, с тем отличием, что выслал всех немцев не за пределы страны, а в казахстанские степи. И вновь, как на примере эмиграционных процессов, наблюдаем удивительные аналогии в действиях власть предержащих, несмотря на все их общественно-политические различия.

В целом же за рассматриваемый период чистая иммиграция в Россию составила около 4 млн человек и в демографическом отношении не оказала особо заметного влияния на численность населения страны, как это было, например, в США, куда за эти годы иммигрировало более 20 млн человек. Но для отдельных регионов России как в демографическом, так и в экономическом плане роль иммиграции оказалась довольно значительной, несмотря на все те минусы, о которых шла речь выше.

Говоря об адаптации иммигрантов в России, которой исторически была присуща многонациональная структура населения, можно отметить, что для простого русского народа, его лучших представителей интеллигенции всегда были характерны терпимость и уважение к другим народам, населяющим Россию. Не случайно уже в царствование Екатерины II получают распространение термины «российский народ», «российское общество», неотъемлемым элементом которых стали и иммигранты. И в первую очередь те из них, для которых Россия стала Отечеством, а служение ему — смыслом их жизни.

Позднее, уже в советское время, была предпринята попытка

трансформировать российское общество в новую социальную общность — «советский народ». Однако принимаемая, по существу, «снизу», эта попытка наталкивалась на декларации «сверху». И не здесь ли корень национальных раздоров, буквально захлестнувших бывший Союз? И не умышленная ли политика власть предержащих, как далекого и недалекого прошлого, так и настоящего, порождала и порождает национальный пожар, в котором, в конечном счете, неоднократно горели и сами его творцы?

Необходимо обратить внимание на то, что наряду с иммиграцией иностранных граждан с начала XX века получает развитие и **реэмиграция** российских граждан, главным образом русских. Так, только в 1908—1910 годах из США в Россию возвратились около 15 тыс. русских. По статистике США, которая начала регистрировать реэмиграцию по странам с 1908 года, в 1911—1920 годах число «русских реэмигрантов» (включая украинцев и белорусов) составило еще 69 тыс. В целом, по оценкам В.М. Кабузана, реэмиграция из США в Россию в XIX веке составила около 18% от общего числа российских эмигрантов в США. Определенная реэмиграция русских имела место и из других стран, куда мигрировали в этот период российские эмигранты.

В этот же период можно отметить и процесс репатриации российских граждан, который был обусловлен Первой мировой войной. По отдельным оценкам, к 1918 году в Россию было репатриировано 3,2 млн российских граждан, главным образом из числа российских военнопленных.

С 1917 года политические и идеологические мотивы занимают главенствующее место в иммиграционной политике. Уже в декабре 1917 года принимается первое иммиграционное постановление, резко ограничившее миграционный поток в Россию только политическими мигрантами. Надо сказать, что в первые годы Советской власти десятки тысяч иностранцев, истинно верящих в социалистическую идею, устремились в Россию. Причем их прием в советское подданство был максимально упрощен, вплоть до принятия в советское гражданство даже тех из них, кто еще находился за границей, но изъявил желание ехать в Россию. Предоставление всех политических прав российских граждан иностранцам-рабочим было зафиксировано и в первой советской конституции (1918).

С введением нэпа наряду с политическим начинает приниматься во внимание и экономический фактор. При этом больше руководствуются не классовой принадлежностью иммигрантов, а наличием у них соответствующих средств производства и капитала. В промышленность привлекаются иностранные специалисты, в ко-

торых Россия ощущала большую нехватку, в частности в связи с массовой эмиграцией своих специалистов в первые годы Советской власти.

Вновь возобновляется иммиграция корейцев, китайцев, в небольших размерах японцев и других на Дальний Восток и в Сибирь (соответственно 57,8%, 41,3%, 0,5%, 0,4%). В 1926 году здесь насчитывалось, например, уже более 169 тыс. корейцев — более чем вдвое больше, чем в 1917 году. Из них 20% к этому времени уже имели советское гражданство. В 1937 году большинство из корейцев были насильно переселены в Казахстан и Среднюю Азию. Не случайно из общего их числа — 439 тыс. — в 1989 году 183 тыс. проживали в Узбекистане, 103 тыс. — в Казахстане и всего 107 тыс. — в России, причем на Дальнем Востоке — лишь половина из них, многие без советского гражданства.

С началом коллективизации кратковременный экономический период иммиграции в Советскую Россию фактически заканчивается: на нет сходит иммиграция американских фермеров, значительно сокращается иммиграция специалистов в промышленность, от услуг которых совсем решили не отказываться, учитывая набирающую темпы индустриализацию. В начале 30-х годов полностью прекращается поток иммигрантов на Дальнем Востоке. Вновь во главу угла выдвигаются политические и идеологические мотивы. Так, согласно Положению о гражданстве от 13 июня 1930 года, убежище в СССР могли получить теперь только иностранцы, преследуемые исключительно «за революционно-освободительную деятельность».

В 20-е и 30-е годы имела место и относительно небольшая реэмиграция из числа эмигрантов «большой советской волны» 1917—1925 годов. Эту реэмиграцию можно разделить на две части. Первая часть — по численности очень небольшая (не более 300 человек), но очень значимая по социальному и профессиональному уровню. Среди наиболее известных людей можно назвать М.Горького, А.Толстого, А.И. Куприна, М.И. Цветаеву, А.Н. Вертинского, Л.П. Красавина, И.Л. Кондакова, Д.П. Мирского и др. Вторая часть, состоявшая из военнослужащих-крестьян и служащих среднего звена, «случайно» оказавшихся среди эмигрировавших из России, была значительно больше, достигая, по оценкам, до 32 тысяч человек.

В 1936—1939 годах получает развитие многотысячная иммиграция испанцев, спасающихся от фашистского режима. Позже, в конце 40-х — середине 50-х годов, в Союз въехали около 120 тыс. армян из Сирии, Ирана, Греции и др. (всего за годы Советской власти — более 170 тыс.), 70% из которых поселилось непосредственно в Армении. В 60-е годы, с приходом к власти в Греции

«черных полковников», десятки тысяч греков иммигрировали в СССР. Подобная иммиграция, но в меньших размерах имела место в последующие годы из других «горячих точек» планеты, например курдов из Ирана.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что часть из этих «политических иммигрантов» позднее, с приходом к власти в странах выезда демократических режимов, вернулись к себе на родину или, как армяне, выехали на Запад: во Францию, США, Австралию.

В целом за годы Советской власти чистая иммиграция в страну составила порядка миллиона человек.

На этот же период приходится и самая объемная репатриация, связанная с окончанием Второй мировой войны и особым Соглашением о репатриации советских граждан в СССР, которое было заключено между ним и его западными союзниками по антигитлеровской коалиции. В соответствии с этим соглашением все советские граждане, оказавшиеся за пределами СССР (за исключением жителей земель, присоединенных в 1939—1940 годах) в силу насильственного или добровольного выезда на работы в Германию, обязаны были быть репатриированы в СССР, даже против воли тех, кто не хотел возвращаться обратно. В результате репатриация советских граждан составила к началу 50-х годов около 4,5 млн человек. Можно отметить и небольшую реэмиграцию русских из Югославии численностью в 15 тыс. человек и несколько меньшую эмиграцию русских из Маньчжурии.

В 1981 году был принят новый закон о правовом положении иностранных граждан, который учитывал изменения, происшедшие в мире к этому времени, согласовывался с документами Хельсинского совещания 1975 года, и тем не менее, отвечая основным нормам международного права, он фактически не коснулся вопросов, например, индивидуальной трудовой миграции и в целом все-таки ориентировался на «закрытое» общество.

А вместе с тем уже в середине 70-х годов в страну хлынул поток трудовых мигрантов из Болгарии, Польши, Румынии и других бывших социалистических европейских стран. Позже к ним прибавились рабочие Кубы, Вьетнама, КНДР. Наконец, в самые последние годы появляются рабочие и специалисты из Китая, Турции, Австрии, Финляндии и других западных государств.

Всего на начало 90-х годов в стране насчитывалось более 200 тыс. иностранных рабочих и специалистов, причем значительная часть из них непосредственно в России.

С распадом СССР ситуация коренным образом изменяется, что было обусловлено и распадом социалистической системы в целом.

Практически прекращается миграция в Россию из бывших социалистических стран, зато резко возрастает иммиграция из так называемого ближнего зарубежья.

С 1992 года можно говорить об определенном росте иммиграции из стран дальнего зарубежья до уровня 3 тыс. человек в год (см. табл. 5), хотя есть и другие оценки, которые колеблются от 0,5 тыс. до 15 тыс. человек в год. Одна из особенностей этой иммиграции, видимо, состоит в том, что среди иммигрантов преобладают наши соотечественники, эмигрировавшие из бывшего СССР, кто добровольно, а кто и вынужденно, в 60-е — начале 90-х годов. И в этом случае правильнее говорить о реэмиграции, которая, на наш взгляд, несмотря на относительно небольшие масштабы по сравнению с миграцией из стран ближнего зарубежья, представляет огромную значимость для современной России. Например, в каких стоимостных единицах можно измерить духовное возрождение России, обусловленное возвращением на родину в 90-е годы А.Солженицына и А.Зиновьева, В.Войновича и М.Ростроповича, М.Назарова и Г.Владимова и других более или менее известных в России людей.

Многие ли знают о возвращении в Россию отца Александра Киселева, создавшего в 70-е годы в Нью-Йорке православный Свято-Серафимовский приход? После приезда в Россию он дарит знаменательную икону преподобного Серафима Саровского и весь иконостас Свято-Серафимовского храма университетской церкви Святой Татьяны (МГУ), а сам с женой поселяется в Донском монастыре, где и по сей день помогает духовному возрождению России. Но особенно удивительна судьба его сына — Алексея Киселева, отставного генерала армии США, выпускника Колумбийского университета, написавшего диссертацию о творчестве Андрея Платонова, воевавшего в 1992 году, как он говорит, за Россию в Приднестровье и в настоящее время переехавшего на постоянное жительство в Красноярск. Имея, в частности, отношения с русским Фондом им. И.В. Кулаева, находящегося в США, А.А. Киселев при поддержке этого фонда оказывает различную помощь нуждающимся людям, которых в России как никогда много.

И таких примеров, связанных с возвращением, с реэмиграцией наших соотечественников из стран дальнего зарубежья на историческую родину, могло бы быть несравнимо больше, если бы Россия наконец-то повернулась к ним приветливым и заинтересованным лицом; если бы была разработана четкая программа действий по их привлечению, по оказанию помощи желающим вернуться в Россию, желающим с ней сотрудничать и оказывать посильную помощь в ее духовном и экономическом возрождении.

4.3.3. Российская диаспора за рубежом: политика России и проблемы сотрудничества

Иммиграция в Россию российской диаспоры за рубежом представляется нам вполне реальной. И это не просто иммиграционный потенциал. Российская диаспора может быть серьезным политическим лобби по отстаиванию интересов России в мировом сообществе, стать важным инвестиционным партнером по развитию ее экономики, ориентируясь не столько на западные государственные кредиты, сколько на частные источники капитала. В этой связи привлечение российской зарубежной диаспоры к сотрудничеству с Россией представляется весьма полезным и значимым процессом для становления и развития независимой России.

Но для этого необходимо знать, что из себя представляет российская диаспора в количественном, социальном, этническом и политическом отношении, и в соответствии с этим строить свою политику по привлечению ее опыта и капиталов, непосредственно помогая «русским», желающим возвратиться на свою историческую родину.

Под диаспорой, как правило, понимается часть народа (этноса) или группы народов (например, российская диаспора), расселившихся вне страны происхождения. Впоследствии диаспора может формироваться как за счет дальнейшего миграционного притока (по экономическим, политическим, национальным и другим причинам), так и за счет естественного прироста непосредственно внутри самой диаспоры. Главными признаками, которые обусловливают существование той или иной диаспоры, на наш взгляд, являются знание родного языка, его изучение и сохранение для общения с соотечественниками и приобщения к культуре предков, стремление к объединению на основе самоопределения себя частичкой исторической родины (даже если и родился в другой стране или стране непосредственного проживания и являешься американцем, французом, австралийцем и др.), сопричастность ее проблемам и интересам.

Выделяют пять типов диаспор, складывающихся в результате: 1) гонений и насильственных действий в стране рождения (еврейская, армянская, ирландская, российская (включая русских) и некоторые другие); 2) колониальных передвижений (британская, немецкая, португальская, испанская, русская); 3) трудовой миграции (китайская, итальянская, индийская и др.); 4) профессиональной (бизнес, торговля) миграции (японская, китайская, ливийская и др.); 5) «культурной» миграции (латиноамериканская, индийская, китайская).

Наиболее многочисленной считалась китайская диаспора, насчитывающая, по разным оценкам, от 22 млн до более чем 40 млн человек.

После распада СССР одной из самых многочисленных диаспор, по нашему мнению, становится российская диаспора, величина которой на начало 90-х годов, по разным оценкам, превысила 60 млн человек, слагаясь из тех, кто остался проживать в странах ближнего зарубежья, и тех, кто эмигрировал на Запад, включая второе и последующие поколения эмигрантов.

Давайте задумаемся, дорогой читатель, над этой цифрой. 60 миллионов — это почти половина населения современной России, это почти столько, сколько будет жить в России, по ряду прогнозов, в середине XXI века, если негативные демографические тенденции не изменятся к лучшему, это по совокупности население всей Океании и Карибского региона, включающих 33 государства! Это поистине громадная величина, которая может быть в зависимости от политики государства как огромным плюсом, так и существенным минусом, причем как демографическим, так и экономическим (обусловленным, в частности, «утечкой умов»), а в определенном смысле и политическим (кто бы, например, считался с Китаем, не имей он более 1,3 млрд человек?). От того, как будет вести себя Россия в отношении этих миллионов потенциальных российских граждан, станет ли она действительно «собирателем русских людей», во многом, на наш взгляд, будет зависеть и ее возрождение, и ее развитие.

На момент распада СССР за пределами своих национально-государственных образований оказалось около 60 млн человек, из которых примерно 63% устремили свои взоры на Россию, рассматривая ее не только как главную правоприемницу бывшего СССР, но и как историческую родину, куда они могли бы вернуться и на помощь которой можно было бы рассчитывать, учитывая возрастающие давление и притеснение со стороны руководящих структур новых государств. Как отмечается в энциклопедическом словаре «Народонаселение» (1994. С. 414), можно было говорить о российской диаспоре в странах ближнего зарубежья примерно в 38 млн человек, которая включала в себя 25,3 млн этнических русских, 11,2 млн нерусского русскоязычного населения, а также около 1,5 млн представителей народов России, считающих родным язык своей национальности (татары, башкиры, удмурты и др.). На начало 2001 года около 10 млн из них уже вернулось в Россию (см. параграф 4. 3. 1), из которых более 7 млн составили русские. Таким образом, российская диаспора в странах ближнего зарубежья хотя и сократилась, но пред-

ставляет собой еще достаточно значительную величину в 28 млн человек.

Заметим, что подавляющее большинство как русского, так и русскоязычного населения в ближнем зарубежье сконцентрировано на Украине, в Казахстане, Белоруссии и Узбекистане, на которые изначально приходилось свыше 81% русского населения.

С другой стороны, в 90-е годы возросла российская диаспора в странах дальнего зарубежья, превысив, по ряду оценок, 22 млн человек. При этом вплоть до 1998 года рост имел место, как мы уже отмечали, в основном за счет эмиграции российских немцев, евреев, армян и др., часть из которых, эмигрировав вначале в Россию из стран ближнего зарубежья и не найдя в ней какой-либо поддержки, устремилась дальше на Запад, где их охотно приняли, в первую очередь в таких странах национальной принадлежности, как Германия и Израиль, а также в США и Канаде, на которые и приходится почти 2/3 всех наших соотечественников в дальнем зарубежье.

Хотелось бы подчеркнуть, что, на наш взгляд, рассчитывать на помощь относительно немалой части наших соотечественников из последней волны российских эмигрантов, которую М.Соколов справедливо обозначил «колбасной эмиграцией» (Огонек, 1999, № 40), видимо, не приходится. Вместе с тем, думается, что не они определяют ни количественно, ни качественно российскую диаспору в странах дальнего зарубежья.

В связи с последним особую значимость приобретает непосредственно русская диаспора, численность которой в странах дальнего зарубежья, правда, определить достаточно сложно, но необходимо. Отметим, что получает распространение точка зрения, которую недавно обозначил «дедушка русского диссидентства» (именно так его назвал корреспондент газеты «Время МН» — 3.02.2001) А.И. Гинзбург: «Сейчас начинается так называемая четвертая эмиграция, уже из России. Надо учесть, что у *эмиграции не бывает второго поколения*. Скажем, мои дети, приехавшие в Париж пяти и семи лет от роду, они уже не эмигранты, они *абсолютные французы*» (курсив наш. — *В.И.*).

Точка зрения спорная, с учетом того, что можно быть «абсолютным французом» или «абсолютным немцем», но в душе оставаться русским и быть сопричастным жизни и нуждам России, каковым стал «абсолютный американец», сын отца Александра, бывший американский генерал А.А. Киселев. Или каковой осталась гражданка Франции Татьяна Борисовна Маретт (в девичестве Фролова), ребенком эмигрировавшая вместе с отцом, российским инженером,

примкнувшим в 1920 году к отступающим врангелевцам. Автор, будучи в 1998 году на научном семинаре в Институте демографии парижской Сорбонны, посетил русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, где и познакомился с Татьяной Борисовной, являющейся негласной смотрительницей этого кладбища, знающей историю чуть ли не каждой могилы наших соотечественников, волею судьбы похороненных вдали от Родины на этом кладбище. На вопрос, что помогло ей сохранить такой хороший русский язык и такую сопричастность жизни в России, Татьяна Борисовна ответила: «В семье мы были воспитаны с чувством любви к России». Такое же отношение к России она привила и своей дочери, а сейчас стремится передать и внукам, которых у нее пятеро. Невольно возникает вывод о том, что «абсолютными французами» или «американцами» становятся те, у которых такого чувства нет. Нужны ли они России?..

И еще один пример. Автор оказался в 1997 году на одной из лекций, которые приехал читать на экономическом факультете МГУ известный французский экономист, профессор Сорбонны Михаил Андреевич Сологуб, внук писателя Бориса Зайцева, эмигрировавшего сразу после революции 1917 года, 120-летний юбилей которого отметили в 2001 году и в России. И одной из причин данного приезда в Москву профессора экономики в Сорбонне М.А. Сологуба стало желание помочь России.

Включать ли этих людей, а тем более их детей и внуков, в русскую диаспору? Вопрос, возможно, риторический, но он позволяет еще раз обратить внимание на одну характерную черту русских эмигрантов, в целом довольно подробно рассмотренных во втором и третьем разделах данной книги, а именно: сохранение на протяжении нескольких поколений «русского начала», неспособного «раствориться» в других этносах.

Прекрасной иллюстрацией этому могут быть и примеры, приведенные в появившихся в конце 80-х — в 90-е годы книгах, посвященных русской эмиграции[15]. Так, из работы «Путешествие в русскую Америку» можно узнать о Николае Александровиче Ильине и его дочери Марине — прямых потомках Баратынского, сохранивших не только русский язык, но и чувство сопричастности России. Как и о Толстовском центре, созданном русскими эмигрантами при активном участии дочери Л.Толстого Александры Львовны Толстой, изначальная цель которого и по сей день заключается в развитии и поддержке русской культуры за рубежом. И в этой же книге можно прочитать о трех поколениях «большой волны» русской эмиграции: Ростиславе Аркадьевиче Небольсине, его сыне

Аркадии и внуке Михаиле Хлебникове, прекрасно говорящих по-русски, считающих, как и многие другие российские эмигранты, что будущее России зависит исключительно от возрождения в ней Православия.

И как не восхититься самостийной стойкостью русских людей, которой так не хватает сейчас современной России, читая о русской крепости Форт-Росс в Калифорнии, появившейся там значительно раньше американских поселений и превратившейся в настоящее время в своеобразный музей русской национальной культуры. Но еще больше удивляешься, когда узнаешь, что поддерживается этот музей русской истории значительно более поздними поколениями русских эмигрантов, из детей, внуков и правнуков, таких, как профессор Николай Иванович Рокитянский, вместе с матерью переселившийся в 1935 году из Китая в Америку, Елизавета Николаевна Сидорова, дочь русского генерала и внучка губернатора Сибири, ребенком эмигрировавшая вместе с родителями из России, Марина Ильина, родившаяся уже в США, и др. Заметим, что русских только в районе Сан-Франциско насчитывается в настоящее время около 100 тыс. человек.

Не меньшего внимания заслуживают и многие русские, оказавшиеся в Австралии, кто сначала был вынужден эмигрировать в Китай, а затем, в 20—30-е годы (главным образом из Харбина) и уже в 50-е и 60-е годы, — из Китая в Австралию. Такие, как генерал В.Толстов, добравшийся до Брисбена и сохранивший все полковые знамена, священник Александр Шабашов, ставший в 1925 году первым православным священником в Австралии, С.Рождественский, автор известных рассказов-воспоминаний, бывший армейский священник Валентин Антониев, ставший в начале 60-х годов главой всей Русской Церкви в Квинсленде, священник Иннокентий Серышев, основатель и издатель журналов «Церковный колокол», «Путь эмигранта» и др., освещавших русскую жизнь в Австралии, Галина Кордина, автор книги «На Восток, на Запад и в никуда» (Richmond, 1987), посвященной послевоенной эмиграционной судьбе простой свердловской девочки, Сергей Костромитинов, очевидец российской и китайской революций, 16 лет проведший в китайской тюрьме в годы «культурной революции» и лишь в 1986 году в возрасте 77 лет сумевший выехать в Австралию.

Можно было бы продолжить этот список имен, который несомненно с полным правом представляет собой русскую диаспору, насчитывающую, по данным капитального энциклопедического словаря «Австралийский народ» (Sidney, 1988. P. 24) около 42 тыс. рус-

ских (на начало 2000 года численность русских в Австралии превысила 53 тыс.).

Для большинства из этих людей характерной чертой была и остается их сопричастность далекой России, постоянная дума о ней и надежда когда-нибудь вернуться, пусть даже после смерти, о чем проникновенно написала в своем стихотворении «Старушка у церкви» «русская австралийка» Клавдия Пестрово:

Всё тут не по-нашему —
Ветры не прохладные,
Полыхают жгучие,
Сникла вся трава!

Прогневили Господа,
Наша жизнь неладная, —
И трясется старая
Горько голова.

Скоро, скоро старенькой
Примет Бог моления.
Ветер переменится,
И приснится ей:

Словно там, под Пензою,
В тихом дуновении
Ветви закачалися
Липовых аллей.

Неоднократно мы отмечали, что Русская Православная Церковь в Австралии и Новой Зеландии, в США и Канаде, во Франции и Северной Африке и других странах и регионах мира, куда забросила судьба русского человека, была и остается тем ядром, вокруг которого, как правило, концентрируется русская иммиграция. Именно при церквах изначально создавались клубы и различные общества, объединяющие, как правило, разрозненные группы русских иммигрантов. Именно Церковь остается главным связующим звеном между русской диаспорой, сложившейся в дальнем зарубежье, и современной Россией, несмотря на то, что последняя волна русской эмиграции больше состоит из атеистов, чем из верующих, включая и таких, кто по паспорту являясь «абсолютным» русским, по сути таковым может и не быть, как не имеют национальности преступники всех мастей и фашисты.

Интересен пример Новой Зеландии, где 90% новозеландских рус-

ских иммигрировали в страну в конце 90-х годов XX века, а первые русские иммигранты появились в ней в начале XX века. И именно они возвели храм Спаса Христа Русской Зарубежной Православной Церкви, укрепив таким образом православную веру в Новой Зеландии, являющуюся объединяющим началом русской общины в этой стране. По сей день работает воскресная школа при Православной Церкви, основными предметами которой для детей от 5 до 12 лет являются русский язык, Закон Божий, рисование и хоровое пение. Отвечая на запросы последней волны российских эмигрантов, в 1995 году было создано Русское общество Новой Зеландии (президент Сергей Пермитин), основной задачей которого стала организация помощи русскоязычному населению Новой Зеландии в решении социальных проблем, их юридическая поддержка.

Конечно, можно быть русским по национальности, но, выехав из России за рубеж, клеветать на нее, предавать и продавать ее, как это сделали уже советский генерал Кулагин и ему подобные. И как поступать со статистикой «русской диаспоры» или «русских по происхождению» в таком случае? Последний термин появился в США в период маккартизма, когда часть русских, опасаясь, с одной стороны, подозрений в симпатиях к советской власти, а с другой — в сотрудничестве с немцами во время войны, предпочла называть себя не русскими, а «кем угодно», но с русской родословной. Не случайно статистическая численность «русских» в США сократилась с 1 млн человек в 1930 году до 780 тыс. в 1959 году, хотя известно, что после войны достаточно большое число русских въехало в США, где, собственно, и сформировалась самая крупная русская диаспора дальнего зарубежья, в настоящее время оцениваемая в 3 млн человек (из 7 млн россиян в целом).

Сложность в определении общей численности русской диаспоры заключается и в том, что изначально все эмигрирующие из России, а затем из СССР причисляются к русским*, как на Руси времен Алексея Михайловича и Петра I все иностранцы назывались немцами. Да и сейчас зачастую многие российские иммигранты в странах дальнего зарубежья рассматриваются как «русские». Показательна в этом плане книга Г.Свирского «Прорыв. В России — евреи. В Израиле — русские» (М., 1992). Как, собственно, и интернетовский сайт «Русский Сиэтл» (http://www.russianseattle.com), выделяющий 166 русских общин, включая 58 в США, 30 в Израиле, 20 в Канаде, 11

* В пореформенный период существовало и такое понимание «русских», включающее три восточнославянских этноса: великороссы, малороссы и белорусы.

в Германии, 8 в Австралии и Новой Зеландии и т.д., многие из которых к русскому этносу имеют очень отдаленное отношение.

Тем не менее, несмотря на все сложности, в целом с учетом всех волн эмиграции и естественного среди них роста можно, привлекая и отечественные, и зарубежные источники, с учетом изменений, произошедших в последние 15 лет, оценить численность «русской диаспоры» в странах дальнего зарубежья на начало 2001 году примерно в 5 млн человек (заметим, что до конца XIX века этнические русские проживали, как отмечает В.М. Кабузан в своей книге «Русские в мире» (СПб., 1996. С.30), «исключительно на территории Российской империи»).

С учетом русских в странах ближнего зарубежья, число которых сократилось к началу 2001 года до 18 млн человек, общая численность этнических русских, проживающих вне России, составляет в настоящее время примерно 23 млн человек, что составляет 19% от русского населения России (против 3% китайской диаспоры по отношению к населению Китая).

Может ли помочь эта диаспора возрождению России — духовному, демографическому, политическому, выходу из экономического тупика, в который она все больше и больше втягивается, и какова должна быть политика России по отношению к своим соотечественникам (конечно, не только к русским, но и ко всем другим, переживающим за Россию), проживающим в настоящее время за рубежом?

Может ли помочь? Да, может, как помогла китайская диаспора возродиться Китаю буквально за 15 лет из ситуации не менее сложной, а скорее даже худшей, чем в современной России! Но для этого понадобился такой руководитель, как Дэн Сяопин, провозгласивший, что любой китаец, независимо от места его проживания, должен рассматриваться как гражданин Великого Китая, в связи с чем было принято специальное постановление и разработана конкретная программа по сотрудничеству с зарубежными китайцами, гарантирована их безопасность. Что, собственно, и дало толчок притоку в Китай частных китайских капиталов из-за рубежа, и это наряду с другими факторами позволило возродить китайскую промышленность, накормить более чем миллиардное население, стать важным экспортером отдельных видов своей легкой промышленности и продовольствия. При этом Китай не ставил задачи по привлечению зарубежных китайцев на постоянное жительство к себе, учитывая и без того огромную численность населения в стране.

Перед Россией между тем наряду с экономической стоит и эта задача, учитывая продолжающийся вот уже 10 лет демографичес-

кий кризис, одна из причин которого обусловлена специфической ситуацией, связанной с появлением так называемого ближнего зарубежья.

Что же представляла политика государства в отношении зарубежных соотечественников в эти годы, насколько она встраивалась в федеральную миграционную политику, насколько изменилось отношение российского общества к эмигрантам разных волн эмиграции?

Надо подчеркнуть, что и в царской России, и особенно в Советской России отношение к эмигрантам всегда было настороженным и даже враждебным, а сама политика в области эмиграции была явно запретительной вплоть до 1987 года, когда было принято специальное постановление правительства, упрощающее процедуру выезда из страны. Именно с этого времени резко возрастает эмиграция, которая принимает «законный» характер с принятием в мае 1991 года первого в истории страны Закона «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР».

После распада Союза в России 12 августа 1993 года был принят свой Закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию граждан Российской Федерации», мало чем отличающийся от союзного закона. Подчеркнем, что ни о каких соотечественниках в этих законах даже не упоминается.

С распадом Союза в миграционных процессах на первый план выдвигаются проблемы «советских» беженцев, а вместе с ними возникает и вопрос о российских соотечественниках, оказавшихся в ближнем зарубежье, а заодно вспомнили и о соотечественниках в дальнем зарубежье.

Но лишь в августе 1994 года правительство России принимает первое и пока единственное Постановление «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом» и приложение к нему — «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». И хотя в этих документах впервые на повестку политической жизни ставится вопрос о поддержке всех соотечественников за рубежом, включая и дальнее зарубежье, все сводится в конечном счете к «содействию по добровольной интеграции российских соотечественников из ближнего зарубежья в политическую, социальную и экономическую жизнь новых независимых государств», а также к мерам по «предотвращению их массового исхода» из этих государств.

В соответствии с Указом Президента России от 9 августа 1994 года за № 1668 «О Федеральной миграционной программе», а также в соответствии с изменениями, внесенными Указом Президента

25 Заказ 2370

Российской Федерации от 13 июня 1996 г. за № 881, правительство России утверждает 3 августа 1996 г. уточненную Федеральную миграционную программу, которая объявляется механизмом реализации государственной миграционной политики, концепция которой между тем не принята до сих пор, несмотря на обсуждения уже пяти вариантов этой концепции, в которых автор принимал непосредственное участие в качестве одного из экспертов.

В этом же году 15 августа был принят новый федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а несколько раньше были приняты законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах».

26 февраля 1997 года принимается Постановление правительства о «Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996—2000 годов», в которой 5-й раздел («Миграционная политика») как бы обозначил стратегические вопросы миграционной политики государства на ближайшие годы.

10 ноября 1997 года правительством России принимается новое Постановление «О Федеральной миграционной программе на 1998—2000 годы».

30 июня 1998 года Постановлением правительства Российской Федерации за № 678 было принято «Положение о Правительственной комиссии по миграционной политике», главной целью которого, была заявлена «координация деятельности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации единой государственной политики».

Наконец, 15 февраля 2001 года правительство России утверждает очередное Постановление «Об основных направлениях миграционной политики и задачах правительства Российской Федерации по ее реализации в 2001 году».

За эти же годы были приняты и другие постановления, указы и поправки к законам, была образована (1992) Федеральная миграционная служба РФ, которая после не очень-то плодотворной работы в 2000 году была расформирована, а ее аппарат практически целиком влился в Министерство по делам Федерации, миграционной и национальной политики, заключены двусторонние и многосторонние соглашения по вопросам миграции и др.

Думаю, что больше ни в одной стране мира за относительно короткое время не было принято столько правительственных документов по миграции населения, как в России. И тем не менее миграционную политику в целом, если вообще можно говорить о какой-либо политике, я бы охарактеризовал как «пассивную и декларативную»: по сути дела ни одна программа, не говоря сейчас об их

не очень-то и грамотном содержании, так и не была претворена в жизнь хотя бы наполовину; до сих пор не разобрались даже с понятийным аппаратом по основным группам мигрантов, а концепция самой миграционной политики, как уже отмечалось выше, все обсуждается и обсуждается, сохраняя все принципиальные ошибки предыдущих вариантов.

Утомив читателя перечислением данных правительственных документов, хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что практически во всех этих программах ни слова не говорится о русской (российской) диаспоре в странах дальнего зарубежья, о ее поддержке и развитии конструктивных с ней взаимоотношений, да и о соотечественниках из ближнего зарубежья говорится в основном лишь в контексте вынужденной миграции (беженцев и вынужденных переселенцев).

Как расценить действия руководства страны, когда в ноябре 2000 года, будучи с визитом в Париже, новый президент России В.В. Путин посетил русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где произнес замечательные слова: «Россиянам необходимо собраться вокруг своей Родины». А уже накануне (точнее — с 1 октября 2000 года), согласно «методическим рекомендациям» МВД России у переселенцев с советским паспортом перестали принимать документы на регистрацию по месту жительства, что автоматически вело к отказу в получении российского гражданства. Последующие два события — выход России из Бишкекского соглашения о безвизовом пространстве и прекращение с 31 января 2001 года упрощенного порядка приобретения российского гражданства — окончательно перечеркнули и без того призрачные надежды наших соотечественников на возращение в Россию, поскольку теперь любой из них, будь он даже до последнего колена русский, выехавший из России, скажем, в конце 80-х годов, возвращаясь в Россию, предстает иностранцем со всеми вытекающими из этого статуса последствиями и необходимыми условиями пребывания.

Так помогут ли России подобные действия «собрать россиян»? И без того пассивная и непоследовательная политика 90-х годов значительно ограничила возвращение русских из ближнего зарубежья в Россию, новые же действия и вовсе затормозят это миграционное движение.

Заметим, что именно слабая деятельность государственных структур, в первую очередь ФМС (что и стало отчасти причиной ее ликвидации, хотя, на наш взгляд, такая служба жизненно необходима для России), дала толчок к формированию мощного движения неправительственных организаций по работе с соотечественниками из

ближнего зарубежья, многие из которых, в частности, объединились в так называемый «Форум переселенческих организаций», учрежденный в апреле 1996 года и объединивший более 125 переселенческих неправительственных организаций (его председателем была избрана Л.И. Графова). Среди последних можно назвать такие НПО, как «Возвращение» (г. Смоленск), «Отчизна» (Липецкая обл.), «Переселенец» (Ленинградская обл.), «Репатриация» (Калужская обл.), фонд «Соотечественники» (Ярославская обл.), «Мемориал» (Москва) и многие другие.

Их объединяет стремление помочь процессу возвращения в Россию российских соотечественников, оказавшихся в странах ближнего зарубежья, и главное — защитить их права и достоинство, причем как в России, так и непосредственно в странах СНГ и Балтии.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что успешное решение проблем, связанных с соотечественниками, проживающими вне России, независимо от того, желают они вернуться или нет, невозможно без непосредственного участия государства и соответствующих его министерств и ведомств. НПО могут и должны играть очень важную роль, но без государственной поддержки, без соответствующей государственной политики, только силами общественных организаций решение проблем соотечественников невозможно.

Тем более это невозможно в отношении соотечественников из дальнего зарубежья. Как в силу их особого положения, так и по причине отсутствия каких-либо собственно неправительственных организаций, занимающихся вопросами россиян, проживающих в странах дальнего зарубежья. В связи с последним представляется чрезвычайно важным учреждение в конце 2000 года «Попечительства о нуждах российских репатриантов» (учредители: Союз писателей России, Российское дворянское собрание и Международный Фонд славянской письменности и культуры). На сегодняшний момент это единственная неправительственная организация, поставившая перед собой задачу по организации помощи в возращении на историческую Родину соотечественников, проживающих в дальнем зарубежье и рассматривающих возможности возвращения или желающих более тесно сотрудничать с Россией, помогая ей своими знаниями, капиталами, политическим влиянием.

Со всей очевидностью возникает извечный русский вопрос: «Что делать?» Продолжить явно неэффективный правительственный курс и тем самым окончательно отвергнуть от России миллионы ее соотечественников? Что Россия в лице бывшего СССР уже однажды

прошла, когда сразу после смерти Сталина и XX съезда партии многие ее соотечественники потянулись к ней в надежде вернуться или, по крайней мере, получить возможность въезда в СССР для общения с родными и друзьями, для установления деловых контактов. Бывший СССР повернулся к ним спиной, продолжая рассматривать своих эмигрантов «нежелательными элементами», не захотел протянуть им руку друга и партнера и тем самым нажил себе дополнительных недругов, лишившись если не экономической, то огромной политической поддержки, обострив и без того набирающую темпы «холодную войну».

Думается, не стоит дважды наступать на «исторические грабли». Тем более что Россия находится и в экономическом, и в демографическом плане в очень плачевном состоянии и любая доброжелательная помощь со стороны зарубежных соотечественников была бы очень полезной. Но чтобы привлечь этих людей, привлечь их знания и капиталы, их духовность и политический вес для возрождения сильной, экономически и политически независимой России, необходимо коренным образом изменить свое отношение к ним, признать их неотделимой и равноправной частью России, признать свои ошибки и несправедливость прошлых лет.

И первое, что нужно было бы сделать, это не усложнять, а, наоборот, максимально упростить процедуру получения российского гражданства *российскими соотечественниками*, узаконив элемент двойного гражданства. Последнее, в частности, особенно важно для тех, кто не собирается переезжать в Россию, но готов сотрудничать и представлять интересы России в странах своего постоянного проживания.

Надо вообще подчеркнуть, что ожидать массового возвращения русских соотечественников из стран дальнего зарубежья, какой бы благоприятной ни была для этого политика, на взгляд автора, не следует. Но это не означает, что такая политика не должна проводиться. Даже небольшой поток этих людей, в большинстве своем глубоко православных, благоприятно скажется на духовном возрождении России, что само по себе станет важной предпосылкой и для демографического, и для экономического ее развития. При этом хотелось бы поддержать В.Христенко, вице-премьера Правительства РФ, председателя Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, отметившего 23 января на первом в 2001 году заседании этой комиссии, что «настала пора перестать делить людей на проживающих в ближнем и дальнем зарубежье. Ведь и те и другие — наши соотечественники».

Такой подход очень важен для понимания единства русской (рос-

сийской) диаспоры за рубежом, ее экономических и демографических потенциальных возможностей. В частности, пора перестать рассматривать ближнее зарубежье лишь как потенциал вынужденной миграции. Уже сейчас, например, в Литве 90% предпринимателей, связанных с высокими технологиями, являются русскими; по странам Балтии в целом они представляют 50% среднего и крупного бизнеса; русские предприниматели в Кишиневе контролируют 80% частного капитала. Это уже неплохой экономический задел для взаимовыгодного сотрудничества.

Можно продолжать описание факторов и аргументов, свидетельствующих о чрезвычайной важности понимания и учета во внешней и внутренней политике России проблем соотечественников, связанных с русской (российской) диаспорой за рубежом. Можно еще и еще раз указать на незыблемую истину об определяющей роли национального самосознания населения страны в вопросах ее духовного и экономического возрождения. Но все эти слова останутся в воздухе или на бумаге, если не будут осуществлены незамедлительные действия со стороны государственных структур, при поддержке неправительственных общественных организаций и научных сообществ, по разработке программ сотрудничества с соотечественниками, проживающими за пределами России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Башкирова Г., Васильев Г.* Путешествие в русскую Америку. М., 1990.С. 7
2. *Арутюнян Ю.В.* и др. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 96—97.
3. *Стокер П.* Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы. М.: Academia, 1996. С. 315.
4. См., например: *Ионцев В.А.* Мировые миграции. М., 1992; *Ионцев В.А., Каменский А.Н.* Россия и международная миграция населения... М., 1998; *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999; *Красинец Е.С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М., 1997; *Ушкалов И.Г., Иванов С.* Эмиграция: взгляд с Востока на Запад. М., 1991; *Castles S., Miller M.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London, 1998; *Zlotnik H.* International Migration 1965—1996: an overview// Population and Development Review. Vol. 24, № 3, 1998 и др.
5. Население и кризисы. Вып. 2. М., 1996. С. 30.
6. *Obolensky-Ossinsky V.V.* Emigration from and Immigration into Russia// Demographic Monographs. Vol. 8. International Migration. Ed by W.F.Willcox. N.Y., 1969. P. 523.
7. «Emigration from and Immigration into Russia» By *Obolensky-Ossinsky V.V.* Demographic Monographs. Vol. 7. By Wakter F. Willcox. International Migrations. N.Y.—London—Paris. 1969. P. 268.

8. Рассчитано по: Демографический ежегодник России. М., 1996. С. 486—489; Социально-экономическое положение в России. 1996. М., 1997.

9. *Кабузан В.* Русские в мире. СПб., 1996. С. 320.

10. *Переведенцев В.* Рынок труда и миграция населения // Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 47.

11. Данные Госкомстата РФ.

12. *Simon J.L.* The Economic Consequences of Immigration. Blackwell, 1989. P. 309.

13. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. М., 1986. Т. 2. С. 131.

14. Население России. 1999 / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2000. С. 166—168.

15. *Башкирова Г., Васильев Г.* Путешествие в русскую Америку. М., 1990; *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний: Русские в австралийской истории. М., 1991; *Андриянов В., Москаленко А.* Полынь чужбины. М., 1987; *Коваленко Ю.* Москва — Париж. Очерки о русской эмиграции. М., 1991; *Медведев Ф.* После России. М., 1992; Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999 и др.

Заключительное слово

Один из самых глубоких русских мыслителей в эмиграции, Петр Струве писал: «России нужно возрождение, а не реставрация. Возрождение всеобъемлющее, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности и в то же время свободное от духа или духов корысти и мести».

Познакомившись с книгой, читатель имел возможность еще раз переосмыслить тему духовного возрождения России, заново дать оценку проблемам эмиграции и репатриации и их роли в судьбе России, может быть, соотнести их со своей судьбой, дать новые оценки уже известным событиям.

Много фактов говорят о том, что сейчас на глубинном уровне идет процесс переосмысления российской действительности, возвращения России к ее историческим традициям, укрепления российской государственности. Сейчас в разных слоях общества зреет осознание духовной связи всех россиян независимо от места их проживания. Опыт прошлых десятилетий научил, что каждый эмигрант, покинувший страну, на чужбине обретает обостренное чувство понимания Родины. Страна, на протяжении семидесяти лет строившаяся по «великому коммунистическому проекту», извергла из своего лона миллионы своих сыновей и дочерей. Но сейчас, возрождаясь, Россия начинает ценить память о прошлом, тянется к тем, кто является ее частью, кто не терял с ней духовного родства, переживал за ее судьбу и старался мысленно или практически не разрывать с ней связи.

Русское Зарубежье на протяжении десятилетий накопило большой духовный и практический опыт, который сейчас так нужен стране. Православная Церковь За Рубежом, бережно сохранившая и пронесшая через два-три поколения лучшие русские традиции, может дать России тот источник духовного опыта, который не прерывался, но постоянно углублялся и обогащался и который, несомненно, мог бы помочь стране в укреплении ее духовных начал. Многие русские люди на протяжении коммунистического лихолетья поддерживали себя верой, опорой на духовные традиции. В эмиграции этот процесс был основой жизни, проходил явно и открыто. В России, где исповедание веры было под неофициальным запретом, миллионы людей в повседневной жизни, часто того не замечая, руководствовались христианскими принципами, опираясь на духовные заветы, оставленные им предками. Сейчас, когда в последнее десятилетие Россия прошла искушение новейшими приманками материализма, в стране зреет глубокий внутренний сдвиг в направлении укрепления исконных духовных традиций.

Внутри страны за последнее десятилетие в результате духовного самостояния сформировалось определенное ядро людей, сохранивших верность этим традициям. Они не всегда объединены, но сознательно и в результате долгой и серьезной внутренней работы пришли к убеждению о своей приверженности к русскому духовному и историческому наследию. Эмиграция, поскольку ей приходилось это делать десятилетиями, несет в себе ту духовную энергию, которая, несомненно, могла бы катализировать «потенциальное» духовное начало современного российского общества. Мы уверены, что существующие несогласия между Церковью на Родине и Русской Зарубежной Церковью будут разрешены, когда будут найдены точки приложения общих усилий.

Возвращение в Россию эмигрантов, обладающих духовным потенциалом, сохранивших православную традицию, хорошо осознающих задачи российской государственности, внесет неоценимый вклад в укрепление того народного ядра, которое сможет способствовать возрождению страны. Огромный опыт, накопленный эмиграцией, хорошо знающей искушения и положительные черты западного мира, поможет взглянуть на любые вызовы Запада трезво, положительно и реалистично, чего, признаться, часто недоставало либеральной части наших политиков и бизнесменов, особенно в период их «очарования» Западом.

Многое в плане научного и технического творчества могла бы дать России наша эмиграция. За последние десятилетия много ученых, врачей, технических специалистов покинуло страну в поисках заработка и лучших условий работы. Поработав за рубежом, добившись признания и материального достатка, без сомнения, большинство живет мыслями о Родине, чувствует с ней неразрывную связь, переосмысливает очень многое в своей судьбе, подумывает о возвращении и не знает, нужны ли они своей стране, как она их примет. Чувство Родины обостряется с каждым годом.

Сейчас Россия учится ценить каждого своего соотечественника. Огромные возможности страны, даже в условиях экономических и прочих свобод, остаются до конца не реализованы. Кого же призвать, пригласить для большой творческой работы на благо Отечества, как не соотечественников! В стране формируется представление об общности судьбы русского народа. В Думе, правительстве и среди общественности, заинтересованно мыслящей о судьбах страны, вызревает понимание ценности личности каждого гражданина страны. Эти мысли находят свое выражение в печати, на конференциях, семинарах. В правительстве с участием авторитетных ученых проводится разработка программы по привлечению и, что важно, помощи в обустройстве соотечественников, возвращающихся на Родину. В

настоящий момент завершается подготовка программы оказания помощи проживающим в бывших советских республиках. Также ведется подготовка программы для соотечественников из дальнего Зарубежья. Для оказания помощи тем, кто возвращается или собирается возвратиться на Родину, организуются комиссии, инициативные группы, формируются фонды и благотворительные организации. Россия в первую очередь нуждается в обновлении законодательства по вопросам эмиграции и репатриации.

Без сомнения, огромный потенциал российской диаспоры за рубежом мог бы быть задействован в реализации этих проектов. Многие эмигранты желают пользы и блага России, они готовы наладить полезные для нее связи. Для научно-технического сотрудничества были бы важны инновационные центры, где эмигранты могли бы предложить свои идеи, прикладные разработки. Именно эмигранты, при действующих эффективно механизмах внедрения, могли бы проявить свою деловую хватку, здоровый практицизм, опыт, накопленный за рубежом.

Что касается потенциала Русского Зарубежья в области гуманитарных наук и практических исследований в этой области, он мог бы найти свое применение в создании центров, нацеленных на его теоретическое освоение и использование в реальных целях развития политической, экономической и духовной жизни страны.

Сейчас в России проходят процессы, нацеленные на укрепление государственности, отказа от заемных, а иногда и навязанных моделей, что выражается в конкретных шагах и действиях руководства страны. На этом фоне процесс собирания соотечественников, привлечения своих духовно и нравственно близких сограждан вполне понятен и органичен. Некоторые выберут возвращение на Родину, а кто-то сможет поддерживать с ней плодотворные и тесные отношения. Скажем еще раз, что в России вызывает озабоченность судьба соотечественников, понимание исторической и духовной связи с ними, желание укрепить эту связь и облечь ее в реальные, конкретные действия.

В настоящее время назрели проблемы, которые можно и нужно решать на федеральном уровне. В их числе:

— создание Центра правовой помощи российским соотечественникам за рубежом;

— организация Центра гуманитарного и делового сотрудничества;

— увеличение средств на программы поддержки соотечественников за рубежом;

— обозначение приоритетности в деятельности российских дипломатических представительств по поддержке соотечественников;

— упорядочение законодательства в части создания условий для более активной и действенной помощи соотечественникам.

Необходимо создание государственного органа по делам соотечественников за рубежом.

И в заключение еще раз хочется повторить слова, которые уже приводились в одной из глав этой книги, написанной Н.М. Лебедевой: «Источник самоуважения нации не в сомнамбулических заклинаниях типа "мы — великий народ с великим прошлым", а в способности здесь и теперь разделить повседневные тяготы тех, кто попал в беду (а мог попасть каждый из нас), заразиться их волей к победе созидания над хаосом и развалом и всем вместе расчищать наши многолетние житейские и духовные завалы. Главное богатство России — не нефть и газ, а люди, главная энергия возрождения страны — это любовь людей к своей родине и желание сделать ее самой лучшей в мире (опять-таки в нашем понимании) страной.

И здесь пора перестать быть так беспечно расточительными. Огромный духовный, культурный, интеллектуальный потенциал, так необходимый сейчас в России, — это Русское Зарубежье, его патриотическая часть, которой не безразлична судьба России, которая хочет и может послужить ее возрождению, восстановлению ее духовного и национального величия. Это люди, несомненно, сильные, талантливые, умеющие работать, взявшие у Запада его деловитость и рациональность, это люди, добившиеся многого в странах эмиграции. Известно, что необходимость войти, укорениться, стать своим, уважаемым, в чужой среде мобилизует все внутренние силы и скрытые возможности людей, заставляя их работать в эмиграции буквально "на пределе". Не все это выдерживают, но те, кто выдерживает, добиваются многого даже по сравнению с коренным населением этой страны.

Вместе с тем это люди, искренне и бескорыстно любящие Россию. Они не будут ее грабить ради личной наживы — все потребное для жизни у них есть. Они не будут соблазняться "чечевичной похлебкой" добровольного западного рабства — они знают цену первородству. России как воздух нужны такие люди, особенно во власти, потому что власть для них — крест и служение, ответственность за которое они несут перед Богом, а не семейная кормушка и не сублимация комплексов маленького советского человека».

Конечно, процесс настоящего сближения Русского Зарубежья с Родиной станет глубоким и плодотворным только в том случае, если он будет идти с обеих сторон, но первое слово в этом вопросе должна сказать Россия, позвав на Родину своих отторгнутых или отторгшихся СЫНОВЕЙ и ДОЧЕРЕЙ.

В.В. ХОЛИН

Краткий обзор происхождения Русского государства

Первыми обитателями южнорусских степей, о которых имеются определенные письменные свидетельства, были **скифы** (приблизительно VII век до Р.Х.). По сути, скифы были прародителями коренного населения Руси, которое сформировалось в результате многовекового смешения других народов и племен. Греки называли *скифами* туземцев — «варваров», населявших области к северу от Черного моря. Греческий историк Геродот (V век до Р.Х.) повествует, что скифы занимали территорию от устья Истры (Дуная) вверх по Днепру и Дону, далеко на север и восток от Черного моря. Эти племена лингвистически принадлежали к **иранским** народам, но по быту стояли ближе к **турко-монголам.**

Скифы были выходцами из числа **арийских** народов, которые, согласно Священному Писанию, произошли от одного из колен племени **Иафета**, сына Ноя. Это колено, поселившееся в верховьях рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья за несколько тысячелетий до Рождества Христова, дало начало многим другим племенам Малой Азии, Персии и Италии, а также народам: **германским, романским** и **славянским.** *Арийцы*, или *арии*, на санскритском языке, на котором они разговаривали, означало «почетные», «превосходные». Действительно, арии из всех народов — обитателей земли того времени выделялись как своей силой, ростом, стройностью и красотой, так и благородством своих душевных качеств.

Арии стремились к оседлой жизни: строили дома, занимались землепашеством и животноводством. Распространяясь к западу, арии жестоко подавляли туземные племена, сливаясь с ними, и, будучи **полигамами**, образовывали новые народы. По-видимому, движение ариев на запад происходило волнами. Наиболее ранняя волна распространения ариев породила **германские** и **романские** племена, которые заселили Западную Европу, северное побережье Средиземного моря и Нормандию (Скандинавию). Более поздняя волна продвижения ариев на запад породила **славянские** племена. Эта волна докатилась до северных склонов Карпатских гор, которые считаются эпицентром зарождения славянских народностей. Очевидно, к этому времени иранская ветвь ариев значительно смешалась с тюрко-монгольской ветвью и другим народами, образовав новые племена, которые и стали прародителями СЛАВЯН. Славянские племена, расходясь в разные стороны, образовывали новые народы: на юге — **балканские славяне**; на западе — **чехи**, **моравы** и **поляки**; на востоке — **русские славяне**.

Волны ассимиляции ариев на север и запад, достигнув определенного предела, откатывалась обратно на юг и восток. Так, греки, продвигаясь на восток, заселяли северное побережье Черного моря, образуя смешанные «еллино-скифские» поселения. В **Понтикапее** (нынешняя Керчь) даже возникло значительное государство, называемое **Боспорским** (по имени Боспорского пролива). Нашествие германских племен **готов** в III по Р.Х. также произошло с запада. Восточная ветвь славян пришла в Россию тоже с запада, образовав к VII—IX векам по Р.Х. поселения славянских народов: **поляне** на Среднем Днепре; **северяне** — на р. Десне; **древляне** и **дреговичи** — на р. Сож; **кривичи** — в верховьях Днепра, Волги и Западной Двины; **словене** — на о. Ильмень. Начиная с VI века по Р.Х. в Россию с севера, из Скандинавии, стали проникать **норманны,** или **варяги**, оказавшие наиболее сильное влияние на становление российской государственности. К 700 году они обосновались вокруг Ярославля, Ростова и Суздаля. Около 750 года они проникли в Южную Россию, где смешались с коренным населением и славянизировались.

Волны нашествий и миграций с Запада чередовались с вторжением на территорию России племен и народов с востока. Так, в начале IV века до Р.Х. на скифов стал оказывать давление один из народов иранской группы — **сарматы**. Наиболее могущественным племенем среди сарматов были **аланы**. Многие из первых славянских князей носили аланские имена. Ведущий клан аланов назывался РУКС — «блистательный», от которого, вероятно, произошли названия РОС или РУС (позже *Русь, Россия, русские*). В III веке по Р.Х. (375 год) тюркско-монгольская орда **гуннов** разгромила Готское царство Германиха (Эрманариха), оттеснив готов на запад. В V веке гунны продвинулись еще более на запад, обосновавшись в Паннонии (нынешней Венгрии). По смерти наиболее известного лидера гуннов Аттилы (вторая половина V века) империя гуннов быстро распалась. Остатки гуннов отступили в область Азова, где они были известны как племя **болгар**. Около 560 года с востока произошло нашествие тюркско-монгольских племен **аваров**, первоначально обитавших в Алтайском регионе и впоследствии претерпевших влияние со стороны турецких племен. Власть аваров в конце века сменилась властью **угров** (или венгров), племен монгольского корня. Угры после некоторых передвижений в Южной России заняли территорию нынешней Венгрии, а на смену им пришли **хазары**. Хазары происходили от смешения турок с кавказскими аборигенами. Хазарское государство было образовано со столицей в городе Тархи на Волге. Первенствующим сословием Хазарского государства были **иудеи**. Однако движение народов с востока не остановилось и после образования Хазарской державы. За **хазарами** в южнорусских степях появились новые азиатские народы тюркско-татарского происхождения: это были **печенеги**, **торки**, **половцы** и позднее, в XIII веке, **татары**.

Таким образом, славянские племена относятся к арийской группе народов. От них произошли русские, поляки, сербы и болгары. Славянские племена считаются близкими германским и литовским племенам. Распространение и ассимиляция славянских племен происходила в направлении от верховьев рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья на север и запад.

Наиболее вероятное происхождение названия народа СЛАВЯНЕ от слова СЛОВО. По-видимому, славяне называли себя СЛОВАМИ, что значит «понимающие друг друга». В отличие от этого **немыми,** или **немцами,** славяне называли тех, кого они не понимали.

На протяжении почти целого тысячелетия южные степи нынешней России были предметом спора пришлых племен: готы сменялись гуннами, гунны — аварами, авары — уграми и хазарами, а в дальнейшем хазары — печенегами, печенеги — половцами, половцы — татарами. Древнейшее население южнорусских степей, подобно океанскому рифу, Коренное население России (**скифы — славяне**) подвергались, влиянию волн ассимиляции с запада (арийская ветвь) и востока (тюркская ветвь), сформировав в результате **русский народ**, ставший на протяжении последующих веков звеном, одновременно связывающим и разделяющим Запад и Восток (Европу и Азию).

Принято считать, что первоначальное название РУСЬ произошло от названия варяжского племени русь, выходцами из которого были три брата: **Рюрик**, **Трувор** и **Синеус**, приглашенные в 862 году по Р.Х. править северными племенами славян. Однако упоминание о **россах** встречается и раньше, в частности, в описании переговоров русского кагана с Константинополем в 838 году и неудачного набега славян — россов — на Царьград в 860 году по Р.Х. Известно, что греки и арабы под россами понимали славянские племена, населявшие области, прилегающие к северным областям Черного и Каспийского морей, и не отождествляли их с **варягами**, живущими на побережье Балтийского (Варяжского) моря. Таким образом, имеет место историческое противоречие, которое может быть разрешено версией о том, что варяги, проникнув с севера в Южную Россию, смешались с руссами и приняли там их имя, которое сохранили за собой после их изгнания из России и возвращения в Скандинавию.

Краткий исторический обзор деятельности политических организаций первой волны эмиграции*

Центром политической жизни русской эмиграции в 20-е годы был Париж, где находились многие ее учреждения и проживало несколько десятков тысяч эмигрантов. Значительными центрами «расселения» русских являлись также Берлин, Прага, Белград, София, Рига, Гельсингфорс, Харбин.

Многие годы те, кто попал в эмиграцию, считали, что борьба с большевизмом окончательно не проиграна. Они «оставили Крым не с тем, чтобы жить за пределами своего отечества, как эмиграция. Они хотели оставаться русскими, вернуться в Россию и служить только России. Они уходили со своими учреждениями учебными и санитарными, со своим духовенством, наконец, со своим флотом и со своей военной организацией»[1]. И практически с первых дней эмиграции продолжилась борьба против большевиков. Более того, многие из оказавшихся за границей после Гражданской войны влились в уже существующие организации и союзы.

Крупнейшей из них была правая монархическая группа, созданная после революции в России в 1917 г. и возглавляемая членом Государственной Думы Марковым-2. Со временем пересмотрев свой прежний состав, укрепив его новыми, более решительными кадрами (в основном из офицерства), группа активно работала как в Центральной России, так и на Украине во времена гетмана Скоропадского. В Центральной России работой руководил непосредственно Марков-2, находившийся до 1919 г. в Петрограде, на Украине — Соколов-Баранский, прибывший туда совместно с полковниками Хомутовым и Пантелеевым в июле 1918 года.

В мае 1920 г. основное ядро группы Маркова в составе Соколова-Баранского, Римского-Корсакова, Эвальда, Андреевского, князя Давлет-Кильдеева, Миклашевского, генерала Арсеньева, Штейна, князя Ухтомского и причастных к группе, но не входивших в ее состав Штабе, Линка, госпожи Зандерсон прибыло из Ревеля в Германию. К прибывшим присоединились ранее находившиеся в Берлине сочлены: Тальберг, Хомутов, Потоцкий Б., Арсеньев Б., Безак, Ватацци, Воронцов-Вельяминов, фон Ден, князь Долгоруков, Найдгардт и Бибиков.

С этого периода начинается активная работа по объединению

* Приложение подготовлено доктором исторических наук А.В. Окороковым.

вокруг себя всех монархических организаций и лиц, устанавливается связь с единомышленниками на Балканах, во Франции, Венгрии, Крыму, Константинополе и окраинных государствах, налаживаются контакты с аналогичными германскими партиями и их руководителями: графом Ревентло, графом Вейстарпом, генералом Людендорфом, Гофманом, графом Гольцем и др.

Для расширения своей сети группа создает новые партии и союзы монархического направления. Так, например, организуется **Русское Общественное Собрание** во главе с сенатором А.А. Римским-Корсаковым, **Союз Офицеров бывшей Российской Армии и Флота** под председательством генерала Арсеньева при ближайшем участии полковников Сергеева, Штейна, Бибикова и др. Союз становится скрытым военным отделом группы Маркова и **Союза Верных**. Возникает **Великорусский Национальный Центр**, в совете которого большинство членов группы Маркова: Соколов-Баранский, Римский-Корсаков, Воронцов-Вельяминов, Андреевский, Арсеньев Б. и др. Великорусский Национальный Центр ведет свою работу практически до зимы 1920 года — до того времени, когда возникает **Берлинское Монархическое Объединение**, в президиум которого попадает большинство членов группы Маркова и Союза Верных.

Активными членами **Союза Верных** являлись полковник Сергеев — руководитель военной части Союза в Латвии и председатель Союза офицеров бывшей Северо-Западной армии; полковник князь Андронников — председатель побочной организации Союза — Офицерского общества в Сербии; П.В. Скаржинский, ротмистр Казем-Бек, являвшиеся членами Совета официальных русских учреждений в Сербии: Русской военной миссии, Миссии Красного Креста и Комитета о беженцах. В тесном контакте с гражданской и военной частью Союза Верных работали генерал Батюшин, являвшийся председателем Всероссийской земской общины, и А.А. Катенин, ведший работу Союза в Риме, в папских кругах. Огромное влияние в организации имели члены Тайного верха Союза Верных князь А.Ширинский-Шихматов и принц Ольденбургский. Большим доверием у французов пользовался князь Ливен, занимавшийся налаживанием связей с германскими правыми кругами. Для этой цели в сентябре 1920 года он вместе с членом Союза полковником Кохом выезжал в Берлин. В этом же направлении работал и представитель Берлинского центра Тальберг П.Д., присутствовавший в конце сентября этого же года на съезде германских монархистов в Мюнхене, где обсуждались вопросы координации действий организаций[2].

Крупным событием в русском монархическом движении, имевшим большое значение в его дальнейшем развитии как за границей, так и в России, стал *Русский съезд промышленного восстановления России* (Рейхенгалльский съезд), который проходил с 29 мая по 6 июня 1921 г. в Рейхенгалле.

На съезде присутствовало 100 делегатов из разных стран, включая Россию. Средства на организацию съезда были даны со стороны сочувствующих ему германских правых баварских кругов, представленных обществом «Ауфбау» в лице Шейбнера-Рихтера и Амманц.

Программа съезда и принятые им резолюции были опубликованы в газете «Двуглавый орел» № 9 и 10.

Высший Монархический Совет (ВМС)

Реальным и самым важным результатом съезда стало избрание *Высшего Монархического Совета* как постоянного руководящего органа с неограниченными полномочиями, которому подчинялись все монархические организации. В состав ВМС были избраны: Марков Н.Е. — председатель, князь Ширинский-Шихматов А.А., Масленников А.М., барон Таубе М.А., митр. Антоний, митр. Евлогий — заместитель. Правителем дел Совета был избран Тальберг, а постоянным местопребыванием Совета — Берлин. Печатным органом ВМС стал еженедельник под названием «Высший Монархический Совет».

К этому времени еще не угасла надежда на «новый крестовый поход против большевизма». Предпринимались попытки создания новых Белых армий, велись переговоры с правительствами заинтересованных в этой борьбе стран. Так, например, в апреле 1921 г. генерал Глазенап обратился к правительству Французской республики с просьбой оказать поддержку в организации полицейской армии из бывших врангелевских частей. Проектом, являвшимся фактически планом российских германофильских кругов в Берлине, предусматривалось создание 15-тысячного кавалерийского корпуса на территории Венгрии и его вторжение в Галицию в направлении на Киев—Москву, используя внутренние восстания[3]. О переговорах по этому вопросу сообщалось в письме № 1675 французского военного атташе в Будапеште генерала Ж. Хамелена в военное министерство Франции от 13 января 1921 г. В нем отмечалось: «Русский генерал де Глазенап из армии Юденича около двух месяцев находится в Будапеште. Вместе с князем Львом Урусовым он очень суетится в венгерских и союзнических кругах, стараясь добиться создания в Венгрии 15-тысячного кавалерийского корпуса. Отказавшись сначала от встречи с ними из-за недоверия, которое они мне внушают, я согласился на это только после совета нашего поверенного в делах в Венгрии и из желания прояснить их ситуацию здесь и их цели.

Генерал считает, что в связи с ближайшим наступлением красных армий нужно срочно направить всю энергию и все имеющиеся силы против большевиков. Он сражался в течение трех лет вместе с белыми. Они готовы возобновить борьбу, но у них нет больше веры в генералов Деникина, Врангеля и т.д. Им нужен новый человек. И он ручается, что может сгруппировать 15 тысяч кавалеристов, с которыми он уже сражался и которые получили убежище в Сербии, Берлине,

26 Заказ 2370

Польше, в частности, из контингентов армии Пермикина, созданием которых он руководил и которые сейчас разоружены и интернированы в Галиции. Он выбрал именно Венгрию для создания кавалерийского корпуса благодаря ресурсам страны и возможности нахождения там необходимого количества лошадей. Он хвастается, что, остановив продвижение большевиков в Карпатах, он пойдет на Москву со своей кавалерией при поддержке крестьян тех территорий, которые он будет пересекать»[4]. Однако генерал Глазенап, согласно протоколу пленарного заседания конференции дипломатических представителей, верховных комиссаров и генералов союзных держав (29.01.1921, Будапешт), не смог предоставить «достаточных доказательств обоснованности подобного проекта», и было принято решение, «что представители проинформируют свои правительства о письме генерала Глазенапа без оказания поддержки его просьбы»[5].

С аналогичным проектом выступил и барон Таубе. В начале 1921 г. в Берлине им был основан **Русский Национальный Комитет**, в который вошли около 60 членов различных правых партий и партии кадет. Он же пытался создать в Европе обширную организацию, объединившую бы все антибольшевистские силы для свержения советской власти с помощью одновременных акций: восстания внутри России и военной интервенции. Однако и эти попытки оказались безуспешными в большей степени из-за недоверия к Таубе, занимавшемуся, по словам фон Лампе, «политическими спекуляциями» и вместе с генералом Глазенапом и князем Л.Урусовым пропагандировавшему мысль, что армия генерала Врангеля не существует[6].

«Русская Акция»

Сначала *«Русская Акция»* была частной инициативой эмигрантских кругов, а с осени 1921 года, после съезда Русских академических организаций за границей (Прага), перешла непосредственно под контроль Чехословацкого правительства. Под покровительством Министерства иностранных дел проф. А.С. Ломшакову и его сотрудникам, из которых наиболее деятельными были инженеры Н.М. Леонтьев и Кобеляч, удалось провести значительные кредиты, дававшие возможность устроить судьбу 60 профессоров и ученых и около 1000 студентов. О цели «Русской Акции» высказался на открытии съезда Русских академических организаций за границей председатель Совета министров Чехословакии Бенеш. Он сказал: «Для нас всех ясно, что будущность русского народа покоится в руках молодежи. Это элемент, который имеет для вас наибольшее значение, и забота о его образовании и воспитании является в то же время наиболее необходимой работой в интересах всего русского народа. Когда мы ставили себе вопрос, каким образом мы могли бы лучше всего помочь русской эмиграции, то только что высказан-

ные мысли именно и привели нас к решению призвать в наши высшие и средние учебные заведения насколько возможно большее количество русской молодежи, чтобы дать ей возможность продолжить свое учение. Мы убеждены, что эта мера, которая встретила живое понимание у всего чехословацкого народа и которой мы уделяем наибольшую заботу и внимание, увенчается добрым успехом и принесет желательные плоды».

После приезда в Чехословакию, получения права на жительство и стипендии (иждивения) кандидаты в студенты оставались в Праге или посылались в Брно (как исключение — в Пшибрам, где находилась Горная академия) для поступления в одно из высших учебных заведений. В этих городах были отделения Комитета по обеспечению образования русских студентов.

Студент, получивший стипендию, получал через Комитет от правительства помощь — денежную (на полном иждивении — 330 чешских крон), натуральную (одежда, обувь, белье), академическую (оплата обучения, экзаменов, практических работ, экскурсий и т.п.) и при необходимости — медицинскую.

* * *

К 1922 году русские войска были приняты в основном Югославией и Болгарией. Русские воины брались за самые тяжелые работы и выполняли ее с принципиальной добросовестностью. Е.Тарусский, автор «Монмартрского шофера», писал: «Русский человек готов был работать через силу, чтобы только не услышать замечания. Эта черта русских, конечно, была замечена работодателями, и русская рабочая сила сразу же стала высоко котироваться на рабочем рынке». Но «нигде русские офицеры-рабочие не поглощались общей массой. Они образовывали как бы русские колонии при заводах. В их среде были широко развиты правила взаимной выручки и поддержки». Они жили как бы двойной жизнью: днем тяжелая работа, а после нее они снова становились мичманами, капитанами, генералами. И если русский офицер «мог влачить с великим моральным и физическим напряжением свою первую жизнь, то только потому, что эти силы ему давала его вторая жизнь»; «только мысль о том, что эта бессрочная каторга кончится в момент освобождения Отечества, — только эта мысль поддерживала и давала все новые силы русскому офицеру»[7].

Несколько тысяч человек поступили во французский Иностранный легион, став его наиболее «дисциплинированной и боеспособной и наиболее ценимой частью»[8]. По словам Е.Тарусского, «не страх голода и холода толкал их туда. Голода и холода русский офицер не боялся. Но зато он боялся нищеты и “дна”. Голод и холод в рядах полка, в траншеях и походах его не страшили, голод и холод на дне, среди человеческих подонков его ужасали»[9].

Русские легионеры воевали в Сирии и Ливане, Марокко и Индо-Китае. Бывших белых воинов в легионе привлекали не только возможность как-то устроить свою жизнь на чужбине, но и психологический климат, сложившийся в нем. Еще в середине XIX века в легионе стал складываться особый стиль взаимоотношений между офицерами и солдатами. Авторитет офицеров базировался не на происхождении, а на реальном боевом опыте. Офицеры делили со своими подчиненными все тяготы полевой жизни, отчего в легионе возникал особый дух боевого братства, столь близкий русскому офицерству. Кроме того, в него принимали людей, не «заглядывая» в их документы и не интересуясь их прошлым[10]. Это давало возможность многим русским эмигрантам, не желающим «запятнать» свои имена службой в иностранной армии, поступать в Иностранный легион под видом немцев, чехов и т.д. По признанию иностранцев, с пополнением состава легиона русскими офицерами изменился и его «духовный лик»: «Места авантюристов и жизненных неудачников заняли настоящие воины, искавшие только чести, хотя бы и под чужими знаменами»[11].

Однако служба в Иностранном легионе не была легкой. Так, в одном из писем капитан Архипов, уже повоевавший в составе легиона, отмечал: «Отношение настолько хамское, что едва хватает сил удержаться. Кормят настолько скверно, что даже вспоминаю Галлиполи. В последних боях погибло очень много русских»[12]. Аналогичное мнение о службе в легионе высказывает и другой русский офицер — Николай Матин, завербовавшийся в легион в декабре 1920 г. и прослуживший в кавалерийском полку в Алжире, Тунисе и Сирии более шести лет. По его словам, сторожевая служба, которую пришлось нести в Африке, на границе с Триполитанией, в условиях жаркого климата, вызывала среди завербованных в легион казаков массовое дезертирство. Так, группа легионеров, в составе которой был Матин, применив оружие против гумов — арабов, находившихся на службе во французской полевой жандармерии, захватила баркас и пыталась бежать морем. Баркас сел на мель, а беглецы схвачены и приговорены к каторжным работам. Сам Матин, отбыв десять месяцев на свинцовых рудниках, в декабре 1923 года был освобожден по амнистии и вновь отправлен в легион. Участвуя в боевых действиях против друзов в Сирии, Матин был тяжело ранен. Его освободили по болезни от службы, и он смог возвратиться во Францию, имея пенсию в 44 франка. «Все мною пережитое за это время, — писал Матин в своих воспоминаниях, — настолько озлобило меня, что я решил ни в коем случае не оставаться во Франции, а уехать»[13].

Основной политический водораздел в эмиграции можно провести между теми, кто отвергал в революции только Октябрьский переворот, принимая Февраль, и теми, кто видел катастрофу уже в

Феврале. Отсутствие единства в этом вопросе сказалось уже в Белом движении, в немалой степени предопределив его поражение[14]. Продолжалось оно и в эмиграции, что породило множество различных групп, действующих с единой целью — освобождения России от большевизма, но с разными политическими устремлениями и методами борьбы.

В начале 1930-х годов положение эмигрантов сильно осложнилось, что было связано с изменением политической ситуации. Так, принятие СССР в Лигу Наций (1934) дало ему возможность саботировать меры помощи эмиграции и значительно влиять на положение в других странах, которые к этому времени почти все установили дипломатические отношения с Советским Союзом. Так, например, в Праге (после подписания в 1935 г. Францией и Чехословакией договоров о взаимопомощи с СССР) стали запрещаться собрания эмигрантов, ранее не встречавшие никаких препятствий, а сами эмигранты были взяты под особый контроль. В Париже эмигрантским газетам, в первую очередь «За Россию» и «Возрождение», было категорически предложено «умерить нападки на Москву». В прибалтийских странах было закрыто много русских школ и стала проводиться жесткая политика ассимиляции русских. Еще в более насильственных формах дискриминация происходила в Польше и Румынии. В ряде стран усилились репрессии по отношению к Православной Церкви. Так, в Польше только за один месяц 1938 года было разрушено 114 храмов; разрушения сопровождались поруганием святынь, насилием и арестами священников и прихожан[15]. К этому добавилась причина экономическая — всеобщая депрессия. В результате умножились высылки русских эмигрантов и лишение их прав. Так, в 1936 г. по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии был арестован сотрудник парижской газеты «Возрождение» Н.Н. Алексеев. Был вынужден перебраться из Парижа в Брюссель и редактор «Часового» В.Орехов. В апреле 1938 года из Франции, согласно постановлению правительства Л.Блюма, без объяснения причин были высланы несколько «нежелательных лиц». В их числе были генералы Туркул, Кусонский, Шатилов, Кочкин, капитан Ларионов, журналист Б.А. Суворин, ротмистр А.Н. Баранов. Первым демонстративно покинул страну генерал Туркул. На его проводы собрались все правые организации и органы печати Парижа. Лишь младороссы и «Последние новости» приветствовали его высылку.

* * *

Среди наиболее активных политических эмигрантских партий и организаций следует отметить: **Братство Русской Правды** (БРП) — возникшую в среде РОВС военно-политическую организацию генерала А.В. Туркула, **Национально-Трудовой Союз Нового Поколения**

(НТСНП), **Движение штабс-капитанов** И.Л. Солоневича, **Российский Имперский Союз** (РИС), многочисленные «пореволюционные» движения, ориентировавшиеся в 1930-х годах на различные идеологические модели фашизма и национал-социализма. Эти партии и движения в большей степени оказали влияние на формирование мировоззрения части русской эмиграции. Они в первую очередь призывали эмиграцию к выполнению нравственного долга по отношению к Отечеству, оказывали посильную помощь тем силам на родине, которые сопротивлялись коммунистическому эксперименту. Не будь людей, сплотившихся в эти организации и союзы, ни о какой миссии белых эмигрантов говорить было бы невозможно. Все духовное и культурное служение белой эмиграции, действительно спасшей — частью для будущей России, частью для истории — останки великого русского наследия, было бы внутренне невозможным, не будь у нее оправдания перед историей в лице тех «непримиримых», которые продолжали драться за Россию.

Союз Верных

Союз Верных был образован в 1919 году на основе *Монархического блока,* объединившего в 1918 году *Северную* и *Южную монархические группы*. Фактически Союз руководился «марковцами», но функционировал вполне самостоятельно, имея свои определенные цели и задачи. Южная группа Союза Верных базировалась главным образом на украинских «хлеборобах». Видными деятелями юга, имевшими влияние в массах и в то же время бывшими членами Союза Верных, являлись: в Одессе — бывший городской голова и председатель Союза русского народа Б.А. Пеликан, директор гимназии Родзевич; в Харькове — Е.Е. Котов-Коношенко, крупный хлебороб Мацко; в Полтаве — Петр Кочубей; в Киеве — А.Гижицкий, председатель «Двуглавого орла» Разметальский, генерал Захаришевич, Г.О. Недзельницкий, А.А. Пилецкий, Б.Ф. Григоренко, Ф.Н. Безак, К.И. Щегловитов. Эти лица стояли и во главе «хлебородческого движения» на Украине. Позже значительная часть членов Южной группы выехала в Германию, где вошла в тесный контакт с русскими и германскими правыми кругами, приняв активное участие в капповском путче (Безак, Соколов, князь Касаткин-Ростовский и другие).

После путча, скомпрометировав себя в глазах германского правительства, группа вынуждена была перенести свою работу в Мюнхен, так же как и германские правые организации.

К этому моменту в Берлине сконцентрировалось значительное количество членов Союза, в основном из Северной группы, что привело к созданию двух центров — в Мюнхене и Берлине. Были определены и сферы влияния. Мюнхенская группа, как бывшая Южная, продолжила свою работу по делам Украины. Связь с Кры-

мом осуществлялась через бывшего жандармского генерала Комиссарова, ротмистра Бобошко, поручика Эдихорс Павлика, с Украиной — от Котова-Коношенко через Гижицкого, находившегося в Праге.

Основной целью Мюнхенского центра к 1920 году являлся захват влияния на украинские дела у генерала Врангеля (как тактический шаг в этом деле был провозглашен лозунг самостийности Украины), а также усиление своих позиций на административных и военных должностях в Крыму. В это время влияние Союза Верных на Крымское правительство было уже велико. Многие члены Союза и организаций, связанных с ним, занимали высшие административные должности в Крыму. Так, видным членом Союза являлись министр иностранных дел С.Д. Тверской, а также генерал Левшин, имевший большое влияние на генерала Врангеля. Другими задачами Союза являлись поддержка связи и организация антибольшевистского движения и настроения в подконтрольных Центру территориях России, а также расширение своих структур в других государствах с русским расселением.

Аналогичные цели стояли и перед Берлинским центром с учетом его территориального влияния. Особое внимание уделялось работе по подготовке восстания в северных губерниях и координация деятельности повстанцев с войсками генерала Врангеля.

Народный Союз Защиты Родины и Свободы (НСЗРиС)

Народный Союз Защиты Родины и Свободы был организован бывшим руководителем террористической организации эсэров Б.Савинковым и возрожден в 1921 году в Польше. В эмиграции к Союзу присоединились Д.В. Философов — редактор газеты «За свободу», Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус. Целью НСЗРиС являлось «свержение режима большевиков и установление истинно русского, демократического строя».

Борьба за Россию (БРЗ)

Борьба за Россию — группа под руководством С.П. Мельгунова, а затем М.М. Федорова, объединившаяся вокруг одноименного парижского журнала, выходившего с 1926-го по 1931 год. Идейные симпатии БЗР видны из ее попытки создать коалицию с милюковским *Республиканско-Демократическим Объединением, правыми эсэрами* и *Крестьянской Россией*. В первые годы своего существования БЗР наладила связь с антисоветскими кругами в большевистской России, куда посылала даже своих представителей на нелегальную работу. С 1930 года деятельность группы постепенно снижается, что приводит к ее распаду. О причинах прекращения работы БЗР сообщается в Курсе национально-политической подготовки *Национально-Трудового Союза Нового Поколения*. Они сформулированы следу-

ющим образом: «Неуспех можно объяснить нечеткостью идеологии (непредрешенчество) и либерально-интеллигентским характером журнала»[16].

Крестьянская Россия

Крестьянская Россия была создана в 1920 году в Москве и возрождена в эмиграции в 1921-м правыми эсэрами и кадетами. Провозглашала «необходимость вести активную революционно-политическую борьбу с большевизмом». Издавала одноименные сборники, а с 1925 г. газету «Вестник Крестьянской России» в Праге (под редакцией А.А. Аргунова, А.Л. Бема и С.С. Маслова), переименованную в 1933 г. в «Знамя России». С 1927 года, после первого съезда, стала называться **Трудовой крестьянской партией (ТКП)**. Имела отделы в Польше, Прибалтике, Югославии, на Дальнем Востоке. Политическими установками партии являлись: «парламентарно-демократическая республика, опирающаяся на миллионы крестьян-собственников, организованных в экономические кооперации, и политически — в ТКП». Московская группа ТКП была разгромлена в 1925 г., а эмигрантская организация просуществовала до 1939 года.

Братство Русской Правды (БРП)

Братство Русской Правды было основано в 1921 году генералом герцегом Г.Н. Лейхтенбергским, публицистом С.А. Соколовым-Кречетовым при активном участии генерала Краснова.

Боевыми кадрами организации являлись остатки белорусских национальных отрядов, «Дружин зеленого дуба», отряды Булак-Балаховича, организации Савинкова и т.д. За десять лет организация разрослась и развила довольно успешную партизанскую деятельность на территории России, главным образом в Белоруссии.

По всей видимости, БРП не имело четкой политической программы и ясной идеологии, но все же объявляло себя монархистами. В одной из пропагандистских листовок БРП отмечалось: «По нашей внутренней окраске мы в большинстве монархисты и этого не скрываем. Но монархисты мы “дикие”, ни в какие партии, стремящиеся монополизировать русскую монархическую идею, не входим и всяких предрешений и гаданий, как личных, так даже и династических, избегаем. Верим, что некогда в России все кончится монархией, но навязывать народу монархию не стремимся. Монархия для России, не Россия для монархии. Мы ценим монархическую идею и потому считаем, что Царя в России нельзя “сажать”, а его надо “выстрадать” и “вымолить”. Весь спор об окончательной форме правления считаем неочередным. Решаться ему в свободной и успокоенной России волей народной и Промыслом Божиим. Ставя себе задачей только очередную работу во имя свержения комиссарской власти, мы всеми силами готовы в свое время поддержать всякую,

после этого свержения или в течение борьбы за него образовавшуюся, русскую власть первого времени, какая, решительно отвергнув коммунизм, твердо пойдет по национальному пути возрождения России»[17].

О сущности, целях, структуре и методах борьбы организации можно судить по информации в «Вестнике Дальневосточного Братства Русской Правды». Так, согласно этой публикации Братство Русской Правды «есть тайная русская, национальная, противокоммунистическая, пропагандная и боевая организация, которая принимает в свои ряды, по должной проверке и отбору, всех честных русских граждан (мужчин и женщин), ненавидящих коммунизм, любящих Родину и готовых работать для ее спасения». Не являясь партией, БРП не несло, по словам его руководителей, каких-либо «подробных и сложных» политических программ, а выдвигало лишь лозунги, направленные на сплочение народных масс в России и свержение «красной коммунистической власти»[18].

Структурно БРП состояло из местных, областных и боевых центров, автономных отделов и подотделов, террористических групп и боевых дружин, управляемых Братским центром — Верховным кругом. В организации соблюдалась строгая иерархия, поддерживаемая «братской дисциплиной» с беспрекословным подчинением начальникам и спаянная присягой на верность Братству и русскому делу.

Согласно сообщениям самого БРП, в 1925—1930-х годах его партизанская деятельность, в основном остановка и «проверка» поездов, расстрелы чекистов, взрывы объектов, в западных советских областях приобрела немалый размах[19]. После ряда успешных операций ГПУ (например, внедрение в БРП агента Кольберга, убийства в декабре 1932 г. в Харбине одного из руководителей Братства полковника Аргунова, разгрома в 1933 г. «латвийского филиала» и т.п.) БРП как организация фактически прекращает свою боевую деятельность. Однако формально, по всей видимости, она продолжает функционировать, во всяком случае, в собрании Архива РОА (Москва) имеется экземпляр газеты «Знамя России» (ред. Чухнов) от 10 июня 1958 г. со штампом 1-го отдела Братства Русской Правды.

Несмотря на активную вооруженную борьбу, большой процент в составе БРП бывших офицеров царской и добровольческих армий и промонархические взгляды, Братство довольно осторожно относилось к контактам с другими воинскими эмигрантскими организациями. Так, например, глава РОВС генерал Миллер сетовал на то, что не может добиться согласованности между РОВС и Братством[20]. Более того, Кутепов считал Братство орудием против него в руках Врангеля и в то же время утверждал, что эта организация «подозрительная, обманывающая своих членов ложными данными о производящейся в России работе»[21]. Насколько последнее высказывание верно, сказать трудно, однако можно допустить, что в

большинстве пропагандистских материалов Братства Русской Правды данные о террористических актах в России явно завышены.

Российское Народно-Имперское (штабс-капитанское) Движение

Об организационной структуре «штабс-капитанского Движения» известно не много. По всей видимости, оно не имело стройной системы, как другие организации, построенные в той или иной степени по военному образцу. Оно более значительно своим лидером — ярким публицистом и оригинальным мыслителем И.Л. Солоневичем.

Иван Лукьянович Солоневич родился 14 января 1891 г. в семье крестьянина. Учился в гродненской гимназии. Позже переехал в Петроград, где поступил на юридический факультет университета. С началом Первой мировой войны И.Солоневич был призван в Лейб-гвардии Кексгольмский полк, но на фронт отправлен не был из-за слабого зрения. Весь период войны сотрудничает в газете «Новое время». После революции остался в России, являлся начальником Васильевского отдела студенческой милиции. Во время корниловского мятежа 1917 г. находился при атамане Дутове как представитель студентов-спортсменов. С началом Гражданской войны вместе с братом Борисом бежит из Петрограда в Киев, где работает на «белых». В 1920 г. на короткое время арестовывается ЧК. В 1923 г. служит инструктором спорта в Одесском продовольственном губернском комитете. В 1926 г. И.Л. Солоневич переезжает в Москву, работает в профсоюзах и готовится к побегу из Советской России. Первый его побег заканчивается неудачей — Солоневичей выдают, и до 1934 года братья находятся в заключении в Свирском лагере, на Соловках. В июне ему удается бежать и 14 августа вместе с сыном Юрием перейти финскую границу. Его брат Борис делает это двумя днями раньше. Будучи в фильтрационном лагере, Солоневич начинает работу над книгой «Россия в концлагере», которая вскоре приносит ему мировую известность и финансовую независимость. Гонорары с иностранных изданий позволили писателю начать издавать в 1936 г. в Софии газету «Голос России» (первый номер вышел 18 июня 1936 г.). Направленность и тематика газеты была сформулирована во фразе, вынесенной на первую страницу: «Только о России». С ростом популярности печатного органа Солоневича в разных странах мира стали организовываться кружки друзей газеты «Голос России». По замыслу И.Л. Солоневича, общества или кружки «Голоса России» должны были стать основой движения народно-монархической направленности. Движение должно было воспитать здоровый монархический слой общества, который смог бы, вернувшись в Россию, встать во главе возрождающегося Отечества. Впоследствии оно получило название Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) Движения. «Я, — писал И.Л. Солоневич, — един-

ственный подсоветский свидетель, проповедующий монархизм от имени подсоветского мужика. Я — один из очень немногих людей эмиграции, которые от монархии не имели ровно ничего, кроме строительства Российской Империи. Моего монархизма не поколебали даже и августейшие "мужики". Я — единственный из подсоветских свидетелей, пытающихся организовать какой-то, пока хотя бы только психологический, мост между теми, кто сидит в колхозах и концлагерях советского ада, и теми, кто сидит в такси и в лабораториях зарубежного рассеяния»[22].

Деятельность семьи Солоневичей не осталась не замеченной советской властью: 3 февраля 1938 г. в редакции «Голоса России» раздался взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь Николай Петрович Михайлов*. Вскоре прекратился и выпуск «Голоса России».

Пережив трагедию, Солоневич переехал в Германию, а с сентября 1938 г. в Болгарии организовал новое издание — «Нашу газету»**. Отмечая ее значение, он писал: «"Наша газета" постепенно выковывает то национально-русское мировоззрение, которое можно было бы назвать по-немецки "национал-социалистическим", по-польски — "народно-демократическим" и которое мы пока называем штабс-капитанским. Движение имперское, национальное, православное и глубочайшим образом народно-демократическое. Движение монархическое, ибо в монархии мы видим скрещение и закрепление Империи, Нации, Православия и народных интересов. Движение антисемитское по существу, а не по истерике, ибо еврейство было и будет врагом Империи, и Нации, и Православия, и народа. Движение органическое, ибо мы ищем в нашей истории наших корней и ни за какими европейскими шпаргалками не гонимся. Движение массовое, ибо оно и сейчас обращается не к старым верхам, а к новым массам, и еще потому, что оно обратится со своим словом к полутораста миллионам русского народа. Наш расчет на эти полтораста миллионов»[23].

В 1938 г. кружки «Голоса России» объединились с другими организациями в **Российский Национальный Фронт (РНФ)**. Определяя значение и задачу Фронта, И.Л. Солоневич писал: «Российский Национальный Фронт создается ныне на развалинах староэмигрантских течений, которые на практике доказали свое полное бессилие в деле борьбы с большевизмом, не сумев противопоставить ему положительное и целостное мировоззрение, способное объединить вокруг своего знамени активные и творческие силы зарубежья»[24].

---

* Существует также версия о причастности к теракту эмигрантских кругов.

** Первый номер вышел 19 октября 1938 г., последний — 18 января 1940 г.

Российский Имперский Союз (РИС)

Российский Имперский Союз был создан в 1929 году под председательством Н.Н. Рузского и принадлежал к крайне правому флангу монархического движения. Деятельность РИС, по всей видимости, ограничивалась собраниями, докладами и множеством призывов в печатном органе газете «Имперский клич», издававшейся один раз в 1—2 месяца в 1932—1936 гг. в Париже под редакцией сначала В.А. Мшанецкого, затем Н.А. Кикина, под лозунгом: «Мы русские — с нами Бог».

Об идейных устремлениях Российского Имперского Союза дает представление листовка, выпущенная в 1930-х годах.

Заветы и тезисы:

1. Российский Имперский Союз есть молодая, независимая пореволюционная организация — Орден с лозунгом «слово и дело».

2. Союз посвятил себя борьбе с захватившими мир темными силами материализма, убившего живую душу и личность человека, сделав его машиной в борьбе за восстановление духовной жизни и построения культуры по заветам православного христианства.

«Распятая материалистическим миром Россия, как некогда... был распят Христос, воскреснет как Он воскрес... чтобы указать путь новой духовной культуре».

Цели Союза:

— национальная свободная Имперская Россия, возглавляемая Императором Всероссийским;

— Император — вождь и слуга своего народа, готовый жертвенно нести свой подвиг служения подобно первому русскому Императору Петру I Великому, призванный народом по достоинству и заслугам даровать мир и спасение и повести Россию по пути могущества и славы;

— устремляя взор вперед, а не назад и признавая факт революции, имперцы не считают себя связанными Основными законами дореволюционной России, в частности законом о престолонаследовании Императора Павла I, открывая этим дорогу новому монархическому пореволюционному творчеству;

— свободное национальное развитие всех населяющих Россию народностей, объединенных всероссийской имперской идеей;

— свободная экономическая жизнь, частная и национальная собственность, независимость от международных тайных финансовых сил и влияний.

Имперцы борются:

— с коммунистической интернациональной властью — за СВОБОДНУЮ РОССИЮ;

— с материализмом, социализмом и коммунизмом — за духовную культуру, национальную и индивидуальную собственность;

— с беспочвенным сепаратизмом — за единую имперскую идею;

— с классовой борьбой и ненавистью — за сотрудничество всех классов;

— за национальную сильную армию, оплот и гордость государства Российского;

— с международным финансовым, спекулятивным и безответственным капиталом — за национальную частнопредпринимательскую, согласованную с государственными целями промышленность;

— с капитал-марксистской эксплуатацией рабочей силы — за свободный и обеспеченный труд;

— с обезличиванием и пролетаризацией — за личность, за восстановление собственности и возврат крестьянам отобранных коммунистами земель;

— с безверием и моральной распущенностью, денационализацией семьи и юношества, за национальный очаг, основу быта и веры;

— с политической демагогией и обманом — за открытую честную власть.

Задачи Союза:

— объединение сильных волей и духом русских людей;

— помощь словом и делом революционным борцам на территории СССР;

— соединение всех живых русских сил для освободительной национальной революции.

Имперцы борются. МОЛОДЕЖЬ, ты найдешь применение своим силам и патриотическому порыву в наших рядах. Борьба возможна. Рассчитывать нам нужно лишь на себя, верить в свои силы. Аполитичны — люди узкие, тунеядцы и эгоисты. ПРАВО НА ОТДЫХ ИМЕЮТ ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ.

Пополняй ряды Имперцев! Становись борцом за ПРАВДУ и РОДИНУ!

«Всякий рожденный от Бога — побеждает мир».

И мы победим!

Ибо: «Мы русские — с нами Бог!»

Союз имел ряд своих отделений и представительств в разных странах, в том числе в Бельгии и Франции.

В первой половине 1930-х годов Имперский Союз выступал единым фронтом с НТСНП и РОВСом, а в 1937 г. совместно с РНСУВ и НТСНП образовал **Национальный Центр** в Париже. Но уже в конце 1938 года имперцы отказались от каких-либо национальных фронтов, назвав их «не что иное, как демократические комбинации под национальной вывеской, где всяким политиканствующим дельцам и гоцлиберданам предоставляется широкое поле безответственной деятельности во вред России»[25]. Относясь лояльно к германскому национал-социализму и симпатизируя итальянскому фашизму, они все же призывали русскую эмиграцию не к подражанию «чу-

жим идеям, национал-социалистам, фашистам и другим, лишь бы играть роль, иметь видимость власти, быть вождем», а к «российскому национальному единству»[26]. В призыве «К национальному единству», опубликованном в октябре 1938 года, имперцы отмечали, что только национальное единство под девизом «За Веру, Царя и Отечество» и лозунгом «Мы русские — с нами Бог!» позволит русской эмиграции принять «ответственные решения в предстоящих, близких исторических событиях»[27].

Значительное место в пропаганде имперцев уделялось борьбе с «иудо-масонами», а со второй половины 1930-х годов — с «безыдейной халтурой братьев Солоневичей» и «масонским солидаризмом НТСНП».

Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП)

В середине 1920-х годов в различных странах русского расселения начали возникать группы молодежи, кружки или «ордена», участников которых не удовлетворяла деятельность «отцов». Энергичная молодежь, воспитанная в лучших традициях служения Отечеству, жаждала жертвенности во имя спасения России. Постепенно в этих группах рос интерес к политическим проблемам, возникало желание самим, без готовых ответов «старших», осмыслить причины поражения Белой борьбы и процессы, развивавшиеся на родине. К этому времени относится зарождение *Национально-Трудового Союза Нового Поколения*, впоследствии получившего название *Национально-Трудовой Союз (НТС)*.

Рассмотрим некоторые из молодежных групп.

Национальный Союз Русской Молодежи (НСРМ)

Кружок русской национальной молодежи, организовавшийся в 1924 году среди молодых ребят, работавших на шахте Перник в Болгарии, в 1927 году разросся в *Национальный Союз Русской Молодежи*, объединивший в свою сферу большую часть русских центров в Болгарии.

Союз Русской Национальной Молодежи (СРНМ)

Во втором основном центре русской эмиграции — на Балканах, в Югославии, независимо от Болгарии в 1924 г. образовался Союз Русской Национальной Молодежи, вступивший сначала в сотрудничество с Высшим Монархическим Советом, а затем переориентировавшийся на РОВС, стоявший на национальных, но непредрешенческих позициях. Осенью 1928 г. председателем правления СРНМ был избран В.М. Байдалаков.

В 1927—1928 гг. основной деятельностью как болгарского НСРМ, так и югославского СРНМ, являлись самообразование и попытки

определения собственной идеологической и политической платформ.

1 сентября 1928 г. центральные правления СРНМ и НСРМ выпустили общее воззвание, предлагая созвать в Белграде съезд молодежи. Цель съезда: объединить образовавшиеся в различных странах организации русской национальной молодежи, разработать практически осуществимые пути для согласования общей работы и установления взаимной поддержки, «дабы русская национально мыслящая молодежь представляла собой единую, крепко спаянную силу во всем зарубежье»[27].

Центрами объединительной работы и подготовки съезда стали Белград и Париж. В сентябре 1929 года болгарский и югославский союзы объединились в единую организацию, получившую название *Национальный Союз Русской Молодежи За Рубежом.*

Аналогичные национальные группы из числа эмигрантской молодежи образовывались и в других странах русского расселения. Впоследствии многие из них влились в НСРМ. Такие группы возникли в Китае, Польше, Прибалтике. Организовывались они и в отдельных городах, районах и областях. 2 марта 1930 г. возникла группа в Париже. Тогда же был официально зарегистрирован *НСРМ во Франции* под председательством Б.Б. Кондратьева. В январе 1930 года образовалось Общество Русской Национальной Молодежи в Праге под руководством К.Д. Вергуна, ставшее *Пражской группой СНРМ.* В 1931 году в Пражскую группу, которая в это время состояла из четырех человек (К.Д. Вергун – председатель, И.Горохлинский, Д.В. Брунст и Н.М. Сергеев), влилась «монархическая» группа из Моравской Тржбове под руководством Г.Я. Гандзюка.

Эта группа возникла в 1926 году среди учеников русской гимназии. Ее «монархическая» направленность была довольно условной. Единство было лишь в неприятии коммунистической и социалистической идей. Сознавая свою полную неопытность в политике, группа пыталась связаться и включиться в боевую правую организацию Братство Русской Правды. Не отказавшись от политической деятельности, члены группы стали искать свои пути борьбы, отличные от старшего поколения, по их мнению, виновного в трагедии России. Наиболее близкой идеей для молодых людей оказалась идея русского национализма. Молодежную группу русских националистов в Моравской Тржбове составили 7 гимназистов-одноклассников. Она имела характерные черты, присущие большинству молодежных националистических групп. Рассмотрим их.

Причины возникновения группы:

а) отталкивание от большевизма и тяга «домой» — в Россию;

б) стремление найти посильное применение своим силам;

в) ощущение живой связи с Россией и чувство ответственности за ее судьбу;

г) отталкивание от официального чешского социализма.

Работа группы заключалась в борьбе с большевизмом в стенах гимназии. Выявлялись ученики и преподаватели, симпатизирующие большевизму, с которыми велась «идеологическая война».

Отсутствие длительное время *связи с другими группами* аналогичной политической направленности.

К 1931 году многие члены «тржбовской группы», окончив гимназию, переехали в Прагу, где через члена СНРМ Сергея Тилли наладили связь с Пражской группой СНРМ и активно включились в ее работу. Спустя три года численность Пражского отделения насчитывало около 20 человек.

Аналогичная группа молодежи, впоследствии влившаяся в СНРМ, была создана в 1933 году в Париже и носила название *Кружок Белой Идеи*. В этом же году был основан его филиал в Ницце, где тогда проживало несколько тысяч русских. Численность кружка составляла около 10 человек в возрасте от 15 до 30 лет. На частной квартире почти каждую неделю проходили собрания кружковцев, на которых зачитывались доклады об идеологии Белого движения, необходимости продолжения борьбы, начатой в Гражданскую войну, составленные самими членами группы. Приглашались докладчики и из других мест. Так, в 1933 году на собраниях *Кружка Белой Идеи* выступали Б.П. Левицкий и Н.Н. Львов, а в августе 1934-го — специально прибывшие четыре докладчика НТСНП, в том числе председатель Отдела НСНП во Франции В.Д. Поремский. На этом собрании и было принято решение вступить в НСРМ и образовать Ниццкое отделение Союза. После объединения с НСРМ пропагандистская работа Ниццкого отделения в среде русской эмиграции получила более широкое развитие. Так, 4 ноября 1935 года членами отделения был устроен «День непримиримости», на котором присутствовали более ста человек. Основными лозунгами деятельности того периода стали: «Служить России — забыть себя», «Соверши сам то, чего ждешь от других», «Большевизанство в эмиграции — измена России» и т.п. К этому времени численность Ниццкого отделения составляла 12 человек. Аналогичная группа в составе 8 человек работала и в Каннах[29].

1 июня 1930 года в Русском офицерском собрании в Белграде прошел I съезд представителей групп и союзов русской национальной молодежи, который официально и считается моментом основания НСРМ. В съезде приняли участие руководители союзов национальной молодежи в Югославии (В.М. Байдалаков), Франции (герцог С.Н. Лейхтенбергский и Ф.И. Бострем), Болгарии (А.А. Браунер, М.А. Павлов), Голландии (представитель В.С. Трегубов), а также девять представителей югославских отделений Русского Союза Национальной Молодежи.

Участниками съезда были утверждены идеологические положения новой организации и принят ее временный устав.

Идеологические положения выражали точку зрения Союза на текущую работу и на конечные национально-политические цели. Они включали следующие позиции:

«Понимая Россию не только как определенное территориально-государственное целое, но и как совокупность национально-самобытных идей, культурных и бытовых ценностей; служение России как осуществление, охранение и развитие этих идей и ценностей; государство как сложный живой организм, в котором гармонически связаны интересы частные с интересами общими, — мы считаем, что государственное устройство России должно быть построено на началах российского национализма, твердой законности, частной собственности и свободы личного творчества, освященных религиозно-моральным началом и общегосударственными интересами.

Возрождение великой России должно протекать в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого, равно как и фактом настоящего, однако без преклонения перед последними.

Исходя из изложенного, мы считаем необходимым:

1) установление твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами, черпающей свою силу в идее служения России и проникнутой сознанием своей ответственности перед Родиной;

2) установление личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствие классовых и сословных привилегий как основных условий личного и общественного прогресса и создания духовных и материальных ценностей;

3) проведение во внешней политике здорового национального эгоизма, в отношении славянства продолжение традиционной политики России, направленной к возможно более тесному культурно-политическому единению славян;

4) предоставление народностям, входящим в состав России, возможности широкой национально-культурной самостоятельности;

5) разрешение земельного вопроса путем создания крепкого мелкого земледельца-собственника как основного общественно-хозяйственного фактора, с соблюдением общегосударственных интересов.

Примечание: для этой цели закрепление за крестьянами обрабатываемой земли и наделение землею малоимущих и безземельных.

Установление свободы экономических отношений, могущей быть ограниченной лишь в интересах государства; в частности, в области взаимоотношений труда и капитала введение государством активной политики, направленной к регламентации этих отношений и к охране экономически слабых слоев населения»[30].

В постановлении съезда отмечалось, что после освобождения России от коммунистов ближайшие задачи Союза подлежат изменению в

27 Заказ 2370

связи с обстановкой, но при неприкосновенности идеологических положений. В первостепенные же задачи Союза входило:

«Первое задание: для осуществления наших конечных политических устремлений первейшей задачей является работа по освобождению России от власти III Интернационала. Для этой цели мы считаем полезным и нужным самое широкое единение и согласование действий со всеми активно ведущими борьбу с коммунизмом организациями, группами и лицами, независимо от их политического мировоззрения.

Второе задание: подготовка сильных волею, работоспособностью и знаниями Верных сынов России и отбор из них людей, способных к жертвенному служению родине и руководству массами, дерзающих во имя идеи взять на себя водительство и ответственность.

Третье задание: самая активная деятельность, направленная к национально-политическому воспитанию русской молодежи, и всемерное противодействие намечающейся ее денационализации»[31].

4 июля был утвержден временный устав НСРМ и выбраны руководящие и исполнительные органы. Руководство международными отделами Союза, согласно решению съезда, стало осуществляться периодически съезжающимся советом, состоящим из представителей всех стран, по одному от каждой, возглавляемым председателем отдела Союза во Франции герцогом С.Н. Лейхтенбергским. В исполнительный орган (Исполнительное бюро), который должен выполнять всю тактическую и техническую работу, были избраны В.М. Байдалаков (председатель ИБ), А.И. Занкевич и М.Н. Хлопин.

С этого момента первостепенной задачей руководящих органов организации стало идеологическое сплочение русской белоэмигрантской молодежи всех стран, а затем ее организационное оформление в периферийные органы НСРМ — отделы (по странам) и отделения (по городам). Для этой цели во все Союзы национальной молодежи, существовавшие при отделах РОВС, и молодежные кружки было направлено решение I съезда, а впоследствии различная печатная продукция. Значительная роль в пропаганде идей НСРМ отводилась публичным выступлениям в различных эмигрантских аудиториях.

Велась пропагандистская работа и с гражданами Советского Союза, прибывавшими за рубеж. Примером такой деятельности может служить «антверпенская работа», которая велась в конце 1930-х годов. Работа сводилась к беседам с советскими моряками с судов, приходивших в порт Антверпен, снабжение их союзной литературой и переправка печатной продукции в СССР. Этой работой руководил активный член Бельгийского отдела Д.Д. Дороган. Кроме пропагандистской работы, на «антверпенскую группу» была возложена задача по сбору разведывательных данных для французского гене-

рального штаба. Опросный лист, содержащий интересующие генштаб вопросы, был передан Дорогану членом Болгарского отдела НСРМ Д.М. Завжаловым. Связь с французскими властями поддерживалась непосредственно через председателя Французского отдела Поремского.

Спустя 17 месяцев после I съезда в Белграде состоялся II съезд НСРМ.

В нем участвовали представители семи стран: Бельгии (М.Д. Каратаев), Болгарии (Ф.А. Мельник), Чехословакии (К.Д. Вергун), Польши (А.Э. Вюрглер), Литвы (Я.Федоров), Югославии (М.А. Георгиевский). Францию представлял председатель Союза С.Н. Лейхтенбергский.

На съезде в числе других был прочитан доклад «Расширение рамок Союза», в котором подчеркивалось, что Союз превратился не просто в организацию, а стал новым, пореволюционным духовно-политическим явлением. В нем отмечалось: «Новое в нем то, что по-новому, одержимо и бескомпромиссно отдает он себя служению России, отбирая и создавая новый набор ее верных борцов. Новое в нем и то, что по-новому утверждает он личную ответственность каждого из нас и по-новому предъявляет требования к самому себе <...>. В служении нации видят его члены долг своей жизни, любовь к Родине ощущают они не только как патриотизм, но и как стремление к достижению высших идеалов человечества. Ибо в рамках нации, верит Союз, могут быть и будут разрешены больные вопросы современности»[32]. На съезде также были заслушаны отчеты о работе отделов Союза и выработана и утверждена так называемая политграмота, изучение которой было обязательным для каждого члена Союза, а также вновь вступающего в организацию. Изучение «политграмоты» проходило по линии кружковых занятий и индивидуальной подготовки. После ее изучения и сдачи экзаменов специально созданным председателями отделов и отделений комиссиям вступающие становились действительными членами НСРМ. До этого момента они считались членами-сотрудниками.

На II Съезде было изменено и название Союза. С этого момента он стал именоваться *Национальным Союзом Нового Поколения.*

Национальный Союз Нового Поколения (НСНП)

В Устав *Национального Союза Нового Поколения* был введен и новый пункт — возрастной ценз. Теперь в Союз могли поступать только родившиеся после 1895 года, то есть те, кому в начале Первой мировой войны было не больше девятнадцати лет. Исключения допускались, но только по решению Исполнительного бюро. Возрастной ценз, по мнению членов Союза, должен был оградить организацию от «грехов и предрассудков прошлого», то есть от влияния

старых партийных деятелей, на которых отчасти возлагалась вина в трагедии России.

Одна из основных причин отталкивания от практики «старших» была сформулирована в первой брошюре «Полного курса национально-политической подготовки», вышедшей в начале 1932 года под названием «Ошибки эмиграции, настоящее ее положение и наш долг». В начале брошюры отдавалось должное проделанной эмиграцией большой работе. Однако далее отмечались противоречия эмиграции. Они заключались в том, что эмигранты, с одной стороны, мечтают о возвращении на родину, а с другой — закрепляются за рубежом «всерьез и надолго», что правы эмигрантские вожди, успокоительно твердящие, что «мы обязаны исполнить свой долг — хранить нашу культуру, даже развивать ее, и готовить новые поколения, передавая им культурные традиции». Если Россия не освободится от коммунистической диктатуры, то и наши традиции, и наша культура постепенно умрут как на родине, так и за рубежом: на родине их со временем сменит материалистическое бескультурье, а в эмиграции будущие поколения рано или поздно станут нерусскими. Поэтому наш первейший долг — борьба против тех, кто захватил власть в нашей стране. Один из главных недугов эмиграции — уклонение от личного участия в борьбе. За этим недугом следуют другие: упование, что освобождение России свершится чудесным образом само собой; надежда на то, что коммунистическая диктатура будет свергнута при помощи иностранцев; вера в «поворот колеса истории». И отсутствие веры в себя[33]. Одной из важнейших тем на этом съезде был вопрос о выработке программы действий НСНП, в первую очередь — организация на территории СССР ячеек НСНП и повстанческих групп в целях свержения советской власти и установления в России политического строя на основе «солидаризма». Однако в окончательной редакции эта программа была принята лишь на III съезде Союза, проходившем 15—19 апреля 1934 года в Белграде.

Фактически с этого времени началась работа по разработке и реализации силовых или террористических акций, хотя еще на I Съезде, при обсуждении тактики НТСНП, было признано и принято необходимым применение террора в борьбе с советской властью. Причем в этом направлении и была организована вся работа по воспитанию членов НСНП.

Так же как РОВС, БРП и другие правые организации, НСНП в начале и середине 1930-х годов считал террор одним из успешных методов борьбы с большевизмом. По этому поводу в октябре 1933 года В.Байдалаков писал: «Скучны и лицемерны стали высокие слова о России. У нас, нового поколения, они вызывают горечь своей безответственностью. Спасти, спастись и победить ныне можно только одним — неотлагательным действием. Судьбы России изменят

герои. Те, кто, не оглядываясь по сторонам, не выжидая, смело и гордо бросят себя в действие»[34].

О конкретных действиях боевой организации НСНП дает представление «Страничка агитатора-инструктора № 5». В ней даются указания, как вести борьбу в России.

«1. Организацией — система разрозненных пятерок и троек, цепь незнакомых друг с другом борцов.

2. Пропагандой — показать другим, что народ — сила.

3. Террором — система казней должна убрать наиболее вредных для национальной революции людей.

Все виды работы должны вестись отдельно, совершенно самостоятельными группами. Этого требует конспирация»[35].

15 апреля 1934 г. был открыт III съезд НСНП. Его Совет состоял из следующих лиц: председатель Совета и Исполнительного бюро В.М. Байдалаков, А.А. Браунер, К.Д. Вергун, А.Э. Вюрглер, генеральный секретарь Исполнительного бюро М.А. Георгиевский, Д.М. Завжалов, К.И. Коновалов, М.Д. Пепескул, М.Н. Хлопин.

Председателем съезда был избран В.М. Байдалаков. Он же читал первый доклад, в котором подчеркнул: «Союз превратился в движение». В этот момент группы Союза существовали в пятнадцати странах Зарубежья — в Европе, на Дальнем Востоке, в Австралии.

Одним из важнейших моментов работы съезда было принятие нового устава, носившего явно выраженный авторитарный характер и сближавший организацию с популярными в то время фашистским и национал-социалистическим движениями. В связи с этим М.А. Георгиевский писал: «Дисциплина и авторитетность стали лозунгом современных политических организаций. Организации, доказавшие свою стойкость (фашисты, национал-социалисты), построены на принципе последовательного, сверху донизу проведенного подчинения. Они строились для борьбы с воинствующим коммунизмом. Успешное осуществление ее оправдывало самый принцип, создало непререкаемый авторитет и популярность этих боевых, по существу, организаций». Далее он отмечал: «Новый устав Союза строит возглавление Союза как естественное и сильное завершение авторитетной власти Совета, полнотой административной и распорядительной власти председателя Союза. Таким образом должен быть создан гибкий и согласованный во всех частях аппарат.

Его назначение, его цель — революционная борьба. Все, что успокоится на эмигрантских делах, все, что ограничит себя эмигрантскими интересами, умрет и угаснет.

Наше будущее — в России, наше настоящее — борьба за Россию. Будущее же России в тех, кто освободит ее от цепей большевизма»[36].

Это была активная идеологическая сфера деятельности организации. Не утихала и силовая борьба с советской властью на ее территории.

Для подготовки людей и переброски их в СССР были созданы специальные школы. Это стало возможным в 1937 году, после того как председателем Польского отдела А.А. Вюрглером по согласованию с М.Георгиевским была налажена связь с польским Генеральным штабом. Обе стороны были заинтересованы друг в друге. Члены НТСНП получали возможность, пройдя курс обучения на разведкурсах, «уйти по зеленой дорожке» в СССР для выполнения своей работы. Польские же власти при минимальных затратах получали неисчерпаемый источник информации об обстановке в Советском Союзе.

О переброске людей в СССР дал показания технический секретарь центра НТСНП П.Н. Воропонов, арестованный в 1945 году отделом контрразведки СМЕРШ 57-й армии. Согласно его показаниям, он лично по заданию Байдалакова в июле 1940 года сопровождал до румынской границы 5 агентов, подлежавших переброске на территорию Советского Союза. Кроме того, он назвал 11 известных ему агентов, переброшенных в 1938 г. в СССР с заданиями диверсионного характера[37].

В различное время в Советский Союз были заброшены и планировались к заброске более 50 членов.

Точных сведений о численности НТС в довоенный период не сохранилось. Уцелели только данные по Франции, где в 1939 году было 296 членов Союза. Общее же число во всем мире на этот год, по оценке В.Д. Поремского, составляло 2000 человек. Однако, по всей видимости, эта цифра завышена. М.А. Георгиевский, ведавший в 1930-х гг. учетом членов Союза по всем странам русского рассеяния, при допросах на Лубянке определил состав организации в 560 человек. По сведениям авторов книги «НТС: Мысль и дело. 1930—2000», число членов Союза на 1939 год «можно условно определить в 1570 человек»[38]. Из этих 1570 человек около 930 жили в Восточной Европе, позже занятой Советской Армией, и 110 на Дальнем Востоке. В Западной Европе проживали около 440 человек, а 80 — на Ближнем Востоке, в США и Австралии.

Национал-социализм

Рассматривая политические партии русской эмиграции, нельзя не упомянуть и те, которые в 1920—1930-х гг. ориентировались на различные идеологические модели фашизма и *национал-социализма*. Касаясь этого вопроса, необходимо сделать некоторое отступление. Напомним, что вторая половина 1930-х годов — это время окончательного краха «версальской» раскладки сил в Европе: Лига Наций теряла свой авторитет, а восточноевропейские страны постепенно вошли в сферу влияния Германии. Немаловажную роль в изменении ориентиров играло и становление новой силы — фашизма. До Второй мировой войны фашизм, еще не скомпрометированный после-

дующими военными событиями и расистским режимом Гитлера, рассматривался как прогрессивное политическое движение и привлекал внимание не только самых широких общественных масс, но и ученых кругов Европы. Говоря о социальном составе фашистского движения, одна из основательниц коммунистической партии Германии Клара Цеткин писала: «Носителем фашизма является не маленькая каста, а широкие социальные слои, широкие массы, вплоть даже до самого пролетариата».

«Тысячные массы устремились в сторону фашизма. Он стал прибежищем для всех политических бесприютных, потерявших почву под ногами, не видящих завтрашнего дня и разочарованных. То, чего тщетно ждали они от революционного класса — пролетариата и социалистов, стало грезиться им как дело доблестных, сильных, решительных и мужественных элементов, вербуемых из всех классов общества»[39]. Стали появляться многочисленные организации, близкие в той или иной степени по своей идеологии к итальянской фашистской или германской национал-социалистической. Основой фашистского движения стало молодое поколение. Рассматривая истоки итальянского фашизма, Н.В. Устрялов писал: «Большой успех выпал на долю фашизма в кругах молодежи, ставшей ядром и непосредственной средою нового течения. Уже впечатления школы начала XX века подготовили итальянское юношество средних классов к фашистскому кругу идей: либералы, стремясь отвратить симпатии нового поколения от Ватикана, воспитывали в нем любовь к Древнему Риму; сказывалась также и работа националистов. Война, оросив патриотизм интеллигентной молодежи жертвенной кровью, усилила его напряженность и, главное, действенность; вместе с тем она поселила в душах семена "иллегализма", веру в могущество силы, сомнения в универсальной значимости права и правовых путей»[40].

По сути, появление фашизма было связано с общим кризисом общества. Когда рождался итальянский фашизм, один из его теоретиков сказал: «В эпоху, когда рушатся старые устои, гибнут старые ценности, разваливаются старые представления, идеалы, религия и т.д., только одна идея способна сплотить массы — идея нации». Если определить фашизм (при всем различии германского, итальянского, испанского, португальского и т.д.) 1920—1930-х гг. общим универсальным понятием, то он может быть охарактеризован как форма «восстания нации» против попытки вписать нацию в непристижный и дискомфортный для нее мировой порядок на правах нации «второго сорта». Основными чертами этого «восстания нации» стали:

а) противопоставление мировым нормам, определившимся в капиталистической системе ценностей данного народа, нации, то есть восстание ценностей против норм. Отсюда вытекала и ставка на

«кровь и почву» — на исконные культурные начала данной нации (фактически на язычество), где она не так явственно соединена с «чужим миром»;

б) использование тоталитарной техники власти — приобщение всех граждан общества к всеобщности единой воли через посредство партии-авангарда, которая становится собранием «лучших сил народа»;

в) стремление нации снять внутри себя классовые противоречия и нейтрализовать конфликт богатых и бедных на основе морального единства.

Под влияние этих ключевых позиций попали массы людей фактически во всех европейских странах. Фашистские организации и движения были созданы в Венгрии, Румынии, Франции, Испании, Голландии, Чехословакии, Англии и других странах.

Безусловно, идея национального единства с некоторыми признаками романтизма не могла не импонировать и правому лагерю Русского Зарубежья, который составлял не менее 80%[41]. Так, в декабре 1925 году газета «Возрождение» писала: «Итальянский фашизм — интересное и поучительное явление. Поскольку он есть организация активного консервативного меньшинства, обороняющего основы гражданственности от наступающего, взрывающего легальные формы активно-коммунистического меньшинства, мы совершенно недвусмысленно и безоговорочно приветствуем его»[42]. В.Шульгин в 1926 году в пражском сборнике «Белое дело» отмечал, что именно антисоветизм идеологов правого крыла российской эмиграции дал повод говорить об их идейном родстве с фашизмом, который с начала 20-х годов становится «главным противником коммунизма в мировом масштабе»[43]. Восхищал фашизм и евразийцев, не разделявших все позиции фашизма, но считавших его «грандиозным делом возрождения итальянской нации». В отношении германского фашизма евразизм хотя и высказывал осуждение расовой теории, но усматривал в национал-социализме «здоровые корни, часто подсознательные», а также «отвращение к нынешнему режиму и тенденцию к суверенитету духа»[44]. Даже представители демократических партий — кадеты, эсеры, меньшевики — не выступили с осуждением теории и практики фашизма. «Крупным явлением» назвал фашизм П.Струве. Его ближайший соратник С.С. Ольденбург в письме Струве от 15.07.1922 г. писал, что «деятельность фашистов является огромным благотворным фактором — каковы бы ни были отдельные проявления. Это "революция" только по приемам — вроде того, как Вы писали, что и русское Белое движение должно было стать революционным по методам; так вот, фашисты сумели!..»[45] Отрицательно относившийся к фашизму Н.Бердяев тем не менее отмечал, что «в Италии фашизм заключает в себя и положительные элементы и во главе его стоит замечательный человек»[46].

Еще более конкретно высказывались лидеры правых политических и воинских организаций. Так, например, председатель РОВСа генерал Миллер в приказе от 2 января 1937 г. отмечал: «Мы, чины РОВСа, являемся как бы естественными, идейными фашистами. Ознакомление с теорией и практикой фашизма для нас обязательно». Лидер РНСУВ генерал Туркул провозглашал: «Наш идеал — фашистская монархия». Аналогичного мнения придерживались и «классические монархисты». Так, в «Еженедельнике Высшего Монархического Совета» от 2 июня 1923 г. говорилось: «Недаром наши враги отождествляют нас с фашистами. Да, мы фашисты особенные, русские и искренне завидуем итальянским в том, что мы пока не сокрушили врага»[47].

Всего же в течение 1920—1930-хх гг. было создано около 15 эмигрантских политических организаций с количеством членов более 40 тысяч человек, именовавших себя «фашистскими» или «национал-революционными». Так, в США возникла Всероссийская фашистская организация под руководством А.А. Вонсяцкого, в Германии — РОНД—РНСД, в Харбине — многочисленное фашистское движение под руководством К.В. Родзаевского.

Наряду с организациями «евразийцев», «устряловцев», «национал-максималистов», «новоградцев», «неодемократов», «солидаристов», «младороссов», «штабс-капитанов» и других, называвших себя «пореволюционными», «фашисты» считали невозможной реставрацию дореволюционного государственного строя России. Они пропагандировали «устроение нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды»[48]. Несмотря на различия идеологического и тактического характера, «пореволюционные» течения ориентировались на цель — претворение в жизнь Русской Исторической Идеи, «наложенной» на советскую действительность как исходную точку для дальнейшего строительства.

Среди активных неполитических организаций следует отметить Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), Общество галлиполийцев, многочисленные полковые объединения и другие. Именно эти организации стали основными хранителями памяти о дореволюционной России и ее национального самосознания.

Рассмотрим наиболее крупные из них.

Русский Обще-Воинский Союз (РОВС)

Русский Обще-Воинский Союз был создан в 1924 году генералом Врангелем из чинов белых армий и объединял около 30 тысяч человек. Эта организация являлась стержнем довоенной политической эмиграции и в какой-то мере хранительницей традиций русской государственности. В сущности, это была армия, переведенная на

гражданское положение, рассеянная по многим странам, но сохранившая дисциплину, чтобы «по первому зову» продолжить борьбу.

В 1930 году имелись следующие отделы РОВСа: 1-й отдел (Франция с колониями, Италия, Польша, Дания, Финляндия, Египет); 2-й (Германия, Венгрия, Австрия, Данциг, Литва, Латвия, Эстония, Англия, Испания, Швеция, Швейцария, Персия); 3-й (Болгария и Турция); 4-й (Югославия, Греция, Румыния); 5-й (Бельгия и Люксембург); 6-й (Чехословакия); отделы на Дальнем Востоке, в Канаде, Северной и Южной Америке. В 1931 г. было открыто отделение в Аргентине[50]. В 1932 году, согласно распоряжению председателя РОВС (№ 23 от 3.05.1932 г.), созданы отделения в Бразилии (председатель ген.-майор Л.Иванов) и Уругвае (председатель капитан Г.Мацылев). В конце 1930-х годов Группа галлиполийцев образовала подотдел РОВС в Сирии (начальник ротмистр Елагин, нач. канцелярии корнет А.Стацевич).

Наиболее крупными отделами РОВС были 2-й и 3-й.

Германия, где функционировал 2-й отдел РОВС, являлась одним из важных центров сосредоточения белой эмиграции. Западногерманский историк Г.-Э. Фолькман на основании данных Министерства иностранных дел установил, что в декабре 1922 г. там было до 600 тыс. выходцев из Российской империи[50].

В 1938 году согласно приказу по РОВС № 36 от 24 октября 2-й отдел был выделен из состава РОВС в самостоятельную группу и переименован в **Объединение Русских Военных Союзов (ОРВС)**[51].

До 1933 г. в подчинении 2-го отдела РОВС находился и **Союз русских моряков в Германии**, образовавшийся в 1923 году. Его руководителем приказом Врангеля был назначен бывший капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный.

3-й отдел возник в результате слияния отдельных групп РОВС, которые были созданы по личной инициативе генерала Ф.Ф. Абрамова*. Он же был назначен генералом Врангелем и их руководителем на правах начальника отдела (зам. нач. — ген. Бредов)**. В группы входили бывшие военнослужащие Русской армии по 50, 80, 100 человек, исходя из того, сколько эмигрантов проживало в данном городе или селе. Группой руководил секретарь, назначаемый генералом Абрамовым. Всего в Болгарии было организовано около 70 отделений РОВС с центром в Софии. Численность Софийского отдела — 600 чел. (на 1930 г.)[52].

Наиболее крупные из них функционировали в Свещеве (общая численность 200 чел.), Тырново, Горном Ореховце (80 чел. на 1928–

---

* В апреле 1930 г. Ф.Ф. Абрамов был назначен помощником председателя РОВС.

** Личный адъютант генерала Абрамова — капитан Фос, начальник штаба — полковник Ясевич.

1929 гг.), Ямболе, Несебере, Стара-Загоре (состав 25—30 чел.), селе Плачковицы, Бургасе.

РОВС объединял также военнослужащих Русской армии, входивших в Союзы и общества, занимающиеся в основном оказанием материальной помощи и поддержкой русских эмигрантов, такие как: *Союз Русских Офицеров, Общество Офицеров от Генерального штаба, Общество «Союз галлиполийцев», Общество Георгиевских Кавалеров, Союз Русских Военных Инвалидов* и другие, а также многочисленные полковые и бригадные объединения. Так, например, к марту 1938 года с 4-м отделом РОВС в той или иной степени контактировало 38 только гвардейских полковых и бригадных объединений.

С середины 1920-х годов и с приходом после смерти Врангеля в 1928 году на должность председателя РОВС генерала Кутепова Союз обратился и к силовым методам борьбы. Он направил свою деятельность в России в двух направлениях.

Первое сводилось к установлению связи с высшими чинами Красной Армии, которые в большинстве своем являлись бывшими императорскими офицерами, и агитации их к подготовке совместного военного переворота в Москве.

Второе представляло собой систему так называемого среднего террора, который был направлен на отдельные советские учреждения. Самой крупной террористической операцией РОВС был взрыв ленинградского партклуба на Мойке. В результате теракта были ранены 26 человек.

О диверсионной деятельности РОВС показал на допросе арестованный органами СМЕРШ Б.П. Александров. Он возглавлял созданные в Софии специальные курсы для подготовки агентов, предназначаемых для заброски в СССР. По его данным, в программу курсов входило изучение ручного огнестрельного оружия, изготовление в специально созданной лаборатории взрывчатых веществ, ручных бомб и пуль с отравляющим веществом. Особое внимание уделялось тренировке в меткости стрельбы по македонскому методу: стрельба одновременно из одного или двух автоматических пистолетов по нескольким целям при беге, падении, лежа и т.п. Кроме того, по имевшимся на курсах плану Москвы и фотографиям изучалось расположение улиц, правительственных зданий, а также трасс движения правительственных автомашин и системы охраны Красной площади во время парадов и демонстраций. Изучались также способы перехода границы, условия жизни и быта в СССР. Аналогичные курсы существовали в Париже и Праге[53].

Переброска боевиков на территорию СССР осуществлялась при активном содействии финской, румынской и польской разведок. Так, в частности, договоренность о переброске агентов через финскую границу была достигнута в 1927 году при личной встрече генерала Кутепова и Маннергейма. В дальнейшем связь осуществля-

лась Александровым и бывшим штабс-капитаном Н.Д. Закржевским через начальника отдела департамента финской полиции белоэмигранта Пушкарева, сотрудника финской разведки капитана Солокорпи и подполковника Эйверста.

Переброской агентов через румынскую границу руководил представитель РОВС в Румынии полковник В.Е. Жолондковский, находившийся в тесном контакте с сотрудником разведотдела генерального штаба румынской армии Морузовым-Штефанеску, а через Польшу — Брандт и Войцеховский, поддерживавшие связь с польской разведкой[54].

Сведений о боевиках, переброшенных в Советский Союз, немного. Известно, что в 1925 году для организации подполья в СССР были направлены князь Долгорукий и Шульгин; в 1927-м — Ларионов, Мономахов, Соловьев, Сольский, Болмасов, Петерс и Захарченко-Шульц; в 1928-м — Радкович; в 1931-м — Потто и Потехин; в 1934-м — Дмитриев и Богданович и в 1938-м — Андрюшенко. (Согласно документам НКВД, Потто, Потехин, Дмитриев, Богданович были арестованы, а Радкович убит при выполнении задания.) В 1940—1941 гг. переброски на территорию СССР добивался сын генерала А.П. Кутепова — П.А. Кутепов. В 1945-м он был арестован органами СМЕРШ и на допросе заявил, что планировал убийство Сталина[55].

Следует отметить, что одной из первостепенных задач РОВС являлось совершенствование военных знаний как среди кадровых офицеров, так и молодежи. В различные годы во многих странах были открыты унтер-офицерские и офицерские курсы. Так, например, в Ницце в 1933 году действовали унтер-офицерские курсы. В их руководящий состав входили: генерал от инфантерии Епанчин (начальник), генералы Новицкий, Носович, полковники Изергин, Доброгорский, Фрейберг[56]. Показательной в связи с этим является информация, опубликованная в «Царском вестнике», с перечнем изданий книг и лекций Высших военно-научных курсов генерала Головина, находящихся на книжном складе в Белграде. Среди них: тактика пехоты, общая тактика, тактика кавалерии, тактика воздушных сил, высшая тактика, боевая химия, основы военно-инженерной обороны государств и исследование новейших форм инженерной обороны[57].

Значительное место в подготовке молодежи отводилось его идеологическому воспитанию. Однако антикоммунистическое мировоззрение эмигрантской молодежи формировалось не столько через «предметное» восприятие советской власти как пагубной политической системы, сколько через возвышенное ощущение России, Отечества — образа, вобравшего в себя понятия чести, долга, жертвенности во благо своего народа. Доказательством тому служит сама жизнь эмигрантской молодежи. В связи с этим характерны чувства

автора письма, бывшего слушателя военно-училищных курсов и молодого офицера производства 1933 года, опубликованного в февральском номере «Часового» за 1933 год:

«Итак, я офицер. Белый офицер. Белогвардеец. У меня нет ни мундира, ни погон, ни кокарды.

Сегодня я сдал экзамен и стал офицером. По рассказам, по фотографиям я знаю про прежние производства. Лагерь у Красного Села. Гром оркестров. Яркие формы, золото и серебро эполет, каски, султаны, кивера, доломаны, черкески. Обаяние Царя, туман в глазах и сверток приказа под погоном.

Мне говорили про Галлиполи. Южное небо, ряды палаток, строй белых гимнастерок и поздравляющий с производством Кутепов.

У нас же нет ничего. Нет даже погона, эмблемы звания. Наш полк, наш старый славный полк уже давно ушел во мрак небытия. Закрыв глаза и стиснув зубы, я как во сне представляю себе невиданный мной никогда строй его серых коней и седой штандарт над рядами доломанов.

Но полка нет. Не было парада, не было оркестра. В потертом пиджаке я один сижу в холодной комнате на моей узкой железной койке.

Когда о моем производстве узнают знакомые, мой старый приятель, скептик, ехидно спросит, в каком гарнизоне у Господа Бога стоит мой полк. Другой сострит о гусарах без лошадей, а знакомая барышня скажет, что “недемократичное” звание офицера заставляет “закидывать назад голову”.

Нас было шестнадцать. Никто нас не гнал, никто не принуждал. Но только шестнадцать. А разве не звали?

Три года прошло от начала занятий. Три года со дня гибели Вождя. Три долгих года вечерних лекций. Учение украдкой, из под парты французской школы, отрывочное чтение на стоянках такси, в давках метро, в передышках у станка. Отпали малодушные и нестойкие. Долгим, упорным трудом мы добились своего. Нас шестнадцать молодых офицеров.

Но не всегда будет длиться французская школа, и не вечно будет такси и станок. Мы знаем, что и мы наденем золотые погоны, мы знаем, что уже скоро на деле мы применим наш курс тактики.

А когда наши славные полки пройдут на параде на Красной площади в Кремле, в тот вечер мы, юнкера-курсанты, соберемся еще раз и вспомним наши военные курсы на чужбине. Ведь наш Вождь сказал, что “побеждает тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть”. Итак, до встречи в Москве, дорогие друзья!»[58]

Под покровительством и при посильной помощи воинских объединений, и в первую очередь РОВС, создавались автономные молодежные организации. Возглавляли их старшие офицеры Импера-

торской и Добровольческой армий и готовили в них молодежь для продолжения борьбы с коммунистической идеологией.

В числе наиболее крупных молодежных организаций следует охарактеризовать Союз Русского Сокола, Национальную Организацию Русских Разведчиков, Национальную Организацию Витязей, Национальную Организацию Русских Скаутов[59].

Союз Русского Сокола (СРС)

Союз Русского Сокола был образован в 1923 году (официально учрежден на I Съезде представителей русского сокольства за границей).

К 1935 году СРС объединял в своих рядах: 25 обществ в Югославии, 5 обществ и 3 гнезда во Франции, 3 общества в Чехословакии, 1 в Болгарии, 4 общества и 5 гнезд в Латвии, 3 общества в Польше, 1 общество и Карпато-Русское гнездо в Америке и 4 общества в Китае[60].

К началу Второй мировой войны численность русских сокольских обществ за рубежом составляла 75 действующих обществ при приблизительно 5700 членах. В Югославии работали 32 общества, в Чехословакии — 12 (плюс 6 отколовшихся), во Франции — 11, в Болгарии, Латвии и Польше по 7, в Китае — 3 и по одному в других странах зарубежья.

В группах РС проводилась просветительская работа (для этой цели были созданы просветительские курсы), стрелковая и военная подготовка. Для реализации целей допризывной военной подготовки функционировали стрелковые общества, проводились строевые занятия, преподавались навыки по ориентировке, разведке местности и т.п. Практическая работа по военной подготовке проводилась в специально построенных военных лагерях. Так, в лагерном сборе, организованном Краевым Союзом в Югославии в июле 1939 года (начальник лагеря А.Ган) в Мильково (5 км от ст. Лапово), за 28 дней сокола — 50 братьев и подростков — прошли теоретический и практический курс по организации вооруженных сил, тактике, топографии, стрелковому делу, охранению, разведке, установке связи, решению тактических заданий, боевой подготовке, маскировке, устройству газоубежищ и т.п. Причем обучение соколов проводилось по уставам Русской Императорской Армии[61].

В программу духовного воспитания входили изучение молитв и собеседования на «национально-сокольские» темы, а также занятия по русскому языку, русской литературе и отечественной географии. В свою очередь русские сокола устраивали публичные выступления, театрализованные представления, вечера и т.п. Так, например, общество «Русский Сокол» в Белой Церкви (Югославия) за 1938 год организовало и провело 81 выступление: 15 пятиминуток, 27 док-

ладов и лекций, 17 собеседований, 8 концертов, 2 академии*, 8 траурных собраний, 3 вечера, посвященных Святому Владимиру и Крещению Руси[62].

Об идеологии русского сокольского движения наглядно свидетельствуют две основные позиции, записанные в основах русского сокольства:

— родиться русским слишком мало: им надо быть, им надо стать. Национальное воспитание и должно сделать родившегося русского человека *русским*;

— благо Отечества должно быть путеводной звездой русского сокола, и стремление к восстановлению Национальной России в славе и могуществе должно проникнуть все существо русского сокола[63].

Задачи и особые пути русского сокольства за границей определялись следующим образом:

— подготовить будущих борцов за национальные идеалы русского народа;

— работать над национальным и моральным оздоровлением русского народа и бороться с тем духовным маразмом, который принесен на Родину безбожием, социализмом и интернациональными силами;

— физическое и духовное развитие людей и поддержание в них бодрости;

— борьба с их отнародованием (денационализацией)»[64].

На IX съезде СРС в Софии в 1939 году были приняты «Идейные основы русского сокольства»:

«Русское сокольство, как и сокольство других славянских народов, создается на началах, провозглашенных основателем сокольства М.Тыршем, имеющих целью гармоническое развитие духа и тела человека в направлении непрестанного совершенствования на пользу своего народа, а через него славянства и всего человечества.

В соответствии с этим русское сокольство кладет в основу своей жизни действенную любовь и служение своему народу на началах:

1) веры в Бога;

2) братства и личного совершенствования;

3) послушания;

4) гимнастическо-воспитательной системы М.Тырша.

Прообразом изложенных в сем параграфе идей служит наш русский национальный гений А.В. Суворов.

Созданное на таких началах русское сокольство, приняв во вни-

---

* *Академии* — публичные выступления. Состояли в основном из групповых гимнастических выступлений и отдельных номеров: пение, декламация и т.п. Проводились, как правило, каждый год.

мание современную обстановку, в коей оно действует и живет, ныне ставит своей задачей:

1) духовно-нравственное и физическое воспитание русских людей, внедрение в них бодрости и сознания необходимости борьбы за свой народ;

2) борьбу с их отнародованием (денационализацией);

3) создание кадра русских сокольских деятелей.

Ставя себе задачи общенародного порядка, русское сокольство является организацией общегосударственной, надпартийной, доступной для всех народов российских; поэтому в его рядах могут быть люди различных веры, национально-политических мнений, народов и племен.

Символом единения всех в сокольстве служат единый для всех сокольский завет и единый национальный трехцветный (бело-сине-красный) флаг.

Примечание. Лица, исповедующие безбожнические, интернациональные или антирусские взгляды, не могут состоять в рядах русского сокольства.

Полагая, что действительное совершенствование русского народа возможно только на прочном фундаменте религиозной морали, русское сокольство, как и русский народ в основной массе своей, должен быть верен своей вере, относясь в то же время ко всем другим религиям со свойственными русскому народу уважением и доброжелательством.

Крепкая семья — основа государства; поэтому русское сокольство охраняет семейные моральные начала, способствуя развитию нравственно здоровой общественности.

Русское сокольство, питаясь 1000-летней историей и культурой своего народа, создавшего наше государство, мыслит Российскую державу благоустроенной на следующих началах: утверждения веры в Бога; твердой исторической национальной власти; подчинения целому интересов личных, групповых или классовых; братского сожительства державного русского народа и остальных народов, ее населяющих; мирного и справедливого сотрудничества всех классов государства на принципах братского отношения, права и равенства всех перед законом во имя общего блага и во славу Божию.

Пользование материальными благами определяется: признанием права частной собственности, ограниченной интересами государства и общества, и хозяйственной инициативы, как личной, так и общественной»[65].

Как и любые военно-спортивные патриотические объединения, русские сокола уделяли большое значение национальной символике. Они имели свою форму, знаки отличия, значки, награды и т.п. Многие сокольские общества имели и свое знамя. Все они были однотипными: на одной стороне (одноцветной) была вышита шел-

ком икона святого Георгия Победоносца с надписью «С нами Бог» (по аналогии со знаменами Императорской армии). Другая сторона была трехцветной — бело-сине-красной — с надписью — названием общества, например: «Общество Русский Сокол в Земуне». На вершине древка знамени помещалась бронзовая статуэтка летящего сокола с гимнастическими гирями в лапах. Так было на знаменах всех обществ, кроме земунского, где сокол нес в лапах меч, обвитый тернием, как память о Белой армии. Все знамена носили черный траурный креп в память о России. Помимо Земуна, знамена имели общества в Белграде, Загребе, Новом Саде, Нише и Вранье. Крестной матерью земунского знамени была княгиня (принцесса) Ольга, дочь греческого принца Николая и его супруги Великой княгини Елены Владимировны.

Имели русские сокола и свой гимн. Его слова были написаны генерал-лейтенантом В.Е. Вязьмитиновым.

Национальная Организация Русских Разведчиков (НОРР)

Национальная Организация Русских Разведчиков была создана в 1928 году полковником Генерального штаба П.Н. Богдановичем после ухода из ВНОРС полк. О.И. Пантюхова. Обвиняя скаутов в интернационализме и масонстве, П.Н. Богданович создал новую национальную организацию, в которую перешло много скаутских руководителей*. Первостепенной задачей НОРР являлось сохранение русской молодежи от денационализации. Велась борьба за души русской молодежи, за то, чтобы она не растворилась в окружающей среде, сохранила и развила чувство принадлежности к великому русскому народу. В основу воспитательной работы организации ставились прививание молодежи любви к исторической России и бескомпромиссный антикоммунизм. Развивая эту мысль, П.Н. Богданович в статье «Пути работы» писал: «В отношении патриотизма русский инструктор в настоящее время имеет перед собою задачи бесконечно сложнее и труднее, чем любой из его иностранных коллег. То исключительное положение, в котором мы все, русские, находимся, вызвало к жизни жестокого врага русской молодежи — денационализацию. Один из выдающихся патриотов своей страны — маршал Фош постоянно повторял, что народы погибают тогда, когда теряют свою память. Для народа памятью является изучение выдающихся событий и героев своей страны, размышление над данными народного опыта. Память того или другого народа — это его история, которая сегодня больше, чем когда бы то ни было, при-

* П.Н. Богданович попытался зарегистрировать новую организацию в БСИБ — Бойскаутском интернациональном бюро в Лондоне, но получил отказ.

28 Заказ2370

глашает вдуматься в уроки прошлого, чтобы в близком будущем не повторить его ошибок...

Инструктор должен это помнить всегда, он должен быть безоговорочно русским патриотом. Если он даже впадет в шовинизм, то это будет бесконечно лучше, чем безразличное или политиканствующее отношение с его стороны в этом основном для нас всех вопросе.

Пусть ему путеводной звездой будет нерушимое завещание Петра Великого — создателя Российской Державы, родившейся из потешных: "Жизнь не дорога — жила бы Россия во славе и благоденствии".

Русский разведчик — потомок славных потешных — добьется России, Славы и Благоденствия, потому что для него — Россия раньше всего, Россия важнее всего и Россия выше всего!»[66]

Для того чтобы подчеркнуть национальный характер организации, в начале 1933 года согласно приказу № 10 от 1.11.1932 г. была изменена традиционная скаутская униформа и символика, введенная еще в начале века основателем движения английским полковником Р.Баден-Поуэллем. Об этом событии сообщалось в заметке, посвященной «русским разведчикам» и опубликованной в журнале «Часовой». В ней говорилось: «С ноября месяца шапочки-пилотки, заменившие у разведчиков чуждые нам ковбойские широкополые шляпы, будут украшены не ничего не говорящей русскому сердцу бурбонской лилией, а "ополченским" крестом с вензелем — изображением имени Императора Петра I, новым знаком организации.

Этот новый знак должен постоянно напоминать разведчикам о великом служении Родине незабвенного Преобразователя и побуждать ее следовать его высокому примеру. Даты 1682—1932, выгравированные на знаке, подчеркивают память о первом лагере потешных перед Кремлевским дворцом, бывшем 250 лет тому назад.

Затем, разведчики будут отныне считать день Преображения Господня — 6/19 августа — праздником организации, а Преображенский марш — своим маршем. Звездочки, носимые на груди разведчиками за количество лет пребывания в организации, приняты в форме звезды Св. Георгия Победоносца.

Все эти, на первый взгляд незначительные, изменения в форме разведчиков имеют, однако, очень большое значение: они лишний раз подчеркивают национальный характер организации»[67]. С 1938 года, согласно приказу начальника НОРР № 238, лозунгом организации стал призыв «За Веру, Царя и Отечество», заменивший существовавший ранее призыв «За Россию»[68].

До Второй мировой войны отделы и представительства НОРР существовали в Австралии, Англии, Венгрии, Китае, Маньчжурии, США, Тунисе, Франции, Чехословакии и Югославии. По количеству детей и юношей НОРР занимала первое место среди моло-

дежных организаций. Наиболее сильными группами были отделы во Франции, Болгарии и на Дальнем Востоке.

Например, Болгарский отдел НОРР к 1939 году насчитывал около 600 человек. При отделе были созданы авиационный отряд, лыжная команда, фехтовальная группа, группа боевой химии, стрелковые группы, конный отряд под руководством сотника Н.Н. Попова. Функционировали автомобильные курсы. Авиационным отделом и лыжной командой руководил поручик Н.И. Воротников.

Как и другие молодежные организации, для практических занятий НОРР организовывала летние лагеря. Так, в 1933 году действовало 4 таких лагеря.

После оккупации Франции немецкими войсками и запрета деятельности всех русских организаций работа НОРР была прекращена. Не имея связи с Центром, самоликвидировались и отряды НОРР в США и Австралии. НОРР в Китае прекратила свою деятельность 8 сентября 1945 г. без какого-либо давления со стороны, сдав свое имущество советскому консулу в Шанхае. Значительное число членов НОРР (в основном из Болгарии) и Союза Русского Сокольства записались в Русский Корпус. Из них более 250 человек погибли в боях с титовскими партизанами[69].

Часть членов НОРР организовали и продолжили работу в **Петровском Союзе**. Союз был создан в июле 1941 года в Болгарии (Болгарским отделом НОРР) и стал основой **Всероссийского Петровского Движения**. Возглавил его начальник упраздненной немцами НОРР полковник Богданович. С началом войны он поступил на службу в Управление делами русской эмиграции в Париже и стал заместителем начальника Управления Ю.Жеребкова.

О направленности движения наглядно свидетельствуют основные тезисы, изложенные в Информационном бюллетене ВПД: «Враг национальной России — коммунизм!», «Враг этот должен быть побежден во что бы то ни стало», «Служи Родине — отвечай только Богу», «Величие духа — служение Родине!», «Русский тот, кто считает Россию своим духовным лоном», «Мы боремся за сохранение единства России», «Мы боремся против политического сепаратизма», «Мы боремся против безбожия», «Родину надо почувствовать. А почувствовав — выстрадать», «Время претворить чувство в волю, а слово — в дело».

Национальная Организация Витязей (НОВ)

Первые зачатки будущей *Национальной Организации Витязей* были заложены в 1922 году участником Белого движения в Северо-Западной Армии генерала Юденича Н.Ф. Федоровым. Являясь секретарем Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ) в Таллине, он основал молодежную русскую дружину (Союз Русской Молодежи)[70]. После его отъезда в 1926 году в Париж ее возглавил А.Зеле-

ной. Переехав в Париж, Н.Ф. Федоров основал 5-й отряд скаутов при РСХД, а 18 мая 1928 года, порвав со скаутизмом, первую дружину «витязей» при Русском Студенческом Христианском Движении во Франции. Впоследствии отряды «витязей» при РСХД были основаны в Нарве, Риге, Софии, Праге, Брно, Берлине, Харбине. В октябре 1934 г. Н.Ф. Федоров вместе с парижской дружиной «витязей» выходит из РСХД «согласно постановления и воли большинства руководителей означенной дружины» (приказ № 41 от 3 ноября 1934 г.) и формирует независимую организацию, названную *Национальной Организацией Витязей.* Цели и задачи НОВ были сформулированы в уставе Организации. Они включали следующие позиции:

Национальная Организация Витязей имеет своей целью привлечение, объединение и воспитание русских детей и молодежи под девизом «За Русь, за Веру».

Для достижения этой цели в основу своей деятельности Национальная Организация Витязей полагает:

а) развитие правильного сознания своего долга в отношении Церкви, Родины, ближнего и общества;

б) развитие и выработку характера на началах христианской любви к ближнему, беззаветной преданности Православной Церкви и усвоения ее учения как основы жизни;

в) развитие сознательного чувства любви и преданности своему Отечеству — России — и веры в его лучшие стороны через ознакомление с историей России, ее культурой, искусством, великими людьми и подвигами их, бытом, народным творчеством, географией, народами России, экономическими богатствами и возможностями и природой;

г) развитие положительных качеств характера, как: безупречная честность, ответственность, самоотверженность, дисциплина, верность и чистота в мыслях и поступках;

д) развитие чувства внимания и заботливости, взаимной поддержки, братского милосердия, сострадания и сочувствия к ближнему;

е) подготовку к самостоятельной жизненной борьбе через всестороннее физическое воспитание, выносливость, неприхотливость, через развитие природных способностей, трудолюбия и самодеятельности[71].

Структурно НОВ состоял из отрядов — групп «витязей» и вожатых численностью 6—15 человек в возрасте от 8 до 17 лет включительно. Во главе отряда стоял начальник отряда, которому помогали вожатые из среды своих сверстников, обладающие способностями руководителя («отдельные»). 2—4 отряда составляли дружину. Дружины входили в состав района, а районы — в состав округа. Во главе округа стоял начальник со штабом, который в свою очередь

подчинялся Центру, состоявшему из главного начальника НОВ, штаба Организации с отделами (издательский, информационный, финансово-хозяйственный, лагерный и педагогический), трех заместителей главного начальника, трех избранных Общим Кругом членов и Центральной ревизионной комиссии — высшего органа управления и руководства. Высшим законодательным органом организации являлся Общий Круг НОВ. В организационную структуру НОВ входили также *Объединение Молодежи Витязей* (ОМВ) и *Объединение Друзей Витязей* (ОДВ).

Объединение Молодежи Витязей объединяло членов организации, выбывших из отряда по возрасту, но продолжавших работать в НОВ. Оно состояло из 5 отделов: религиозно-миссионерского, культурно-просветительского, социального, трудового и спортивного.

В *Объединение Друзей Витязей* входили люди старшего поколения, разделяющие цели НОВ и желавшие помочь организации как материально, так и морально[72].

Наибольшее развитие в довоенный период организация получила во Франции, в Парижском районе и в провинции, в Гренобле, Южин и Риуперу, Марселе, Каннах и в Ницце.

Для физической и политической подготовки русской эмигрантской молодежи устраивались летние лагеря: Алексеевский лагерь «Русь» (Франция), открытый в 1929 г. в местечке Манделье-Ла Напуль на Средиземном море (действовал до 1938 г., а после войны — с 1946 по 1957 г.); Суворовский лагерь «Русь» (Французские Альпы), открытый в 1934 г. в местечке Лаффрей в департаменте Изер (действовал по 1939 г., возобновил работу в 1947 г.); Владимирский лагерь «Русь» (Франция), открытый в 1939 г. в местечке Тури департамента Лаурэ в 100 км от Парижа (действовал в военный период). До начала Второй мировой войны через эти лагеря прошло около 2500 человек*.

Как и многие другие русские патриотические организации, НОВ имела свою военизированную форму, знак и гимн.

Мы — витязи славной России,
За веру, за Русь мы идем,
И эти слова дорогие
Мы радостно в жизни несем.

Не страшен нам путь тот суровый,
Надеждою он осенен,

---

* Всего «витязями» в разные периоды деятельности по 1959 год включительно было устроено во Франции и других странах Зарубежья 88 лагерей сроком не менее четырех недель, через которые прошли 10 033 человека (детей, молодежи и взрослых).

И пламенем веры Христовой
Наш огненный меч освящен.

Работать на благо России,
Жить дружной и тесной семьей,
Заветы хранить дорогие
Стремимся мы всею душой.

И помнить могилы тех славных,
Что отдали жизнь за нее, —
И храмов трезвон православных,
И знамя родное свое.

Мы — витязи славной России,
За веру, за Русь мы идем,
И, полные веры и силы,
Мы всех за собою зовем.

В начале войны весь состав старших «витязей», инструкторов и руководителей во Франции был призван в армию. Однако деятельность НОВ не прекратилась. Несмотря на формальный запрет, работа Организации продолжалась и сосредоточилась в Париже и в местечке Тури, в ста километрах от Парижа, где был открыт Центр для эвакуации парижских детей из угрожаемых воздушной бомбардировкой районов Парижа. Через этот Центр «витязями» были устроены летние и три зимних лагеря, через которые прошли свыше 600 человек. С 1942 г. дружинная и отрядная работа была полностью восстановлена. В Париже действовали четыре дружины и школа инструкторов (первый выпуск в 1943 году).

В это же время отдел социальной работы оказывал посильную помощь (посылками, перепиской, посещениями в госпиталях) как своим военнопленным, так и советским, попавшим в немецкий плен[73].

Национальная Организация русских скаутов

Русский скаутизм ведет свое начало от основанного О.И. Пантюховым 30 апреля 1909 года отряда в Павловске, впоследствии развернувшегося в Царскосельскую дружину русских разведчиков.

К концу 1916 года в России было уже около 50 000 скаутов в 143 городах. В 1919 г. были организованы скаутские отряды в городах Западной Сибири, руководителем которых был избран скаутмастер К.А. Перцев*.

---

* В СССР скаутизм был запрещен в 1923 году и как альтернатива созданы пионерские отряды.

Первые отряды скаутов в эмиграции возродились в Константинополе, на островах Принкипо, Халке и Лемносе. В 1920 г. старший скаутмастер полковник О.И. Пантюхов объединил скаутов за границей в единую организацию, получившую название *Организация Русских Скаутов за границей**.

Согласно приказу № 1 (Константинополь) от 1 июня 1920 г. он объявил себя Старшим русским скаутом на основании постановления съезда руководителей скаутов, состоявшегося в Новочеркасске (1919 г.) и единогласного решения руководителей скаутов в Константинополе и его окрестностях.

1 июля 1922 г. Организация русских скаутов за границей была принята в Славянский Союз скаутов и герл-гайд, а 30 августа — в Бойскаутское интернациональное бюро**.

К началу 1920-х годов относится и возникновение русских скаутских отрядов в Югославии. Их работа неразрывно связана с деятельностью Союза югославянских скаутов (СЮС) и именем русского скаутмастера М.В. Агапова-Таганского. В 1921 году М.В. Агаповым-Таганским в хорватском городе Огулине была основана югославянская скаутская дружина. В 1923 г. он был избран начальником отдела, образовавшегося в результате объединения югославянских скаутов в Хорватии и Славонии. В 1924—1925 гг. М.В. Агапов-Таганский вместе с русскими скаутмастерами Гарднером, Ивашинцевым и Лебедевым организовал и провел первый курс для руководителей с девизом «Будем как солнце!» (БКС), взятым из стихотворения Бальмонта. Объясняя значение девиза, Агапов в «Идеологических основах скаутизма» писал: «Смысл всего, о чем мы говорим, сводится к значению всего одного слова, а это — Любовь. Эту любовь, которая является двигателем всего хорошего и красивого и на чьем пламени горят наши сердца, для того, чтобы лучше понять и почувствовать, мы обозначали наглядным понятием источника света и тепла — Солнцем»[74].

В 1927 году от ВНОРС отделилась группа «Молодая Россия», которая стала работать при Объединении Земского союза и Союза

---

* В 1924 году Организация Русских скаутов за границей была переименована во ВНОРС (Всероссийская Национальная Организация русских скаутов), а в 1934 году — в НОРС-Р (Национальная Организация русских скаутов-разведчиков).

** 15 ноября 1945 г. в Лондоне на заседании Бойскаутского интернационального комитета было решено исключить НОРС, чтобы, как было сказано в постановлении, «избежать любого обстоятельства, которое могло бы скомпрометировать возможную скаутскую организацию внутри СССР, которая могла бы в конечном итоге стать членом мирового скаутского братства» (см.: *Полчанинов Р.* Школа доблести и чести // Родина. 1995. № 7. С. 64).

городов (Земгоре), располагавшем денежными фондами. Среди отколовшихся, по ряду сведений, был скаутский руководитель А.Л. Казем-Бек, возглавивший позже Младоросскую партию[75].

3 мая 1928 года из ВНОРС вышла группа под руководством начальника Французского отдела НОРС полковника Генерального штаба П.Н. Богдановича, организовавшего самостоятельную Национальную Организацию Русских Разведчиков (НОРР), а в январе 1933 года — группа под командой начальника Парижского района НОРС полковника В.А. Богуславского, создавшего организацию «Юные добровольцы».

В 1941 году НОРС-Р была переименована в *Организацию Разведчиков* (*ОР*). В годы Второй мировой войны большинство организаций скаутов было закрыто. Официально продолжали функционировать организации в Болгарии и Финляндии. Не была запрещена скаутская работа и в Венгрии. Это дало возможность организовать дружину в Уйвидеке (Нови-Сад), югославском городке, присоединенном к Венгрии. В Лондоне деятельность скаутов также не была запрещена, но прекратила работу из-за военного положения. Продолжали работу Тяньцзиньская дружина НОРС-Р — до 1 ноября 1942 г.; в Пекине — до 7 декабря 1941 г., после японского налета на Перл-Харбор и оккупации иностранных концессий. Шанхайская дружина НОРС-Р просуществовала до 6 мая 1945 г[76].

После Второй мировой войны организация разделилась на две части: НОРС — под покровительством О.И. Пантюхова (Франция, Маньчжурия, Китай, Австралия и отчасти Аргентина) и Организация Российских Юных Разведчиков (ОРЮР)[77]. В 1979 г. они вновь объединились в ОРЮР—НОРС.

Русский Национальный Союз участников войны (РНСУВ)

Русский Национальный Союз участников войны был создан в 1936 году в результате выхода группы офицеров во главе с генералом Туркулом из РОВС. Причиной выхода послужил устаревший приказ № 82, запрещающий членам РОВС вступать в политические организации. Однако спустя 20 лет, по словам Туркула, армия «не может быть вне политики, в особенности Белая армия, которая является орудием политики не внешней, а внутренней во внутригосударственной гражданской войне»[78]. В аполитичности армии, в отсутствии национальной идеи Туркул видел и причины гибели Российской Империи, и поражения Белых армий в Гражданскую войну. «Одной из причин гибели Императорской России, — писал Туркул, — была аполитичность нашей старой армии.

Несмотря на политические лозунги “За Веру, Царя и Отечество”, которые официально были начертаны на русских знаменах, армия в самый решительный момент бытия государства Российско-

го оказалась вне политики, которой в ней боялись, которую презирали и которую не понимали.

Но политика — это борьба за жизнь, за "место под солнцем", за человеческие условия существования, за развитие трудовой деятельности, за возможность говорить, мыслить и верить

Человек "вне политики" — это человек "вне жизни".

Армия "вне политики" — это организм без души, который может оказаться не только бесполезным, но по временам и прямо опасным для своего государства, так как армия без души может оказаться беспомощной жертвой политиканов, играющих на шкурных и низменных чувствах солдатской массы.

Так было у нас двадцать лет тому назад, в 1917 году.

Поэтому мы категорически восстаем против парализующей волю и разум формулы — "Армия вне политики", ибо каждый режим имеет свою армию, которая служит именно ему. Мы знаем также, что русского национального режима сейчас нет. Он, как и вся русская государственность, должен быть еще создан. И мы верим, что в создании его именно мы, зарубежные кадры Российской армии, сыграем значительную роль.

Процесс может оказаться обратным. Не армия воспримет политику случайно создавшегося режима, но режим будет такой, каким создаст его армия. Поэтому мы считаем политическую подготовку российского офицерства совершенно и настоятельно необходимой»[79].

В этих условиях Туркул с группой офицеров и гражданских лиц, разделявших идеологию Союза, и те, «кто по-военному мыслит, действует и учится»[80], решился на «второй дроздовский поход». Не отвергая вооруженной борьбы, руководство созданного РНСУВ все же делало упор на борьбу словом.

Центральным печатным органом РНСУВ стала газета «Сигнал», выходившая два раза в месяц (1937—1940) под редакцией полковника Н.В. Пятницкого. Первый номер газеты вышел 1 февраля 1937 года (тираж газеты достигал 4000 экз.) С 1 октября 1939 г. в Белграде стал издаваться двухнедельный журнал Белградского отделения Югославянского отдела РНСУВ «Военный журналист» (с № 27 редактор — ротмистр Е.А. Шелль), а также журнал «Всегда За Россию» Люблянского отделения. Активными авторами «Военного журналиста» стали генерал Б.А. Штейфон, полковник С.И. Лашков, подпоручик Б.Варенник, полковник М.Рынейский и другие.

Председателем главного правления РНСУВ (зам. ген. Туркула) был избран подполковник В.В. Черноцеков, председателем Политического бюро — корнет Г.П. Апанасенко. В тесном контакте с РНСУВ находились полковник Рыбаков (газета «Россия», Нью-Йорк), князь Романовский, герцог Лейхтенбергский и другие.

Девизом организации стало: «Бог — Нация — социальная справедливость».

К 1939 году отделы РНСУВ были созданы во Франции (представитель в Париже — полковник Хорошилов), Бельгии, Чехословакии, Югославии, возникшего в середине 1936 г. (председатель-ротмистр А.П. Пенкин, Белградского отделения — полковник Е.Д. Цешковский), Греции, Албании, Аргентине, Уругвае.

Цели организации выразил корнет Г.П. Апанасенко: «...строить Новую Россию — святыню, Россию — справедливость, в которой все слои населения в их повседневной деятельности и труде служат Божьей правде, Нации, Государству, своей народности, обществу своего края, своей семье»[81]. Об основных принципах организации можно судить по их краткому изложению в «Военном журналисте» за 1939 год. Они сводились к следующему:

— ярко выраженная, вытекающая из национальной истории *Идея*;

— *жертвенность* — «Мы для России, а не она для нас»;

— *программа действий* — понятная для русского народа;

— *организационное ядро* — организационная группа с единой доктриной, способная помочь ведущему слою России принять должное направление;

— *ведущая воля* — организационное ядро, связанное дисциплиной и ведомое единой волей[82].

В отношении государственного устройства в России после «свержения иудо-коммунистической власти» РНСУВ ратовал за наследственного представителя Дома Романовых (ориентировался на молодого Е.И.В.Великого Князя Владимира Кирилловича). Однако, как и многие другие организации, считал необходимым в качестве переходного периода диктатуру. «Мы мыслим себе восшествие на Престол Русского Монарха, — говорилось в редакционной статье «Сигнала», — как завершение сложного и, может быть, длительного процесса очищения Русской земли от интернациональной заразы, революционного угара и большевистского разврата. Но выжигание каленым железом язв русской жизни дело не государево. Руки Русского Царя не должны быть обагрены кровью. Пусть уж, если нужно, кровь ложится на диктатора»[83]. Подытоживая эту мысль, Туркул говорил в своей речи в Берлине, произнесенной 18 мая 1938 года: «В основу нашего политического мышления мы взяли фашизм и национал-социализм, доказавшие на деле свою жизнеспособность и победившие у себя на родине коммунизм. Но, конечно, доктрины эти мы преломляем в русской истории и применяем к русской жизни, к чаяниям и нуждам Российского народа <...>. Наш идеал — фашистская Монархия <...>. Наши друзья и союзники — фашисты всех стран и народов, в которых горит их национальная честь, в которых сильна их национальная правда и которые понимают и отдают должное и чужой чести, и чужой правде. Не использование и эксплуатацию, но взаимное уважение и добрососедский мир и союз — вот что мы ждем и что мы видим от фашистской идеи»[84].

В рамках «политической и технической» подготовки русской эмиграции членами РНСУВ организовывались публичные выступления, лекции и собрания. Так, за 8 месяцев (1937—1938 гг.) Белградским отделом Союза (активные члены Белградского отделения: кап. Бондаренко, журналист Персиянов Д.А., корн. Сериков) было проведено 14 публичных выступлений и 27 закрытых собраний, связанных с выработкой политических положений и программных вопросов. Большое внимание уделялось самообразованию, а также совершенствованию военных знаний. В этой связи, например, многие члены Белградского отделения прошли курс административных знаний и ускоренный курс военных занятий под руководством генерала Шуберского (Головинские курсы)[85].

К середине 1939 года идеологами РНСУВ были разработаны основные программные положения Союза, намечены пути, по которым, по их мнению, должна была идти российская эмиграция. Эти пути были резюмированы в речи полковника Н.В. Пятницкого, опубликованной под заголовком «Национальный путь Российской эмиграции» в газете «Сигнал». На вопрос, на какой же путь они зовут российскую эмиграцию, полковник Пятницкий отвечает:

«Путь национальный;

путь имперский, российский;

путь морально-религиозного подхода в государственных вопросах трудового устроения и социальной справедливости;

путь действенной, жертвенной и немедленной борьбы;

путь качественного отбора;

путь консолидации национальных сил и средств;

путь опоры на государственную помощь в антикоммунистической борьбе;

путь четкой интегральной перманентной непримиримости к иудокоммунизму;

путь свержения советской власти всегда, везде, всеми способами и при всех обстоятельствах, вплоть до использования затруднений СССР во время войны;

путь национального возрождения России с помощью кого угодно, не боясь дорогой платы за помощь для выигрыша хотя бы одного дня национального спасения;

путь соборного строительства Новой России всеми силами народностей нашей страны;

путь создания имперской скрепы — Монархии Всероссийской.

Именно тогда, когда мы придем к концу этого пути, к этой священной нашей цели — Монархии Всероссийской, мы прибавим к нашим основным лозунгам: “Бог — Нация — социальная справедливость” и “Всегда за Россию!”, которые начертаны на трехцветных национальных знаменах нашего Союза, и основной исторический лозунг прошлой и будущей России — “За Веру. Царя и Отечество”»[86].

Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД)

Аналогичная организация, получившая название *Российское Национальное и Социальное Движение,* была создана в Германии в 1935 году под руководством полковника Н.Д. Скалона. Фактически эта организация стала преемницей созданного в 1933-м Российского Освободительного Народного Движения (РОНД), возглавлявшегося русским немцем А.П. Пельхау-Святозаровым. РОНД имело около 200 штурмовиков немецкого образца и издавало ряд газет: «Голос РОНДа», «Пробуждение России», «Девятый вал». К 1935 году оно было закрыто германскими властями, по мнению берлинских эмигрантов — по требованию советского посольства.

* * *

В сущности, РНСД, РНСУВ, Движение штабс-капитанов и аналогичные организации мало отличались друг от друга: подчеркивали верность Православию и мировозренчески симпатизировали фашизму (одни в большей степени итальянскому, другие — португальскому) и германскому национал-социализму. То же самое относится и к части казачьих организаций.

Несмотря на то что к началу 1930-х годов надежды Белой эмиграции на «крестовый поход» против большевиков растаяли, правые круги (и в первую очередь офицерство) считали своим долгом поддерживать любую борьбу, любые выступления против коммунистического режима. В сознании белых противостояние большевизму трансформировалось в борьбу за духовную Россию. Причем Россия, Родина после их многолетней эмиграции рассматривалась уже не по территориальному признаку, а по внутгреннему, духовному ощущению. Эту мысль сформулировал Иванов-Разумник. Он писал: «Родина имеет для нас смысл не географический, а духовный, “отечество” мы понимаем не внешне, а внутренне». Поэтому там, где возникали очаги конфликтов, связанных с экспортированием коммунистической идеологии, появлялись группы русских добровольцев. География их действий обширна. Еще в 1924 году отряд русских добровольцев в количестве 108 человек под командованием полковника Миклашевского помогает захватить власть Ахмету Бей Зогу, впоследствии королю Албании, вступившему в противоборство с прокоммунистической политикой епископа Фаноли[87]. А в годы Второй мировой войны часть «албанцев» продолжила борьбу против Советского Союза уже в рядах итальянской дивизии. В 1932—1935 годах отряды белогвардейцев под предводительством генерала И.Т. Беляева участвовали в войне между Парагваем и Боливией. Победа Парагвая стала возможной главным образом благодаря помощи русских добровольцев. Когда несколько лет спустя генерал Беляев скончался, то благодарный

Парагвай объявил день его похорон днем национального траура, а сам Беляев был провозглашен национальным героем. Всего же в войне с Боливией в рядах Парагвайской армии приняло участие свыше тридцати белых русских офицеров, пятеро из которых погибли. В столице Парагвая Асунсионе их именами названо пять улиц, а на Свято-Покровском храме в их память воздвигнута мемориальная доска.

Некоторая часть дальневосточной военной эмиграции поддерживала в Маньчжурии борьбу Чан Цзолина против просоветски настроенного Гоминдана. Участвовали белые эмигранты и в гражданской войне в Испании.

Устремления русских добровольцев в Испании кратко выразил участник войны генерал А.В. Фок. Он писал: «Те из нас, кто будет сражаться за национальную Испанию, против III Интернационала, а также, иначе говоря, против большевиков, тем самым будут выполнять свой долг перед белой Россией»[88]. Аналогично высказался позже и один из белых офицеров, принимавших участие в войне: «Мы же все здесь, в белом лагере, все — от генерала и до последнего солдата, испанцы и немногие иностранцы, — выполняем свой долг — защиты веры, культуры и всей Европы от нового натиска красного зверя»[89].

Однако были и другие мнения. Так, в сентябре 1936 года на страницах «Царского вестника» развернулась полемика между А.Керсновским* и генералом М.Скородумовым, касающаяся взглядов на испанскую проблему. Поводом к полемике стало открытое письмо А.Керсновского «Никаких испанцев». Оно интересно своим содержанием и эмоциональностью, характерной для русской эмиграции тех лет. Поэтому приведем его полностью. Начинается оно с эпиграфа:

Но его для сраму я
Маврою одену,
Загоню на самую
На Сьерра Морену.
(*Козьма Прутков*)

Далее А.Керсновский пишет: «Когда, наконец, мы поумнеем и перестанем распинаться за чужих? С какой стати и почему проливаем потоки слез и чернил во имя какой-то совершенно ненужной, чуждой и безразличной нам Испании? И если бы только слезы и чернила! Нашлись русские люди, русские офицеры, пошедшие проливать свою кровь на поля Ламанчи, выручая потомков Дон Кихота, — ту

* Керсновский Антон Антонович — военный историк. Автор ряда книг, в том числе четырехтомной «Истории Русской Армии». Скончался в 1944 году в Париже в возрасте 37 лет.

русскую кровь, проливать которую за чужие интересы они не имеют права, ибо скоро она может понадобиться Матери-России.

Без негодования нельзя прочесть ребяческое письмо русского белого офицера, напечатанное в «Часовом» и, увы, перепечатанное очень многими эмигрантскими газетами, в том числе и «Царским вестником».

Он, видите ли, "счастлив, что исполняет свой долг", как будто борьба за испанское благополучие составляет долг русского офицера! Нам важно истребить русских большевиков, а на испанских нам должно в высшей степени наплевать.

Пусть нам не морочат голову надоевшей пошлятиной, что борьба с "мировым злом" — наше "общее дело". Почему это вдруг сделалось "общим делом" сейчас, в 1936 году, а не было им в 1917, 1918, 1919, 1920, 1921-м? Что делали тогда эти посылающие нам сейчас свой привет г.г. испанские офицеры? Где они были тогда? Под Тихорецкой? Армавиром? Царицыным? Харьковом? Или, быть может, под Киевом и Орлом? Во всяком случае, опоздав к Московскому походу, они успели, конечно, прибыть к перекопским боям? Под Каховку? Где они были тогда? Много ли их стояло в строю наших офицерских рот?

Изнасилованные испанские женщины, расстрелянные испанские священники. Подумаешь, нашли чем разжалобить! А наших русских женщин кто-нибудь жалел? А тысячи замученных русских священнослужителей нашли разве отклик в чьих-либо сердцах — французских, немецких, испанских? Это, небось, не было тогда "общим делом".

Что за негодование: разрушен Альказар! А когда Иверскую сносили, кто из них возмущался? А когда разрушали старейший наш храм — Десятинную Церковь, воздвигнутую еще Владимиром Красным Солнышком, — кто из г.г. испанцев тогда возвысил свой негодующий голос? Укажите мне испанца, который протестовал бы против уничтожения храма Христа Спасителя! Не знаете. Вот и отлично. А я зато укажу вам русского офицера, туберкулезного, без права на труд, с отобранным паспортом, которым не так давно — всего несколько месяцев тому назад — г.г. правые испанцы и г.г. правые французы перебрасывались, словно мячиком, через Пиренеи! Вот этот наш искалеченный и гонимый русский штабс-капитан заслуживает в тысячу раз более нашего внимания и сострадания, чем все испанские патеры, взятые вместе.

Испанский "капитан X" шлет привет русскому офицерству. Запоздало это ненужное приветствие на целых 17 лет. Отчего они не посылали нам, русским, свой привет в 1919 году? Или это тогда не было "общим делом"?

Победят белые испанцы — полпредство по-прежнему останется в Мадриде (либо удалится оттуда на самое непродолжительное время).

А русских офицеров, имевших наивность (и более чем наивность) сражаться в их рядах за "общее дело", немедленно же выставят вон из Испании как "нежелательных иностранцев". Да еще, чего доброго, предъявят им обвинение в советской пропаганде — как то всегда было в обычае у испанцев в отношении белых русских эмигрантов.

Когда, наконец, мы поймем, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские "огненные кресты", немецкие наци или итальянские фашисты — такие же враги нас, русских эмигрантов и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты? Не спасать их надо, а повторить мудрые слова Тараса Бульбы: "Чтоб они подохли все, собаки!"» [101]

В № 524 (1936 г.) «Царского вестника» был опубликован ответ генерала Скородумова на статью А.А. Керсновского, в котором он высказал свою точку зрения на испанскую проблему. В частности, он отмечал, что «испанцы, немцы, японцы, французы все равно нас за это никогда не отблагодарят, что русский офицер с этим считаться не может, русский офицер должен быть рыцарем всегда и всюду и, будучи убежденным антибольшевиком, должен уничтожать большевиков на любой испанской, французской, немецкой и других территориях, ибо если французы, испанцы, японцы и т.д. поступают отрицательно, то это далеко не значит, что и русские офицеры должны поступать так же.

Но естественно, что, принимая участие в Гражданской войне, русские не должны рвать зубами Мадрид, Париж и т.д., ибо на черта они нам нужны, мы должны только помогать, но не освобождать.

Но принимать участие в Гражданской войне и обязательно в русских единицах с возможно меньшими потерями, сберегая силы для последнего решительного боя под Москвой, — русские обязаны...

Честь и слава русским офицерам, воюющим против большевиков, хотя бы в Испании.

Пускай сперва подохнут все большевики, а потом при первом же случае мы поговорим и все припомним иностранцам, но сейчас это преждевременно»[91].

Продолжая свою мысль в отдельной листовке, озаглавленной «Что такое большевизм?»*, М.Скородумов пишет: «Не все ли равно, по какому месту бить большевиков: по морде, по затылку или по пятке, — то есть бить ли в России, в Испании или в Японии! Главное — бить и не дать опомниться! Где высунется красная морда, там и трах по морде»[92].

Точку зрения генерала Скородумова разделяли, по всей видимости, большинство активных русских эмигрантов.

---

* В приложении листовки отмечено, что данная статья публикуется отдельным изданием, ибо не была принята ни в одну газету.

Известно, что многие из них хотели бы отправиться на помощь испанским национальным силам. Однако средств у русской эмиграции для организованной переброски добровольцев не было, а франко-испанская граница была закрыта. Поэтому русским белым офицерам приходилось действовать на свой страх и риск, пробираясь в Испанию по горным дорогам, не только подвергаясь опасности быть арестованными французскими пограничниками, но и убитыми без суда и следствия республиканцами уже на испанской земле.

Особую активность по организации записи «белых» добровольцев в армию генерала Франко проявил старший Парижской группы корниловцев полковник Г.З. Трошин. В начале марта 1937 г. первая группа офицеров в 7 человек (главным образом марковцы-артиллеристы) выехала из Парижа в Сен-Жан-де-Люс, что на границе с Испанией, против г. Ируна. 16 марта выехала вторая группа...

Первыми русскими добровольцами стали генералы А.В. Фок и Н.В. Шинкаренко, капитан Н.Я. Кривошея и штабс-капитан Я.Т. Полухин. Они приехали в Испанию из Африки: им пришлось нелегально перейти через границу Испанского Марокко, чтобы попасть к испанским «белым». Первоначально их встретили настороженно, так как все русские олицетворялись в глазах испанцев с Советским Союзом. Однако вскоре мнение о них изменилось. Стало ясно, что в ряды национальной армии встали непримиримые противники «красных».

Характерен пример генерал-майора А.В. Фока. Испанский пограничный комендант выразил сомнение в его способности участвовать в боевых действиях, указав на чин и возраст генерала (57 лет). Анатолий Владимирович Фок ответил пограничнику: «Насчет чина не волнуйтесь, я в 1918 году уже был рядовым бойцом, а насчет возраста судите сами» — и тут же перед изумленными испанцами проделал несколько акробатических приемов и показал гимнастические упражнения с винтовкой. Все четверо были зачислены в офицерскую резервную роту. Генерал Фок вскоре получил назначение в терсио (треть-батальон) Зумалонореги. За отличие в боях был произведен в тениенте (поручики) испанской армии и переведен на Арагонский фронт.

Всего на сегодняшний день известно о 72 русских добровольцах, воевавших в Национальной испанской армии. Большинство было из Франции, но некоторые приехали и из отдаленных, экзотических мест, например, с Мадагаскара (Н.Э. Барк)[93].

Большая часть «белых» добровольцев была направлена в городок Молина-де-Арагон, расположенный в десяти километрах от реки Тахо в провинции Гвадалахара. Там формировался терсио рекете — батальон карлистов-монархистов. В состав батальона входили четыре роты, каждая из которых имела собственное наименование: 1-я рота — Донна Мария де Молина; 2-я и 3-я роты — Марко де Бельо; 4-я

рота — Нумансия. Сам батальон именовался по месту расположения его штаба — терсио Донна Мария де Молина.

С марта 1937 г. терсио рекете Донна Мария де Молина находился на Арагонском фронте и удерживал две позиции на реке Тахо, в 20 и 14 километрах от Молина де Арагон, где располагался штаб батальона.

В апреле 1937 г. было получено распоряжение из штаба генерала Франко о формировании отдельной русской добровольческой части с русским уставом и русским командованием, однако ввиду малочисленности добровольцев практически был создан лишь национальный русский отряд в составе терсио Донна Мария де Молина.

Весь 1938-й и начало 1939 года русские добровольцы в составе своего батальона вели активные оборонительные и разведывательные действия на своем участке фронта на реке Тахо. Недостаток сил не позволял батальону иметь сплошную линию обороны, поэтому роты батальона, растянувшиеся на 50 километров занимали лишь отдельные командные высоты, отстоящие друг от друга на расстояние 5 и более километров.

Из 72 добровольцев было убито 34, а из оставшихся живыми девять ранено. Во главе списка убитых стоит генерал-майор А.В. Фок (лейтенант терсио Донна Мария де Молина). Во время боя в районе Кинто де Эбро его рота была окружена и почти полностью уничтожена. Израсходовав все боеприпасы, А.В. Фок застрелился, чтобы не попасть в плен к «красным». В этом же бою погиб и капитан Я.Т. Полухин. Раненный в шею, он был перенесен в местную церковь для перевязки и погребен под ее развалинами после артиллерийского обстрела. Посмертно они были награждены высшей испанской боевой наградой — коллективной лауреадой. В разное время в боях погибли: кн. Лаурсов-Магалов, З.Кампельский, В.Чиж, И.Бонч-Бруевич, Н.Иванов, морской летчик — капитан 2-го ранга М. Крыгин и др. Фалангист Куценко, раненный под Тэруэлем, был взят в плен и зверски замучен[94]. Известны подробности гибели старшего лейтенанта В.М. Марченко. 14 сентября 1937 г. он вылетел на ночное бомбометание аэродрома противника. Уже после выполнения задание самолет Марченко был атакован несколькими истребителями. В воздушном бою его самолет был подбит, а экипаж (пилот, пулеметчик и механик) выбросился с парашютами. Приземлившись, Марченко направился к своим позициям, но по дороге наткнулся на «красных» и был убит в перестрелке. По сообщению «Морского журнала», его тело по требованию советских летчиков, принимавших участие в воздушном бое, было захоронено на городском кладбище. Позже местные жители откопали гроб и зарыли его вне кладбища. После занятия района «белыми» останки летчика были найдены, перевезены в Севилью и вновь захоронены с воинскими почестями[95].

30 июня 1939 г. русские добровольцы были официально уволены

29 Заказ 2370

из рядов Испанской национальной армии. Франко не забыл своих русских соратников. Всем им было присвоено звание сержанта (за исключением тех, кто уже получил офицерский чин в ходе боевых действий), они получили двухмесячный отпуск с сохранением денежного содержания и испанские военные награды «Военный крест» и «Крест за воинскую доблесть»*. Кроме того всем русским добровольцам была предоставлена возможность получить испанское гражданство, чем и воспользовались многие.

29 октября 1939 г. группа русских добровольцев во главе с полковником Н.Н. Болтиным была принята генералиссимусом Франко в его резиденции во дворце Пардо под Мадридом. На прощанье каудильо спросил, что еще он может сделать для русских. Болтин ответил ему: «Мы ничего не просим для себя лично, мы только просим, чтоб вы устроили желающих офицерами в Испанский африканский легион». Эта просьба была также удовлетворена.

Дальнейшая судьба «испанских русских» сложилась по-разному. Многие из них остались в Испании и выбрали сугубо мирные профессии, другие продолжали военную службу. Из первых четырех добровольцев (генералы А.В. Фок и Н.В. Шинкаренко, капитан Н.Я. Кривошея и штабс-капитан Я.Т. Полухин) остался невредимым только капитан Марковского артиллерийского дивизиона Николай Евгеньевич Кривошея, который фактически командовал русским отрядом в терсио Донна Мария де Молина. Находясь в эмиграции, он постоянно следил за развитием военного искусства (в Париже окончил курсы генерала Головина), пользовался исключительной боевой репутацией не только у своих соотечественников, но и у испанского командования. Он успешно воевал на различных участках фронта, однако по испанским законам как иностранец не имел права на занятие высших командных должностей.

Ряд русских «белых» добровольцев, сражавшихся в Испании, в годы Второй мировой войны принимали участие в боевых действиях на Восточном (советско-германском) фронте в составе испанской «Голубой дивизии».

Другие сражались с советскими войсками в составе итальянских частей, вместе с вермахтом вторгшихся на советскую территорию в июне 1941 года. В их числе П.В. Белин, Н.И. Селиванов, Н.К. Сладков, А.П. Яремчук-второй.

Третьи с началом войны против СССР приступили к организации русских добровольческих частей в составе германского вермахта и позднее вошли в состав РОА: граф Г.П. Ламсдорф, И.К. Сахаров и другие.

---

* Ряд русских добровольцев еще в ходе боев был награжден испанскими боевыми наградами. Среди них тениенте лейтенант Константинов, полковник Двойченко и другие.

Отметим, что и на стороне республиканцев сражалось значительное количество русских офицеров: по эмигрантским источникам — около 40; по советским — от нескольких сот до тысячи человек. Они воевали в канадском батальоне имени Маккензи-Палино, балканском батальоне имени Димитрова, 13-й Интербригаде имени Домбровского. Во многих частях они занимали высокие командные должности. Так, командиром роты в батальоне имени Домбровского был бывший поручик И.И. Остапченко, командующим артиллерией Арагонского фронта являлся бывший полковник Белой армии В.Г. Глиноедский (полковник Хименс), комендантом штаба 14-й Интербригады — бывший петлюровский офицер капитан Кореневский[96], бывшие чины РОВС — полковник генерального штаба Дорман, поставлявший «красным» испанцам предметы снабжения, генерал-майор Есимунтовский, служивший в Барселоне[97], и другие. Капитаном республиканской армии по некоторым данным был даже сын Б.В. Савинкова Лев Савинков[98].

Несмотря на общее политическое «поправение» русской эмиграции в Европе, в частности, усиление среди нее германофильских тенденций, после начала в 1939 г. Второй мировой войны большинство из эмигрантских объединений заявили о своем нейтралитете.

Вопрос участия русских эмигрантов в ожидаемой войне против СССР обсуждался на страницах практически всех эмигрантских газет. Приведем выдержки из некоторых статей, характеризующих настроения русских эмигрантов в этот период, в частности по вопросу о сотрудничестве с Германией. Так, главный редактор «Часового» и один из видных членов РОВС В.В. Орехов призывал со страниц журнала не вмешиваться в конфликт, пока одна из сторон не объявит о том, что борьба идет в том числе и против большевиков, за национальную Россию[99]. В «Часовом» № 227 за 1939 г. он писал: «С большим скептицизмом мы относимся к пророчествам наших левых эмигрантских политиков насчет “раздела России”, “Великой Украины” и проч. В отместку за преследование марксистов и евреев мировая пресса, как известно, находящаяся почти сплошь под еврейским влиянием, вот уже несколько лет распространяет недобросовестные слухи о Германии, приписывая ей такие вещи, которых нет и в проекте. Мы, русские люди, отчетливо сознаем огромную роль, сыгранную Германией Гитлера в деле борьбы с мировым большевизмом, но дальше мы ничего не знаем. Так же, как мы не можем утверждать, что Германия будет другом России, так же мы не смеем, не имея никаких данных, кроме цитат из старой книги Гитлера, приписывать ей роль нашего врага. Если же будет худшее, если Германия действительно из чисто эгоистических интересов пойдет на создание враждебной российской идее украинской акции, мы никогда не приложим своих рук к этому противному русскому национальному достоинству делу. Сомнительно, од-

нако, допустить, чтобы Германия легкомысленно пошла против будущей России. <...> Мы допускаем, что исстрадавшееся население готово, чтобы избавиться от большевиков, стать под любые знамена, допускаем, что оно встретит любые войска как избавителей. Но мы совершенно не допускаем возможности долгого и мирного сожительства русского народа с его избавителями при условии повторения последними жестоких и дорого им стоивших ошибок прошлого. <...> И если завтра начнется освобождение России даже по частям, но под флагом ее единства, немногие из нас уклонятся от чести сражаться на русской земле за ее свободу против самых жестоких врагов нашего Отечества — большевиков»[100]. Позже, в 1941 году, начальник 1-го (французского) отдела РОВС генерал А.Витковский заявил, что «русская кровь может быть пролита только за русское дело»[101].

Аналогичную позицию занял и НТСНП — они заявили о своем полном нейтралитете. По этому поводу председатель Союза В.Байдалаков писал: «В европейской военной схватке ни одна из воюющих сторон не показала себя еще искренним другом и деятельным союзником русского народа и подлинных национальных российских интересов. Мы, зарубежники, честно и лояльно выполним свой долг перед странами, нас приютившими. Но душой и всеми помыслами своими мы пока будем придерживаться строгого и бескомпромиссного нейтралитета, ибо борьба идет еще не за Россию»[102].

Следует отметить, что германофильский фланг эмиграции испытывал сомнения по поводу «союзнической» миссии Германии уже по мере нарастания агрессивности Гитлера. Так, ставка Германии на украинизацию Карпатской Руси после Мюнхенского соглашения возмутила ньй-йоркскую газету «Россия» и Русский Национальный Союз в Америке, что привело даже к его выходу из Русского Национального Фронта. В 1938—1939 гг. все эмигрантские организации в Германии были распущены и вместо них, для удобства контроля, было создано единое Управление делами русской эмиграции под руководством генерала В.В. Бискупского. У последнего, по слухам, в начале 1920-х годов «была большая заслуга перед режимом наци: во время неудачного мюнхенского "путча" он укрыл в своей квартире самого Гитлера»[103]. Аналогичным было давление японцев на русскую эмиграцию в Маньчжурии. К этому времени относится закрытие русских школ, частичный роспуск эмигрантских политических организаций, расформирование воинских союзов (например, дальневосточный отдел РОВС был превращен в *Дальневосточный Союз военных*).

Последним ударом для многих эмигрантов, надеявшихся на помощь Германии в борьбе с коммунизмом, стало заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. Точно так же как попытки Англии и Франции добиться антигитлеровского союза со Сталиным

отталкивали правую эмиграцию от демократий, так и пакт Молотова—Риббентропа оттолкнул значительную часть правой эмиграции от гитлеровской коалиции. С этого момента пошло на убыль как фашистское движение в Русском Зарубежье, так и деятельность правых сил, ориентировавшихся на «освободительную миссию Германии».

Однако значительная часть правой эмиграции — особенно за пределами демократических стран — продолжала надеяться, что этот пакт чисто тактический, что Гитлер не отбросил антикоммунистических целей, а лишь временно приостановил их осуществление. Эти надежды вскоре оправдались. Русская эмиграция вновь устремила свои взоры на Германию, тем более что она фактически была единственным антикоммунистическим государством. Русским эмигрантам очень хотелось верить, что хотя бы эти, какие ни есть, все же помогут освобождению России.

После 22 июня 1941 г. перед большинством эмигрантов встал уже не абстрактный выбор. Отныне для каждого отдельного человека выбор заключался в том, включиться ли самому в события, стараясь использовать их на пользу своему народу, или остаться в стороне. Можно сказать, что день нападения Германии на СССР стал днем раскола русской эмиграции, ее разделения на «оборонцев» и «пораженцев». Первые выступали за победу Советского Союза, вторые же считали, что победа Гитлера поможет уничтожить коммунистическую власть в стране.

В поддержку Советского Союза и антигитлеровской коалиции выступили практически вся левая и большинство центристской части политического спектра эмиграции. Особенно это относится к тем, кто смог покинуть оккупированную Европу. На оборонческие позиции встали лидер «Крестьянской России» С.С. Маслов, философ Бердяев, генералы Махов и Деникин. Горячим сторонником победы Советского Союза в войне выступил и А.Ф. Керенский.

Идеей другого главного течения в русской эмиграции — «пораженцев» — стала возможность свержения сталинской диктатуры с помощью германских штыков. Настроения, которые после 22 июня 1941 г. охватили значительную часть русских эмигрантов, передает в воспоминаниях В.В. Шульгин: «Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие! Он обернет его против ненавистной ему советской власти! И он свергнет ее!»[117].

Главными адептами пораженчества выступили руководители Русского Обще-Воинского Союза. За месяц до нападения на СССР глава германского отдела РОВС генерал фон Лампе направил письмо командующему германскими сухопутными силами генерал-фельдмаршалу фон Браухичу с предложением использовать эмигрантов в готовящейся войне против СССР. Это обращение осталось без ответа. После нападения фон Лампе еще раз обратился к фон Брау-

хичу с аналогичным предложением и получил ответ, что участие в войне русской эмиграции германской стороной не предполагается. С аналогичным предложением к немцам обратился и один из руководителей французского отдела РОВС генерал Кусонский. Ответа на обращение не последовало.

Однако, несмотря на нежелание германских властей использовать в войне с СССР русских эмигрантов, некоторые воинские формирования из их числа были все же созданы. Крупнейшими из них являлись Русский корпус и особый полк «Варяг», выполнявшие охранную функцию на Балканах. В конце войны эти части вошли в состав Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России под руководством бывшего советского генерала А.А. Власова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Даватц В., Львов Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923 (Репринт: Нью-Йорк, 1985). С. 16.

2. Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 159—175; Т. 2. Кн. 1. С. 14.

3. Там же. Т. 2. С. 78.

4. ЦХИДК. Ф. 198, оп. 17, д. 203, л. 440; Исторический архив. 1996. № 1. С. 46—47.

5. ЦХИДК. Ф. 198, оп. 17, д. 518, л. 30; Исторический архив. 1996. № 1. С. 48.

6. Исторический архив. 1996. № 1. С. 63.

7. *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой (Брюссель). 1938. № 213. С. 19.

8. Легионер. Русские во французском Иностранном легионе // Часовой (Париж). 1931. № 55. 15 мая. С. 16—17.

9. *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

10. *Сперскис Я.* Янычары // Солдат удачи. 996. № 1. С. 7.

11. *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

12. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 61.

13. Там же. С. 62.

14. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 39.

15. *Деникин А.* Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 47.

16. Национально-трудовой союз нового поколения. Курс национально-политической подготовки. Белград, 1938. Часть IV. С. 130.

17. Обращение Братства русской правды к Русскому Зарубежью // Архив РОА. Отдельный типографский оттиск. Б/м, б/д.

18. Вестник Дальневосточного Братства русской правды. Б/м, 1932. № 1 (ноябрь). С. 1—2.

19. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. С. 233.

20. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 132.

21. Там же. С. 132.

22. Наша газета. 1939. № 36.

23. *Солоневич И.* Белая Империя. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 301.
24. Наша газета. 1938. № 1.
25. Имперская Россия (Париж). 1938. № 8 (октябрь).
26. *Рузский Н.Н.* Чтобы Россия воскресла // Имперская Россия (Париж), 1938. № 8 (октябрь).
27. Имперская Россия. 1938. № 8 (октябрь).
28. *Н.Р.* Как создавался НТС // Посев. 1983. № 7. С. 49—50.
29. Материалы Архива РОА (Москва).
30. Архив РОА. Первый съезд Национального Союза Русской Молодежи. Отдельный отгиск.
31. Там же.
32. *Трушнович Я.* Подготовка, первые шаги и первые потери // Посев. 1990. №4. С. 115—116.
33. Там же. С.117
34. За Россию. 1933. № 20 (октябрь).
35. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. С.100.
36. *Георгиевский М.А.* Итоги съезда // За Россию. 1934. № 27 (май). Цит по: *Пряничников Б.* Новопоколенцы. С. 33.
37. Черные дела «Белого движения» (Публ. В.П. Ямпольского) // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 81.
38. Там же. С. 124.
39. *Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. М., 1999. С. 77.
40. Там же. С. 89.
41. *Назаров М.* Накануне 41-го: надежды и иллюзии // Родина. 1993. № 7. С. 71.
42. *Афанасьев А.* Полынь в чужих полях. М., 1984. С. 71.
43. Там же.
44. *Кулешов С.В.* Звезда и Свастика (Послесловие). М., 1994. С. 285.
45. Цит. по: Политическая история русской эмиграции 1920—1940. Документы и материалы. М., 1999. С. 129.
46. Там же. С. 72.
47. Еженедельник Высшего Монархического Совета. Берлин, 1923. 2 июня.
48. Вериста. Основные начала российского фашизма. Тезисы русского фашиста. Выборг, 1927.
49. Часовой. 1930. № 29. С. 3, 8; № 33. С. 2; № 35. С. 2; № 36. С. 2; № 37. С. 2.
50. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 17.
51. Часовой. 1939. № 238—239. С. 37.
52. Часовой. 1930. № 31. С. 25.
53. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2212. Л. 109—116.
54. Там же.
55. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2212. Л. 111—112.
56. Часовой. 1933. № 103—104. С. 27.
57. Царский вестник. 1930. № 111 (28 сентября).
58. Часовой. 1933. № 98 (15 февраля).

59. Более подробно см: *Окороков А.В.* Молодежные организации русской молодежи (1920—1945 гг.). М., 2000.
60. Основы русского Сокольства. Белград, 1935. С. 38.
61. Пути русского Сокольства (Белград). 1939. № 9—10 (сентябрь-октябрь). С. 8—11.
62. Пути русского Сокольства. 1939. № 4 (апрель). С. 10.
63. «Русский Сокол» в Земуне. 1936. Апрель.
64. Памятка русского сокола / Составитель В.М. Ткачев. Белград, 1934. С. 54.
65. Пути русского Сокольства (Белград). 1939. № 7—8. С.1.
66. *Богданович П.* Пути работы // Часовой. 1933. № 114—115. С. 30.
67. Часовой. 1933. № 100 (15 марта). С. 48.
68. Часовой. 1938. № 216. С.11.
69. *Бутков В.* Русская национальная молодежь в Болгарии // Наши вести. 1990. № 421. С.19—21.
70. Национальная Организация Витязей. Париж, 1960. С.16.
71. Там же. С. 5.
72. Там же. С. 7—15.
73. Памятка. Витязи. Париж, 1990. С. 4—7.
74. *Полчанинов Р.* Будем как солнце! // Новый часовой. (СПб.) 1998. № 6—7. С. 394.
75. *Полчанинов Р.* Молодежные организации. С. 108.
76. Там же. С. 116.
77. *Полчанинов Р.* Организация Российских юных разведчиков (ОРЮР) // Русский американец. 1995. № 20. С.173—174.
78. *Туркул А.* Пути Белого офицерства // Часовой. 1939. № 227 (1 января). С. 16.
79. *Туркул А.В.* Русский Национальный Союз участников войны // Сигнал. 1938. № 32.
80. Военный журналист. 1940. № 29. С. 3.
81. *Апанасенко Г.* Вехи политической программы // Сигнал. 1939. № 58 (1 июля). С. 1.
82. Военный журналист. 1939. № 5. С. 2—3.
83. *Лодыженский А.* Кто мы? // Сигнал. 1938. № 23 (15 января). С. 1.
84. *Туркул А.* Русский Национальный Союз участников войны // Сигнал. 1938. № 32 (1 июня). С. 1.
85. Сигнал. 1938. № 40.
86. Сигнал. 1939. № 52.
87. *Сукачев Л.П.* От Двинска до Дона в международном спальном вагоне // Вестник Первопроходника. № 33. С. 16—29.
88. *Кольцов М.* Испанский дневник. М., 1988. С. 604.
89. Там же.
90. *Керсновский А.* Никаких испанцев // Царский вестник. 1936. № 521.
91. Царский вестник. 1936. № 524.
92. *Скородумов М.* Что такое большевизм? Отдельный оттиск. Тип. «Слово». Б/д. // Архив РОА (Москва).

93. Письма из Испании // Часовой. 1939 (1 мая). № 234. С. 5–6.
94. Там же. С. 5–6.
95. Морской журнал. 1939. № 136–137. С. 22–23.
96. *Афанасьев А.* Полынь в чужих полях. М., 1984. С. 118.
97. Часовой. 1938. № 210. С. 14.
98. *Шкаренков Л.К.* Указ. соч. С.172.
99. *Орехов В.В.* Будем достойны русского имени // Часовой. 1939. № 246. С. 2.
100. *Орехов В.* С новым годом! // Часовой. 1939. № 227. С. 20, 21.
101. Часовой. 1941. № 255. С. 10.
102. За Родину. 1939. № 90 (1 октября).
103. *Прянишников Б.* Новопоколенцы. С. 95, 97.
104. *Шульгин В.В.* Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 14.

30 Заказ 2370

Некоторые исторические данные о миссии Русской Православной Церкви в Китае и Маньчжурии*

Жертвенной миссии Русской Православной Церкви посвящен отдельный раздел данной книги. Мы же коснемся лишь малоизвестных страниц ее истории, связанных с деятельностью в Азии: Китае и Маньчжурии, где в одном только Харбине насчитывалось 25 православных храмов и приходов. Под сводами этих соборов, обладавших хорошей акустикой, звучали хоровые произведения Д.Бортнянского, П.Сиснекова, А.Гречанинова и других русских композиторов, писавших духовную музыку. Каждый год в октябре в Свято-Николаевском соборе и других храмах Харбина пели полную литургию П.И. Чайковского, отмечая этим памятную дату — годовщину смерти великого русского композитора. Духовная музыка, хоровое пение, которое звучало в православных храмах, сыграли огромную роль в сохранении национальных корней у эмигрантов.

Русских православных храмов, соборов, небольших церквей в Маньчжурии, Трехречье, Шанхае, Харбине, Тяньцзине и других местах, где расселились наши соотечественники, было много. Некоторые из них были возведены как бы в компенсацию разрушенным в советской России. Например, когда в Москве снесли Иверскую часовню, в Харбине освятили ее копию. Там же после уничтожения храма Христа Спасителя в столице был построен самый большой храм в Харбине — Благовещенский. Особой торжественностью отличался Свято-Николаевский собор. Свидетельница тех лет писательница Е.Тоскина вспоминала: «Не раз мне довелось бывать под его сводами. Много лет прошло с тех пор, как сейчас, помню эту атмосферу торжественной тишины и чего-то щемяще родного. При входе была медная доска с датой основания и именами строителей. Внутри традиционно, но скромно расписанный иконостас. Большая икона Николая Чудотворца. Сквозь витражи сверху пробивались разноцветные лучи света. Теплящиеся у икон лампады, мерцающие в полумраке свечи. Ощущение высоты, легкости и простора. Все дышало Россией, ее древними традициями»[1].

Отметим, что в Китае, в Маньчжурии осели не только отдельные представители духовенства, но и целые церковные организации, союзы, советы: Союз ревнителей Православия во главе с А.А.Бобрыкиным, Иона-Предтеченского братства во главе с В.Н. Ко-

---

* Приложение подготовлено доктором исторических наук А.В. Окороковым.

стюковичем, Приходских церковных советов во главе с П.Макавеевым, Центрального Военно-мусульманского братства (С.Сибирхузин), Военного православного духовенства (Салимгиреев), общество старообрядцев (И.Кудин) и другие[2].

В 1934 г. в Харбине при большом стечении народа был открыт Институт Святого Владимира, во главе которого стал правящий архиепископ Пелетий, а правление этого духовного учебного заведения возглавил епископ Дмитрий. Здесь же, в Харбине, работала Духовная семинария, был образован и мужской православный монастырь. В монастыре, к слову, в 1928 г. была организована собственная типография, где печаталась разнообразная религиозная литература. Ежемесячно выходил религиозно-нравственный журнал «Хлеб небесный», пользовавшийся особым спросом у православных эмигрантов.

В 1933 г. при Иверской церкви стараниями протоиерея Николая Вознесенского для бедных эмигрантов была открыта народная столовая, где устраивались бесплатные обеды, кружечные сборы, лотереи, концерты, спектакли. Здесь же был организован приход для престарелых, больных, а также детей. Дети в приюте обучались ведению хозяйства. В программе обучения обязательным был Закон Божий. «Маленькими матросиками» называли харбинцы питомцев приюта, получившего название «Русский дом» и ставшего впоследствии самым популярным благотворительным учебным заведением. Он носил характер российских военно-морских училищ и кадетских корпусов. Около 100 питомцев этого учреждения воспитывались в русском национальном духе. Русские женщины, работавшие здесь, формировали у них любовь к Родине, природе, ко всему русскому. О размахе благотворительности священнослужителей Иверской церкви говорит тот факт, что с 1933 по 1942 год народной столовой этой церкви было отпущено 856 054 дешевых и бесплатных обедов для малоимущих эмигрантов[3].

Говоря о детских благотворительных учреждениях, действовавших в Маньчжурии в эти годы, нельзя не отметить общежитие «Патронат» М.Н. Юзефович, где получили воспитание 39 русских мальчиков и девочек, а также приют для девочек при женском Богородице-Владимирском монастыре. Приют был назван Ольгинским в честь княгини Ольги. В нем воспитывалось около 100 русских девочек, более половины из них были круглыми сиротами, а остальные — дети несостоятельных родителей[4].

Следует отметить, что благотворительные учреждения оказывали медицинскую помощь, занимались социальными проблемами: выдавали денежные пособия на погребение умерших, помогали нуждающимся семьям, содержали одиноких вдов и стариков.

Большой популярностью в 30—40-е годы пользовалась Серафимовская народная столовая, открытая в 1933 г. при Иверской церк-

ви по инициативе протоиерея Николая Вознесенского. Значительная поддержка столовой оказывалась путем устройства различных обедов, кружечных сборов, «счастливых» базаров, лотерей, концертов, спектаклей. Этой работой занимался Дамский кружок под председательством М.Г. Антипас-Метаксас. По данным столовой, за все время ее существования — с 9 декабря 1933 г. по 1 января 1942 г. — было отпущено 370 317 платных и 143 738 бесплатных обедов, а в общей сложности 856 054 обеда[5].

В 1934 г. при Серафимской столовой был организован приют для престарелых, больных, а также для детей. В среднем в нем было от 18 до 32 человек. Главные расходы здесь шли на питание. Дети же в приюте обучались ведению хозяйства, обязательно изучали Закон Божий.

Необходимо вкратце сказать и о работе русских ученых-эмигрантов. Только в Маньчжурии действовали десятки различных обществ, научных школ. Здесь проводились различные научные конференции русских академических организаций, создавались сотни крупных научных трудов, печатались журналы и сборники. Всего же за рубежом в 30-е годы существовало 14 русских академических организаций, отделения и филиалы большинства из них были и в Русском Китае. Например, Общество русских ориенталистов в Харбине, в которое входили такие видные ученые, как профессор П.В. Шкуркин, И.А. Добровольский, А.Д. Спицын, Г.А. Софоклов. Крупная школа русских синологов работала в Пекине, при Русской духовной миссии, в Китайском институте русского языка и литературы. В последнем трудились ученые с мировыми именами Я.Я. Брандт, Н.Н. Веревкин, Н.Н. Осипов. Многогранный исследовательский поиск, тесно связанный с практикой, велся в лабораториях Харбинского сельскохозяйственного общества. Его организатором и душой был профессор Б.В. Скворцов, оставивший десятки трудов по описанию флоры и фауны Маньчжурии. Общество издавало журнал «Сельское хозяйство Северной Маньчжурии». В эти годы Харбин превратился в известный всему миру центр востоковедения, где работали видные исследователи. Одним из них был О.В. Стариков — доктор исторических наук, китаевед, этнограф, дешифровальщик древней письменности маньчжуров. Он был не только талантливым востоковедом, но и увлеченным путешественником, натуралистом. Библиографической редкостью стала его книга «По таежным тропам». Своим учителем он считал Н.К. Рериха.

Наряду с авторитетной юридической школой, востоковедением и краеведением в Русском Китае продолжала развиваться русская историческая наука.

Некоторые представления о работе русских ученых-историков в эмиграции дает библиографический журнал «Русская книга за рубежом», издававшийся под редакцией профессора Ященко, а также

библиография исторических трудов и статей, напечатанных на русском и иностранных языках с 1921 по 1926 год (составитель профессор А.В. Флоровский). Отметим наиболее значительные труды эмигрантов-историков. Профессор Н.И. Никифоров в 1927 г. в Харбине выпустил курс лекций по новейшей истории Западной Европы. Десятки трудов по истории культуры выпустил профессор В.А. Рязановский. Целая плеяда высококлассных историков работала в стенах Харбинского юридического факультета и других вузах Харбина и Шанхая. В том числе профессор М.Н. Ершов, автор книг «Восток и Запад», «Прежде и теперь», «Восток и Запад в историческом освещении», изданных в Харбине в 1935 г. Его лекции по истории культуры России и других стран пользовались неизменным успехом не только среди эмигрантской молодежи, но и среди китайских студентов. Много трудов по истории оставил известный юрист, публицист и писатель Н.В. Устрялов[6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тоскина Е.* Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 34.
2. *Кочубей О.И., Печерица В.Ф.* Из истории русской церковной эмиграции в Китае // Дальний Восток и вопросы истории, культуры и экономики. Владивосток, 1997. Вып. 2. С. 29.
3. Там же. С. 30.
4. Великая Маньчжурская империя. К 10-летнему юбилею. Харбин, 1942. С. 309.
5. Там же. С. 306, 309.
6. *Печерица В.Ф.* Русские ученые и инженеры первой волны эмиграции в Китае // Дальний Восток и вопросы истории, культуры и экономики. Владивосток, 1997. С. 41.

Краткий исторический обзор деятельности политических организаций второй волны эмиграции*

Союз Андреевского Флага (САФ)

Союз Андреевского Флага был основан в 1948 году генералом П.В. Глазенапом как военная организация в расчете на поддержку бывших немецких военных кругов. С самого начала Союз стоял на позициях отрицания не только большевизма, но и февральских «завоеваний», почему и не примкнул к АЦОДНР. На первом этапе организация пользовалась значительным авторитетом в кругах русской эмиграции. Во всяком случае, на выборах 1949 года в Центральное Представительство российской эмиграции американской зоны больше всего голосов набрал блок монархистов и САФ.

После раскола в организации и смерти Глазенапа в 1951 году руководителем САФ стал генерал Голубинцев. Первое время организация получала небольшие средства от созданной под контролем американцев немецкой разведывательной службы Гелена, позже превратившейся в западногерманскую (BND)[1]. Однако вскоре из-за националистической направленности организации Союз потерял финансовую поддержку и постепенно распался.

Антикоммунистический Центр Освободительного Движения Народов России (АЦОДНР)

Антикоммунистический Центр Освободительного Движения Народов России был создан как общезарубежный центр с целью объединения «власовских» организаций СБОНР и СВОД, а также, по словам Н.Чухнова, «в целях удовлетворения отдельных честолюбцев».

В Декларации АЦОДНР, принятой IV пленумом 22 августа 1948 года, отмечалось: «Являясь надпартийным политическим центром освободительного движения на его современном историческом этапе, АЦОДНР кладет в основу всей своей деятельности 14 пунктов «Манифеста» 1944 года, в которых освободительное движение с предельной ясностью сформулировало заветные чаяния народов России.

Рассматривая себя в качестве идейного наследника "власовского" периода освободительного движения и прямого преемника КОНР, АЦОДНР торжественно обязуется хранить традиции осво-

---

* Приложение подготовлено доктором исторических наук А.В. Окороковым.

бодительного движения во всей чистоте и неуклонно бороться за осуществление 14 пунктов "Манифеста"».

В качестве главных очередных задач АЦОНДРа были определены:

— выработка идеологических, политических и тактических основ освободительного движения;

— пропаганда основных идей ОД и его задач в борьбе с коммунизмом перед мировой общественностью;

— организация сил ОД и приведение их в боевую готовность.

Главными деятелями АЦОДНР были Я.Письменный, убежденный сторонник Манифеста; Н.Мельников, состоявший одновременно членом правления Центрального Представительства российской эмиграции в американской зоне Германии (ЦПРЭ); А.Михайловский, тоже член ЦПРЭ; В.Яновский; Ю.Мейер.

Попытка объединения не удалась, и Антикоммунистический Центр Освободительного Движения Народов России вскоре распался.

Союз Воинов Освободительного Движения (СВОД)

Союз Воинов Освободительного Движения был создан на базе Союза Молодежи КОНР и носил республиканско-демократический характер. Вскоре после своего образования он вошел в состав наиболее крупной власовской организации — СБОНР, став как бы ее военным отделением.

Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР)

Союз Борьбы за Освобождение Народов России возник в 1949 году, имел представительства в разных странах, издавал центральный печатный орган журнал «Борьба» и газету «Голос народа». С самого начала СБОНР отмежевался от Белого движения, считая его «контрреволюционным», и вел свою традицию от Кронштадтского восстания: «Советы без большевиков». Идеологически СБОНР придерживался леводемократического направления.

Российское Общенациональное Народно-Державное Движение (РОНДД)

Российское Общенациональное Народно-Державное Движение было провозглашено в 1948 году и возглавлено молодым представителем первой волны эмиграции, участником власовского движения Е.Н. Арцюком (псевдоним Державин). Печатным органом Движения стала газета «Державный клич», затем — «Воля народа» и позже «Набат». С самого начала РОНДД отвергало Пражский манифест как «февральский», но и не отождествило себя с монархизмом. Оно пыталось в немонархическом виде повторить замысел Рейхенгалльского съезда (1921): опереться на единство интересов правых наци-

ональных сил России и Германии. Однако в послевоенный период эти силы не пользовались популярностью и Движение не могло получить соответствующего развития. Тем более что значительное место в публикациях РОНДД уделялось борьбе с «иудо-коммунизмом».

Комитет Объединенных Власовцев (КОВ)

Комитет Объединенных Власовцев был образован в 1950 году в Мюнхене под руководством генерала Туркула, который попытался связать идеи Манифеста КОНР и белую традицию. Причем Манифест трактовался довольно своеобразно — непредрешенчески, лишь как упоминающий Февральскую революцию, но не призывающий к принятию ее идеологии для будущего. Попытка соединить психологию бывших советских граждан (власовцев) с монархизмом не увенчалась успехом, что и привело вскоре к распаду организации.

Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов (ЦОПЭ)

Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов было создано в 1952 году из перебежчиков при поддержке и контроле американцев. В 1957 году определение «послевоенных» было заменено на «политических». Председателем ЦОПЭ стал Г.Климов. Объединение использовалось как для поощрения перебежчиков, так и для пропаганды на западную общественность. Созданная иностранными службами организация не имела собственного импульса к действию, хотя и объединяла в своих рядах многих вполне порядочных людей. Утилитарное использование объединения, его безыдейность и отсутствие собственной идеологии привело к распаду организации. В начале 1960-х гг. ЦОПЭ объявило о самороспуске в связи с прекращением финансирования.

В первые послевоенные годы вновь заявили о себе и организации, созданные представителями первой волны: **РОВС**, вокруг которого объединилось большинство прежних военных организаций, создавших **Совет Российского Зарубежного Воинства**, **Высший Монархический Совет**, **НТС** и другие. На базе нескольких довоенных группировок было создано **Российское Национальное Объединение** под руководством редактора журнала «Часовой» В.В. Орехова.

К началу 1950-х годов относятся и первые серьезные попытки объединения как «власовских», так и некоторых «белых», возрожденных на новых принципах организаций.

Разговоры о необходимости объединения русской политической эмиграции велись еще в первые послевоенные годы. Так, в сборнике «Российский демократ», являвшемся органом Союза Борьбы за

свободу России, была опубликована статья Н.Цурикова «О политическом объединении» (1948, № 2), в которой намечались его принципы. В статье отмечалось, что объединение необходимо в целях создания единого политического представительства русской эмиграции не только перед правительствами стран, но и перед зарубежным общественным мнением. Объединение предполагалось осуществить в форме коалиции, которая не лишает организации права на их самостоятельные выступления (агитационные, боевые и иные акции) в отношении СССР. Однако реальные переговоры об объединении были проведены лишь в январе 1951 года в г. Фюссене (Германия). В них участвовали русские организации: Лига Борьбы за Народную Свободу, СБОНР, НТС и Союз Борьбы за свободу России. В августе в Штутгарте состоялось совещание, на котором к уже названным организациям присоединилось Российское Народное Движение (РНД) под руководством А.Ф. Керенского. В Штутгарте был создан Совет Освобождения Народов России (СОНР), который решил вступить в переговоры об объединении с национальными организациями. В работу по объединению включился и американский Комитет друзей русского народа, образованный в Нью-Йорке в 1951 году.

Такие переговоры состоялись в ноябре 1951 года в Висбадене при участии представителей одиннадцати организаций: НТС, СБОНР, РНД, Союза Борьбы за Свободу России, Лиги Борьбы за Народную Свободу, а также национальные организации — Совет Белорусской народной республики, Азербайджанский национальный совет, Туркестанский национальный комитет, Союз борьбы за свободу Армении, Северо-Кавказское антибольшевистское объединение.

Несмотря на трудность переговоров, общая декларация все-таки была принята. Ее политическая часть включала в себя три пункта.

1. Единство о непримиримом отрицании коммунистической диктатуры, ликвидация которой должна открыть путь к освобождению народов.

2. Единство в признании безусловного права народов на самоопределение, права самим путем демократического волеизъявления решить свою судьбу.

3. Единство в стремлении направить все силы наших народов на решительную борьбу против коммунистического рабства за свободу и мир[2].

Сложнее проходило принятие формулы по национальному вопросу, который в конце концов и привел к расколу в Объединении. 1 июня 1952 года НТС принял резолюцию, что деятельность Центра не может быть направлена на расчленение России. В ответ на это из Объединения вышел Совет Белорусской республики. И все же

объединение состоялось. В октябре 1952 года в Мюнхене из оставшихся организаций был создан **Координационный Центр Антибольшевистской Борьбы (КЦАБ)**. Был принят статут Центра, основанный на принципах ООН, со ссылкой на Февральскую революцию как источник государственности, с признанием права наций на самоопределение, с возможностью решения этого вопроса на плебисците на основании решений местного или всероссийского парламента[3]. Однако союз эмигрантских организаций просуществовал недолго. С одной стороны, в КЦАБ вошли новые организации: ЦОПЭ, КОВ, вернулся НТС. В 1953 году Центр объединял уже 15 организаций и был переименован в **Координационный Центр Освобождения народов России (КЦОНВ)**. С другой стороны, некоторые организации, наоборот, ушли к украинским сепаратистам и создали свой, Парижский блок, развернувшийся позже в **Международный Антибольшевистский Координационный центр (МКАЦ).**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 379.
2. Возрождение. 1951. № 18. С. 181.
3. *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* История и судьба российской эмиграции. Вторая волна эмиграции 1939–1950-е годы. СПб., 1998. С. 67.

Знаменитые русские американцы

Алексей Ильич ЧИРИКОВ (1703–1748), морской офицер, окончил Морскую академию в Санкт-Петербурге в 1721 году. Принимал участие в двух экспедициях Витуса Беринга, посланных для исследования берегов Америки. Будучи в чине старшего лейтенанта, командовал одним из кораблей. Первым достиг берегов Аляски в 1741 году, где 40 лет спустя была основана Русская Америка.

Федор Васильевич КАРЖАВИН (1745–1812), один из первых русских, достигших берегов Америки, прибыв из Европы. Он был высокообразованным человеком. В России и Европе он изучал языки, медицину, естественные науки и философию. Каржавин симпатизировал американцам в их войне за независимость и в 1776 году включился в их борьбу. Он организовал доставку военного снаряжения из французских владений на Карибских островах для американской армии, снарядил три корабля, из которых два были захвачены англичанами, а сам он был взят в плен. В результате он потерял все свое состояние. Некоторое время Каржавин работал на американское правительство и близко знал многих высокопоставленных американских деятелей того времени. Круг его занятий весьма разнообразен: врач, аптекарь, переводчик и инженер-строитель. Описывая свои переживания в Америке, Каржавин подписывался «Русский Американец».

Григорий Иванович ШЕЛИХОВ (1747–1795), «Русский Колумб», основатель Русской Америки. Мореход и купец, организовал в 1775 году торговлю с алеутами на Курильских островах. С 1783 по 1786 год в сопровождении своей жены руководил экспедицией на Аляску. Основал первое русское поселение в 1784 году на острове Кодяк. В 1797 г. императорским указом Шелихову была дарована монополия на управление Русско-Американской компанией и на торговлю пушниной. Шелихов издал описание своих путешествий и открытий в Америке, переводы которого сразу появились в Германии и Англии. Его далеко идущие планы включали постройки поселений и фортов и развитие торговли в Тихом океане.

Александр Андреевич БАРАНОВ (1746–1819), первый губернатор Русской Аляски. Будучи опытным купцом, был назначен Шелиховым управляющим Русской Аляской. Занимаясь очень выгодной торговлей с Китаем, Гавайями и Калифорнией, он построил Новоархангельск (ныне Ситка), несколько фортов, воевал с индейцами, исследовал берег материка и прилежащие острова. Во время его управления капитан Иван Кусков основал в 1812 году форт Росс в Калифорнии. Установив связь с гавайским королем Камеха-

меха, Баранов основал форт Елисавета на острове Кауай Гавайского архипелага. Оба эти форта сейчас штатные парки.

Митрополит Иннокентий (ВЕНИАМИНОВ, в миру Иван Евсеевич Попов, 1797–1879), миссионер, лингвист, географ. Изъявив желание заниматься миссионерской деятельностью на Аляске, прибыл в Новоархангельск (Ситку) в 1823 г. Он начал свою священническую деятельность строительством церквей, открытием школ для американских туземцев и созданием алфавита для алеутов и индейцев-тлинкитов (колошей). Перевел катехизм, составил грамматику алеутско-лисьевского языка. Он также опубликовал научные труды о языках американских туземцев и по географии Русской Америки. Основал собор Св. Михаила в Ново-Архангельске, семинарию и больницу. Русские православные священнослужители на Аляске, кроме того что были духовными пастырями, распространяли образование и защищали местных туземцев от несправедливостей и притеснений некоторых администраторов. Впоследствии митрополит Иннокентий был причислен к лику святых Русской Православной Церковью и стал известен как «Апостол Америки».

Дмитрий Петрович МАКСУТОВ (1832–1881), князь, 14-й и последний губернатор Русской Америки (с 1865 г.). Будучи морским офицером, сражался против британских и французских кораблей, атаковавших Камчатку в 1854 г. По экономическим и политическим соображениям русское правительство решило продать Аляску Соединенным Штатам Америки. В то время на Аляске уже строились пароходы и начали добывать уголь на Канайском полуострове. Российские законы защищали американских туземцев. Были предприняты меры для сохранения алеутского и индейских языков. Действовали две семинарии и исследовательский институт. Под администрацией Максутова Аляска была передана Соединенным Штатам Америки 18 октября 1867 года.

Иван Васильевич ТУРЧАНИНОВ (1822–1901), генерал-майор Турчин в американской армии северян во время Гражданской войны в Америке. Родился в городе Новочеркасске Области Войска Донского. Окончил артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал в Крымской войне и, получив звание полковника Генерального штаба, ушел в отставку и уехал в Америку. Начал свое участие в американской Гражданской войне командиром 19-го Добровольческого Иллинойского полка. За свои боевые заслуги был произведен в чин генерал-майора и командовал бригадой, будучи одним из немногих иностранцев, достигших такого отличия. Генерал Турчанинов со своей бригадой участвовал в нескольких битвах, решивших исход этой войны. Турчанинов оставил несколько очерков о Гражданской войне в Соединенных Штатах, в том числе книгу «Чикамаугская кампания».

Петр Алексеевич ДЕМЕНТЬЕВ (ДЕМЕНС) (1849—1919), основатель города Санкт-Петербурга во Флориде. Русский дворянин и гвардейский офицер; ушел в отставку и уехал в Америку в 1882 году. Занимался лесопильным делом и возделыванием апельсиновых плантаций в районе г. Орландо во Флориде. Построил железную дорогу из Центральной Флориды к Мексиканскому заливу для освоения и развития экономики этого края. Основал город на берегу Мексиканского залива и назвал его Санкт-Петербург в честь своего родного города в России. Ликвидировав свои предприятия во Флориде, Дементьев оседает в Калифорнии и посвящает себя журналистике. Он посылает статьи в российскую прессу об Америке, ее политической и деловой жизни под псевдонимом Тверской.

Владимир Николаевич ИПАТЬЕВ (1867—1952), профессор, исследователь, изобретатель. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию в Санкт-Петербурге, где впоследствии был профессором химии. Специализировался в области взрывчатых веществ и синтетического каучука. Во время Первой мировой войны руководил всей военной промышленностью России в чине генерал-лейтенанта и был избран в члены Академии наук. Будучи несогласным с советским режимом, он бежит из Советского Союза и приезжает в Америку в 1932 году. Был профессором в Нортвестерн-университете. Будучи директором исследовательского отдела в Юниверсал Ойл Компани, он разрабатывает высокооктановый бензин. За изобретения Ипатьеву было выдано в Соединенных Штатах 70 патентов.

Сергей Васильевич РАХМАНИНОВ (1873—1943), композитор, пианист-виртуоз, дирижер. Начал играть с 4-летнего возраста, учился в консерваториях Санкт-Петербурга и Москвы. Получил золотую медаль за свою первую оперу «Алеко» (1892). Первый раз посетил Америку в1902 году, когда выступал солистом с Бостонским симфоническим оркестром. Рахманинов был директором Императорской оперы в Москве. После революции в России бежал в Швецию и позже добрался до Соединенных Штатов, где выступал как пианист. Он создал оперы «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини», значительное количество религиозной и симфонической музыки, более 70 романсов. Рахманинов пользовался большой известностью в Америке.

Степан Прокофьевич ТИМОШЕНКО (1878—1972), ученый-металлург, крупнейший в мире специалист по сопротивлению материалов. Окончил Институт инженеров путей сообщения. Был профессором сопротивления материалов в политехнических институтах в Петербурге, а затем в Киеве. В 1912 году был консультантом по постройке кораблей русского военного флота. Покинул Россию во время Гражданской войны. В 1922 году приезжает в Америку. Как профессор механики читает лекции во многих известных университетах мира, а с 1937 года в Станфордском университете в Калифор-

нии. После посещения им России в 1958 году был избран членом Академии наук СССР. Его многочисленные труды по прикладной механике переведены на многие языки мира, а учебник по сопротивлению материалов является классическим в этой области.

Игорь Федорович СТРАВИНСКИЙ (1882–1972), композитор, дирижер, пианист. Начал играть в 9 лет и сочинять музыку в 18 лет. Брал уроки музыки у Римского-Корсакова, будучи студентом юридического факультета. Его балеты были поставлены Дягилевым — «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911) и «Весна священная» (1913). В 1918 он написал «Историю солдата». Стравинский переезжает в Соединенные Штаты в 1939 году, где продолжает свою работу, создавая две симфонии, балет «Орфей» (1948), оперу «Карьера повесы» (1951), кантаты, концерты. Последние работы Стравинского были духовного характера.

Александра Львовна ТОЛСТАЯ (1884–1979), писатель, гуманист, лектор. Занималась организацией помощи русским во всем мире. Младшая дочь Льва Толстого, она подготовила для издания многие из его неопубликованных работ. Позже посвятила себя помощи беженцам во время двух мировых войн. Приехав в Соединенные Штаты, основала Толстовский фонд в Нью-Йорке, который содействовал перемещенным лицам переезжать в Соединенные Штаты из Восточной Европы, Советского Союза и других стран мира. Ее девизом всегда было: «Без свободной России не может быть свободного мира!» Гуманитарная деятельность Александры Львовны Толстой была отмечена многими наградами, включая Президентскую награду. В 1979 году она была введена в Палату Славы Конгресса русских американцев.

Владимир Кузьмич ЗВОРЫКИН (1884–1982), «отец телевидения». Окончил Императорский технологический институт в Санкт-Петербурге в 1912 г. Будучи еще студентом, работал над проблемой электронной передачи изображений. Большевистская революция вынудила Зворыкина переехать в Соединенные Штаты, где он начал работать у Вестинггауза. В 1928 году он получает патент в цветном телевидении, а в 1938-м — патент за кинескоп и иконоскоп — неотъемлемые составные телевизора. Перейдя в Радио-Корпорацию Америки, он продолжает работу над разработкой коммерческого телевидения, а также военного его применения. Зворыкин также участвовал в разработке электронного микроскопа. Всего ему было выдано 120 патентов за изобретения. В 1978 году он был введен в Палату Славы Конгресса русских американцев.

Николай Сергеевич ТИМАШЕВ (1886–1970), профессор юриспруденции. Окончил Александровский лицей в Санкт-Петербурге и Страсбургский университет. Занимал должность профессора в Петроградском университете. После большевистской революции покинул Россию. Занимался исследовательской работой в Германии, Че-

хословакии и Франции. По приезде в Соединенные Штаты Америки был приглашен преподавать в Гарвардский университет. Профессор Тимашев является автором многих книг, самые значительные из которых — «Социология права», «Преступление против религии», «Условное осуждение» и др.

Игорь Иванович СИКОРСКИЙ (1889—1972), конструктор аэропланов и вертолетов. Получил образование в Военно-морском корпусе (Петербург) и Киевском политехническом институте. На заре своей деятельности в основном занимался конструкцией аэропланов, хотя его интерес к вертолетам проявился еще в 1909 году. Его четырехмоторные самолеты типа «Илья Муромец» были самыми большими из успешно применяемых в Первой мировой войне. Большевистская революция прервала его карьеру инженера в России и вынудила эмигрировать в Соединенные Штаты, где в 1923 году он возобновил конструирование самолетов. Его самолеты-амфибии совершали коммерческие маршруты через Тихий и Атлантический океаны, а также использовались как бомбардировщики во Второй мировой войне. В 1939 году Сикорский возобновил конструирование вертолетов. На этом поприще он достиг наибольшего успеха в своей творческой карьере. Имя Сикорского стало синонимом вертолета.

Александр Николаевич Де СЕВЕРСКИЙ (1894—1974), конструктор военных самолетов, пилот. Окончил Военно-морскую академию в Санкт-Петербурге, Школу военной авиации в Севастополе. В воздушном бою в Первую мировую войну потерял ногу, но позже, несмотря на это, продолжал летать. Среди его изобретений были автоматический прицел для бомбардировщиков, лыжи для самолетов, несколько усовершенствований для посадочных приспособлений и метод охоты за подводными лодками. После победы большевиков в России Северский покидает Россию и добирается до Америки. Здесь он основывает авиастроительную компанию, которая позже становится Рипаблик Авиэйшн. В 1921 году его метод бомбардировки авиацией военных кораблей был принят американскими вооруженными силами. Самолеты его конструкции были самыми передовыми по тому времени. Среди его конструкторских идей были автопилот, заправка во время полета, ракетное оружие и торпеды.

Сергей Алексеевич ЖАРОВ (1896—1985), основатель и дирижер всемирно известного Хора донских казаков. Окончил Московское Синодальное училище и стал регентом. В Гражданской войне участвовал в Добровольческой армии на юге России. В течение своей 60-летней деятельности провел более 9 тысяч концертов, таким образом познакомил весь мир с сокровищами православного церковного песнопения и русских светских и народных песен. В 1981 году Жаров был введен в Палату Славы Конгресса русских американцев. Президент Рейган прислал ему телеграмму: «Нанси и я

рады высказать наши поздравления и наилучшие пожелания по поводу введения С.Жарова в Палату Славы Конгресса русских американцев».

Михаил Александрович ВЕРБОВ (1896—1996), художник-портретист. Начал студентом юридического факультета Петроградского университета, но потом перешел в Академию художеств. Революция и Гражданская война забрасывают его в Ташкент, где он был директором Ташкентского художественного музея. В 1924 году выезжает за границу. Список объектов его художественного вдохновения включает королей и политиков, крестьян и рыбаков. Известен как «художник королей». Работы М.Вербова можно найти в музеях многих стран. В 1973 году Вербов был избран членом-корреспондентом Академии изящных наук в Риме. Он преподавал живопись в Колумбийском университете в Нью-Йорке и других университетах. Его заслуга в написании портретов 56 подписчиков Декларации независимости Соединенных Штатов Америки к 200-летнему юбилею была отмечена президентом Фордом. В 1988 году он был введен в Палату Славы Конгресса русских американцев.

Георгий Богданович КИСТЯКОВСКИЙ (1900–1982), сконструировал химический взрыватель для детонации первой американской атомной бомбы. Россию покинул после поражения Белых армий, в которых он участвовал в борьбе с большевиками. Специализировался по физической химии в Берлинском университете. В 1926 году прибыл в Соединенные Штаты и был приглашен профессором в Гарвардский университет. В 1941 году руководил работой над взрывчатыми веществами в американской армии. В 1959 году был научным консультантом у президента Эйзенхауэра. Позже пришел к убеждению, что гонка атомного вооружения представляет слишком большую опасность для человечества, и, уйдя в отставку, вернулся к преподаванию. Кистяковский был членом американской Национальной академии наук.

Елена Терентьевна ФЕДУКОВИЧ (1900—?), известный врач-офтальмолог. Начала свою выдающуюся карьеру преподаванием в Киевском университете. Покинула Россию во время Второй мировой войны. Занимала пост директора отдела офтальмологической бактериологии при Нью-Йоркском университете и больнице Белвью. В 1992 году д-р Федукович за ее заслуги в исследовании болезней глаз, закончившихся написанием ею учебника по инфекционным болезням глаз, была выбрана почетным членом американской Академии офтальмологии. Ее книга «Внешние инфекции глаза: бактериальные, вирусные и микозные», изданная впервые в 1963 году, впоследствии получила международное признание и стала классическим справочником в этой области. Е.Т. Федукович является одним из основателей Конгресса русских американцев. В 1990 году она была введена в Палату Славы Конгресса русских американцев.

Александра Дионисиевна ДАНИЛОВА (1904—1997), «прима-балерина ассолюта». Это наивысшее почетное звание, которое балерина может достичь, было присвоено ей во время ее замечательной карьеры. «Императрица балета», как ее охарактеризовала газета «Нью-Йорк таймс», Данилова благодаря своему таланту сделала русский балет знаменитым в Америке и во всем мире. Ее балетные выступления неоднократно передавались по телевидению. Как актриса она дебютировала в «Поворотном пункте» с Анной Банкрофт, Шерли Маклейн и Михаилом Барышниковым. В 1983 году она была введена в Палату Славы Конгресса русских американцев.

Василий Васильевич ЛЕОНТЬЕВ (1905–1999), известный экономист, Нобелевский лауреат. Окончил Петроградский университет в 1925 году. В 1928 году получает докторскую степень в Берлинском университете, также имеет докторскую степень «гонорис кауза» Брюссельского университета. В 1973 году был награжден Нобелевской премией за вклад в область экономики. Леонтьев является автором многих книг по экономике. Иммигрировав в Соединенные Штаты в 1931 году, преподавал экономику в Гарвардском университете. Был консультантом по экономическим вопросам у правительств многих стран. С 1978 года он является директором Института экономического анализа при Нью-Йоркском университете. В.Леонтьев член Национальной академии наук США. В 1980 году он был введен в Палату Славы Конгресса русских американцев.

Мстислав Леопольдович РОСТРОПОВИЧ (1927), дирижер, виолончелист, композитор. Подвергался преследованиям в Советском Союзе за свои протесты против условий коммунистического режима. По приезде в Америку был назначен в 1977 году музыкальным директором и дирижером Национального симфонического оркестра США. На этом посту он популяризировал музыку русских композиторов — Чайковского, Шостаковича, Прокофьева и др., включая их в свои концерты. Содействовал Солженицыну в приезде в Соединенные Штаты. Ростропович также известен как выдающийся виолончелист. В течение своей музыкальной карьеры Ростропович был удостоен многих наград (около 30 медалей, несколько международных премий) и членства в пяти академиях изящного искусства. В 1985 году он был введен в Палату Славы Конгресса русских американцев.

31 Заказ 2370

Россия накануне революции
По очерку М.В. Назарова из альманаха «Святая Русь»

1. Экономика

Говоря об «отсталости» царской России, ее противники (советские и западные) нередко приводят примеры из XIX века. Однако с 1900 по 1913 год промышленное производство России удвоилось. С 1880 по 1917 год было построено 58 251 км железных дорог (ежегодный прирост 1 575 км), тогда как за такое же время при советской власти, до 1956 г., — 36 250 км (ежегодный прирост 955 км).

Сельское хозяйство также показало заметный прирост: в пятилетие 1908—1912 гг. в сравнении с предыдущим пятилетием производство пшеницы выросло на 37,5%, ячменя — на 62,2%, овса — на 20,9%, кукурузы — на 44,8%; в эти годы Россия производила зерна на 28% больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые. В годы хорошего урожая (например, в 1909—1910 гг.) вывоз русской пшеницы составлял 40% мирового, в годы плохого урожая (например, в 1908 и 1912 гг.) он уменьшался до 11,5% мирового вывоза. Европа была завалена русским маслом, яйцами.

Среднегодовые темпы роста российской экономики превосходили развитие всех других развитых стран, составив 8% в 1889—1899 гг. и 6,25% в 1900—1913 гг. (снижение темпа объясняется войной с Японией и смутой 1905—1907 гг.). Причем успешно развивались не только сельское хозяйство, добыча сырья и металлургия, но и самые передовые отрасли: машиностроение, химия, электротехника, авиастроение (достаточно назвать самые мощные в мире самолеты «Витязь» и «Илья Муромец», созданные в 1913—1914 гг. конструктором Сикорским).

Резкое сокращение импорта в годы Первой мировой войны (были перерезаны главные пути ввоза через Черное и Балтийское моря) еще больше побудило русских промышленников развивать отечественное машиностроение. Несмотря на войну, российская экономика продолжала расти: по сравнению с 1913 г. она составила: в 1914-м — 101,2%, в 1915-м — 113,7%, в 1916-м — 121,5%. Россия прочно вошла в число экономически развитых стран, заметно уступая лишь США, Англии и Германии, а по концентрации производства (доле крупных предприятий) вышла на первое место в мире.

Экономическому успеху в решающей степени способствовали введенные в 1891 г. протекционистские таможенные тарифы, защищавшие отечественного производителя и обеспечившие вместо притока

импортных товаров приток иностранных капиталов для развития производства на месте (к 1914 г. они составили 1,8 миллиарда рублей).

Даже «Большая советская энциклопедия» признала: «В России иностранный капитал функционировал принципиально иначе, чем в странах колониального и полуколониального типа. Основанные с участием иностранных капиталовладельцев, крупные промышленные предприятия являлись неразрывной частью российской экономики, а не противостояли ей» (БСЭ. 1977. Т. 24–II).

В 1897 г. была введена устойчивая золотая валюта, покупная способность которой не поколебалась в дальнейшем даже в годы войны (один рубль равнялся 2,16 немецкой марки и 0,51 доллара США). До начала мировой войны в обычном обороте имели хождение золотые и серебряные рубли, а более удобные бумажные деньги без ограничений разменивались на золото.

Рост денежных вкладов в сберкассы и банки увеличился с 2,24 млрд руб. в 1900 г. до 5,27 млрд в 1914 г. — что свидетельствует об улучшении материального положения народа и возросшей возможности инвестиций из внутренних средств. По данным английского историка Н.Стоуна, доля иностранных капиталовложений в России сократилась с 50% в 1904 г. до 12,5% накануне мировой войны (*Stone N.* The Eastern Front 1914—1917. London, 1975).

С 1900 по 1913 год вывоз русских товаров возрос в 2,5 раза (правда, еще преобладала продукция сельского хозяйства), значительно превысив ввоз. Так, Россия вывезла в 1913 г. товаров на сумму в 1,42 млрд руб. при ввозе на 1,22 млрд руб. (в предыдущие годы разница была еще больше). Вследствие положительного торгового баланса происходило постоянное увеличение золотого запаса страны (он составил 1,7 млрд руб. накануне мировой войны — третий в мире).

И хотя из-за дорогостоящей войны с Японией общая государственная задолженность России по долгосрочным займам выросла с 6,63 млрд руб. в 1902 г. до 9,04 млрд руб. в 1909 г., все же в дальнейшем, до начала мировой войны, она неуклонно уменьшалась и в количественном, и особенно в процентном отношении, ибо гораздо быстрее увеличивались доходы государства. Они возросли с 0,9 млрд руб. в начале 1900-х гг. до 3,43 млрд руб. в 1913 г., причем госбюджет был бездефицитным. До 60% госбюджета составлялось от доходов государственного сектора экономики, так что расходные статьи бюджета не висели тяжким налоговым бременем на населении.

При Государе Николае II налоги в России были самыми низкими в Европе и составляли на душу населения 9,09 руб. в год, тогда как в Австрии (в пересчете) — 21,47 руб., во Франции — 22,25 руб., в Германии — 22,26 руб., Англии — 42,61 руб. Россия не знала безработицы. К 1912 г. было введено социальное страхование рабочих и другие законы, о которых тогдашний президент США

31*

У.Х. Тафт публично заявил: «Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

Стоимость основных продуктов и товаров, необходимых для жизни, в России была намного ниже, чем в Западной Европе (и тем более — чем позже в СССР).

При всем этом Россия являла собой редкий в то время образец смешанной экономики (сейчас во многих западных странах это норма), когда частный сектор сочетался с кооперативным и с мощным государственным сектором хозяйства, который задавал тон (ему принадлежали две трети железных дорог, рудники, паровозостроение, военные заводы). Важную роль дирижера для хозяйства страны играли кредиты Государственного банка и — также государственных — Крестьянского (с 1882 г.) и Дворянского (с 1885 г.) банков.

Накануне революции, даже по данным большевистского ЦСУ, крестьяне уже владели 77,4% пахотной земли, 6% принадлежало хозяйствам некрестьянского типа, и лишь 16,6% оставалось в помещичьем владении, судьба которого была предопределена: постепенно стать крестьянским с помощью правительства и земельных банков. Не удивительно, что передел большевиками помещичьей земли в 1917—1918 гг., по данным Наркомзема, дал на каждый двор лишь несколько десятых и даже сотых десятины на душу. И никак не мог дать больше, потому что лозунг «Земля — крестьянам!» был лишь «техническим приемом революционизирования деревни, будучи лишен серьезного экономического значения», — признал советский экономист И.Кириллов в 1922 г.

2. Социальная сфера, культура

Область народного просвещения и образования России накануне революции также переживала бурный расцвет. В начале века грамотными были лишь 25% населения. Но в 1908 г. было введено обязательное бесплатное начальное обучение и ежегодно открывалось 10 000 начальных и 60 средних школ, в результате чего к 1922 г. неграмотность молодых поколений должна была исчезнуть. (В 1920 г., по советским данным, 86% молодежи от 12 до 16 лет умели читать и писать, но научились они этому до революции, а не во время Гражданской войны и разрухи.)

Гимназии имелись во всех уездных городах, чем не могли похвастаться многие европейские страны. В отношении же среднего и высшего образования женщин (тогда оно еще не считалось само собой разумеющимся) Россия решительно шла впереди Западной Европы: в 1914 г. имелось 965 женских гимназий и Высшие женские курсы (фактически университеты) во всех крупных городах.

Накануне войны в России было более ста вузов с числом студен-

тов 150 000 (во Франции тогда же — 40 000 студентов, в Германии — 80 000). Многие вузы в России создавались министерствами или ведомствами (военным, промышленно-торговым, духовным и т.п.).

Обучение было недорогим: например, на юридических факультетах в России оно стоило в 20 раз меньше, чем в США или Англии, а неимущие студенты освобождались от платы и получали стипендии.

О качестве же российского образования свидетельствуют успехи науки. Достаточно назвать такие всемирно известные имена, как Менделеев, Лобачевский, Павлов, Сеченов, Мечников, Тимирязев, Пирогов, изобретатель радио Попов... Впоследствии попавшие в эмиграцию русские ученые и инженеры высоко ценились во всех странах и отличились там множеством достижений мирового значения, например, телевидение (Зворыкин), вертолет (Сикорский), высокооктановый бензин (Ипатьев), социология (П.Сорокин). Даже БСЭ признала: «Для дальнейшего развития науки в стране огромное значение имело то, что за последнее десятилетие перед Великой Октябрьской социалистической революцией уровень науки был очень высок» (БСЭ. 1957. Т. 50. С. 434).

Причем все эти успехи России следует оценивать с учетом беспримерного роста населения: от 139 млн человек в 1902 г. до 175 млн в 1913 г. (среднегодовой прирост в 3,3 млн человек). Тем самым Россия занимала третье место в мире по численности населения после Китая (365 млн) и Индии (316 млн).

Известный французский экономист Эдмон Тэри прогнозировал: «Население России к 1948 г. будет (около 344 млн человек) выше, чем общее население пяти других больших европейских стран»; «если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1910 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» (*Тэри Э.* Россия в 1914 г. Экономический обзор).

В чем Россия уже тогда явно доминировала, так это в области культуры, которую французский поэт Поль Валери назвал одним из «чудес света». Видимо, потому, что даже в светском преломлении русская культура более, чем западная, отражала христианское (православное) отношение к жизни — хотя оно и искажалось даже у многих классиков. Не вдаваясь сейчас в их духовную оценку, отметим всемирно признанные вершины русской художественной прозы (Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин), поэзии (А.Блок и символисты), музыки (Римский-Корсаков, Рахманинов, Гречанинов, Стравинский), театра, оперы, балета (Шаляпин, Собинов, Павлова, Кшесинская, труппа Дягилева).

Жанр русского «толстого журнала» был уникальным в Европе и по объему, и по разнообразию тематики (всего в 1914 г. выходило

916 газет и 1351 журнал на 35 языках народов Империи)... В 1913 г. в России вышло столько же книг (35 тыс.), сколько в Англии, Франции и США вместе взятых.

Мог ли все это создать режим, который в трудах западных идеологов (Р.Пайпс и др.) часто именуют «полицейско-бюрократическим»? Вопреки их утверждениям, число государственных служащих в России было меньшим, чем в западноевропейских странах. Менделеев в книге «К познанию России» приводит пример на 1906 год: в России число всех чиновников (бюджетных и избранных в местные самоуправления) составляло 336 000; в гораздо меньшей Франции в то же время на государственном бюджете было 500 000 чиновников.

Полиция же в России вообще была малочисленна: в 7 раз меньше полицейских на душу населения, чем в Англии, в 5 раз меньше, чем во Франции. Впрочем, и преступность в России была значительно меньшей, чем в Западной Европе, даже в годы смуты.

Число осужденных (1905—1906)

	Всего	На 100 000 населения
Россия	114 265	77
США	125 181	132
Англия	183 683	429
Германия	516 976	853

В ходе реформ часть казенной бюрократии постепенно заменялась земским самоуправлением, которое было воссоздано в 1864 г. и особенно развилось в эпоху П.А. Столыпина. В компетенцию земств входили вопросы мелиорации, транспорта и строительства дорог, телефонной связи, банковских кредитов, здравоохранения, народного просвещения, социального обеспечения и «прочие дела, относящиеся к местным хозяйственным пользам и нуждам».

Руководство в земствах осуществлялось выборными всесословными губернскими и уездными земскими собраниями, избиравшими свои исполнительные органы — земские управы. Все земские работы самофинансировались путем обложения налогами богатых владельцев; крестьяне всем пользовались бесплатно. (Ничего подобного, например, в демократической Франции тогда не было.)

Активность земств дала поразительные плоды в области строительства и организации начальных школ, ремесленных училищ, гимназий, курсов сельских знаний, библиотек, больниц. Именно земства (задолго до большевиков!) «создали в царской России такую грандиозную систему социальной медицины, подобной которой не существует нигде», — писал в эмиграции в 1926 г. бывший революционер, затем «консервативный либерал» П.Б. Струве.

Это подтверждал швейцарец Ф.Эрисман: «Медицинская организация, созданная российским земством, была наибольшим дости-

жением нашей эпохи в области социальной медицины, так как осуществляла бесплатную медицинскую помощь, открытую каждому, и имела еще и глубокое воспитательное значение».

Кроме земского самоуправления в России существовало самоуправление крестьянских общин, а также других сословий: дворянства, купечества, мещан, традиционное казачье самоуправление; самоуправление университетов и адвокатуры, эффективно действовали самоуправляющиеся кооперативы и артели во всех отраслях хозяйства, культурные и научные общества. И, конечно, не забудем церковное самоуправление, начинавшееся с десятков тысяч общин. (Все это позже ликвидировали коммунисты, твердя о «царском деспотизме».)

В ходе преобразований повышалась и правовая культура общества. Судебная реформа 1864 г. сделала суд гласным и равным для всех сословий, с состязательной защитой и возможностью обжалования, с несменяемостью и независимостью судей. В особо важных случаях привлекались присяжные заседатели как общественная совесть. (Впрочем, эта форма суда не всегда была удачна, ибо истина не определяется голосованием. Так, нельзя одобрить оправдание присяжными террористки В.Засулич, стрелявшей в петербургского генерал-губернатора Трепова в 1878 г.)

В целом можно сказать, что благородные традиции русского суда были основаны на традиционном христианском разделении между грехом и грешником (бороться против первого, жалеть второго), что вызывало восхищение у многих иностранцев.

Так, английский профессор Смайльс, проведший в России пять лет специально для изучения новой русской юриспруденции, писал: «Во всем мире и во все времена не было такого гуманного, культурного и беспристрастного суда, как русский. Суд присяжных с его традиционными правами подсудимого, с его неслыханной, кристальной человечностью существует только в России...»

«Дайте нам 20 мирных лет, и вы не узнаете России», — говорил Столыпин. Именно потому он был в 1911 г. убит теми силами, чьи революционные планы перечеркнула бы окрепшая Россия.

* * *

Выше мы перечислили исключительно материальные показатели развития в России накануне революции, чтобы показать: не «отсталость» и «нищета» были ее причиной.

В духовном же плане наоборот — наблюдалось разложение ведущего слоя (интеллигенции и чиновничества) и утрата понимания всечеловеческого призвания русского православного Царства как Удерживающего. Именно в этом и заключалась причина революции: сытая страна — «как все», в которую превращалась Россия, — Богу была не нужна...

3. Национальный вопрос

И большевики, и многие западные советологи упорно называют Российскую империю колониальной «тюрьмой народов»...

Однако у России не было колоний в западном смысле этого слова. Она изначально состояла из разных племен (славянских, финско-угорских, тюркских). Русь их не порабощала, а вбирала в себя в своем росте. Значительная часть северных и азиатских народов находилась на более низком культурном уровне развития, однако управление ими, в отличие от Британской империи, было основано не на эксплуатации господствующим народом, а на равенстве всех перед законом и перед Богом.

В отличие от западноевропейских колоний русский центр не извлекал из своих национальных окраин прибыли, наоборот — постоянно расходовал средства на их обустройство (Солженицын даже считает это напрасным растрачиванием русских сил). Как правило, инородцы имели много привилегий (например, освобождение от воинской повинности), которых не имели русские. Тем более для православной России было нравственно невозможно истребление аборигенов на заселяемых территориях, которое практиковалось европейскими переселенцами в Америке.

Народности, вошедшие в состав России, не раз доказывали ей свою верность на поле брани. В частности, татары проявили себя и в отпоре полякам в Смутное время, и в изгнании Наполеона. Калмыцкие подразделения с 1737 г. участвовали в охране южных границ России в составе Астраханского казачества; в Отечественной войне 1812 г. в составе русской армии два калмыцких полка дошли до Парижа. В 1850-е годы Дагестанский полк храбро отличился на стороне России в Кавказской войне против Шамиля и разбойных горцев-чеченцев, затем в покорении Средней Азии; полку было пожаловано Георгиевское знамя. Имелись специальные виды орденов и других наград для нехристиан (например, на Георгиевском кресте изображение св. Георгия заменялось двуглавым орлом).

Показательно, что национальное происхождение не было препятствием для занятия самых высоких государственных постов в Империи. В числе российских министров мы постоянно видим немцев, татар, армян; в составе Государственной Думы — представителей всех народностей. Немцы, поляки, грузины, шведы, финны командовали армейскими штабами и корпусами (одно время в Кавказской гренадерской дивизии русские офицеры составляли незначительное меньшинство).

Причем практически все иностранцы, даже знатного происхождения, уже во втором-третьем поколении обрусевали и служили России как ее патриоты на самых разных поприщах (Багратион, Даль, Крузенштерн, Врангель, Беллинсгаузен). В этом отношении

Россия была уникальной империей, и даже мусульманские и кавказские народы, когда-то покоренные силой (в ходе геополитического соперничества России с Турцией и Англией), проявили свою верность в годы Первой мировой войны (знаменитые туркмены-«текинцы», кавказская «Дикая дивизия»).

Нерусские народы в западной части империи имели особенно обширные права. Так, финны обладали собственным парламентом, конституцией и множеством привилегий. Сначала все это имели и поляки (хотя они поддержали Наполеона; именно после поражения в этой войне Варшавское герцогство было передано в состав Российской империи решением Венского конгресса 1815 года), однако польские восстания 1831 и 1863 гг. стали причиной ограничений. Эти восстания, захватившие также часть Малороссии и Белоруссии, имели родственный декабризму революционный характер; в них, впрочем, проявилось и иностранное вмешательство, на которое Россия была вынуждена решительно реагировать. Не всегда же уместные меры по насаждению русского языка объяснялись необходимостью общегосударственного средства общения и управления, а не подавлением национальных культур.

Украинского вопроса до революции вообще не существовало как национального — это был вопрос внутрирусский. Малороссы, белорусы и великороссы считали себя тремя ветвями единого русского народа, которые приобрели некоторые отличия под воздействием исторических невзгод. К тому же эти отличия были меньшими, чем между германскими племенами, которые тем не менее ощущали себя единым народом.

Заметим, что более точное название украинцев — «малороссы». Оно происходит от византийского термина «Малая Россия», то есть центральная, исконная часть русского государства — в отличие от России «Великой», разросшейся (см. «Этимологический словарь русского языка» немецкого филолога М.Фасмера). Точно так же византийцы делили и Грецию на «малую», центральную часть, и «великую» (с колониями). Самоназвание «Малая Россия» употреблял, например, Богдан Хмельницкий, прося о воссоединении с Москвой.

Слово же «украина» имеет более позднее происхождение; сначала оно не имело этнического смысла и означало пограничную окраину (в России их было много, включая дальнюю даурскую «украину» в Сибири). Поэтому «малоросс» — название не «дискриминирующее» (как это сейчас многие полагают), а более почетное, чем «украинец» (что по смыслу означает «житель окраины», то есть провинциал). Неудивительно, что попытки Австро-Венгрии и Германии поощрять украинский сепаратизм в годы Первой мировой войны оказались безуспешными.

Что же касается балтийских народов (Эстляндия и Лифляндия

были в 1721 г. куплены Россией у Швеции за 2 млн ефимков по Ништадтскому мирному договору), то они в то время были слишком малочисленны и неоднородны для самостоятельной государственности (немецкое влияние долгое время преобладало там в администрации и в системе образования).

Уместно поставить вопрос: смогли бы эти народности сформироваться как нации при власти Тевтонского ордена (вспомним судьбу племени пруссов, от которых осталось лишь название...) так же, как позже в составе Российской империи, остановившей тевтонский «натиск на восток»?..

Тем более подобный вопрос можно поставить относительно судьбы армян, грузин и других народов, искавших в составе Российской империи защиту от своих смертельных врагов. Приняв их под свое покровительство, Россия внесла умиротворение в вековые межнациональные конфликты (например, в Закавказье) и обеспечила спокойное развитие малых народов при неблагоприятном соседстве. (Именно поэтому, сохранившись и развившись, они теперь, в отличие от американских индейцев, могут себе требовать суверенитетов.)

Таким образом, отличительным признаком Российской империи была не колониальная эксплуатация (как в ту же эпоху у западноевропейцев), не тоталитарный интернационализм (как позже в СССР), не космополитический «плавильный котел» (как сейчас в США) — а *вселенское братство:* взаимовыгодное сосуществование равноправных народов на уважении общих нравственных ценностей.

Правда, все эти соображения не могли отменить сепаратистских настроений у культурно развитых народов, точнее — у их интеллигенции: финской, польской, грузинской... Но это объяснялось уже политическим честолюбием верхних социальных слоев (как правило, зараженных либерально-демократическими и революционными веяниями эпохи), ибо притеснений в сфере национальной культуры в Российской империи не было.

4. Еврейский вопрос

Единственным исключением в смысле «национального неравноправия» в царской России было религиозное неравенство, которое распространялось на старообрядцев (исконно русских!), на некоторые секты и на иудеев. После 1905 г. ограничения остались только для иудеев, но опять-таки подчеркнем: не по ***национальному признаку,*** а по ***религиозному.***

В стране, где нормы нравственности и само оправдание самодержавной власти основывались на христианстве, трудно было признать равноправной религию, отрицавшую Христа и имевшую чер-

ты расовой исключительности. Однако переход иудеев в Православие снимал с них все ограничения.

Ранее подобные ограничения имелись и в других европейских странах, где еврейство лишь постепенно завоевало равноправие в ходе так называемых буржуазных революций и либеральных реформ: во Франции (1791), Англии (1849 и 1857), Дании (1849), Австро-Венгрии (1867), Германии (1869—1871), Италии (1860 и 1870), Швейцарии (1869 и 1874), Болгарии и Сербии (1878—1879)... Православная Россия оказалась в этом отношении лишь наиболее консервативной.

Как в дореволюционной «Еврейской энциклопедии», так и в работах некоторых еврейских авторов вполне объективно описана история ограничений для иудеев в России. Оказавшись в составе империи после так называемых разделов Польши, сначала «евреи стали равноправными гражданами», — пишет известный историк Ю.Гессен («История еврейского народа в России»). Однако «в их руках сосредоточилась торговля», а поскольку «торгово-промышленному сословию была предоставлена доминирующая роль в городском самоуправлении», это превратило евреев «в известную общественную силу».

После жалоб на это русских купцов в 1791 г. был издан указ о черте оседлости для евреев (она включала в себя огромную территорию: 15 западных губерний и Царство Польское). Однако в то время все русские податные сословия — крестьяне, мещане, ремесленники и купцы — не имели права свободного передвижения из одной губернии в другую. Поэтому указ 1791 г. «...не заключал в себе ничего такого, что ставило бы евреев в этом отношении в менее благоприятное положение сравнительно с христианами» — констатирует «Еврейская энциклопедия». А если сравнивать с положением основной массы русского народа, то до 1861 г. «евреи пользовались личной свободой, которой не знало крепостное крестьянство».

Одновременно царское правительство пыталось «перевоспитать» евреев, отучив их заниматься винными промыслами и ростовщичеством (и то и другое в России считалось предосудительным, что отражено во многих произведениях русской литературы). Цель была — превратить их в подданных «как все», с нормальными занятиями. Израильский ученый Ш.Эттингер пишет: «Царское правительство приложило много усилий, чтобы насильственно ассимилировать евреев, разрешив еврейским детям учиться в русских школах, обращая их тем самым в христианство. Император Александр I дал ряд льгот крещеным евреям, а Николай I сделал обращение в христианство одной из основных задач своей еврейской политики. Он надеялся создать большую группу евреев, которые, приняв христианство, служили бы примером для остальных...» (Евреи в советской России. Израиль, 1975). При Николае I за переход в Право-

славие выплачивалось вознаграждение, смягчалось наказание при крещении под следствием.

«Эти усилия, однако, не только не привели к намеченной цели, но вызвали единодушное и сильное сопротивление со стороны еврейского населения», — отмечает проф. Эттингер. Оно исходило прежде всего от «кагально-раввинского союза», не желавшего терять контроль над еврейством, объясняет Ю.Гессен.

За весь XIX век в России удалось обратить в христианство лишь 84 500 евреев, из них в Православие — 69 400. То есть в среднем соответственно по 845 (в Православие — 694) человек в год («Еврейская энциклопедия»).

Видя безуспешность административных мер по переводу евреев в христианство, следующий Царь отменил их. М.Алданов напоминает, что Александр II «был расположен к евреям, особенно в первую половину своего царствования. В законах о судебной реформе, осуществленной в 1864 г., не имеется нигде каких-либо ограничений для евреев. В училища и гимназии евреи тогда принимались на равных правах с другими учащимися. Евреи имели право держать экзамены и получать офицерские чины. Они также могли получать дворянское звание и нередко получали его. Получив чин действительного статского советника, орден св. Владимира или первую степень какого-нибудь другого ордена, еврей тем самым становился дворянином» (Книга о русском еврействе 1860—1917. Нью-Йорк, 1960).

Причем еврейское население России росло интенсивнее, чем русское: в 1815 г. насчитывалось около 1 200 000 евреев; в 1897 г. — 5 215 000, а в 1915 г. — около 5 450 000 (несмотря на то, что евреи давали наибольший процент эмигрантов: только с 1881 по 1908 гг. из России эмигрировали 1 545 000 евреев, из них почти 1 300 000 в США).

В 1897 г. евреи составляли 4,13% населения империи, в том числе 40—50% городского населения в пределах черты оседлости. Таким образом, на территории Российской империи оказалась подавляющая часть всех евреев мира — настроенная антихристиански и не имевшая религиозного равноправия. Это привело к роковым последствиям...

Черта оседлости не могла помешать тому, что, как пишет «Еврейская энциклопедия» (т. XIII), «финансовая роль евреев становится особенно значительной к 60-м годам [XIX в.], когда предшествующая работа накопила в их руках капиталы...» Почти все банки находились в руках евреев.

В 1897 г. еврейское население имело следующее распределение по профессиональной занятости (для сравнения в скобках дан процент соответствующей занятости населения по империи в целом): в торговле — 38,65% (3,77%), в промышленности (включая ремесленников) — 35,43% (10,25%), в сельском хозяйстве — 3,55% (74,31%).

Постепенно в их руках благодаря финансам сконцентрировалась и печать.

Такой рост еврейского влияния в общественно-экономической жизни усиливал неприязнь к ним на социально-экономической основе, поскольку, все активнее участвуя в социальной жизни, евреи оставались евреями — стремясь к тому же изменить существовавший общественный строй. Евреи обильно пошли в революционные ряды — переплавляя «мечту о мессианстве своих дедов и прадедов в новое мессианство — в мечту о социализме», — констатирует Я.Аронсон (Книга о русском еврействе 1860—1917).

Первой массовой марксистской партией стал основанный в 1897 г. Всеобщий еврейский рабочий союз (Бунд). В 1898 г. с его помощью был проведен в Минске Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), куда Бунд вошел на особых правах автономии. (Отсюда советские коммунисты ведут свою родословную.)

Характерно, что рост антисемитизма в России приходится именно на последнюю четверть XIX века. А в связи с убийством революционерами Александра II в 1881 г. разразились и погромы — хотя, по многим данным, их провокационно организовывали сами революционеры для общих беспорядков и для обвинения в этом царских властей...

После убийства Александра II были введены «Временные правила о евреях» (1882), запретившие им селиться вне черты оседлости. Правда, помимо крещеных евреев, получавших полное равноправие, вне черты оседлости могли жить (с семьями) евреи-купцы и промышленники первой гильдии с прислугой, евреи-ремесленники, евреи с высшим образованием, учащиеся высших и средних учебных заведений.

Это побуждало евреев идти в указанные профессии (евреями было более половины купцов, записавшихся в гильдию) и получать образование. Процент евреев в вузах стремительно нарастал (14,5% в 1887 г.). Поэтому в 1887 г. была введена процентная норма для приема некрещеных евреев в высшие учебные заведения: 10% в черте оседлости и 5% вне ее; в Петербурге и Москве — 3%. Однако оставалось много способов обхода запрета: поступление в частные и иностранные учебные заведения, сдача экзаменов экстерном...

Поэтому число еврейского населения вне черты оседлости быстро увеличивалось. В постоянном ожидании отмены «Временных правил» и царская администрация все чаще закрывала глаза на нарушения.

В 1906 г. Столыпин предложил отменить ограничения для евреев, «которые особенно раздражают еврейское население России и, не принося никакой пользы, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, только питают революционные настроения

еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самой могущественной еврейской цитадели — в Америке».

Но Царь ответил на это: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что “сердце царево в руцех Божьих”. Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов дать Ему в том ответ» (цит. по: *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого. 1933).

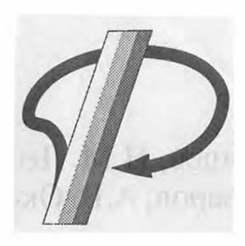
Евреи-депутаты были представлены и во всех четырех Государственных Думах, и образовали ядро всех революционных сил. Вопрос достижения равноправия евреями занял важное место в их программах, став лакмусовой бумажкой для русской либеральной интеллигенции. В самой Думе в угоду депутатам-евреям нерабочим днем назначили субботу, оставив воскресенье присутственным днем (!).

Особенно это еврейское влияние проявилось в деле Бейлиса, обвиненного в имевшем место (так признал суд) ритуальном убийстве русского мальчика А.Ющинского, но суд присяжных не нашел достаточных улик для бесспорного доказательства вины именно Бейлиса. Это дело приняло международный масштаб: вся западная печать клеймила Россию за «антисемитизм»...

Вскоре после этого разразилась мировая война, в которой все противники России, внешние и внутренние, финансировались еврейскими банками.

Черта оседлости в России была отменена только в 1915 г. в условиях войны под давлением иностранных кредиторов. Полностью еврейские ограничения были отменены лишь в марте 1917 г. масонским Временным правительством.

После большевистского переворота евреи стали, как сказал Ленин, «мозгом» и кадровой опорой советской власти.

Настоящая книга издана Благотворительным Фондом **«Попечительство о Нуждах Российских Репатриантов»**, созданного с целью установления контактов с российскими соотечественниками и оказания им помощи по возвращению на Родину.

Осуществление вышеуказанной цели предполагается проводить под девизом *единения всех россиян в стремлении к укреплению Российского государства и Российской государственности на основе Православия.*

В деятельности «Попечительства» предусмотрены и мероприятия в сфере идеологической, и практическая работа.

«Попечительство» намерено принять участие в государственных программах, разрабатываемых Правительством, по налаживанию связей с соотечественниками в дальнем Зарубежье и оказанию помощи по их возвращении на Родину. В первую очередь, это содействие в вопросах легализации гражданского статуса, приобретения жилья и трудоустройства. Деятельность «Попечительства» предусматривает также решение вопросов медицинского обслуживания, социально-психологической и языковой адаптации, оказание правовой помощи, а для детей и молодежи — содействие в возможности получать образование в школах и университетах.

При участии «Попечительства о Нуждах Российских Репатриантов» создан Международный Детский Центр «Отрада». Основной задачей этого центра является создание учреждений и организация мероприятий, направленных на воспитательную, образовательную и оздоровительную работу с детьми, подростками и молодежью. В рамках деятельности Центра «Отрада» для детей российских эмигрантов организован детский летний лагерь Святого благоверного Великого князя Александра Невского, в работе которого предполагается использовать описанный в этой книге опыт существующих молодежных организаций «Витязей», «Соколов», «Скаутов», «Разведчиков—НОРР» и др. Но будет и своя специфика — акцент на православно-патриотическое воспитание: в лагере предполагается организовать музей древнерусского оружия, построить свою небольшую церковь и вселить в жизнь этого лагеря дух Православной Руси...

Фонд предполагает заниматься издательской деятельностью. Настоящая книга — один из проектов в рамках этой деятельности. К числу других проектов относится издание периодического журнала «Трибуна Русской Мысли». В журнале предполагается освещать исторические, социально-психологические, религиозно-философские, экономико-политические и другие аспекты развития Российского государства и Российской государственности.

В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева,
М.В. Назаров, А.В. Окороков

Эмиграция и репатриация в России

Редактор А. А. Бондарев
Художник Д. Е. Бикашов
Корректор Г. В. Грачева

Подписано в печать 05.07.01.
Гарнитура «Таймс ЕТ». Формат 60x90[1]/16.
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 5000.
Заказ № 2370.

Некоммерческая организация
Благотворительный Фонд
«Попечительство о Нуждах Российских Репатриантов»
Лицензия ИД № 04101 от 23.02.2001
Адрес: 101000, Москва, Покровский б-р, д. 8, стр.1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП «Зауралье»
640627, г. Курган